

СННТДАНОНМЕМАУАРЫПОДГРИФОМ
ДЗЕ5789N10V501M02N0<СЕКРЕТНО>N1ЕБН5789N1M0SC0E57

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

ПОБЕДА В ТАЙНОЙ ВОЙНЕ

1941-1945 ГОДЫ

Annotation

Книга генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова, одного из руководителей службы разведки и диверсий, которого с приходом к власти Н.С. Хрущева оклеветали как нежелательного свидетеля и на долгие годы вычеркнули из истории органов безопасности, рассказывает о неизвестных ранее эпизодах и секретных операциях советских разведчиков во время Великой Отечественной войны, о противодействии немецким спецслужбам, о ядерном шпионаже, о непростых отношениях разведок и контрразведок бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

- [Павел Судоплатов](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава 1. Канун войны](#)
 -
 - [Уязвимость внешней разведки накануне войны](#)
 - [Иерархическая пирамида](#)
 - [Ведущее направление — немецкое](#)
 - [Иностранцы-спецагенты](#)
 - [Где досье Рамона Меркадера?](#)
 - [Разделение спецслужб](#)
 - [Новые приоритеты](#)
 - [Три направления](#)
 - [Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении](#)
 - [Кто первым протянул руку?](#)
 - [Связь с Рузвельтом через Бенеша?](#)
 - [Не только торгпред, но и эмиссар](#)
 - [Дипломат и разведчик](#)
 - [Обвинен в двойной игре](#)
 - [Глава 3. Зимняя война на севере](#)
 - [Секретный диалог](#)
 - [Секретный зондаж Рыбкина](#)
 - [Уроки войны с Финляндией](#)
 - [Глава 4. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах](#)
 - [Соприкосновение с вероятным противником](#)
 - [Разразился скандал](#)
 - [На незнакомой территории](#)
 - [Януш Радзивилл](#)
 - [Между Москвой и Западом](#)
 - [Глава 5. События на Балканах](#)
 - [Беседы с послом Югославии Миланом Гавриловичем](#)
 - [Дверь для тайных переговоров открыта](#)
 - [Глава 6. Немецкие спецслужбы накануне войны](#)
 -

- [Кто руководил немецкой разведкой](#)
- [Немцы и «мусульманский фактор»](#)
- [Глава 7. О репрессиях в НКВД-КГБ. Мифы о заговорах в спецслужбах](#)
 -
 - [«Ежовые рукавицы» Сталина](#)
 - [Репрессии в органах безопасности после войны](#)
 - [Роковая ошибка Хрущева](#)
 - [Репрессии в КГБ после развенчания Сталина](#)
- [Глава 8. Когда начнется война?](#)
 - [Угроза и на Западе, и на Дальнем Востоке](#)
 - [Осмысление противоречивой информации](#)
- [Глава 9. Первые испытания](#)
 - [Напряженные дни](#)
 - [Группа В. Зуенко в тылу у немцев](#)
 - [Создание спецназа и его использование](#)
 - [О генерале армии Д. Павлове](#)
- [Глава 10. Особая группа](#)
 - [Противодействие натиску немцев](#)
 - [Создание резидентур и боевых групп на оккупированной территории](#)
- [Глава 11. Партизанская война на коммуникациях немцев](#)
 - [Осознание необходимости партизанских действий](#)
 - [Трудные задачи организации борьбы в тылу врага](#)
- [Глава 12. Битва за Москву](#)
 - [Спецназ начинает с обороны](#)
 - [Ложные цели для немецких самолетов](#)
 - [Партизаны-чекисты в Подмосковье, организация агентурного подполья в столице](#)
 - [Москва — особая охранная зона](#)
 - [Запасное помещение Ставки Сталина в Москве](#)
 - [Торжественное заседание на «Маяковской»](#)
- [Глава 13. Нефтепромыслы Баку под прицелом НКВД в битве за Кавказ](#)
- [Глава 14. Противоборство с немецкой разведкой. Радиоигры «Монастырь» и «Березино»](#)
 - [Зорге, «Красная капелла» в тылу гитлеровцев](#)
 - [Националистические формирования](#)
 - [Радиоигры с немецкой разведкой. Операции «Монастырь» и «Березино»](#)
 - [«Группа Шерхорна» на связь не вышла](#)
- [Глава 15. В глубоком тылу](#)
 -
 - [Легендарный Кузнецов](#)
- [Глава 16. «Калифорния в Крыму»](#)
 - [Еврейский вопрос во внутренней и внешней политике Кремля](#)
 - [Еврейский антифашистский комитет](#)
 - [Миссия Михоэлса по привлечению американского капитала](#)
- [Глава 17. Атомная бомба и советская разведка](#)

- - [Слухи о «сверхоружии»](#)
 - [Письмо Флёрва, будущего академика](#)
 - [Капица и Курчатов: создание атомной бомбы возможно](#)
 - [Группа «С»](#)
 - [Негласная солидарность ведущих физиков мира](#)
 - [«Директор резервации» о Манхэттенском проекте](#)
 - [Нильс Бор пришел на помощь](#)
 - [Первый взрыв на Семипалатинском полигоне](#)
 - [Правда о деле Розенбергов](#)
 - [Глава 18. Отношения с союзниками и Тихоокеанская война](#)
 - [Глава 19. Тегеранская, Потсдамская, Ялтинская конференции и НКВД](#)
 - [Глава 20. В роли нежелательного свидетеля](#)
 -
 - [Эффект Камо](#)
 - [Глава 21. Оклеветанный и реабилитированный](#)
 - [Как расправлялись с нежелательными для властей свидетелями](#)
 - [Владимирский централ](#)
 - [Борьба за реабилитацию](#)
 - [Дело политической конъюнктуры](#)
-

Павел Судоплатов

Победа в тайной войне, 1941–1945 годы

От автора

Предлагаемые воспоминания — плод не одного года. В них — моя жизнь. Я пишу лишь о том, что пережил, говорю о тех событиях как свидетель или непосредственный участник. Происхождение некоторых событий, их мотивы мне не всегда были понятны. Не принято было в той системе, в которой проходила моя профессиональная деятельность, быть откровенным, распахнутым. Во всем должна была соблюдаться сдержанность. Иногда я ничего не знал, что происходило в соседнем кабинете. Значение слов, сказанных как бы мимоходом Сталиным, Молотовым, Берией, Микояном, Маленковым и другими руководителями страны, я осознавал значительно позже, после важных событий, произошедших во внутренней жизни и на международной арене.

О значении того или иного человека, его личности, чертах характера судят по его делам. Точно так же можно судить и о государстве. Чем крупнее событие, происходящее во благо страны, тем державнее государство, тем значительнее его вес в мире. Почему до сих пор внимание миллионов людей приковано к одному из величайших событий XX века — Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? Да потому, что многие пружины, приведшие к победе советского народа в величайшей битве, долгое время были скрыты, неизвестны, о них знали лишь немногие. Только недавно стало известно о тайных операциях, которые проводили наши разведка и контрразведка нередко вместе с советскими дипломатами.

В последнее время в нашей печати появилось немало публикаций с воспоминаниями тех, кто называет себя либо очевидцами, либо участниками крутых поворотов в нашей истории, действий разведки и тайной дипломатии. В этих работах очень много наносного, выдуманных мифов и легенд. Особенно грешат ими те, кто по своему служебному положению в прошлом, как правило по линии ЦК КПСС, имели значительные возможности ознакомиться с секретными документами из архивов КГБ, МИД. Однако цитируются теми, кто открестился от прошлой партийной работы — В. П. Наумовым и А. Н. Яковлевым — документы всегда выборочно, не полностью. Таким образом, чтобы даже посмертно скомпрометировать неугодных лиц данными из фальсифицированных уголовных дел, утративших свое юридическое значение. По возможности, развеять их, снять ненужные наслоения — в этом тоже я вижу свою задачу. Это не простая миссия. Но она необходима. Чтобы точно оценить происшедшее, надо хорошо представлять себе подлинные мотивы акций Советского государства в критические периоды нашей истории, отбросив обывательские представления. Чтобы не делать в будущем ошибок, нужно глубоко знать подлинную подоплеку героики и трагедии прошлого. Истины простые, только не все следуют им. Оттого и рождаются мифы, возникают недомолвки, недосказанности да и просто вымыслы.

Ряд соображений об известных событиях должен стать известным лишь после моей смерти.

Глава 1. Канун войны

В 1939 году, после того как П. Фитина, молодого журналиста, пришедшего сразу на руководящую работу в органы НКВД, недавно окончившего ускоренные курсы разведывательной Школы особого назначения (ШОН), и меня назначили руководителем Иностранного отдела (внешней разведки), Берия, тогдашний нарком НКВД, счел нужным разъяснить нам основные направления наших государственных интересов в тайных взаимоотношениях со странами Запада. Его высказывания со ссылками на «указания тов. Сталина» резко контрастировали с официально провозглашенными на XVIII съезде ВКП (б) целями «советской внешней политики». Считаю нужным воспроизвести их по памяти.

«Не думайте, что ликвидация Троцкого может подменить трудную и важнейшую вашу задачу обеспечения по линии разведки важнейших акций советской внешней политики, — говорил Берия. — Надо научиться защищать методами агентурной работы наши позиции в местах, где у нас переплетены интересы с противником и где без тайного сотрудничества в силу ряда соображений ни англичанам, ни французам, ни американцам, ни японцам, ни немцам без нас не обойтись. И наша разведка должна сопровождать акции действия советской дипломатии, во главе которой поставлен В. Молотов».

И меня, и Фитина удивило, что Берия сказал о том, что наши послы и поверенные в делах в Чехословакии, Китае, Франции, Германии и США выполнили первую часть своей миссии — провели тайный зондаж намерений в сфере взаимных отношений с руководством Англии, Франции, США и Германии. «Мы нужны этим господам, — продолжал он, — поскольку передел господствующих позиций американцев, англо-французов, немцев и японцев в Европе, Китае и на Дальнем Востоке неизбежен в ближайшее время. Тов. Сталин считает, — говорил Берия, — что этот передел выльется в военное столкновение. Для вашей ориентировки имейте в виду, нам, в отличие от царских дуроломов в 1914 году, следует как можно дольше оставаться в стороне от схватки. Мы будем воевать только тогда, когда нам это будет выгодно. Эту задачу будут решать наши послы-резиденты Панюшкин и Уманский».

Во время этой встречи мы узнали, что наиболее глубоко тайный обмен мнениями происходил в Германии, Турции, Финляндии, Швеции, где советским послом была А. Коллонтай. И хотя Коллонтай, заметил Берия, «сочувствует разгромленной оппозиции», трогать ее мы не будем. Нам важно сохранить ее как участника тайных переговоров, уже имевших место. Имейте это в виду на ближайший год, отмечал нарком, независимо от тех материалов, которые на нее придут.

«Но определять содержание диалога с американцами о противостоянии японцам в этой стране, — продолжал Берия, — будет не Панюшкин, а Уманский, наш посол в США. Он же должен будет заниматься поддержанием особых отношений с Бенешем в Америке. Имейте в виду, — наставлял Берия, — что Уманский уже выполняет ряд обязанностей главного резидента НКВД во всей Америке. По Германии мы определимся особо позднее, так считает товарищ Сталин».

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала Советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашистско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызни, предательства военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не стал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

Что в этой ситуации моя судьба и мое имя? Его превратили в разменную монету в стремлении растоптать все наше прошлое, полностью зачеркнуть громадное военное и политическое наследие, которое дает материальные основы нынешней жизни страны. «Демократы» собственную грызню и борьбу за власть, передел собственности прикрывают лозунгами свободы, борьбы со сталинизмом и преступлениями КПСС. На щит поднимают террористов, подручных Гитлера — Коновальца, Шухевича, агентов-двойников, шпионов, перебежчиков, националистов, уничтоживших еврейское гетто в Литве, жертвами которых стали тысячи советских людей.

На этом фоне бесполезно апеллировать к руководству КГБ или СВР. Оно трусливо выжидает развития событий. Пресса, спекулируя на событиях трагичного прошлого, намеренно не замечает разнузданной волны уголовного и политического террора, которая захлестнула Россию и другие территории прежнего СССР. Оправдываться за пройденный путь мне ни к чему, да и не перед кем, особенно когда работу по реабилитации жертв политических репрессий возглавляет бывший член политбюро А. Яковлев, ставший академиком и доктором наук на лаврах идеологической борьбы с американским империализмом и к тому же в 1966 году явившимся соавтором сценария судебной расправы над «идеологическими врагами — клеветниками-антисоветчиками» Синявским и Даниэлем.

Для меня один выход — написать книгу-исповедь для широкой аудитории у нас в стране и за рубежом, чтобы зафиксировать навечно в качестве первоисточника те реальные героические и трагические испытания, которые выпали на нашу долю. Я хочу, чтобы люди поняли, что демонтаж нашей военной мощи, расхищение экономических ресурсов, дискредитация и ликвидация органов разведки, безопасности, охраны правопорядка обернутся бедствиями и нищетой для

миллионов.

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас выходит много различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, — каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике да и в литературе существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ВЧК после Гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях Гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление (ГПУ). Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого — подавление политической оппозиции и укрепление Советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ВЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В 30—50-е годы XX в. без соответствующего заключения ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом (КРО) ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилиссера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей считала главным направлением своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания Наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней

политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевойскового союза (РОВС). Он полностью был дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в 30-х годах по руководителям ОУНа и РОВСа, последовательно спецслужбы СССР лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

Уязвимость внешней разведки накануне войны

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов — полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, — были огромными, несопоставимыми с правами послов 40—50-х годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых Советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в Советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, Наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее Генерального секретаря, первый полпред СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в 20—30-е годы функционировали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной Армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи — нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный аппарат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце 20-х — начале 30-х годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени — соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем, например, судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной Армии, и И НО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с М. Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку.

После вскрытия предательства Я. Блюмкина М. Трилиссер был заменен старым чекистом С. Мессингом. В январе 1930 года его заместителем стал А. Артузов. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение 20-х годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела были признаны создание надежной агентуры, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-технического характера. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной Армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной Армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел ГУГБ НКВД, Разведуправление Красной Армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркоме внутренних дел (СГОН), которую возглавлял Я. Серебрянский («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. В 1935 году Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве научного сотрудника на правах заместителя начальника Учетно-регистрационного отдела.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной Армии руководил старший майор госбезопасности С. Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время подразделение в системе военной контрразведки, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е Управление НКВД — НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД— НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

Иерархическая пирамида

В канун войны произошло очень важное, но мало кем замеченное событие — персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях Советского государства: Сталине и Молотове. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за» и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача — поставлять руководству не анализ разведанных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД— НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством либо касались вербовки особо важных деятелей и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство Наркомата внутренних дел или Наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и Наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов — заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах, был единственным заместителем наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной Армии имел в отличие от начальника разведки НКВД — НКГБ в ряде случаев право самостоятельного выхода

на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД — НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями — Берией, Меркуловым и Кобуловым.

Ведущее направление — немецкое

Ведущими оперативными подразделениями в НКГБ накануне войны были: 1-е — Разведывательное управление (РУ), 2-е — Контрразведывательное управление (КРУ), 3-е — Секретно-политическое управление (СПУ) и Управление особых отделов. Военную разведку тогда осуществляло 3-е Управление Наркомата обороны СССР.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки (НКО) являлось немецкое.

Главной задачей в работе Секретно-политического Управления по-прежнему было разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и итальянской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая также считалась одним из главных наших противников. Отдел занимался также отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников — главным образом, действия спецслужб нейтральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое. Второе — связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье — нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синцззян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке. Агентурная разведка велась и в государствах Ближнего Востока.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что Контрразведывательное управление и Управление военной контрразведки, а также подразделение, отвечающее за обеспечение безопасности на транспорте имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило Главное Управление пограничных войск (ГУПВ) НКВД, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе.

Это смешение функций очень отчетливо проявилось в том, что информация, поступающая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, Управление пограничных войск в 1941 году вообще не входило в структуру органов госбезопасности. Это удлиняло сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся оперативная информация.

Весь объем информации спецслужб позволял сделать два однозначных вывода: во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником является Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий.

Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать на случай войны остатки антисоветских политических партий и организаций — основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с Советским государством.

Еще одно направление в работе СПУ имело первостепенное значение — не допустить вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных выступлений в поддержку немцев в нашем тылу, за исключением Прибалтики и Западной Украины, за период войны не произошло. По учетам НКВД, основные лица, которые потенциально могли сотрудничать с противником, были известны.

Тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служили свыше 400 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использования этой силы в массовом порядке против Советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годы. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника Иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Несколько слов о военной контрразведке. Первоначально 4-й (Особый) отдел ГУГБ НКВД, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков — выпускник Военной академии имени М. В. Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берия в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берия заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому

заявлению работала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении «врагов народа», и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений выдвинутым обвинениям. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности А. Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов и заместитель начальника 2-го (Контрразведывательного) управления НКГБ Н. Сазыкин. Бочков стремился «замять» это дело. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приобрело политическую окраску. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил А. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных военных округов. Однако реализовывать эту задачу было не просто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков — сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной Армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетельств так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной Армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник Отдела политических репрессий Администрации Президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское

руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов. По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной Армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызывала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существовала во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Л. Райхмана, П. Федотова, А. Михеева, нельзя не остановиться на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК — НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркомате внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркомате внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На завершающем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД — НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее безопасность на железнодорожных и водных коммуникациях, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил Секретнополитическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычайной работоспособности, имевший опыт работы не только в органах

государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радиоконтерразведка, возглавляемая А. Копытцевым, И. Шевелевым и В. Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них — В. Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из Наркомата внутренних дел. Наркомом стал Меркулов, первыми замами Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы с 1943 по 1945 год Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

Иностранцы-спецагенты

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее 20—30-е годы? Становление Советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной Армии, ИНО ОГПУ — НКВД и Особой группы Серебрянского.

Достаточно припомнить такие фигуры, как бывшего польского офицера И. Сосновского («Сверщ») в Контрразведывательном отделе ОГПУ, еврея из Трансильвании Я. Бодеско-Михали в КРО. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Малли («Манн»), словацкий еврей А. Дейч («Отто», «Ланг»). Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер — участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» — документов прикрытия для советских нелегалов в 30—40-е годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам — мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта — Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник Иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной Армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в 30-е годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки.

На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы.

После того, как Советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны по-другому.

Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Малли, погибший в 1938 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т. д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту.

Ни К. Филби, ни Д. Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гариссон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры.

Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в 30-е годы и которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу особого назначения (ШОН) внешней разведки. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппаратов военной разведки и органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдадут себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра.

Этот период начал завершаться при Артузове в середине 30-х годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по агенту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине 30-х годов связан был с заведением пространных дел. И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросать тень недоверия на такие важнейшие источники информации, как К. Филби, Д. Маклин, Г. Берджес, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки применительно к группе «Кембриджской пятерки», временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого и невозвращенца А. Орлова-Никольского, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом».

В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбежав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих

источников. Для любого специалиста, имеющего опыт разведывательной работы, является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджес лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой «Кембриджской пятерки» имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом — Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» — мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке, В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до 80-х годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

Где досье Рамона Меркадера?

В самый канун войны, по-моему, 16 июня 1941 года временно возглавлявший работу по эмиграции в нашем разведуправлении НКГБ года И. Агаянц вынес постановление о завершении операции в отношении руководства троцкистского Интернационала. Это было символично. Сталин и Берия ставили перед разведкой задачу к началу войны закончить операцию «Утка».

20 августа 1940 года Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого. Однако прошел почти год, прежде чем Н. Эйтингон, руководивший в Мексике этой операцией, и мать Рамона Каридад Меркадер-дель-Рио («Мать», «Клавдия») оказались в Советском Союзе, что дало возможность подвести итоги этой операции не по сообщениям агентуры, а в ходе личного обмена мнениями.

Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, а довести его до полного краха. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перейти на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии.

К ликвидации Троцкого наряду с группой «Мать» Эйтингон привлек проверенные кадры нашей агентуры из Испании, эмигрировавшей в Мексику. Там же в изгнании находилось республиканское правительство. Именно Эйтингон с большим риском для жизни провел операцию по выводу руководства испанских республиканцев и компартии весной 1939 года во Францию. При этом в дополнение к вывезенному в 1936 году испанскому золоту удалось эвакуировать из Барселоны значительные средства в валюте и драгоценностях. Они затем были использованы для поддержки испанской эмиграции и для создания конспиративного аппарата во Франции, Мексике и ряде стран Латинской Америки.

В 1940 году было принято решение об укреплении нелегальной работы в Америке. Иногда почему-то неправильно истолковывается период между 1939 и 1940 годами, как время прекращения разведывательной работы в США. Да, действительно, из США были отозваны И. Ахмеров («Бил») и его помощник Н. Бородин («Гранит»). Но одновременно туда был послан вместе с И. Григулевичем («Юзик») в качестве нелегала опытный разведчик, прошедший большую школу в боевом аппарате Особой группы Я. Серебрянского, только что восстановленный в кадрах разведки после ареста, Константин Кукин («Игорь»), особенно отличившийся в годы Великой Отечественной войны, причем на ее самых острых перекрестках. Именно Кукин, П. Пастельняк («Лука»), Г. Овакимян («Геннадий») в 1939, 1940 и 1941 годах заложили совместно с Эйтингоном и Григулевичем прочный фундамент для успешной деятельности нашей разведки на американском континенте.

После 20 августа 1940 года мать Меркадера вместе с Эйтингоном первоначально укрылись на Кубе, где у семьи Меркадеров были надежные

родственные связи. Григулевич, сменив документы, вынужден был уйти в подполье и легализоваться в США. Потом Каридад и Эйтингон также перебрались в США, вначале в Нью-Мехико, а затем в Сан-Франциско.

В 1941 году в США очень сильно ужесточился контрразведывательный режим. В то время мы получили важную информацию из американского Минюста и Федерального бюро расследований от источника, близкого к американским правительственным кругам, о том, что в США разработана целая программа профилактических мер по изоляции как пронацистских, так и прокоммунистических элементов в случае войны и введения чрезвычайного положения. Программу стали активно проводить в жизнь в связи с началом Второй мировой войны. Это была только часть крупных мероприятий, которые американцы затем осуществили в 40-е годы. Тогда были депортированы японцы и интернированы лица, связанные с немецкой нацистской колонией.

Наша агентура, в особенности группа «Дяди» в Калифорнии, имевшая прочные связи с негласным аппаратом КП США, оказалась в поле зрения американской контрразведки. Поэтому было принято решение о переброске Григулевича в Латинскую Америку, как говорили, на периферию, «в деревню». Тогда было две так называемых деревни: ближняя — это Мексика, дальняя — Канада. Но пребывание Григулевича в Мексике после ликвидации Троцкого было бы слишком рискованным. Наши связи среди испанских эмигрантов и актива профсоюзов были частично отслежены местной контрразведкой. Она, правда, не имея доказательств о причастности к убийству Троцкого, никого из подпольного агентурного аппарата не могла задержать, но часть группы Сикейроса все же была арестована местной полицией. Поэтому Григулевич с помощью сотрудников нашей резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке был переброшен в Буэнос-Айрес. Здесь его застигла война.

Когда Эйтингон и Каридад в конце мая 1941 года вернулись поездом Харбин — Москва, я встречал их на Казанском вокзале. По поручению Берии, который принял Эйтингона и Каридад вместе со мной у себя в кабинете, я представил для ЦК партии на полутора страницах рукописный отчет о ликвидации Троцкого. Берии, видимо, это необходимо было для доклада Сталину.

Почти за год до этого в августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я также направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон вернется домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, а также для оплаты его адвокатов.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

Досье «Утка» хранилось у меня в личном сейфе. Но после 20 августа 1940 года одновременно с докладом и рукописным рапортом все документы забрал Берия.

Затем дело «Утка» вообще изъяли из оперативного пользования. Только после ареста Берии, когда прокуратура заинтересовалась телеграммами, адресованными «Тому» (Эйтингону) от имени «Павла» (псевдоним Берии), мне стало ясно, что проверке подвергаются и эти материалы. Однако на этом путешествие досе не прекратилось. Оно не вернулось в разведку, а оказалось в общем отделе ЦК КПСС, а потом в Президентском архиве.

Когда Рамон попал в тюрьму, дважды поднимался вопрос о его побеге или о досрочном освобождении. Один раз при мне в 1943 году, второй — в 1954, почти десять лет спустя. Тогда речь шла об освобождении его под залог, даже продумывали ходы насчет взятки министру юстиции Мексики. Но когда начальник внешней разведки КГБ А. Панюшкин, как рассказывал мне один из ветеранов нашей нелегальной разведки, пошел вместе с ним докладывать председателю КГБ И. Серову об этих планах, тот их выгнал, сказав при этом, чтобы к нему не приставали со старыми сталинскими делами. Он собирался вообще закрыть это дело. Но сделать это было невозможно, поскольку оно находилось на контроле в ЦК партии и судьбой Рамона интересовалось руководство испанской компартии. По нему, во всяком случае так было при Сталине, существовала отчетность: о судьбе разведчика, находящегося в заключении, докладывалось высшему руководству.

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад Меркадер и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с орденами. Каридад и Эйтингон получили орден Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени. Такой орден был у меня уже вторым.

Приезд Эйтингона почти совпал с днем рождения моего старшего сына Андрея. Мы отмечали его на даче веселой компанией. Были Н. Мельников и Эйтингон с женами. На день рождения пригласили и Каридад. Она привезла нам в подарок большое китайское блюдо. При встречах и в беседах Каридад говорила о своем желании продолжить революционную борьбу. Но мы трезво оценивали ее возможности. По-прежнему в подвешенном состоянии находился вопрос о судьбе Рамона, и ее самопожертвование было для нас совершенно неприемлемым. Поселили ее в доме на Садовой улице, но чувствовала она там себя неуютно. Ее, конечно, можно было понять: хотя материально она и ее семья были обеспечены, обстановка в Советском Союзе не шла ни в какое сравнение с Западом, к которой она адаптировалась. Каридад мечтала о другой жизни. После приезда в Москву она встретилась с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. Была составлена большая программа ее ознакомительной поездки по Советскому Союзу, а затем отдых в Грузии.

На Рамона и его семью — на Каридад Меркадер, сестру Монсерат, братьев Хорхе и Луиса — были заведены в КГБ учетные карточки, по которым им выплачивалось денежное содержание. Для них это был единственный источник существования. С Луисом история особая. Он приехал в СССР в возрасте 15–16 лет, находился на моем личном попечении, окончил Московский энергетический институт, стал профессором. В годы войны он был в бригаде особого назначения, работал в Управлении по делам военнопленных в качестве переводчика при допросах пленных, хотя военнопленных из испанской «Голубой дивизии» было

мало. Другие родственники этой большой семьи жили за границей. Хорхе попал в немецкий концлагерь и был освобожден нами в 1945 году.

Луис после смерти Рамона переехал в Испанию, где получал пенсию как участник войны, льготы и денежное содержание, связанные с профессиональной деятельностью.

Каридад была единственной из сотрудников советской разведки, которая 9 мая 1945 года, как «Клавдия», получила персональную телеграмму от Берии за подписью «Павел» с поздравлением по случаю Дня Великой Победы, в которую она и ее дети, участвуя в антифашистском сопротивлении, внесли достойный вклад. Там же сообщалось, что Хорхе освобожден из фашистского концлагеря. Деша была вручена Каридад нашим резидентом в Мексике Г. Каспаровым.

До разведки, правда, с большим опозданием, в 1995 году, дошли письма Эйтингона, которые были подшиты в досье Рамона Меркадера. Адресовались они лично Ю. Андропову, Эйтингон писал, что из-за незаслуженно предвзятого отношения к нему недостаточно оказывается внимания Рамону, этому заслуженному работнику советской разведки, который тяжело болен и нуждается в медицинской помощи и поддержке. На письме резолюция Андропова: «Встреча с работниками показала, что внимание оказывается, нет оснований беспокоиться». И тем не менее, Наум Эйтингон до последних дней своей жизни проявлял о Рамоне трогательную заботу.

Кстати, в отношении всей этой эпопеи и судьбы Эйтингона имеются очень большие неточности и расхождения в публикациях. Когда мне позвонил Дмитрий Волкогонов и попросил прояснить ряд моментов, связанных с троцкистским движением, я обратился к председателю КГБ Владимиру Крючкову. Приехавшие сотрудники КГБ сообщили, что досье Меркадера исключительно скудное, в нем нет никаких данных об оперативной разработке, о его пребывании в Мексике, связях и т. д. Как оказалось, все документы прочно осели в личных архивах председателей КГБ, ходу им не давали. Поэтому даже те, кто опекал Рамона, были знакомы с его биографией в самых общих чертах. Закрытость способствовала распространению мифов о его семье, о том, что советские органы якобы держали «в заложниках его младшего брата и сестру», которые на самом деле проживали в Париже.

Получили также распространение сплетни о якобы интимных отношениях Каридад Меркадер и Эйтингона, о том, что будто бы на этой основе Рамон принял участие в операции по ликвидации Троцкого. Я несколько раз писал Волкогонову, интересовавшемуся этим делом, по поводу вздорности измышлений, запущенных в оборот перебежчиком Н. Хохловым. Ведь мало кто знает, что Эйтингон по делам троцкистов работал за рубежом с оперативной женой, старшим оперуполномоченным ИНО Александрой Кочергиной — «Шурой». И именно она привлекла к сотрудничеству с нами Каридад. Кочергина прекрасно знала и поддерживала отношения еще во Франции с Рамоном. Каридад и «Шура» дружили семьями и в Москве в 40-е годы. Измышления об «интимных» отношениях Эйтингона с семьей Меркадеров сознательно запускались и у нас, и на Западе с целью очернить этих незаурядных людей, внесших существенный вклад не только в ликвидацию злейшего врага Советского Союза, но и в борьбу с фашизмом в трудное

предвоенное время.

Надо отметить, что отношение к агенту, который честно выполнил свой долг, внимание к нему после того, как надобность в оперативном его использовании отпала — это исключительно деликатный вопрос. Мне рассказывали, как тяжело проходили встречи с Каридад Меркадер в Париже, когда в середине 50-х годов передавались деньги на поддержку ее семье. Наши оперативные работники, поддерживающие связь с семьей, зачастую были в неведении относительно всех обстоятельств, но интуитивно чувствовали, что судьба Меркадеров замыкается «на верхи». И надо отдать должное руководству КГБ в 60-е годы, оно свой долг, свои обязательства в целом выполнило. Несмотря на то, что мы с Эйтингоном в это время находились в заключении, Рамону 6 июня 1961 года была вручена Золотая Звезда Героя Советского Союза. Что же касается его трудоустройства, то, если бы не подключились товарищи из ЦК Испанской компартии, в частности, Луис Балагер и Долорес Ибарурри, возможно, ситуация с ним была бы достаточно сложной. По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибаррури Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где он вел творческую работу, связанную с историей гражданской войны в Испании.

Ко времени освобождения Рамона страницы истории гражданской войны и операций советской разведки в Испании стремились побыстрее закрыть. Интерес к испанским событиям возник лишь после 1964 года, когда стало ясно, что эра франкизма заканчивается и нужно думать о восстановлении наших позиций в этой стране. Однако именно в конце 60-х годов, как мне говорили ветераны нашей разведки, было принято решение отказаться от использования старого агентурного аппарата, контактов и связей. Причина была весомая: это история с испанским золотом и побег Орлова-Никольского, который уже давал показания в комиссии по антиамериканской деятельности. Приходилось считаться и с тем, что значительная часть агентуры, возможно, была американцами расшифрована.

Служба внешней разведки России провела в 1992–1994 годах активную операцию по публикации на Западе и у нас книги об А. Орлове-Никольском «Роковые иллюзии». В ней он выведен как герой, противник Сталина, не выдавший врагу известную ему советскую агентуру. У меня же все это вызывает, мягко говоря, скептическую реакцию, о чем неоднократно говорил сотрудникам СВР. Какая надобность перед молодым поколением работников разведки поднимать на щит перебежчика, укравшего у нашей разведки 60 тысяч долларов, что составляет сейчас примерно около миллиона долларов США. Вообще для любой спецслужбы вне зависимости от исторических условий ее деятельности крайне вредно для воспитания молодого поколения демонстрировать сочувственное отношение к любому перебежчику, какими бы мотивами и обстоятельствами это ни объяснялось. Любая разведка непримиримо относится к таким фактам. Авторы книги утверждают, что сотрудничество Орлова с американской контрразведкой было неискренним, что он не раскрыл важнейшую агентуру — «Кембриджскую пятерку». Она действительно не была им расшифрована, но только потому, что Орлов боялся быть привлеченным к ответственности за использование фальшивых американских документов, которыми он пользовался, контактируя с Филби. При этом по понятным

причинам он до конца отрицал свое участие в политических убийствах и терроре в Испании. Но американские-то спецслужбы, которым было все известно, закрывали на это глаза, ибо Орлов был нужен им в политической борьбе с Советским Союзом и его разведкой.

Орлов, безусловно, повел себя как предатель. В обмен на гражданство и роль консультанта он «сдал» американским полицейским органам важных агентов советской разведки в США, которые были задействованы в 1940-е годы. Станным мне кажется изложение разговора с ним сотрудника КГБ в США в 1960-е годы. Невозможно себе представить, чтобы он говорил Орлову о моей и Эйтингона реабилитации. Во-первых, это не соответствовало действительности, во-вторых, советским разведчикам было категорически запрещено в 1953–1990 годах обсуждать судьбу Судоплатова и Эйтингона, а также их работу с кем-либо из агентов или даже эпизодических контактеров за рубежом.

Закljučая эпопею «Утка», следует, однако, сказать, что, когда американские контрразведывательные и разведывательные органы активно занялись советской агентурной сетью в Мексике, они вышли на наши позиции и контакты с лидерами испанской эмиграции, Возможно, в какой-то мере это было связано с небрежностью работы нашего агентурного аппарата. Я же считаю, что в значительной степени это обусловлено предательскими действиями перебежчиков, указавших на наиболее очевидные контакты советской разведки с испанскими республиканцами, такими деятелями, как Идальго де Сиснейросом и Х. Эрнандесом — министром республиканского правительства, одним из основателей испанской компартии, на плечи которого легли все тяжести, связанные с эмиграцией в Мексике.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. Здесь жила в 1939–1942 годах его невеста, которая умерла от туберкулеза.

В Москве Меркадер был принят Председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза. Однако когда некоторое время спустя Меркадер попросил о встрече с новым руководителем КГБ В. Семичастным, ему было отказано.

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол», Ему и его жене предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Он получал деньги от ЦК и КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от А. Шелепина, а затем от В. Семичастного, чтобы Эйтингон и я были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед М. Суловым. Член Политбюро Сулов не был тронут этим заступничеством. Однажды в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер обратился лично к нему, Михаил Андреевич заявил: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Из тех, кто когда-то был связан с Меркадером по работе, единственным не подвергшимся репрессиям оставался Л. Василевский, хотя его и исключили из

партии. Он вступился за Меркадера — и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих осиротевших детей друзей Рапана: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и в разговоре со мной сказал:

— Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву. Вдова Меркадера пыталась связаться со мной, но в то время меня не было в Москве. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и в период гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин, да и мы не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имели под собой реальную почву.

Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу в 1990–1991 годах был нанесен именно группой бывших руководителей партии.

Первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата». Смертельную угрозу для сохранения режима советской власти всегда таила в себе опасность раскола правящей партии.

Сын Троцкого, Лев Седов (в оперативной разработке «Сынок»), носивший фамилию матери, находился под нашим постоянным наблюдением. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Мы располагали в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл М.

Зборовский (подпольная кличка «Этьен», он же «Тюльпан»). О нем подробно написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел нас на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это при помощи своего агента «Гарри», находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге «Троцкий» Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита. Доподлинно известно лишь то, что «Сынок» умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем С. Шпигельглаз, докладывая наркому Н. Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов, правда, комментировал сообщение словами: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» Шпигельглаз не собирался спорить с наркомом, который постарался приписать заслугу «убийства» Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда мы с Эйтингоном обсуждали у Берии план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе.

После ликвидации Троцкого часть агентуры, завербованной Эйтингоном, и другие привлеченные к его сети лица, действовавшие в Соединенных Штатах и Мексике, были законсервированы, и их использование могло быть осуществлено только с санкции Берии. Эта расширенная сеть агентуры впоследствии сыграла важную роль в выходе на круги ученых, работавших над американской атомной бомбой. Наши нелегалы с фальшивыми документами, не занимавшие никаких официальных должностей, обосновались в США еще в конце 20-х и начале 30-х годов. Их главной задачей было поступить на такую работу, где можно иметь доступ к научно-технической информации и военно-стратегическим перевозкам на случай войны с Японией.

Документы и отчеты по ликвидации Троцкого до сих пор хранятся в Президентском архиве и в личных архивах фондов Андропова и Берии. Часть этих бумаг вернули в разведку лишь в 1996 году.

В конце 20-х — начале 30-х годов Эйтингон и Серебрянский были посланы в Соединенные Штаты для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли нам пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и мы опасались предстоявшей войны с Японией.

Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с А. Ахмеровым, который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая. Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала «Амерэйша», которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтингоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии. Эйтингон и мой хороший друг Иван Винаров (советник по разведке при Георгии Димитрове в 40-х годах) вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов. Информация Зорге рассматривалась как довольно ценная на протяжении всех 30-х годов, правда, с оговоркой, что и немцы, и японцы считают его двойным агентом. Наш агент Вальтер Стеннес («Друг») — политический советник Германии при штабе Чан Кайши — часто встречался с Зорге в 1939–1941 годах. Он отмечал его широкую осведомленность об обстановке на Дальнем Востоке, не догадываясь о работе Зорге на Разведуправление Красной Армии, и подчеркивал прочные, солидные связи Зорге с немецкой военной разведкой.

В 1932 году Эйтингон покинул Калифорнию и возвратился в Советский Союз через Шанхай. Его назначили заместителем Серебрянского, но они не сработались, и Эйтингон перешел на руководящую работу в Иностранный отдел ОГПУ.

Во время обострения международной обстановки накануне вступления в войну Америки разведывательную работу по линии НКВД на Восточном побережье США возглавлял Г Хейфец («Харон»). Ранее он работал в Коминтерне. Его отец являлся одним из организаторов американской компартии. Хейфец лично знал многих видных американских коммунистов. Учитывая коминтерновский опыт, его направили в начале 30-х годов на работу в разведку НКВД. Он организовал нелегальные группы в Германии и Италии в середине 30-х годов, выступая в роли

индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза. В Соединенных Штатах в левых кругах он был известен как господин Браун.

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание о его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецом была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокого оседания», созданной Эйтингоном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Пёрл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас.

Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Виктору Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, — сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам.

Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявлялся американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин.

Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами. Однако в Сан-Франциско он проработал недолго. Виктор («Форт») был послан нами в качестве резидента-нелегала на немецкую военно-морскую базу в Николаев на Черном море. Ему удалось провести ряд диверсий на базе. Гестапо в конце концов захватило его и радиста группы. Лягин отказался бежать из тюрьмы, так как не мог оставить арестованного вместе с ним раненого радиста. Они были расстреляны. В 1944 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Оставшемуся в Сан-Франциско Хейфецу удалось, получив ориентировку от Эйтингона, выйти на внедренных им ранее двух агентов «глубокого оседания» — польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции. Оба они вели обычную, неприметную жизнь рядовых американцев: один — зубного врача, другой — владельца предприятия розничной торговли. Врач-стоматолог, известный лично

Серебрянскому, в свое время получил от нас деньги, чтобы окончить медицинский колледж во Франции и стать дипломированным специалистом. Оба этих человека были внедрены на случай, если бы их услуги понадобились нам, будь то через год или через десять лет. Потребность в них возникла в 1941–1942 годах, когда эти люди неожиданно оказались близки к коммунистически настроенным членам семьи Роберта Оппенгеймера — главного создателя американской атомной бомбы.

Разделение спецслужб

В феврале 1941 года произошло разделение НКВД на Наркомат госбезопасности и Наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же была передана в подчинение Наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения их из-под контроля одного человека — Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка.

Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан Наркому обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что К. Ворошилов — нарком обороны — мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров Наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация — наличие компрометирующих материалов и данных проверок руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информацией о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной Армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как Председатель Совета Народных Комиссаров.

В сентябре 1936 года НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены Политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т. д., представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до наркома обороны Ворошилова.

Только Сталин, а позднее Хрущев и Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступавшую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной Армии не стояли как приоритетные. После неудач в зимней войне с Финляндией руководство страны искало наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность Наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение — фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркому обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в Наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности — с территориальными и центральным аппаратом. Совет подчинялся

наркомом безопасности.

Военная контрразведка (3-е Управление) НКО сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было своих следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативного и слухового контроля у НКГБ. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не проработаны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД накануне войны было кратковременным — с февраля по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной наркомом обороны С. Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной Армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически.

И руководство страны — Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны — не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной Армии. Оглядываясь назад, можно предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале.

Надо, однако, сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-Воздушных Сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но и для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной Армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной Армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Известно, например, что Г. Жуков, находясь в подчинении у Г. Штерна в 1939 году, был в неприязненных с ним отношениях. Формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Я. Смушкевича, Г. Штерна, П. Рычагова и других руководящих работников Главного артиллерийского управления

Красной Армии были претензии к ним со стороны руководства Наркомата обороны.

Новые приоритеты

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Из-за закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров — поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей — находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему мне хотелось выделить — и правомерно — 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности? Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период, и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» — по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, некоторые другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны якобы быть нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке зондажных бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседуя с нашим послом Мерикаловым, он дал понять, что немецкая сторона отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим

департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле—мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германосоветского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеторговых операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через своего авторитетного представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что Советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был создан специально для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районах в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в

Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

Советская военная и политическая разведка, начиная с 30-х годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в 30—40-е годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу — использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

Три направления

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии — в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благожелательный нейтралитет наша страна была готова предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством в тайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление — чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женеьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях — подписания в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор неизвестно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной Армии против Сталина, предупредил Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза и о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать

чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтобы чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции Балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы он взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 годах в коридоре 7-го этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции — в Наркомат иностранных дел и НКВД. Какие же вопросы они обсуждали? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Заметьте, все это говорилось еще до того, как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «иностранный легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже было ясно, что она будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будут развернуты две — три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки.

Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственно что сделали — разоружили его. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему был какой-то особый интерес, а потому, что он был человеком Бенеша, а к людям Бенеша относились по указанию Сталина с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказание и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зависимости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения — Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной Армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Мерикалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Мерикалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде своей жизни в 1939 году.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в

значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза в 20—30-е годы опасалось, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для Советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «локальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции — поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т. д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия и Меркулов — с другой, стояли непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в 40—50-е годы. Эти два этапа советской политики за рубежом и людей, которые оказались причастны к ней, следует оценивать трезво.

Глава 2. Советско-германский пакт о ненападении

Кто первым протянул руку?

Бытует мнение, что Советско-германский пакт о ненападении якобы был обусловлен жестом Сталина, который выразился в смене Литвинова Молотовым в качестве наркома иностранных дел. Ходили и такие слухи, будто бы родственник Сталина Канделаки, работавший в нашем торгпредстве в Берлине, еще в 1935–1937 годах зондировал с гитлеровским руководством возможность нормализации советско-германских отношений. И на этой основе поддерживались неофициальные связи в области экономического сотрудничества и поиска общих интересов в сферах международной политики с Германией.

Очень часто этот пакт о ненападении изображают, абстрагировавшись от его значения. При этом не берется во внимание неизбежность урегулирования спорных вопросов передела мира, конфликтных ситуаций в международных отношениях в конце 30-х годов, не учитываются нюансы, связанные с моральными аспектами в практике международных отношений.

Но хотелось бы напомнить слова Черчилля о том, что в «истории дипломатических отношений западных держав, увлеченных западной демократией, легко проступает список сплошных преступлений, безумств и несчастий человечества... после самых тщательных поисков мы вряд ли найдем что-либо подобное такому внезапному и полному отказу от проводившейся пять или шесть лет политики благодушного умиротворения и выражению готовности пойти на явно неизбежную войну в гораздо худших условиях, в самых больших масштабах».

Я не собираюсь вдаваться во всю предысторию этих отношений, потому что в нашей литературе, особенно об истории разведки и дипломатии, все это довольно подробно описано. Но хотелось бы обратить внимание на следующее. Весной 1939 года (тогда я стал одним из руководителей внешней разведки органов безопасности) начался тот самый период, когда четко обозначился поворот всех ведущих держав мира в сторону определения своей позиции (взаимные договоренности, заключение тайных, открытых, любого вида сделок) в связи с войной, неизбежность которой была предрешена.

Американские, английские и советские правящие круги, используя свои разведывательные и дипломатические каналы, были наиболее осведомленными в сфере секретных контактов, которые завершились подписанием Пакта о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 года и началом 1 сентября 1939 года Второй мировой войны.

Немцы имели сильные выходы на правящие круги США, Франции, Англии, но не понимали секретных пружин американской и английской политики. Это происходило потому, что, по нашим агентурным данным, Гитлер переоценивал связи, которые у него были в окружении премьер-министра Англии Н. Чемберлена.

Успех Мюнхенского соглашения, решившего судьбу Чехословакии, вскружил ему голову. Он считал, что молчаливое согласие англичан по поводу оккупации и расчленения Чехословакии в марте 1939 года предопределяет их невмешательство в предстоящую войну, поэтому, недолго думая, заявил о своих претензиях к Польше.

Таким образом, традиционная линия в английской внешней политике — умиротворить Гитлера и направить его на Восток, была нарушена.

Упускается, однако, из виду, что тогда Гитлером еще не были определены сроки развязывания войны. Как следовало из наших агентурных материалов, 25 марта 1939 года он склонялся к тому, что возможно решение конфликта с Польшей мирным путем, но 29 марта его карты были спутаны, потому что Англия, проглотив заявление о занятии Чехословакии, неожиданно выступила с инициативой предоставления гарантий Польше. Сразу же у тех, кто был у руля европейской внешней политики, возник вопрос: чего будут стоить эти гарантии, и именно после этого начинался известный раунд советско-англо-французских консультаций.

Информация, полученная от «Наследника», очень надежного источника, помимо «Кембриджской пятерки», а также материалы, предоставленные небезызвестным банкиром Виктором Ротшильдом, проходившим в нашей оперативной переписке под псевдонимом «Джек», подтверждали, что советско-германский пакт о ненападении не стал сдерживающим фактором для Англии и Франции, на что рассчитывал Гитлер.

Было очевидно, что, несмотря на существующее прогерманское влияние в английских правящих кругах, Англия не пойдет на компромисс в отношении Польши, а значит, ввяжется в войну. Пакт же с СССР для Гитлера являлся передышкой. Что же касается Польши, то он, опираясь на реальные боевые возможности вермахта, рассчитывал на молниеносный ее разгром.

Феномен «странной войны», которая развернулась на Западе с 3 сентября 1939 по май 1940 года, был не чем иным, как успешной реализацией немцами плана предотвращения полномасштабной войны на два фронта, поскольку германские вооруженные силы не были к этому готовы. Этим и объясняется линия Гитлера на мирные экономические отношения с Россией.

Очень часто Сталину приписывают инициативу договориться с Гитлером. На самом же деле Гитлер первым начал прощупывать позицию Советского Союза еще весной 1939 года, когда внешнеполитическое ведомство возглавлял М. Литвинов. В этой связи следует выделить два направления деятельности нашей внешней разведки, которые связаны с именами начальника отделения ИНО по Турции и Ближнему Востоку В. Хангулова и заместителя начальника ИНО Н. Мельникова. У них концентрировались материалы по первым зондажным подходам немецких дипломатов к официальным советским представителям.

Весной 1939 года мы получили первые сигналы из французской резидентуры об изменениях в польско-французских отношениях как традиционных союзников. Французские правящие круги, сообщил наш агент, завербованный еще Серебрянским и работающий в канцелярии премьер-министра Франции Деладые, очень раздражены зигзагами и шараханьем в польской внешней политике и что ее министр иностранных дел Бек не пользуется у них серьезным доверием.

Таким образом, еще весной 1939 года мы были осведомлены о том, что польско-французские и польско-английские отношения находятся в подвешенном состоянии. И следовательно, тот зондаж, который был начат с нами о содружестве и

гарантиях западных держав в отношении Польши, когда Гитлер выступил с открытыми территориальными претензиями к ней, уже воспринимался нами очень сдержанно.

В то же время Польша изъявляла гораздо большее желание договориться с Гитлером об урегулировании возникшей ситуации. В связи с этим мне вспоминается совещание в кабинете начальника ИНО Фитина относительно сообщений, поступивших из Турции, на котором присутствовал и Хангулов.

Как только германское посольство в Турции возглавил фон Папен, он поставил ряд острых политических вопросов перед нашими представителями. Мне пришлось этим серьезно заниматься, потому что, с одной стороны, наш посол сообщал о беседах, которые у него были с Папеном, с другой — в то время как резидентура ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве — главной целью Папена было добиться в любом варианте неофициальной встречи с заместителем наркома иностранных дел В. Потемкиным, который находился тогда в Турции. Сейчас почему-то недооценивают значение этих событий.

Надо сказать, что в то время у нас с Турцией складывались особые отношения: через эту страну прорабатывались довольно деликатные вопросы связей СССР со странами Запада. Турецкое руководство стремилось играть роль неофициального посредника между Советским Союзом, Англией и Германией в обсуждении спорных проблем.

Сообщение нашей резидентуры о том, что немцы просят турок через свои связи в Москве выйти на кремлевское руководство, пришло почти одновременно с информацией о беседе, которую имел наш посол в Турции А. Терентьев с фон Папеном.

Помнится, Хангулов и Мельников докладывали эти материалы Фитину, а потом и Меркулову. Интересно, что запись беседы посла СССР в Турции Терентьева с Папеном вел сотрудник Иностранного отдела НКВД, работавший под прикрытием в посольстве. Немецкое руководство посредством Папена ставило перед нами весьма важные вопросы. Они касались политики на Балканах, будущего стран Восточной Европы, стабилизации обстановки на Кавказе и в Иране.

Вторая беседа Терентьева с Папеном состоялась уже по инициативе советской стороны. Обсуждался вопрос, касающийся урегулирования конфликта Германии с Польшей. При этом Папен был довольно сговорчив. Но вместе с тем он излагал концепцию Германии о ее обязательном присутствии на Балканах и необходимостью установления новых отношений с СССР.

Папен неоднократно повторял, что между Советским Союзом и Германией нет никаких неразрешимых противоречий, которые бы препятствовали их сближению, что нужно строить отношения совершенно по-другому, на новых основах. В шифровках содержались даже высказывания, касающиеся идеологических разногласий, что их надо оставить в стороне и вернуться к былым бисмарковским временам дружественных отношений между Россией и Германией.

Должен откровенно признать, что, несмотря на эти материалы, мне и в голову не могло прийти, что вскоре, всего через три месяца, будет подписан важнейший

договор с Германией о ненападении и экономическом сотрудничестве. Я тогда не понимал, что соображения Папена перекликались с тезисом, который Сталин высказывал еще на XVII и на XVIII съездах партии в своих отчетных докладах, — о разграничении идеологических противоречий и необходимости поддержания соответствующих межгосударственных отношений.

Таким образом, становилось очевидным, что советское руководство, давая директивы Терентьеву на дальнейшее прощупывание позиций Папена, рассматривало его не просто как посла, а как бывшего канцлера, руководителя немецкого правительства. Было ясно, что по собственной инициативе Папен не мог делать подобных заявлений (подтверждение этому мы получили из Берлина) и что он направлен Гитлером в Турцию послом с широкими полномочиями. В его задачу входило превратить Турцию в нейтральную важнейшую страну, мощную буферную зону, через которую следует прощупывать все возможные повороты в ближневосточной политике.

Сейчас много говорят о тайных советско-германских переговорах, о секретных протоколах, пытаются утверждать, что в одночасье был потерян шанс на достижение соглашения с западными державами, что Сталин предпочел договоренность с немцами отношениям с англичанами и французами. Это абсолютно не так. Буквально через две недели зам. наркома иностранных дел В. Потемкин оказывается вовлеченным в секретные переговоры с англичанами, которых также интересовали позиции советского правительства по мирному сотрудничеству.

И наконец, примерно в то же время, когда Потемкин беседовал с английским послом в Турции, проходила историческая встреча в Москве Молотова с немецким послом в СССР Шуленбургом, который ставил вопрос об улучшении советско-германских отношений. Шуленбург вел разговор об экономическом соглашении, но Молотов ответил, что экономическим переговорам должна предшествовать соответствующая политическая база и что советская сторона заинтересована в получении конкретных разъяснений в этой области. Противоречия между Германией, Англией и Францией активно втягивали СССР в самые узловые проблемы международных отношений. Внешнеполитическая деятельность Советского Союза постепенно приобретала судьбоносное значение для будущего Европы и мира.

В августе 1939 года объем разведывательной информации резко возрос. Мы получили достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпадало с данными, полученными нами тремя или четырьмя годами раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее, Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон рассматривали возможность тайного соглашения с Гитлером для оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта.

Полученные директивы обязывали нас быстро рассмотреть возможные

варианты сотрудничества со странами, готовыми подписать соглашения о противодействии развязыванию войны. Речь шла не только об Англии и Франции, с которыми велись консультации с начала 1939 года, но также и о Германии. В Германии за мирное урегулирование отношений с Советским Союзом выступали в среде влиятельных военных лишь выходцы из Восточной Пруссии.

Рассматривая в соответствии с полученными директивами альтернативные варианты (или соглашение с англичанами и французами, или мирное урегулирование с Германией), я не мог даже представить, что экономические переговоры завершатся пактом о сотрудничестве Берлина и Москвы. Когда меня информировали о предстоящем прибытии министра иностранных дел Германии в Москву 23 августа 1939 года — всего за несколько часов до того как это произошло, — я был удивлен. После прибытия Риббентропа и последовавшего через тринадцать часов подписания Пакта о ненападении (это событие произошло в Кремле в два часа ночи 24 августа), стало ясно: принятое решение готовилось заранее.

Стратегической целью советского руководства было избежать любой ценой войны на два фронта — на Дальнем Востоке и в Европе. Такая линия дипломатических отношений, не привязанных к идеологическим соображениям, установилась еще с 20-х годов, когда Советский Союз осуществлял экономическое сотрудничество и поддерживал нормальные отношения с Италией после прихода к власти в 1922 году фашистского режима Бенито Муссолини. Кремлевское руководство было готово к компромиссам с любым режимом при условии, что это гарантировало безопасность Советскому Союзу. Для Сталина и его окружения воплощение в жизнь их геополитических устремлений преобразовать Советский Союз в мощнейшую державу мира всегда было приоритетом номер один во внешней политике.

Страна получила возможность более или менее стабильно развиваться лишь после завершения коллективизации в 1934 году. До этого мы пережили последовательно гражданскую войну, голод, разруху. И лишь к середине 30-х начала приносить свои плоды индустриализация. Растущая мощь государства была продемонстрирована в успешных военных действиях против Японии в Монголии и Маньчжурии. Хотя страна установила дипломатические отношения со всеми ведущими державами мира, нас, тем не менее, держали в изоляции, что наглядно проявлялось, когда мировые державы не допускали Советский Союз к участию в решении кардинальных мировых вопросов, от которых зависели их интересы. Все соглашения по Европе и Азии принимались западными странами и Японией в ущерб интересам Советского Союза. Англо-германское соглашение 1935 года, признававшее перевооружение немецких военно-морских сил, и последующие соглашения между ведущими державами мира по оснащению современными видами оружия своих флотов, даже не упоминали Советский Союз.

Французская и английская делегации, прибывшие в Москву летом 1939 года, чтобы прозондировать почву для создания возможного союза против Гитлера, состояли из второстепенных фигур. Таким образом, политика Сталина по отношению к Гитлеру основывалась на правильном соображении, что враждебность

западного мира и Японии к советскому строю делает изоляцию СССР от международного сообщества постоянным фактором.

Оглядываясь назад, нельзя не прийти к выводу, что все три будущих союзника по антигитлеровской коалиции — СССР, Британия и Франция — виноваты в том, что позволили Гитлеру развязать Вторую мировую войну. Взаимные неприязнь и противоречия — вот что помешало достижению компромисса между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой. Компромисса, который бы позволил сообща остановить агрессию Гитлера против Польши. Историки Второй мировой войны почему-то упускают из виду, что англо-франко-советские переговоры в 1939 году были начаты фактически по инициативе президента США Франклина Д. Рузвельта. Дональд Маклин, наш агент в британском МИДе, сообщал, что Рузвельт направил своего представителя к британскому премьер-министру Чемберлену с предостережением: господство Германии в Западной Европе было бы губительным для интересов как Америки, так и Британии. Рузвельт побуждал Чемберлена для сдерживания Гитлера вступить в переговоры с европейскими союзниками Великобритании, включая и Советский Союз. Наши источники сообщали, что британское правительство с явной неохотой отнеслось к американской инициативе, так что Рузвельту пришлось оказать на британцев нажим, чтобы заставить их все-таки «пойти на переговоры с Советами» по выработке военных мер для противостояния Гитлеру.

Тем не менее, быстрота, с какой был подписан договор о ненападении с Гитлером, поразила меня: ведь всего за два дня до того, как он был подписан, я получил приказ представить справку об экономических интересах Германии в будущем торговом соглашении с нами.

Я ничего не знал о протоколах Пакта Молотова — Риббентропа, но вообще такого рода секретные протоколы самая обычная вещь в дипломатических отношениях, затрагивающих особо сложные вопросы. Накануне войны британское правительство подписало секретные протоколы с Польшей — в них речь шла об оказании военной помощи Польше в случае войны с Германией. В 1993 году, например, один немецкий еженедельник опубликовал секретные протоколы и запись конфиденциальных бесед между Горбачевым и канцлером Гельмутом Коелем, состоявшихся накануне воссоединения Германии. И сейчас, читая секретные протоколы Пакта Молотова — Риббентропа, я не нахожу в них ничего тайного. Директивы, основанные на подписанных соглашениях, были весьма четкими и определенными:

о них знали не только руководители разведки, но и военное руководство и дипломаты. Фактически знаменитая карта раздела Польши, приложенная к протоколам 28 сентября 1939 года, появилась на страницах «Правды», конечно, без подписей Сталина и Риббентропа, и ее мог видеть весь свет.

В 1990 году М. Горбачев и А. Яковлев устроили широкую дискуссию по поводу Советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Поражает фарс организации слушаний по этому вопросу на Съезде народных депутатов. В критические периоды мировой истории тайная дипломатия и секретные протоколы — неизбежные атрибуты внешней политики.

В отличие от рядовых парламентариев, и Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, в то время тайно договаривавшиеся с руководством США, Англии и Германии о кредитах, займах в обмен на уход СССР из Восточной Европы, прекрасно отдавали себе в этом отчет. Вся возня вокруг секретных протоколов к советско-германскому пакту была затеяна весьма искусственными в делах тайной дипломатии людьми с целью отвлечь внимание общества от собственных провалов во внешней политике, от односторонних, ничем не оправданных стратегических уступок западным державам. Ничем, кроме тупоумия и профессиональной некомпетентности нельзя объяснить их расчеты на то, что в обмен на внешнеполитические уступки и одностороннее прекращение «холодной войны» страны Запада экономически помогут возрождению «демократии» в СССР. За всем этим, по-моему, скрывалась наивная вера, что Запад поможет Горбачеву в условиях кризиса в Советском Союзе удержаться у власти.

Связь с Рузвельтом через Бенеша?

Летом 1939 года активизируется деятельность нашей агентуры в США. В новом повороте советской политики сыграл большую роль К. Уманский, который, будучи послом в США, одновременно выполнял там функции главного резидента советской разведки после отзыва в 1938 году работников НКВД и Разведупра Красной Армии. В нашей переписке он значился как «Редактор».

По указанию Москвы Уманский установил личные тесные связи с президентом Чехословакии Бенешем, находящимся в изгнании в США. При этом Бенеш выступал в качестве посредника между Рузвельтом и советским руководством. Этот факт у нас, к сожалению, должным образом не освещался. А он, между прочим, заслуживает серьезного внимания. Встречаясь с Уманским, Бенеш излагал позицию Рузвельта по ряду узловых проблем развития обстановки в Европе. О переговорах и встречах с Бенешем Уманский докладывал наркому иностранных дел Молотову и НКВД. Иногда его сообщения с резолюциями Берии или Меркулова направлялись Фитину и мне.

Несмотря на то, что Бенеш оказался в эмиграции, а Чехословакия была оккупирована, он считал своим долгом регулярно продолжать работу по поддержанию секретных советско-чехословацких отношений. Даже в трудное для себя время он очень ответственно подходил к выполнению взятых перед нами обязательств. Так, в сентябре 1938 года в самый канун своего бегства из Чехословакии Бенеш дал указание чешскому военному концерну, выполнявшему заказ на изготовление оружия для республиканской Испании, перечислить 1,5 миллиона фунтов стерлингов, полученных от СССР, на счет советского коммерческого банка в Париже. В то время заказ этот уже невозможно было выполнить, поскольку создалась реальная угроза оккупации Чехословакии.

Средства же эти в счет депонированного в 1936 году испанского золота сыграли большую роль при выведении республиканского актива из-под удара фашистов на заключительной стадии гражданской войны в Испании.

При встрече с «Редактором» Бенеш сообщил, что его европейская, в том числе и агентура в Германии, подтверждает ранее переданные данные о планах Гитлера, не дожидаясь конца сентября осуществить захват Данцигского коридора, а затем нанести удар по Польше. Он назвал три направления главных ударов и концентрации немецких войск, которые впоследствии полностью подтвердились. Это бросок из Восточной Пруссии на юго-запад, затем на Познань и операции в Верхней Силезии.

Расчет немцев, по информации Бенеша, сводился к тому, что для англичан и французов их маневр будет неожиданным, поэтому они отреагируют не сразу. Используя их растерянность и отсутствие договоренности с Советским Союзом, операцию можно будет продолжить в течение двух — трех недель, после чего открыть «очередное мирное наступление» на англо-французов и добиться, как с Испанией, их невмешательства. Далее Германия должна была двинуться на юго-восток. Если расчет на англо-французское невмешательство не подтвердится, немцы

планируют осуществить воздушное нападение на Англию. По сведениям Бенеша, первыми жертвами юго-восточного этапа агрессии станут Греция, Албания и Хорватия. Первоначальные планы восстания и интервенция в Добрудже (Румыния) заморожены.

Бенеш сообщал и об интенсивном давлении немцев на Польшу, требующих не допустить присутствия на их территории чехословацких формирований и выдать им наиболее видных из перебравшихся в Польшу чешских военных. Бенеш отметил, что в случае ожидаемых им событий он даст сигнал к развертыванию движения сопротивления в Чехословакии.

Вообще Бенеш всегда ориентировался на установление доверительных отношений с советским руководством. При этом он стремился соблюдать своеобразную конспирацию. Его помощник Яромир Смутны, которому мы платили немалые деньги, не оформлял подробности бесед Бенеша с советскими представителями Уманским в США и Майским в Англии. Бенеш справедливо полагал, что записи его бесед попадут в руки американцев и англичан. Поэтому устные договоренности 1938–1939 годов скрывались вплоть до 1945 года, когда они были оформлены договором о передаче Закарпатской Украины Советскому Союзу.

Другое сообщение Уманского было адресовано только Сталину, Молотову и Берии. В нем ставился поднятый Бенешем вопрос о советском содействии в формировании чехословацкого легиона на территории Польши, о новых формах сотрудничества советской и чешской разведок в рамках московского соглашения 1935 года. Уманский информировал, что Бенешем, даны указания прибывшему в Лондон полковнику Моравцу, руководившему чешской агентурой, установить рабочие связи с представителем советской военной разведки в Лондоне.

Вся эта информация опровергает безответственные утверждения о том, что советско-германское соглашение о ненападении было экспромтом Сталина и Молотова.

Впоследствии полковник Моравец поддерживал связь с нашим послом в Лондоне Майским, военным атташе, а позднее и резидентом НКВД. Бенеш во время встреч с Майским обсуждал планы участия Чехословакии в создании Восточного и Западного фронтов против Германии в случае ожидаемого начала войны.

Надо сказать, что американские и английские правящие круги отдавали себе отчет о двойной роли Бенеша. Например, Черчилль после возвращения Бенеша из США в Англию напрямую спросил его, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?» Практически через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. Это совершенно не исследованный, но достоверный факт в истории нашей разведки и дипломатии.

Благодаря Бенешу нам впервые стало ясно и другое: идти на заключение соглашения с английскими и французскими правящими кругами в условиях разногласий между ними по поводу сближения с Советским Союзом и о возвращении к идее коллективной безопасности в Европе, бесперспективно. Такая

ситуация подстегивала наше руководство к поиску эффективного политического решения. И разумеется, в поисках его никто не был озабочен соображениями абстрактной морали. Для нас, что необходимо подчеркнуть, никогда не означали какой-либо общей заинтересованности в мировой революции. Мы четко представляли, что победа мировой революции может быть осуществлена только на основе укрепления материального могущества Советского Союза. И ради этой цели, ради укрепления нашей страны перед нами не стояло вопроса о том, кого использовать.

Почему узел вокруг отношений с Уманским приобретает очень важное значение в период первого этапа зондажных переговоров с немцами в начале лета 1939 года? Дело в том, что Уманский имел постоянную тесную связь с министром финансов США Генри Моргентау, правой рукой президента США Рузвельта. А одним из главных консультантов Моргентау был помощник министра, член негласного аппарата компартии США Гари Декстер Уайт, он же «Кассир» в нашей переписке. Под прикрытием урегулирования с советским послом вопросов задолженности, признания царских долгов Моргентау и Уайт зачастую в неформальной обстановке передавали советской стороне исключительно ценную внешнеполитическую информацию об отношении правящих кругов США к развязыванию войны в Европе и японской агрессии на Дальнем Востоке.

Любопытна и роль Рузвельта в этом неформальном неофициальном диалоге. Он был предельно откровенен с Бенешем, не скрывал от него своей двойственной позиции, что не собирается использовать имеющиеся у него рычаги воздействия на англичан и французов. Например, он откровенно говорил о своей заинтересованности в успехе наших переговоров с англичанами и французами, употребляя в то же время крепкие выражения в их адрес за непоследовательность.

Помимо этого Уманский встречался и с другим важным источником информации — «шестым» членом «Кембриджской семьи», крупнейшим миллионером и выходцем из влиятельного семейства Майклом Стрейдом («Нигель»). Работая в Госдепартаменте и входящий в семью Рузвельта, а позднее в семью президента Джона Кеннеди, он представлял исключительно важную информацию и мотивацию действий американских правящих кругов. Стрейд в 60-е годы после покаяния своего коллеги — члена «Кембриджской пятерки» Энтони Бланта также признался в связях с советской разведкой, в частности с нелегалом И. Ахмеровым. Позднее он отошел от политической деятельности.

Интересна и история его вербовки. Он был привлечен к сотрудничеству нашим закордонным агентом, выпускником Колумбийского университета И. Огинсом, который в 30-е годы активно работал в Кембридже с будущими ценнейшими советскими агентами 40-х годов. В отличие от своего напарника С. Дейча Огинс по прибытии в Советский Союз в 1939 году был по показаниям репрессированных разведчиков арестован и осужден. Но в дальнейшем, к сожалению, он стал на путь предательства. В 1941 году связался с поляками, освобожденными по амнистии из наших лагерей, и переправил через них покаянное письмо в американское посольство в Москве, где открыто признал свое участие в разведывательных операциях в США, Англии и Китае. Это и решило его судьбу в 1947 году, когда

американское правительство потребовало его выдачи в связи с истечением назначенного ему срока заключения.

В 1938–1939 годах мы получали через Бенеша и Уманского четкую информацию помимо той, которая шла из Англии, о нежелании правящих кругов Англии и Франции договариваться с нами об отпоре фашистской агрессии. Таким образом, зная об этой двойной игре стран Запада, советской дипломатии ничего не оставалось, как вести одновременно переговоры и с англо-французской и германской сторонами.

Мы имели также проверенную информацию о двойственной, а точнее, антисоветской позиции Польши, стремившейся спровоцировать военное столкновение Германии и Советского Союза.

На потепление отношений с Германией заметно повлиял один эпизод, связанный с освобождением из испанского плена группы моряков из экипажа нашего корабля «Комсомолец», потопленного немцами, или фалангистами, и капитана другого корабля — «Цюрупы». В это активно была вовлечена разведка НКВД. Мы обратились к немцам с просьбой посодействовать в освобождении моряков, в чем они нам не отказали.

Надо сказать, что улучшение наших отношений с Германией произошло на фоне крупномасштабного конфликта СССР с Японией в мае — августе 1939 года. Именно в период напряженных боев, когда исход сражения на Халхин-Голе был еще не решен, немцы выступили с очень важным заявлением о том, что нам не следует переоценивать угрозу перерастания военного конфликта на границах Монголии в большую войну. И предложили свою помощь в урегулировании советско-японских отношений. Для достижения компромисса по этому вопросу, считали они, Советскому Союзу необходимо поддержать Китай. Молотов вначале отмолчался по этому поводу. Но немцы дали понять, что осложнение отношений между Англией, США, Францией и Японией — это существенный повод, не способствующий вовлечению СССР в войну с Японией, которая слишком увязла в Китае. При этом нам доверительно сообщили, что не кто иной, как Иахим Риббентроп, министр иностранных дел Германии, провел беседу с японским послом Осимой в Берлине и высказался в пользу нормализации отношений между Германией, СССР и Японией.

В критический для нас момент, еще до победы на Халхин-Голе, благодаря немцам мы узнали о серьезнейших противоречиях и разногласиях между японским послом в Берлине Осимой и его японским коллегой в Москве — Того. По линии НКВД Советское правительство получило подтверждение этой информации. Наша радиоконтрразведка и агентура контролировали переписку между посольством Японии в Москве и японским МИДом. Символично, что Сталин и Молотов именно из этого, второго источника получили подтверждение, что японский посол в Москве, который со временем стал министром иностранных дел Японии, занимает позицию мирного урегулирования советско-японских отношений. Это была очень важная информация, поскольку военные события на Дальнем Востоке связывали руки советскому руководству в довольно сложной ситуации со стороны Запада.

Не только торгпред, но и эмиссар

В зарубежной литературе публиковалось много материалов о тайной миссии Давида Владимировича Канделаки, торгпреда СССР в Берлине в 1935–1937 годах. Высказывались предположения, что он имел поручение прощупать позицию немцев на предмет улучшения отношений с нами. Канделаки был известен на Западе как крупная фигура, занимающаяся не только внешнеполитической деятельностью. До этого он был торгпредом в Швеции, работал с полпредом Коллонтай, был вхож в круги, близкие к Сталину, возможно, лично с ним встречался.

Однако роль Канделаки неправомерно преувеличивается. Перед ним ставилась задача сохранить с Германией экономические отношения, установленные в 20-е годы. Именно по этой причине Канделаки встречался с верхушкой немецких финансово-промышленных кругов. В наших архивных документах остались некоторые следы его связей. Об этом мне говорил Л. Безыменский, наш крупнейший историк советско-германских отношений.

Надо отметить, что судьба Канделаки сложилась трагично. Но трагичной оказалась судьба всех людей, занятых в неофициальных переговорах об улучшении российско-германских отношений. Канделаки был принесен в жертву в связи с тем, что кремлевская верхушка стремилась всячески отмежеваться от тех, кто знал о нашей большой заинтересованности в экономических отношениях с западными развитыми странами независимо от их политического строя. Канделаки фактически был одним из свидетелей конкретной линии советской политики, проводимой людьми среднего номенклатурного уровня, вне высшего политического руководства. Кому-то было дозволено об этом знать, а кто-то оказался вовлеченным в эти операции, не будучи сотрудником спецслужб, но находясь на дипломатической работе или занимаясь внешнеторговой деятельностью.

Канделаки оказался как бы попутчиком в исполнении специальных поручений. И поскольку информация о его контактах с министром финансов, крупнейшим банкиром нацистов Я. Шахтом всплыла в Германии, в западной прессе, то судьба Канделаки была предрешена. Он был объявлен немецким шпионом и расстрелян в 1938 году, хотя никаким шпионом не был. Это было сознательное преступление советского руководства, которое таким образом заметало следы.

Вместе с тем важно отметить и другое. Личные высказывания Шахта о заинтересованности влиятельных финансово-промышленных кругов Германии в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, подтвержденные по линии разведки, способствовали тому, что у Сталина и Молотова родилась иллюзия о возможности длительного мирного сосуществования с Германией на почве экономических связей. Такие люди действительно были в Германии, но, как выяснилось вскоре, их экономическое и политическое влияние на Гитлера оказалось, к сожалению, не столь значительным.

Дипломат и разведчик

Второй жертвой тайных контактов, преследовавших осуществление намерений влиятельных немецких кругов, стал Марсель Розенберг, первый координатор работы Разведупра и Иностранного отдела ГПУ, наш временный поверенный в делах во Франции, позже, заместитель Генерального секретаря Лиги Наций и первый советский посол в республиканской Испании. В истории нашей дипломатии он, к сожалению, совершенно обойден вниманием. А ведь именно Розенберг обеспечил работу по завершению подписания Советско-французского пакта о взаимопомощи в 1935 году. Он блестяще справился с поручением разведать у французского банкира Танери о реальных намерениях Германии, которая вынашивала планы поделить с Польшей советскую Украину.

Розенберг сыграл также ключевую роль в организации вступления СССР в Лигу Наций, опираясь на свои широкие связи среди прогрессивной общественности и влиятельных дипломатов Франции, Румынии, Испании и Чехословакии.

Не могу не привести драматические строки из его письма от 13 декабря 1937 года, адресованного им Сталину. Оно чудом сохранилось в архивах НКВД и было приобщено к его уголовному делу. Копию письма передала в МИД России вдова посла Марианна Ярославская.

Вот этот текст: «Мои отношения с товарищами по работе были принципиальными и выдержанными. Я на любой работе считал, что выполняя задание вправе до получения директив отстаивать по конкретным вопросам свою точку зрения, не плетясь в хвосте того или иного ведомственного руководителя. Именно с этим связаны мои отношения с Чичериным, когда они были не безоблачными, они были в корне подорваны тем анализом позиций Турции, который я дал в качестве поверенного в делах Турции. Еще до этого я давал сигналы относительно политики Афганского правительства, которые не соответствовали романтическому представлению Чичерина о нашей политике на Ближнем Востоке. В курсе этого были товарищи Литвинов и Суриц.

Мои отношения с Крестинским испортились в период моего пребывания в Париже. Он, как правило, старался систематически проваливать все исходившие от меня предложения, касающиеся французских дел. С тов. Литвиновым я реже расходился в оценке конкретных вопросов, однако и с ним мне приходилось часто не соглашаться по существенным вопросам нашей дипломатии и дипломатической политики. Причем тов. Литвинов, наверное, не считал, что в этом сквозило мое желание показаться оригинальным или какие-либо моменты личного порядка. Никогда я не делал карьеру чиновничью. К уходу в 1926 году из Народного комиссариата иностранных дел в аппарат ЦК, на низовую работу никто меня не принуждал. К моменту ухода из НКВД я занимал должность заведующего вспомогательного бюро. Это бюро было специально создано для разработки секретных материалов ГПУ и разведуправления Красной Армии. Кроме того, на этой должности я имел доступ ко всей секретной переписке Народного комиссариата иностранных дел. Я ушел из НКВД, так как на этой работе не имел никакого касательства к живому делу. В силу этого мои стремления к оперативной

работе были очевидны. Я просил ЦК через посредство тов. Литвинова пересмотреть решение о направлении меня на работу в Лигу Наций. Через тов. Литвинова я, начиная с 1934 года, неоднократно устно и письменно ставил вопрос о переводе меня на какую угодно работу внутри Союза.

Работая в Женеве, я был в курсе всех перипетий нашей внешней политики — благодаря частым наездам нашей делегации в тот период и благодаря контакту с Парижским полпредством. Я домогался освобождения от работы в Женеве, так как в основном был лишь в роли наблюдателя среди руководства.

Сознание, что ни в моем настоящем, ни в моем прошлом нет ничего, из-за чего меня следовало исключать из партии, побуждает меня еще раз обратиться непосредственно к вам, товарищ Сталин».

К этому стоит добавить, что Розенберг совместно с агентом советской разведки, корреспондентом ТАСС в Париже В. Кином провели труднейшую работу по выявлению реальной позиции фашистского банкира Шахта в отношении к Советскому Союзу. Но, тем не менее, и Кина, и Розенберга, и зам наркома иностранных дел, бывшего посла в Берлине Н. Крестинского, не миновала трагическая участь. Они были арестованы и казнены якобы за шпионаж и измену.

Чудовищные обвинения, предъявленные Крестинскому и Розенбергу в попытке установить секретные контакты с немецкими властями, имели под собой тайную подоплеку, но руководство страны прекрасно знало, что все обвинения против этих людей сплошная фальсификация и вымысел, что все их действия за рубежом базировались на неукоснительном выполнении указаний правительства СССР.

Говоря о Розенберге, нельзя не отметить его выдающиеся способности дипломата и разведчика. Именно он привлек к сотрудничеству с Советским Союзом известную журналистку Женевьеву Табуи, последовательно разоблачавшую прогитлеровскую и антисоветскую политику умиротворения фашистской агрессии. Благодаря ей советская разведка опубликовала в авторитетной не только левой, коммунистической прессе материалы о преступлениях фашистских легионов в Эфиопии и Испании. Книга Табуи «Меня называют Кассандрой» принадлежит к числу лучших произведений антифашистской публицистики. Табуи также активно участвовала в нашей разведывательной работе при подготовке Советско-французского договора о ненападении, подписанного в 1935 году.

Деятельность и контакты Розенберга получили значительное развитие и в 40-е годы. Его доверенное лицо, видный французский общественный деятель, министр правительства народного фронта и антифашистской коалиции в 40-е годы Пьер Кот, товарищ «Дедал», сыграл большую роль в осуществлении поставок самолетов республиканской Испании, в антифашистской борьбе. Помогая Литвинову в США, нашему резиденту Зарубину, ведя с нами важную переписку, «Дедал» достойно продолжил дело своего соратника и учителя.

Обвинен в двойной игре

И наконец, еще одна достойнейшая личность — Георгий Астахов, советник нашего посольства в Берлине с 1938 года, также ставший жертвой репрессий. Именно он был тем, кто вынес на своих плечах основную тяжесть в поддержании тайных советско-германских отношений и подготовку всех договоренностей, подписанных 23 августа 1939 года. Несмотря на ведущую роль Астахова в начальной стадии переговоров по пакту о ненападении и то, что он был принят на высшем уровне, его осенью 1939 года отстранили от работы в НКВД, а в феврале 1940 года по специальному указанию Молотова Астахов был арестован и обвинен в двойной игре.

Георгий Александрович Астахов был, однако, не просто дипломатом. Он первым проложил дорогу к Советско-германскому пакту о ненападении. С ноября 1938 года ему был поручен так же, как Уманскому в США, ряд обязанностей резидента разведки НКВД в Берлине. Занимался Астахов прежде всего политической разведкой, но поддерживал агентурные связи. При этом его сообщения о политической обстановке в стране, адресованные Берии, в аппарат ИНО не спускались. Насколько я помню, все телеграммы, два письма за его подписью подлежали обязательному возврату в Секретариат НКВД.

Астахов мужественно держался во время следствия, ни в чем себя виновным не признал. Неоднократно обращался к Берии, напоминая о выполнении им важных поручений по линии НКВД. Первоначально его держали в тюрьме «на всякий случай», если понадобится, поскольку он хорошо знал немецких руководителей. И только в 1941 году Астахов был осужден в массовом порядке, когда Военная коллегия в условиях надвигавшейся войны штамповала приговоры арестованным в 1938–1939 годах. Астахов погиб в лагере. Материалы о его деятельности находятся не только в уголовном деле, но и в архивах Берии, Молотова, а также в архивном фонде Секретариата НКВД — НГКБ.

Глава 3. Зимняя война на севере

Секретный диалог

1939–1940 годы — период испытания договоренностей с Германией, испытания на выдержку немцев в связи с развертыванием наших военных действий в Финляндии. Как известно, в планировании военных операций в Финляндии было допущено много ошибок. Но разбирать их — дело не мое. Я только хочу коснуться так называемого финляндского вопроса в связи с тем, что перед нашей разведкой была поставлена задача — ускорить заключение мирного договора с финнами в марте 1940 года. Это было поручено выполнить отозванным в 1938 году в Москву резиденту НКВД в Хельсинки с 1935 года Б. Рыбкину (Ярцеву) и его заместителю — жене З. Рыбкиной. За эту операцию впоследствии Рыбкин (Ярцев) был награжден орденом «Знак Почета», а его жена почетным знаком и грамотой «Заслуженный работник НКВД».

В январе — феврале 1940 года после провала нашего первого наступления на Карельском перешейке состоялась их поездка в Стокгольм, где наша разведка через посредничество заместителя министра иностранных дел Швеции Садлера начала предварительные зондажные контакты. Секретные переговоры вел Рыбкин. Для контроля переговоров и связи с финскими и шведскими агентами нашей резидентуры в Стокгольм одновременно был командирован один из активных участников «чистки» в ИНО НКВД в 1938–1939 годах, партийный выдвигенец А. Траур. Впоследствии он какое-то время в 1941 году возглавлял шведскую резидентуру НКВД, после чего был отозван в Москву. Работая в центральном аппарате как начальник Отдела внешней разведки, Траур отличался особой подозрительностью к людям, что сыграло трагическую роль в судьбах некоторых наших разведчиков. Только после войны Траур был уволен, когда стало ясно, что он был психически серьезно болен: придя на прием к начальнику разведки П. Федотову, он «сознался» в своей работе на американскую разведку.

Так вот, на Рыбкина, который вел секретные переговоры, возлагалась исключительно ответственная миссия. Война с Финляндией вызвала резкую негативную реакцию на Западе. Советский Союз был исключен из Лиги Наций. Несмотря на показной немецкий нейтралитет, мы прекрасно понимали, что если увязнем в этом конфликте, то он ослабит нас и толкнет на путь конфронтации с гитлеровцами, у которых были серьезные интересы на Балтийском море, хотя Финляндия признавалась с их стороны зоной наших интересов.

З. Рыбкина в Стокгольме и Таллине в январе — феврале 1940 года провела огромную работу по подготовке секретных переговоров. Впрочем, секретными они были только для широкой общественности. Финское руководство прекрасно знало, что к подготовке мирного соглашения с русскими подключена Х. Вулиоки, известная писательница и доверенное лицо, «агент Советского правительства». Поездка Вулиоки в Стокгольм и встреча с «супругами Ярцевыми» (с целью обсуждения условий предварительного соглашения о мире) проходила фактически с ведома и благословения финских властей. История этих переговоров — интересный пример того, как агент советской разведки с конца 1920-х годов «Поэт» превратилась из информатора в политического посредника, деятельность которого в

конечном счете принесла большую пользу обеим странам.

Однако финнам не было известно, какие соображения докладывал Рыбкин в правительство и руководство разведки о перспективах заключения мирного договора.

Сообщения Рыбкина были настолько важны, что направлялись не только в НКВД, но и в Наркомат обороны. Главный вывод Рыбкина был таков: заключение мира абсолютно реально, но при условии нанесения финнам довольно серьезного поражения на фронте, которое сделает невозможным дальнейшее затягивание переговоров. Он настаивал на продолжении бомбардировок военных объектов Финляндии, в частности линии Маннергейма, что должно было продемонстрировать безусловное превосходство воздушных сил Красной Армии, учитывая, что авиация Финляндии была ее ахиллесовой пятой.

Прорыв линии Маннергейма и выход нашей армии на оперативный простор, считал Рыбкин, предопределят неизбежную капитуляцию финнов. Он довольно точно указал незначительность угрозы высадки десанта западных стран в Финляндию. Как оказалось, Запад основные планы возлагал на англо-французскую десантную операцию, которую планировалось провести не в Финляндии, а в Норвегии, чтобы выйти к финской границе и воздействовать оттуда на развитие событий.

В свете сложившейся обстановки необходимо отметить, насколько весомым был в то время успех советской дипломатии и разведки. Начало военных операций Германии против Норвегии, столкновение немцев с англофранцузским флотом и десантом произошло спустя две недели после заключения мирного договора с Финляндией. Таким образом, Советскому Союзу удалось избежать втягивания в полномасштабный военный конфликт Второй мировой войны, развернувшийся на суше и на море в Скандинавии.

Финская кампания обнаружила крупные недостатки в ведении боевых действий и в организации разведки Красной Армии. На повестку дня встал вопрос кадрового обновления в вооруженных силах и в органах госбезопасности. Это коснулось и нашей разведывательной работы в главных капиталистических странах. Мы, к сожалению, в 1938–1939 годы вынуждены были прибегнуть к консервации ряда важных источников нашей разведки в Германии, Франции, Англии, США, Маньчжурии в связи с бегством и предательством ряда руководящих работников, резидентов советской разведки и органов безопасности в 1937–1938 годах — Орлова-Никольского, Кривицкого, Порецкого-Рейса, Штейнберга и Люшкова.

Секретный зондаж Рыбкина

Но вернемся к началу финских событий в апреле 1938 года. Очень много говорят о провалах и неудачах советской политики и просчетах в финской войне. Мои встречи и беседы с нашим резидентом в Финляндии Елисеем Тихоновичем Сеницыным, которые проходили в 1987–1988 годах (в то время, когда он работал над книгой воспоминаний), дали мне возможность несколько по-иному взглянуть на то, что происходило накануне и во время боевых действий. Какова была роль разведки в обеспечении внешнеполитических целей СССР по отношению к Финляндии? Как действовала разведка в период войны? Каким образом взаимодействовали военная и внешнеполитическая разведки?

К финским событиям, которые были знаковыми для нашей внешней политики, мне довелось подключиться в сентябре 1939 года. Бытует точка зрения, что после подписания Пакта Молотова — Риббентропа у Советского Союза были развязаны руки в отношении Финляндии. Однако несмотря на признание балтийского пространства сферой наших внешнеполитических интересов, что было зафиксировано на советско-германских переговорах, руководство и командование вооруженными силами Германии не было заранее нами проинформировано о планах в отношении Финляндии. Тем не менее немцы о них узнали.

Нам стало известно из надежного источника через МИД Германии, что финны поставили в известность немцев о секретном зондаже Рыбкина в апреле 1938 года. В наших архивных материалах, насколько я помню, это фигурирует под кодовым названием «Дело 7 апреля».

Об этом, считаю, стоит рассказать подробнее, как и о феномене Рыбкина, передававшего тогда предложения Советского правительства руководству Финляндии, причем в тайне от советского посла в этой стране.

Еще в 1937 году руководство НКВД, в частности Ежов как нарком, выдвинули предложения по мирному урегулированию отношений с финнами и о необходимости закулисных переговоров с ними. Рыбкин был назначен секретным уполномоченным Советского правительства, поскольку именно он инициировал эти предложения.

Для Сталина и Молотова была подготовлена справка, в которой давалась оценка политики Финляндии и определялись пути сотрудничества с ней. В справке говорилось, что финское правительство не было германофильским и существуют реальные условия для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту воздействия СССР.

В документе предлагалось поставить перед Хельсинки вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с условием соблюдения неприкосновенности границ. Предлагалось также гарантировать финнам поставки советского вооружения и техники. В справке были приведены характеристики руководящих деятелей Финляндии, указывались возможности для активного негласного, но важного для нас сотрудничества с Аграрной партией Финляндии. (Впоследствии для создания партии мелких хозяев Рыбкину было передано около 10 миллионов финских марок

наличными. Эти деньги были использованы для укрепления наших позиций в основном через министра финского правительства Пекалла и его брата, агента советской разведки.) Подготовленная Рыбкиным справка фиксировала наличие в стране мощного агентурного аппарата советской разведки, способного в известной мере оказывать воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Финляндии.

Кстати, о возможности ареста Рыбкина. На него имелся ряд показаний репрессированных сотрудников ИНО. Как руководящий работник, он был отозван в Центр в 1938 году, но поскольку «Дело 7 апреля» было возложено на Рыбкина, любое действие в отношении такого человека могло быть предпринято только с согласия Сталина. А финская тема оставалась приоритетной несмотря на неудачное для нас завершение секретных переговоров летом 1938 года. Между тем, Рыбкин в беседе со Сталиным, Ворошиловым и Молотовым высказал сомнение, что финны пойдут на секретное соглашение с Советским Союзом. Как ценный работник, проявивший себя еще в 1929 году в перехвате тайной переписки Троцкого и его сторонников в компартии Германии, не вовлеченный ни в какие политические игры и фракции, он продолжал работать в Центре и пользовался полным доверием руководства. Да и на дворе уже стоял не 1937 год. И самое, может быть, главное. В связи с тем, что Рыбкин сохранил свое положение в Центре, не ставилась под сомнение действовавшая агентура в Финляндии. При смене руководства НКВД были лишь предприняты обычные меры по ее дополнительной проверке в новой политической обстановке накануне войны.

Для СССР военное решение финского вопроса было вынужденным шагом, ибо мирные переговоры с финнами о переносе границ закончились ничем. Таким образом с сентября по ноябрь 1939 года мы начали военные приготовления и смогли сохранить это в тайне от немцев и финнов.

Тем не менее напряженность осенью 1939 года в советско-финских отношениях нарастала, и финны демонстративно вели работу по укреплению своей границы, что, как им казалось, усиливало позиции на переговорах с нами. С этим были связаны обстоятельства, которые нас поначалу удивляли, — финская контрразведка не противодействовала советскому военному атташе в изучении будущего театра военных действий вблизи Выборга и на Карельском перешейке. Мы-то расценивали проникновение в эти районы как успех разведывательной операции. Финны же, демонстрируя нам мощь своих укреплений, давали понять, что нам потребуется длительная подготовка к военным действиям.

Однако, как известно, все произошло не так, как мы рассчитывали. Нашим военным руководством была допущена ошибка в оценке военных возможностей Финляндии. Считалось, что с ней удастся справиться силами войск Ленинградского военного округа. Внезапное нападение, которое было предпринято в ноябре 1939 года, застало и финнов, и немцев врасплох, поскольку никаких чрезвычайных перебросок наших войск ими зафиксировано не было. И тем не менее группировка Ленинградского военного округа потерпела поражение в попытке прорвать с ходу оборону финнов на Карельском перешейке.

Война с Финляндией преподнесла урок, недостаточно учитываемый и теперь. Скрытность и внезапность военного нападения не должны быть самоцелью военной

или специальной операции. Необходимо тщательно просчитывать соотношение сил на театре военных действий и в особенности отработать организационный механизм о развертывании военной кампании.

Следует отметить, что перед началом и во время военных действий в Финляндии наша военная разведка и органы НКВД располагали большим количеством разведывательных данных. Это объяснялось и тем, что репрессии практически обошли стороной руководителей разведки по Скандинавии, которые работали в ИНО. Не был подвергнут репрессиям и аппарат военного атташе, бесперебойно работавший в Финляндии в 30-е годы. Однако информация о противнике, его тактике и вооружении, которую докладывали высшему руководству, по непонятным причинам не спускалась на уровень командиров армий, корпусов и дивизий, которым предстояло вести боевые действия. Не потому ли командование Красной Армии в боях на Карельском перешейке ожидали очень большие и неприятные сюрпризы?

Ко мне понимание этого пришло не сразу, лишь в самый канун Отечественной войны, когда мы уже вели подготовку в ожидании нападения Гитлера. Тогда Н. Эйтингон разъяснил мне эти азбучные истины. Надо сказать, что роль Эйтингона в истории советской разведки в годы войны уникальна. Это был единственный руководитель разведки органов госбезопасности (кроме Н. Мельникова), имевший высшее военное образование. Но у Мельникова был накануне войны лишь небольшой опыт агентурно-оперативной работы. Эйтингон же в Академии штаба РККА учился вместе с будущими известными военачальниками — маршалами В. Чуйковым, Я. Головановым и другими.

Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии — Елисей Тихонович Синицын. В отличие от Рыбкина он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Синицын закончил разведывательную школу, во время событий в Польше участвовал в обеспечении деятельности нашей оперативной группы. Таким образом имел опыт работы в экстремальной обстановке боевых действий, хоть и не очень большой. Но зато он в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе.

Очень часто противопоставляют разведку и дипломатию. На мой взгляд, это происходит от неправильного представления самой сути этой работы. В периоды военных конфликтов мы всегда держали в горячих точках резидентов, которые одновременно являлись и высшими должностными лицами советской дипломатии. Так было с Синицыным, когда он работал, что называется, на два фронта в Финляндии, так было и с А. Панюшкиным — резидентом и полпредом СССР в Китае, когда там шла гражданская война, потом война с Японией. И не совсем уж давний пример. Ветеран ИНО НКВД, закончивший разведывательную школу первого выпуска, А. Алексеев, он же Шитов, в решающий момент стал советским послом в Республике Куба. И делалось это в тех случаях, когда нужно было сосредоточить усилия дипломатов и разведки в одних руках и проводить активные дипломатические действия, опираясь на агентуру, которая была лично известна главному резиденту в стране.

Несколько слов о наших недостатках и упущениях в финских событиях. Известно, что в военном отношении операция по прорыву линии Маннергейма была плохо подготовлена. Сроки начала ее постоянно сдвигались.

Большие недоработки были и с нашей стороны. Синицын вез с собой в Финляндию 10 миллионов финских марок для финансирования деятельности компартии и выезда финских коммунистов в Швецию, которые впоследствии, как мы планировали, должны были войти в правительство Куусинена. Перед отъездом Синицын получил неверную ориентировку от Берии о том, что война начнется не раньше, чем через три дня. Однако военный конфликт развернулся в день его приезда в Хельсинки. Со своим аппаратом Синицын попал под бомбежку нашей авиации. Бомбы сыпались рядом с советским посольством.

Вспоминается эпизод, когда Синицын в октябре 1939 года был вызван в Москву для срочного доклада наркому иностранных дел Молотову как временный поверенный в делах. Встречали его представители наркома иностранных дел и с вокзала привезли в кабинет Молотова. Это вызвало резкое недовольство Берии: почему он как резидент не явился вначале с докладом к своему непосредственному начальнику?!

После в кабинете Берии состоялся довольно неличеприятный разговор. Я присутствовал при этом вместе с Фитиным. Синицын докладывал Берии. Он, как человек недостаточно опытный в аппаратных условностях, начал с информации, которую он только что доложил Молотову и как тот ее воспринял. Чтобы остановить Синицына, я дважды наступал ему под столом на ногу. Только таким образом удалось прервать его. Ведь Берия ждал доклада не о политической обстановке в Финляндии, которую он и без Синицына хорошо знал, а хотел услышать предложения по задействованию и использованию агентов, бывших в его распоряжении, причем не только среди финских руководящих кругов, а и в МИДе, Аграрной и Социал-демократической партиях Финляндии.

Еще один любопытный момент. Поскольку Синицыну не удалось до начала военных действий вывезти родственников Куусинена из Финляндии, а также в связи с большими иллюзиями относительно удачного исхода начавшейся кампании, в середине декабря 1939 года руководством было принято беспрецедентное решение — отправить резидента страны, с которой идет война, в отпуск до конца января 1940 года! И это в то время, когда срочно требовались какие-то справки, данные, его личные наблюдения. Однако все обошлось благополучно. Фитин, исключительно доброжелательный и чуткий человек, устроил все так, чтобы Синицын, не дай Бог, не попался на глаза ответственным работникам международного отдела ЦК, жаждавшим наказать его «за провал партийного поручения».

С Синицыным связан еще один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы «Суоми», которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Синицына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако, когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат

обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Невероятно, но это так: никому не пришло в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны.

Уроки войны с Финляндией

Главным выводом для советской разведки после анализа военных действий в Финляндии стала необходимость регулярного обмена разведывательной информацией между НКВД, Разведупром Красной Армии и разведуправлением Наркомата Военно-Морского Флота. На совещании по итогам войны с Финляндией Сталин бросил резкие упреки начальнику Разведупра РККА И. Проскурову, после чего он был отстранен от должности. Связано это было с информацией резидентуры военной разведки и НКВД из Лондона и Парижа о намерениях англичан и французов в апреле 1940 года начать бомбардировки бакинских нефтепромыслов.

Информация об этом, кстати, была достоверной, но с одной существенной оговоркой относительно сроков. Сталин немедленно принял решение об увеличении нашей закавказской военной группировки в три раза. Сразу же после перемирия началась переброска туда с финского фронта войск, имеющих боевой опыт, в том числе сил и средств ПВО и ВВС. Эти меры в целом были оправданны. Сталин, безусловно, понимал, что изменение военной обстановки в Европе сорвало англо-французские замыслы относительно наших нефтепромыслов, но он использовал неподтвердившиеся предупреждения о бомбардировках для критики руководства Наркомата обороны за неудовлетворительные, как он считал, разведывательные операции и как предлог для снятия начальника военной разведки.

Впрочем, сообщения об угрозе англо-французского десанта в Скандинавии и бомбардировок Баку имели и другое важное последствие, когда разведывательная информация была быстро реализована Наркоматом обороны. Разведка получила указания тщательно изучить ближневосточный театр военных действий. Тогда впервые с материалами, добытыми разведкой, были ознакомлены не только представители военной разведки, но и офицеры оперативного управления Генштаба.

Как я уже говорил, впоследствии это стало правилом — наиболее важные сообщения по военным вопросам по линии НКВД для оценки направлялись в Разведывательное управление Генштаба. В его составе был образован специальный отдел военно-технической информации. Кроме того, к нам в НКВД стали регулярно поступать обзоры из разведывательных управлений Генштаба и ВМФ.

И наконец, хочу уточнить еще один момент. Утверждать, что только разведка по военно-дипломатической линии сыграла ключевую роль в завершении войны с Финляндией, было бы неверно. Более правильно подчеркнуть объективную ситуацию, создавшую благоприятные возможности для разведки в подготовке мирного договора с Финляндией. Во-первых, немцы напрямую не поддерживали Финляндию, они были заинтересованы в том, чтобы финны заключили с нами мирный договор, уступив территорию на Карельском перешейке, и сделать это советовали им неоднократно. Во-вторых, нейтральная Швеция оказалась между двух огней. Больше всего она боялась в этой войне потерять свой нейтралитет. Поэтому шведская дипломатия оказала нам всемерную поддержку в этом мирном урегулировании. Конечно, многое сделали и наши серьезные агентурные позиции в шведском дипломатическом ведомстве.

В заключение, говоря об уроках для разведки в финской кампании, следует подчеркнуть, что Наркомат Военно-Морского Флота наиболее полно реализовал разведывательную информацию о складывающейся обстановке на Севере.

Насколько я помню, накануне англо-германских военных действий в Скандинавии нарком военно-морского флота адмирал Н. Кузнецов издал специальную директиву флотам о том, как действовать в условиях, когда Англия стремится восстановить утраченные рубежи для наступления на СССР, проводит подготовку к десантной операции в Норвегии с целью создать военно-оборонительный союз стран Скандинавии и Финляндии. В отличие от руководства Наркомата обороны и Генштаба, Н. Кузнецов сумел не экспромтом, а заранее, на основе продуманной системы мер обеспечить высокую боеготовность своих соединений к отражению нападения гитлеровцев.

Не могу не сказать, что, когда Германия напала на Норвегию и началась англо-германская схватка, мы вздохнули с облегчением. Для нас это означало затяжку войны на Западе. Но, как показали дальнейшие события, силы противников, их планы были нам недостаточно известны. К этому следует добавить, что опыт боевых операций на фронтах Западной Европы после польской кампании нами также не был должным образом проанализирован и использован.

Глава 4. Специальные операции НКВД на западе страны в 1939–1940 годах

Соприкосновение с вероятным противником

Прошло уже немало лет, но почти не обобщен материал, который был накоплен органами госбезопасности в ходе важных военных операций в западных Украине и Белоруссии, Буковине и Молдавии, осуществленных Красной Армией в 1939–1940 годах. Очень мало написано и сказано об опыте разведывательной и контрразведывательной работы на территориях, занятых нами в соответствии с секретными протоколами. Между тем именно в это время мы напрямую столкнулись с деятельностью немецкой разведки в будущей полосе фронтовых операций. Созданные нами в исключительно быстром темпе агентурные позиции позволили уже в конце 1940 года составить довольно четкое представление о будущем театре военных действий.

В начале августа 1939 года после моего возвращения из краткосрочной командировки в Западную Европу, по полученным важным сведениям становилось все более и более очевидным приближение военного столкновения. При распределении обязанностей среди заместителей Фитина, а их было несколько, мне было поручено заниматься подготовкой всех необходимых мер на случай начала военных действий.

Генштаб с самого начала выделял два главных направления в будущей войне. Первое — Западное, где Германия и Польша были основными противниками. Второе — Дальневосточное, здесь Япония, вне всяких сомнений, серьезно угрожала Советскому Союзу. Кстати, разгром Японии на Халхин-Голе совпал по срокам с заключением Советско-германского договора о ненападении. Надо отметить, что перспектива развития военных действий на Дальнем Востоке была предметом большой озабоченности в Кремле, и тут нельзя не отдать должное квалифицированной работе нашей контрразведки, в особенности радиоконтрразведке и ее дешифровальному подразделению, которым успешно руководили Шевелев и Блиндерман.

Нам удалось подобраться к японским шифрам благодаря агентурным источникам в японском посольстве и кропотливой работе наших шифровальщиков. В отличие от советских посольств за границей, а также американских и английских, японские дипломатические миссии и военно-разведывательные органы, работавшие под их прикрытием, обменивались между собой текущей информацией, минуя доклады в свой центр в Токио. Скажем, японское посольство в Москве регулярно поддерживало связь с японским консульством в Вене, японским посольством в Хельсинки, японскими представительствами в Бухаресте, Турции, Италии.

Благодаря этому мы имели широкий доступ к японской шифропереписке и разведывательной информации, получая, таким образом, уникальные сведения. Например, из сообщений японского консульства в Вене, перехваченного в конце августа 1939 года, стало известно, что резервы Японии на Халхин-Голе исчерпаны и никаких реальных планов перенесения военных действий на Дальний Восток и Забайкалье у японского командования нет. Заключение Советско-германского договора о ненападении окончательно охладило японцев.

Информация об этом, доложенная руководству страны, развязывала нам руки. Согласно советско-германскому протоколу, мы могли предпринять активные действия в Европе, но обстановка, складывающаяся на Дальнем Востоке, заставляла все делать с оглядкой на Японию. Теперь же мы могли усилить нашу группировку на Западном направлении за счет дальневосточных резервов без особых опасений.

Важно было и то, что это обстоятельство позволило разработать меры по широкому маневру нашими силами и средствами в условиях ограниченных возможностей железнодорожного транспорта. Тем более, что в это время руководство НКВД докладывало Сталину и Молотову о крупных недостатках в работе Наркомата путей сообщения, что не могло не отразиться на мобилизационных планах Красной Армии. Положение выправилось только в годы войны, когда перевозки на железных дорогах были буквально поставлены на «почасовой» контроль транспортного управления НКВД.

В августе 1939 года, как докладывал агентурный аппарат, организационно-мобилизационная работа в приграничных военных округах велась очень слабо. Отмечалась низкая боевая готовность ряда подразделений войск Белорусского военного округа, о чем неоднократно ставились в известность и правительство, и нарком обороны Ворошилов, а также начальники самостоятельных подразделений органов госбезопасности.

Это послужило причиной для увольнения командующего войсками Белорусского военного округа И. Ковалева и назначения на эту должность К. Тимошенко, возглавлявшего в то время Киевский военный округ. (Впоследствии он показал себя собранным, волевым организатором взаимодействия различных родов войск в ходе операции в Польше, в связи с чем был назначен командующим войсками в финской войне, а затем возглавил Наркомат обороны.) Видя явные промахи Ворошилова как наркома обороны и главнокомандующего, Сталин, вероятно, хотел расставить на ключевых должностях в Наркомате обороны людей, имеющих опыт руководства боевыми действиями в новых условиях.

Нельзя не сказать о крупных недостатках и организационной неразберихе в ходе польской кампании и при вводе войск в Прибалтику, о чем руководству страны было известно. Военная контрразведка регулярно направляла важные сообщения о неблагоприятной обстановке в Военно-Воздушных Силах Красной Армии, что выражалось в слабой организации взаимодействия различных родов войск и ВВС, плохом состоянии ПВО, особенно в приграничных военных округах, которые развернуты были во фронты.

Сейчас известно, что приказ о подготовке к выдвиганию войск на территорию Восточной Польши и Западной Белоруссии последовал сразу же после первых дней нападения Германии на Польшу, однако кроме командования пограничных войск никто из руководителей разведки и контрразведки НКВД об этом не был проинформирован. Мобилизация офицеров запаса по линии госбезопасности и дополнительный набор из среды военных и партактива на службу в органы НКВД рассматривались нами лишь как проведение обычных учебных сборов и расширение штатов в связи с обострением международной обстановки. Знаменательно, однако, что учебные сборы по линии запаса НКВД были использованы для последующего

комплектования разведывательных и контрразведывательных оперативных групп в процессе продвижения наших войск на Запад.

Особого внимания заслуживает и то обстоятельство, что в условиях начавшейся войны из чекистского и общевойскового запаса, а иногда прямо из заключения на службу вернулись уволенные в результате чисток 1937–1938 годов опытные оперативные кадры. Это ныне широко известные А. Коротков, В. Фишер, Р. Абель, Е. Зарубина, Г. Хейфиц, К. Кукин, Ф. Парпаров и другие. Вместе с присоединившимися к ним из заключения и запаса Я. Серебрянским, И. Каминским, Н. Белкиным, М. Яриковым, П. Зубовым они также передали свой богатейший опыт молодым кадрам, включившимся в разведывательную работу после окончания Школы особого назначения. Таким образом, советская разведка выполнила свои задачи в годы войны, несмотря на тяжелейшие потери в период массовых репрессий.

В это время резко возросла роль территориальных органов безопасности в ориентировании правительства относительно событий, происходивших в Западной Белоруссии и Прибалтике. Органы НКВД Белоруссии и Украины, Транспортное управление докладывали о реальной обстановке на сопредельной территории, о продвижении немецких войск, о реакции в Польше в связи с поражением ее войск на основных фронтах. Наше выступление против поляков было неизбежным, поскольку мы должны были встретиться с немецкими войсками на рубежах, определенных соглашением, и преградить им путь к вторжению на западные территории Белоруссии и Украины. Нами учитывалось то обстоятельство, что «Карпатская Украина» разыгрывалась немцами и французами накануне войны как козырная карта против СССР. Поэтому нельзя было допустить, чтобы немецкие войска оккупировали территорию, где могла быть провозглашена независимая Западно-Украинская республика.

И наконец, еще одно обстоятельство. События в Польше показали исключительную важность взаимодействия территориальных органов безопасности и военного командования. В 1939 году впервые ориентировки Генштаба и Разведупра стали направляться в органы НКВД, в частности, развернутые сообщения о положении в Латвии, Литве с указанием характеристик войсковых частей, которые могут противодействовать движению Красной Армии и сотрудничать с немецкими военными властями.

Директива НКВД о задачах работы в «освобождаемых районах Западной Украины и Белоруссии» обязывала все операции органов НКВД ставить в зависимость от действий военного командования. Речь шла о взаимодействии разведывательных и контрразведывательных органов прежде всего с военным командованием Красной Армии. Наши же самостоятельные задачи были направлены на то, чтобы выявить и задержать участников, стоящих на оперативном учете, контрреволюционных белогвардейских формирований, таких, как Братство русской правды, Российский общевойсковой союз, поскольку эти организации продолжали оставаться базой для антисоветской работы и шпионажа на отошедших к Советскому Союзу территориях.

В канун 1940 года перед нами встал вопрос нового комплектования кадров органов госбезопасности. Было принято специальное постановление правительства,

согласно которому на службу в органы привлекались лица из коренных национальных меньшинств, проживавших на освобожденных нами территориях Польши, Украины, Румынии. Разумеется, имелись в виду те, кто прошел тщательную проверку. Лучшей рекомендацией была работа в подполье, в комсомоле, взаимодействие с подпольными партийными организациями. Среди чекистов призыва 1940 года был и прошедший школу подпольной работы в Румынии, ставший потом партизаном и разведчиком-нелегалом, Герой Российской Федерации Ю. Колесников.

Директива также гласила, чтобы мы ни в коем случае без крайней необходимости, за исключением участников в беспорядках и уголовных преступлениях, не задерживали немецкое население, проживающее как в Западной Украине, так и в Польше. Ряд немецких офицеров, попавших в плен к полякам, были освобождены и переданы нами Германии.

Происходящие события на западных рубежах СССР кардинально изменили оперативную обстановку и условия нашей деятельности. Чем дальше вместе с войсками мы продвигались на Запад, тем острее становилось непосредственное соприкосновение с вероятным противником. Нами уже были установлены посещения руководителями немецкой разведки — абвера — Прибалтики. Немцы исходили из того, что присутствие частей Красной Армии в Прибалтике, в Белоруссии и в Восточной Польше с 1939 года в полосе, которая им знакома, создавало очень большие возможности для изучения Красной Армии, ее организации, структуры, средств связи, уровня боеготовности войск. В этом они опирались на националистические и военизированные организации Прибалтики.

Неоднократный приезд туда шефов абвера Канариса и Пикенброка еще более активизировал широкую агентурную сеть. Тем не менее, в Прибалтийских странах мы располагали неплохими возможностями для выявления деятельности немецкой разведки, поскольку их основные разведывательные центры были нам известны. В сентябре 1939 года нашим службам удалось проникнуть в немецкую агентурную сеть на территории Западной Украины.

Появилась возможность использовать украинские националистические организации, которые в то время вели ожесточенную борьбу за власть. Создание же советско-немецкой комиссии по репатриации открывало возможность нашей агентуре проникать на оккупированную немцами территорию под видом беженцев или лиц немецкого происхождения. Соглашение, заключенное между нами и немцами, беспрепятственно разрешало беженцам переселяться на территорию Варшавского генерал-губернаторства и даже в Германию, что для нас было особенно важным. Мы ориентировали своих агентов на длительное пребывание там с целью активно изучать немецкое население, живущее в Прибалтике и на Западной Украине, а также насаждать и вербовать агентуру из тех, кто переселялся в Германию. Эта операция была утверждена Берией и Меркуловым. Когда речь пошла о подготовке вывода на немецкую территорию ряда наших агентов, к этому подключили и меня.

В октябре 1939 года вместе с Фитиным, начальником разведки, и Меркуловым, заместителем Берии, я принимал участие в совещании у Молотова в его

кремлевском кабинете. Там находились также начальник оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский (в 50-х годах министр обороны), заместитель наркома иностранных дел Потемкин, начальник штаба ВМФ адмирал Исаков, начальник погранвойск генерал Масленников и начальник военной разведки, кажется, генерал-майор Панфилов.

На повестке дня стоял один вопрос — защита стратегических интересов в Прибалтике. Молотов хотел услышать наши соображения. Советские войска уже находились там в соответствии с договорами, подписанными с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Открывая совещание, Молотов заявил:

— Мы имеем соглашение с Германией о том, что Прибалтика рассматривается как район наиболее важных интересов Советского Союза. Ясно, однако, что хотя германские власти признают это в принципе, они никогда не согласятся ни на какие «кардинальные социальные преобразования», которые изменили бы статус этих государств, их вхождение в состав Советского Союза. Более того, советское руководство полагает, что наилучший способ защитить интересы СССР в Прибалтике и создать там надежную границу — это помочь рабочему движению свергнуть марионеточные режимы.

Из этого заявления стало ясно, каким именно образом мы толковали соглашения с Гитлером. Однако поздней осенью 1939 года появился новый стимул для активизации наших политических, экономических, военных и разведывательных операций в Прибалтике. От наших резидентур в Швеции и Берлине мы получили проверенную и надежную информацию о том, что немцы планируют направить высокопоставленные экономические делегации в Ригу и Таллин для заключения долгосрочных соглашений. Таким образом, Прибалтика оказалась бы под политическим и экономическим зонтиком Германии. Телеграммы из Берлина и Швеции были отправлены за двумя подписями — посла и резидента, что бывало крайне редко и означало: информация имеет важное политическое значение. Полученные в Москве, они с визами Молотова и Берии препровождались Фитину и мне по линии НКВД с приказом Берии немедленно представить по этому вопросу предложения. Телеграммы такого уровня, за подписью послов и резидентов, обычно направлялись нескольким членам правительства.

Фитин ознакомил с телеграммой Гукасова, начальника по работе с националистическими и эмигрантскими организациями в районах, примыкающих к нашим границам. Кстати, именно Гукасов в январе 1939 года требовал на партийном собрании привлечь меня у партийной ответственности за связь с разоблаченным вражеским руководством ИНО. Все еще с подозрением относясь к моей лояльности и, возможно, все еще держа на меня зло, он не передал мне указание Берии и самостоятельно подготовил предложения по противостоянию немецким спецслужбам в Латвии, Литве и Эстонии и в обход меня направил их Фитину. Его план заключался в том, чтобы использовать лишь агентурную сеть в трех республиках Прибалтики, состоявшую из русских и еврейских эмигрантов.

Разразился скандал

Вызвав Фитина и меня и выслушав сообщение Фитина по записке Гукасова, Берия спросил мое мнение. Я честно ответил, что его у меня нет, я не получал никаких указаний и не в курсе германских намерений в Риге; в настоящее время я занимаюсь совершенно другими делами. Берия взорвался от ярости и велел срочно еще раз принести телеграммы. Тут он увидел, что на них нет моей подписи, а у нас было обязательное правило визировать любой секретный документ, проходящий через руки того или иного должностного лица в разведке и направленный для проработки. Гукасова тут же вызвали на ковер — и Берия пригрозил снести ему голову за невыполнение его приказа. Гукасов в ответ, понизив голос, в доверительном тоне на грузинском языке (он был уроженец Тбилиси) сказал буквально следующее. Он действительно не показал мне телеграммы, так как получил информацию от начальника следственной части Сергиенко о наличии материалов, в которых говорится о моих подозрительных контактах с врагами народа — бывшим руководством разведки. Берия резко оборвал Гукасова: надо бросать идиотскую привычку лезть со своими предложениями по вопросам, уже решенным руководством, и раз и навсегда зарубить себе на носу, что приказы должны выполняться беспрекословно и незамедлительно.

— Европа сейчас в огне войны, и задачи разведки в нынешних условиях, — подчеркнул Берия, — стали совершенно иными. — И тут же процитировал Сталина, потребовавшего активного включения оперативных сотрудников разведорганов в политические зондажные операции с использованием любых конфликтов в правящих кругах Иностранных государств.

— Это, — подытожил Берия, — ключ к успеху в свержении нынешних правительств марионеточных государств, провозгласивших свою так называемую независимость в 1918 году под защитой немецких штыков. — Из этой тирады мы сразу поняли, что он имеет в виду государства Прибалтики. — Немцы и раньше и теперь, — продолжал Берия, — рассматривают их как свои провинции, считая колониями германской империи. Наша же задача состоит в том, чтобы сыграть на противоречиях между Англией, Швецией и Германией в этом месте. — При этих словах он повернулся в мою сторону. — Обдумайте все как следует и немедленно вызовите в Москву Чичаева, резидента в Риге. Потом доложите ваши соображения с учетом необходимых сил и средств. Срок — три дня.

Самоуверенная, дерзкая постановка вопроса отражала то новое мышление, которое демонстрировали Сталин, Молотов и Берия после подписания пакта, который явно прибавил им веры в собственные возможности. В районах, уже официально вошедших теперь в сферу наших интересов, мы начинали кардинально новую политику, с тем чтобы изменить политическую систему Прибалтийских государств.

На незнакомой территории

В конце 1939 года пребывание советских войск в Прибалтике и в Западной Украине было оформлено подписанием международных соглашений с правительствами Литвы, Латвии и Эстонии. Упорядочился вопрос фильтрации и проверки беженцев, переселявшихся на эти территории, утверждены были инструкции по опросу нарушителей. И самое главное — нами были вскрыты попытки противника всячески активизировать изучение всего, что касалось будущих военных действий Красной Армии. Мы захватили ценные материалы и архивы агентов польской разведки, которые имели непосредственный выход на Германию. Их немедленно отправили в Москву, где была начата работа по использованию их контактов и связей, которые поддерживались польскими консульствами на территории Советского Союза.

После окончания военных действий во Франции немецкая разведка резко активизировала свои действия против СССР. Мы засекали сосредоточение немецких войск вблизи советской границы, что, естественно, вызвало соответствующую настороженность в Москве. После поступления первых же сигналов была принята директива о том, чтобы каждые десять дней направлялись сводки о действиях гитлеровцев на оккупированной территории. Эта директива была разослана в пограничные войска, в местные территориальные органы безопасности и в органы военной контрразведки.

Разведка противника стремилась координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине, в Румынии. Связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины, в Одессу и Крым. Центром их деятельности, как оказалось, были Черновцы.

Большим достижением наших контрразведывательных органов было раскрытие так называемого «немецкого народного управления», занимавшегося шпионажем на территориях, освобожденных Красной Армией. Причем нам стали известны руководители отделений этого «народного управления». Наш новый сотрудник Ю. Колесников сообщал, что «Немецкий народный совет германцев в Бессарабии» возглавляет офицер абвера. Основное направление его работы — сельские колонисты-крестьяне, которыми заправлял спецгент немецкой армейской разведки агроном Раймонд Артур. Было у него и специальное отделение по работе среди женщин. Им руководила также сотрудничавшая с абвером некая Б. Альма. Немецкая резидентура пыталась распространить свою деятельность на всю территорию Молдавии и Украины. Были созданы отделения совета по работе среди молодежи, школьников.

Нас особенно интересовал руководитель культурного отделения профессор Кох Герберт. Когда в этот германский совет прибыл немецкий консул из Черновцов, нами была командирована туда оперативная группа, в которую для усиления маскировки был включен негласный сотрудник советских органов безопасности, немец по происхождению, известный композитор Л. Книппер. При его участии деятельность немецкой агентуры в значительной степени была поставлена под наш контроль. Нам удалось добыть вопросники абвера, которые использовались при подготовке

немецкой агентуры.

Ценные сведения о деятельности немецкой агентуры стали поступать по линии Транспортного управления. Переброски немецких войск по железной дороге из Западной Европы в Польшу, Венгрию, Румынию постоянно с 1940 года находились в поле нашего зрения.

Накануне войны также было зафиксировано стремление немецких разведывательных органов насадить свою агентуру в службах Киевского особого военного округа из числа местных жителей, особенно в сфере обслуживания войсковых частей, материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины.

Достижение договоренностей с Германией о занятии территории Западной Украины, а потом и Молдавии усилило и такое явление, как массовый переход на нашу сторону агентов польской и румынской разведки, что значительно улучшило наши возможности по изучению противника. Крупные оперативные игры, проведенные накануне войны украинским и молдавским НКВД, базировались в значительной степени на перебежчиках, в число которых входили и агенты румынской разведки.

Один из таких перебежчиков в Бессарабии, некто Мельников, будучи связанным с румынской разведкой, перебросил на нашу территорию значительное количество агентуры. Он выдал нескольких связных, работавших на французские разведывательные службы. Причем один из агентов французской разведки «Гебров», захваченный нами, дал очень ценные показания о деятельности французских разведорганов. Он знал многих агентов польской и румынской разведок и опознавал их.

По ходатайству НКВД вынесенный ему смертный приговор был заменен двадцатилетним лишением свободы. Позже, даже в послевоенное время, «Гебров» использовался в качестве опознавателя агентуры немецкой, румынской и французской разведок, а также активно работал в лагерях немецких военнопленных.

В ходе польской кампании возникла еще одна проблема. Связана она была с обновлением и упорядочением взаимодействия разведывательных и контрразведывательных органов, поскольку вся разведывательная работа на новых территориях базировалась первоначально на старых контрразведывательных учетах.

Но этого было явно недостаточно. В сжатые сроки были проанализированы попавшие в наши руки исключительно ценные материалы из захваченных архивов польских, румынских, латышских, эстонских спецслужб.

Немцы проявляли большой интерес к вербовке советских граждан и перемещенных лиц. Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый «принцип немецкой крови». Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории Советского Союза.

Вскрытые нами центры по подготовке агентуры и для проведения операций против Красной Армии позволили сделать весьма интересный вывод о том, что

немцы свое внимание концентрировали преимущественно на ведении чисто военного шпионажа. Они проявляли повышенный интерес к штатам, документам, дислокации и вооружении войск Красной Армии.

Однако мы тогда не понимали, что вся разведывательная деятельность абвера и гестапо была подчинена выполнению функций разведывательного и диверсионного характера для подготовки первого сокрушительного удара по Красной Армии. Теперь очевидно, что задача по добыванию экономической и политической информации противником в значительной мере нами недооценивалась. Мы же, фиксируя относительно слабую работу немецкой политической разведки, склонны были оценивать это обстоятельство как упущение нашей контрразведки, которая не обнаружила «выходов агентуры противника» на руководителей районного звена, колхозов, совхозов и получения информации в их среде. Как выяснилось позже, для этого немцы использовали агентуру из числа активистов националистического подполья.

Несколько слов о том, как комплектовался аппарат органов госбезопасности в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики. Первоначально все штаты были укомплектованы оперативными группами, прибывшими либо из центрального аппарата, либо с периферии. Вопрос встал об укреплении взаимодействия наших резидентур, находившихся в Литве, Латвии и Польше, с местными органами особых отделов Красной Армии, которое было довольно слабым из-за нечеткого распределения между ними зон оперативной ответственности. При этом в оценке обстановки на местах существенную роль играли материалы, которые представлялись 5-м (разведывательным) управлением Генштаба.

Разведка НКВД и военная разведка вскрыли военные приготовления Германии уже в 1940 году. Мероприятия, проводившиеся немецким правительством на оккупированной территории в этот период до весны 1941 года, касались укрепления и освоения немецкой армией новых территорий. Осуществлялись они последовательно, и в них не усматривалось ничего такого, что говорило бы о создании мощных ударных группировок для ведения полномасштабной войны.

В руководстве разведки по линии НКВД и Генштаба недостаточно понимали, что активные действия немцев в Польше в 1939 году имели две стадии — закрепление на занятой территории и переброску войск для весеннего наступления на Западе. Но обстановка для них изменилась после того, как мы заняли Прибалтику, Бессарабию и вступили в Черновцы. В это время немцам стало ясно, что Красная Армия вышла на совершенно иные рубежи. На восточной границе Германии нами были развернуты три мощные группировки — в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине, а также в районе Одессы. Для немцев, собственно, в этом ничего нового не было. Ведь занятие Прибалтики в ходе секретных советско-германских соглашений было оговорено. Однако мы не раскрывали подробно своих планов, и немцы считали, что советская сторона, согласно подписанным договорам, ограничится только вводом войск прикрытия на территорию Прибалтики. События же, произошедшие в июне — июле 1940 года, застали немцев врасплох, причем в то время, когда их военная машина была запущена на Запад, и переориентировать авиацию, сухопутные войска, флот, чтобы противодействовать нашему утверждению

в Прибалтике и Бессарабии, было невозможно. Поэтому в то время Гитлер вынужден был сделать хорошую мину при довольно неудачной игре.

Немецкая сторона послала своим дипломатическим представителям телеграмму, которая была перехвачена нами. В ней говорилось, что беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, произведенная советским руководством с намерением обеспечить тесное сотрудничество с этими странами, касается только России и Прибалтики. Делалось предупреждение: избегать какого-либо осложнения в российско-германских отношениях.

Получение информации об этой директиве было исключительно важным, поскольку давало нам дополнительные возможности чувствовать себя уверенно в проведении всех акций в Прибалтике. Информация, перехваченная из немецкого МИДа, подтверждалась и источником «Юна» в МИДе Германии, с которым держала связь возвратившаяся на оперативную работу весной 1940 года Е. Зарубина.

Однако после завершения военной кампании во Франции в июне 1940 года разведывательное управление Генштаба направило сводку в НКВД и в правительство об изменившейся позиции Германии. Эта информация поступила и в ИНО. Источником ее был «Ариец», агент военной разведки, советник министерства иностранных дел Германии Шелиа, довольно близкий к Риббентропу. По его данным, немцы были согласны с тем, чтобы литовское, латвийское и эстонское правительства приняли советские требования, указывая при этом, что присоединение Советским Союзом Прибалтийских стран явление временное.

Януш Радзивилл

Среди тех, кого мы захватили, войдя в Польшу, был известный польский политический деятель князь Януш Радзивилл и его родственники. Радзивилл не был нашим платным агентом. Но будучи влиятельным деятелем, близким к Герингу, тем не менее активно сотрудничал с нами.

Факты сотрудничества Радзивилла с советскими властями и лично с наркомом внутренних дел Берией почему-то особенно неприемлемы для главного историка Службы внешней разведки России генерала В. Кирпиченко. Ему, видимо, неизвестно, что польской стороне, интересовавшейся, почему не расстреляли родственников Радзивилла, при расследовании Катыньского дела были продемонстрированы документы, подтверждающие эти тайные связи с советскими властями. Тогда было поднято заявление Радзивилла, написанное 13 февраля 1946 года на имя Берии с просьбой об освобождении как интернированного польского гражданина. Я был в числе тех, кто готовил документы о передаче немцам интернированных польских граждан — Радзивиллов, Замойского, Броницкого, Красицкого вместе с семьями. Всего их было 16.

Радзивилл, конечно, был ценным источником. Но ему мы не доверяли. Он попал к нам осенью 1939 года, после захвата Польши немцами. Князь был богатым польским аристократом, имел немалый политический вес. Его поместили на Лубянку для активной разработки. Занимался им лично Берия. Он сумел убедить Радзивилла, что тот должен выступить в роли посредника между советским правительством и Герингом для выяснения деликатных вопросов во взаимоотношениях обеих стран. Мы держали в поле зрения Радзивилла, начиная с середины 30-х годов, и знали, что князь принимал Геринга в своем поместье под Вильнюсом, где тот любил охотиться, позднее эта часть территории отошла к Литве, а в то время принадлежала Польше. Кстати, в своих мемуарах Радзивилл вспоминает о встречах с Берией, который при прощании с ним изрек: «Такие люди, как вы, князь, всегда будут нам нужны».

Об освобождении Радзивилла ходатайствовали перед нами представители знатных аристократических родов Великобритании, Италии и Швеции. В 1940 году, после того как Берия завербовал его в качестве нашего агента влияния, я организовал отъезд Радзивилла в Берлин. Сопровождал его до границы сам начальник внутренней тюрьмы Миронов. Из Берлина мы получали сведения о нем от своей резидентуры: его часто видели на дипломатических приемах в обществе Геринга. В том же году мне было приказано разработать варианты выхода на связь с ним через нашего агента. Мы решили в данном случае связываться с князем по открытым каналам, поскольку он являлся заметной в обществе фигурой и мог свободно посещать советское посольство, не вызывая подозрений. Его, в частности, могла интересовать судьба фамильной собственности, оказавшейся на оккупированной территории.

В 1940 году Радзивилла дважды принимал наш резидент в Берлине Амаяк Кобулов, докладывавший об этих встречах Центру. Однако Кобулову не давали никаких инструкций по оперативному использованию польского князя в контактах с

немцами. Мы не слишком верили в искренность Радзивилла и поэтому решили не обращаться к нему, тем более что его политические контакты не сулили нам никакой немедленной выгоды. Перед тем как Германия развязала против нас войну, фактически не было таких проблем, где бы можно было его использовать для прощупывания позиции немцев по тому или иному деликатному вопросу; ведь все это время Молотов и наш посол Деканозов поддерживали конфиденциальные отношения непосредственно с Риббентропом и послом Германии Шуленбургом.

Было известно, что Радзивилл не имеет выхода на информацию военно-стратегического характера. Наше решение сводилось к тому, чтобы проявлять максимум терпения и просто ждать, пока Радзивилл поедет в Швейцарию или Швецию, где он будет вне немецкого контроля, и только там войти с ним в контакт. Насколько мне известно, он так туда и не поехал. После нападения Гитлера на СССР Радзивилл как бы ушел в тень, но, по нашим сведениям, оставался в Германии и приезжал в Польшу, наслаждаясь жизнью, насколько это было возможно. В 1942 году на какое-то время его следы затерялись. Оглядываясь назад, я вижу, что мы явно переоценили и личные связи Радзивилла, и его влияние на Геринга...

Известная актриса Ольга Чехова, бывшая жена племянника знаменитого писателя, была знакома с Радзивиллом и вхожа к Герингу и через родню в Закавказье связана с Берией. Позднее она была на личной связи в 1946—1950-х годах у сменившего Берия министра госбезопасности Абакумова. Первоначально предполагалось использовать именно ее для связи с Радзивиллом. У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. Группа агентов, заброшенных в Германию и находившихся в Берлине в подполье, полностью передавалась в подчинение боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года.

Бывший чемпион по боксу Миклашевский, выступая как советский перебежчик, приобрел в Берлине немалую популярность после своего знакомства с чемпионом Германии по боксу Максом Шмелингом в 1942 или 1943 году, от которого получил рекомендательное письмо. Миклашевский оставался в Берлине до 1944 года.

Дядя Миклашевского, Всеволод Блюменталь-Тамарин, известный актер, бежал к немцам под Москвой в 1941 году и стал одним из активных участников немецкого антибольшевистского комитета за освобождение СССР. Он с гордостью принял своего племянника, оказывая ему всяческую поддержку как политическому противнику советской власти. В 1942 году Миклашевскому удалось на одном из приемов встретиться с Ольгой Чеховой. Он передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль не проявил к этому особого интереса. В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера.

В 1945 году я встречался с Гарриманом, послом Соединенных Штатов в Советском Союзе. Первая встреча была в Министерстве иностранных дел: меня представили как Павла Матвеева, сотрудника секретариата Молотова, ответственного за техническую подготовку Ялтинской конференции. После первой

официальной встречи я пригласил Гарримана на обед в «Арагви», ресторан, известный тогда своей изысканной грузинской кухней. Гарриман с видимым удовольствием принял мое приглашение. Я взял с собой на обед как своего переводчика князя Януша Радзивилла, представленного Гарриману в качестве польского аристократа, оказавшегося в Москве.

Для Гарримана и Радзивилла это была встреча старых знакомых. Гарриман владел химическим заводом, фарфоровой фабрикой, двумя угольными и цинковыми шахтами в Польше. Что было еще важнее, Радзивилл и Гарриман совместно владели угольно-металлургическим комплексом, где были заняты до 40 тысяч рабочих. У себя на родине Януш Радзивилл являлся весьма заметной политической фигурой, будучи сенатором и председателем комиссии сейма по иностранным делам. В 1930-х годах он помогал Гарриману в приобретении акций некоторых польских предприятий в условиях весьма жесткой конкуренции со стороны французских и бельгийских предпринимателей.

В начале 1945 года мне сообщили: Радзивилл задержан и доставлен в Москву; Берия приказал использовать его в зондажных контактах с американцами накануне и во время Ялтинской конференции. В то время наши отношения с Польшей были сложными. Проккоммунистический временный комитет в Люблине объявил себя правительством страны в противовес польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Мы собирались активно использовать Радзивилла, чтобы успокоить проанглийски настроенных поляков. Британские и американские власти между тем, как нам стало известно, начали наводить справки относительно местонахождения Радзивилла, исчезнувшего из их поля зрения.

На обеде в «Арагви» с Гарриманом и Радзивиллом я собирался сказать о нашей терпимости по отношению к католическим, протестантским и православным священнослужителям, даже тем, кто в годы войны сотрудничал с немецкими властями на оккупированных территориях (я лично принимал архиепископа Слипого, одного из иерархов Украинской униатской церкви; несмотря на то, что он тесно сотрудничал с гитлеровцами, ему позволили вернуться во Львов, но уже после Ялтинской конференции его арестовали и отправили в ГУЛАГ по приказанию Хрущева). Я также собирался обсудить за обедом в «Арагви» судьбу священников Русской Православной Церкви и заверить Гарри мана, что Советское правительство не преследует православных иерархов. Из этого мало что вышло, за исключением того, что нам стало ясно, что церковные вопросы и польские дела будут разменной монетой в выстраивании наших отношений с Америкой в послевоенное время. «Оставьте ваших попов в покое. Неужели они вам так мешают? — говорил Гарриман. — Любое ваше действие против священнослужителей вызывает волну во влиятельной прессе, всегда настроенной против вас».

Между Москвой и Западом

Говоря о событиях, происходивших в 1940 году в Латвии, Литве и Эстонии, хотелось бы отметить главное — наши войска вошли туда совершенно мирно, на основе специальных соглашений, заключенных с законными правительствами этих стран. Другой вопрос, что мы диктовали условия этих соглашений, и не без активного участия нашей дипломатии и разведки. Надо сказать и о том, что вряд ли нам удалось бы так быстро достичь взаимопонимания, если бы все главы Прибалтийских государств — Ульманис, Сметона, Урбшис и Пятс, в особенности латышское руководство — Балодис, Мунтерс, Ульманис — не находились с нами в доверительных секретных отношениях. Их всегда принимали в Кремле на высшем уровне как самых дорогих гостей, обхаживали, перед ними, как говорится, делали реверансы.

Существенную роль сыграли и наши оперативные материалы, особенно для подготовки бесед Сталина и Молотова с лидерами Литвы и Латвии Урбшисом и Мунтерсом. Мы могли позволить себе договариваться с ними о размещении наших войск, о новом правительстве, об очередных компромиссах, поскольку они даже не гнушались принимать от нашей резидентуры и от доверенных лиц деньги. Это все подтверждается архивными документами.

Таким образом, никакой аннексии Прибалтики на самом деле не происходило. Это была внешнеполитическая акция Советского правительства, совершенно оправданная в период, предшествующий нападению Германии, связанная с необходимостью укрепления наших границ и с решением геополитических интересов. Но они не могли быть столь эффективно проведены без секретного сотрудничества с лидерами Прибалтийских государств, которые и выторговывали для себя лично, а не для своих стран, соответствующие условия. Некоторые деятели того руководства, связавшись с немцами, ушли на Запад.

Поэтому, когда предъявляются претензии к России как правопреемнице СССР, стоило бы руководству Прибалтийских фронтов, активистам и радикалам из этих движений выдвинуть обвинения не против мифических руководителей так называемого заговора в Вильнюсе или в Риге в 1991 году, а предъявить счет бывшим правительствам Латвии и Эстонии и их приближенным, которые, желая сидеть на двух стульях между Москвой и Западом и возглавлять национальные правительства, предали, как теперь говорят прибалты, свои национальные интересы.

Однако в принципе это не так, ибо коренные интересы Прибалтики в тот период больше склонялись к нашей стране, нежели к фашистской Германии, которая всегда рассматривала Прибалтийские страны как «курортную зону», поэтому не могло быть и речи о передаче Литве Клайпеды или Вильнюса и других территорий. Особые отношения к Советскому Союзу, заложенные руководителями Прибалтийских стран, продолжались всегда, ибо национальная самостоятельность Прибалтийских республик, их государственность были сохранены на деле и обеспечены небывалыми темпами экономического развития. Во всяком случае, был создан потенциал, который они до сих пор используют.

Наши позиции в Латвии были гораздо сильнее, нежели в других Прибалтийских республиках. Здесь мы опирались на компартию, на мощное рабочее движение, а также использовали разногласия в правящих кругах. С нами активно сотрудничал министр иностранных дел Латвии Вильгельм Мунтерс, военный министр Латвии Янис Балодис. Мы также поддерживали доверительные тайные отношения с президентом Латвии Карлом Ульманисом, двоюродным дядей недавнего президента Латвии Гунтиса Ульманиса, оказывая ему значительную финансовую поддержку. Для этих целей резидент НКВД в Риге И. Чичаев имел специальную финансовую контору в Риге. В 1934 году Ульманис, как известно, совершил государственный переворот. Несмотря на заслуги перед НКВД, он был нами репрессирован в 1940-е годы.

Но, пожалуй, самое впечатляющее сотрудничество было налажено нашим резидентом В. Яковлевым в Эстонии. Президент Эстонии Константин Пятс хотя и не подписал вербовочного обязательства о сотрудничестве с ГПУ в 1930 году, тем не менее, был на нашем денежном содержании до 1940 года. По этому поводу, насколько я помню, было даже специальное решение правительства СССР. Пятс был репрессирован, но судьба его хранила. Он долго жил в России и умер уже после смерти Сталина. Бесспорно, человеком он был морально сломленным и всю оставшуюся жизнь провел в одной из психиатрических больниц.

Тот факт, что верхушка Прибалтийских государств тайно сотрудничала с Советским Союзом, наносил сильнейший удар по попыткам англичан после 1940 года создать авторитетное прибалтийское правительство в эмиграции. Немцы вообще отказались от этой идеи, а англичане так и не смогли что-либо сделать. Потому что эмигрантские политические центры хотя и опирались на запасы латышского и эстонского золота в английских банках, тем не менее, должного авторитета в политических кругах не имели.

Кроме того, в Прибалтике произошел раскол националистического движения. Часть его ориентировалась на гитлеровцев, другая — на англичан. Таким образом, они не могли прийти к политическому согласию и единству.

Хочу отметить особую роль министра иностранных дел до 1940 года Латвии В. Мунтерса и военного министра Латвии Я. Балодиса. Это были крупные и яркие политические фигуры.

Летом 1940 года на даче в Майори, где находился Меркулов, прибывший туда в качестве уполномоченного правительства и НКВД в связи с вступлением Прибалтийских стран в состав СССР, состоялся ряд доверительных бесед как с Мунтерсом, так и с Балодисом. Мунтерс лелеял мечту руководить латвийским государством в составе СССР. Именно я с ним вел эти беседы. На первых порах мы сдержали слово, поскольку было неясно, как развернутся события с выборами в Латвии, насколько удастся полностью овладеть ситуацией. Позже Мунтерс был отправлен преподавателем в Воронежский университет, где заведовал кафедрой иностранных языков. Арестовали его перед войной или сразу после нападения немцев. Мунтерс содержался под арестом, но был осужден только в апреле 1952 года Особым совещанием при МГБ и приговорен к 25 годам лишения свободы. Освободили его после смерти Сталина.

Мунтерс был нашей козырной картой. Мы не исключали того, что нам придется вернуться к переговорам с Германией и с Англией по вопросу о статусе Прибалтийских стран. При этом на Мунтерса делалась определенная ставка.

Я выезжал к Мунтерсу, когда он преподавал в Воронеже, и представлялся ему не работником НКВД, а помощником Молотова. Содержание наших бесед сводилось к тому, что Советское правительство видит в нем крупного государственного деятеля в отставке и, предоставляя возможность заниматься педагогической работой, держит его в резерве для внешнеполитических инициатив. Эта игра с ним продолжалась в течение всей войны, хотя он и находился под арестом. Будучи во Владимире на поселении, он выступал в центральных газетах, в частности в «Известиях», на предмет примирения с латышской эмиграцией, придерживался твердой позиции сотрудничества с нами.

Балодису было присвоено звание генерала Красной Армии. Он выступал за военное сотрудничество с Советским Союзом и был настроен против айсаргов — военизированных фашистских организаций, созданных в свое время Ульманисом, лидером латышского Крестьянского союза. Между тем у айсаргов была мощная разветвленная организация. Около 40 тысяч человек объединялись примерно в 21 полк самообороны. Фактически они и составили основу карательных воинских формирований, созданных позже гитлеровцами на оккупированной территории Латвии. Почти все они вступили в немецкий легион СС.

Именно Балодису принадлежит заслуга в разоружении в 1940 году отрядов айсаргов. Он открыто выступил против политики Ульманиса, не скрывая, что стоит за сближение с СССР. Судя по полученной нами оперативной информации, конфликт по этому вопросу был крупным. Ульманис, подозревая Балодиса в сотрудничестве с советской военной разведкой, под видом отпуска по болезни отстранил его от обязанностей военного министра. Он отдал приказ о вооружении отрядов айсаргов и приведении их в полную боевую готовность весной 1940 года. Все это делалось с учетом того, что немцы поощряли латышских националистов в их противодействии Советскому Союзу. При этом они объясняли, что не могут открыто оказывать помощь, но главной задачей для националистов они считают необходимость войти в новую структуру власти в СССР, установить компромисс с русскими, что даст возможность влиять на решение важных политических и жизненных вопросов Латвии.

Прибалтийскую карту пытались разыграть англичане. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, посетивший Советский Союз после разгрома немцев под Москвой, в беседе со Сталиным заявил, что англичане не признают факт присоединения Прибалтийских стран к СССР. Но после того как мы втянулись в войну с Гитлером, взяли на себя всю ее основную тяжесть, и когда англичане и американцы стали нуждаться в нас как союзниках, для советского руководства все вопросы, связанные с компромиссным урегулированием особого статуса Прибалтики в составе СССР, отпали.

Любопытно то, что гитлеровцы уделяли внимания прибалтийским националистам гораздо меньше, чем украинским. Это объяснялось тем, что немецкое руководство опасалось вести активную конспиративную работу с

формированиями айсаргов и беженцами из Эстонии и Латвии, предполагая, что они могут быть завербованы английской разведкой. Между спецслужбами западных стран было своеобразное разделение труда. Английская разведка считала Латвию и Эстонию своей вотчиной. Поэтому агентурные комбинации немцев в этих странах в основном были связаны с изучением театра военных действий, подготовкой диверсий. Немцы не доверяли националистическим лидерам Латвии, Литвы и Эстонии. Для них, считавших себя хозяевами положения в Прибалтике, политическое сотрудничество с лицами, пользовавшимися опекой англичан, было совершенно неприемлемым.

Только Сметона сумел бежать из Литвы в Германию, остальные политические деятели Прибалтики попали в наши руки. Часть латышского и эстонского правительств, их элиты оказалась в эмиграции в Англии. Там же хранился золотой запас этих стран.

События в Прибалтике — пример многоходовой комбинации советской внешней политики. Наш приход в Прибалтику во многом зависел от разгрома англо-французских войск в Западной Европе, поскольку Прибалтийские государства ориентировались не только на немцев, но и на англичан. Крах иллюзий относительно поддержки со стороны Англии и Франции был для них не меньшим ударом, чем уступка нам Германией их территорий в качестве сферы интересов Советского Союза. Но ориентация Прибалтийских государств на Англию не прошла даром. Сопrotивление советизации здесь приняло наиболее ожесточенный и долгосрочный характер после завершения войны. Англичане воспринимали уход Прибалтики из-под сферы своего влияния как временное явление. В Англии сосредоточилась эмиграция Прибалтийских стран. Поэтому мы вынуждены были вести борьбу как с националистическими элементами, опиравшимися на немцев, так и с теми, кто поддерживал тесные связи с англичанами и французами.

К сожалению, народы Прибалтики не только в глазах Англии и Германии были разменной монетой в стратегических отношениях с Советским Союзом. Аналогичным было отношение к ним и со стороны правительства Швеции. Кстати сказать, Швеция была единственной капиталистической державой, которая «откликнулась» на присоединение Советским Союзом Прибалтийских государств предоставлением нам масштабного кредита сроком на пять лет, имевшего для модернизации промышленности исключительно важное значение. В обмен на гарантии своего нейтралитета и отказ от оккупации Финляндии шведское руководство и деловые круги признали страны Прибалтики де-факто органичной зоной геополитических интересов Советского Союза.

И еще одно немаловажное обстоятельство. События в Прибалтике совпали с активизацией деятельности вокруг ликвидации Троцкого. Было это в мае — июне 1940 года. Я собирался в командировку в Прибалтику. Первый заместитель Берии Меркулов уже находился в Риге. Но после встречи на даче у Сталина я высказал Берии сомнение в целесообразности моего немедленного вылета в Ригу, поскольку мы ожидали срочную информацию из Мексики по операции «Утка», могло быть необходимым мое присутствие в Москве. На что Берия ответил, что командировка в Прибалтику, наше содействие по устранению от власти фашистского националиста

Ульманиса — это задание товарища Сталина и оно сейчас чрезвычайно важно для кардинального укрепления безопасности страны. А товарищ Эйтингон, продолжал Берия, облечен всеми полномочиями для принятия решений на месте, и вмешиваться в его действия мы не будем. Немного подумав, он добавил, что для нас чрезвычайно важно решить вопрос по Риге как основном центре Советской власти в Прибалтике, куда должен перебазироваться Прибалтийский военный округ. Это, подчеркнул Берия, имеет первостепенное государственное значение. Что же касается Троицкого, то он в любом случае будет ликвидирован.

О резких расхождениях и натянутых отношениях внутри правительства Латвии — прежде всего между президентом Ульманисом и военным министром Балодисом мы узнали от нашего резидента НКВД в Риге Чичаева, который специально прибыл в Москву. Этот конфликт подрывал стабильность существовавшего режима, уже находившегося под двойным давлением, — нашим и немецким. Немцы, вполне естественно, опирались на своих преданных сторонников в экономических управленческих структурах и деловых кругах, в то время как мы рассчитывали на влияние среди левых групп, связанных как с компартией, так и с профсоюзами. Как бы там ни было, Латвия, как, впрочем, и другие государства Прибалтики, по существу являлась буферной зоной между нами и Германией. План создания широкой коалиции, когда в правительстве должны быть представлены как немецкие, так и советские интересы, также обсуждался на встрече в кремлевском кабинете Молотова. Узнав о таком варианте, президент Латвии Ульманис выступил резко против, между тем как министр иностранных дел Вильгельм Мунтерс неожиданно одобрил эту идею. Обстановка в республике накалялась еще и потому, что там ширилось и поддерживаемое нами забастовочное движение. Углублялся и экономический кризис, вызванный начавшейся войной: традиционные торговые связи региона с Британией и Западной Европой оказались оборванными.

Чичаев и Ветров, советник нашего полпредства в Риге, пришли ко мне, и Ветров предложил сыграть на личных амбициях Мунтерса, чья репутация в Берлине была довольно устойчивой из-за его частых встреч с Риббентропом. Что касается Ульманиса, то его правительство не пользовалось особой популярностью в результате ошибок в экономической области, с одной стороны, примиренческой позиции, занятой им по отношению к шовинистически настроенным немецким бизнесменам в Риге — с другой. Эти коммерсанты скупали все наиболее ценное, что было в республике, широко пользуясь теми преимуществами, которые открывались перед ними из-за прекращения торговых связей Латвии с Западной Европой.

Кстати, около семидесяти процентов всего латвийского экспорта шло в Германию — по существу по демпинговым ценам. Я информировал Берию и Молотова, что правительство Латвии опирается не столько на поддержку регулярных воинских формирований, сколько на вспомогательные полицейские части, составленные в основном из сыновей фермеров и мелких торговцев.

По нашему убеждению, министр иностранных дел Мунтерс был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить правительство, приемлемое как в немецких, так и в советских интересах. Когда он обязал ведущие латвийские газеты опубликовать фотографию Молотова (в честь его 50-летия), мы восприняли это как знак его

готовности установить личные контакты с Молотовым. Наша реакция была незамедлительной: мне тут же выдали дипломатический паспорт на имя Матвеева, а Мунтерса информировали о том, что с ним хотел бы встретиться Матвеев, специальный советник Молотова, для того чтобы латвийский министр мог через него передать все то важное, что у него могло быть помимо протокола. Эти неофициальные послания будут затем вручены советскому руководству. Был июнь 1940 года — и действовать следовало срочно. Вот почему до Риги я добирался не поездом, а на борту скоростного советского бомбардировщика. В Риге я вместе с Ветровым нанес тайный визит Мунтерсу, выразив во время нашей встречи пожелание Советского правительства как можно скорее произвести перестановки в составе кабинета министров республики, с тем чтобы он, Мунтерс, смог возглавить новое коалиционное правительство.

Мой визит был частью комплексной операции по захвату контроля над правительством Латвии. Находясь в Риге под видом советника Молотова, я докладывал обо всем Меркулову, у которого был прямой выход по телефону на Молотова и Берию. Между тем правительству в Риге был предъявлен ультиматум. В результате президент Ульманис вынужден был уйти со своего поста, наши войска оккупировали Латвию, и экс-президента арестовали. Обстановка изменила правила игры. Немцы оказались слишком глубоко втянутыми в военные операции на Западе, чтобы интересоваться событиями, происходящими в Латвии. В связи с этим Молотов и Сталин решили поставить во главе Прибалтийских государств не тех, кто устраивал бы обе стороны (как, например, тот же Мунтерс), а надежных людей, близких к компартии. Правда, некоторые из первоначальных условий, предполагавших создание коалиционных правительств, все же сохранялись. Так, скажем, латвийским и эстонским генералам были присвоены звания, аналогичные званиям в Красной Армии, а Мунтерса хотя и арестовали, но сделали это не сразу.

Вместе с Ветровым я отправился в резиденцию Мунтерса, где нами были предприняты все меры, чтобы упаковать его имущество и без лишнего шума вывезти всех членов семьи в Москву. Оттуда их перевезли в Воронеж, где Мунтерса определили на должность профессора в Воронежский университет. Немецкую сторону мы официально уведомили, что по-прежнему считаем Мунтерса политически значимой фигурой. Находясь под нашим контролем, он встречался в Москве за обедом с немецкими дипломатическими представителями, но судьба его уже была решена, и ему не удалось стать даже марионеточным главой правительства. В 1941 году, когда началась война с Германией, Мунтерса арестовали и приговорили к длительному сроку тюремного заключения за деятельность, враждебную Советскому правительству.

Судьба Прибалтийских государств, которую первоначально определяли в Кремле и в Берлине, во многом похожа на судьбу восточноевропейских, предрешенную в свое время в Ялте. Сходство тут разительное: и в том и в другом случае предварительным соглашением предусматривалось создание коалиционных правительств, дружественных обеим сторонам. Нам нужна была буферная зона, отделявшая нас от сфер влияния других мировых держав, и мы проявляли готовность идти на жесткую конфронтацию в тех районах, где к концу войны находились войска Красной Армии. Снова повторюсь: задачу построения

коммунизма Кремль видел главным образом в том, чтобы всемерно укреплять мощь Советского государства. Роль мировой державы мы могли играть лишь в том случае, если государство обладало достаточной военной силой и было в состоянии подчинить своему влиянию страны, находящиеся у наших границ. Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы, влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была идеологической, она постепенно стала реальным политическим курсом. Такая возможность открылась перед нашим государством впервые после подписания Пакта Молотова — Риббентропа. Ведь отныне, как подтверждали секретные протоколы, одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы.

Прибалтика по своему территориальному положению всегда являлась сферой пересечения многих держав. Ею интересовались Германия, Англия, Советский Союз. В наши дни к ней выражают повышенное внимание и США. И сегодня вопрос стоит иначе: чьи интересы будут доминировать там в ближайшее время? Причем вне зависимости от форм социально-политического устройства. Однако при любом раскладе с двумя существенными факторами придется считаться особенно, поскольку обстановка нынче совершенно иная по сравнению с тем, какой она была в 1940 году. В то время экономическая зависимость Прибалтийских стран от СССР была очень незначительной. Сейчас она — преобладающая. И второй фактор — это русское население. Прибалтийские страны получили независимость в 1991 году в ускоренном порядке из-за грубейших просчетов советской внешней политики. Горбачев, понимая свою обреченность, делал дополнительные уступки Европе, надеясь получить от нее поддержку в критический момент борьбы с Ельциным, что Запад поможет финансовыми и материальными ресурсами, будет способствовать удержанию его у власти в противостоянии с российским руководством. Русское население Прибалтийских стран было забыто. Оно оказалось отодвинутым от властных структур, потеряло гражданство, переместилось на второстепенные роли. Но, тем не менее, его из Прибалтики не выдавить. Это существенный фактор нестабильности в этом регионе. И судя по всему, он будет существовать довольно долго. С ним придется считаться.

Пакт Молотова — Риббентропа имел для нас еще одно последствие — присоединение Западной Украины. После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупационных войск. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных — тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х годов. О том, что творилось в Галиции, я узнал лишь в октябре 1939 года, когда Красная Армия заняла Львов. Первый секретарь компартии Украины Хрущев и его нарком внутренних дел Серов выехали туда, чтобы проводить на месте кампанию советизации Западной Украины.

Во Львове процветал западный капиталистический образ жизни: оптовая и розничная торговля находилась в руках частников, которых вскоре предстояло ликвидировать в ходе советизации. Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, Организация украинских националистов (ОУН) действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности, которого, увы, не было у серовской «команды». Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове. Метод их слежки был крайне прост; они начинали ее возле здания горотдела НКВД и сопровождали каждого, кто выходил оттуда в штатском и... в сапогах, что выдавало в нем военного: украинские чекисты, скрывая под пальто форму, забывали такой «пустяк», как обувь. Они, видимо, не учли, что на Западной Украине сапоги носили одни военные. Впрочем, откуда им было об этом знать, когда в советской части Украины сапоги носили все, поскольку другой обуви просто нельзя было достать.

Пакт Молотова — Риббентропа положил конец планам украинских националистов по созданию независимой республики Карпатской Украины, плану, активно поддерживаемым в 1938 году Англией и Францией. Эта идея была торпедирована Бенешем, который согласился со Сталиным в том, что Карпатская Украина, включавшая также часть территории, принадлежавшей Чехословакии, будет целиком передана Советскому Союзу. Коновалец, единственный украинский лидер, имевший доступ к Гитлеру и Герингу, был, как известно, ликвидирован в 1938 году (когда-то он служил полковником в австрийской армии и пользовался в кругах немецких «наци» некоторым уважением). Другие националистические лидеры на Украине не имели столь высоких связей с немцами — в основном это были оперативники из абвера или гестапо, и британские или французские власти не придавали этим людям сколько-нибудь серьезного значения и не делали на них ставки, когда разразилась война.

В соответствии с секретным протоколом между Молотовым и Риббентропом СССР не должен был препятствовать немецким гражданам и лицам немецкой национальности, проживавшим на территориях, входящих в сферу наших интересов, переселяться по их желанию в Германию или на территории, входившие в сферу германских интересов. Мы, конечно, воспользовались этими условиями для решения своих целей.

Накануне войны немцы пытались наладить сотрудничество с оуновцами. Их директива «О едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН», принятая 22 декабря 1940 года, согласовывалась с немецкой разведкой. В ней, как нам стало известно, говорилось, что «Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить Советы и создать свое украинское государство». Поэтому необходимо, чтобы на Украине действовала организованная политическая национальная сила, которая возглавила бы вооруженное восстание и повела народ к победе. «Такая сила у нас есть, утверждалось в директиве, это — ОУН в союзе с немцами. Она действует, организует украинские массы, выводит их на борьбу».

В директиве ставились задачи террористического и диверсионного характера, шла речь о создании центра политического и военного руководства, а также подготовке и обучении кадров. «Мы должны захватить в свои руки военные пункты и ресурсы Донбасса, морские порты, увлечь за собой молодежь, рабочих, крестьян и армию. Мы должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить врага и рассеять его силы. Украинское военное восстание на всех украинских землях, на всех советских территориях, чтобы довести до полного развала московскую советскую тюрьму народов».

В установках ОУН была объявлена беспощадная война всему украинскому и русскому народу, поддерживающему Советскую власть, зафиксировано «требование о ликвидации врага, указывались функции службы безопасности», которая должна была выявлять коммунистов.

В этих документах содержались и грубые политические ошибки. Например, в них указывалось, что самые большие партизанские действия происходили на Украине в 1924 году, что генерал-хорунжий формирования украинских националистов Тютюнник «является великим партизаном». На самом деле Тютюнник в результате блестяще проведенной оперативной игры украинским ГПУ был выведен с территории Польши вместе со своим формированием на территорию советской Украины, амнистирован... и заявил о признании Советской власти. Впоследствии, правда, он был репрессирован в связи с противодействием политике коллективизации.

Глава 5. События на Балканах

Беседы с послом Югославии Миланом Гавриловичем

Советское руководство накануне войны владело исчерпывающей достоверной информацией о развитии ситуации на Балканах. Важнейшим нашим источником сведений был сотрудничавший с ИНО ОГПУ — НКВД с 1934 Года видный болгарский дипломат Иван Стаменов («Наследник»). Он был привлечен к работе с нами опытным сотрудником ИНО П. Журавлевым.

С назначением в 1940 году Стаменова послом Болгарии в Советском Союзе связь с ним была передана мне. У нас появился доступ к документальной информации о реальных намерениях и переписке правящих кругов Болгарии с немецким руководством. Знаменательно, что на Переговорах Гитлера и Молотова в ноябре 1940 года в Берлине болгарский вопрос вызвал очень резкую реакцию Немцев. Мы располагали тогда всей информацией о действиях Гитлера и намерениях Болгарского правительства. Наша осведомленность базировалась на документах и шифропереписке, а также на сообщениях Стаменова, поскольку он получал инструкции от главы правительства и ОТ царской семьи, в которую он был вхож.

Но что парадоксально? Наша осведомленность о складывающейся обстановке, предложение заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, сделанное нами, кстати, по подсказке Стаменова, ссылавшегося на противоборство в ее правящей группировке, не дали должных результатов. И это несмотря на то, что мы выступили с очень ВЫГОДНЫМИ для Болгарии предложениями не только о заключении пакта, но и предоставлении ей дополнительной Территории во Фракии в случае неблагоприятного для Греции исхода войны с Италией и Германией.

К началу работы со Стаменовым относится также установление моих тесных рабочих отношений с А. Вышинским, в то время заместителем наркома иностранных дел.

В оценке кризиса в советско-германских отношениях, который начался осенью 1940 года в связи с событиями на Балканах и нарастанием угрозы войны в этом районе, важно иметь в виду следующие обстоятельства, касающиеся использования наших агентурных возможностей. Официальная позиция Советского Союза, как мне разъяснял Вышинский, заключалась в том, что СССР, с одной стороны, стремился подписать пакт о взаимопомощи с Болгарией, с другой же — этот пакт не предполагал выхода Болгарии из сферы особых отношений с Германией и Италией. Речь практически шла о том, что мы ни в коем случае не собираемся конфликтовать с немцами и противодействовать вступлению болгар в какие-либо договорные союзнические отношения с ними.

На первый взгляд может показаться, что это половинчатая и беспринципная позиция. Однако для нас это было чрезвычайно важным, ибо речь шла об использовании Стаменова, с которым я неоднократно встречался, в выработке компромиссных договоренностей с немцами и их союзниками, чтобы оттянуть войну. Наша попытка воздействовать через Стаменова на царскую семью в Болгарии была важным моментом политической линии, поскольку мы связывали тем самым

свободу действий немцам на Балканах. К болгарским делам и взаимодействию со Стаменовым активно подключился руководитель Коминтерна Г. Димитров, причем эти дела он не передоверял своим заместителям.

Из бесед со Стаменовым у меня сложилось впечатление, что болгарские правящие круги были напуганы нашим предложением в отношении пакта о взаимопомощи. Левая оппозиция и рабочее движение в это время в Болгарии были довольно мощными. Поэтому правящие круги боялись, что улучшение отношений с СССР будет способствовать укреплению позиции Болгарской компартии. Это толкало не только царя Бориса, но и его окружение на союз с англичанами и немцами.

Установление важного контакта с послом Болгарии в Москве осенью 1940 года стало, однако, прологом еще одного драматического эпизода в действиях разведки и дипломатии на балканском направлении в преддверии неумолимо надвигавшейся германо-советской войны.

В конце октября 1940 года или в самом начале ноября накануне поездки Молотова в Берлин меня неожиданно вызвал Берия, в кабинете которого я застал П. Федотова, начальника контрразведки, и приказал нам срочно явиться к заместителю наркома иностранных дел Вышинскому. Суть поручения состояла в том, чтобы, контактируя с Вышинским, вступить в неформальные доверительные отношения с послом Югославии в СССР Миланом Гавриловичем. Последний по своей инициативе вышел на Вышинского и проинформировал его об обострении обстановки на Балканах и борьбе внутри югославского руководства. Гаврилович рассказал о недовольстве, которое зреет в Югославском правительстве в связи с тем, что германские войска войдут в Болгарию, оккупируют Фракию, что резко обострит болгаро-югославские отношения.

Принявший нас с Федотовым поздно ночью Вышинский пересказал нам разговор с Гавриловичем и сообщил, что с санкции товарища Берии на меня с Федотовым возлагается предварительное обсуждение вопросов, вносимых югославским послом на рассмотрение наркомом иностранных дел и правительством. Вышинский торопил нас подготовиться к разговору с Гавриловичем, который просил принять его в ближайшие дни, когда он будет иметь новые сведения о дальнейшем развитии событий на Балканах.

Таким образом, Вышинский хотел быть заранее подготовленным к обсуждению с послом Югославии острых международных проблем, имея возможность переговорить о них с Молотовым.

Берия поручил мне и Федотову начать работу с Гавриловичем ввиду того, что, по нашим данным, он имел особые отношения с англичанами. Мы рассматривали его как «двойника», негласного английского посредника в международных консультациях по проблеме Балкан, зная, что Гаврилович очень часто ездил за консультациями к английскому послу в Москве С. Криппсу.

Прослушивая английское посольство, мы имели довольно точные данные о теме его общения с англичанами. Прослушивание нами апартаментов югославского посольства подтверждало, что Гаврилович, во-первых, заинтересован в

налаживании доверительных связей с нами, во-вторых, он поднимал вопрос о необходимости изменений в югославском руководстве, поскольку внутренние противоречия обостряются и по этой причине югославские военные круги не могут не быть заинтересованными в установлении особых отношений с «советскими военными инстанциями».

Именно в это время Черчилль в секретном порядке обратился к Сталину с предложением отказаться от договоренностей с Германией и заключить военное соглашение с Лондоном против Гитлера в обмен на признание публично осуждаемой английскими правящими кругами советской оккупации Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши и Северной Буковины. Таким образом Черчилль наглядно подтвердил, что судьбы народов этих стран, политическое устройство западных районов СССР не более чем разменная монета в большой политической игре и что геополитические интересы Советского Союза в этом регионе законны и оправданны.

Предложение англичан было явно провокационным, поскольку буквально через две-три недели британский Форин-офис предал гласности секретное обращение Черчилля к советским властям в открытой печати с целью обострить и осложнить советско-германские отношения. По времени это совпало с известным визитом в Германию главы Советского правительства Молотова в ноябре 1940 года.

В этих условиях после возвращения Молотова из Берлина было принято высшим руководством решение использовать инициативу Гавриловича для негласной, незаметной для немцев координации действий Англии и Советского Союза на Балканах. Поскольку Гаврилович рассматривался как «двойник», осуществить эту операцию в Москве можно было, лишь организовав теснейшее взаимодействие разведки и контрразведки НКВД. Однако несмотря на прекрасное информационное обеспечение нашего правительства и дипломатии, Советскому Союзу не удалось в силу неблагоприятного для нас соотношения сил переломить развитие событий на Балканах в свою пользу, не удалось связать Гитлера длительной военной кампанией в Югославии и Греции.

Я и Федотов были представлены Гавриловичу Вышинским как советники аппарата Наркомата иностранных дел, с которыми ему предварительно следовало встречаться, обсуждать содержание вопросов, прежде чем официально ставить их перед Советским правительством. Во время второй встречи с Гавриловичем в ресторане «Арагви» после его инициативного обращения с предложением о доверительном сотрудничестве с советскими представителями мы поставили перед ним проблемы по линии его отношений с англичанами. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что выходим на вопросы, непосредственно затрагивающие интересы широкого круга Балканских стран.

Беседы с Гавриловичем мы проводили почти всегда вдвоем с Федотовым. Иначе и быть не могло, ведь мы имели дело с «двойником». По окончании бесед делались соответствующие записи, и если разговор был наедине, то сравнивали их. Полученная информация докладывалась руководству. Одновременно мы контролировали поведение Гавриловича. К сожалению, нашей дешифровальной службе не удалось перехватить сообщения, передаваемые им через англичан в

Белград, по предложениям о военном сотрудничестве между СССР и Югославией.

Тогда же возникла идея реализации замысла, который был отвергнут в 1938 году, по свержению правительства Стоядиновича в Югославии, на чем в свое время настаивал Бенеш.

Совершенно неожиданно в нашу работу вмешался ночной звонок Вышинского Федотову. Тот перезвонил мне, и мы вскоре были у заместителя наркома. Оказалось, что спустя неделю после того, как Гаврилович изложил ему балканские проблемы, к Вышинскому явился английский посол Криппс и почти слово в слово пересказал предложения Гавриловича. Таким образом, окончательно стало ясно, что хотя Гаврилович и ведет самостоятельную игру от имени Югославского правительства, тем не менее в этом активно участвуют англичане. Возник вопрос: насколько полно контролируют англичане Гавриловича. С помощью слухового контроля и перехвата шифротелеграмм мы убедились, что стопроцентного контроля за ним нет. Каждая из сторон в этой игре преследовала свои самостоятельные цели. Немцы с подозрением относились к нашим прямым контактам с англичанами. А нам было важно негласно обмениваться мнениями о будущем Балканских стран, о проблеме черноморских проливов, проходе через них военных кораблей стран, о позиции Турции.

Гаврилович активно участвовал в двойной игре. Это подтверждалось и в английских шифровках, попавших в наши руки в Турции. В них англичане сообщали в беседе с нашим резидентом, что они в курсе переговоров, которые югославы ведут с советским представителем в Москве. Это нервировало и настораживало Берия, Молотова и Вышинского. Но тем не менее контакт с Гавриловичем был активно использован нашим Разведупром Генштаба. Когда вызревал вопрос об акции в Белграде, то большую роль в этом сыграла наша военная разведка, в частности Голиков, который встречался с югославскими представителями, тайно прибывшими в Москву.

Особенно нервничал Вышинский. Это было очень заметно, когда я рассказывал о встречах с Гавриловичем перед его официальными встречами с послом. Был даже такой эпизод, о котором он сам мне рассказал. Ведя записи бесед с Гавриловичем, которые направлялись «наверх», он забыл указать ряд важных моментов беседы. Поэтому был вынужден сделать дополнение к ней и отправить его Молотову. Речь шла об изменениях в позиции Югославского правительства.

Думаю, однако, что причиной волнения Вышинского было то обстоятельство, что информация о контактах с Гавриловичем поступала Сталину и Молотову как по линии НКВД, так и по линии Наркомата иностранных дел.

Когда готовился переворот в Югославии, именно мы с Федотовым советовали Вышинскому проинформировать югославские военные круги, чтобы они не давали немцам формального повода для нападения. И действительно, после переворота с нашей и английской помощью, Югославское правительство сразу же заявило о соблюдении всех договоренностей с Германией. Вместе с тем мы несколько перестарались. Меркулов сообщил о будущих событиях в Югославии с санкции Сталина в Коминтерн Димитрову. Югославская компартия сразу же заявила о поддержке переворота. Через несколько часов после того, как военные взяли власть,

в Белграде вышли на демонстрацию рабочие с лозунгами: «Да здравствует независимая Югославия!», «Да здравствует Сталин!» Как мы вскоре узнали, это повергло резидента немецкой разведки в Белграде в сильнейший шок.

Возникла пикантная ситуация в оценке обстановки, связанной с работой по Гавриловичу. Формально наркомом госбезопасности был Меркулов. Он осуществлял руководство Разведывательным и Контрразведывательным управлениями. Но как только речь заходила о чрезвычайных вопросах, которые докладывались непосредственно Сталину, Берия вмешивался в работу, как бы отстраняя наркома госбезопасности. Авторитет Берии был непререкаем. Ему сразу же доложили о контактах с Гавриловичем. Меня поразило, что Берия не чувствовал себя абсолютно уверенным и категорически запретил мне и Федотову советоваться с Гавриловичем по тем вопросам, которые он ставит перед правительством. Мы были вынуждены предложить Гавриловичу перейти на оперативный режим каждодневной связи с Вышинским. Было дано указание НКВД принимать Гавриловича и югославы вне всякой очереди.

Складывалось впечатление, что югославы стремятся к полному сотрудничеству с нами. Член югославской делегации Б. Симич, встречаясь с начальником Разведывательного управления Генштаба Голиковым, несколько раз отмечал, что югославы испытывают недоверие к англичанам, которые не смогут оказать эффективную помощь в случае немецкого нападения, и что они склонны работать с нами.

Дверь для тайных переговоров открыта

Сотрудничая с Гавриловичем и зная при этом о его «двойном» имидже, мы, по сути, негласно сотрудничали с англичанами. Это классический пример того, как решались вопросы на Балканах великими державами, пример тайной дипломатии, когда официально мы не считали для себя нужным связываться с англичанами какими-либо договоренностями по поводу политики на Балканах, за исключением известных вопросов в отношении устья Дуная и других международных договоренностей всех заинтересованных стран.

Когда же речь шла о такой важной стороне, как создание потенциального фронта против Гитлера и сдерживание его, мы предпочитали поддерживать с англичанами тайные связи, негласно сотрудничая в вопросе об укреплении антигерманских позиций на Балканах через Югославию. И если бы не было этого сотрудничества, этой интриги с Гавриловичем, то не было бы соответственно тех деликатных отношений с Черчиллем, которые установились позже.

Черчилль тогда сразу смекнул, что взаимопонимание между Германией и Советским Союзом портится, и именно в контексте этого неофициального сотрудничества, когда обе стороны друг другу не признавались в общих целях, которые они преследовали на Балканах, сразу же после югославских событий отправил известное предостережение Сталину о нападении Германии, сочтя, таким образом, что негласный контакт установлен.

Из наблюдений за двойной игрой Гавриловича нам было ясно, что по ряду вопросов, которые я и Федотов задавали ему, например, о возможности будущего военного союза с Югославией, об угрозе ее расчленения, он ставил в известность Белград, прибегая к шифропереписке через английское посольство. Но и мы, и англичане делали вид, что ничего не замечаем, и продолжали плести вокруг этого интригу. Первыми инициаторами нашего сближения были сами югославы. Хотя Гаврилович не питал никаких симпатий к советскому режиму, он пришел к нам сам осенью 1940 года вместе с военным атташе Поповичем. Их интересовал вопрос о поставках советского оружия Югославии. Эти беседы велись неофициально, однако нам было абсолютно ясно, что они выполняют директивы своего правительства, поскольку вслед за этим последовала особенная активность со стороны югославов. Хотя вопрос был очень принципиальным и созвучным с кризисом в Югославии, для нас он был, что называется, обоюдоострым. Мы выступали совершенно четко против расчленения страны, на чем настаивали немцы. Но поскольку югославы сотрудничали с венграми, мы были уверены, что любые наши договоренности о поставках оружия станут известны немцам. Поэтому наше руководство не спешило. Кроме того, появилась еще одна причина: сменился начальник Генерального штаба Мерецков, который первоначально был в курсе этих переговоров.

С Поповичем в тесном контакте была наша военная разведка. Но она не могла вести работу без опоры на контрразведку в Москве, которая обслуживала все эти встречи. При участии такого количества людей вряд ли возможно было все сохранить в тайне. К тому же англичанам очень нравилось поддразнивать немцев. В результате произошел крупный скандал — спровоцированная англичанами утечка в

американские газеты о том, что Советский Союз и Югославия ведут тайные переговоры о военном сотрудничестве. Последовало наше опровержение, а за ним большой «нагоняй», который я и Федотов получили от Берии, Меркулова, а затем и от Вышинского.

В марте 1941 года к нам поступили важные данные от близкого к Криппсу корреспондента американских газет в Москве, ярого антисоветчика Г. Шапиро, одновременно работавшего на нас и американскую разведку. Шапиро был авторитетным специалистом по России. НКВД даже устроило ему интервью со Сталиным. После беседы с Криппсом Шапиро доверительно сообщил Федотову, что англичане в случае военного конфликта между СССР и Германией в связи с развитием кризиса на Балканах ни в коем случае не пойдут на мирное соглашение с Гитлером.

Вскоре к нам по поручению Черчилля обратился Криппс с просьбой организовать ему самолет и отъезд для участия в важных ближневосточных переговорах. Появление Криппса в Анкаре и Стамбуле не прошло мимо внимания немцев. Англичане сделали верный вывод о том, что в долгосрочном плане возможно и сотрудничество с Советским Союзом. Это уже было в конце апреля 1941 года, после разгрома Югославии. Они очень высоко оценили тот факт, что мы пошли на соглашение с югославским Правительством, хотя нам было известно, что югославы воспользовались не только нашей, но и их поддержкой в организации антигерманского переворота.

Быстрый разгром Югославии для нас не стал полной неожиданностью: слабость сербской позиции была ясна заранее. Возникла необходимость в оформлении отношений с Гавриловичем. Он был проинформирован, что Советский Союз вынужден будет закрыть югославскую миссию, но при этом не шла речь о том, что он должен покинуть Советский Союз.

В этом было принципиальное отличие от других миссий, скажем, Бельгии, Норвегии. Перед Гавриловичем был поставлен вопрос: могут ли югославы оставить у нас для ответственных поручений сотрудника югославской военной разведки Симича. На это был дан положительный ответ.

Мы оказали содействие Югославии в покупке барж по линии Наркомата внешней торговли для вывоза воинского персонала через Румынию по Дунаю.

Затем мы дали твердое заверение Гавриловичу, Симичу и будущему югославскому правительству, что Советский Союз ни при каких условиях не признает правительство Хорватии и других откалывающихся югославских республик, хотя гитлеровцы уже поспешили объявить о Признании независимости Хорватии.

Из последних бесед с югославами стало известно, что среди немцев распространяются карты приграничных районов СССР. Идет активная подготовка к военным действиям.

Надо отметить, что наш Генштаб, его военные аналитики оказались не на должной высоте. Маневренный характер современной войны, наступательные операции немцев одновременно в нескольких направлениях не были учтены, так как

они резко контрастировали со схемой Первой мировой войны — нанесением главного удара на одном решающем направлении.

Внешнеполитическая активность англичан в труднейший для них период войны в отношениях с СССР нарастала. Нами же принимались соответствующие меры предосторожности. После югославских событий Сталин избегал лично принимать английского посла Криппса, «спускал» его сразу на уровень заместителя наркома иностранных дел. Для нас, как уже говорилось, было важным не оказаться в глазах немцев втянутыми в какие-либо серьезные внешнеполитические переговоры со злейшим врагом Гитлера Черчиллем. Советское руководство начало склоняться к варианту секретной проработки вопроса о будущих союзниках в неизбежной войне с Гитлером, имея в виду нейтральную тогда державу, но фактически союзника Англии — Соединенные Штаты Америки. Тем более что из кругов, близких к влиятельному соратнику Рузвельта министру финансов Г. Моргентгау, мы получали ясные сигналы о желании начать секретный диалог по этому вопросу.

С. Криппс, между тем, не хотел выпускать инициативу в установлении доверительных отношений из своих рук. Однако ему это не удалось. Сталин, зная Криппса как лейбориста, хотя и близкого к Черчиллю, не санкционировал Вышинскому установления с ним доверительных отношений.

Помимо чисто дипломатических переговоров, направленных на то, чтобы оттянуть войну и прощупать будущих союзников, руководством Наркомата обороны и НКВД с санкции Сталина предпринимались и собственные контрмеры. Мы приводили войска в повышенную боевую готовность, однако четкого представления о ее реальном состоянии у нас не было. Началась переброска армий с Дальнего Востока, с Кавказа, Средней Азии — создание так называемого второго эшелона. Был издан ряд директив о тайной мобилизации войск и агентуры по линии НКВД, о приведении в боевую готовность нашей резидентуры в Германии, и одновременно проводилась подготовка к мобилизации чекистских кадров, находившихся в запасе.

Но на переднем крае мобилизационных действий оказалась военная контрразведка. Ее руководство за полгода до начала войны разработало и утвердило инструкции и боевые уставы для действий в «особый» период, то есть в период войны. Мы же в Разведуправлении начали проводить в жизнь эти меры в большой спешке лишь в апреле — мае 1941 года.

Глава 6. Немецкие спецслужбы накануне войны

По установленному порядку разведывательные органы должны докладывать правительству обо всех сигналах слухах, связанных с угрозой большой войны или локального военного конфликта. Это, можно сказать, их святая обязанность. По этой причине иногда случалось, что мы идя на поводу немецкой дезинформации, оказывались ее жертвами. Весной 1941 года немцам не раз удавалось переиграть советские резидентуры в Берлине, Софии, Бухаресте, Братиславе, Анкаре. Нашей главной ошибкой был преувеличение роли немецкого посла в Москве граф Шуленбурга, который при встречах неизменно подчеркивал заинтересованность немцев в развитии экономических отношений с Советским Союзом.

Вместе с тем надо иметь в виду и тот факт, который неправомерно отрицается, что в немецком руководстве были серьезные разногласия в отношении войны против СССР и что окончательное решение о нападении было принято 10 июня 1941 года, то есть за 12 дней до начала военных действий.

Мне могут возразить, ведь план «Барбаросса» был представлен на утверждение Гитлера еще в декабре 1940 года. Но разработка военных планов, в том числе наступательных широкомасштабных операций, была обычно практикой всех генеральных штабов крупнейших держав Европы и Азии в 1930—1940-е годы. Для нас никогда не было секретом, что такого рода планы разрабатываются фашистской Германией. Другое дело — политическое решение о развязывании войны и об осуществлении на практике замыслов военного командования.

Для германского руководства вопрос о войне с СССР в принципе был решенным. Речь только шла о выборе благоприятного момента для нападения. С военной точки зрения время для начала военных действий было выбрано Гитлером безошибочно. Немцы верно оценили сравнительно низкий уровень боеготовности войск Красной Армии, дислоцированных в приграничных округах. Для Гитлера было выгодно навязать нам войну в то время, когда техническое перевооружение механизированных корпусов и нашей авиации не было завершено.

И все же если оценивать операции немецкой разведки по дезинформированию нас весной 1941 года, то нужно сказать, что вклад абвера и службы безопасности (СД) был не таким уж значительным. Гораздо выигрышнее в этом деле выглядит специальное разведывательное бюро Риббентропа, то есть та часть разведывательного аппарата, которая замыкалась на МИД Германии. Здесь немцы достигли значительно большего результата.

Но зато немецкая военная разведка — абвер — эффективно действовала в приграничной и прифронтовой полосе, где развернулись в начале войны неудачные для нас сражения. Под видом дезертиров из германской армии к нам в пограничные районы почти беспрепятственно забрасывалась немецкая агентура. Чуть ли не косяком она шла в Западную Белоруссию и Западную Украину. «Дезертиры» выдавали себя за австрийцев, призванных на немецкую военную службу после аншлюса Австрии. Этот маневр абвера, который вел свои операции в Румынии, Польше и Болгарии, нам удалось вовремя разгадать. Агенты-австрийцы, такие как

Иоган Вечтнер, Франц Шварцель и другие, были опознаны и обезврежены.

Допросы липовых перебежчиков позволили нам впервые узнать о конкретных руководителях немецких разведывательных органов. Мы установили, что своих агентов немцы готовили для краткосрочных диверсий непосредственно в нашем тылу. Было абсолютно ясно, что немецкое командование активно изучает будущий театр военных действий. Однако, к сожалению, мы не сделали из этого выводов, что Гитлер планирует молниеносную войну.

Весной и в начале июня 1941 года абвер, следует признать, свою задачу по разведке прифронтной полосы в целом выполнил. Он обладал данными, которые поставляли агенты-маршрутники и местное население. Немцы были осведомлены о расположении наших войск, о дислокации аэродромов, местонахождении нефтебаз благодаря хорошо налаженной работе аэрофоторазведки, радиослужб и визуальной разведки. В актив абвера надо записать вывод из строя 22 июня узлов связи Красной Армии.

Удары немецкой авиации по нашим аэродромам оказались четко спланированными. Наиболее жестоким бомбардировкам подверглись аэродромы Юго-Западного фронта. Особенно сильно пострадала авиация, находившаяся в Черновцах, Станиславе — Ивано-Франковске, Результаты налетов оказались ошеломительными и для Белорусского (Особого) военного округа. Практически полностью были уничтожены самолеты, запасы горючего. Наша авиация понесла невосполнимый урон. Это можно отнести к достижениям немецкой разведки. Она получала точные сведения от местных жителей, сотрудничавших с ОУН и прибалтийскими националистами.

В то же время наши потери в значительной мере были обусловлены и низким уровнем боеготовности ВВС и ПВО к отражению нападения. В нарушение основных положений уставов об охране аэродромов и стратегических складов не были развернуты даже дежурные огневые средства. За это командованию ВВС и ПВО — известным героям-летчикам и генералам пришлось расплачиваться своей головой. Они были расстреляны летом — осенью 1941 года по сфальсифицированным обвинениям в измене Родине и вредительстве. Судьба Г. Штерна, Я. Смушкевича и других широко известна. Однако мало кто знает, что среди жертв этой трагедии были люди, попавшие в роковой список по инициативе местных партийных руководителей.

По сфальсифицированному обвинению был расстрелян в феврале 1942 года Герой Советского Союза, Герой испанской войны, командующий ВВС Юго-Западного фронта Птухин. Арестовали его и предали суду на основании специальной записки Никиты Хрущева, которую он передал Сталину, ставя как член Военного совета фронта вопрос об ответственности Птухина «за разгром советской авиации».

Однако немецкая разведка все же не сумела предсказать гитлеровскому командованию малую вероятность разгрома Советского Союза в краткосрочной летней военной кампании. Немцы не обладали исчерпывающими данными о нашем военно-экономическом потенциале, они вынуждены были опираться на агентуру из

формирований оуновцев, грузинской, армянской и азербайджанской эмиграции, националистов Прибалтики, которые не имели доступа в наши экономические министерства и ведомства и в среду высшего и среднего звена советского военного командования.

Следует остановиться на важной операции немецкой разведки в самый канун войны. Весной 1941 года под видом туриста абвер направил в Советский Союз опытного оперативного работника. Нам, к сожалению, стало известно об этой акции только когда он уже покинул нашу страну. Но этот результативный разведчик был, по-моему, преждевременно «засвечен». Перед майором абвера Хольтусом, он же доктор Бруно Шульце, была поставлена задача собирать развединформацию о военно-промышленных объектах. Его поездка по изучению наших железных дорог пролегла по маршруту Москва — Харьков — Ростов-на-Дону — Грозный — Баку. Немцы стремились установить пропускную способность наших железнодорожных магистралей и предположительно разработать план диверсий, чтобы вывести их из строя. Шульце, возвратясь в Москву, передал собранную информацию немецкому военному атташе и уехал. Позже нам стало известно о его вояже, а также и то, что он получил указания подготовить диверсионные операции на наших нефтепромыслах в Закавказье и создать для этого специальную опорную базу в Иране.

Довольно странно то, что немецкая разведка Хольтуса, прошедшего довольно обстоятельное визуальное изучение наших объектов, вместо того, чтобы использовать его на диверсионной работе по этой линии, предпочла направить в качестве резидента диверсионной группы в Иран. По подложным документам секретаря-референта немецкой торговой компании Шульце — Хольтуса забросили в Тебриз, где он собирал разведывательную информацию, используя агентов из числа армянских и азербайджанских эмигрантов. Там он попал в наше поле зрения. В итоге его разведгруппа была захвачена и уничтожена.

Абвер накануне войны обладал одним существенным преимуществом перед советскими органами госбезопасности. В его структуре функционировал специальный отдел по проведению разведывательно-диверсионных операций. При нем был сформирован учебный диверсионный полк «Бранденбург-800» в составе национальных рот карательного батальона «Нахтигаль» («Соловей») задолго до начала войны. «Бранденбург» проявил себя в диверсионных операциях еще на Западном фронте. Потом он был передислоцирован на Восточный фронт. Этот немецкий спецназ привлекался и для обеспечения важнейших задач стратегического значения. Например, по нашим данным, полученным из Румынии, специальная рота 2-го батальона «Нахтигаль» была переброшена в Румынию для охраны нефтескважин и сопровождения транспорта, то есть немцы использовали специальные подразделения как для диверсий, так и для охраны стратегических объектов. Начиная с февраля и до 15 июня 1941 года диверсионные подразделения были развернуты против нас, заняв выжидательные позиции. Штаб-квартирой батальонов полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии.

Надо подчеркнуть, что в 1940 году спецназ использовался немцами

преимущественно в прифронтовой полосе. Например, полк «Бранденбург-800» во время операций против Греции и Югославии захватил мост через реку Вардер в Северной Греции и удерживал его до подхода авангарда прорвавшихся к Салоникам немецких танковых дивизий.

На нашей территории свои диверсионные подразделения первоначально действовали так же, как в Югославии. Например, в ночь на 22 июня 1941 года абвергруппы полка «Бранденбург-800» появились на участках Августов—Гродно — Колынка — Рудники — Сувалки и захватили 10 стратегических мостов. Сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм. Спецподразделение абвера сумело воспрепятствовать эвакуации и уничтожению важных секретных документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

15—17 июля, переодетые в красноармейскую форму украинские националисты из батальона «Нахтигаль» и немцы 1-го батальона «Бранденбург-800» совершили нападение на штаб одной из частей Красной Армии в лесу под Винницей, но атака была отбита, нападающие рассеяны и частично уничтожены.

28 июля диверсанты 8-й роты полка «Бранденбург-800», также закамуфлированные в красноармейскую одежду, захватили и разминировали подготовленный к взрыву отступающими советскими войсками мост через Даугаву под Даугавпилсом. В ожесточенных боях абвер потерял командира подразделения, но все же рота удержала мост до подхода передовых частей немецкой армии «Север», рвущихся в Латвию.

29—30 июля тот же 1-й батальон, подкрепленный «Нахтигалец», занял Львов и взял под контроль стратегические объекты и транспортные узлы города. Затем военнослужащие абвера и весь состав батальона «Нахтигаль» по специальным спискам, составленным агентами краковского отделения абвера, осуществили массовые казни еврейского населения, а затем и польской интеллигенции во Львове.

Оценивая действия немецкого спецназа, следует отметить, что учебный полк особого назначения «Бранденбург-800», усиленный специальными ротами для выполнения особых заданий, был запланирован к использованию на совершенно других направлениях, в том числе для диверсионных действий против англичан на Ближнем Востоке. Однако немецкое командование сочло нужным в сжатые сроки переориентировать их вместе с опергруппами абвера и СД на расправу с противниками оккупационного режима в СССР, Греции и Югославии.

Давайте остановимся на двух особенностях подготовки немецкого спецназа и его использования в начальном периоде войны против нас. Во-первых, перед ним ставились узкие боевые задачи действий в прифронтовой полосе и в ближайших тылах Красной Армии. Диверсий в нашем глубоком тылу, за исключением бакинских нефтепромыслов, немецкое командование не планировало. Во-вторых, формирование спецназа и агентурных групп в нашем тылу из эмигрантов противник вынужден был проводить, используя антисоветский и антироссийский потенциал только определенной части эмиграции. При существующем недоверии к белой эмиграции о массовой вербовке не могло идти и речи. Это существенным образом

ограничивало сферы разведывательно-диверсионной деятельности абвера на Восточном фронте.

Специальное подразделение абвера — штаб «Вали» для действий против СССР в условиях военного времени был развернут противником лишь к середине мая 1941 года вблизи Варшавы.

Кто руководил немецкой разведкой

Интересна судьба некоторых известных мне руководителей немецкой разведки. Почти все они после войны оказались захваченными нами. В плен попал полковник Э. Штольце, возглавлявший диверсионные операции абвера, заместитель генерала Лахузена, генерал Бентивини, под чьим руководством проводились контрразведывательные операции абвера за границей, генерал Г. Пикенброк начальник отдела «абвер — заграница» в 1938–1943 годах.

Показания захваченных в плен руководителей абвер рассылались в 1945–1948 годах для ознакомления начальникам самостоятельных служб и подразделений НКВД-МГБ СССР. Сейчас этим материалам уделяется недостаточное внимание. Между тем из их показаний видно, что, хотя подготовка к войне с Советским Союзом велась давно, конкретные задачи немецкой разведке по обеспечению нападения были поставлены лишь за один — полтора месяца до начала войны. Развертывание германских войск для наступательных операций началось буквально за несколько недель до 22 июня. Конкретные же задачи, поставленные перед абвером в начале июня 1941 года, ограничивались лишь изучением и планированием операций в пределах фронтовой полосы.

Что собой представляли руководители немецкой разведки? Например, шеф абвера—1 генерал-лейтенант Ганс Пикенброк был кадровым военным. Шеф абвера-2 генерал-майор Эрвин Лахузен руководил немецкой диверсионной работой против Англии, США и Советского Союза. Он стал работать в абвере лишь в 1938 году, перейдя из австрийской военной разведки после аншлюса Австрии. Но и до этого он тесно сотрудничая с немцами против Чехословакии.

Хотелось бы отметить еще один момент, связанный с судьбой руководителей немецкой разведки. Когда в 1943 году Гитлер разогнал абвер, передав его в аппарат под контроль службы безопасности СД, те, кто попал под подозрение как участники оппозиции Гитлеру, были отправлены общеевойсковыми командирами на фронт.

Мне запомнились материалы допросов бывшего командира пехотной дивизии германской армии генерал-лейтенанта Ганса Пикенброка. Человек, который, как уже говорилось, занимался агентурно-оперативной работой, был назначен командиром обычной пехотной дивизии.

Как следует из его показаний, никаких приказов, связанных с подготовкой плана «Барбаросса», он не получал, хотя приказы и установки в связи с подготовкой к войне с Россией существовали. В марте 1941 года об этом шел разговор с Канарисом и в то время полковником Лахузеном. Только в мае 1941 года он был проинформирован в самом общем виде о том, что война, возможно, начнется в первых числах июня 1941 года. Отмечу, что Пикенброк поддерживал рабочую переписку с начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом В. Типельскирхом, написавшим потом «Историю Второй мировой войны». Эта книга издана и у нас. В рабочих отношениях он был и с начальником отдела иностранных армий «Восток» полковником В. Кинцелем, которого сменил Р. Гелен, руководивший немецкой

военной информационно-аналитической службой в годы войны и в 1950–1970 годы возглавивший разведку ФРГ.

По показаниям Пикенброка, задания военной агентуры накануне войны сводились в основном к проверке старых разведывательных данных по Красной Армии, а также по уточнению дислокации советских войск в приграничных округах.

Какие методы использовали немцы? Пикенброк говорил, что было направлено значительное количество агентуры в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях использовались германские подданные, ездившие по различным делам в СССР, а также проводился опрос лиц, ранее бывавших в СССР.

После пленения Пикенброка держали, как говорится, про запас. Не исключалось, что он мог понадобиться. Лишь 26 марта 1952 года Военной коллегией Верховного суда СССР он был осужден, позднее, в 1955 году, репатриирован по амнистии в ФРГ.

Несколько слов о штабе «Вали» — специальном органе абвера по тайной войне против СССР. Его возглавлял Баум — специалист по России в звании майора. Это показатель того, что противник, уверенный в быстрой победе, не развернул против нас центральный аппарат абвера, надеясь, что он свою работу по агентурному проникновению, насаждению у нас нового порядка совместно со службой безопасности осуществит после решения главной задачи — молниеносного разгрома Красной Армии, который мыслился в основном в приграничном сражении. Недаром ведь 7 мая 1941 года руководитель военной разведки Канарис и немецкий военный атташе в Москве, докладывая Гитлеру о соотношении сил, высказывались о предстоящей войне как о быстротечной кампании.

Из анализа разведывательно-диверсионных операций противника в начале войны мы видим, что он был хорошо подготовлен и целенаправленно использовал против нас диверсионные группы в прифронтовой полосе. Нами был сделан вывод, что необходимо значительно усилить противодиверсионное обеспечение и охрану важных объектов в тылу. А ответные удары мы можем наносить специально подготовленными группами.

Спецназ следовало создать не для противодействия диверсиям, а для действий прежде всего на коммуникациях противника. Поэтому войска НКВД, хотя и создавались как бригада особого назначения, по своей организации и структуре были подразделениями не массовой подготовки диверсантов, а штучной. Эффективность их использования определялась тесным взаимодействием с агентурно-разведывательными боевыми группами, что давало возможность в кратчайшие сроки реагировать на те или иные повороты событий на фронте.

Второй момент — как известно, в канун войны немецкие спецслужбы в массовом порядке использовали примкнувшие к ним националистические элементы, которые стали основой диверсионно-разведывательных формирований и в ряде случаев должны были сомкнуться с бандитским движением для организации беспорядков в нашем тылу. Противодействуя националистическому подполью, мы в основном обезглавили его в прифронтовых районах. Однако ущерб от совместных

выступлений националистов и немецких диверсантов на территории Прибалтики в июне — июле 1941 года все же был значительным.

Немцы и «мусульманский фактор»

Противник активно искал возможности задействия против нас так называемого «мусульманского фактора». Одним из агентов немецкой разведки был профессор «Идрис», татарин, ранее проживавший в Казани и получивший там университетское образование. Будучи участником Первой мировой войны, он попал в плен к немцам. Уже тогда сотрудники немецкой разведки собирали сведения среди русских военнопленных. В порядке обмена военнопленными «Идрис» выехал в Россию. А в 1922 году вместе с так называемой бухарской комиссией снова приехал в Германию. Тогда отношения между Германией и Советским Союзом улучшились. Но после окончания работы комиссии «Идрис» отказался вернуться в СССР и остался в Берлине. Он продолжительное время был внештатным консультантом немецкого МИДа и по совместительству работал в Министерстве пропаганды, часто выступал по радио с антисоветскими речами на турецком языке. Вокруг «Идриса» группировались те, кто использовался на мусульманском направлении немецкой разведки. Противник готовился к тому, что Средняя Азия станет театром военных действий, при этом будут задействованы старые и проверенные кадры.

В мае 1941 года наряду со штабом «Вали» создаются боевые органы и в немецкой службе безопасности (СД) — это несколько подразделений, так называемых рефератов, в якобы научно-исследовательских центрах по изучению стран Востока. Например, отделение «А» ведало материальным обеспечением, поставкой боеприпасов, радиоаппаратуры, взрывчатых веществ агентурно-диверсионным группам, которые планировалось забрасывать в тыл Красной Армии. Отделение «В» проводило агентурно-разведывательную работу на европейской части СССР. Отделение «Н» должно было организовывать диверсии на Кавказе. Подреферат «Д» проводил агентурно-разведывательную работу на территориях советских республик Средней Азии.

В мае 1941 года появилась специальная группа при рефератах по внедрению в агентурно-осведомительную сеть НКВД и органов госбезопасности. Важнейшей задачей ее было «раскрытие и ликвидация исключительно сильной агентурно-осведомительной сети ГПУ».

Координацией деятельности органов немецкой военной разведки, службы безопасности СД и разведывательного бюро Риббентропа некоторое время руководил генерал Ф. Нидермайер, хорошо известный разведке и контрразведке НКВД. Он, прекрасно владея русским языком, неоднократно встречался с нашим резидентом в Берлине в 1940–1941 годах А. Кобуловым. О судьбе Нидермайера во Владимирской тюрьме и о его смерти мы долго говорили с сотрудником Администрации Президента России и историком Л. Решиным.

Нидермайер, видный немецкий дипломат и разведчик, считался весьма авторитетным специалистом по России. В 20—30-е годы он был немецким военным атташе в Москве. С санкции своего руководства действовал как «двойник» немецкой и советской разведок. В этом качестве с ведома Артузова Нидермайер поддерживал личные доверительные отношения с маршалом Тухачевским.

В 1940 году он пытался по поручению Канариса и Риббентропа возобновить с нами неофициальные отношения в беседах с Кобуловым. Однако нам через источники в эмиграции и в гестапо стало известно, что Нидермайер выступает с предложением о создании в преддверии войны Туркестанского легиона — националистических мусульманских организаций для действий против советских войск. Речь шла о создании Туркестанского, Волго-татарского комитетов, Крымского центра, Азербайджанского, Северо-Кавказского, Армянского, Грузинского штабов. Таким образом, у немецких разведывательных органов были большие планы по разыгрыванию мусульманской карты против Советского Союза.

Немецкая разведка, в частности бюро. Риббентропа, стремилась активно использовать против нас и грузинскую эмиграцию. Сейчас этих перебежчиков воспринимают как национальных героев Грузии. Вот краткая биография одного из них — некоего Н. Кедии, руководителя так называемого Грузинского комитета в Берлине. По профессии журналист. С 1927 года проживал в Париже. Примкнул к партии грузинских социал-демократов. После нападения Германии на Советский Союз переехал в Берлин, вступил в немецкую армию, сотрудничал с гестапо, вошел в руководящий состав прогерманского грузинского комитета. В период временной оккупации объявился в Пятигорске, где создал антисоветскую националистическую организацию «Ассоциация Грузии», которая оказывала помощь немецкой армии, готовила агентуру для переброски в Грузинскую ССР. После войны перебрался в США.

Надо отметить, что между советскими органами госбезопасности, советской военной разведкой и немецкими разведывательными органами накануне и в течение всей войны существовала кардинальная разница. Все руководство немецкой и военной разведок и службы безопасности получило всестороннее образование в военных академиях и училищах. Я слабо знаю кадры военной разведки Красной Армии, но у нас во внешнеполитической разведке НКВД — НКГБ накануне войны только Эйтингон и Мельников имели законченное высшее военное образование. Но зато наш аппарат был укомплектован отличными специалистами по Германии. Немецкое направление — 1-й отдел разведывательного управления НКГБ, имел костяк сотрудников, прекрасно знавших немецкую военную и полицейскую машину. Среди них начальник 1-го отдела П. Журавлев, ведущие оперработники З. Рыбкина, А. Коротков, легендарная Е. Зарубина, востребованные войной после необоснованных репрессий, нелегалы Ф. Парпаров, И. Каминский, спецагент, один из главных вербовщиков «Красной капеллы» М. Гиршфельд.

Немецкий разведывательный аппарат в высшем и среднем звене представляли люди, знавшие театр военных действий в Западной Европе. А майор Баум, возглавивший за месяц до войны штаб «Вали», неплохой специалист по России, был офицером примерно среднего звена. Абвер ориентировался прежде всего на ведение диверсионных операций в нашем ближайшем тылу и на выполнение заданий по тактической разведке. Немцам удалось разведать цели вдоль границы. Но в своей работе противник вынужден был опираться, как я уже писал, на эмигрантские формирования. А они-то как раз были нам известны по оперативным учетам. Таким образом, мы обладали большими возможностями им противодействовать.

Наконец, самый главный момент. Получалось, что непосредственным планированием разведывательных операций противника и их руководством занимались люди некомпетентные в русском вопросе. Не случайно из-за ряда интриг из германской разведки были изгнаны специалисты по России, предано забвению завещание генерала фон Секта, предупреждавшего о невозможности молниеносной войны с Россией. А полковника, позже генерала Нидермайера, поскольку, как уже было сказано, он по долгу службы сотрудничал с Разведупром Красной Армии и Тухачевским, немцы использовали с большой осторожностью. К нему не было полного доверия. Он отсиживался на скромной должности советника и в итоге оказался руководителем разведывательных операций лишь по «мусульманской линии».

У руководства немецкой разведки, можно сказать, произошло ослепление «молниеносной войной». Кроме того, они были уверены, что с помощью разведывательно-диверсионных акций и опираясь на раскулаченное крестьянство в тылу нашей страны им удастся создать пятую колонну наподобие той, которая успешно действовала в странах Западной Европы. В действительности же все сложилось иначе. Они также просчитались насчет массовой опоры на оккупированных территориях Украины и Белоруссии. Да и в Прибалтике местное население, за исключением участников военизированных националистических формирований, не встретило немецкую оккупацию хлебом-солью.

И еще об одном важном преимуществе советской разведки и контрразведки. Мы хорошо знали противника. Еще в 30-е годы от завербованного нами сотрудника полиции, позднее гестапо В. Лемана (Брайтенбаха), видного деятеля штурмовиков В. Стенеса («Друг») нам была хорошо известна тактика и принципы действий нацистских спецслужб. Мы представляли себе структуру германской разведки изнутри. В этом неоценимый вклад Лемана и Стенеса в нашу победу над фашизмом. Наш противник в течение всей войны и ее кануна, несмотря на захват наших агентов и даже руководящего Центрального аппарата разведки Владимира Лягина в Николаеве, не имел никаких источников внутри Центрального аппарата советских органов безопасности. Наши действия против спецслужб гитлеровской Германии по этой причине были нацелены на наиболее уязвимые ее звенья.

Работа с Брайтенбахом оказалась исключительно плодотворной в пополнении данных наших оперативных учетов. Это сыграло важнейшую роль в нашей победе в тайной войне 1941–1945 годов. Мы в самом начале войны знали реальные кадры среднего и высшего звена германской разведки и контрразведки, их сильные и слабые стороны.

Глава 7. О репрессиях в НКВД-КГБ. Мифы о заговорах в спецслужбах

Тема репрессий — особая. Хотелось в этой связи обратить внимание на обстоятельства, которые остаются вне поля зрения тех, кто стремится историю разведки писать уже по укоренившимся шаблонам. Необходимо иметь в виду, что архивные материалы не могут дать целостной картины того, что произошло в те годы. Часто в показаниях потерпевших и реабилитированных ныне людей по делам 30—50-х годов мы читаем и черпаем не только недостоверные сведения, но и оказываемся в плену устоявшихся версий и мифов, в достоверность которых верит не только некомпетентная в этих вопросах общественность, но и нынешние сотрудники и ветераны спецслужб.

В ходу утверждение о том, что Ежов прежде всего уничтожал работников старой школы Дзержинского. Это в принципе верно. И Берия их уничтожал, и Абакумов их не любил. Многие оказались выбиты, особенно те, кто занимал руководящие должности в органах госбезопасности и разведки. Но мы забываем и другое очень важное обстоятельство. Среди старых кадров «школы Дзержинского» наблюдалась известная напряженность в личных отношениях, имело место некоторое соперничество.

Так было и в органах разведки. Эйтингон, который почти с самого начала существования Иностранного отдела ОГПУ работал в нем и со временем вырос в крупного работника, рассказывал мне о напряженных отношениях между Ягодой и Трилиссером, не ладили между собой начальник контрразведки А. Артузов и начальник ИНО Трилиссер. Артузов, как известно, стал впоследствии начальником разведки. Трилиссер же перешел на работу в Коминтерн. Артузов в письме к Менжинскому в 1931 году оправдывается за некоторые упущения в работе и даже пишет о «трилиссерских извращениях» в работе разведки. Неудивительно, что когда эти люди были арестованы, они давали показания друг против друга как о «заговорщиках в НКВД».

Когда в Комитете Партийного контроля при ЦК КПСС проверялось мое дело, оказалось, что в различных приложениях к нему были аккуратно подшиты в качестве «компрометирующих материалов» выписки из провокационных показаний и доносов (в 1930–1961 годах) фактически на всех видных работников советской разведки в довоенный период и послевоенные годы правления Сталина.

Ко мне было исключительно доброжелательное отношение руководства КПК в лице А. Пельше, И. Густова, начальника секретариата КПК Г. Климова. Поэтому, ознакомившись с этими документами, я напрямую, без обиняков спросил Густова, почему в ЦК КПСС при рассмотрении реабилитационных документов все равно представлялись из прокуратуры и КГБ протоколы допросов арестованных, свидетелей и осужденных по сфальсифицированным политическим делам 30—50-х годов, правда, с чудовищной и циничной оговоркой, что «данные, приведенные в протоколах, не вполне достоверны». Разъяснения меня просто потрясли. И. Густов и Г. Климов откровенно сказали, что, к сожалению, «наверху», независимо от

реабилитации того или иного человека, его принято считать скомпрометированным. Эта логика жива и сейчас. Компрометирующие материалы по делам репрессий в сфере госбезопасности разведки подлежат вечному хранению и, очевидно, использованию.

Обстоятельства и мотивы репрессий в органах госбезопасности и разведки можно понять, лишь разобравшись с лживой версией о мифических заговорах в органах НКВД — МГБ — КГБ. Надо также иметь в виду, что советское руководство от Сталина до Горбачева приложило немало усилий к тому, чтобы втоптать в грязь и скомпрометировать всех без исключения руководителей советской разведки и контрразведки 30–50 годов. Дело не только в руководителях — Ежове, Берии, Абакумове, Молотове (в 1947–1949 годах возглавлял Комитет по информации). Фактически тюрьмам, гонениям, ссылкам были подвергнуты все без исключения руководители разведки, контрразведки и самостоятельных служб. Помимо Судоплатова и Эйтингона этой участи не избежали П. Фитин (уволен по служебному несоответствию, как человек Берии, в 1953 году), С. Савченко, П. Федотов, Л. Рахман.

Не лучшим образом поступили и с Е. Питоврановым. От него руководство органов госбезопасности и ЦК партии избавилось в 1965 году. Тогда ему едва исполнилось 50 лет. Как известно, его взлет по службе стал возможен благодаря связи с Маленковым, фактически заместителем Сталина. В 1952 году он оказался в тюрьме. Однако Маленкову удалось его вытащить из нее, но после падения Маленкова, Питовранова вскоре отстраняют от руководящей оперативной работы и он уходит в отставку.

Занимая высокую должность в Торгово-промышленной палате, он, конечно, контактировал с КГБ, но никакого официального отношения к разведывательной и контрразведывательной работе не имел. Все его контакты и беседы с руководителями западных фирм самостоятельного оперативного значения не имели, да и не могли иметь, ибо он был известен Западу с 1960 года как отставной генерал КГБ. Кроме того, в соответствии с положениям о КГБ и Торгово-промышленной палате все офицеры действующего резерва военной разведки и КГБ, прикомандированные к ней, не были ему подчинены в оперативном порядке. А вот для поддержки мифов о заговоре в КГБ Питовранову приписывают по подсказке западных спецслужб мифические планы диверсий на экономических объектах западных стран.

Более того, господин Яковлев, бывший член Политбюро, и связанные с его деятельностью журналисты, несмотря на то, что в закрытых документах ЦК убедительно подчеркивается вздорный характер заговоров руководства МГБ, пугают панически заговором в КГБ и ЦК со стороны Шелепина и Семичастного захватить власть и остановить демократические «преобразования» в стране. Цель этого вымысла — внушить читателю недоверие к органам госбезопасности и разведке вообще.

В сталинском, хрущевском, горбачевском и ельцинском варианте осуществляется концепция гарантированного «невмешательства» и подчиненной роли военных и чекистов в решение политических вопросов в жизни страны. Никто

из руководителей силовых ведомств и спецслужб не должен был иметь самостоятельного значения в советской Партийно-государственной иерархии. Поэтому сразу вслед за делом военных 1937–1938 годов сталинское руководство инициировало новый репрессивный цикл — дело о заговоре в НКВД. А позднее при Хрущеве, Горбачеве и Яковлеве получили распространение мифы о заговоре в КГБ. Между тем эти мифы сыграли свою роль. Руководители советской госбезопасности и военного министерства самостоятельно не отважились защитить СССР от развала, арестовать подлинных заговорщиков в Беловежской пуще в декабре 1991 года.

«Ежовые рукавицы» Сталина

Руководство органов госбезопасности СССР было почти полностью обновлено еще в ходе тотальной чистки и показательных процессов 1936–1937 годов. Расстрел Генриха Ягоды и его группы обрывал любые возможные связи «чекистов первой волны» с их единомышленниками в армии. Поставив во главе НКВД Ежова и его руками расправившись со всеми намеченными жертвами, Сталин, опасаясь широкого недовольства размахом кровавых чисток, возложил всю ответственность за содеянное на руководство спецслужб.

«Заговор в НКВД» до сих пор «расфасован» по различным делам конца 30-х годов, и, спустя шесть десятилетий, многие сотни томов уголовных дел о «ликвидации палачей» хранятся за семью печатями. Никто не ставит нужный для подлинной истории советских органов безопасности вопрос о переквалификации обвинений руководителей спецслужб о снятии клейма заговорщиков с их руководителей в 30-е и даже в 60-е годы.

Нанося удар по второй силовой основе режима, Сталин как бы демонстрировал всем, что, несмотря на значимость органов госбезопасности, «ежовые рукавицы» могут находиться только в руках вождя. Никто из чекистов не должен и в мыслях пытаться самостоятельно ставить и решать политические вопросы, при том, что руководители центральных и областных управлений НКВД избирались депутатами Верховного Совета СССР и являлись членами соответствующих партийных комитетов.

Сталин, отчасти следуя указаниям Ленина, наносил удары не только своим реальным, но и потенциальным противникам. Конечно, любой серьезный политик стремится упреждать события. Сам характер деятельности спецслужб в любом государстве несет в себе некоторые элементы нарушения законности, ибо работа, секретных ведомств скрыта от общества и его парламентских институтов. Но Сталин всегда мыслил категориями военного времени.

(Иной метод, нежели в кровавой мясорубке 30-х, применяется для удержания власти — с помощью разветвленной агентуры спецслужб — на исходе века. Например, августовские события 1991 года выглядят как более «мягкий», но точно рассчитанный превентивный удар одних политических сил по другим. Эту версию нельзя игнорировать.)

С началом войны Сталин как Верховный Главнокомандующий и нарком обороны непосредственно руководит органами военной разведки и контрразведки. В условиях мирного времени мощная система обороны и безопасности страны опять подвергается демонтажу. Новая чистка в вооруженных силах и спецслужбах, начавшаяся с конца 1945 года, вовсе не преследовала цели обновления кадров: вождь лишил силовые структуры даже теоретической возможности реализовать тот политический капитал, который они заработали в битве с фашизмом. Военные, избежавшие прямых репрессий, подверглись опале. В руководстве вооруженных сил на смену маршалу Жукову, адмиралу Кузнецову и другим видным военачальникам пришли либо узковедомственные профессионалы, например маршал Василевский,

либо бесцветные партийно-хозяйственные функционеры-исполнители — новоявленный маршал Булганин. В начале 1946 года пост министра госбезопасности вместо Меркулова занял новый сталинский выдвиженец, бывший начальник военной контрразведки СМЕРШ Абакумов. Маршал Берия был полностью отстранен от курирования спецслужб, хотя за ним и оставили руководство советской атомной программой.

Репрессии в органах безопасности после войны

Послевоенный период деятельности Сталина заложил основу усложнения механизма руководства экономикой и социально-политической сферой. Создавались целые направления, новые отрасли народного хозяйства. Обострение борьбы между приближенными Сталина вылилось в новые репрессии и разгром некоторых «антипартийных группировок» (например, «Ленинградское дело»). В результате против самого министра Абакумова фабрикуется дело о заговоре МГБ против руководства страны. Итак, спецслужбы снова оказались под огнем не только Хозяина, но и различных фракций в Политбюро и Секретариате ЦК партии.

«Дело Абакумова» и привязанный к нему «сионистский заговор в МГБ», фоном для которого стала антисемитская кампания, — апофеоз политических разборок накануне смерти Сталина. Весной 1953 года Берия, на три месяца поставленный у руля Лубянки во главе расширенного МВД, искусственно выделил «дело врачей» из дела МГБ. Ведь врачи были подшиты к заговору лишь как инструмент, с помощью которого Абакумов якобы готовил захват власти.

Все, что могло как-то обелить Виктора Абакумова, не устраивало ни Берию, ни Хрущева, ни других, кто разбирался с этим делом, — вплоть до комиссии со Старой площади, возглавляемой М. С. Соломенцевым, а на излете перестройки — А. Н. Яковлевым.

Только совсем недавно стало документально известно о существовавшей с 30-х годов в недрах Политбюро комиссии по судебным вопросам. Репрессивные мероприятия, проводимые спецслужбами, а также нацеленные против самих органов госбезопасности и их номинальных руководителей, направлялись не узкой группой кураторов секретных служб, а всему Политбюро. Но последнее слово всегда принадлежало Хозяину — Сталину, Хрущеву, Брежневу, Горбачеву.

В общественном мнении устоялось представление, близкое к истине, что разведка всегда работала в белых перчатках и лишь добывала информацию, а контрразведка, следственные органы проводили репрессии. Однако правда состоит в том, что почти все крупные политические процессы были инициированы в ЦК на основе материалов, добытых внешней разведкой.

Документы из архивов подтверждают: эти оперативные разработки начиная с 20-х годов и дела Промпартии имеют закордонные первоисточники, включая сигналы от агентуры в российских эмигрантских кругах. Агентура поставляла информацию то об антисоветских высказываниях, то о враждебной болтовне за рубежом советских граждан, имеющих вполне официальные контакты с бывшими соотечественниками, вхожими в эмигрантские организации. Нередко через эти каналы действовали иностранные спецслужбы. Но главное, что политический сыск проникал поверх границ в нужном советскому руководству направлении.

Обвинение в попытке стать над партией, первоначально выдвинутое против Абакумова, в июне 1953 года было сполна использовано Маленковым и Хрущевым при смещении Берии. Каждый последующий руководитель, развенчивая своего предшественника, играл на отмене и пересмотре дел. «Сто дней» Берии в МВД

отмечены, помимо всего, реабилитацией лиц, близких к Маленкову, обвиненных при Сталине в попустительстве выпуску недоброкачественной авиационной продукции. Многие из репрессированных офицеров, генералов и адмиралов в апреле и мае 1953 года были реабилитированы Военной коллегией Верховного суда СССР с подачи Берии, вскоре арестованного как врага народа. Прекращались все дела о военных заговорах, ряд видных военачальников был возвращен к прежней работе. Сложнее оказался расклад в отношении Абакумова, от которого в Политбюро спешили избавиться.

Роковая ошибка Хрущева

Роль спецслужб как инструмента борьбы за власть была творчески переосмыслена новым руководством, прежде всего Маленковым и Хрущевым. Именно Маленков — глава правительства — отдал приказ об аресте Берии 26 июня 1953 года. Когда арестованный следователь МГБ Рюмин начал давать показания против Игнатьева, последнего при Сталине министра госбезопасности, и всплыло имя Маленкова в качестве одного из соавторов крупных политических дел, Берия (за две недели до своего ареста) направил Маленкову протоколы этих допросов.

Шеф МВД имел неосторожность рекомендовать Председателю Совета Министров арестовать последнего при Сталине министра Госбезопасности С. Игнатьева и обвинить его в грубейших нарушениях законности в «деле врачей». Видимо, это «переполнило чашу»: ведь Игнатьев являлся человеком Маленкова.

Еще при Сталине Игнатьев оказался вовлеченным в оперативные дела по компрометации Берии и стал для последнего главной мишенью. Конечно, Маленков хорошо понимал, что попытка расправы с Игнатьевым будет означать выбивание показаний и на него, Маленкова. История с манипуляциями компроматами завершилась молниеносной расправой с Берией, маскируемой выдвижением против него мифических обвинений в шпионаже и попытках захвата власти, хотя Берия находился под бдительной опекой своих замов Круглова и Серова (ставленников Маленкова и Хрущева).

С этого момента масштабы репрессивной политики заметно уменьшились, но роль органов госбезопасности как инструмента правящей власти не изменилась по существу. Хрущев добился назначения Руденко Генеральным прокурором СССР и через него взял в свои руки весь компромат, содержащийся в показаниях Берии, на всех членов коллективного руководства — Президиума ЦК КПСС и Совмина.

До 1954 года, когда Никита Хрущев стал фактическим лидером страны, вся канцелярия, следственные материалы и особые архивы находились у Маленкова. Круглов возглавил МВД, а Серов — КГБ. Таким образом, Никита Сергеевич получил все рычаги информационно-аналитического и силового контроля над страной. В дальнейшем именно Серов, ставший в 1954 году председателем КГБ, подбирал материалы Хрущеву, когда тот разворачивал кампании борьбы с антипартийной группой и другие акции внутри кремлевского руководства.

Контроль над материалами спецслужб позволил Хрущеву осуществить его знаменитый доклад на XX съезде КПСС. Без Руденко и Серова, тщательно подбиравших нужные лидеру документы, демарш Хрущева был бы невозможен. Комиссия Шверника не проводила настоящего расследования, не копала глубоко, особенно в архивах ЦК. Основные данные, которыми оперировал Хрущев, извлекались из дел, хранящихся в Военной коллегии Верховного суда, Военной прокуратуре, а также в секретных сейфах КГБ.

Во времена хрущевской «оттепели» приоритеты в политике советского руководства изменили и роль силовых ведомств. От Хрущева до Горбачева, а в новой России при Ельцине руководитель государства периодически

«профилактирует» военные ведомства и спецслужбы, указывая им «свое место». Разница лишь в том, что у каждого лидера свои методы, подходы к расстановке кадров, мотивы для принятия решений. Когда речь шла об удержании личной власти в борьбе с мощными соперниками, Хрущев лично контролировал спецслужбы. Разгромив «антипартийную группу», затем отстранив маршала Жукова от руководства Министерством обороны, Никита Сергеевич почувствовал себя вне опасности.

Жукова обвиняли на Пленуме ЦК 1957 года даже в том, что создаваемые им группы спецназа, отвечающие современным требованиям, предназначались чуть ли не для захвата Кремля. Хотя руководство знало, почему возникла потребность в планомерном реформировании войск «гибкого реагирования»: после событий в Венгрии и Суэцкого кризиса политическое руководство поставило военным плановую задачу на переход к новой тактике десантно-штурмовых и разведывательно-диверсионных операций. В любом случае все шаги военного руководства согласовывались с указаниями партийных органов и контролировались органами контрразведки.

Не случайно незаметно еще до возвращения Жукова из Югославии был снят с должности начальника военной разведки Генштаба и непосредственного командира спецназа разведупра генерал С. Штеменко. Эти действия Хрущева были, по сути, превентивным ударом по силовым позициям Жукова в Министерстве обороны.

Серов отслеживал все факты недовольства военных хрущевскими сокращениями вооруженных сил, приписывая недостатки позиции министра обороны. Но и Серова, получившего «за устранение противников Хрущева» звание генерала армии, вскоре переместили с Лубянки. Правда, на престижную должность начальника ГРУ. Серов даже на короткое время был введен в состав Президиума ЦК КПСС, что для того периода весьма нехарактерно. После 1958 года его услуги уже не требовались. В 1953–1958 годах Хрущев — энергичный государственный деятель, лично контролирующий всю деятельность органов госбезопасности, никому не перепоручающий рычаги контроля. Однако оказавшись по-своему, а не в сталинском варианте на голову выше своих коллег и оппонентов, он доверяет часть властных полномочий другим, предварительно заменив все свое «силовое» окружение, не желая зависеть от тех, кому он был обязан своим восхождением к власти.

Здесь Хрущев совершает роковую для себя ошибку. Номинально являясь главнокомандующим вооруженными силами, в том числе и органами КГБ, он постепенно распределяет свои контрольные функции между заместителями. При Шелепине во главе КГБ начинается планомерное омолаживание чекистского корпуса и постепенное выдавливание тех, кто по роду занятий и уровню компетенции располагал сведениями о лицах из нового хрущевского окружения. Конечно, кадры не «вырубались», как раньше, но из спецслужб увольняли многих сотрудников имеющих 25 лет выслуги. На рубеже 50—60-х годов Лубянка заметно помолодела, модернизировав идеологический и политический сыск.

Работа КГБ помимо борьбы со шпионажем и агентурой иностранных разведок, сбора развединформации за рубежом в целом обеспечивала охрану порядка,

спокойствие державы и безопасность высшего руководства страны. Но именно в этот период, перестав в массовом порядке громить противников Советской власти, спецслужбы впадали в спячку и отучались работать в условиях чрезвычайного положения. Когда ветры горбачевской перестройки начали раскачивать власть, оказалось, что ни власть, ни ее приводные ремни в лице КГБ не готовы реальным переменам. Сохранялась иллюзия сталинских времен: достаточно иметь в своих руках все рычаги контроля над спецслужбами — и все задачи будут решены, все останется на своих местах. На последнем этапе хрущевского десятилетия начали складываться новые группировки — брежневская, косыгинская и т. д. В довершение к этому Хрущев назначает секретаря ЦК и бывшего главу КГБ Александра Шелепина куратором органов госбезопасности. Личный контроль подменяется контролем на бумаге. Заговор руководства против Хрущева и смена лидера прошли без эксцессов.

Власть, можно сказать, легальным путем плавно перешла в октябре 1964 года из рук в руки. Не было никаких разговоров о чекистском или военном заговоре — исполнители привычно делали свою работу. Вооруженные силы и спецслужбы в течение двух — трех лет приучились исполнять команды тех людей, которые снимали Хрущева.

Начало брежневской эры — это подготовка его выдвиженцами своих людей в кремлевском руководстве и спецслужбах для предотвращения дальнейших повторений варианта «демократической ротации» лидеров страны. Оттеснение Шелепина от кураторства КГБ, замена его соратника Семичастного Андроповым на посту главы КГБ шли под аккомпанемент слухов о заговоре «молодых». Брежневу нужен был абсолютно свой человек. Таким человеком стал Андропов.

Внешне спокойное правление было неким синтезом из опыта Сталина и Хрущева. Но колоссальные усилия аппарата Лубянки отвлекались на расчистку окружения Брежнева в нужном для лидера направлении. С помощью компромата, отслеживания чекистами различного рода болтовни среди членов партийного и военного руководства СССР, выяснения потенциальной опасности тех или иных «замыслов» проводилась дискредитация ряда крупных фигур, но за стены Кремля эта информация не выходила. В начале 1982 года, когда после смерти Суслова секретарем ЦК стал Андропов, его кресло на Лубянке занял В. Федорчук. Дряхлеющий Генсек предпочитал лично контролировать КГБ, никому другому не передоверяя столь деликатную функцию. Лично преданный Брежневу генерал Федорчук пытался начать антиандроповскую чистку среди руководителей органов госбезопасности, но не успел.

Возглавив государство, Андропов назначил председателем КГБ ставшего близким ему в 70-е годы В. Чебрикова. «Узбекское дело» и другие кампании по борьбе с коррупцией имели целью дальнейшую перетряску Политбюро. Перестановки в московской парторганизации были непосредственно увязаны с делом директора Елисеевского гастронома Соколова. Лубянка получала негласные «ориентировки» на определенную часть партийного руководства. Андропов расчищал фундамент для своих реформ и повысил статус органов госбезопасности. На этой базе впоследствии началась горбачевская перестройка.

Репрессии в КГБ после развенчания Сталина

Имея громадный агентурный аппарат и информационно-аналитические возможности, органы КГБ при М. Горбачеве в эпоху гласности и перестройки отвлекались на совершенно несвойственные им мероприятия. Например, на пере проверку научных решений, проработку вопросов о составе участников тех или иных крупных проектов. Не говоря уже о кадровых назначениях и выявлении настроений в различных слоях общества. Подобные функции присущи лишь спецслужбам в тоталитарных государствах, где господствует режим личной власти. Все худшее, что было заложено в методы работы секретных служб Сталиным и его последователями — отсутствие собственной политической и нравственной позиции, отслеживание руководителями Лубянки своего места у кремлевского трона, непримиримость к любой оппозиции, — оказалось странным образом востребовано и пришлось ко двору в эпоху так называемой гласности и демократических преобразований.

Но вся негативная информация часто не реализовывалась и решения откладывались, накапливая взрывоопасный материал. Это самоустранение вождей от разрешения кризисных ситуаций, начавшееся еще в эпоху подъема польской «Солидарности» и отчасти усугубленное афганским синдромом, обнаружило слабость политического режима в СССР и его неспособность адекватно воспринимать реалии времени.

Потенциал КГБ использовался и для разложения шахтерского движения, и для поиска компромата на Ельцина, хотя зачастую все эти чекистские мероприятия словно были запрограммированы на обратный результат — дискредитацию союзной власти и привычных большинству социальных ценностей. Чем дальше, тем больше обострялась конкуренция между лидерами, и не только по линии Горбачев — Ельцин. Перед лицом неминуемого развала страны, передоверяя часть своих полномочий союзным республикам, президент СССР все время маневрировал. При этом, как стало известно позже, Горбачев вовсе не исключал силового варианта развития событий: механизм использования спецслужб «смазывался» для действий в условиях чрезвычайного положения.

Феномен ГКЧП явился результатом того, что на этапе исторического перелома органы госбезопасности, силовые структуры возглавлялись людьми, не прошедшими настоящей школы политической деятельности, не приученными принимать самостоятельно ответственные решения. Почти все «гэкачеписты», будто специально отобранные Горбачевым на роль опереточных путчистов, пришли на высокие должности из помощников и референтов, из категории аппаратных руководителей. Руководителем КГБ становится Крючков, введенный в политическую игру лично Горбачевым.

По свидетельству ряда сподвижников Горбачева, он был твердо намерен остаться у власти, однако не вполне ясно представлял себе механизмы ее удержания. Президент СССР не был приучен к управлению в особых, чрезвычайных условиях, а потому отошел от конкретной работы и контроля над аппаратом. Горбачев все больше занимался представительством, выступая гарантом, судьей над схваткой. И

трон зашатался.

Одним из выходов оставался силовой вариант в «рамках демократии». В сентябре 1990 года спецслужбы получают задания на проработку вариантов своих действий в условиях ЧП.

План начинает воплощаться в дальнейших кадровых назначениях указами президента. В. Бакатина в МВД меняют на Б. Пуго, когда в прибалтийских республиканских министерствах внутренних дел уже возникло «двоевластие». А для оперативного использования милиции и войск МВД по личной инициативе Президента М. Горбачева назначается генерал Б. Громов, прошедший Афганистан. Заигрывая с оппозицией, Горбачев добивается ее разложения методами спецслужб. Возникает принципиально новая ситуация. События как бы выходят из-под контроля. За январскими событиями 1991 года в Вильнюсе следует уход из КГБ первого зама В. Крючкова, одного из наиболее информированных о всех и вся чекиста, пожалуй, самого компетентного человека, бывшего начальника 5-го управления «идеологической контрразведки» Ф. Бобкова.

В августе 1991 года, когда острейший социально-экономический и политический кризис достиг наибольшего размаха, отученные от самостоятельного мышления «наследники Сталина» отправляются к Горбачеву в Форос, словно за милостью к царю. Пытаясь вразумить Президента, заговорщики докладывают о реализации подготовленных с его участием планов и решений. Горбачев делает более разумный выбор: понимая, что без какого-то элемента чрезвычайщины не обойтись, он не занимает определенной позиции, дожидаясь развязки драмы.

Мифические заговоры и подлинные действия руководителей спецслужб нелегко анализировать ввиду почти полного отсутствия документов об этом. В свете недавних публикаций и решений органов юстиции более-менее поддаются исследованию мифы о заговорах Ежова, Берии и Абакумова. Сложнее обстоит дело с запутанными обстоятельствами событий августа 1991 года, отстранения министра безопасности Баранникова летом 1993 года, осадой Белого дома.

И ныне муссирование в печати мифов о заговорах в армии, НКВД — КГБ не является безобидным изобретением ряда фальсификатов нашей истории, вышедших из ЦК КПСС. Эта лживая версия, базировавшаяся на спекуляциях вокруг всегда непростых отношений среди руководящего состава органов безопасности, препятствовала реабилитации и восстановлению доброго имени безвинно пострадавших чекистов, внесших большой личный вклад в укрепление могущества Родины. Возьмем руководителей разведки.

Как происходил пересмотр дела Артузова? Тяжело. Первоначальное ходатайство о реабилитации Артузова, одного из организаторов советской контрразведки, а позднее разведки, было отложено по той причине, что он «проходил по делу Ягоды как заговорщик», и даже не столько по делу Ягоды, сколько по делу «о заговоре в НКВД». Чтобы вытащить Артузова из этой категории заговорщиков НКВД, потребовалась соответствующая санкция в «инстанции». Лишь в 1956 году его родственников начинают допрашивать в КГБ в связи с пересмотром его дела. Когда вопрос коснулся меня, заведующий Секретариатом

КПК при ЦК КПСС Герман Степанович Климов сказал, что мое дело должно пересматриваться так же, как дело Артузова и Шпигельглаза. Тогда же в КПК заинтересовались моими комментариями по делам конца 20—30-х годов о ненормальных отношениях, сложившихся в руководстве ОГПУ. Интерес к моим комментариям был вызван желанием узнать, как ряд особых моментов в отношениях между руководителями разведки и контрразведки в конце 20-х — начале 30-х годов трактовался руководителями НКВД в 40-е годы, когда версия о заговорщической деятельности Ягоды и Ежова получила официальное хождение.

Обратимся к этим ранним событиям. Мы видим исключительно противоречивую картину. Например, в 1929 году Ягода и Менжинский пишут письмо Сталину, что они «не имеют никакого отношения к правой оппозиции Бухарина, Рыкова и Томского». Об этом письме сейчас не говорят, но оно было чрезвычайно важным.

О нем были проинформированы все начальники самостоятельных подразделений ОГПУ. В этом письме говорилось, что к правой оппозиции руководство госбезопасности никакого отношения не имеет и «все слухи на этот счет являются сплошным вымыслом». Но прошло восемь лет, и в уголовном деле о «заговоре в НКВД» стали фигурировать мнимые связи Ягоды, Прокофьева, Трилиссера, Артузова с «правой оппозицией». Когда меня в КПК познакомили с этим письмом, я был поражен. Ведь никто из следователей и руководителей НКВД, сменивших Ягodu, Прокофьева, не мог, за исключением Ежова и Сталина, знать об этом письме.

Следовательно, именно Сталин и Ежов дали установку следователям-фальсификаторам «раскрутить» «заговор НКВД по тайной поддержке правой оппозиции». Трудно избавиться от мысли, что за этим не стоял сам Сталин. Кто еще мог знать о письме Ягоды, Менжинского и Трилиссера — начальника разведки — в ЦК ВКП(б) и в Контрольную комиссию на имя Орджоникидзе, в котором сообщалось о контрреволюционной троцкистской листовке, где были ссылки на то, что Бухарин и Сокольников говорили «о необходимости смены руководства Политбюро и что правых поддерживают Ягода и Трилиссер».

В октябре 1929 года Ягода писал Сталину о том, что между ним и Менжинским нет никаких разногласий. «Приехав и переговорив с т. Менжинским, — писал Ягода, — я твердо убедился, что никакой трещины между нами нет, и все мои опасения на этот счет ни на чем не основаны. Сейчас я очень сожалею, что под влиянием целого ряда обстоятельств, известных Вам, я стал сомневаться в отношениях ко мне т. Менжинского и тем самым оставил впечатление о создавшейся трещине в руководстве ОГПУ. Никакой трещины на самом деле не было и нет, в чем я убедился и из разговора с т. Менжинским, и на практической работе».

Сталин прекрасно знал, что отношения среди руководства госбезопасности были ненормальные, что между руководителями центральных подразделений возникали трения. Это обстоятельство сейчас по-новому заставляет меня взглянуть на то, почему Артузов (после своего письма Менжинскому в 1931 году с критикой Трилиссера) после разоблачения Блюмкина был назначен на должность начальника

Иностранного отдела. Затем Ягода, имея неважные отношения с Артузовым, убирает и его. Интересно, что Артузов жалуется на Ягodu в своем письме Менжинскому, говоря, «что у него ненормальные отношения с Ягодой»; вскоре после этого его перемещают на работу в Разведывательное управление Красной Армии.

Сталин решил заменить руководство госбезопасности совершенно новым поколением людей, которые не были связаны друг с другом, а пришли по партийной мобилизации. Все эти обстоятельства активно использовались для насаждения в органах госбезопасности нужных ему людей, которые не были связаны прошлыми отношениями с руководящими советскими и партийными работниками в Центре и на периферии.

Есть и другое письмо Артузова Менжинскому, где он резко пишет, как я уже говорил, «о трилиссерской лихорадке», которая потрясла весь коллектив внешней разведки. «Были люди среди нас, — писал Артузов, — желавшие использовать дискуссию в борьбе с Генрихом Григорьевичем Ягодой, несмотря на то, что сам характер дискуссии был не чекистский и сам по себе дискредитировал этих людей, пользующихся недостойными средствами. Единственным лицом, выступавшим с резкой критикой самого характера дискуссий, был только я, когда заявил протест против самокритики в оперативных вопросах, т. Трилиссер договорился и до этого. Я призывал партийное собрание не стараться быть левее ЦК и продолжать рассмотрение всех материалов об оппортунистической практике в партийной работе».

Из этого письма от 3 декабря 1931 года также следует, что Артузов и ИНО были вовлечены в дела, которые рассматриваются теперь как политические репрессии в связи с выявлением «иностраных связей» в следственных действиях по знаменитому делу сопроцессников профессора Рамзина в деле Промпартии и профессора Кондратьева по делу так называемой Трудовой крестьянской партии.

Беспристрастное разбирательство политических репрессий было всегда невыгодно руководству страны. Да и сейчас навряд ли беспристрастная оценка этих событий может иметь место со стороны таких людей, как А. Яковлев и В. Наумов — руководителей Комиссии по политическим репрессиям в ЦК КПСС и в нынешней администрации. Эти люди причастны к публикации откровенно подтасованных биографических материалов на жертв и участников политических репрессий. И более того, в свое время они сознательно утаивали важные документы не только от общественности, но и от жертв репрессий.

Например, документы о том, что жена убийцы Кирова Николаева Мильда Драуле в момент убийства находилась в приемной Кирова и была задержана и допрошена через пятнадцать минут после его смерти, утаивались как комиссией Яковлева, так и комиссией Шверника еще в 50-е годы. А ведь об аресте Драуле еще не смещенный начальник Ленинградского НКВД Медведь доложил Ягоде спустя два часа после гибели Кирова. В утаиваемых документах, еще не сфальсифицированных материалах первого дня следствия, четко видны личные мотивы убийства и неопровержимые близкие связи Николаева с людьми, политически сочувствовавшими оппозиционным Кирову и Сталину группам в большевистской

партии.

Но личные мотивы убийства Кирова ревнивым мужем были невыгодны как Сталину, так и Хрущеву, и Горбачеву, и, наконец, А. Яковлеву. Последний озабочен отслеживанием сравнительно небольшого количества заказных тайных ликвидаций политических оппонентов и противников сталинского режима, намеренно не замечает волну политического уголовного терроризма, захлестнувшего Россию, жертвами которого стали не только предприниматели, но и видные журналисты и ряд общественных деятелей.

В последнее время очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но репрессии следует понимать не только как аресты и судебные расправы, но и как периодическую чистку и обновление руководящего звена советских разведывательных органов. Однако сейчас мало кто задумывается, что репрессии в разведке в конце 30-х годов были порождены уходом и бегством на Запад ряда руководящих работников ИНО и Разведупра Красной Армии.

Последствия этих побегов были исключительно чувствительны. Орлов-Никольский был не единственным перебежчиком из руководящих работников. В 1937–1938 годах остались за границей бывший помощник начальника ИНО, куратор работы по эмиграции и операций против английской разведки, нелегальный резидент в Швейцарии М. Штейнберг с женой, бывшей нашим оперативным работником. Штейнберг поддерживал, правда, с нами контакт через наших нелегалов М. Алахвердова и Г. Тахчианова, но доверия к нему не было.

На путь открытого предательства стали Рейс — нелегальный резидент в Западной Европе в 30-е годы и Кривицкий, нелегальный резидент в Голландии, к сожалению, работавший как в ИНО, так и в Разведупре Красной Армии. Ликвидировать удалось лишь одного Рейса, а Кривицкий за год до самоубийства в Вашингтоне предупредил, как было впоследствии установлено, английские и американские спецслужбы о советской агентуре среди выпускников Кембриджа, в частности о Филби. На наше счастье, англичане не придали должного значения его сигналам, поскольку, сбежав на Запад, он стал психически неуравновешенным человеком.

Тяжелые последствия имел также побег Люшкова — уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку. Он сдал известную ему агентуру в Маньчжурии.

Таким образом, побегии тоже парализовали нашу работу, они также спровоцировали репрессии, ускорили падение Ежова, но, к сожалению, стали веским доводом для Сталина, переставшего доверять работникам разведывательного аппарата, в особенности его руководству, которое давало положительные оценки работе Орлова-Никольского, Кривицкого и другим.

Побеги 1937–1939 годов созвучны предательским побегам сотрудников советской и российской разведок в 1980—1990-е годы. Оправдать нынешних предателей угрозой политических расправ невозможно. Но, к сожалению, В. Кирпиченко, как руководитель трудов по истории разведки, и работники пресс-бюро внешней разведки О. Царев и другие стремятся оправдать побегии 30-х годов угрозой

репрессий. При этом В. Кирпиченко утверждает, что репрессий в разведке после развенчания Сталина не было. Но это же заведомая неправда. Руководство разведки даже после XX съезда КПСС препятствовало вплоть до 1971 года реабилитации Серебрянского, «поскольку разыскать рабочее дело Серебрянского и установить, какую пользу он принес советской разведке», по ее заключению, «не представлялось возможным».

Неприглядно выглядят внешняя разведка и Разведупр Генштаба в судебной расправе над нелегалом А. Гуревичем в 1958 году, который был реабилитирован несмотря на противодействие, военной разведки в 1990 году.

М. Штейнберг вместе с женой был осужден по инициативе внешней разведки по возвращении домой, несмотря на заверения работников разведки не привлекать его к уголовной ответственности в 1957 году. Судили его тайно, без защитника. В приговоре записано, что «применять к нему высшую меру наказания нецелесообразно ввиду отсутствия фактического ущерба от его деятельности». Тем не менее он был осужден на 12 лет тюрьмы, а жена Эльза — на пять лет по 58-й статье. Эльза вообще была не виновна, поскольку выполняла его приказания как подчиненный сотрудник. Я неприязненно отношусь к Штейнбергу, конфликтовал с ним в тюрьме, но дело его сфальсифицировано, и руководство разведки знало об этом, направляя каждый раз отрицательные заключения по его заявлениям Хрущеву (в 60-е годы) и в прокуратуру.

Наконец, еще более возмутительный пример в отношении целой семьи нелегалов Марковых. Они были захвачены американцами в Аргентине в 1970-е годы в связи, как говорят, с предательством О. Гордиевского. По отношению к ним руководство разведки и председатель КГБ Ю. Андропов осуществили акт вопиющего политического произвола — внесудебную репрессивную высылку всей семьи из Москвы. Неужели господину Кирпиченко, начальнику нелегальной разведки в 70-е годы, не стыдно за этот произвол, который почему-то генерал-лейтенант внешней разведки в отставке Виталий Павлов назвал «бериевским рецидивом в истории наших операций за рубежом».

Я пишу «почему-то» не случайно. В. Павлов сам причастен вместе с другими молодыми лейтенантами — выпускниками разведывательной школы в 1938 году, к огульным гонениям на заслуженных работников разведки в 1939 году при Берии. Ведь именно по справке, подготовленной Павловым, из органов была изгнана легендарная разведчица Е. Зарубина, как принятая на работу врагами народа и имеющая родственников за границей. Позднее, в 1946 году, по аналогичным клеветническим материалам — выпискам из показаний арестованных в 1938-м — из разведки в возрасте 50 лет был уволен и ее муж генерал-майор В. Зарубин.

Вместе с тем в 1930—1950-е годы наличие в личном деле материалов о репрессированных родственниках для результативных работников не было препятствием для прохождения службы в органах разведки. Так, Е. Зарубина, Б. Афанасьев, А. Коротков были направлены за границу по официальной линии Берией в 1940 году несмотря на наличие таких компрометирующих материалов.

30—40-е годы были переломными. Аппарат органов разведки в те годы был

небольшим. Люди знали друг друга. И высокая идейность тех лет, чистота порывов людей была немаловажным фактором защиты наших кадров в отдельных случаях. У руководства органов разведки просто не было другого выхода. Оперативные вопросы требовали использования людей несмотря на «компрометирующие материалы». Такое стало невозможным в 50—60-е годы, когда выбор у кадровиков расширился. Склоняя голову перед памятью погибших и репрессированных, горжусь, что, совершая ошибки, я защитил известных мне людей от гонений. Таких результативных работников, как Д. Быстролетов и М. Яриков, по возможности вытаскивал из тюрем. В свой актив из моих современников, кроме меня и Эйтингона, это никто не может записать.

В механизмах и обстоятельствах репрессий и чисток в разведке и органах безопасности в 1930—1950-е годы нам надлежит определиться и разобраться сейчас беспристрастно на фоне обвальных реорганизаций в российских спецслужбах, участившихся случаев предательств и побегов во внешней разведке. Это позволит избежать огульных кампаний и чисток кадров, которые имели пагубные последствия для эффективной работы советских и российских спецслужб как в 30—50-е годы, так и в наше время.

Глава 8. Когда начнется война?

Угроза и на Западе, и на Дальнем Востоке

Роль разведки накануне войны, причем как военной, так и политической, сводят, к сожалению, в основном к предупреждениям о сроках начала фашистской агрессии. Между тем разведки Красной Армии и органов НКВД выполнили свою историческую миссию в правильном ориентировании руководства страны и военного командования в отношении неизбежности будущих военных действий. Вся разведывательная информация об усилении немецкой группировки войск против Советского Союза была реализована в предложениях Наркомата обороны об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Дальнем Востоке с учетом реально складывающейся обстановки.

Правительство сделало безошибочный вывод о том, что угроза войны надвигается неумолимо и что главным театром военных действий станет Западное направление. Надо отметить, однако, что эти выводы были сделаны не на основе документальных данных о конкретных замыслах противника, а благодаря компетентной ориентировке в военно-экономической и внешнеполитической обстановке. Поэтому не совсем оправданно мнение о том, что информационно-аналитическая работа была поставлена плохо. Если быть точнее, то нужно отметить, что информационно-аналитической работе не уделялось должного внимания, нами не были вскрыты дезинформационные акции разведки противника и его сателлитов в канун развязывания войны.

Руководство Наркомата обороны и Генштаб стремились не допустить создания противником на наших границах группировки, которая обладала бы подавляющим превосходством над Красной Армией. Достижение хотя бы равновесия сил на границе было важнейшим направлением военной политики сдерживания Гитлера от броска на Россию. Говорю об этом не понаслышке.

В начале 1941 года Меркулов приказал мне и начальнику военной контрразведки В. Михееву прибыть на совещание руководства Разведупра Красной Армии и Оперативного управления Генштаба, на котором обсуждалась военно-политическая обстановка в Европе в летней кампании.

С этой встречи на Гоголевском бульваре начался масштабный обмен информацией о состоянии немецких и японских вооруженных сил. Главным был вопрос, заданный заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, в то время генерал-майором А. Василевским Голикову, начальнику Разведупра, и мне: предполагает ли военная разведка и НКВД одновременное начало военных действий против СССР как на Западе, так и на Дальнем Востоке? При этом он сказал, что наши выводы и замечания будут приняты во внимание и доложены военному и политическому руководству.

Таким образом, речь шла о том, какие силы следует иметь нам на Дальнем Востоке для ведения активных оборонительных действий. Угроза войны на два фронта была исключительно серьезной, поскольку одновременные военные операции на Западе и на Дальнем Востоке были невозможны для Красной Армии.

По мнению Василевского, доложенная нами разведывательная информация в

целом соответствовала действительности, и на основе ее было внесено на утверждение следующее решение: ограничиться активной обороной на Дальнем Востоке и развернуть на Западном направлении главные силы и средства, которые готовы были бы не только отразить нападение на Советский Союз, но и разгромить противника в случае его вторжения на нашу территорию.

Несколько раз повторялась мысль о том, что наша группировка, отразив нападение, должна нанести поражение Германии и ее союзникам, обеспечить прорыв их фронта в Южном направлении непрерывными бомбардировками, сорвать работу румынских нефтепромыслов, лишить тем самым немцев горючего, а значит, и возможности вести длительную войну. Голиков поддержал эти соображения.

Тогда же впервые был поднят вопрос: способна ли немецкая сторона к активным действиям против нас, не завершив военные операции в отношении Англии. Голиков и начальник отдела Разведупра Дронов привели очень убедительные данные, полученные военной агентурой, из которых четко следовало, что у немцев нет шансов победить Англию в начатой ими воздушной войне и принудить ее к безоговорочной капитуляции и что исход боевых действий в Западной Европе, несмотря на установившееся господство Германии на сухопутном фронте, еще не предрешен.

Мы с Михеевым доложили о нашем участии на совещании в Разведупре Меркулову. Позже я узнал от Михеева, что военные продолжают обсуждать вопрос о стратегическом развертывании наших вооруженных сил на Западе и на Дальнем Востоке. Крайне важными были поступившие из Токио материалы, что Япония увязла в длительной войне с Китаем. Наша агентура, проникшая в японские разведывательные органы в Маньчжурии, исчерпывающе докладывала о масштабном партизанском движении в тылу Квантунской армии, которое мы старались поддерживать как серьезный для нас громоотвод военной опасности на Дальнем Востоке.

В работе против нас японцы не отличались оригинальностью. С одной стороны, у них был неизбежный выбор — опора на белую эмиграцию. С другой — им всюду мерещилось китайское и корейское сопротивление, поскольку корейцы ими рассматривались как самый неблагонадежный элемент. В борьбе против партизанского движения, руководимого, как они считали, Коминтерном, японская контрразведка сделала попытку создать так называемые школы Коминтерна под своим прикрытием. Нами был выявлен японский агент, который был направлен для создания именно такой школы и для организации лжепартизанского движения на территории Маньчжурии.

Для достижения своих целей они даже использовали агентов пожилого возраста. Их интересовало в основном то, что происходит в Маньчжурии и в районах, примыкающих к СССР. С этой целью были созданы искусственные базы снабжения, провокационные так называемые трудовые крестьянские группы, практиковалась массовая заброска в партизанские отряды агентуры из наиболее квалифицированных разведчиков.

В связи с этим вспоминается одна успешная операция, которой лично руководил начальник УНКВД Приморского края М. Гвишиани. Японцы захватили жену начальника штаба 7-й народно-освободительной армии Китая Цой Сенчена, кореянку, и завербовали ее. Перед ней была поставлена задача — завербовать своего мужа и вывести его из отряда. Она дала согласие на выполнение этого задания, заявила, что может его выполнить, так как настроение у мужа отчаянное и он недоволен своим пребыванием в партизанском отряде. Ей организовали побег из тюрьмы и попытались подбросить нам, однако в оперативной игре в Хабаровске и Маньчжурии нам удалось переиграть японцев и сорвать эту акцию.

Анализируя итоги этой операции, заместитель начальника внешней разведки Н. Мельников сделал вывод, что при массовом партизанском движении в тылах японская армия, потерпевшая поражение на Халхин-Голе, не готова к активным действиям в нашем Приморье, хотя японские генералы, стремясь поднять свой авторитет в Токио, разрабатывают такие планы.

Осмысление противоречивой информации

В начале так называемой перестройки, которая в скрытой форме переросла в гражданскую войну, усиленно раздувался миф о том, что мы якобы боялись немцев, что Сталин дрожал от страха перед мощной фашистской армией, угрожавшей нам с Запада. Как ни прискорбно, но к искажению реальной картины руководства Сталиным, Молотовым, Берией, Ворошиловым, Тимошенко деятельностью советской разведки вольно и невольно подключились и руководители внешней разведки КГБ и ГРУ Генштаба в 1960–1980 годах В. Кирпиченко, В. Павлов, П. Ивашутин и другие. Они фактически инициировали тезис о том, что в канун войны о сроках нападения разведчики «докладывали точно», а диктатор Сталин и его «сатрапы» Молотов и Берия преступно проигнорировали достоверные разведывательные материалы о немецком нападении.

Удивительно, что руководитель нашей военной разведки в 1963–1987 годах Ивашутин оперирует в своих заметках в «Военно-историческом журнале» придуманными нашим писателем и ветераном военной разведки О. Горчаковым ссылками на мифического агента «Ястреб», которого якобы Берия хотел стереть «в лагерную пыль» за достоверную информацию об угрозе войны. Кроме того, он будто бы докладывал Сталину, что наш посол в Германии Деканозов «бомбардирует дезинформацией» о неизбежной войне с Германией и он, Берия, требует отозвать его. Все это полный абсурд: посол Деканозов, будучи в то время и заместителем наркома иностранных дел, не находился в подчинении у Берии.

Нам следует сейчас разобраться не только в том, докладывала ли разведка «наверх» о дате начала войны. Это вопрос важный, но не главный. Необходимо сравнить обстановку, сложившуюся в 1941 году и, например, в 1967 году и посмотреть, как информация разведки и контрразведки влияла на крупнейшие политические решения в СССР и как она использовалась. Об этом я писал из тюрьмы Ю. Андропову 20 июля 1967 года.

Обвиняя Сталина и Молотова в просчетах и грубых ошибках, допущенных перед началом войны, их критики довольно примитивно трактуют мотивы принятых решений по докладам разведорганов, указывают лишь на ограниченность диктаторского мышления, самоуверенность, догматизм, мнимые симпатии к Гитлеру или страх перед ним. Таким образом отвлекается внимание от исторической подоплеки событий, которую не замечают нынешние консультанты внешней и военной разведки.

Почему я говорю об этом? Дело в том, что реализация разведывательной информации определяется, как правило, неизвестными для разведчиков мотивами действий высшего руководства страны. Целью Сталина было любой ценой избежать войны летом 1941 года. Не последнюю роль в его просчетах сыграла, возможно, и противоречивость нашей информации.

Какими агентурно-оперативными возможностями располагали советские спецслужбы в этот период? Бытует представление, что агентурно-оперативные группы сети Разведывательного управления Генерального штаба (так тогда

называлось Главное разведывательное управление — ГРУ) и Иностранного отдела (ИНО) НКВД имели надежную агентуру, имевшую доступ в высшие эшелоны военного командования вермахта и политического руководства Германии, и что советское руководство проигнорировало поступающие из этих источников материалы о подготовке и непосредственных планах развязывания Гитлером войны против Советского Союза. Как же обстояло дело в действительности?

Разведуправление Генштаба, ИНО НКВД располагали важными источниками информации с выходом на руководящие круги немецкого военного командования и политического руководства, но не имели доступа к документам гитлеровского руководства. К тому же получаемая информация из кругов, близких к Гитлеру, отражала колебания в германском руководстве по вопросу принятия окончательного решения о нападении на Советский Союз.

В начале и середине 30-х годов Берзину, Урицкому, Артузову (по линии Разведупра Красной Армии), Слуцкому, Шпигельглазу, Серебрянскому, Каминскому, Парпарову, Эйтингону (по линии ОГПУ — НКВД) удалось создать в Западной Европе и на Дальнем Востоке (Китай — Япония), мощный агентурно-диверсионный аппарат. Особую роль в создании этого аппарата сыграли так называемые специальные агенты-нелегалы: Арнольд Дейч (Ланг), австриец, привлечший к сотрудничеству известную пятерку Кима Филби и других в Англии; Теодор Малли, венгр, бывший католический священник, работал в Англии и Франции; В. Богуславский, поляк, бывший сотрудник разведки генштаба Польши; Шандор Радо, Леопольд Треппер, Рихард Зорге, Эрнст Волльвебер. В 1941 году была восстановлена связь с ценным агентом под псевдонимом «Друг», который был привлечен к сотрудничеству еще десять лет назад, являясь заместителем шефа штурмовиков Рема. Он считался влиятельным лицом в окружении стремившегося к власти Гитлера. После расстрела Рема «Друг» содержался германскими властями в заключении. Освободившись в 1936 году, он получил назначение политическим советником к главному военному советнику фашистской Германии при штабе Чан Кайши. Там он регулярно встречался с Зорге, дезавуируя некоторые материалы, переданные последним. Непосредственно с «Другом» работал только что назначенный заместителем начальника внешней разведки НКГБ В. Зарубин.

Судьба этих людей сложилась по-разному. Дейч погиб в 1942 году на торпедированном немецкой подлодкой советском транспорте, шедшем в США. Малли и Богуславского расстреляли по указанию Ежова в годы террора. Радо и Треппер, попортив нервы немцам «Красной капеллой», оказались в лагерях НКВД — МГБ. Зорге повесили японцы. Волльвебер возглавил потом разведку МГБ ГДР, но стал жертвой интриг Ульбрихта.

Массовые репрессии в 1937–1938 годах нанесли серьезнейший удар нашим разведслужбам, однако разведывательная деятельность продолжалась. Хотя мы и потеряли временно связь с рядом ценных агентов, агентурным сетям в Скандинавии, Германии и в странах Бенилюкса повезло. Источники информации в Германии (группы Шульце-Бойзена — штаб ВВС, Харнака — министерство экономики, Кукхоффа и Штебе — в МИДе, Лемана — гестапо) были привлечены к сотрудничеству нелегалами супругами Зарубиными, резидентом Белкиным,

нелегалом Парпаровым, спецагентом Гиршфельдом, избежавшим репрессий. Связь с ними стала поддерживаться регулярно с 1940 года. Помимо этих источников, в 1940 году к ним добавились дополнительные оперативные возможности на основе доверительных отношений выход на Геринга через знаменитую актрису Ольгу Чехову и князя Януша Радзивилла. Они, правда, не были реализованы должным образом. Возобладала осторожность Берии.

Резиденту НКВД П. Гудимовичу вместе с женой Е. Морджинской удалось в Варшаве создать мощную группу, осуществлявшую тщательное наблюдение за немецкими перевозками войск и техники в Польшу в 1940–1941 годах. Серьезные агентурные позиции мы имели также в Италии. Резиденту Рогатневу, «Титу», удалось привлечь к сотрудничеству доверенных людей аппарата графа Чиано — министра иностранных дел в правительстве Муссолини («Дарью» и «Марью»).

Среди устойчивых мифов о работе советской разведки в годы войны, в особенности после нашумевшего сериала «Семнадцать мгновений весны», широко распространена версия о сотрудничестве заместителя Гитлера по партии Бормана с советской разведкой. Не раз опровергались слухи о том, что Борман тайно был вывезен в Москву и захоронен на одном из московских кладбищ.

Дыма без огня, как известно, не бывает. Хотя Борман никогда не сотрудничал с нами, он, так же как и шеф гестапо Мюллер, постоянно находились в сфере нашего внимания.

Когда Борман был еще никому не известным рядовым функционером нацистской партии и проживал в 1930 году в скромном пансионате под Веной, с ним поддерживал «полезное знакомство» крупный нелегал нашей разведки Борис Афанасьев.

В сообщениях Афанасьева Центру давались развернутые характеристики и оценки личности Бормана, вносились предложения о его активной разработке. Но Афанасьев, к сожалению, «засветился» в ряде наших операций во второй половине 1930-х годов, и его попытки перед самой войной восстановить полезные знакомства и бывшие связи в Германии и Швейцарии успехом не увенчались.

Все слухи о приезде Бормана в СССР в мае 1945 года — сплошные домыслы.

После войны лишь сравнительно короткое время в Москве жила на конспиративной квартире известная актриса Ольга Чехова. От Берии она была передана непосредственно на связь Абакумову, ставшим в 1946 году министром госбезопасности. С Абакумовым Чехова поддерживала личную переписку, находясь в Германии, вплоть до его ареста в июле 1951 года. В письмах она называла его «милый Виктор Семенович». Непосредственно с Ольгой Чеховой в эти годы поддерживал оперативный контакт начальник внешней контрразведки МГБ СССР генерал-майор Г. Утехин.

Еще в 1937 году нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельглаза были добыты важные документальные сведения об оперативностратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). Этим документам суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и изменении действий нашего руководства перед германо-советской

войной. После оперативно-стратегических игр, проводившихся фон Сектом, а затем Бломбергом, появилось «завещание Секта», в котором говорилось, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР.

Думаю, что итоги упомянутых оперативно-стратегических игр явились также одной из причин, побудивших Гитлера выступить в 1939 году с инициативой заключения пакта о ненападении. Знаменательно, однако, что зондажные подходы к советскому руководству по осуществлению этой идеи немцы предпочли осуществить не по линии разведки, а по дипломатическим каналам через своего посла в Турции фон Папена еще в апреле 1939 года.

В круг моих обязанностей входило курирование немецкого направления нашей разведки, непосредственно возглавляемого в 1938–1942 годах майором госбезопасности (позднее генерал-майор) П. Журавлевым. Руководство всегда придавало немецкому направлению особо важное значение. В 1940–1941 годах наша резидентура в Берлине хотя и возглавлялась неопытным работником Амаяком Кобуловым, тем не менее действовала активно.

Разведывательные материалы из Берлина, Рима, Токио, что подтверждают и обнародованные ныне архивные документы, регулярно докладывались правительству. Однако руководство разведки не было в курсе, что после визита Молотова в ноябре 1940 года в Берлин начались секретные переговоры с Германией о разделе сфер влияния в мире. Таким образом, очевидная неизбежность военного столкновения вместе с тем совмещалась с вполне серьезным рассмотрением предложений Гитлера о разграничении сфер геополитических интересов Германии, Японии, Италии и СССР.

Лишь теперь мне очевидно, что зондажные беседы Молотова и Шуленбурга, посла Германии в СССР, в феврале — марте 1941 года отражали не только попытку Гитлера ввести Сталина в заблуждение и застать его врасплох внезапной агрессией, но и колебания в немецких верхах по вопросу о войне с Советским Союзом до победы над Англией. Получаемая нами информация и дезинформация от латыша, сотрудничавшего с гестапо, отражала эти колебания. Именно поэтому даже надежные источники, сообщая о решении Гитлера напасть на СССР (донесения Харнака, Шульце-Бойзена, жены видного германского дипломата (кодовое имя «Юна»), близкого к Риббентропу) в сентябре 1940 — мае 1941 года, не ручались за достоверность полученных данных и со ссылками на Геринга увязывали в той или иной мере готовящуюся агрессию Гитлера против СССР с возможной договоренностью о перемирии с англичанами.

К сожалению, правильный вывод об очевидной подготовке к войне на основе поступавшей информации мы связывали также с результатами якобы предстоящих германо-советских переговоров на высшем уровне по территориальным проблемам, а согласно сообщениям из Англии (Филби, Кэрнкросс и другие) и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англо-германской войны. Мне трудно

судить, насколько в действительности Гитлер всерьез думал договориться со Сталиным. Помнится, что поступали также данные о том, что Риббентроп последовательно, вплоть до окончательного решения Гитлера, выступал против войны с Россией, во всяком случае до тех пор, пока не будет урегулировано англо-германское военное противостояние.

Хотя Сталин с раздражением относился к разведывательным материалам, вместе с тем он стремился использовать их для того, чтобы предотвратить войну путем секретных дипломатических переговоров по территориальным вопросам, а также — это поручалось непосредственно нам — для доведения до германских военных кругов информации о неизбежности для Германии длительной войны с Россией. Акцент делался на то, что мы создали на Урале военно-промышленную базу, неуязвимую для немецкого нападения.

Окончательное решение о нападении Гитлер принял 14 июня 1941 года, на следующий день после того, как немцам стало известно Заявление ТАСС о несостоятельности слухов о германо-советской войне. Интересно, что Заявление ТАСС сначала было распространено нами в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде».

К сожалению, наша разведка, как военная, так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не спрогнозировала ставку гитлеровского командования на тактику блицкрига. Это была роковая ошибка, ибо ставка на блицкриг указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией. Крупным недостатком нашей разведывательной работы явилась слабая постановка анализа информации, поступавшей агентурным путем. Убедительным доказательством такого вывода может служить то, что только в ходе войны и в Разведупре, и в НКВД были созданы в системе разведуправлений отделы по постоянной оценке и обработке разведывательной информации, поступавшей из зарубежных источников.

Разведка НКВД сообщала об угрозе войны уже с ноября 1940 года. К этому времени П. Журавлев и Зоя Рыбкина завели литерное дело под названием «Затя», где собирались наиболее важные сообщения о немецкой военной угрозе. В этой папке находились весьма тревожные документы, беспокоившие советское руководство, поскольку они ставили под сомнение искренность предложений по разделу мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, сделанных Гитлером Молотову в ноябре 1940 года в Берлине. По этим материалам нам было легче отслеживать развитие событий и докладывать советскому руководству об основных тенденциях немецкой политики. Материалы из литерного дела «Затя» нередко докладывались Сталину и Молотову, а они пользовались нашей информацией как для сотрудничества с Гитлером, так и для противодействия ему.

Следует подчеркнуть, что полученные разведданные разоблачали намерения Гитлера напасть на Советский Союз, однако многие сообщения противоречили друг другу. В них отсутствовали оценки немецкого военного потенциала: танковых соединений и авиации, расположенных на наших границах и способных прорвать линию обороны частей Красной Армии. Никто в службе госбезопасности серьезно не изучал реальное соотношение сил на советско-германской границе. Вот почему

сила гитлеровского удара во многом была неожиданной для наших военачальников, включая маршала Жукова, в то время начальника Генштаба. В своих мемуарах он признается, что не представлял себе противника, способного на такого рода крупномасштабные наступательные операции, с танковыми соединениями, действующими одновременно в нескольких направлениях.

В разведданных была упущена качественная оценка немецкой тактики «блицкрига». По немецким военно-стратегическим играм мы знали, что длительная война потребует дополнительных экономических ресурсов, и полагали, что если война все же начнется, то немцы прежде всего попытаются захватить Украину и богатые сырьевыми ресурсами районы для пополнения продовольственных запасов. Это была большая ошибка: военная разведка и НКВД не смогли правильно информировать Генштаб, что цель немецкой армии в Польше и Франции заключалась не в захвате территорий, а в том, чтобы сломить и уничтожить боевую мощь противника.

Как только Сталин узнал о том, что немецким генштабом проводятся учения по оперативно-стратегическому и материально-техническому снабжению на случай затяжной войны, он немедленно отдал приказ ознакомить немецкого военного атташе в Москве с индустриально-военной мощью Сибири. В апреле 1941 года ему разрешили поездку по новым военным заводам, выпускавшим танки новейших конструкций и самолеты. Через свою резидентуру в Берлине мы распространяли слухи в министерствах авиации и экономики, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства, особенно если война окажется длительной и будет вестись на два фронта.

Десятого января 1941 года Молотов и посол Германии в Москве Фридрих Вернер фон дер Шуленбург подписали секретный протокол об урегулировании территориальных вопросов в Литве. Германия отказывалась от своих интересов в некоторых областях Литвы в обмен на семь с половиной миллионов американских долларов золотом. В то время я не знал о существовании этого протокола. Меня лишь кратко уведомили, что нам удалось достичь соглашения с немцами по территориальным вопросам в Прибалтике и об экономическом сотрудничестве на 1941-й год.

Сведения о дате начала войны Германии с Советским Союзом, поступавшие к нам, были также самыми противоречивыми. Из Великобритании и США мы получали сообщения от надежных источников, что вопрос о нападении немцев на СССР зависит от тайной договоренности с Британским правительством, поскольку вести войну на два фронта было бы чересчур опасным делом.

От нашего полпреда в Вашингтоне Уманского и резидента в Нью-Йорке Овакимяна к нам поступили сообщения, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд, работавший на Уильяма Стивенсона из Британского координационного центра безопасности в Эмпайр-Стейт билдинг, сумел подбросить «утку» в немецкое посольство в Вашингтоне. Дезинформация была отменной: если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера.

Анализируя поступавшую в Союз информацию из самых надежных источников

военной разведки и НКВД, ясно видишь, что около половины сообщений — до мая и даже июня 1941 года — подтверждали: да, война неизбежна. Но материалы также показывали, что столкновение с нами зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией. Так, Филби сообщал, что британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР, с тем чтобы спровоцировать Германию. В литературном деле «Черная Берта» есть ссылка на информацию, полученную от Филби или Кэрнкросса о том, что британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом; ее якобы должны были начать мы, причем превентивный удар собирались нанести в Южной Польше. Папка с этими материалами день ото дня становилась все более пухлой. К нам поступали новые данные о том, как британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне. Поступали к нам и данные об усилившихся контактах зондажного характера британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта.

Между тем Сталин и Молотов распорядились о передислокации крупных армейских соединений из Сибири к границам с Германией. Они прибывали на защиту западных границ в течение апреля, мая и начала июня. В мае, после приезда из Китая в Москву Эйтингона и Каридад Меркадер, я подписал директиву об использовании спецслужбы среди белогвардейцев и других национальных эмигрантских групп в Европе для участия в разведывательных операциях в условиях военных действий.

Сегодня нам известно, что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться. До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отсрочат войну по крайней мере на год, пока Гитлер пытается мирно уладить свои споры с Великобританией. Сталина и Молотова раздражали иные точки зрения, шедшие вразрез с их стратегическими планами по предотвращению военного конфликта. Это объясняет грубые пометки Сталина на докладе Меркулова от 17 июня 1941 года, в котором говорилось о явных признаках надвигающейся войны. Тот факт, что Сталин назначил себя главой правительства в мае 1941 года, ясно показывал: он возглавит переговоры с Гитлером и уверен, что сможет убедить того не начинать войну. Известное Заявление ТАСС от 14 июня подтверждало: он готов на переговоры и на этот раз будет вести их сам. Хотя в Германии всюду шли крупномасштабные приготовления к войне, причем уже давно, Сталин и Молотов считали, что Гитлер не принял окончательного решения напасть на нашу страну и что внутри немецкого военного командования существуют серьезные разногласия по этому вопросу. Любопытен тот факт, что Заявление ТАСС вышло в тот самый день, когда Гитлер определил окончательную дату вторжения. Следует также упомянуть еще о нескольких малоизвестных моментах.

В мае 1941 года немецкий «Юнкерс-52» вторгся в советское воздушное пространство и, незамеченный, благополучно приземлился на центральном

аэродроме в Москве возле стадиона «Динамо». Это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС. Это феерическое приземление в центре Москвы показало Гитлеру, насколько слаба боеготовность советских вооруженных сил.

Кроме того, военное руководство и окружение Сталина питали иллюзию, будто мощь Красной Армии равна мощи сил вермахта, сосредоточенных у наших западных границ. Откуда такой просчет? Во-первых, всеобщая воинская повинность была введена только в 1939 году, и, хотя Красная Армия устроила свой численный состав, в ней не хватало людей с высшим военным образованием, поскольку более 30 тысяч кадровых командиров подверглись в 30-х годах репрессиям.

Количество военных училищ и школ, открытых в 1939 году, хотя и впечатляло, но их не хватало. Правда, половину репрессированных высших армейских чинов возвратили из тюрем и лагерей ГУЛАГа в армию, но их было явно недостаточно, чтобы справиться с обучением всей массы новобранцев. Жуков и Сталин переоценили возможности наших танковых соединений, сухопутных и военно-воздушных сил. Они не совсем ясно представляли себе, что такое современная война в плане координации действий всех родов войск — пехоты, авиации, танков и служб связи. Им казалось, что главное — это количество дивизий, и они способны будут сдержать любое наступление и воспрепятствовать немецкому продвижению на советскую территорию. Вопреки этому командующий ВМС страны Кузнецов трезво оценивал реальные возможности наших военно-морских сил и превосходство немцев на морском театре военных действий. Основываясь на своем опыте в Испании (он был там военно-морским атташе), весной 1941 года Кузнецов разработал и ввел предварительную систему боеготовности: готовность № 3 — в боеготовности находятся дежурные огневые средства; готовность № 2 — принимаются все меры по подготовке отражения возможного нападения противника; готовность № 1 — флот готов немедленно начать военные действия. Вот почему наши ВМС, подвергшиеся неожиданному нападению на Балтике и на Черном море, смогли почти без потерь отразить первый удар врага.

НКВД и военная разведка должны нести ответственность за недооценку мощного потенциала немецких вооруженных сил. Эти ведомства были слишком заняты получением политической информации и недостаточно занимались изучением тактики вермахта.

Невероятно искажает реальную картину и приписываемая Берии резолюция отозвать и наказать нашего посла в Берлине Деканозова, бывшего начальника разведки НКВД, за то что он бомбардировал его «дезинформацией». Те же люди заявляют, что Берия писал Сталину 21 июня, предлагая отозвать Деканозова, но это вообще было вне его компетенции, поскольку Деканозов перешел на работу в Наркомат иностранных дел и докладывал непосредственно Молотову.

Как было сказано выше, сообщения разведки о возможном начале немецкого вторжения были противоречивы. Так, Зорге сообщал из Токио, что вторжение планируется на 1 июня. В то же время наша резидентура из Берлина сообщала, что вторжение планируется на 15 июня. До этого, 11 марта, военная разведка

докладывала, что немецкое вторжение намечено на весну. Картина еще больше запутывалась из-за намерения руководства начать переговоры с немцами.

На коктейле в немецком посольстве в Москве за несколько дней до начала войны Зоя Рыбкина заметила, что со стен сняты некоторые украшения и картины. Пытаясь определить новые места для установки подслушивающих устройств, она обнаружила, что посольские работники паковали чемоданы для отъезда. Это нас крайне беспокоило.

В отеле «Метрополь» руководители нашей контрразведки Я. Яковлев, П. Райхман и В. Рясной, координаторы контрразведывательных операций против немцев в Москве, перехватили двух немецких курьеров, перевозивших дипломатическую почту. Одного заперли в кабине лифта, в то время как второго закрыли в ванной комнате номера «люкс», где они жили. Когда курьер, находившийся в лифте, понял, что заблокирован, он нажал на кнопку вызова лифтера. «Вызволили» его, естественно, работники контрразведки, которые за пять минут, имевшихся в их распоряжении, открыли его дипломат в «люксе» и сфотографировали содержимое. Среди документов находилось письмо посла Шуленбурга Риббентропу, в котором он писал, что может быть посредником в урегулировании советско-германских противоречий. В то же время Шуленбург докладывал, что инструкции по сокращению персонала посольства выполнены и дипломаты уезжают в Германию по намеченному графику. Хотя признаки приближающейся войны были очевидны, этот документ, позиция Шуленбурга и его высокая репутация подтверждали, что дверь к мирному урегулированию все еще не закрыта.

Сталин был раздражен, как видно из его хулиганской резолюции на докладе Меркулова, не только утверждениями о военном столкновении с Гитлером в ближайшие дни, но и тем, что «Красная капелла» неоднократно сообщала противоречивые данные о намерениях гитлеровского руководства и сроках начала войны. «Можете послать ваш источник из штаба германской авиации к е... матери. Это не источник, а дезинформатор», — писал он 17 июня 1941 года. Сталина я здесь вовсе не оправдываю. Однако нужно смотреть правде в глаза. Не только двойник «Лицеист», но и ценные и проверенные агенты «Корсиканец» и «Старшина» сообщали весной 1941 года и вплоть до начала войны, в июне, о ложных сроках нападения, о выступлении немцев против СССР в зависимости от мирного соглашения, с Англией и, наконец, в мае 1941 года «Старшина» передал сведения о том, что немецкое и румынское командование «озабочено концентрацией советских войск на юго-западном направлении, на Украине и возможностью советского превентивного удара по Германии и Румынии с целью захвата нефтепромыслов в случае германского вторжения на Британские острова».

Поэтому реакцию Сталина, по моему мнению, следует рассматривать не только как неверие в нападение Германии, но и как крайнее недовольство работой разведки. Во всяком случае, так я расценивал после разговора с Фитиным мнение «наверху» о нашей работе и, не скрою, был этим чрезвычайно удручен. Безусловно, нашей большой ошибкой было направлять «наверх» доклады разведки, не составив календарь спецсообщений. Сделано это было лишь после «нагоняя».

Впрочем, мы посылали руководству все важные сообщения, надеясь, что в Кремле, получая еще дополнительные данные от военных служб и Коминтерна, сделают соответствующие выводы и дадут нам указания.

Война — это что-то вроде водораздела. И тем не менее есть смысл обращаться к событиям 1941 года, чтобы понять: были ли сделаны выводы из этих уроков накануне серьезнейших испытаний, которые наша страна пережила в последующем — в 50—60-е годы, в периоды ожесточенных локальных войн на Ближнем Востоке, грозивших перерасти в военное противостояние между СССР и США.

В 1988 году я принимал участие в работе научного семинара в штаб-квартире нашей внешней разведки в Ясенева. Довелось мне тогда освежить память по некоторым документам. Разведывательная информация о замыслах немецкого руководства и о рассмотрении вопроса о нападении на СССР начала поступать примерно с мая-июня 1940 года. Одновременно следует подчеркнуть, как ошибочно «наверху» и в НКВД считали, что к войне мы худо-бедно, но готовы.

Есть ли объяснения тому, что происходило со стороны участников драмы в мае — июне 1941 года, кроме известной всем жесткой критики? Очень мало. До нас доходят лишь обрывки архивных документов и отдельные высказывания заинтересованных лиц: Микояна, Молотова и их сегодняшних яростных разоблачителей. Но ведь есть и другие обстоятельства, по которым стоит высказаться.

Июнь 1991 года. Помню, как по телевидению демонстрировали фильм о роли разведки перед началом Отечественной войны. Делались аналогии. Советский Союз накануне нападения гитлеровской Германии и Советский Союз накануне развала. В 1991 году угроза развала была очевидной, но руководство страны, и прежде всего Горбачев, который лично руководил силовыми ведомствами, ошибочно считали, что держат ситуацию под контролем. Они полагались и на безосновательные заключения и рекомендации по линии госбезопасности, что общественное мнение в целом поддерживает Горбачева и не существует реальной опасности отстранения его от власти.

Вот мы говорим: ответственность Сталина за судьбу Родины. Она — огромна. Говорим о роли Хрущева, Брежнева, Горбачева. Она также не менее ответственна. Потому что у нас всегда первое лицо государства, в незначительной степени второе — председатель правительства — лично осуществляли руководство спецслужбами и силовыми ведомствами. И на них в первую очередь лежит персональная ответственность за сохранение целостности государства, отражения внешних и внутренних угроз его развитию и существованию. Это никогда нельзя сбрасывать со счетов.

А теперь хотелось бы привести пример того, как ошибочная реализация нашей разведывательной информации способствовала, как отмечал наш видный дипломат Г. Корниенко, развязыванию печально известной шестидневной войны на Ближнем Востоке между Израилем и арабскими странами в июне 1967 года.

Ряд участников драмы на Ближнем Востоке играл не последнюю роль в разведывательных операциях и по линии их обеспечения советскими

дипломатическими ведомствами в 40-е годы. Скажем, советский посол в Египте в 1967 году Д. Пожидаев, в прошлом работник разведки, был офицером нашей резидентуры в Париже в 1940 году, а в годы войны по просьбе Наркомата иностранных дел перешел на дипломатическую службу, но при этом продолжал оставаться не просто доверенным лицом, а активным помощником советской разведки.

То же самое можно сказать и о В. Семенове — в 1960— 1970-е годы заместителе министра иностранных дел СССР, исполнявшего в период Отечественной войны важные поручения разведки НКВД в Швеции. При их участии, без санкции политического руководства страны представитель КГБ в Каире передал 13 мая 1967 года египетской разведке в порядке обмена информацией непроверенные данные о концентрации израильских войск для нападения на Сирию. Между тем израильское командование готовилось нанести главный удар по вооруженным силам Египта с целью прежде всего уничтожить его авиацию на аэродромах и завоевать господство в воздухе.

Пожидаев же и Семенов подтвердили эту ложную информацию египтянам, которые, идя на поводу ее, настояли на выводе войск ООН с египетско-израильской границы, считая, что концентрация египетских войск на Синайском полуострове станет сдерживающим фактором ожидавшегося нападения на Сирию. В результате египетское руководство двинуло войска на Синай и начало блокаду в заливе Акаба. Сделано это было вопреки предостережению председателя правительства СССР А. Косыгина не обострять обстановку. Неблагоприятные последствия этих действий для союзника СССР в то время широко известны.

В 1992 году А. Рылов, ветеран советской разведки, подарил мне книгу В. Кирпиченко «Из архива разведчика», в которой он как куратор в то время «ближневосточного» направления в работе КГБ за рубежом описывает эти события без тени раскаяния в трагической ошибке, повлекшей большие внешнеполитические осложнения для нашей страны. Кирпиченко — одна из крупнейших, знаковых фигур в истории наших органов безопасности и в истории разведки. Он был руководителем нелегальной разведки, до этого возглавлял направление по Ближнему Востоку в центральном аппарате. Это очень значимо с точки зрения практического опыта в организации нелегального аппарата, который создается для работы в особый период — в период военных действий.

Читаем дальше. В своих воспоминаниях Кирпиченко категорически отрицает причастность советской стороны к провоцированию военных действий на Ближнем Востоке, утверждая, что речь идет просто об агрессии Израиля. Согласен. Но только в одном. Главная причина войны — противостояние и четкая позиция как в Израиле, так и в арабском мире, что оно может быть разрешено только военной силой, и мир возможен только на основе военного решения проблемы, на условиях достижения военной победы. Совершенно ясно: первопричина конфликта — агрессивные устремления сторон. Тут не может быть сомнений.

Но вот об обстоятельствах развязывания войны Кирпиченко почему-то забывает. Если мы обратимся к стенограмме Пленума ЦК КПСС в июне 1967 года, состоявшегося почти сразу же после арабо-израильских военных действий, то

увидим, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев, курировавший силовые ведомства, сказал, что поражение Египта для нас явилось большой неудачей, и руководство страны подвели разведка, военные и дипломаты. На чем базируется это заявление Генсека? Что он имел в виду, когда говорил об этом? Скорее всего, то, что 13 мая представитель КГБ СССР в Каире, непонятно с чьей санкции или без санкции Центра, обменялся с руководителем египетской разведки (с которым, как признает Кирпиченко, тоже были дружественные отношения) информацией о том, что на сирийском фронте заметна усиленная концентрация войск. Но эти сведения еще подлежали перепроверке.

В своей книге Кирпиченко по своему усмотрению рассекретил документ КГБ СССР о том, что 26 мая 1967 года были получены сведения о намерении Израиля начать войну на Ближнем Востоке через два — три дня. Но это не соответствовало действительности. Война началась десятью днями позже. Кто знает, может, это была специально подброшенная израильянами дезинформация в адрес КГБ, чтобы спровоцировать Египет и дать повод Израилю для «превентивного» в глазах мирового общественного мнения удара по арабским странам.

Возникает вопрос, насколько опасна информация разведки? И может ли она быть опасной и нежелательной, когда курс правительством и руководством страны уже определен? Кирпиченко пишет о блестящей роли нашего посла в Каире Д. Пожидаева, с которым у него были прекрасные отношения. Но у них и не могло быть иных отношений. И в этой связи возникает новое белое пятно в истории операций нашей разведки, сопоставимое с уроками 1941 года. Сомневаюсь, что и в настоящее время из анализа событий 1967 года сделаны в СВР соответствующие выводы. Это маловероятно, поскольку историческими обобщениями по ближневосточному конфликту занимаются люди, причастные к очевидным ошибкам в оперативной работе именно в этот период.

Но вернемся к событиям мая — июня 1941 года.

В 1992–1993 годах, в пылу критики Сталина, нашего посла в Германии Деканозова обвинили в том, что он явился «распространителем» дезинформации о неизбежности войны с Германией. Как же обстояло дело в действительности?

В мае 1941 года Деканозов был вызван в Москву для консультаций. Тогда между ним и немецким послом графом Шуленбургом состоялись беседы. Из рассекреченных теперь записей этих бесед следует, что немецкий посол в Москве открыто заявлял советскому дипломату, в недалеком прошлом начальнику внешней разведки НКВД, о своей озабоченности растущей напряженностью в германо-советских отношениях, грозящей столкновением, и о необходимости их улучшения.

Деканозов немедленно доложил не только в форме записи беседы, но и лично Сталину и Молотову о встречах с Шуленбургом. И вот здесь советское руководство в силу своего менталитета допустило серьезнейшую ошибку. Оно не могло себе представить, что Шуленбург беседовал с Деканозовым по собственной инициативе, без санкции Берлина.

Даже когда Шуленбург подчеркнул Деканозову, что он излагает свою личную точку зрения о необходимости предпринять шаги в виде совместного обмена нотами

и принятия коммюнике о стабильности германо-советских связей, в Кремле восприняли его слова как точку зрения влиятельных политических кругов Германии. Роль Шуленбурга Сталин, Молотов, Берия, безусловно, переоценивали. От его бесед с Деканозовым ожидали начала проработки возможной встречи с немецким руководством на высшем уровне. Не случайно Деканозов 1 мая 1941 года стоял на трибуне Мавзолея вместе с руководителями партии и государства. Это лучше всяких слов говорило немцам, что он, заместитель наркома иностранных дел, очень близок к руководителям Советского Союза. 5 мая Деканозов был приглашен на завтрак к Шуленбургу.

По ошибочному указанию Кремля мы подкинули дезинформацию о том, что якобы Сталин выступает последовательным сторонником мирного урегулирования соглашений, в отличие от военных кругов СССР, придерживающихся жестких позиций военного противостояния Германии. Затем последовало печально известное Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о безосновательности слухов относительно войны с Германией.

Намерения немцев и неизбежность войны стали еще более очевидными, когда нашей контрразведке с помощью агента военной разведки Г. Кегеля при участии З. Рыбкиной удалось установить совершенную прослушивающую аппаратуру в помещениях немецкого посольства, где Шуленбург и военный атташе вели доверительные беседы между собой. Это было очень большим достижением нашего контрразведывательного аппарата и его технических подразделений, смонтировавших аппаратуру. К сожалению, это удалось сделать только в майские праздники 1941 года.

Кобулов, Меркулов, Берия часто бывали у Сталина в мае-июне 1941 года. Они лично докладывали разведывательные и контрразведывательные материалы. Однако самые убедительные данные о сроках нападения появились за два-три дня до начала войны. Их немедленно доложили на самый «верх». Это были записи разговоров Шуленбурга, который прямо говорил, что он очень пессимистично настроен в отношении военных планов Гитлера, связанных с Россией. Эта запись легла на стол Сталину и окончательно убедила советское руководство, что война разразится в самое ближайшее время. Сейчас известно также, что при встрече А. Щербакова с секретарями райкомов партии в Москве 20 июня 1941 года он советовал не выезжать в выходные дни из Москвы, ибо ожидается нападение Германии.

Я с большим уважением отношусь к нашим видным военачальникам — Маршалу Советского Союза Г. Жукову и адмиралу Н. Кузнецову, однако им не следовало бы упрекать друг друга в пренебрежении данными разведки. Например, Кузнецову, который в записке Сталину излагал сообщение военно-морской разведки о сроках нападения, приписывают вину за дезориентацию руководства о сроках нападения немцев. Дело в том, что Кузнецов действительно сообщал о не подтвердившихся сроках, но, к сожалению, каждый раз цитирование документов в нашей исторической и мемуарной литературе подчинено конъюнктуре.

Жуков упрекает Кузнецова в том, что капитан первого ранга Воронцов, наш военно-морской атташе в Берлине, докладывал ему о действиях немецкого командования, опираясь на данные нескольких источников, дававших разные

сообщения. Но ведь не процитирован весь документ, где говорится, что источники информации ненадежны и дано задание перепроверить их, после чего эти сведения не подтвердились. О том же самом идет речь и в записках генерала Голикова, что сведения о начале войны, поступавшие в марте — апреле 1941 года, действительно оказались неточными.

Существенное значение имеет и то, что доклады Голикова и Кузнецова весной 1941 года направлялись Сталину в то время, когда немецкие силы не были еще полностью развернуты по нашей границе и вопрос о немедленном начале военных действий не стоял. Генштаб верно оценивал возможности противника и делал правильные выводы. По складывающейся ситуации начало военных действий представлялось маловероятным до июня. Нельзя не осуждать распространенное сегодня явление, когда многие публицисты произвольно и безответственно цитируют важнейшие документы нашей истории. И, как правило, занимаются этим те, кто в своих предыдущих публикациях давал иные «исторические» оценки роли КПСС, характеру и особенностям предвоенной обстановки.

Однако нельзя не сказать и о крупных просчетах нашей разведки. Довольно часто муссируется вопрос о том, что Сталин дал указание о развертывании главных сил танковых и механизированных соединений Красной Армии для отражения главного удара противника на Юго-Западном направлении, поскольку имелось в виду, что немцам нужны были нефть, украинский уголь, запасы зерна и т. д. для длительной войны с Советским Союзом. На самом же деле мы переоценивали группировку немецких войск, противостоящую нам на юго-западе, в результате чего Южный фронт вынужден был в начале июля отойти. Несмотря на очень серьезную агентурную сеть, которую мы имели в Румынии, была получена мифическая информация о значительно превосходящих силах немцев и румын на Южном направлении, состоящих из 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий.

Неправильная оценка нашей разведкой обстановки в Бессарабии, как мне самокритично рассказывал нарком госбезопасности Молдавии, впоследствии начальник Особого отдела Южного фронта Н. Сазыкин, в критический момент начала войны обусловила невысокую эффективность действий войск Южного фронта, несмотря на то, что противник, как оказалось, не имел превосходящих сил. Несомненно, это оказало неблагоприятное влияние на развитие событий на всем Юго-Западном направлении.

Историкам разведки предстоит еще большая работа: сравнить поступавшую в Москву разведывательную информацию с картиной реальных сроков развертывания сил фашистской Германии весной и в начале лета 1941 года. Как следует из дневников начальника сухопутных войск Германии генерала Гальдера, изданных у нас, приказ немецкого верховного главнокомандующего о нанесении удара по Советскому Союзу в соответствии с планом «Барбаросса» появился только 10 июня. До наших разведчиков об этом доходили лишь отголоски. В целом обстановку мы оценивали верно, понимая, что дело идет к войне, но когда речь зашла об объяснении причин столь противоречивых разведывательных данных, здесь надо прямо сказать, руководство наркоматов внутренних дел, госбезопасности и разведки, будучи вызванными на ковер, не нашло должного ответа. К сожалению, новое

поколение руководителей советской разведки не извлекло из этого уроков, повторив подобные ошибки в ходе событий накануне арабо-израильской войны в июне 1967 года.

21 июня я оставался у себя в кабинете всю ночь, несмотря на то, что мы с женой условились поехать вечером на дачу. За год до этого она решила уйти с оперативной работы в Центре и стала преподавать в Высшей школе НКВД как старший преподаватель оперативных дисциплин. Из школы она ушла в субботу 21 июня примерно в три часа дня. Фитин в этот вечер встречался с Гавриловичем, уже бывшим югославским послом, на своей даче. Так что в эту роковую ночь я был единственным из начальства внешней разведки, кто находился на работе. По нашим правилам мы могли уйти с работы только после того, как позвонит секретарь наркома и передаст разрешение шефа идти домой. Начальники отделов обычно уходили в восемь, отправляясь домой или на явочные квартиры для встреч с агентами, а затем возвращались к себе на работу в десять или одиннадцать вечера, чтобы обобщить полученные от агентуры сообщения, которые тут же запирались в сейфы. По субботам, однако, никто, как правило, после восьми на работу не возвращался.

На этот раз я не получал разрешения уйти с работы ни от секретаря Берии, ни от Меркулова и остался у себя в кабинете, только позвонил домой и предупредил, что буду поздно. Жена решила ждать меня дома и уснула. Ожидая звонка от начальства, я стал просматривать документы, но после шести ни почты, ни новых сообщений не поступало. Был только один звонок — от командующего пограничными войсками И. Масленникова. Он был явно разочарован, когда я сказал, что создаваемый разведывательно-диверсионный аппарат будет готов к действию не раньше чем через десять дней. Я знал, что ни Берии, ни Меркулова нет на месте, но секретариат ожидал их возвращения в любую минуту: они были вызваны в Кремль.

Меня одолевали тревожные мысли, но мне и в голову не могло прийти, какая беда вскоре обрушится на всех нас. Конечно, я чувствовал угрозу военной провокации или конфликта, но не в состоянии был представить себе масштабы готовящегося нападения гитлеровцев. Я считал, что невзирая ни на какие трудности мы способны контролировать события.

В три часа ночи зазвонил телефон — Меркулов потребовал, чтобы я немедленно явился к нему в кабинет. Там я застал начальников всех ведущих управлений и отделов.

Меркулов официально объявил нам, что началась война: немецкие войска перешли нашу границу. Он тут же приказал, чтобы весь аппарат был вызван на работу по сигналу тревоги. К девяти утра, заявил он, каждый начальник направления должен предложить конкретные мероприятия в соответствии с планом действий в условиях начавшейся войны.

Около девяти прибыл Фитин. В конференц-зале Разведуправления мы провели официальное собрание сотрудников, где объявили о начале войны. Все были напряженно спокойны, но в ходе собрания замечания сделались немногословными, и наши заправские остряки, особенно Эйтингон, воздерживались от своих обычных

ШУТОК.

Глава 9. Первые испытания

Напряженные дни

Итак, о начале военных действий руководители служб и направлений НКГБ узнали от Меркулова в 3.00 в ночь на 22 июня. На срочном совещании — в связи с выполнением ответственных поручений — отсутствовали Фитин и Федотов. В тот день они находились за городом. Наиболее решительно повел себя Михеев, который немедленно сообщил о том, что в особых отделах армий и флотов имеются исчерпывающие инструкции о перестройке оперативной работы в условиях военного времени. Сообщение Меркулова, разумеется, не было неожиданным. Указания о боевой готовности, об обострении ситуации были переданы по линии органов НКВД и НКГБ 18, 19 и 20 июня 1941 года как в территориальные подразделения, так и по линии военной контрразведки, а также в штабы и командование пограничных и внутренних войск, дислоцированных на Украине, в Белоруссии и Прибалтике.

Там боевая готовность была объявлена фактически 21 июня в 21.30, то есть до получения санкционированной Сталиным известной директивы наркома обороны. По линии разведки мы также отправили предупреждение об обострении обстановки в Берлин, где посол Деканозов утром 21 июня отдал распоряжение персоналу не покидать без специального разрешения территорию наших миссий за границей и всем сотрудникам докладывать о месте своего нахождения.

В тот же день в Берлин поездом прибыл ряд сотрудников нашей разведки, вызванных из Франции, Дании и Италии. На вокзале их встречал резидент Кобулов.

Надо сказать, что проявленные на местах собранность и дисциплинированность позволили нам без особых проблем быстро эвакуировать свой аппарат по дипломатическим каналам. Настороженность, которую мы проявляли перед войной, предполагая возможность вторжения немцев в наши консульства, положительно сработала и при уничтожении всех средств шифросвязи в Берлине, Париже, Риме, Копенгагене. К сожалению, финнам удалось захватить ряд средств шифропереписки, в том числе кодовую книгу в нашем консульстве в Петсамо. Позже, в 1944 году, финская разведка передала эти материалы английским и американским спецслужбам. Это положило начало почти тридцатилетней операции английских и американских криптографических служб по дешифровке переписки резидентур советской военной разведки и НКВД из США, Швеции, Англии, Турции, Болгарии с Центром в 1941–1946 годах.

Но мы допустили ошибку, понадеясь, что наши резидентуры в Западной Европе, получив предупреждение, правильно сориентируются и перестроят свою работу на военный лад. Как оказалось, даже опытные работники разведки, находившиеся за кордоном, имели очень смутное представление о том, как организационно будет строиться работа в условиях начала военных действий. Особенно это коснулось радиотехнического обеспечения в условиях перехода агентуры на нелегальное положение.

Все просчеты и недостатки организационного характера органов безопасности в этот самый сложный период для нашей страны, к сожалению, освещены

недостаточно. Откровенно говоря, это относится не только к спецслужбам. Воспоминания С. Штеменко, Г. Жукова и А. Василевского, Н. Кузнецова лишь только чуть приоткрывают страницы, связанные с организацией работы военного аппарата в начальный период войны. Недостаточное внимание этой теме, по-моему, уделил и наш военный историк В. Анфилов в своей работе «Провал, Блицкриг»».

Получив указания Берии (17 или 18 июня 1941 года) об организации разведывательно-диверсионного аппарата на случай начала войны, я столкнулся с исключительно сложным вопросом: каким образом самостоятельная служба диверсий и разведки будет действовать в прифронтовой полосе и ближайших тылах противника во взаимодействии с военной контрразведкой? Ведь в прифронтовой полосе именно она олицетворяла действия органов госбезопасности.

Как известно, в феврале 1941 года особые отделы, военная контрразведка были переданы в оперативное подчинение Наркомата обороны. Встал вопрос: кому непосредственно должна быть подчинена военная контрразведка — военному руководству или наркому госбезопасности? Четко отработанного механизма двойного подчинения не было. Военная же контрразведка не может работать эффективно, не опираясь на общие директивы по обеспечению госбезопасности в вооруженных силах.

Накануне войны был создан так называемый межведомственный совет НКВД — НКГБ и Наркомата обороны по координации работы военной контрразведки.

20 июня 1941 года, когда стало совершенно очевидно, что от начала войны нас отделяют считанные дни, я получил задание создать специальную группу, которая, будучи задействованной в разведывательно-диверсионных операциях, имела бы возможность самостоятельно осуществлять диверсионные акции в ближайших тылах противника. Разработкой этого задания мы занялись вместе с Эйтингоном и Мельниковым. Сразу же возник вопрос: как создаваемый аппарат должен взаимодействовать с остальными оперативными подразделениями? Ведь Берия, возглавляя НКВД, не являлся наркомом государственной безопасности, а указание о создании аппарата он давал как заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, то есть заместитель руководителя правительства. Имелось в виду, что опираться этот специальный аппарат должен как на НКГБ, так и на НКВД, поскольку именно в его прямом подчинении находились пограничные и внутренние войска, то есть основные воинские части, которые предполагалось задействовать в диверсионных операциях.

Война продиктовала очередной поворот в реорганизации органов безопасности и внутренних дел. Военная контрразведка вернулась в аппарат НКВД, было восстановлено управление особых отделов и фактически слиты аппараты НКВД и НКГБ в расширенный Наркомат внутренних дел. В условиях начавшихся военных действий, наших неудач на фронте такая централизация функций по обеспечению госбезопасности страны и охраны общественного порядка была оправданной.

За день до начала войны на меня и небольшой аппарат группы в составе Н. Эйтингона, Н. Мельникова, В. Дроздова, А. Камаевой и А. Кочергиной легли нелегкие задачи, связанные с передачей в наше распоряжение агентуры других

оперативных служб НКВД для использования их против немецких спецслужб. Эту агентуру надо было срочно изучить на предмет ее пригодности к действиям в условиях военного времени, поэтому и встал вопрос о перепроверке агентурных возможностей НКВД в целом. Я начал активно взаимодействовать с Контрразведывательным управлением П. Федотова, Транспортным управлением С. Мильштейна и Секретно-политическим управлением, которое возглавлял Н. Горлинский. Речь шла и о том, чтобы в дополнение к имеющейся у нас агентуре добавить и ту, которая находилась на приграничных территориях, для чего нашему разведывательно-диверсионному аппарату необходимо было наладить прямую связь с их территориальными органами и центральным аппаратом контрразведки.

Мы ожидали, что основные события развернутся именно там. Речь шла не только о предотвращении широкомасштабных провокаций на всей границе от Белоруссии до Черного моря, но и развертывании разведывательно-диверсионной работы в ближайших тылах немецких соединений, если они перейдут границу. Сразу же стало очевидным, что агентуры, которой мы располагали, было недостаточно.

Кроме того, специальных воинских подразделений, к которым можно было бы подключить агентурно-оперативные боевые группы для партизанской войны в тылу противника, не существовало. Правда, мы могли рассчитывать на особый резерв Коминтерна, имевший боевой опыт партизанской войны в Испании.

Эйтингон занялся координацией будущих действий с Генштабом и с командованием Красной Армии в приграничных округах. Контакта с командующим войсками Западного Особого военного округа Д. Павловым у него не получилось. Но наладились хорошие рабочие отношения с организатором спецназа и партизанских отрядов в период финской войны полковником Разведупра Красной Армии Х. Мамсуровым.

Сразу же возник главный имеющий политическое значение вопрос: кто будет отдавать приказ о конкретных, неотложных боевых действиях в тылу противника по линии НКВД в случае начала войны? Не менее важно было и то, кто должен давать санкцию на развертывание диверсионной работы в Польше, Германии и Скандинавии. К сожалению, из опыта испанской и финской войн выводов было сделано маловато. Успех диверсий в тылу противника во многом зависел от ограничения маневренных возможностей танковых группировок немцев путем уничтожения складов с горючим и срывом их снабжения. Это чисто теоретически прорабатывалось Мамсуровым и Эйтингоном на встрече с Голиковым в здании Разведупра на Гоголевском бульваре.

Утром в субботу 21 июня Берия согласился с предложениями Эйтингона, которые я активно поддержал, о том, что мы должны располагать специальным боевым резервом в 1200 человек из состава пограничников и внутренних войск. У Эйтингона была идея создать четыре батальона диверсионного назначения. Три предполагалось развернуть на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, а четвертый оставить в резерве в Подмосковье.

В 1990-е годы начались публикации всевозможных «документальных»

материалов о разработке планов наступательной операции Красной Армии в начальный период войны. Должен сказать, однако, со всей ответственностью, что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий. Это известный рукописный документ, датированный 15 мая 1941 года.

Сейчас упускают из виду, что эти соображения о встречном сражении Сталин и нарком обороны Тимошенко положили в основу директивы войскам днем 22 июня 1941 года, когда была предпринята попытка встречным ударом остановить немцев и нанести им главный удар на Юго-Западном направлении. Жукову, по-моему, изменяет память, когда он пишет в своих мемуарах о том, что директива Ставки по проведению решительного контрнаступления была для него совершенно неожиданной. Ведь речь шла о проведении в жизнь тех мероприятий, которые он как начальник Генштаба и генерал-майор Василевский предлагали Сталину осуществить в случае начала войны более чем за месяц до нападения немцев.

Более того, майские соображения Жукова и Василевского фактически были первым нашим черновым вариантом плана военных действий в случае начала войны с Германией.

Сейчас очевидно, что этот документ был весьма не совершенен, более того, замысел наступательных операций мало чем отличался от планов наступательной кампании русской армии в Галиции и Юго-Восточной Польше, разработанных царским генштабом еще в 1913 году и частично с неудачами реализованных в августе — сентябре 1914 года.

В первый же день войны в нашей работе стало чувствоваться большое напряжение. Нас особенно тревожило развитие событий на границе. Сведения поступали самые противоречивые. Днем 22 июня Берия вызвал меня, Масленникова, командующего пограничными войсками, и предложил, чтобы Эйтингон срочно вылетел в Минск. А потом, подумав, сказал, что, пожалуй, имеет смысл вылететь в Проскуров, где будут разворачиваться события на Юго-Западном направлении, и решить, что можно сделать по линии диверсионной службы для всемерной поддержки Красной Армии.

Однако Эйтингон никуда не уехал. Вызванный к Берии, он вместе со мной спорил, доказывая, что есть смысл выехать на место только для того, чтобы разобраться в обстановке. Потому что реально нами не были подготовлены ни силы, ни средства для развертывания диверсионных подразделений и партизанской войны. Надо было сначала получить информацию о том, что там происходит. Нехотя Берия согласился.

К сожалению, наши военные историки, уделив существенное место попытке контрнаступления Красной Армии 22–23 июня 1941 года, не увязывают ее с предложениями Жукова и Василевского от 15 мая 1941 года. А родились они, мне кажется, из трактовки выступления Сталина 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий.

Как известно, усилия Красной Армии остановить контрударами наступление

немцев ни к чему не привели. Наши части понесли колоссальные потери. Практически мы оказались без авиации и танков. Противник завоевал господство в воздухе.

Командование Западного фронта не располагало информацией о реальном развитии событий. Наши танковые соединения, сосредоточенные на Белостокском выступе, вели неравные бои в окружении, не имели горючего, и судьба их была предрешена. Правда, танкисты, погибая в этом сражении, нанесли большой урон немцам.

Если мы проследим, как разворачивалась работа центрального аппарата органов госбезопасности в первые дни войны, то увидим, что 27 июня был отдан приказ НКВД о формировании войск Особой группы при наркоме внутренних дел для выполнения специальных заданий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В формировании войск и оперсостава этой группы мы опирались на кадры внутренних войск и соответствующих оперативных подразделений НКВД. Первоначально наряду с Эйтингоном мне без официального приказа в качестве заместителя был придан Ш. Церетелли, занимавшийся отбором добровольцев-спортсменов на стадионе «Динамо». Он был организатором успешно закончившейся борьбы с бандитизмом на Кавказе в 20-е годы. В июле 1941 года в связи с угрозой войны в Закавказье был назначен начальником пограничных войск Закавказского округа.

При наборе людей мы пошли по пути, подсказанному опытом финской войны — задействовали спортивно-комсомольский актив страны. ЦК ВЛКСМ принял постановление о мобилизации комсомольцев для службы в войсках Особой группы при НКВД. Мы мобилизовали выпускники Высшей школы НКВД и разведчиков Школы особого назначения, а также молодежь из органов милиции, пожарной охраны. Первым начальником штаба войск Особой группы стал комбриг Богданов, один из руководителей Управления пожарной охраны НКВД. Позднее его сменил полковник Михаил Федорович Орлов, выпускник Военного училища кремлевских курсантов Верховного Совета РСФСР и Академии имени М. В. Фрунзе. В наше распоряжение по решению ЦК ВКП (б) перешел весь резерв боеспособных политэмигрантов, находящихся на учете в Коминтерне.

Кроме того, Особая группа пополнялась, что было очень важно, военнослужащими войск НКВД в ходе боевых действий. В первые дни войны на Западном направлении блестяще проявил себя заместитель командующего внутренними войсками НКВД комбриг В. Кривенко. Командир бригады внутренних войск полковник Плеханов погиб, но его бригаде удалось отстоять прикрытие наших переправ в ожесточенных боях за мосты у Могилева, Борисова и Бобруйска. Повсеместно командующие пограничными и внутренними войсками стали начальниками войск по охране тыла действующей Красной Армии.

Примерно до 26 июня достоверной информации о положении на фронтах у Ставки, видимо, не было. Существовала лишь иллюзия, что противника удалось остановить. В этих условиях на органы НКВД легла огромная ответственность в

правильном ориентировании руководства страны относительно складывающейся обстановки.

Этому способствовало тесное информационное взаимодействие между органами госбезопасности и первым секретарем компартии Белоруссии П. Пономаренко.

Информация о положении на Западном направлении поступала в Москву по каналам органов НКВД. Прежде всего она шла от начальника Белостокского управления НКГБ С. Бельченко и из наркоматов госбезопасности Белоруссии, Латвии и Литвы, куда активно и напористо рвался противник. Следует сказать, что в очаговых сражениях также немалую роль сыграли войска НКВД, которые первыми взяли в плен немцев, разгромив разведывательный батальон противника в ожесточенных боях под Ригой.

После доклада Сталину о неблагоприятном развитии обстановки 24 июня 1941 года Берия отдал приказ о взятии под тотальный контроль всех передвижений по магистрали Минск — Москва. По этому поводу специальная директива ушла на места поздно ночью.

Была еще одна директива Ставки, адресованная командующим войсками Юго-Западного, Южного и Западного Особого округов, о формировании группы армий резерва Главного командования. Эта директива появилась сразу же, как только началась эвакуация Минска. О важности этого решения говорит тот факт, что заместитель наркома внутренних дел СССР по кадрам С. Круглов был назначен членом Военного совета этой группы армий.

В самом начале июля 1941 года был отдан приказ наркома обороны о выброске на парашютах несколькими эшелонами в тыл врага 204-й воздушно-десантной бригады в районе Любань, Волосовичи в Белоруссии для изоляции и уничтожения подвижных соединений противника. Это свидетельствует о том, что уже в первые дни войны мы пытались путем диверсий нанести урон тылу немцев, в частности, уничтожить склады с горючим, инфраструктуру снабжения немецких моторизованных группировок, чтобы облегчить положение нашим войскам, находящимся в районе Бобруйска, где складывалась очень напряженная обстановка. К сожалению, эти действия не увенчались успехом. Для нас это был наглядный урок, насколько необходимо при десантировании специальных групп в тыл противника подготовить условия, обеспечивающие их безопасность и боеспособность.

В связи с развитием военных действий на Западном направлении Ставкой было принято решение о передаче органами НКВД всех имеющихся гидротехнических средств в распоряжение командующего резервными армиями для быстрейшего оборудования укрепленной полосы и долговременных сооружений на линии фронта. Ставка отдала приказ и о формировании стрелковых и механизированных дивизий из личного состава войск НКВД. И наконец, что тоже заслуживает внимания и о чем умалчивалось по известным причинам — это приказ Ставки Главного командования — ввести Берия как народного комиссара внутренних дел в состав Военного совета Московского военного округа. В этот период П. Артемьев, генерал-лейтенант,

заместитель командующего внутренними войсками, в прошлом командир Дивизии особого назначения имени Дзержинского, был назначен исполняющим обязанности командующего войсками Московского военного округа. Он блестяще себя проявил в битве под Москвой и оставался командующим войсками Московского военного округа до тех пор, пока был жив Сталин. Его сместили уже после известных событий в июле 1953 года.

И еще об одном важном обстоятельстве — упорядочении информационной работы. Единственным надежным способом связи со Ставкой оставалась связь ВЧ, которая находилась в ведении НКВД. Она работала без перебоев в самый критический период. По информации НКВД принимались важнейшие решения. Например, сразу же после нападения Германии возник вопрос о введении в действие планов прикрытия государственной границы. Причем не исключалось нападение на Советский Союз не только сателлитов Германии, но и вступление в войну Турции.

В начале июля одним из первых документов, который подписал Жуков, была директива, адресованная Закавказскому военному округу. В ней говорилось, что основная задача состоит в том, чтобы ничем не спровоцировать Турцию и Иран, не допустить какого-либо повода к вступлению их в войну на стороне Германии. «Дать вам сейчас ничего не можем в смысле оказания помощи — усиления войск округа, — отмечалось в директиве. — Доложите, на каком основании без решения Ставки вами выведен план прикрытия. Ваше сообщение, на которое вы ссылаетесь, и наша директива № 1461 ничего не говорит о введении планов прикрытия. Ваше распоряжение о занятии границы немедленно отменить».

Хочу добавить, что Жуков отдал эту директиву на основе информации НКГБ Азербайджана о введении в действие плана прикрытия границы в Закавказье с использованием пограничных войск НКВД.

Органам НКВД необходимо было установить реальную картину, которая складывалась в прифронтовой полосе, для развертывания там агентурно-диверсионной работы. Поступающая информация сигнализировала о плохо организованной эвакуации населения и материальных ценностей из приграничной полосы. Необходимо было упорядочить эвакуацию семей партийно-советского актива, а также руководящих работников Красной Армии, ВМФ, органов НКВД.

Многие это понимают упрощенно, подразумевая под эвакуацией не что иное, как бегство. Такой взгляд совершенно неверен. В записке органов государственной безопасности говорилось, что противник ведет активное изучение партийно-советского актива, располагает данными о его составе. Кроме того, территория, где развернулись боевые действия, была занята нами сравнительно недавно, лишь в 1939–1940 годах, поэтому обоснованно было предположение, что партийно-советский актив будет не только первой жертвой противника, но и часть его может быть завербована немецкими спецслужбами для ведения подрывной работы в советском тылу. Было принято решение наладить строгий учет руководящих кадров, которые оказались в зоне не только боевых действий, но и в прифронтовой полосе и, естественно, стали объектом специального внимания противника.

В этой связи нельзя не сказать, что в это труднейшее время мы осуществили

успешную эвакуацию в тылы архивных оперативно-учетных материалов территориальных органов госбезопасности, которые находились под угрозой захвата противником. Эта мера заложила первый камень в дело нашей победы в борьбе с немецкими спецслужбами, позволила нам оперативно проверять и перепроверять людей, входивших в контакт с немецкой разведкой. Дело в том, что мы использовали мощный контрразведывательный потенциал советской госбезопасности, располагая, несмотря на войну, возможностями быстрой оперативной проверки советских граждан и выходцев из Прибалтики, а также эмигрантов, активно использовавшихся немцами во власовском и других профашистских и националистических движениях.

Мне кажется, что в самый начальный период боевых действий причина наших неудач и потерь была и в неясности складывающейся обстановки для нашего военного командования, и это создавало совершенно неправильное представление «наверху» об организованных действиях наших войск. На самом деле в июне и в начале июля 1941 года сплошной линии фронта не было, и бои с противником с нашей стороны носили характер очагового сопротивления. Отсюда заминка и нечеткость в постановке боевых задач войскам, ошибочные решения.

Необходимо также правильно оценить тот ущерб, который был нанесен нам в результате действий буржуазнонационалистического подполья. Высылки из Прибалтики, массовые репрессии на Украине, безусловно, не могут быть оправданными. Однако факт остается фактом, что к диверсионным действиям спецподразделений немецкой армии активно подключились буржуазно-националистические боевые группы во Львове, в городах Прибалтики. Подполье в этих городах было главным организационным центром, который формировал базу для диверсий против Красной Армии.

7 июля Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о передислокации авиадесантных частей, поскольку использовать их в тылу противника не было возможности из-за нехватки транспортной авиации. Но Ставка смотрела вперед. Было предложено немедленно отозвать их с фронтов. Благодаря этой директиве нам удалось сохранить авиадесантные войска, которые впоследствии использовались для вывода из строя тыловых коммуникаций противника.

Не могу не отметить еще одну важную директиву, изданную Жуковым 10 июля 1941 года. Она была подготовлена по информации НКВД и адресовалась командующим войсками Северного, Южного фронтов и ВВС Красной Армии. В ней шла речь о борьбе с немецкими воздушными десантами, о необходимости совместно с органами НКВД проводить воздушную разведку, заходя в глубь расположения противника до 200–250 километров.

Днем и ночью мелкие группы должны были бомбить немецкие аэродромы, чтобы сковывать авиацию и срывать готовящиеся операции. Сроки выполнения этой директивы были очень сжатые. В течение суток нужно было представить свои соображения. К сожалению, в этот критический период нам не удалось осуществить систематические нападения на немецкие аэродромы, но директива возымела свое действие в последующие годы. Наши оперативные боевые группы в тылу у немцев неукоснительно выполняли ее — успешно громили их аэродромы.

Следует сказать еще об одном направлении работы органов безопасности в этот труднейший период. В специальной директиве Ставки Верховного Главнокомандования на органы НКВД и военной контрразведки была возложена ответственность за использование особой новой военной техники на фронте. Прежде всего речь шла о реактивных установках «катюша». На меня, кстати, залпы «катюши», которые мне довелось увидеть на полигоне, где после взрывов реактивных снарядов остались только выжженные окопы и земляные сооружения, произвели ошеломляющее впечатление.

Согласно этой директиве, ни при каких условиях и обстоятельствах нельзя было допустить возможности захвата «катюши» противником. Со мной как-то консультировался кинорежиссер, ветеран воздушно-десантных войск, о действиях группы в тылу противника, которая должна была взорвать «катюшу». Я разочаровал его.

Насколько мне известно, и в тяжелые месяцы 1941 года, и на протяжении всего военного периода не была захвачена ни одна установка. Знаю только, что к каждой боевой машине был приставлен уполномоченный Особого отдела военной контрразведки, который персонально отвечал за ее уничтожение в случае угрозы захвата или невозможности вывода в расположение наших войск. По этому поводу могу сказать, что военная контрразведка в лице таких уполномоченных несла очень большие потери, но свой долг выполнила. А кинофильм «Пятеро с неба», рассказывающий о том, как наши диверсанты подрывают попавшую в руки немцев установку «катюша», вышел на экраны в 70-е годы, когда довольно легко было фантазировать на эту тему.

Как известно, в первые месяцы войны были осуществлены меры, которые ныне оцениваются как репрессивные. Речь идет о массовых акциях по выселению целых народов и в этой связи о ликвидации республики немцев Поволжья. Останавливаясь на этом не для того, чтобы оправдать эти действия, а чтобы разобраться в сложившейся тогда ситуации с немецким населением, оказавшимся в зоне боевых действий (в основном на южном направлении, где были немецкие колонии). Немало немецкого населения проживало в ряде наших городов.

Кто выступил инициатором их выселения? Вот, скажем, документ от 3 августа 1941 года — донесение Военного совета Южного фронта в Ставку Верховного командования. В нем говорится, что во время военных действий на Днестре немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам. Установлено также, что жители этих деревень 1 августа 1941 года встречали вступающих немцев хлебом-солью. Поскольку на линии фронта имелось множество таких населенных пунктов, в донесении было высказано предложение дать указание местным органам власти о немедленном выселении неблагонадежных элементов. Донесение подписали командующий Южным фронтом Тюленев, член Военного совета Южного фронта корпусной комиссар Запорожец, начальник штаба фронта Романов. На бланке шифротелеграммы стоит резолюция И. В. Сталина: «Тов. Берия. Надо выселить с треском. И. С.» И пометка работника начальника секретариата наркома внутренних дел Шияна: «Наркому доложено. 25 августа 1941 года».

6 сентября принимается совершенно секретное постановление

Государственного Комитета Оборона о переселении немцев из Москвы, Московской и Ростовской областей в Казахскую ССР, в Джамбульскую, Кызыл-Ордынскую и так далее. Устанавливаются разрядки. Руководство переселением возлагается на НКВД СССР.

Эти меры нужно рассматривать в контексте обострения обстановки на Западном фронте. Приказ наркома внутренних дел СССР Берии о проведении операции по переселению немцев из Москвы и Московской области был отдан 8 сентября 1941 года. Операция закончилась к 20 сентября. В соответствии с ней за 14 сентября из Москвы и Московской области были отправлены тремя эшелонами 4954 переселенца. Из общей немецкой колонии были арестованы 1142 человека. В общей сложности переселению подверглись более 10 тысяч человек.

Такого рода документы поучительны. Они помогают нам понять остроту ситуации, а также то, кто решал эти вопросы. Что же касается НКВД, то он не занимался политической стороной дела. В его миссию входило докладывать информацию о реальной обстановке.

Вот один из примеров, как эффективно была реализована информация, поступившая из райгортделов и областных управлений НКВД о прорыве в тыл наших войск 56-го моторизованного корпуса под командованием известного фельдмаршала Манштейна. Немцам удалось тогда прорвать нашу оборону на Лужском рубеже под Новгородом. Сплошного фронта боевых действий там не было. Соединения нашей 11-й армии, которой командовал генерал А. Морозов, получили приказание о нанесении немедленных контрударов по неприкрытым флангам немцев в районе Шимска. Выбор генералом Морозовым наиболее уязвимого места для удара достиг своей цели. В итоге наша 70-я стрелковая дивизия полностью разгромила 8-ю танковую дивизию вермахта.

Я пишу об этом, чтобы ответить нынешним военным историкам, и в особенности неквалифицированным публицистам, что, несмотря на неблагоприятное развитие событий в то время, картина боевых действий вовсе не виделась нам безнадежной. Когда противник после успешного наступления в приграничных боях был остановлен на Лужском рубеже, то оказалось, что немецкая танковая группа потеряла до 50 процентов своей материальной части.

Сейчас принято говорить о том, что войска Красной Армии, будучи атакованы вермахтом, потерпели сокрушительное поражение в приграничных сражениях, что советское командование оказалось не на высоте положения. Это справедливо, но неприемлемы и оскорбительны злобные нападки на командование Красной Армии. Они опровергаются не только воспоминаниями наших военачальников, но и в оценках немецкого командования, несмотря на их успешные в целом боевые действия в июне — июле 1941 года.

В своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер уже 11 июля 1941 года писал, что «командование противника действует умело, противник сражается ожесточенно и фанатически, немецкие танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части, войска устали». Ему же вторит командующий группой армий

«Центр» германских войск фельдмаршал фон Бок. 12 июля он докладывает командованию сухопутных войск, что «общее положение со снабжением и обеспечением группы армий, включая воздушные силы, требует определенных ограничений как во времени, так и в масштабах проведения операции». Все это говорит о том, что первая фаза немецкого наступления захлебнулась уже к середине июля 1941 года.

У меня к этому времени налажился постоянный рабочий контакт с заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майором А. Василевским. Он неоднократно приезжал в НКВД вместе с начальником Разведупра Красной Армии Ф. Голиковым. Оба одетые по распоряжению Жукова и Меркулова в штатское, участвовали в допросах крупного агента абвера Нелидова. Как участник в немецких военно-стратегических играх, дающих теоретические заключения об итогах сражения, он заявил о том, что если немецкая армия не заняла в течение двух месяцев такие основные наши центры, какими являлись Ленинград, Москва, Киев, Ростов-на-Дону, то войну для немецкой стороны можно считать проигранной.

В эти горячие дни июля 1941 года Василевский постоянно звонил нам и интересовался информацией от местных органов НКВД о продвижении германской армии. Должен сказать, что лишь с возвращением маршала Б. Шапошникова на должность начальника Генштаба вся система оперативного обмена информацией о положении на фронтах между НКВД и командованием Красной Армии была упорядочена.

В правильной оценке развития обстановки большую роль сыграла и наша военная разведка. В особенности разведотдел штаба Западного фронта, зам. начальника которого был полковник М. Мильштейн, впоследствии ставший одним из руководителей агентурной разведки Красной Армии в годы войны.

Решение руководства Генштаба послать руководителей ведущих направлений военной разведки на фронт для налаживания разведработы ввиду обострения обстановки можно оценивать по-разному. Но советские военные разведчики справились с этой задачей. Их наблюдения и выводы способствовали правильному выбору направления контрудара по войскам противника в районе Ельни, которыми успешно руководил Г. Жуков. Угрожавший Москве Ельнинский плацдарм немецкой моторизованной группировки был ликвидирован.

При всей напряженной атмосфере июля — августа 1941 года у нас никогда не возникло ни тени сомнения в победе. Дополнительную уверенность придавала информация, поступающая из Англии, США, Скандинавии, Болгарии и Швейцарии о том, что потери вермахта в живой силе и технике огромны, что наблюдаются колоссальные трудности со снабжением горючим германской армии, наступавшей по расходящимся направлениям, что все это срывает план Гитлера на победу в молниеносной войне. Провал блицкрига в августе 1941 года уже был очевиден для меня так же, как и для советского руководства.

Вместе с тем в нашей разведывательно-аналитической работе в этот период были допущены серьезные ошибки и просчеты. Мы не предвидели в августе 1941 года, что гитлеровское командование, временно отказавшись от броска на Москву,

направит все свои подвижные соединения — две танковые группы — на окружение наших войск Юго-Западного фронта. Данных, которые могли бы предотвратить это, у нас, к сожалению, не было, и это при том, что с самого начала мы ориентировали разведывательно-диверсионную работу на изучение и подрыв боевых возможностей прежде всего ударных моторизованных соединений германского вермахта.

В начале войны была острая нехватка в квалифицированных кадрах. Мы с Эйтингоном предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берия совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал один-единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

Я получил для просмотра дела запрошенных мной людей. Из них следовало, что все были арестованы по инициативе и прямому приказу высшего руководства — Сталина и Молотова. К несчастью, Шпигельглаз, Карин, Малли и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны.

После освобождения некоторые мои близкие друзья оказались без жилья в Москве: их семьи были выселены из столицы. Все они поселились у меня на квартире, на улице Горького, в доме, где находился спортивный магазин «Динамо». Этажом выше была квартира Меркулова, первого заместителя Берии, который иногда спускался ко мне, если надо было обсудить что-нибудь срочное. Обе наши квартиры использовались также как явочные для встреч с иностранными дипломатами. Случилось так, что Меркулов позвонил мне как раз в тот момент, когда в гостиной сидели мои постояльцы, и, поскольку он собирался зайти, чтобы поговорить о неотложных делах, пришлось спрятать их в спальне, чтобы избежать встречи наркома с недавно выпущенными на свободу бывшими «преступниками».

Из четырех друзей, живших у меня на квартире, очень опытным сотрудником был И. Каминский — он оставался у меня до тех пор, пока его не послали в Житомир, в тыл к немцам. В пенсне и костюме-тройке Каминский напоминал типичного французского бизнесмена. Провожая его, моя жена не смогла сдержать слез. Сам Каминский излучал оптимизм. По его словам, он по-настоящему счастлив, что его снова привлекли к работе. Перемежая свою речь французскими анекдотами, чтобы немного успокоить мою жену, Каминский говорил, что для него это большая удача, даже если ему и суждено умереть. Его выдали сразу же после приземления в Житомире. Это сделал священник, агент местного НКВД, который к этому времени уже сотрудничал с гестапо. Каминский сразу почувствовал засаду, устроенную на явочной квартире, и застрелился. О его судьбе мы узнали через три или четыре месяца. Все, кто находился рядом с ним, были блокированы и убиты в перестрелке. Другие чекисты, освобожденные из тюрьмы и ранее уволенные, приступили к работе в органах, но с понижением в должности. Большинство из них были посланы

во главе спецгрупп в тыл к немцам. Часть из них погибла, но некоторые — Медведев и Прокопюк — получили звание Героя Советского Союза за успешные партизанские операции в тылу у немцев.

Репрессии 1938–1939 годов многому меня научили: я теперь не был настолько наивен, чтобы подписывать документы на реабилитацию своих друзей, освобожденных из тюрьмы в 1941 году. Моя репутация уже была «подмочена связью с этими людьми», арестованными как враги народа. Для того чтобы их реабилитация выглядела объективно оправданной, я попросил Фитина подписать документы, необходимые для возвращения в строй людей, особенно близких мне. Это оказалось дальновидным шагом: в 1946 и 1953 годах, когда меня обвиняли в том, что я способствовал освобождению своих друзей, являвшихся врагами народа, я имел возможность сослаться на подпись Фитина. В судьбе Серебрянского мое ходатайство о его восстановлении в партии в 1941 году сыграло роковую роль: в 1953 году его обвинили в том, что он избежал высшей меры наказания только благодаря заступничеству такого изменника, как я. Он умер в тюрьме на допросе у следователя Цареградского в 1956 году.

Группа В. Зуенко в тылу у немцев

Наше настойчивое стремление противодействовать немецким наступательным операциям на Западной фронте в первую очередь обуславливалось тем, что это направление считалось самым важным — противник приближался к Москве. В начале августа 1941 года в его тыл была переброшена оперативная группа во главе со старшим лейтенантом госбезопасности В. Зуенко, в состав которой вошли доцент МГУ П. Кумаченко и преподаватель Института иностранных языков З. Пивоварова. Ее я особенно запомнил, поскольку позже она работала в отделе «С» с материалами по атомной проблеме.

Кумаченко и Пивоваровой удалось устроиться переводчиками при штабе немецкой танковой дивизии и, пользуясь хорошо налаженной двусторонней радиосвязью, блестяще выполнить свою задачу. Сведения, поступавшие от опергруппы, возглавляемой Зуенко, немедленно докладывались высшему командованию.

Опыт этой группы был для нас бесценным: мы были в курсе действий и планов немецкого командования, что давало возможность четко отрабатывать постановки задач, которые получали спешно формируемые нами оперативные боевые группы. Из донесений, поступавших от группы Зуенко, нам становились ясны проблемы, с которыми сталкивались ударные соединения танковой группы Гудериана.

Полученная информация подтвердила срыв немецких планов молниеносной войны не только благодаря героическому сопротивлению бойцов Красной Армии, но и из-за неразрешимых проблем в материально-технической части: изношенность техники в танковых дивизиях, катастрофическая нехватка бензина. Сведения, поступавшие от опергруппы, возглавляемой Зуенко, немедленно докладывались высшему командованию.

Наша опергруппа проследовала с немецкой танковой дивизией вплоть до выхода в район Вязьмы, на ближние подступы к Москве, и вовремя исчезла, когда со стороны немецкой военной контрразведки появилась опасность «засветиться».

Следует сказать, никто в Центре первоначально не рассчитывал на такой успех Зуенко, не предполагал, что ему удастся проникнуть в штаб немецкой 3-й танковой дивизии и «держать руку на пульсе». Вместе с тем опергруппа, оказавшись в выгодном положении, не имела никакой агентурной связи с подпольной резидентурой, что позволило бы эффективнее использовать все ее возможности. Это была одна из узловых проблем руководства диверсионной войной, не было предусмотрено то обстоятельство, что разведгруппа уходит в глубокий тыл противника, а затем по мере продвижения войск начинает действовать в прифронтовой полосе.

Несколько слов о том, как реализовалась ее информация Верховным Главнокомандованием. По нашим материалам была отдана директива о необходимом усилении разведки на Западном направлении, поскольку мы представили неопровержимые данные о подготовке немецко-фашистских войск к наступлению на Москву. В изданной директиве предписывалось в течение трех дней

провести разведку для выявления группировки противника перед линией фронта, уделив при этом особое внимание районам сосредоточения немецких танковых частей. Таким образом, речь шла о реализации нами информации от нашей оперативной группы и о дальнейшей систематизации ее. Для этого мы подключили военную контрразведку, разведку ВВС Красной Армии, Разведуправление Красной Армии и в результате родилась директива о том, чтобы разведывательные сводки НКВД представлялись в Генштаб ежедневно, высылались фотосхемы наиболее характерных группировок противника. Такой опыт взаимодействия всех видов разведки и в дальнейшем давал хорошие результаты.

Однако события на Западном фронте в конце сентября — начале октября, к сожалению, развернулись не в нашу пользу.

Создание спецназа и его использование

27 июня 1941 года в соответствии с приказом по НКВД на стадионе «Динамо» началось формирование соединения для выполнения особых заданий народных комиссариатов внутренних дел и обороны СССР по разгрому и уничтожению немецко-фашистских захватчиков и их приспешников, вторгшихся на территорию СССР». Эту дату следует считать днем рождения войск специального назначения советских органов государственной безопасности. В первый период существования с 27 июня по октябрь 1941 года это войсковое соединение именовалось «войсками Особой группы при НКВД СССР» и состояло из двух бригад с приданными специальными подразделениями (саперно-подрывная рота, парашютно-десантная служба, авторота, рота связи).

Комплектование спецназа личным составом происходило:

- из наркоматов внутренних дел и государственной безопасности;
- из Высшей школы НКВД;
- из НКВД — НКГБ республик и УНКВД — НКГБ краев и областей;
- из органов милиции и пожарной охраны НКВД СССР;
- из Центрального института физической культуры и спортсменов добровольных спортивных обществ, прибывших в соединение добровольно;
- из комсомольцев по разверстке ЦК ВЛКСМ;
- из Коминтерна.

В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения — ОМСБОН, куда вошли два мотострелковых полка четырехбатальонного и трехбатальонного состава. При ОМСБОНе тогда же была организована спецшкола младших командиров-специалистов.

С учетом опыта боевых действий в Испании и в финской зимней кампании боевая подготовка спецназа была организована таким образом, чтобы он мог выполнять следующие боевые задачи:

- в составе подразделения части и соединения вести общевойсковой бой и разведку;
- проводить специальные работы на фронте по устройству инженерно-минных заграждений и созданию комбинированных систем с применением новой техники;
- осуществлять минирование и разминирование оборонных объектов государственной важности;
- вести диверсионно-боевые, десантные и разведывательные операции в тылу противника умело действующими подразделениями, мелкими группами и индивидуально.

Несмотря на напряженные условия, формирование спецназа происходило очень

быстро. Поскольку немцами уже была занята Белоруссия и западные области России, то главная задача спецназа виделась прежде всего в организации диверсионных операций в тылу противника. Сначала оперативные группы, которые готовились для действий в тылу немцев, располагались на даче бывшего наркома внутренних дел Ягоды «Озера», которая впоследствии сначала использовалась Ежовым, а после войны отошла в качестве Дома отдыха к Управлению делами ЦК КПСС.

7 июля 1941 года немцы выбросили с самолетов в районе Могилев-Подольска диверсионные подразделения полка «Бранденбург», которые пытались прорваться в тыл наших войск и занять небольшой плацдарм. Но мы, подтянув войска из наших резервов, ликвидировали этот десант. Из этого события нами был сделан вывод: противник собирается активно использовать свой спецназ для нарушения коммуникаций в наших тылах.

Известно, что в органах госбезопасности спецназа, как войскового соединения, до этого не было. Планы Я. Серебрянского по созданию спецназа в 1938 году на базе имевшейся при Особой группе школы по подготовке диверсантов реализованы не были в связи с его арестом. Однако в Отделе оперативной техники существовала спецгруппа по подготовке диверсионных приборов во главе с блестящим специалистом, тогда старшим лейтенантом госбезопасности А. Тимашковым. Именно он вместе со слушателем спецшколы Серебрянского К. Квашиным стали во главе важнейшего направления нашей работы — оснащения спецназа диверсионной техникой.

Между тем в составе Наркомата обороны находились воздушно-десантные войска, разведывательные роты и подразделения, которые составили костяк разведывательно-диверсионных групп Красной Армии. Но тогда еще не было полного понимания роли спецназа. Считалось, что отобранных из пограничных и внутренних войск наиболее подготовленных бойцов можно в течение короткого времени перенацелить на решение специальных задач в тылу противника. Все это, бесспорно, так, но при этом упускалось из виду одно немаловажное обстоятельство. У этих бойцов не было специальной подготовки для действий на территории, занятой врагом, да еще в конспиративных условиях.

Следует сказать, что сейчас мало кто вспоминает имя основателя советского спецназа, организатора первых войсковых соединений по проведению диверсионных операций в тылу противника. Это полковник Х. Мамсуров, участник партизанской войны в Испании, позднее ставший генерал-полковником, одним из руководителей советской военной разведки. Он первый во время советско-финской войны продемонстрировал, как надо формировать отряды спецназа в условиях боевых действий с противником на сопредельной территории. Спецназ под командованием Мамсурова вывел из окружения ряд наших частей, попавших в тяжелое положение в Финляндии. Мамсуров мобилизовал спортивный актив Ленинграда. Ленинградские лыжники, мастера спорта и наиболее сильные в физическом отношении юноши составили костяк его диверсионного отряда, который успешно действовал в тылу финнов. Опыт Мамсурова очень пригодился в начале Великой Отечественной войны. Мы объявили особую мобилизацию в

спецрезерв лучших спортсменов, которые были немедленно зачислены в спецназ НКВД и позднее успешно действовали в тылах противника.

Большую роль в формировании и боевой деятельности ОМСБОНа сыграл заместитель начальника Особой группы, а затем командир бригады (с 15 октября 1941 года) полковник Михаил Федорович Орлов. В декабре 1920 года он добровольно вступил в ряды Красной Армии, участвовал в подавлении антисоветских мятежей, затем окончил Объединенную военную школу имени ВЦИК. В 1924 году стал кандидатом, а в феврале 1926 года — членом ВКП(б). В 1930–1931 годах принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Длительное время служил в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях. Перед началом Великой Отечественной войны Михаил Федорович работал в должности начальника Себежского военного училища НКВД и одновременно заочно учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Комиссаром ОМСБОНа был назначен Алексей Алексеевич Максимов, инженер по образованию. Преемником Максимова стал полковой комиссар Арчил Степанович Майсурадзе. В этой должности он прошел всю Великую Отечественную войну, а по ее завершении многие годы работал в Главном политическом управлении Советской Армии.

В ОМСБОНе, как и во всех других частях и соединениях РККА, имелся политотдел, который возглавлял Лев Александрович Студников. Бывший батрак, а затем комсомольский работник, он трудился на Северном Кавказе, был секретарем Грозненского горкома, ответственным инструктором Северо-Кавказского крайкома и секретарем Чечено-Ингушского обкома комсомола. В 1930 году Студников вступил в партию, а затем ЦК ВКП(б) направил его на партийно-политическую работу в Красную Армию. Лев Александрович был командирован на учебу в Военно-политическую академию. Учеба прерывалась дважды: в 1939 году в связи с военным конфликтом с Японией на реке Халхин-Гол, куда Студников был направлен в качестве представителя ГлавПУРККА, и в 1940 году — из-за советско-финской войны. Академию Студников закончил в июне 1941 года, в канун Великой Отечественной войны. Приход в бригаду опытного политработника с академическим образованием, помноженным на опыт двух войн, имел большое значение.

Руководителями разведки бригады были Антуфеев и майор-пограничник Б. К. Спиридонов.

Костяк командного состава бригады составили преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР.

Командиром 1-го полка (после откомандирования Н. Е. Рохлина, бывшего недолго в этой должности, на другую работу) стал Вячеслав Васильевич Гриднев, бывший до этого начальником штаба войск Особой группы. В 1942–1943 годах он командовал ОМСБОНОм. После окончания Высшей пограничной школы стал комендантом погранучастка, несшего охрану советско-иранской границы, где сражался с басмачами, неоднократно пытавшимися перейти границу. В биографии

Гриднева вписана и ликвидация банды басмачей. Двенадцать лет прослужил Гриднев на границе.

Комиссаром 1-го полка стал Сергей Иванович Волокитин, известный впоследствии как знаменитый партизанский командир Серго. Отец его — потомственный стеклодув, первый рабочий — директор завода «Красный Май» после Октября. Как и другие юноши его поколения, Сергей Иванович учился в ФЗУ, был слесарем, токарем, бригадиром на московском заводе имени Серго Орджоникидзе. Девятнадцатилетнего комсомольского вожака направляют в 1931 году на учебу в чекистскую школу. К началу войны он старший лейтенант госбезопасности. К этому добавим: в ОМСБОН он пришел орденосцем.

Первый полк ОМСБОНа был интернациональным. В его формировании решающую роль сыграли Исполком III Коммунистического Интернационала и его Генеральный секретарь Георгий Димитров, а также руководители коммунистических партий, бывшие тогда в Москве: Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури, Иоганн Коплениг, Клемент Готвальд, Гарри Поллит и другие. Они делали все возможное, чтобы собрать разбросанных в силу различных причин по Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов и направить их в ОМСБОН. Особо много сил отдала формированию бригады Стелла Благоева — дочь основателя Болгарской коммунистической партии Димитра Благоева. По поручению Георгия Димитрова она отбирала добровольцев, часто бывала в бригаде, воодушевляла омсбоновцев своими пламенными товарищескими беседами.

Наиболее полные данные об этом полке сохранились благодаря мемуарам выдающегося сына болгарского народа Ивана Цоловича Винарова, ставшего заместителем командира полка, и испанца Серна Роке, бывшего в свое время представителем Испанской коммунистической партии в Народном фронте своей страны, сражавшегося на Мадридском и Каталонском фронтах, бойца ОМСБОНа, воевавшего в Красной Армии комиссаром батальона, бригады, дивизии. В последнее время стали известны и некоторые данные о вьетнамцах, сражавшихся также в составе бригады.

Интернациональный полк бригады был непостоянен по своему составу. Первоначально он насчитывал чуть менее тысячи бойцов и почти треть его были испанские коммунисты, покинувшие свою родину после поражения Испанской республики. Другую часть составили болгары, чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны. Имелось и несколько англичан, членов коммунистической партии, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по партийным делам. Австрийцев также было много, по численности они были вторыми после испанцев. В своем большинстве это были шувбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 года и второго Венского восстания 1934 года, которые были жестоко подавлены.

Несколько подробнее И. Винаров рассказывает о болгарях. Их насчитывалось более сотни человек. Это были прежде всего представители тех групп, которые ранее по заданию Компартии Болгарин вели подпольную работу у себя на родине. В

Подмосковье и Крыму (до его оккупации) обучалось еще около 60 болгарских политэмигрантов, которые в любой момент готовы были отправиться с боевым поручением в тыл врага. В интернациональный полк были зачислены 15 политэмигрантов и партийных деятелей, а также сыновья и дочери ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие здесь образование. Это были: Георгий Павлов Гоню, Легко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Столов, Илия Денев, Иван Крекманов, врач Вера Павлова (дочь старого партийного функционера и крупного философа Тодора Павлова), Вихра Атанасова, Агга Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова — Огнян и Кремен, дочь Георгицы Карастояновой Лилия, сын Ивана Пашова Жорж, дочь Георгия Дамянова Роза и другие.

О самом Иване Цоловиче Винарове можно сказать словами генерала С. М. Штеменко: «Иван Винаров являлся болгарским революционером. В свое время он был вынужден покинуть родину и эмигрировал в СССР, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной Армии. Затем последовала работа в аппарате Коминтерна и Заграничного бюро ЦК БРП». В послевоенные годы генерал-лейтенант Иван Винаров стал видным военным деятелем Народной Болгарии.

Испанцы-интернационалисты находились под командованием капитана Перегринна Переса Галарсы, их комиссаром был Сефарико Алварес. Они были разбиты на три взвода. Одним из взводов командовал Серна Роке. Из 125 испанцев было шесть женщин. Среди них особенно выделялись Мария Фернандес, Анхель Санчес и Хуанита Прот.

Заметной фигурой среди интернационалистов-испанцев был и Хосе Виеска. Сын крупного шахтовладельца, граф, юным он вступил в ряды Компартии Испании и был активным участником Астурийского восстания 1934 года. Осужденный на смертную казнь, замененную 30-ю годами тюрьмы, он получил свободу благодаря установлению в Испании республиканской власти. В Испании Виеска был комиссаром батальона, а затем командовал бригадой.

Из шести вьетнамцев-омсбоновцев, упомянутых И. Винаровым, после длительных поисков, в которых участвовали совет ветеранов ОМСБОНа, активисты Центрального совета Общества советско-вьетнамской дружбы, телевидение и ряд газет Москвы (особенно «Правда») и Ханоя («Нянзан»), ныне стали известны их имена: Ли Нам Тхань, выходец из семьи революционера; (Нгуен Шинь Тхань), родом из провинции, где родился Хо Ши Мин; Ли Тухк Тят (Выонг Тхун Тхай), тоже из семьи революционера; Выонг Тхун Тинь, вступивший в 1925 году в товарищество революционной молодежи Вьетнама; Ли Ань Тао (Хоанг Ань То), Ли Фу Шан. Мы предполагали использовать их для диверсионных действий в случае нападения Японии. Однако в тяжелой обстановке боев под Москвой некоторые эти товарищи были задействованы и погибли.

Командиром 2-го полка был майор Сергей Вячеславович Иванов. Трудовую закалку он получил на шахтах Донбасса. Возвратившись после Октября в родной Воронеж, Иванов добровольно вступил в кавалерийский дивизион. А дальше учеба в Московском пехотном училище, преподавательская работа в пограничном

училище (преподавал тактику и топографию), во время которой он заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Великая Отечественная война застала его в должности инспектора Главного управления Московской противовоздушной обороны НКВД. И еще один штрих к его биографии. Именно полковнику Иванову после заболевания Дмитрия Медведева было поручено возглавить знаменитый отряд «Победители» на завершающем этапе его боевых действий на Украине.

Комиссаром 2-го полка был назначен Сергей Трофимович Стехов, майор. Его так и звали: «наш майор». Как и Гриднев, он стал членом партии большевиков в 1918 году. Тогда же он вступил в Красную Армию, был активным участником Гражданской войны. В 1939 году партия направляет его на работу в НКВД. Во 2-м полку и во всей бригаде Сергей Трофимович пользовался большим авторитетом и огромным уважением.

Второй полк состоял в основном из рабочих, спортсменов, студентов и школьников (только что закончивших десятые классы), в основном пришедших по направлению ЦК ВЛКСМ. Формирование полка, как я уже говорил, происходило на стадионе «Динамо». Больше всего данных сохранилось о спортсменах, в числе которых было много известных, прославивших Родину на международных соревнованиях. Среди них: боксеры Николай Королев, Сергей Щербаков, Эдуард Лазовский; легкоатлеты Георгий и Серафим Знаменские, Григорий Ермолаев, Моисей Иванкович, Леонид Митропольский; борцы Григорий Пыльников, Анатолий Катулин, Леонид Егоров, Шалва Чихладзе; тяжелоатлеты Николай Шатов, Владимир Крылов; гребцы Александр Долгушин, Ипполит Рогачев, Алексей Смирнов, Сергей Шереметьев; велосипедисты Федор Тарачков, Виктор Зайпольд; конькобежцы Константин Кудрявцев, Анатолий Капчинский; лыжница Любовь Кулакова и другие.

Если раньше на стадионах, в плавательных бассейнах и на стартовых трассах они защищали спортивную честь Родины, то сейчас пришли в ОМСБОН, чтобы защитить ее с оружием в руках от фашистских захватчиков. Их влияние в бригаде было очень велико. Они стали наставниками еще не закаленных физически солдат. В дальнейшем в тылу врага спортсмены были всегда одними из первых в тяжелых схватках с врагом.

В полк зачислялись также добровольцы — студенты московских вузов. Около 30 человек пришли из Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Многие бойцы были вчерашними студентами и аспирантами МГУ, историко-архивного, строительного, горного, кожевенного, станкоинструментального и других столичных вузов. В ОМСБОНе было много рабочих, техников, инженеров с автозавода и других предприятий.

Немного позже ЦК ВЛКСМ своим Постановлением от 4 сентября 1941 года «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР» направил в ОМСБОН 800 городских и сельских комсомольцев из 14 областей РСФСР. Туляки, ярославцы, рязанцы, куряне, пензенцы, саратовцы, уральцы и казанцы заполняли казармы бригады. Сюда же добавились и комсомольцы Москвы.

Пополнение личного состава бригады осуществлялось на протяжении всех лет войны. Ее бойцами становились влившиеся в спецотряды партизаны, добровольцы

— коммунисты и комсомольцы. Общая численность воинов бригады в среднем в годы войны превышала 10 тысяч человек. Но при этом ее костяком, наиболее активной и мобильной частью оставались пришедшие первыми в спецназ чекисты, пограничники и добровольцы-спортсмены, рабочие, студенты Москвы, зарубежные интернационалисты.

Парашютно-десантную службу спецназа возглавил видный мастер и организатор парашютного спорта до войны майор А. Фатеев, позднее он был заместителем начальника службы диверсий и разведки МГБ СССР. С ним в бригаду пришли прославленные парашютистки М. Малиновская, Т. Шишмарева и другие.

Минно-подрывное дело и боевые операции по оборудованию заградительных сооружений возглавил командир сводного отряда ОМСБОН майор М. Шперов, ставший после войны генерал-майором инженерных войск Советской Армии.

В ОМСБОН с первых же дней его существования пришла большая группа женщин, в основном радистки и (медсестры. Назову имена лишь некоторых из них: Маша Петрушина, Галина Ефимова, Лидия Шерстнева, Людмила Потанина, Зина Чернышева, Шура Павлюченкова, Оля Михайлова, Дуся Приказчикова, Тося Карасева, Тоня Анисимова, Люба Капитонова.

Во главе медицинской службы полков были поставлены добровольцы, только что сдавшие госэкзамены в мединституте: Альберт Цессарский и Илья Давыдов. Врачом была и Вера Давыдова (Павлова); Виктор Стрельников и Владимир Назаров пришли в бригаду с четвертого курса мединститута. Когда формирование бригады завершилось, а ее состав приобрел опыт боевых действий на фронте и в тылу врага, начался процесс «отдачи» ее бойцов и командиров в отдельные части Красной Армии (например, на укомплектование Отдельной, впоследствии 70-й армии, погранчастей, спецшкол и др.). Только с 1941 по 1944 год из ОМСБОНа были откомандированы 5074 человека.

По неполным данным, более одной тысячи омсбоновцев защищали Москву. Их вклад в защиту столицы, однако, не исчерпывается этой цифрой. Сравним ее со следующими фактами: если минеры ОМСБОНа под командованием М. Шперова поставили на Западном фронте 40 тысяч мин, то весь Калининский фронт — 4500; особенностью этой работы было то, что исключительно широко была применена новая техника: управляемые фугасы, огневые фугасы противотанкового назначения, мин-заграждения, установленные на фронте в глубину 100 километров. По неполным данным, на фугасах и минах, установленных сводным отрядом ОМСБОН в Под московье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками, много пулеметов, радиоприемников и другого военного имущества.

В течение всей войны и даже в напряженной обстановке 1941 года мы, вместе с тем берегли спецназ. Он бы задействован в общевойсковых операциях за всю войну только три раза — в боях под Москвой, в битве за Кавказ в 1942 году и в сражении на Курской дуге в составе саперной армии в 1943 году.

В декабре 1941 года, когда возник вопрос о подготовке десантной операции в

Крым — в Керчи и Феодосии, — Берия предложил мне связаться с адмиралом И. Исаковым и подготовить план участия нашего спецназа в морском десанте. Но ОМСБОН в этих боях участия не принял, хотя в Крым в крайне тяжелую оперативную обстановку была выброшена наша группа А. Арапова, 1945 году направленного по моей линии на оперативную работу в Югославию.

Мы сформировали спецназ в крайне сжатые сроки. Он; стал высокобоеспособным соединением и сыграл существенную роль в развертывании войны в тылу врага. К сожалению, из уроков войны и трагичного лета 1941 год не сделано должных выводов. Спустя год после окончания войны, в условиях напряженной международной обстановки, волны националистического бандитизма в Прибалтике и на Западной Украине спецназ — Отдельный отряд особого назначения МГБ СССР был расформирован «в связи с исчерпанием функций». Думается, что причиной этого было неприязненное отношение к ОМСБО. Ну в годы войны ставшего министром госбезопасности в мае 1946 года Абакумова.

Спецназ органов госбезопасности всегда оказывался жертвой политических разборок «наверху». Известно, что был воссоздан как соединение специального назначения разведывательно-диверсионных операций лишь в 1981. Но мы так и не определились (в отличие от американцев) с концепцией использования войск специального назначения по линии органов безопасности и военной разведки в решении узловых вопросов боевых действий в условиях локальной войны. В особенности это относится к войнам так называемой малой интенсивности.

Применение спецназа, по моему глубокому убеждению, в локальной войне есть проблема, решение которой может быть найдено в контексте его взаимодействия с другими видами вооруженных сил, в тесной связи с мероприятиями по агентурно-оперативному обеспечению его боевой деятельности.

Поэтому правомерно ли говорить об отдельных задачах, выполняемых спецназом, продиктованных политической обстановкой? Использование этой силы в условиях мирного и военного времени, а также в локальных войнах — очень крупная нерешенная проблема. События в Чечне и локальная война в Таджикистане — прекрасные тому подтверждения. Главная причина того, что спецназ Внешней разведки в 1991–1993 годах был расформирован, заключается в том, что при смене руководства органов госбезопасности руководство страны прежде всего спецназу отказывает в политическом доверии, опасаясь за свою власть.

Когда в 1993 году министр госбезопасности Баранников перестал пользоваться доверием президента, это предопределило конец подразделениям спецназа, переданным одно время в структуру министерства.

Однако дело не в том, что «Альфа» и «Вымпел» отказались штурмовать Белый дом в 1993 году. Первопричина заключается в другом — исходном недоверии. Было недоверие руководства к Особой группе Серебрянского в 1938 году, в 1953 году после ареста Берии — к Судоплатову, затем, в эпоху Брежнева, в 1967 году — к председателю КГБ Семичастному, и в эпоху так называемого мнимого путча и распада страны — в 1991 году.

Конкретно я могу процитировать ставшие известными мне слова Президента

России, произнесенные им на расширенном заседании Коллегии министерства безопасности в марте 1993 года. Тогда Баранников еще был министром. Но Ельцин в его лояльности сомневался и не хотел, чтобы в его распоряжении находились силы специального назначения.

Президент утверждал, что от него, по проверенным данным, министерство безопасности утаивает определенную информацию. Ему отвечают, что вам докладывают только проверенную информацию, уважаемый президент. Нашлись мужественные люди, чтобы так ответить. На это Ельцин отреагировал: «Я вам верю, но не совсем». При такой позиции любой вопрос об особом финансировании, особой поддержке спецназа в условиях войны на Кавказе перерастает в другой вопрос: в чьих руках находится спецназ. В руках министра безопасности Баранникова, который утратил доверие? Это совершенно очевидно. Спецназ госбезопасности в этих условиях не мог быть должным образом задействован в чеченской кампании. А задачи по агентурному обеспечению военной операции в Чечне в 1994 году военная контрразведка просто провалила.

Именно в это время, к сожалению, подразделения спецназа и агентурно-диверсионный аппарат были расформированы и выведены из состава службы Внешней разведки. И это в условиях бушующих на территории России и СНГ локальных войн.

Печально, что не только в Чечне, но при проведении спецоперации в Афганистане также проявилось пренебрежение уроками прошедшей войны. За полгода до событий декабря 1979 года в Афганистан прибывают сотрудники 8-го отдела (разведывательно-диверсионного) внешней разведки КГБ. Прорабатываются варианты силового участия наших подразделений в решении выгодных для Советского Союза направлений Афганского кризиса. Еще не убит вождь афганской революции Тараки. Но уже вовлеченность нашего разведывательно-диверсионного аппарата в будущие события очевидна. Сейчас много споров на эту тему. Но я хотел бы указать одно обстоятельство. В какой обстановке был предпринят штурм резиденции-дворца президента Амина в пригороде Кабула спецназом КГБ и ГРУ? Была ли нужна эта шумная акция в условиях, когда советские войска входили в Афганистан по просьбе именно этого человека?

На этот вопрос должны ответить те, кто тогда были старшими должностными лицами и представителями КГБ и внешней разведки в Афганистане — генералы Б. Иванов и В. Кирпиченко. Как мне рассказывали участники декабрьских событий в Кабуле, по линии агентурно-оперативных мероприятий к этому времени попытки ликвидации Амина с помощью снайперов, отслеживания его машины результатов не дали. Не оправдалась и ставка на использование ядов.

Беседовавшие со мной участники известных событий в Афганистане в декабре 1979 года утверждали, что одним нашим агентом Амин был отравлен, а другим, врачом, — спасен.

Может быть, в Кремле у кого-то сдали нервы. Но зачем нужно было принимать беспрецедентное решение о штурме дворца? Ведь когда советские войска вошли в Афганистан, наши возможности в ликвидации Амина неизмеримо расширились. Его

можно было убрать без всяких жертв с нашей стороны на территории нашей воинской части. Ведь спецназ нашей военной разведки, как отметил наш военный атташе в Афганистане, ликвидировал ставленников Амина в генштабе, не понеся потерь.

Спецназ КГБ в Афганистане проявил мужество, стойкость, подлинный героизм, понес чувствительные потери, однако руководство КГБ, бросив его на рискованный штурм укрепленного дворца Амина, допустило, по-моему мнению, серьезную, трагическую ошибку. Знаменательно и то, что воссоздание профессионального спецназа — подразделения «Вымпел» — в органах госбезопасности для разведывательно-диверсионных операций произошло лишь спустя почти два года после штурма в Кабуле — 19 августа 1981 года, когда масштаб боевых действий и спецопераций резко расширился.

Склоняя свою голову в память погибших в годы Великой Отечественной войны и при исполнении интернационального долга, следует в нынешних условиях масштабных угроз суверенитету России разработать отвечающую требованиям времени научно обоснованную специальную доктрину сбалансированного использования всех видов спецназа органов госбезопасности и военной разведки. При этом нужно извлечь правильные уроки как из наших успехов, так и неудач в череде войн и конфликтов XX столетия. В США значению спецназа в начале 90-х годов в локальных войнах придан исключительно важное значение. Неслучайно командующий американским спецназом генерал Д. Шелтон назначается председателем объединенного комитета начальников штабов — американской аналогии нашего генштаба Вооруженных сил. Следовательно, назрела очевидная необходимость централизованной координации непрерывного планирования и использования сил специального назначения — важнейшего инструмента обеспечения безопасности нашей страны и неотъемлемого структурного компонента вооруженных сил Российского государства.

О генерале армии Д. Павлове

В ошибочных решениях Ставки в июне 1941 года существенную роль сыграли просчеты командующего войсками Западного особого военного округа генерала армии Д. Павлова. Эйтингон, хорошо знавший его по Испании, в первый же день войны говорил, что Павлов проявил себя там «на уровне командира танкового батальона, хотя он был командиром танковой бригады». Павлова теперь все характеризуют как человека с довольно узким военным кругозором, недостаточно представлявшего себе задачи руководства боевыми действиями в условиях современной войны.

Ему противопоставляют новое поколение генералов Красной Армии 1942–1945 годов. Однако это не совсем верно, и вина Павлова преувеличивается.

Г. Жуков в своих воспоминаниях, которые, честно говоря, иногда вызывают у меня неприятный осадок, по-своему трактует итоги оперативной игры, проходившей в Генштабе зимой 1940–1941 годов.

Он пишет о том, что в командно-штабной игре было множество фактических примеров, которые потом подтвердились трагическими событиями июня 1941 года, когда немцам удалось использовать преимущество ударных группировок, нависающих над Белостокским выступом, и нанести нам поражение.

Игра, как пишет Жуков, изобиловала драматическими моментами, которые Павлов должен был бы учесть в последующих сражениях. Однако утверждая это, Жуков забывает о различии в характере оперативной игры и ситуации, в которой оказался Павлов. Так вот, когда Павлова после ареста обвинили в том, что он не предусмотрел развития событий на Западном фронте и соответственно не подготовил войска, Павлов решительно отверг это обвинение. Ведь в игре отрабатывалась наступательная, а не оборонительная операция Красной Армии, противник же, в роли которого был Жуков, наносил главный удар из Восточной Пруссии в направлении Каунас — Вильнюс — Минск.

Павлов тогда не справился с задачей нанесения контрудара противнику. Именно в соответствии с опытом этой оперативной игры Павлов уже в ходе военных действий ошибочно предполагал, что немцы наносят по нему главный удар с северо-запада через Литву, в то время как немцы наступали по двум сходящимся направлениям из районов Сувалок и Бреста.

Но дело не в мемуарах. Дело в том, что постановление на арест Павлова утвердил Жуков, а не Тимошенко. Между Павловым и Жуковым сложились неприязненные отношения. Это один аспект. А другой лучше всего проследить по фактам.

Меня удивляют нынешние историки и военачальники, которые, рассуждая о 1941 годе, пишут «подлинную» историю, не проверяя фактов по этому важному событию.

После сокрушительного поражения Красной Армии в Белоруссии возник вопрос о доверии командным кадрам Красной Армии. По линии военной

контрразведки были подняты компрометирующие материалы на всех командующих фронтами, командующих армиями, корпусами и дивизиями. Все ложные и выбитые показания о мифическом военном заговоре, о якобы причастности к заговорщической группе Тухачевского и других были доложены Сталину и Молотову.

Сталин поручил изучить эти документы секретарю ЦК Г. Маленкову. Однако следует иметь в виду, что справки и заключения, подписанные Михеевым, начальником военной контрразведки, направлялись в ЦК, как это было заведено, без комментариев НКВД. Докладывалось лишь о наличии таких материалов.

Несмотря на компрометирующие данные о причастности к делам мифических групп и военных заговорщиков, по всем лицам, о которых шла речь в этих документах, в июле — августе 1941 года состоялись решения ЦК об утверждении их командующими армиями и соединениями Красной Армии. Таким образом, имею смелость утверждать, что Сталин, Молотов, Берия, Маленков уже тогда знали истинную цену так называемых «дел» о военном заговоре.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство. Все командующие армиями и соединениями Красной Армии, переформированными после поражений в июне 1941 года, были утверждены в ЦК партии тогда, когда «наверху» принималось решение о характере предъявляемого Павлову обвинения. Его обвинили не в измене Родине, а в воинском должностном преступлении. Но хотелось бы отметить, что статья 193 Уголовного кодекса РСФСР тех времен, которая давала основания для привлечения к ответственности за совершение воинских преступлений, обычно использовалась властями дифференцированно. По ней можно было осудить, приговорить и к расстрелу, и к лишению свободы. Процесс над Павловым и весь трагизм его положения (дело впоследствии было пересмотрено и Павлова посмертно реабилитировали) заключался в том, что должностные упущения можно по-разному квалифицировать и оценивать в зависимости от «политической целесообразности». Мне известно, что вопрос о судьбе Павлова решался с колебаниями и сомнениями. Но не в плане: виновен — не виновен, казнить или помиловать. Вносились даже фантастические предложения — приостановить приведение приговора в исполнение, сохранить ему жизнь для использования в качестве подставной фигуры в «мнимой» военной оппозиции, которую можно использовать для оперативной игры с немцами.

Такие предложения поступили от Федотова и Михеева. На что Берия отреагировал отрицательно, сославшись на то, что такая значительная фигура, как Павлов, для подключения к играм с легендированием военной оппозиции в комсоставе Красной Армии не пройдет, и об этом докладывать «наверх» он не будет.

Нельзя забывать еще об одном обстоятельстве. Павлов, будучи командующим фронтом, оказался не на высоте, потерпел полное поражение. Но ему и в голову не пришло сдаться в плен противнику, как это сделал Власов.

Вот две трагические судьбы. Павлов, который до конца был предан Советской власти и оставался патриотом Родины. Для него было немыслимым в результате военного поражения изменить Родине. И Власов, разгромленный противником, из-за

трусости сдавшийся в плен и ставший на путь измены и предательства.

Глава 10. Особая группа

Противодействие натиску немцев

Организация Особой группы НКВД СССР заслуживает специального рассмотрения. Дело в том, что в тяжелые дни последней недели июня и начала июля 1941 года не существовало полной ясности относительно ее роли в структуре аппарата органов безопасности и Наркомата внутренних дел. Мы вначале ошибочно полагали, что создать Разведывательно-диверсионный аппарат можно, опираясь только на кадры разведывательного управления внутренних и пограничных войск.

Еще до того, как создание Особой группы было оформлено приказом, 26 июня 1941 года мы с Эйтинггом были назначены заместителями начальника штаба НКВД по борьбе с парашютными десантами противника. Имелось в виду сорвать действия диверсионных подразделений абвера, которые были зафиксированы в прифронтовой полосе и в нашем тылу после неудачных сражений в Белоруссии и Прибалтике.

Ввиду этого в очень короткий период мне пришлось уделить главное внимание развертыванию широкой противодиверсионной работы на транспорте и мерам по розыску диверсантов, в особенности на железной дороге и гражданском воздушном флоте. Был организован систематический обход путей и территорий, прилегающих к важнейшим объектам транспорта, предполагалось создать агентурно-осведомительную сеть в населенных пунктах, прилегающих к железным дорогам, аэродромам, речным портам, обеспечить негласную охрану объектов. Эта система впоследствии себя полностью оправдала. Причем основная масса противодесантного и диверсионного осведомления была организована на основе создания специальных резидентур, связи с оперативными службами.

Все это сразу же снизило масштаб диверсий на железнодорожном транспорте даже при благоприятных для немцев условиях быстрого захвата нашей территории летом 1941 года. Ущерб от десантов и диверсий был сведен к минимуму. На органы госбезопасности легла исключительно важная задача навести порядок в местах массового передвижения пассажиров на железнодорожных путях и вокзалах. Под жесткий, особый контроль руководства НКВД был взят график движения поездов и всех перевозок. Кобулов, будучи заместителем наркома госбезопасности, лично курировал их сопровождение и даже имел свой кабинет в помещении Наркомата путей сообщения. Однако противник действовал очень активно. Несмотря на принятые меры, немцам удалось организовать в общей сложности до 40 крушений на железнодорожном транспорте в летне-осенний период. Но это не повлекло за собой дезорганизацию транспорта.

В начале июля стало совершенно очевидным, что главным театром разведывательно-диверсионных операций против немцев станет захваченная противником территория Белоруссии, Украины и Прибалтики. Там в соответствии с известным выступлением Сталина 3 июля 1941 года было решено создать специальный партизанский фронт, поэтому все функции Особой группы НКВД, создание которой было оформлено специальным приказом 5 июля 1941 года, были подчинены решению этой задачи. Именно на первом трагическом этапе войны органы госбезопасности и внутренних дел сыграли одну из ведущих, а в ряде

районов главную роль в развертывании партизанского движения. И это было естественно, поскольку в отличие от партийно-хозяйственного актива органы НКВД и их агентурный аппарат уже более двух лет действовали в сложной оперативной обстановке в приграничных территориях, широко используя методы, конспиративной работы. Их можно было гораздо быстрее переориентировать на борьбу с противником, сбор разведанных, действия на его коммуникациях, базах и т. п.

Это утверждение ни в коей мере не противоречит и не опровергает укоренившегося тезиса о руководящей роли коммунистической партии в развертывании партизанской войны. В реалиях советских условий 1941–1945 годов иначе и быть не могло. ВКП(б) была не только политической партией, но и главной управляющей структурой механизме политической и военной власти в стране, осуществляющей руководство и координацию действий частей Красной Армии, органов НКВД и партийно-хозяйственного актива, оказавшихся в тылу германских войск.

Вплоть до последнего времени о задачах Особой группы распространяется немало измышлений. Ваксберги, Петровы, Яковлевы, Наумовы, перебежчики, симпатизирующие им некоторые историки советской разведки пытаются манипулировать сфальсифицированными данными, приписывают Особой группе задачи организации террора на оккупированной противником территории как против оккупационной администрации и ее пособников, так и против местного населения. Делается это вполне сознательно, с клеветническими целями. Намеренно не цитируются и искажаются имеющиеся у авторов, зачастую похищенные из архивов ЦК КПСС и КГБ СССР документы о реальных задачах бойцов и сотрудников Особой группы НКВД.

Особая группа формировалась на базе 1-го Разведывательного управления НКГБ — НКВД. Костяк ее составили оперативные сотрудники, имевшие опыт разведывательной работы за рубежом и партизанских действий во время гражданской войны в Испании.

В связи с занятием наших территорий мы превратились не только в орган, оценивающий информацию о ситуации на оккупированной территории, но в подразделение, координирующее деятельность местных органов госбезопасности.

В 1988 году генерал-майор Н. Губернаторов, в прошлом один из помощников Ю. Андропова, передал мне выписки из документов об организации Особой группы. Фактически это был приказ о моем назначении начальником этого подразделения и его задачах. Разумеется, что для меня чрезвычайно важно было получить этот документ, опровергающий клеветнические обвинения меня и Эйтингона, имевший решающее значение для нашей реабилитации.

Перед Особой группой были поставлены задачи о развертывании диверсионной войны на оккупированной территории, в прифронтовой полосе и глубоком тылу противника.

Конкретно это выражалось в выведении из строя важных транспортных узлов, срыве железнодорожных и автоперевозок живой силы и техники противника на

фронт, разгроме воинских, жандармских, полицейских гарнизонов, выводе из строя промышленных предприятий, электростанций, средств связи в случае угрозы захвата их противником. Группа должна была воспрепятствовать вывозу в Германию советских граждан, техники, награбленного немцами имущества. Важным направлением нашей работы стало проникновение в специальные службы противника, выявление их агентуры, забрасываемой в наш тыл с целью как сбора разведывательной информации, так и проведения диверсий. Группа должна была также содействовать партийно-советскому активу в развертывании массового партизанского движения и сопротивления в тылу врага.

В наше распоряжение поступили лучшие специалисты по минно-подрывному делу в Советском Союзе, работавшие не только в системе Красной Армии, но и наркоматов угольной промышленности, геологии, горных разработок. Среди них помнятся такие блестящие мастера своего дела, как Д. Пономарев, Г. Разживин. Очень кстати оказались выпускники существовавшей в 1937–1938 годах спецшколы при Особой группе Серебрянского, благодаря которой наши службы были обеспечены совершенными приборами и техникой, не имевшими аналогов у зарубежных диверсионных спецслужб.

В самые кратчайшие сроки были отработаны основные варианты легендирования нашей агентуры для работы в тылу противника. Мы привлекли лучших наших разведчиков и контрразведчиков. Среди них тепло вспоминаю Е. Мицкевича, П. Журавлева, З. Рыбкину-Воскресенскую, В. Дроздова, Г. Мордвинова, П. Гудимовича, его жену Е. Морджинскую, А. Камаеву, В. Ильина, Я. Яковлева, М. Маклярского, Л. Сташко, Н. Киселева, С. Окуня, А. Крупенникова и некоторых других.

Были разработаны пять основных вариантов внедрения в органы оккупационной администрации, в профашистские «добровольческие» формирования и в немецкие спецслужбы.

Первая легенда. К противнику попадает офицер Красной Армии, захваченный в ходе боевых столкновений.

Вторая. Немцы подбирают раненого советского солдата или офицера, которым не была оказана медицинская помощь.

Третья. Офицер или военнослужащий Красной Армии — дезертир — сдается немцам на передовой линии фронта.

Четвертая. Парашютист Красной Армии, сброшенный в тыл противника, добровольно сдается немецкому военному командованию.

Пятая. Беженец немецкого происхождения, «фольксдойче», перешедший на оккупированную территорию через линию фронта, предлагает немцам свои услуги.

Следует отметить, что легендирование агентуры, которое успешно применялось для борьбы с реальными и потенциальными врагами Советской власти, не годилось для борьбы с гитлеровцами. Стало совершенно очевидно, что использовать легенды о каких-либо отщепенцах из внутрипартийной оппозиции нельзя. К тем, кто имел отношение к прошлому руководству, даже из репрессированных, немцы относились

с недоверием. Об этом мы узнали из информации, поступившей от нашей опергруппы в сентябре из Киева. Оккупанты, устанавливая новый порядок, ни в одном случае не привлекали в свой актив кого-либо из категории репрессированных, проходивших по политическим делам в качестве троцкистов, левых уклонистов.

Таким образом, можно было широко использовать для борьбы с противником белогвардейское прошлое наших агентов и участие в мнимых националистических организациях. Поэтому из большого числа оперативных дел были выделены те, которые проходили по националистическому подполью. Именно с этой легендой засылались наши люди в Туркестанский легион. Успех имели и разработки, связанные с «казачьим подпольем». Благодаря этому нам удалось реализовать ряд крупных операций в 1942–1943 годах, в том числе такие, как «Басмачи», «Школа», «Монастырь», «Курьеры».

Мы знали, что немцы ищут людей, пострадавших от Советской власти, и будут стремиться, опираясь на них, создавать свою агентурную сеть и администрацию. Поэтому мы оставляли на оккупированной территории проверенных людей из этой категории. Они становились приманкой для противника и внедрялись таким образом в спецслужбы и администрацию.

И еще один, пусть небольшой, канал к немецким спецслужбам — это использование не высланной в Сибирь части немецкого населения, так называемых фольксдойче, получивших привилегированное положение на временно оккупированной территории.

Сразу же после создания Особой группы было организовано несколько школ подготовки кадров. Одна школа индивидуальной подготовки разместилась на базе нашего дома отдыха в Кратове, другая — в разведывательной школе — ШОН в Балашихе.

Для нас также немаловажно было использовать политэмигрантов по линии Коминтерна. В связи с этим я неоднократно ездил к Димитрову, Долорес Ибаррури. Подготовкой этих кадров руководил товарищ «Фердинанд», бывший начальник контрразведки республиканской Испании из Барселоны. Он отбирал людей, которые проходили специальную тренировку в районе «Озера» на Калужском шоссе, бывшей даче Ягоды, ставшей впоследствии Домом отдыха ЦК КПСС.

Несколько слов о структуре Особой группы, преобразованной 3 октября 1941 года во 2-й самостоятельный отдел НКВД СССР, который стал оперативным подразделением, координирующим деятельность всех остальных служб органов госбезопасности. Подчинялась Особая группа непосредственно наркому внутренних дел Берии.

26 августа 1941 года оперативные группы местных органов госбезопасности, занимавшиеся организацией борьбы с противником в прифронтовой полосе, были преобразованы в 4-е отделы НКВД — УНКВД республик, прифронтовых краев и областей и перешли в подчинение Особой группы. В их обязанность входило:

— повседневный контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство по согласованию с Центром их боевой деятельностью;

— налаживание связей с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника;

— организация агентурной и войсковой разведки в районах действий партизанских отрядов и диверсионных групп;

— разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов;

— обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением.

Директивой НКВД на 4-е отделы также возлагалась обязанность допроса пленных, перебежчиков, парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и войсками Красной Армии.

В связи с расширением объема работы после реорганизации Особая группа состояла из секретариата и 16 отделений и вошедших в его оперативное подчинение отделов территориальных НКВД — УНКВД. 14 отделений центрального аппарата являлись оперативными региональными подразделениями. Они занимались организацией разведывательно-диверсионной работы на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, а также за рубежом и в районах возможного нападения противника — Японии, Турции, Скандинавии, Иране. Для активного противодействия подрывной деятельности спецслужб фашистской Германии во 2-м отделе было создано специальное отделение для работы в прифронтовой зоне. И что особенно важно, оно координировало свою деятельность с аппаратом военной контрразведки — особыми отделами Красной Армии. Положение о нашей деятельности было утверждено руководством НКВД. Вот задачи, которые ставились перед нами:

— формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними;

— восстановление контактов с ценной проверенной агентурой органов госбезопасности, оставшейся на временно оккупированной советской территории;

— внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные, контрразведывательные и административные органы;

— подбор и переброска квалифицированных агентов на оккупированную территорию в целях их дальнейшего проникновения в Германию и другие европейские страны;

— направление в оккупированные районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными заданиями;

— подготовка и переброска в тыл врага специальных разведывательно-диверсионных групп, подчиненных Центру, для выполнения заданий особой важности, обеспечение надежной связи с ними;

— минирование по приказу Ставки и ГКО промышленных предприятий и

стратегических объектов с целью вывода их из строя в районах, находящихся под угрозой вторжения противника;

— организация в этих районах резидентур из числа преданных и проверенных на оперативной работе сотрудников;

— обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров вооружением, боеприпасами, продовольствием, средствами техники и связи и соответствующими документами прикрытия.

В этой связи надо отметить, что войска Особой группы НКВД входили в октябре — декабре 1941 года в состав действующей Красной Армии, то есть были не только в подчинении Особой группы, руководства НКВД, но и находились как спецназ особого назначения в ведении Генштаба Красной Армии и, следовательно, Верховного командования.

26 августа 1941 года, то есть спустя полтора месяца после создания Особой группы, приказом по наркомату был определен порядок взаимодействия с ней оперативных, технических и войсковых подразделений и соединений органов госбезопасности и внутренних дел. К этому следует добавить, что Особая группа — 2-й отдел НКВД — был единственным подразделением, не эвакуированным из Москвы в Куйбышев в связи с передислокацией аппарата госбезопасности в октябре 1941 года. Наши сотрудники и бойцы ОМСБОНа были полностью развернуты и целиком задействованы в дни решающих событий битвы под Москвой.

В период битвы под Москвой были окончательно определены конкретные боевые задачи, поставленные перед нами Верховным командованием и руководством НКВД.

Сосредоточиться на сборе и передаче командованию Красной Армии по линии НКВД разведданных:

— о дислокации, численном составе и вооружении войсковых соединений и частей противника;

— о местах расположения штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ;

— о строительстве оборонительных сооружений;

— о режиме политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной администрации.

В области диверсионной деятельности:

— нарушение работы железнодорожного и автомобильного транспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага;

— вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и прочего имущества;

— нарушение линии связи на железных, шоссейных грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектах.

По линии контрразведывательной работы (совместно с особыми отделами

Красной Армии):

— установить места дислокации разведывательно-диверсионных и карательных органов немецких спецслужб, школ подготовки агентуры, их структуру, численный состав, системы обучения агентов, пути проникновения в части и соединения Красной Армии, партизанские отряды и советский тыл;

— выявлять вражеских агентов, подготовленных к заброске или заброшенных в советский тыл, а также оставленных в тылу советских войск после отступления немецкой армии;

— установить способы связи агентуры противника с его разведцентрами;

— проводить систематическую работу по разложению частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих Красной Армии, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий;

— ограждать партизанские отряды от проникновения в них вражеской агентуры, проводить ликвидацию наиболее опасных пособников врага и по возможности представителей оккупационной администрации, ответственных за карательные действия (фашистских властей и военного командования) по отношению к партизанам и местному населению.

Создание резидентур и боевых групп на оккупированной территории

Будучи вместе с Н. Эйтингоном, Н. Мельниковым, В. Гридневым, М. Орловым, В. Дроздовым, М. Маклярским, Я. Серебрянским, Л. Сташко руководителями организации боевой работы в тылу противника в начале войны, мы действовали слаженным коллективом. Руководство конкретными операциями и наша инициатива проявлялись в рамках задач, ставившихся перед нами наркомом внутренних дел Берией. Не могу не отметить, что с его стороны поступали четкие и высококомпетентные указания. Однако связано это было не с тем, что он обладал фантастическим особым даром предвидения. Берия был, безусловно, крупной, незаурядной личностью. Важно и другое: как член ГКО он имел доступ к всеобъемлющей военной информации. От него, например, мы получили ценное распоряжение при создании подпольных групп на оккупированной территории — резко усилить разведывательную работу на Южном направлении. Берия исходил из того, что немцы обязательно будут пытаться использовать Одессу, Николаев и другие крупные портовые города как транзитные пункты для вывоза сырья в Турцию, особенно в случае успешного развития их операций на Ближнем Востоке.

Тогда в спешном порядке мы укомплектовывали резидентуры в Одессе, Николаеве и затем в Киеве. Они должны были отслеживать, как используются порты, водный транспорт, выводить из строя судоверфи, сделать все, чтобы захваченное противником зерно не шло через эти порты для нужд немецкой армии.

В. Молодцов (Бадаев), возглавлявший резидентуру в Одессе, должен был оставить в городе две-три группы наиболее проверенных и надежных людей для выполнения специальных диверсионных операций, а также по ликвидации видных представителей немецкой администрации, предателей, сотрудничавших с немцами. Выбор Молодцова, несмотря на его недостаточный опыт работы во внешней разведке, был в целом оправдан. Накануне войны он был куратором «румынского» направления в ее центральном аппарате. Нашим специальным указанием предписывалось ни в коем случае не расшифровывать этих людей ни перед кем. Агентам запрещалось связываться с работниками УНКВД, то есть местными органами, остающимися в тылу немцев. В их обязанность входило также еще раз проверить агентуру, оставляемую на случай отхода, особенно немцев, даже работающих с нами в течение многих лет. Я категорически возражал против связей с агентурой из числа немцев, которые не были высланы в первые дни войны. Мы не могли допустить, чтобы многочисленные немецкие колонии стали опорой для оккупационной администрации. Кроме того, было много неясностей с использованием агентуры из бывшей Республики немцев Поволжья. В любом случае жестокость войны и оккупация диктовала нам возможность использования агентов немецкой национальности в исключительных случаях. Не могло быть и речи о массовом использовании этих людей.

Вопрос о взаимодействии Особой группы с территориальными органами встал очень остро. Помню, мной было подписано специальное указание, адресованное управлению НКВД по Одесской области, в котором говорилось о необходимости

децентрализовать специальные резидентуры и группы, оставленные для подпольной работы. Из докладной записки, которую мы получили, было ясно, что при создании агентурного аппарата для подполья была допущена совершенно нежелательная централизация, которая могла привести к провалам.

Группой в Николаеве руководил бывший заместитель начальника англо-американского отдела и научно-технической разведки НКВД В. Лягин, будущий Герой Советского Союза. В тыл противника он отправился по собственной инициативе. Поскольку до этого Лягин работал в США, достаточного опыта контрразведывательной работы у него не было, но он горел желанием отличиться на войне. Его вело бесстрашие.

Он оставил семью, все свои привилегии руководящего работника, даже личную автомашину, что было в то время большой редкостью, которую он привез из-за границы. Несмотря на мои возражения, добился приема у Берии и лично подписал рапорт у руководства Наркомата внутренних дел о направлении его резидентом в Николаев накануне оккупации города. Обосновывал Лягин свое решение тем, что возглавить резидентуру крупных портовых районов, захваченных противником, может только человек, имеющий хорошую инженерную подготовку. Такая подготовка у него была. Однако мы категорически возражали против этого, зная, что он был довольно обстоятельно осведомлен о работе нашей разведки за кордоном. И назначение такого человека на рискованное дело противоречило нашим основным принципам и правилам использования кадров.

Иные цели стояли перед группой И. Кудри (Максим), который был оставлен в качестве нашего нелегального резидента в Киеве. Группа должна была проникнуть в украинское националистическое подполье, на которое немецкое командование делало серьезную ставку. Последние годы после окончания пограничной школы Кудря боролся с украинскими националистами и хорошо знал особенности и специфику этого движения. Имея опыт работы в составе нашей оперативной группы во Львове, он занимался разработкой связей украинских националистов с немецкими разведывательными органами. Это был молодой, способный, энергичный работник. К тому же, что очень важно, Кудря не был известен широким кругам украинского партийно-советского актива, так как работать на руководящей должности ему в НКВД не пришлось.

Судьба столкнула его с чрезвычайным случаем, который впоследствии позаимствовали авторы известного фильма «Подвиг разведчика». В нем есть эпизод, когда у кинотеатра «Арс» советский разведчик встречается с сотрудником немецкой разведки «Штубингом», которому удалось бежать. В октябре 1941 года Кудря столкнулся на Крещатике с видным деятелем подпольной украинской организации, которой он занимался еще до войны. Этому агенту-двойнику, завербованному Максимом, удалось уйти в 1940 году из-под нашего контроля, а когда началась война, он рассчитывал, что в связи с быстрым продвижением германских армий его звезда взойдет. Но столкнувшись на улице с Максимом, агент очень перепугался. Он мог, конечно, организовать ликвидацию Кудри, но тогда к этому пришлось бы подключать своих немецких хозяев. И он, опасаясь разоблачения, вынужден был вновь пойти на сотрудничество с нами. Впоследствии он вывел Максима на

конспиративные квартиры абвера в Киеве.

К сожалению, Кудря стал жертвой подставы и героически погиб в 1942 году, никого не выдав. В 1965 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Настало время рассказать и о предательстве его агента, некоего В. Карташова, он же А. Коваленко. Он был юрист, в 1937 году был осужден за халатность и подлог на пять лет лишения свободы. В 1939 году был освобожден, стал сотрудничать с НКВД Украины. В связи с оккупацией Киева был оставлен в тылу врага для выполнения спецзаданий под видом владельца комиссионного магазина и ресторана. Немецкая контрразведка вскоре арестовала и перевербовала его. Он выдал группу подпольщиков. После войны в мае 1945 года в ходе проверки были вскрыты конкретные факты и обстоятельства его предательства. Он был арестован и осужден к 25 годам лишения свободы за предательское сотрудничество с врагом.

Позднее наш известный писатель В. Катаев в романе «За власть Советов» использовал ряд моментов из биографии Коваленко в образе владельца комиссионного магазина в оккупированной Одессе М. Колесничука — сотрудника резидентуры Молодцова — «Бадаева». В романе Катаев дал ему фамилию Дружинин.

Неудачно закончилась для нас первая попытка создать крупную резидентуру в Западной Украине, в Житомире. Туда был направлен И. Каминский, опытнейший оперативный работник, нелегал ИНО в 30-е годы, освобожденный по моему настоянию из тюрьмы после начала войны. Летел он на связь с нашим агентом — местным священником. Но сразу же после приземления попал в засаду. Священника к этому времени перевербовала немецкая контрразведка. Каминский застрелился, поняв, что он попал в ловушку.

Судьба Каминского особо волнует меня и сейчас. Он был моим личным другом. Обойдя меня, добился, так же, как Лягин, разрешения Меркулова десантироваться в тыл врага. Его, к сожалению, некомпетентные люди путают с Яном Каминским — бойцом оперативной группы нашего легендарного разведчика-боевика Н. Кузнецова, который погиб вместе с ним в 1944 году от руки ОУНовских бандитов. У меня же не может не вызвать недоумение просочившаяся с ведома ряда консультантов-историков нашей разведки ложная версия о том, что Иван Николаевич Каминский «погиб в бою с партизанами». Тем самым циничные авторы его подправленной биографии закрывают вопрос о посмертном награждении этого героя тайной войны, несправедливо репрессированного в 1938 году.

Все названные мной четыре резидентуры первого периода войны трагически погибли. Наши люди, участвовавшие в разведывательно-диверсионной борьбе с врагом, продержались в целом около года. Это, к сожалению, в городских условиях средний срок действия в тылу противника агентурно-оперативно-диверсионной группы. Легендарный Н. Кузнецов действовал почти два года, но он опирался на мощную поддержку и содействие партизанского отряда и всей оперативной группы Д. Медведева, успешно используя сеть ее агентуры.

Среди неизвестных погибших героев тайной войны в тылу врага следует

назвать заместителя Лягина по диверсионной работе, сотрудника НКВД Украины Н. Сидорчука. Он лично и организовал, и провел диверсию, на немецком аэродроме, в результате которой было уничтожено 24 самолета противника. Сидорчук заслужил звание Героя Советского Союза, но, к сожалению, мое представление на этот счет не было поддержано. После окончания войны он был посмертно награжден лишь орденом Красного Знамени. Объясняется это тем, что по таким эпизодам, участником которого оказался Сидорчук, представления о награждении принимались только после проверки специальной следственной группой реальных обстоятельств гибели наших людей.

То, что идет ожесточенная война, требовавшая колоссального самопожертвования, было ясно всем. Но у одних находилось мужество идти в тыл противника и, возможно, на смерть, у других его не хватало.

Среди тех, кто в 1941 году принял на себя тяжелые обязанности по развертыванию агентурной работы в тылу немцев, был Л. Сташко, ветеран нашей разведки, имевший опыт работы в Испании и в Западной Европе. Какое-то время он занимался подготовкой документов, связанных с поручениями маршала Жукова по налетам на немецкие коммуникации в октябре — декабре 1941 года. Потом Сташко стал руководителем организации диверсионной работы на Украине.

Следует отметить, что в работу Особой группы — 2-го отдела активно включились люди и младшего поколения, оказавшиеся в центральном аппарате в июле — октябре 1941 года, такие, как Г. Рогатнев, С. Волокитин, Ф. Бакин. И наконец, большую и интересную работу выполнили выпускники Школы особого назначения на случай необходимости в создании московского подполья. Это В. Иванов, И. Щорс, П. Масся, А. Шитов (Алексеев), впоследствии наш первый посол на Кубе.

Надо выделить еще одну группу, подключенную нам в помощь. В ней следует отметить А. Свердлова, сына первого Председателя ВЦИК, который какое-то время руководил группой негласного штата нашего аппарата. Им был привлечен и принят в негласный штат НКВД спецагент А. Грановский, сын крупного руководителя Совнаркома, репрессированного в 1937 году. Его отозвали из МПВО и планировали использовать как спецагента в Польше, поскольку он владел иностранными языками. Грановский, неплохо действовавший в годы войны, в 1947 году, находясь по линии 2-го управления МГБ в зарубежной командировке в Швеции, бежал к англичанам.

В соответствии с приказом, нам оказало большую помощь секретно-политическое управление Н. Горлинского в использовании агентуры против немцев из числа детей и родственников репрессированных в 1937–1938 годах. Работая с этой категорией, мы призвали на службу в Особую группу значительное количество людей из их числа. При этом я встретил полное понимание со стороны руководства, несмотря на то что получить санкцию на это дело было непросто, ведь фактически мы шли на риск, и в немалой степени это было экзаменом работы контрразведки. Первые дети репрессированных пришли к нам на стадии формирования войск Особой группы на стадионе «Динамо».

В октябре 1941 года в рамках 2-го отдела было создано специальное отделение по негласному штату. Возглавил его в начале М. Маклярский, позднее Д. Медведев. Отделение руководило непосредственно спецагентами, которые проходили строго индивидуальную подготовку. Нужно было поднять их уровень, превратить из информаторов в оперативных сотрудников. Со временем они получили офицерские звания, стали обладателями новых биографий, которые были пригодны только в чрезвычайных обстоятельствах развертывания военных действий. Разумеется, в мирное время использование такого аппарата строго регламентировано и подчинено решению других задач.

Мы также пытались привлечь к нашей работе детей репрессированных чекистов. Один из наших оперативников — Сергей Самойлович Деноткин был сыном начальника управления НКВД по Республике немцев Поволжья, впоследствии он стал помощником начальника отдела Центрального аппарата НКВД СССР. Молох репрессий в свое время наиболее беспощадно уничтожал чекистские кадры: мать и отец его были расстреляны. Деноткин возглавил одну из наших оперативных боевых групп в оккупированном Борисове. Я очень удачно подобрал ему оперативную жену, и они успешно действовали в тылу противника более двух лет. Бесспорно, эта работа была связана с большим риском. И надо отдать должное Берии, Меркулову и Кобулову, санкционировавшим использование подобных людей, которые внесли заметный вклад в Победу. Благодаря им мы получили большую возможность для выявления агентов, методов и способов работы немецкой разведки. Имея на руках соответствующие документы, они являлись в местную немецкую администрацию, в комендатуру и, естественно, втирались в доверие к немецким властям.

Другой пример — героический боевой путь в тылу врага бойца нашей опергруппы В. Горшкова, чей отец — видный военный работник — был репрессирован и расстрелян в 1937 году.

При комплектовании разведывательно-диверсионных и оперативных групп я старался отбирать тех, кто умел работать с агентурой. Здесь, конечно, неоценимой была роль опытных специалистов в нашем деле, призванных из запаса и возвращенных после репрессии, таких, как бывший начальник Восточного отделения ИНО, освобожденный по нашей с Эйтинггоном инициативе М. Яриков, П. Зубов, Я. Серебрянский, нелегал Ф. Парпаров. И конечно, в первых рядах стояли М. Маклярский, Л. Сташко и П. Гудимович.

Но надо отметить и другое важное обстоятельство. Война — это, конечно, испытание, тяжелое испытание кровью, с большими жертвами и потерями. Но вместе с тем война, и особенно первый ее год, был периодом исключительного патриотического порыва, и сомневаться в искренности людей, преданности нашему делу, не приходилось. Однако, так сказать, обобщенная, короткая аттестация: делу Коммунистической партии Ленина — Сталина предан, советской Родине предан, применительно для агентов была, безусловно, недостаточной. Нам необходимо было иметь более четкую развернутую аттестацию сильных и слабых сторон агента, чтобы определить его возможности, в каком направлении он мог быть эффективно использован.

Что касается оперативных групп, заброшенных в тыл врага, надо сказать, что уже в августе мы ставили цель — создание очагов сопротивления, на базе которых шло бы налаживание агентурно-оперативной работы и разведывательно-диверсионной деятельности. В связи с этим необходимо отметить очень удачно выполненную работу оперативной группой П. Флегонтова, которая подготовила прочную и расширенную базу для первого рейда отряда Медведева в Клетнянские леса под Брянском для создания там небольшого базового партизанского района. Этот опыт нам очень пригодился.

Второй момент, связанный с деятельностью оперативной группы Флегонтова, — подготовка базового партизанского района на территории Смоленской области. Оперативная группа, действуя с августа по октябрь 1941 года, смогла эффективно справиться с поставленной задачей еще и потому, что командир ее имел большой опыт как участник партизанского движения на Дальнем Востоке. Флегонтовым была апробирована тактика действия в засадах, проведения нескольких диверсий. Все это было востребовано при создании в Туле мощного центра подготовки кадров для партизанского движения.

Заслуживает внимания еще одно важное направление нашей работы — изучение территорий, прилегающих непосредственно к театру военных действий, и, в частности, засылка нашей оперативной группы во главе с И. Радойновым в Болгарию. Одну часть группы переправили на подводной лодке, другая была сброшена с парашютами. Планы были очень большие, и мы их обсуждали с Димитровым. Имелось в виду сочетание легальных и нелегальных форм борьбы в Болгарии с учетом того, что у нашей разведки были там довольно прочные позиции и даже выходы на правительственные круги. Причем не только у военной, а и у внешней разведки НКВД.

Радойнов должен был стать координатором этих действий. Но, к сожалению, мы переоценили свои возможности и не учли активность контрразведывательных служб Болгарии, поддерживаемых немцами. Группа Радойнова очень скоро была выявлена. Противник целенаправленно вел ее поиск, зная, что охотится за связными, заброшенными из Москвы. Идея Димитрова о том, чтобы поставить во главе подполья человека, прошедшего обучение в нашей военной академии, имевшего опыт разведывательной работы, в принципе была верной. Но, к сожалению, обстоятельства сложились не в нашу пользу, и эта группа героически погибла, став известным символом стойкости в борьбе с фашизмом, но существенной информации о ситуации в Болгарии не было получено. Кроме того, группа не смогла повлиять на политическую обстановку.

Как ни печально, но приходится признать, что попытки как в Берлине, так и в Софии активизировать подполье по линии военной разведки и НКВД путем засылки связных провалились, закончились трагически.

Осенью 1941 года мы упорядочили информационноаналитическую работу Особой группы — 2-го отдела. Это направление возглавили ветеран ИНО Д. Федичкин и Е. Морджинская. Я подписал специальное указание территориальным и прифронтовым органам госбезопасности, уточняющее, какого характера должна быть разведывательная информация, представляемая в Центр. Практически это было

дополнение к инструкции, появившейся еще в апреле 1941 года.

Разведке на местах предписывалось более точно излагать данные о наличии и состоянии в тылу немцев железнодорожных сооружений, их технические параметры и конструктивные особенности, давать описание складов, места их расположения увязывать с количеством хранящихся в них материалов, боеприпасов, горючего. Обращалось особое внимание на необходимость получения сведений о восстанавливаемых немцами мастерских, заводах, аэродромах, телеграфно-телефонных линиях, военных сооружениях, возведении новых укреплений и обо всех строительных работах на занятых ими территориях. В указании была поставлена также задача выяснить, разрушают ли немцы наши старые укрепрайоны или приспособливают их для боев и каким образом они это делают. Последний пункт был внесен по настоянию Разведупра Генштаба.

Август и осень 1941 года знаменательны тем, что был получен первый опыт борьбы в тылу противника. Завершил свое формирование спецназ НКВД, о чем речь пойдет ниже. Успешные результаты в оборонительном сражении за Москву позволили нам быстро выработать четкую концепцию мер по развитию партизанского движения и организации разведывательно-диверсионной деятельности. В ноябре 1941 года стало совершенно очевидным, что благодаря массовому сопротивлению в тылу противника складывается благоприятная основа для борьбы с ним и срыва операций немецкой разведки против Красной Армии.

Глава 11. Партизанская война на коммуникациях немцев

Осознание необходимости партизанских действий

18 июля 1941 года было принято Постановление ЦК партии «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск». В связи с подготовкой этого решения меня как начальника Особой группы при наркоме внутренних дел вызвали на совещание в ЦК партии. В нем под председательством Маленкова участвовали Берия, Меркулов, Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, а также представители ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии.

Пономаренко сразу же задал тон и поднял вопрос не только об организации партизанского движения, но и о том, чтобы вывести из-под контроля противника всю оккупированную им территорию и таким образом дезорганизовать его тыл.

В Постановлении ЦК ВКП(б) было записано, что органы госбезопасности играют важную роль в обеспечении широкого развития партизанского движения, в формировании боевых дружин, диверсионных групп, которые должны организовываться из числа участников Гражданской войны, тех, кто уже проявил себя в истребительных батальонах.

Руководство ими возлагалось на органы НКВД и НКГБ. В эти же группы должны были войти коммунисты, комсомольцы, которые не используются для работы в партийно-комсомольских ячейках. В постановлении, подготовленном с нашим участием, шла речь о том, что для организации подпольных коммунистических ячеек руководством партизанского движения и диверсионной работой в районы, захваченные противником, направлялись наиболее стойкие руководящие партийные, советские и комсомольские кадры, преданные Советской власти, советские беспартийные товарищи, знакомые с условиями местностей, где им предстояло работать. Имелось в виду, что аппарат райкомов партии, НКВД и НКГБ был единственным, кто знал обстановку и кадры.

На этом совещании я настоял на том, чтобы в постановлении было отмечено, что засылка в оккупированные районы должна быть тщательно подготовленной, законспирированной, причем чтобы каждая группа не превышала пяти человек. Засылаемые люди могли быть связаны только с одним определенным лицом и ни в коем случае не контактировать друг с другом.

Подбор кадров для подпольного аппарата определялся тесным взаимодействием партийных органов и оперативных работников НКВД.

Из запаса органов НКВД были призваны опытные кадры, такие, как будущий почетный сотрудник госбезопасности, один из начальников отдела службы диверсий и разведки Г. Мордвинов, лично знавший многих участников партизанского движения в годы Гражданской войны, особенно на Дальнем Востоке. Появилась реальная возможность подтянуть кадры, абсолютно неизвестные противнику, что было очень важно, ибо мы знали, что абвер и гестапо располагают информацией о нашем партийном активе. Так, один из секретарей Николаевского обкома КП(б)У Яров, имея при себе списки некоторых подпольных организаций, был захвачен абвер-командой в тот момент, когда решался вопрос о создании нашей резидентуры на юге Украины. В результате партийный актив и подполье с самого начала в

большинстве своем оказались в руках гитлеровцев. Поэтому мы постоянно напоминали руководителям всех резидентур о необходимости крайне осторожно опираться на местный актив, оставшийся в зоне: немецко-румынской оккупации.

Хотелось бы отметить еще один момент в Постановлении ЦК ВКП(б) по организации партизанского движения. В этом документе подчеркивалось, что вербовочная работа в партизанские отряды целиком передается в распоряжение и под ответственность органов НКВД.

Необходимо внести ясность и в еще один принципиальный вопрос. Речь идет о якобы широкой подготовке к партизанской войне по линии партийных органов в пограничных районах Советского Союза в конце 20-х — начале 30-х годов. Действительно, подготовительные меры для организации партизанской войны на западе страны осуществлялись в этот период. Однако тогда просчитывались варианты ведения диверсионной работы в связи с возможным осложнением социально-политической обстановки в Польше, Румынии, Прибалтийских государствах, но никак не ведение ее на нашей территории. Генштаб и командование Красной Армии (об этом, кстати, говорится в записках на имя М. Тухачевского) отдавали распоряжения закладывать в тайники оружие и боеприпасы для успешного ведения партизанских действий, имея в виду, что главным противником на Западном фронте будет Польша, к которой, возможно, присоединится Германия. Для складирования запасов в расчет брался опыт партизанского движения и диверсионных операций, проводимых в 20-е годы на территории Восточной Польши.

Когда в 1941 году мы с участием ветеранов этих партизанских действий, будущих Героев Советского Союза С. Ваупшасова, Н. Прокопюка, К. Орловского проанализировали эти планы, то оказалось, что они были совершенно неадекватными обстановке, которая сложилась к тому времени. Изменилась конфигурация границ. И самое, пожалуй, главное — в районах Западной Белоруссии, Прибалтики и на бывших территориях Польши, отошедших к нам, сложилась неблагоприятная социально-политическая обстановка. Здесь сильны были антисоветские настроения и оппозиция.

Как известно, примером массового мужества и героизма стало партизанское движение в Белоруссии, которое с самого начала войны возглавил первый секретарь ЦК ВКБ(б) Белоруссии П. Пономаренко (кстати, единственный из первых секретарей ЦК компартий союзных республик). Пономаренко понимал, что создание агентурнооперативного аппарата является важнейшим условием, обеспечивающим масштабность партизанского движения.

Уже в июле 1941 года в Белоруссии активно действовал в тылу противника партизанский отряд под командованием заместителя начальника 1-го отдела секретно-политического управления НКГБ Белоруссии Н. Морозкина, который имел полную информацию обо всем, что происходит на оккупированных территориях. Отряд длительное время находился в районе Бобруйска. В основном это были оперативники НКГБ, сотрудники НКВД и милиции. 22 июля 1941 года сообщалось, что в отряде 74 человека, в том числе много сотрудников Бобруйского горотдела НКВД под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Залогина, того

самого Залогина, который совершил первые диверсионные операции: подорвал мосты под Гомелем и на Слуцком шоссе. Сотрудник этой оперативной группы П. Филимонов, прошедший довольно унижительную процедуру спецпроверок, после выхода из тыла противника стал одним из направлена нашей службы по работе в тылу противника.

К нам поступали данные о том, что под Бобруйской успешные действия партизан на коммуникациях немцев привели к их значительным потерям. Взрывы мостов железнодорожных путей — все это сбивало наступление гитлеровцев, значительно затрудняло их продвижение. Это подтверждало правильность наших предположений относительно диверсий в немецком тылу. Выигрыш времени тогда имел первостепенное значение.

К 8 июля было сформировано 15 партизанских отрядов в Пинской области. Их возглавили советские руководители и чекисты. Один из них — Корж — стал Героем Советского Союза. 12 отрядами командовали работники НКВД — начальники райотделов и их заместители, начальник паспортного отделения милиции, оперработники НКВД. Эти люди прекрасно знали местную обстановку кадры агентуры, хорошо представляли себе антисоветский элемент, ставший на путь сотрудничества с врагом.

Как уже говорилось, при отборе на должность командиров партизанских отрядов прежде всего учитывалась прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт.

Н. Прокопюк, А. Рабцевич, С. Ваупшасов, К. Орловский — все они не только участвовали в партизанской войне против белополяков в 20-е годы, но и сражались в Испании. В резерве была большая группа, воевавшая на Дальнем Востоке. Практически репрессии конца 30-х годов не коснулись специалистов по диверсионной технике и приборам. Все они были активно задействованы.

Что касается обстановки на Украине, то она складывалась не совсем удачно для нас. С. Ковпак и Н. Федоров, создавшие в лесах на базе советско-партийного актива крупные партизанские соединения, представляли собой изолированные очаги сопротивления. Массовое партизанское движение на Украине развернулось лишь в 1942 году.

На начальном этапе войны организация партизанского движения задумывалась как создание второго фронт действующего в тылу у немцев. Его главной задачей был сбить темп наступления и продвижения фашистских войск. Поучителен в этой связи опыт руководства партизанским движением в Белоруссии. Первая директива ЦК Компартии Белоруссии о развертывании партизанского движения в тылу противника появилась 1 июля 1941 года, еще до принятия Постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск». А записка первого секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии Пономаренко в августе 1941 года на имя Сталина характеризовала его как широкомыслящего человека, умеющего ставить серьезнейшие задачи. Пономаренко ссылаясь на положительный опыт нападения на тылы противника, подчеркивая, например, что при перевозке эшелоном танков, которые представляют для нас грозное оружие, их могут вывести из строя в

результате успешной диверсии железной дороге два-три подрывника.

Пономаренко принадлежит идея создания системы учения и подготовки кадров, привлечения наиболее квалифицированных людей для проведения спецопераций коммуникациях противника.

В записке Пономаренко названы меры, которые стали очень эффективными в партизанском движении, правда, не в форме его организации, а в современном для того времени оснащении средствами минно-диверсионной войны. Пономаренко писал, что выявились очень умелые и хорошо знающие диверсионное ремесло руководители, которых он лично видел в деле. Дивизионный комиссар Туманьян, полковник Мамсуров. Назван был еще капитан Потрохальцев, один из будущих руководителей Разведупра Генштаба Красной Армии, и организатор диверсионной колы ЦК ВКП(б) Белоруссии полковник И. Старинов.

Пономаренко предлагал, создать 12–15 диверсионных кол с десятидневным курсом практического обучения, где в мастерских изготовлялась бы взрывная техника. В каждой школе планировалось обучать 500 человек. Ежедневно одну школу заканчивали бы 50 человек. Из выпускников можно было бы укомплектовать свыше сотни диверсионных групп. Для начала, писал Пономаренко, это было бы очень кстати. «Прошу обратить внимание на это дело и помочь ему, — писал Пономаренко Сталину. — Результаты превзойдут все ожидания».

Школу ЦК ВКП(б) Белоруссии, находившуюся в городе Орле, как накопившую опыт, Пономаренко предлагал сделать центральной по подготовке инструкторов-диверсантов и передать Брянскому фронту. Подготавливать диверсантов необходимо не только для направления в тыл, но и работы в прифронтовых районах в зоне 100–150 километров от фронта. Пономаренко доказывал, что подготовленные школой диверсанты действуют наиболее надежно, процент выполнения ими боевых заданий колеблется от 50 до 60 процентов. Кроме того, для этого вида работы, по ее мнению, очень подходят девушки, женщины и подростки, пожилые люди, то есть группы местного населения, на которые противник не обращает особого внимания.

Любопытно, что вначале диверсионные операции предполагалось осуществлять с помощью сигнальщиков которых решено было направлять в тыл к немцам. Уже в июле появилась специальная директива народного комиссара госбезопасности о том, что из числа проверенных лояльно настроенных к нам лиц, а также из числа агентов, которые не могут быть использованы для более активных целей, следует организовать кадры сигнальщиков. Оставаясь на территории противника, они должны были всеми доступными им способами — ракетами, кострам включением света ночью — во время налетов нашей авиации подавать световые сигналы, указывая тем самым места расположения особо важных объектов противника.

В этот же период была издана директива о специальных акциях на аэродромах противника. В ней говорилось, что быстрое наступление немецких войск неизбежно повлечет за собой перебазирование самолетов. Известные нам аэродромы становились объектом диверсионной работы.

В сентябре — октябре 1941 года стало очевидным, что нахождение в тылу противника партизанских соединений чрезвычайно эффективно, поскольку они и

диверсионные группы отвлекают на себя крупные воинские соединения. Поэтому в Генштабе и в НКВД склонялись к тому, что складывающееся движение сопротивления в тылу противника по состоянию к осени 1941 года следует рассматривать как особый фронт борьбы на коммуникациях немецко-фашистских войск. Этот очень важный вывод сделал заместитель начальника оперативного управления Генштаба в то время генерал-майор А. Василевский. Тогда Пономаренко и Берия поставили вопрос перед Сталиным о взаимодействии операций партизанских отрядов с обороняющейся и контратакующей Красной Армией.

В то время мы такие вопросы обсуждали уже на уровне Генштаба и НКВД, Попова и Маленкова в ЦК ВКП(б), которым Сталин поручил заниматься этим.

Партизанское движение было сильно не только тем, носило народный характер, но и своей организованностью. Немцам, несмотря на предпринимаемые карательные операции, не удалось подавить его. Они не смогли нанести удар по самой сердцевине сопротивления. Без Ликвидации организационной основы партизанского движения, его штабов, руководства наших оперативных Групп, отдельных видных руководителей нельзя было рассчитывать на успех в подавлении партизанских отрядов.

Как известно, сопротивление националистов в Прибалтике и Западной Украине после Великой Отечественной войны прекратилось только тогда, когда были ликвидированы и разгромлены их штабы. Сделать это мы смогли с помощью агентурного проникновения в их руководящие организации, благодаря разжиганию внутренних противоречий. Кроме того, нам удалось взять под контроль основные линии связей националистического Подполья с зарубежными центрами, поддерживавшими его идеологически и материально. Без этого не могло Идти и речи о стабилизации обстановки и мирной жизни в Западной Украине и Прибалтике.

Трудные задачи организации борьбы в тылу врага

Организация разведывательно-диверсионной деятельности в связи с быстрым продвижением противника требовала прежде всего взвешенного подхода, хотя делать это необходимо было в крайне сжатые сроки. Обнаружилось явное несоответствие в разграничении функций между органами военной контрразведки и нами. Военная контрразведка способствовала заброске разведывательно-диверсионных групп в прифронтовую полосу. Для этого она имела большие возможности. Но вся тяжесть работы по организации партизанского движения и разведывательно-диверсионной деятельности на базе периферийных служб НКВД и агентуры, которая осталась на оккупированной территории, легла на плечи аппарата Особой группы — 2-го отдела НКВД.

Прежде всего нужно было наладить использование агентуры в тылу противника, чтобы установить, какие зоны из занятых им территорий находятся под его контролем.

К этому времени нами и военной разведкой был окончательно вскрыт замысел противника на «молниеносную войну». Очень остро встал вопрос, как воспользоваться провалом гитлеровских планов для нанесения противнику максимального ущерба. Из материалов, поступающих из областных управлений, райгораппаратов НКВД, сложилась довольно неожиданная картина. Мы также анализировали ту информацию, которую получили от единений и частей, выходящих из окружения. Но общение с ними было исключительно важным. Мы только фильтровали этих людей, отсекая враждебную агентуру, но и узнавали об обстановке в оккупированной местности. Выяснилось, что часть районов, занятых противником, фактически не находилась под его временным или постоянным контролем. В связи с этим Эйтингтон внес важное предложение, которое активно поддержал Генштаб, — подготовить специальную карту занятых противником территорий для руководства НКВД и Верховного командования, которая давала бы представление реально складывавшейся там оперативной обстановке.

Наши офицеры совместно с направлениями Генштаба, выделили три группы районов, занятых врагом. В первые попали места, где размещались центры коммуникации снабжения наступающей немецкой армии. Они находились под неполным контролем противника и представляли собой весьма уязвимую цель, так как коммуникации были растянуты. Немцы не могли обеспечить охрану передвижении грузов на всем протяжении железных рог, особенно в колоннах с танками или бронемашин не везде был введен комендантский час.

Вторая категория — глубинные районы сельской местности, которые вообще находились вне зоны контроля противника. Они были удалены от основных дорог и коммуникаций, что создавало благоприятную ситуацию развертывания широкого партизанского движения, самое главное — в перспективе они представляли со прекрасную базу для организации снабжения партизанских соединений, а также складирования вооружен боеприпасов.

Третья группа — главным образом крупные населенные пункты — находилась

под пристальным контролем немецких войск. В этих районах были введены жесткий контрразведывательный режим, постоянное наблюдение за местным населением. Немецкие военнослужащие, не появлялись на улицах в одиночку. Хотя машины с руководящим составом двигались, как правило, без охраны.

С учетом этих условий мы должны были определить основные цели для нанесения ударов, а также те районы, где можно было организовать проверку и переподготовку нашей агентуры.

Нам удалось вскрыть ряд особенностей в действиях противника. Например, немецким командованием были допущены серьезные просчеты. Их войска двигались вдоль основных дорог, не контролируя при этом боковые. Неумело выбирались позиции при пересечении лесистой и заболоченной местностей.

Постепенно нам становилось ясно, каким образом можно создать противнику невыносимый режим, не давать ему ни днем, ни ночью покоя. Было решено, что предпочтительнее проводить налеты на вражеские соединения после 18–19 часов вечера, перед тем как стемнеет, выходить с поля боя под покровом ночи, активно использовать минирование и завалы при отходах, приспособлять наши действия в зависимости от времени года, особенно приближающейся зимы.

Мы сделали выводы о характере партизанских действий на территории Белоруссии. Лесистая местность очень благоприятствовала разведке. Белоруссия и Смоленское направление стали основным полигоном для развертывания разведывательно-диверсионной работы. И не случайно. Решалась судьба Москвы — главной цели гитлеровского блицкрига.

Август и сентябрь 1941 года можно назвать переломным этапом в формировании партизанского движения. Дело в том, что Пономаренко, правильно поставивший вопрос об организации диверсионной работы в тылу врага, благодаря которому в полную мощь был использован потенциал Разведывательного управления Генштаба и НКВД, к сожалению, заблуждался относительно того, что в тылу противника возможно формирование массовых партизанских армий.

Я принимал участие в нескольких совещаниях по этому поводу и в ЦК, и в Генштабе, и у Берии в НКВД. Рассуждения о формировании в тылу противника массовых партизанских армий произвели на меня удручающее впечатление. Наше военное командование, особенно ветераны Гражданской войны, не представляли себе всех преимуществ в оснащении немецкой армии, возможностей ее авиации по сравнению с партизанами, вооруженными лишь легким стрелковым оружием. Вести речь о создании массовых партизанских армий, которые не имели бы даже артиллерийской поддержки, соответствующих технических средств для ведения войны, было, по меньшей мере, несерьезно.

Важной проблемой для нас стало обеспечение партизан вооружением. Мы потеряли на территории, оккупированной противником, большое количество складов боеприпасами и горюче-смазочными материалами. Значительное количество их мы вынуждены были при отступлении подорвать, так как вывезти не было возможности.

Тем не менее в тылу противника постепенно складывался организованный

фронт вооруженной борьбы. Нами по линии НКВД с большим напряжением сил постепенно отработывалась система взаимодействия поддержки организации партизанского движения как с органами фронтового управления, так и с Разведывательным управлением Генштаба.

Уже к осени 1941 года в тылах немцев сложилась реальная угроза нарушения их главных коммуникаций. Партизаны западных областей РСФСР совместно с оперативными группами НКВД и Разведупра Красной Армии удерживали, например, на Смоленщине районные центры Батурино, Выходы, Глинки, Дорогобуж, Угра, Холм, Жирки, Понизовье, Свобода. На Орловщине — пять районных центров. Брянские партизаны успешно громили немецкие гарнизоны. Все это создавало, естественно, нервную обстановку в немецких штабах и не могло не влиять на развитие событий на фронтах.

В этой связи заслуживает внимания документ, который перехватила группа В. Зуенко, свидетельствующий об оценке немцами масштабов войны в их тылах. Немецкое командование еще в августе издало приказ о том, что оно рассматривает даже местное население в трудоспособном возрасте как потенциальных военнопленных.

Этот приказ в значительной мере, мне кажется, приоткрывает вопрос относительно подсчета военнопленных Красной Армии. Цифра взятых в плен военнослужащих Красной Армии, безусловно, завышена, ведь немцы рассматривали в качестве военнопленных не только военно-служащих, а всех военнообязанных лиц, находящихся на занятой ими территории.

В приказе гитлеровского командования было записано, что «отношение к местному населению должно быть как к военнопленным». Такие действия, безусловно, предопределили ожесточенное отношение со стороны немецких захватчиков к советским людям и соответствующую ответную их реакцию. Думаю, что цифры относительно советских военнопленных нуждаются в тщательной корректировке. Материалы архивов НКВД могут помочь в этом деле.

Поскольку это важный вопрос, подчеркну, что мое мнение основывается на приказе от 24 сентября 1941 года командира 40-й немецкой пехотной дивизии Рендулича, перехваченном оперативной группой В. Зуенко, где говорится: «Чтобы покончить со всеми сомнениями, еще раз приказываю: всех местных жителей в возрасте, пригодном для военной службы, в обязательном порядке превращать в пленных, подозрительные элементы уничтожать».

Август и сентябрь 1941 года — это период, когда нам удалось правильно сформулировать не только задачи разведывательно-диверсионной борьбы в тылу противника, но и определить места проведения операций в связи с планами советского Верховного командования. Эти два аспекта борьбы в тылу врага — массовое партизанское движение и разведывательная диверсионная деятельность — были тесно связаны друг с другом.

Среди поставленных перед нами главных задач были сбор и поступление непрерывной информации о дислокации и перемещениях немецко-фашистских войск, их численном составе, боеспособности и уязвимых местах, что давало

возможность четко спланировать подготовку и организацию боевых действий по линии нашего спецназа — отрядов войск Особой группы для диверсий на коммуникациях противника.

В связи с развитием массового партизанского движения перед нашим спецназом ставились задачи содействовать захвату и удержанию важных административных стратегических пунктов в тылу немецко-фашистских войск, что создавало бы для них нервную обстановку. Предполагалось развернуть группы специального назначения в местах расположения немецких штабов, на территориях, имеющих для нас важное политическое значение.

Учитывая, что противник уже использовал против партизан и местного населения как специальные карательные отряды, так и вспомогательные воинские части, спецназ НКВД должен был быть готовым вести бои за удержание партизанских баз и базовых районов, заманивать противника в засады, заблаговременно подготавливать районы и опорные пункты партизанского движения.

Очень важное значение приобретало минирование объектов противника и отработка тактики непосредственного боевого соприкосновения с врагом. Необходимо было разработать тактические наставления, как действовать малыми боевыми группами, отходить на заранее оборудованные и пристрелянные позиции. Наши люди должны были знать местные условия, чтобы иметь возможность осуществлять эффективный маневр на местности. Особое внимание в связи с подготовкой кадров для спецназа уделялось оснащению его подразделений снайперами, специалистами-саперами.

Мы столкнулись с огромными трудностями — нехваткой личного состава и технических средств. Непривычным и незнакомым для нас было блокирование немцами транспортных маршрутов на оккупированной территории, создание блокпостов, введение контроля над дорогами и, наконец, полное господство в воздухе, что, как подчеркивали специалисты, имевшие опыт войны в Испании, сильнейшим образом затрудняет развертывание партизанского движения в тылу противника, сковывает подвижность партизанских соединений, подставляет под удар их базы снабжения.

Несмотря на эти трудности, размах диверсий на тыловых коммуникациях врага непрерывно возрастал. В период с начала войны по 16 сентября 1941 года в тылу немецко-фашистских войск было разрушено 447 железнодорожных мостов, в том числе в тылу группы армии «Центр» — 117, группы армии «Юг» — 141 мост. Удары по немецким коммуникациям, нанесенные нашими диверсионными группами и партизанами, сбивали темп немецкого наступления. Противник вынужден был выделить до 300 тысяч солдат для охраны важных объектов в тылу.

Вместе с тем фронт боевых действий осенью 1941 года, неумолимо приближался к Москве. Задействование спецназа и оперативных групп НКВД для противостояния врагу, проверка боеспособности разведывательно-диверсионных подразделений советских органов госбезопасности, непосредственно на фронте, а также в его ближних и дальних тылах стало первейшей задачей в нашей повестке

дня. Предстояло в тяжелых боевых условиях сражения за Москву провести тщательную подготовку.

Глава 12. Битва за Москву

Спецназ начинает с обороны

О возможном скором наступлении немцев на Москву разведка предупреждала уже в 20-х числах сентября 1941 года (сразу же после захвата ими Киева). Оставалось десять дней до начала немецкого «решительного броска». Вопросы обороны столицы были под особым контролем руководства советских органов госбезопасности. При этом в самом начале войны мы переоценивали угрозу выброски противником десантных подразделений для проведения диверсий и дезорганизации положения в городе.

Надо сказать, что уже 24 июня 1941 года по линии НКГБ СССР рассматривались вопросы борьбы с возможными парашютными десантами противника. В частности, речь шла об использовании для этого оперативных войск НКВД.

2 августа 1941 года по линии НКВД был отдан приказ внутренним войскам о создании секторов обороны под Москвой. В нем указывалось, что для борьбы с авиадесантами противника в Москве и Московской области необходимо создать два боевых участка — Западный и Восточный. Граница первого — Ленинградское шоссе, по Хорошево-Мневники, река Москва до Звенигорода, Осташево, Новоалександровка. (Основные направления прикрывались войсками НКВД на Солнечногорск и Новопетровское). Граница второго участка — левый сектор Черемушек, шоссе на Калугу, станция Серпухов и опорный пункт, создаваемый в 23 километрах южнее Малоярославца.

6 августа 1941 года последовал очередной приказ НКВД войскам Западного и Восточного боевых участков о мерах по дальнейшему обеспечению обороны на дальних подступах к Москве. Передовые отряды высылались на Лопасню, Кадынку, Кубинку. Войсками НКВД и опергруппами местных органов велось активное изучение местности будущих боевых действий.

7 августа исполняющий обязанности начальника оперативных войск НКВД СССР генерал-майор, а позднее генерал-полковник А. Аполлонов подписал специальный приказ об использовании частей внутренних войск для борьбы с десантами противника.

Приказом командующего Московским военным округом Москва и районы области (еще до начала немецкого наступления) в радиусе 150 километров вокруг столицы разбивались на сектора. Начальники секторов для ликвидации десантов должны были использовать специально выделенные для этого воинские части Красной Армии и внутренние войска НКВД. Необходимо было обеспечить их правильное взаимодействие: командирам частей НКВД, находящихся в 150-километровой зоне, в соответствии с указанным приказом дать распоряжение об установлении связи с начальниками секторов, руководящим составом местных органов безопасности.

Эти меры себя полностью оправдали, сыграв важную роль в критические дни октября 1941 года.

Сложившаяся обстановка под Москвой в октябре-ноябре 1941 года достаточно хорошо описана в многочисленной мемуарной литературе. Мне хотелось бы добавить несколько слов о принятом Верховным командованием принципиальном решении: по приказу Ставки спецназ НКВД СССР — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) — был передан в состав действующей армии. Это важнейшее решение предопределило правильное использование сил и средств спецназа в критические моменты битвы под Москвой.

В октябре 1941 года в составе ОМСБОН было более пяти тысяч человек. Бригада состояла из двух мотострелковых полков четырехбатальонного и трехбатальонного состава, саперно-подрывной роты, групп спецназначения парашютно-десантной службы, школы младшего начсостава и специалистов.

По инициативе майора Г. Шперова, саперно-подрывная рота была срочно развернута в сводный отряд инженерных войск специального назначения в количестве 770 человек, которому были приданы боевые ротные группы из первого и второго мотострелковых полков бригады.

Этот отряд влился в группу инженерных войск фронта (которыми командовал генерал-майор А. Галицкий) и активно использовался для противодействия прорыву немецких танковых подразделений к Москве. Он действовал на главных, считавшихся командованием Западным фронтом и Генштабом, танкоопасных направлениях.

Подразделения ОМСБОН минировали шоссейные грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва — Волга, вдоль реки Сетунь и близ Переделкина, западнее Чертаново, на Киевском, Пятницком, Рогаче веком и Дмитровском шоссе.

В ноябре 1941 года мы дополнительно выделили в распоряжение Ставки еще 300 подрывников. С 23 октября по 2 декабря 1941 года отряды бригады установили более 11 тысяч противотанковых, семь тысяч противопехотных мин, более 160 мощных фугасов, подготовили к взрывам 15 мостов и два трубопровода. Отряд ОМСБОН уничтожил 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанес противнику большие потери в живой силе.

Спецназ действовал самоотверженно. Когда противник прорвался к Яхроме и начал переправлять танки на восточный берег, а разведывательно-диверсионные подразделения абвера (переодетые в красноармейскую форму, хорошо знавшие русский язык) захватили мосты, ситуацию удалось исправить только с помощью бойцов спецназа, которых бросили в бой у Дмитрова при поддержке бронепоезда № 73 войск НКВД. Спецназ отбил мосты у противника, подорвал их и тем самым заблокировал движение немецкой танковой колонны.

В это тяжелое время (помимо данных воздушной разведки) по линии НКВД в Ставку поступала самая проверенная информация о реальном положении дел на фронте под Москвой. Сейчас, читая приказы того времени, можно оценить значение совершенного подвига воинами-чекистами Дивизии особого назначения имени Дзержинского и ОМСБОН в битве под Москвой.

Вот, к примеру, строки из боевого приказа от 15 октября 1941 года. «Противник

на подступах к Москве занял города Калинин, Можайск, Малоярославец, впереди действуют части РККА. Задача оперативных войск НКВД — не допустить прорыва противника в Москву».

Москва была разбита на секторы обороны. Какие участки предписывалось защищать войскам НКВД?

Это северное и северо-западное направления. Граница справа — Ярославское шоссе, слева — Можайское шоссе. Части войск НКВД прикрывали Ленинградское шоссе, военно-учебные части — район Ржевского вокзала.

Прикрытие направления Мытищ обеспечивалось противотанковой обороной северо-западнее станции Лосино островская. Разведку предполагалось вести в районах Мытищи — Пушкино.

Части Дивизии имени Дзержинского заняли позиции у стадиона «Динамо»: перед ними стояла задача прикрыть направление Ленинградского шоссе. На платформе Первомайская была выставлена противотанковая оборона второй ее рубеж проходил в районе Спасской школы. Необходимо было находиться в постоянной готовности выступить на окраины города. Разведку планировалось проводить в направлении Ржевки.

Другие части Дивизии имени Дзержинского сосредоточились в районе Ваганьковского кладбища. Они прикрывали направление Тушино — Серебряный бор. Противотанковая оборона оборудовалась на рубеже Рублево.

В самом центре. Москвы — в районе площадей Маяковского и Пушкина к 8 часам утра 16 октября 1941 года был расположен резерв войск НКВД — Отдельная бригада особого назначения.

А вот другой приказ, звучавший тогда еще более грозно. Он был отдан 16 октября 1941 года в 16.55. Подразделениям Дивизии имени Дзержинского и ОМСБОН предписывалось не допустить прорыва мотомехчастей противника в Москву. Дивизия и бригада преграждали им путь городу в направлении площади Восстания — Кунцево.

Было приказано организовать непрерывное наблюдение, выдвинуть артиллерийские батареи в район Смоленской площади и развернуть их на Можайском шоссе Бережковской набережной, Новодевичьем кладбище, улице Усачева.

Резерв дислоцировался в Кисельном переулке, дом 11 (в помещении Высшей школы НКВД). Бригада спецназа, оставаясь в резерве командира второй мотострелковой дивизии войск НКВД, должна была подготовить оборону район площади Свердлова, Красной площади площадей Маяковского и Пушкина. Стояла цель — не пропустить противника через Садовое кольцо и одновременно быть готовым к действиям в направлении Ржевский вокзал, Ленинградское шоссе, Волоколамское шоссе Спецназ также должен был поддерживать общественный порядок на прилегающих улицах.

Именно в эти дни отряды ОМСБОН по приказу Ставки Верховного Главнокомандования ставили минно-взрывные заграждения на северных подступах

к Москве, на рубежах, где оборонялись 10-я, 16-я и 30-я армии. В ноябре-декабре 1941 года сводный отряд ОМСБОН численностью 230 человек в боевых условиях проводил минно-подрывные работы от Солнечногорска до Химок.

В критический момент в битве за Москву я оценил правильность принятого руководством НКВД решения воздержаться в сентябре 1941 года от массовой засылки разведывательно-диверсионных групп нашего спецназа в тыл противника на Западном направлении.

В сентябре я несколько раз пытался получить санкцию руководства НКВД на то, чтобы рейды наших спецгрупп в тыл противника носили постоянный характер. Однако массовые рейды спецназа были запрещены. Кроме групп Медведева и Флегонтова, я от руководства никаких санкций на регулярный «выброс» других оперативных групп не получил. Колебания относительно их использования, видимо, были связаны с тем, что Берия и Меркулов чувствовали приближение грозовой обстановки и потому весь спецназ предпочитали иметь в своем распоряжении на случай чрезвычайного обострения ситуации на Западном фронте.

Берия и Меркулов, очевидно, располагали информацией также и по линии военной разведки о готовящемся немцами наступлении на Москву. Необходимо в этой связи подробнее остановиться на вопросах работы нашей и немецкой разведок.

Немцы не располагали достоверной информацией о силах, средствах и, главное, резервах Красной Армии. В директиве Главного командования вермахта № 35 от 6 сентября 1941 года ставилась цель решающей операции против «группы армий Тимошенко». Но Тимошенко, как известно, не командовал Западным фронтом в это время. Из этого нетрудно сделать вывод, что противник не знал советского командования, которое ему противостояло.

Мы были лучше проинформированы о замыслах противника. Генштабу и НКВД удалось систематизировать получаемую информации об обстановке в прифронтовой полосе и о подготовке немецких войск к наступлению. Эти сведения нашей агентуры в сочетании с разведанными воздушной разведки были своевременно доложены в Ставку. 27 сентября 1941 года Ставка приказала войскам перейти к жесткой и упорной обороне и предупредила о готовящемся немцами наступлении.

К концу сентября нами были вскрыты намерения противника. Несмотря на то, что директивой Ставки командующему Западным фронтом генерал-полковнику И. Коневу было приказано обратить особое внимание на прикрытие направления на Вязьму, командующему Резервным фронтом С. Буденному прикрыть рославльское направление, командующему Брянским фронтом А. Еременко указано на опасность наступления противника на брянское орловском направлении, должных мер по координации действий фронтов принято не было. Ожидаемый удар противника не был отражен.

Известно, что немцы сосредоточили против нас мощную ударную группировку, которая насчитывала около миллиона человек — 77 дивизий, до двух тысяч танков. Из-под Ленинграда Гитлер перебросил фактически дополнительную танковую армию. Но это превосходство противника не было подавляющим. Мы имели тоже немалые силы — 800 тысяч человек, свыше 6800 орудий и минометов, 780 танков,

до 550 самолетов. С моей точки зрения, их было достаточно, чтобы активно обороняться, не допустить катастрофического прорыва фронта. Однако мы не смогли отразить наступление противника, не имея согласованного плана действий фронтов по противодействию немецкому наступлению. Вместе с тем бойцы Западного и Брянского фронтов совершили подвиг. В окружении, своей упорной обороной они сковали 28 немецких дивизий, рвавшихся на Москву. Противник вынужден был до трети своих сил, в том числе основные соединения пехоты, бросить на борьбу с окруженными частями Красной Армии.

Это не вписывалось ни в какие планы немецкого командования, не предполагавшего наличия серьезных проблем, связанных с уничтожением окруженных группировок Красной Армии. Немцы рассчитывали, что сразу начнется массовая сдача в плен. Но люди героически сражались и погибли, оттянув на себя колоссальные силы противника. Тем самым было выиграно время. Немецкие танки без сопровождения пехоты, связанной боями с окруженными частями Красной Армии, приостановили свой бросок к Москве. Мы должны склонить головы перед памятью погибших в этом героическом и трагическом сражении.

Горжусь достойным вкладом в защиту столицы ОМС БОНа и наших рейдовых партизанских диверсионных соединений. Они сыграли важную роль в срыве операции вермахта «Тайфун» по окружению, захвату и затоплению Москвы. Читаю о признании роли чекистских диверсионных операций в дневниковых записях командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока, рвавшегося к Москве: «Использование победы под Вязьмой более уже невозможно, налицо недооценка силы сопротивления врага, его людских и материальных резервов... русские сумели настолько усилить наши транспортные трудности разрушением почти всех строений на главных железнодорожных линиях и шоссе, что фронт оказался лишенным самого необходимого для жизни и борьбы... в ошеломляюще короткий срок русские снова поставили на ноги разгромленные дивизии, бросили на фронт новые силы из Сибири, Ирана и Кавказа... потери офицерского и унтер-офицерского состава пугающе велики... стремление коротким штурмом разгромить русских было заблуждением».

Ложные цели для немецких самолетов

Хотелось бы сказать еще об одном аспекте в битве под Москвой. Столицу обороняла 90-тысячная трудовая армия москвичей. Ополченцами и мирным населением осенью 1941 года оборудовалось более 5,5 тысячи огневых сооружений, строились противотанковые рвы и эскарпы на Протяжении 1350 километров. Было выбрано 80 миллионов кубометров грунта, уложено 25 тысяч тонн цемента, 52 тысячи тонн щебня и гравия, израсходовано около 60 тысяч кубометров леса, большое количество арматурной стали и колючей проволоки.

Надо сказать, что еще в июле — августе 1941 года командование Московского военного округа, предвидя возможные ожесточенные бои на подступах к столице, создавало систему тыловых оборонительных рубежей, включая Вяземскую, Можайскую линию и Московскую зону обороны. Вяземская линия, оборудованная в 50–80 километрах от переднего края обороны войск Западного фронта, состояла из двух оборонительных полос. Можайская линия строилась с целью прикрытия дальних подступов к Москве, на Волоколамском, Можайском, Малоярославецком направлениях. Кроме того, на этих важнейших направлениях оборудовалось девять промежуточных рубежей. Создавались также укрепленные районы полевого типа. Заранее подготовленные оборонительные позиции позволяли эффективно использовать сравнительно мало численные резервы, сдерживая натиск немцев.

Следует также подчеркнуть, что в ноябре 1941 года, и в особенности в кульминационный период битвы к началу декабря, противник стал утрачивать превосходство в воздухе. Под Москву были переброшены наши дополнительные авиационные части, оснащенные новыми бомбардировщиками Пе-2, штурмовиками Ил-2, истребителями МиГ-2, вооруженными реактивными снарядами. Мы в самый критический период битвы под Москвой вводили в бой свежие резервы и не устаревшую, а новую боевую технику.

Не могу не указать еще на одну роль войск НКВД в битве под Москвой. В связи с быстрым продвижением противника громадное значение приобретала оперативная информация и использование ВЧ-связи. Эта связь находилась целиком в руках органов НКВД. Понятно, что оперативная информация с использованием ВЧ-связи играла колоссальную роль в принятии правильных военных решений. Ставка, Сталин могли по ВЧ надежно управлять ситуацией и контролировать боевые действия. Работа войск ВЧ-связи в этот тяжелый период заслуживает восхищения: в отдельных случаях ВЧ-связь проводилась непосредственно даже в боевые порядки батальонов и полков, которые вели на передовой тяжелые оборонительные бои.

Несмотря на то, что Москва была прифронтовым городом, ощутимого ущерба немецкие бомбардировки ей не нанесли. Существенных разрушений не было. Это стало возможным благодаря многоярусной системе противовоздушной обороны столицы, созданной еще в июле-августе. То, что в Москве почти не было разрушений от бомбежек, сильно действовало на западных дипломатов и специалистов, которые до приезда к нам были знакомы с разрушительными действиями немецкой авиации в Польше, Франции, Голландии и Бельгии.

Знаменательно, что неизмеримо большими по сравнению с Москвой (прифронтовым городом в октябре 1941 — январе 1942 года) были разрушения Лондона и других английских городов, подвергнутых ожесточенным налетам немецкой авиации. Всех иностранных представителей, которые оказывались в Москве, поражала атмосфера спокойствия, выдержанности и четкой дисциплины. Сейчас совершенно очевидно, что созданная из десяти поясов противовоздушная оборона показала свою высшую для того времени эффективность.

Особо следует подчеркнуть, что с помощью чекистских органов с 30 июля по 28 ноября 1941 года в разных местах Москвы и Московской области были осуществлены крупнейшие за всю историю войны операции по дезинформации противника путем создания ложных целей для бомбардировок немецкой авиации. Было построено семь макетов заводских корпусов, два макета элеваторов со всеми службами, макет нефтебазы, ложный военный лагерь, девять ложных аэродромов с макетами самолетов. Все это очень сильно ввело в заблуждение ВВС противника.

Из официальных сводок известно, что на Москву немцы совершили 141 налет, сбросили 1610 фугасных бомб. В результате были убиты 2200 и ранены около шести тысяч жителей Москвы, разрушено 167 и повреждено 276 жилых домов. Было также повреждено 115 промышленных предприятий.

Однако почти одну треть — 585 фугасных бомб противник сбросил на ложные объекты. На них же немецкие летчики сбросили и 158 осветительных бомб. Таков довольно существенный вклад в защиту столицы органов НКВД, в структуре которых действовали подразделения местной противовоздушной обороны (ПВО).

Партизаны-чекисты в Подмосковье, организация агентурного подполья в столице

В срыве планов противника по захвату Москвы существенную роль сыграли успешные контрнаступательные операции Красной Армии на юге в районе Ростова и под Тихвином. В эти дни мы тоже делали все для того, чтобы осложнить работу немецких штабов под Москвой. Большую роль в этом сыграли рейдовые партизанские соединения московского управления НКВД, которые сформировали в короткий срок на базе истребительных батальонов. Разведывательно-рейдовые партизанские отряды под командованием В. Карасева, М. Филоненко, И. Солнцева и Д. Каверзнева разгромили штаб немецкого корпуса под Москвой, своими беспокоящими налетами ми нервировали противника в самый ответственный момент битвы за столицу. Преимущество этих отрядов заключалось в том, что комплектовались они из советских партийных и оперативных работников, прекрасно знавших местность и обстановку в Московской области. Случали оперативные удачи. Например, наша оперативная группа захватила в районе Жиздры сына председателя времени горкомитета Государственной думы царской России князя Львова, который считался потенциальным претендентом руководящие кадры администрации на оккупировано немцами территории и который мог быть ими использован в случае формирования каких-либо политических групп и движений. Он был отправлен в Москву.

На занятой противником территории эффективно действовали созданные по линии Московского областного управления НКВД пять подпольных оперативных групп резидентур в районе Солнечногорска, Рузы, Можайска и других мест.

Обстановка диктовала и необходимость проработки решений, связанных с созданием московского подполья на случай занятия столицы противником. Важным над правлением нашей работы становилась подготовка соответствующих легенд для возможного развертывания нелегальных резидентур в Москве. Мы исходили из того, что «легендирование» следует строить на наличии «антисоветских групп» в командном составе Красной Армии и остатков контрреволюционных монархических организаций услугами которых, безусловно, захотят воспользоваться немецкие спецслужбы.

Организация агентурного подполья в Москве имели свои принципиальные отличия. Намечалось создать два агентурных аппарата. Один — на базе связей и контактов людей из партийно-советского актива. Другой аппарат должен был подбираться из людей, совершенно не контактировавших с этим активом в прошлом. Двум независимым друг от друга резидентурам предписывалось оперативные боевые задачи решать самостоятельно. Меркулов предложил жил вначале, чтобы я стал главным нелегальным резидентом НКВД по Москве в случае занятия ее немцами. Я дал согласие, однако Берия аргументированно возразил Меркулову. Было принято (не оформленное приказом по наркомату) решение назначить на эту работу начальника центрального аппарата контрразведки П. Федотова с подчинением ему всех резидентур, которые создавались по линии НКВД и партийно-советского актива. (Это решение сейчас кажется спорным. Ведь ни в коем

случае не следовало давать какую-либо, даже минимальную возможность немецким спецслужбам захватить фигуру такого уровня.) Берия обосновал это назначение тем, что Федотов лично Хорошо знал партийно-советский актив столицы и большую часть агентуры НКВД, которую намечалось оставить на подпольной работе. Это обстоятельство, конечно, позволяло бы Федотову в экстремальной обстановке принимать решения об использовании оперсостава и агентуры с учетом лично ему известных деловых качеств людей.

Вообще, в боевой обстановке успешно руководить оперсоставом и агентурой можно лишь в том случае, если ты лично знаешь возможности своих подчиненных. Поэтому я категорически против создания временных сводных оперативных групп для решения контрразведывательных задач в боевой обстановке и, тем более, для разведывательно-диверсионных операций.

Очень важно, что, несмотря на тяжелое положение, сложившееся на фронтах, на то, что вражеское кольцо вокруг Москвы неумолимо сжималось, мы ни на минуту не забывали о борьбе со спецслужбами врага. Именно в октябре 1941 года мы начали отзывать с фронта нашу агентуру, которая оказалась призванной в ряды Красной Армии. Делалось это для того, чтобы подготовить людей для работы против спецслужб противника и использовать их в глубоко легендированных операциях для проникновения в штаб-квартиры абвера и гестапо.

При колоссальной потребности в людях мы очень взвешенно и бережно использовали ценную агентуру из числа иностранцев и политэмигрантов. Я категорически выступил против немедленной заброски в тыл противника ценных агентов — немцев, австрийцев, венгров, поляков, кто мог работать в экстремальных условиях и хорошо знал обстановку в странах Европы, оккупированных немцами. Неразумно было распорядиться ими для затыкания дыр. Поэтому в составе нашего спецназа они всегда держались в особом резерве, на самый крайний случай. (Только испанцы приняли участие в составе ОМСБОН в боях под Москвой.) Интернациональную часть спецназа мы «приберегали» и потому, что приходилось считаться с возможностью развязывания против нас военных действий с территорий стран, поддерживающих фашистскую Германию, которые еще не были вовлечены в войну.

Поскольку я возражал против участия воинов-интернационалистов в тяжелых боях, у меня было много конфликтов с активистами Коминтерна. Испанская, венгерская и итальянская боевые группы буквально рвались в бой, обращаясь по этому поводу в нарушение субординации (они состояли в штате ОМСБОН, то есть войск НКВД) к руководству Коминтерна и к Сталину.

Надо отметить еще один важный момент. Речь идет в беспокойной обстановке, складывавшейся в Турции, Иране, Афганистане и в Маньчжурии на нашей границе с Японией. В связи с обострением угрозы войны, возможными непредвиденными обстоятельствами мы предпринимали меры предосторожности, усиливали агентурно-оперативную работу на границе с этими странами. И неслучайно, что в этот период руководство органов безопасности пошло на значительное усиление нашего разведывательно-диверсионного агентурного аппарата в этих районах. Квалифицированные, опытнейшие кадры — Н. Эйтингон, Л. Василевский, Г.

Мордвинов, И. Агаянц, М. Алахвердов, Н. Белкин, М. Фридгут — были направлены в Турцию, Иран и Афганистан, туда, где существовала потенциальная опасность развязывания новой вспышки военных действий, где начала складываться уникальная возможность военно-технического, политического и разведывательного сотрудничества нашими союзниками в тайной войне против Германии и Японии. Но это особая тема.

Помнится, 5 октября меня вызвал к себе Меркулов. От него мы прошли в кабинет Берии, который проинформировал нас о том, что положение на Западном фронте резко ухудшилось. Он сказал, что противник перешел в наступление, по-видимому, цель у него одна — выйти к столице и захватить Москву. Исходя из этого, нам предстояло готовиться к худшему. К этому времени мы уже находились на казарменном положении.

В связи с наступлением немцев встал вопрос об эвакуации подразделений центрального аппарата НКВД и о взаимодействии с подразделениями Московского управления НКВД. Тогда же была поставлена задача по подготовке московского подполья. Всего предполагалось создать 12 нелегальных резидентур, пять из которых должны были быть задействованы вне столицы, на занятой врагом территории. Они комплектовались сотрудниками аппарата райгоротделений НКВД. Мы тесно взаимодействовали и с партийными органами, которых, правда, интересовала в основном пропагандистская работа. Но без партийных органов решить вопрос о создании массового подполья и эффективной сети сопротивления было невозможно, ибо в партаппарате был централизованный учет всех коммунистов, на которых можно было опереться.

Для обеспечения подполья предстояло вблизи Москвы и в городе скрытно заложить около 100 продовольственных баз и складов оружия. Необходимо было подготовить так называемую маршрутную агентуру с целью регулярной передачи сведений о движении вражеских частей под Москвой.

Было создано в кратчайший срок специально на случай непредвиденных обстоятельств три радиоцентра, один из которых, в Кучино, должен был дублировать связь с нелегальными резидентурами в Москве. Интересно, что одна из наших подпольных радиостанций была развернута в подвале кукольного театра Сергея Владимировича Образцова, который тогда находился на площади Маяковского.

Для координации деятельности советско-партийного подполья от ЦК ВКП(б) предполагалось оставить сравнительно мало известного человека — заведующую Отделом школ ЦК ВКП(б) Варвару Пивоварову. Намечалось также задействовать бывших секретарей райкомов партии, в частности секретаря Москворецкого райкома партии Олимпиаду Козлову (впоследствии стала ректором Инженерно-экономического института и основателем Академии управления, прообраза ныне существующей Академии управления), а также Нину Попову (ставшую позднее председателем Комитета советских женщин).

По Москве главным координатором подполья должен был стать начальник контрразведывательного отдела Московского НКВД Сергей Федосеев. Особую

резидентуру предполагалось создать во главе с майором госбезопасности (позднее генерал-майором) Виктором Дроздовым. Он имел большой опыт борьбы с бандформированиями и националистическим подпольем на Украине. Незадолго до войны его назначили заместителем начальника московской милиции. Одну из резидентур должен был возглавить Павел Мешик, бывший нарком госбезопасности Украины. Ему поручалась организация диверсий на транспортных магистралях Москвы.

В кратчайшие сроки была проведена колоссальная работа по отбору людей для подполья. Она была очень трудоемкая, требовавшая большого внимания и терпения. Нужно было выписать паспорта, создать легенды на оставшихся в Москве людей. Больше всего мы ломали голову над тем, каким должен был быть правдоподобный ответ на неизбежный вопрос: почему человек остался в Москве?

Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения. Опыт организации подпольных групп в начале войны свидетельствует о громадных потенциальных возможностях и высоких результатах агентурной работы накануне войны. У нас были серьезные агентурные позиции во враждебной советскому строю среде. По этой причине оперативные группы имели в своем составе профессиональных чекистов и лиц, которые сразу могли внушить доверие противнику.

14 октября 1941 года мой заместитель Н. Эйтингон доложил лично Берии предложения по организации восьми диверсионных групп в рамках реализации «Московского плана» в случае занятия столицы противником. В эти группы входили бывшие эсеры, анархисты, священнослужители и бывшие воспитанники Болшевской трудкоммуны ОГПУ, в прошлом уголовные преступники.

Важным моментом было «социальное лицо» подставляемой противнику агентуры, намечаемой для участия не просто в диверсиях, а для обеспечения подхода к объекту, запланированному к уничтожению, в том числе к видным представителям немецкого командования, оккупационных властей и спецслужб.

Чтобы не быть голословным, приведу некоторые примеры данных на агентов, прошедших по нашей линии специальную подготовку. Агент «Тиски» — инженер, спортсмен, из дворян, мать осуждена НКВД на восемь лет за связь с сотрудниками немецкого посольства в 1938 году. Намечался для внедрения в руководство молодежных фашистских организаций.

Агент «Сазонов» — бывший белогвардейский офицер, участник крупнейшей антисоветской банды Пепеляева, планировался для покушения на деятелей оккупационной администрации. Агент «Кавказский» — бывший офицер царской армии, бывший крупный московский коммерсант, имел жену — врача-гинеколога с солидными связями в Берлине. Агент «Строитель» — инженер-железнодорожник, дворянин, бывший миллионер-предприниматель располагал обширными связями среди белой эмиграции, князей, царских генералов. Агент «Шорох» — бывший белогвардейский журналист, профессор литературы, бывший провокатор царской охраны.

Не были забыты нами и женщины. Намечались к рискованной работе агент «Евгеньева» — жена бывшего немецкого барона, расстрелянного в 1918 году, наш

старый проверенный источник, агент «Ли́ра» — аспирант консерватории, сотрудница профессора Квитко, видного украинского националиста, прогерманской ориентации, под прикрытием которого должна была вестись разведывательная работа.

Свою роль должны были также сыграть семейные пары из среды видных театральных деятелей и работников культуры.

Возникла потребность в специальном изготовлении писем от родственников. Содержание их определялось с учетом разработанных нашими специалистами биографий. Переписка с мнимыми родственниками легендировалась по всем правилам почтовых отправок.

В связи с подготовкой подполья нами была предпринята и другая специальная акция. Были изъяты, уничтожены или переписаны книги прописки и регистрации. Вся эта работа осуществлялась в очень сложной обстановке и в самые кратчайшие сроки. О ходе подготовки спец-мероприятий регулярно докладывалось руководству НКВД.

Помимо меня, Мельникова, Эйтингона этой напряженной работой круглосуточно занимались М. Маклярский, Л. Сташко как руководители направлений разведки, командиры ОМСБОН М. Орлов, В. Гриднев, С. Иванов, С. Волокитин, А. Авдеев, оперработники П. Масся, А. Шитов (Алексеев).

Мы также готовили для противника «приманку». Предположительно ею мог стать Лев Константинович Книппер, композитор, немец по происхождению, проживавший вместе с женой Марией Гарикиной на Гоголевском бульваре. Задачи, поставленные перед группой Книппера, были особыми. Он стал спецагентом-групповодом и должен был действовать в Москве по разнарядке «Д», то есть для осуществления диверсионных актов, операций и акций личного возмездия против руководителей германского рейха, если бы они появились в захваченной столице.

Особая роль отводилась молодой сотруднице 1-го (разведывательного) управления НКВД, его особой группы, младшему лейтенанту А. Камаевой-Филоненко, которая под видом активистки баптистской общины координировала бы использование установленных закамуфлированных взрывных устройств. Ей одной было поручено привести в действие по особому сигналу мощные взрывные устройства, которые предполагалось заложить в местах появления главарей гитлеровского режима или командования вермахта.

В качестве приманки для немецких спецслужб должен был с большим риском действовать еще один человек. Его преимущество заключалось в том, что он был известен немецкой разведке еще в годы Первой мировой войны, находясь в Германии на стажировке еще до 1914 года. Был известен в искусствоведческих кругах Берлина и Лейпцига. С 1920-х годов Алексей Алексеевич Сидоров, для нас источник «Старый», активно помогал органам ОГПУ— НКВД в борьбе не с мнимым, а реальным немецким шпионажем. (Сидоров — видный советский историк искусства, книговед и библиофил, член-корреспондент АН СССР, профессор МГУ с 1916 по 1950 год.)

Осенью 1941 года он должен был прикрывать в Москве наших боевиков.

Позднее сыграл важную роль в подстраховочных мероприятиях по обеспечению радиоигры с немецкой разведкой в 1942–1945 годах по широко известному теперь делу «Монастырь».

Москву немцы не взяли, но мы отметили боевыми медалями за большую работу по подготовке подполья Л. Книппера и его жену, А. Сидорова. Другой участник подготовки нелегального боевого аппарата в грозную осень 1941 года полковник в отставке И. Щорс. Он, кстати, и вручал медаль «За оборону Москвы» Алексею Алексеевичу Сидорову.

Эти люди были подлинными патриотами нашей Родины, преданными ей до последнего вздоха, несмотря на то, что их ближайшие родственники были репрессированы и трагически погибли. Я хотел вытащить их близких из лагерей в 1941 году, но было уже поздно — никого в живых не осталось. Но мы прямо сказали Алексею Алексеевичу и Марии Гариковне Книппер об этом. Хитрить с людьми, готовыми к самопожертвованию, было невозможно. Несмотря на тяжелую и горестную весть, эти люди ни разу не усомнились в правоте и Справедливости выбранного ими тяжелого пути борьбы со злейшими врагами нашей Родины.

К акциям возмездия против немецкого командования под руководством М. Маклярского мы готовили и актерский ансамбль во главе со «Свистуном» — Николаем Хохловым, позднее ставшим перебежчиком. Планировалось, что Хохлов вместе с группой акробатов, выступая перед немецкими высшими офицерами, во время эстрадного номера — жонглирования — должны были забросать их гранатами.

Для проведения разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника нами были переведены по городу Москве на нелегальное положение 43 работника Центрального аппарата НКВД, 28 работников Управления НКВД по Москве и Московской области. 11 оперработников должны были осуществлять руководство 85 агентурными группами, охватывающими 400 человек агентурно-осведомительной сети. Каждый оперативник имел на связи два — три групповода, которые в свою очередь выходили на двух — четырех агентов или осведомителей. Для особого резерва вне Москвы и области нами было дополнительно создано 28 резидентур с охватом 87 человек агентурноосведомительной сети.

Основное внимание предполагалось уделить сбору разведывательной информации. На это нацеливались основные силы из агентуры. Для совершения диверсионных актов нами было запланировано привлечь 200 человек. 101 человека выбрали для осуществления акций специального возмездия в отношении членов гитлеровского руководства.

Большей части наших агентов и осведомителей нами поручалось проведение специальной дезинформационной работы. На эти цели мы бросили агентурно-осведомительную сеть Московского управления НКВД и специальную резидентуру, которая передавалась в подчинение В. Дроздову. Выступая в качестве заместителя управляющего аптечным хозяйством Москвы, ему поручалось войти в доверие к немцам. Для установления с ними хороших отношений он должен был отдать в их распоряжение некоторое количество медикаментов. Для дезинформации и

распространения листовок предполагалось использовать более 160 человек из партийно-советского подпольного аппарата.

Оперсостав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры были обеспечены запасами продовольствия на два-три месяца. Для осуществления связи с ними мы разработали соответствующие пароли.

20 октября 1941 года был издан приказ, касающийся минирования важнейших объектов столицы. Но взорвать эти объекты можно было только по особому приказу, а ряд объектов, представляющих историческую ценность, скажем, Колонный зал Дома союзов (бывшей Дворянское собрание), Большой театр и другие столь же известные и ценные в историческом плане здания можно было взорвать только в случае, если бы они использовались для размещения высшего немецкого руководства (появление которого нами, как это теперь видно, ошибочно предполагалось в столице).

Особое внимание уделялось минированию Гознака. Мы не могли допустить, чтобы в руки немцев попали какие-либо наши госзнаковские официальные бланки, документы и оборудование. Это грозило самыми тяжелыми последствиями.

Следует отметить, что мы также заминировали несколько правительственных дач под Москвой (среди них, правда, не было дачи Сталина). Их разминирование было оформлено специальным актом в ноябре 1942 года.

Особая миссия была возложена на нас в Подмосковье по контролированию водоснабжения столицы в ноябре 1941 года. С нашим молодым сотрудником Игорем Щорсом, поступившим на службу в НКВД в 1940 году, горным инженером по профессии, Маклярский и я провели инструктаж, снабдили его документами и устроили на работу главным инженером водного хозяйства в пригороде Москвы, недалеко от сталинской дачи. В случае занятия этого района немцами ему надлежало использовать системы водопровода и канализации для диверсий и укрытия агентов.

В результате бомбардировок часть водопроводных труб оказалась поврежденной, и это мешало нормальной подаче воды на дачу Сталина. Щорс руководил ремонтными работами, которые вели сотрудники охраны, аварию удалось быстро ликвидировать — за три часа. Его наградили орденом «Знак Почета», но получить эту награду он не смог, так как она была присвоена человеку, чьи документы Щорс использовал для устройства на работу, а в то время нельзя было раскрыть его настоящее имя. В 1945 году Щорса послали в Болгарию, где он должен был обеспечить добычу и Отpravку урана в Советский Союз для нашей атомной промышленности.

После моего ареста в 1953 году я узнал, что обвиняюсь еще и в том, что планировал использовать мины, установленные на правительственных дачах, для уничтожения советских руководителей. Следователи заявляли, что мины могут быть приведены в действие дистанционным управлением по приказу Берии для уничтожения преемников Сталина. Все это было грубым вымыслом. И в конце концов выпало из перечня лживых обвинений еще в апреле 1958 года.

Были и недочеты в работе по минированию. Так, подготовка к уничтожению

важнейших объектов шла и по Московской области. Серьезный инцидент произошел на Мытищинском заводе Наркомата вооружений, который считался ведущим в отрасли и фигурировал в списке ГКО. Его эвакуацией в глубь страны руководил лично Борис Львович Ванников, ставший позднее народным комиссаром боеприпасов. Уникальное оборудование завода укрыли в контейнеры в октябре 1941 года и должны были отправить на Восток. Заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать и свои семейства со всем скарбом. Для этого был задействован весь легковой транспорт предприятия. Эвакуация происходила на глазах значительной части рабочих. Это вызвало их возмущение и послужило причиной стихийно организованного митинга. На завод направили зам. наркома внутренних дел И. Серова. Оборудование было эвакуировано. Руководство предприятия и участников митинга протеста репрессировали и реабилитировали лишь после смерти Сталина.

Интересно, что наши действия по созданию московского подполья не прошли мимо противника. В отчете штаба немецкой полиции безопасности (СД) о положении в СССР за февраль 1942 года, который оказался у нас в 1944 году, фигурировали планы создания «специальных боевых большевистских организаций НКВД в Москве». Указывалось на то, что в Москве существенную угрозу представляет нелегальная боевая организация НКВД. Говорилось также и о том, что она была создана на случай оккупации Москвы немецкими войсками, отмечалось, что главным для русских было проведение акций против немецких войск, организация саботажа и террора.

Москва — особая охранная зона

12 октября 1941 года появилось совершенно секретно Постановление ГКО под № 765 «Об охране Московской зоны». В нем, в частности, говорилось:

«В связи с приближением линии фронта к Москве необходимостью наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Поручить НКВД СССР взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве с запада и юга и по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна, Кашира. Указанную зону разбить на семь секторов: Калининский, Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, Серпуховской, Коломенский, Каширский.

2. Начальником охраны Московской зоны обороны назначить заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комиссара госбезопасности III ранга тов. Серова.

3. Организовать при НКВД СССР штаб охраны Московской зоны, подчинив ему в оперативном отношении расположенные в зоне войска НКВД — 6 тысяч человек по особому расчету, милицию, районные организации НКВД, истребительные батальоны и заградотряды.

4. Установить, что дорожно-эксплуатационные полки, автодорожное управление НКО в оперативных вопросах организации регулирования движения и установления порядка на важнейших магистралях, ведущих к Москве, обязаны безоговорочно выполнять указания начальников соответствующих секторов штаба охраны Московской зоны НКВД СССР».

Это постановление подписал Сталин. Оно — свидетельство того, что, во-первых, порядок в тыловых районах, прилегающих к зоне боевых действий, был установлен, а во-вторых, оно говорило об исключительной роли, которую сыграли органы НКВД в битве за Москву.

После эвакуации основных оперативных управлений, архива и других подразделений в Куйбышев и Горький руководство НКВД, включая Л. Берия, В. Меркулова, Б. Кобулова, И. Серова, В. Чернышева, разместилось в Высшей школе пожарной охраны, находящейся недалеко от ВДНХ. Сейчас там также располагается Высшая школа пожарной охраны МВД. Там тогда находился кабинет Берии. В общем кабинете по соседству — в большой учебной аудитории — расположились Кобулов, Серов, Чернышев и я.

В эти дни мы пережили несколько стрессовых и драматических моментов. Например, 15 и 16 октября, когда обострилась обстановка, среди беженцев на шоссе Энтузиастов появились панические слухи, которые распространялись с быстротой молнии. Но благодаря своевременно предпринятым мерам и грамотным действиям работников НКВД никакого существенного ущерба элементы паники не нанесли.

16 октября неожиданно были выведены из строя передающая радиостанция Наркомата Морского Флота в Томилине и приемная радиостанция этого же наркомата в Вешняках, кроме того, разрушены радиобюро и автоматическая

телефонная станция, размещенная в Наркомате Морского Флота. В результате этого лишились радиосвязи пароходства в Ленинграде, Мурманске, Архангельске, Астрахани, Махачкале. Все это нервировало руководство и, естественно, были приняты самые строгие меры в отношении начальника центрального узла связи Наркомата Морского Флота Березина. Как выяснилось, именно он отдал распоряжение о разрушении станции и передавал его по прямому проводу начальникам радиостанций, находившихся в Томилине и Вешняках. Этими действиями был нанесен большой ущерб и было временно потеряно управление морским транспортом.

В боях под Москвой ОМСБОН понес первые серьезные потери — погибли первый комиссар бригады, одно время секретарь парткома Разведывательного управления НКВД, капитан госбезопасности А. Максимов и заместитель командира бригады полковник И. Третьяков. Более 50 спецназовцев погибли в боях на ближних подступах к столице. Однако приближение переломного момента в битве за Москву в нашу пользу ощущалось все более явно. Меня особенно восхищал высокий уровень боевого мастерства бойцов и офицеров А. Авдеева, В. Токарева, Э. Соломона, А. Саховалера, М. Бреусова, Д. Гудкова, П. Дмитриева, М. Егорцева, А. Шестакова, М. Петрушиной и многих других. 75 спецназовцев, отличившихся в битве под Москвой, «за образцовое выполнение заданий командования и нанесение тяжелого урона противнику» были награждены высокими правительственными наградами.

Именно в боях под Москвой прошли боевое крещение в тылу врага и в минно-подрывной войне будущие руководители прославленных партизанских соединений Герои Советского Союза Д. Медведев, Е. Мирковский, М. Прудников, В. Карасев, Б. Галушкин.

Еще несколько штрихов к Московской битве. Должен сказать, что подготовка наступления наших войск под Москвой в полном масштабе держалось в строжайшем секрете. И даже несмотря на то, что я возглавлял фактически самостоятельную разведывательную службу, остававшуюся в Москве, меня только проинформировали о том, что мы «воспользуемся, — я цитирую слова Берии, — благоприятно складывающейся для нас обстановкой в декабре, когда немецкие войска утратят свои наступательные возможности». Интересно, что и мы в НКВД, по данным от наших партизанских групп в тылу немцев, и военные в Генеральном штабе пришли в конце ноября 1941 года к общему выводу, что противник выдохся и остановлен Красной Армией. По линии НКВД мы руководствовались тогда не спецсообщениями, а просто опросами наших командиров партизанских диверсионных соединений, действовавших в тылу противника. Не могу не вспомнить в этой связи одного из руководителей таких отрядов Д. Каверзнева и героически погибшего сотрудника райотдела НКВД И. Солнцева, ставшего одним из первых чекистов — Героев Советского Союза.

Переход Красной Армии в масштабное контрнаступление 5 декабря был для меня приятной неожиданностью. Я понимал, что события на фронте меняются в лучшую для нас сторону. Уже в ноябре чувствовалась нарастающая уверенность нашего командования в исходе сражения.

В Ставке, в военном руководстве столицы установился режим напряженного спокойствия. Кризис в битве под Москвой после ноябрьских праздников 1941 года миновал.

Кардинальное изменение обстановки под Москвой в нашу пользу поставило перед органами НКВД новые задачи. Его спецназ, несмотря на понесенные потери, по-прежнему был высокобоеспособной ударной силой, способной действовать теперь на коммуникациях отступающего противника. Особенно обернулось колоссальным плюсом то, что мы не растеряли наши кадры подрывников и диверсантов в горниле Московской битвы. Ведь именно они позднее проявили себя блестяще и в партизанской войне.

Урок битвы под Москвой заключается и в том, что спецназ госбезопасности в критический момент сражения являлся резервом особого назначения Ставки.

20 декабря по случаю годовщины ЧК никаких торжественных собраний не было, никаких торжественных речей не произносилось. Берия собрал в этот день оперативное совещание руководящего состава. На нем, по поручению Сталина, он поставил передо мной ответственные задачи по развертыванию зафронтной работы в тесном взаимодействии с командованием Красной Армии. Придавалось исключительно важное значение перенесению акцента наших усилий, в соответствии с поручением Жукова, на разрушение коммуникаций отступающих немецких войск. Ответственными за исполнение плана действий наших спецотрядов зимой 1941–1942 годов были мой новый заместитель В. Какучая и мой связник в подполье во Франции в 1937 году Л. Сташко.

На этом же совещании рассматривался и вопрос об уроках борьбы с немецко-фашистской агентурой, действовавшей в нашем тылу. В выступлении Берии сквозила озабоченность тем потенциалом, каким обладают немецко-фашистские спецслужбы и их сателлиты для ведения тайной войны против Советского государства после поражения под Москвой. Вызывало беспокойство, что вся масса недовольных людей, связанных с остатками антисоветского подполья, будет использована немцами вместе с большим количеством военнопленных и дезертиров, оказавшихся на оккупированной врагом территории. Мы уже имели сведения о формировании оккупантами местных администраций, вспомогательной полиции и это, конечно, не могло нас не настораживать.

Берия также поставил задачу: перенести усилия в контрразведывательных операциях на внедрение нашей особо проверенной агентуры в немецко-фашистские службы и оккупационную администрацию. Это задание рассматривалось в качестве важнейшего направления зафронтной работы НКВД.

На этом же оперативном совещании (где были вновь приступивший к своим обязанностям начальник контрразведки Федотов, начальник Транспортного управления Мильштейн, возглавлявший военную контрразведку Абакумов) Берия подчеркнул, что наступает новый период неизбежно затяжной войны с фашистской Германией, когда нам придется вести ее длительно без поддержки второго фронта союзников. И поэтому помимо зафронтной работы в тылу врага в этих условиях необходимо значительно расширить сбор информации, позволяющей оценить

насколько наша армия, наши ресурсы и резервы отвечают требованиям такой войны.

Были даны конкретные приказания по агентурному освещению и контролю за ходом строительства и соблюдением (установленных лично Сталиным) сроков ввода в эксплуатацию всех главных предприятий оборонной промышленности и машиностроения, эвакуированных на Восток летом и осенью 1941 года. Под тщательный контроль органов НКВД переходило также отслеживание соблюдения графиков железнодорожных перевозок и разрядок на распределение продовольственных ресурсов на фронте и в тылу, наблюдение за состоянием санэпидемиологического надзора с целью иметь упреждающую информацию для противодействия вспышке массовых тифозных заболеваний в тылу Красной Армии.

На этом совещании мной были доложены первые итоги деятельности наших резидентур и партизанских отрядов в тылу врага. Заработали радиостанции оперативных групп в Николаеве, Одессе, Киеве, Харькове и Ворошиловграде, постепенно наладился поток информации об обстановке на оккупированной территории.

Надо сказать, что руководство советских органов госбезопасности в экстремальной обстановке 1941 года успешно решило важнейшую организационную проблему: была создана система эффективного взаимодействия органов разведки и контрразведки, определены эффективные формы использования соединений пограничных, внутренних войск и спецназа. Это обеспечивало бесперебойную, слаженную и результативную работу наших спецслужб в критический и, по сути, решающий период (так неудачно для нас начавшейся) Отечественной войны.

Следует сказать и о наших ошибках в оценке ситуации в конце 1941 года. Это особая тема. Оптимизм доминировал во всех выводах и прогнозах развития обстановки на фронтах после поражения немцев под Москвой, Ростовом и Тихвином. Мне лично известно, что в этот период Сталин находился в отличном настроении: для него была очевидной неизбежность поражения Германии в длительной затяжной войне с нами, США и Англией.

Встречаясь с прибывшим в Москву министром иностранных дел Англии Иденом в декабре 1941 года, он был полностью осведомлен по агентурным каналам о планах наших союзников. Стало ясно, что они увязли в войне с Японией и ситуация на дальневосточном театре не представляла уже для нас смертельной угрозы в ходе нашей войны с Германией. Это тоже настраивало нас на оптимистический лад. Но вместе с тем я хотел бы отметить, что тогда наши иллюзии были связаны также с недостаточным пониманием характера и тактики вооруженной борьбы с германским фашизмом.

Нам казалось: зима ломает сама по себе немецкие коммуникации, думали: германская армия побежит, не приспособленная воевать зимой. Предполагалось, что вот-вот повторятся события 1812 года.

Все это базировалось и на полученных из Берлина и Брюсселя разведывательных донесениях от «Красной капеллы» об истощении запасов бензина, боеприпасов, об износе немецкой техники в боях на Восточном фронте.

Я, воодушевленный победой, писал почти ежедневно открытки и письма семье, эвакуированной в Уфу, о близком и полном разгроме врага. Хотя должен отметить, что, несмотря на перелом в битве под Москвой, Центральный аппарат НКВД и все службы в полном объеме вернулись в Москву и заработали на полный режим лишь весной 1942 года.

Конечно, успокаивающим нас фактором было снижение активности немецкой авиации. Редкие налеты на Москву в декабре 1941 года также указывали на кардинальный перелом в военных действиях в нашу пользу.

Интересно, что в оценках перспектив развития обстановки на советско-германском фронте ошибались не только мы, но и разведка союзников и аналитики финской военной разведки. Гитлеру после поражения под Москвой предсказывали на Западе решительное поражение в зимней кампании 1942 года. Французские и финские эксперты ошибочно полагали, что для немецкого командования ничего не остается, кроме как попытаться пойти на отчаянный бросок к Москве летом 1942 года, чтобы решить исход войны в свою пользу.

В январе 1942 года, когда немцев уже отбросили от Москвы, мы заполучили важный документ — разведдонесение Генштаба вооруженных сил Франции о положении германских войск на Восточном фронте. Он был датирован 3 января 1942 года. В нем констатировались серьезные разногласия в германской военной верхушке, в частности факт увольнения Гитлером фельдмаршала Браухича, командовавшего сухопутными войсками. Из донесения следовало, что главные силы бронетанковых войск в Германии, все отборные дивизии, почти вся авиация были брошены на штурм Москвы. Указывалось на итоги боев три четверти дивизий и бронетанковых сил немцев, участвовавших в сражениях, были полностью истощены материально, физически и морально.

К сожалению, в этом разведдонесении делался совершенно неверный вывод. Говорилось, что если русское наступление продолжится после 15 января 1942 года с той же интенсивностью, то немцы, вынужденные укреплять фронт и делать постоянные замены, не смогут получить необходимую передышку для реорганизации своих соединений и подготовить новое большое наступление в России, планируемое к весне. Любопытно, что французские аналитики считали, что новое немецкое наступление сможет состояться, но не принесет Гитлеру нужных результатов. Информатор французов считал, что даже если не принимать во внимание «англо-саксонский фактор», немцам, чтобы покончить с Россией, будет необходим 1942-й, 1943-й и даже 1944-й год, ибо Германия полностью завязла в России.

К донесению был прикреплен листок со сведениями: об источнике сообщения. Им являлся офицер высокого ранга, бывший начальник разведбюро Эстонской армии. После присоединения Эстонии к СССР перешел на службу в финскую армию. В то время он служил офицером, связи финского Генштаба при командующем немецкой группы армий «Север». Интересно, что он всегда восхищался Германией, твердо верил в ее победу, которая могла бы, по его мнению, способствовать восстановлению независимости Прибалтийских государств.

Наши разведчики Зоя и Борис Рыбкины, добывшие этот документ в Стокгольме, конечно, совершили большое дело. Но анализ, имевшийся в нем, был в высшей степени субъективным. Давалась явно завышенная оценка нашим возможностям развить успешно начатое в декабре контрнаступление под Москвой.

Но вот что интересно: Сталин на совещании в Ставке почти слово в слово повторил то, что содержалось в этом разведсообщении, предложив Генштабу разработать мероприятия по широкому зимнему наступлению Красной Армии против немцев на всех фронтах.

Запасное помещение Ставки Сталина в Москве

В июне 1992 года мы встретились в госпитале с моим старым знакомым, одним из руководителей охраны Сталина генерал-майором Д. Шадриним. Прогуливаясь в парке, мы как бы перенеслись с ним в события лета-осени 1941 года. За год до войны Шадрин был назначен начальником третьего спецотдела НКВД СССР.

Сразу после начала войны Берия поставил перед ним задачу: подобрать в Москве место, где Ставка могла бы, укрывшись от бомбежек, постоянно работать. Курировал этот вопрос И. Серов как заместитель наркома. Для запасного помещения Ставки Шадрин присмотрел на улице Кирова небольшое здание, теперь там находится приемная министра обороны. Шадрин еще раньше хотел его занять под специальную резидентуру. Несколько раз по этому поводу звонили наркому здравоохранения Митереву, в чьем ведении находился особняк. Но тот не уступал. Когда Шадрин вместе с Серовым пришли в очередной раз осматривать здание, они натолкнулись на коменданта, саркастически встретившего их: «Опять приехали!» Тем не менее, они прошли внутрь, осмотрели все помещения.

Почему выбор пал на этот особняк? Мы знали, что прямо под ним был прорыт туннель с выходом на перрон станции метро «Кировская». Тогда его проход был завален какими-то мешками и ящиками. Здесь хранились запасы медикаментов. Дали команду за четыре часа все освободить. По тревоге подняли инженерные подразделения Московского военного округа и саперов. Доложить о работе нужно было немедленно. Серов отправился к Берии, но на месте того не оказалось. Он был у Сталина. Серов и Шадрин поехали в Кремль. Сталин, естественно, по такому мелкому вопросу их не принял, поручил все Поскребышеву.

Вопрос о здании Наркомздрава, который долгое время не сдвигался с места, немедленно был решен. Поскребышев позвонил Митереву и подтвердил, что по приказу Сталина необходимо немедленно освободить помещение к 4 часам дня 23 июня, а аппарат Красного Креста, там работавший, переселить в любой санаторий под Москвой. «Какой вам понравится, хоть из управления делами Совнаркома», — заключил Поскребышев.

К сроку все было готово — помещения освобождены, туннель расчищен. Шадрин доложил Берии: «Можно посмотреть, все подготовлено». И вот все члены Политбюро, кроме Сталина, Калинина и еще кого-то, приехали на улицу Кирова. Сначала их завели в особняк, потом на грузовом лифте члены Политбюро спустились в метро. Поезда на станции «Кировская» уже не останавливались. Всем место запасной Ставки понравилось. Можно было хорошо организовать работу. «Вот здесь между столбами, — указал рукой Берия на две колонны, — сделать кабинет Сталина и приемную». Распорядился, как лучше сделать.

Потом поднялись наверх, снова зашли в особняк. Берия, обращаясь к Шадрину, сказал: «Вот здесь будет второй кабинет Сталина, здесь кабинет Молотова, здесь мой, а здесь расположится приемная человек на 50. Поставишь столы. Срок — четыре дня». Шадрин взмолился: «Товарищ нарком, ну как можно успеть все это сделать за четыре дня? Уже один день прошел. Осталось три». Но Берия был

непреклонен.

Четверо суток Шадрин не спал. В 16.00 26 июня доложил Берии: «Товарищ нарком внутренних дел, можно приехать». И опять приехали все члены Политбюро, кроме Сталина. «Молодец!» — сказал Берия после осмотра.

Под вечер, часов в шесть Берия позвонил Сталину: «Товарищ Сталин, помещение можно посмотреть». Сталин спросил: «Где?» Берия ответил: «Охрана знает». Приехал Сталин. Опять всех всюду провел Шадрин. Всем понравилось.

Внизу была кухня, там тоже все отремонтировали и там же приготовили ужин. Шадрин в этот день ничего не ел. Поэтому он обратился к Власику, начальнику охраны Сталина, с предложением спуститься на кухню и перекусить. Только сели за стол, бежит офицер из охраны: «Вызывает Сталин».

В особняке вдоль коридора, там, где была приемная, накрыли столы, и руководство после ознакомления с помещениями направилось туда. Сюда поднялся и Шадрин: «Товарищ Сталин, по вашему приказанию прибыл». Сталин спросил: «Вы здесь руководите?» — «Так точно!» — последовал ответ. Берия: «Налить ему стакан коньяка!» Шадрин взмолился: «Товарищ Сталин, я целый день не ел и всю ночь не спал! И вообще я не пью, почти совсем не пью». Сталин налил себе рюмку коньяку, подошел к Шадрину и протянул ему наполненный стакан: «Благодарю за хорошую работу, за изготовленное укрытие. За твое здоровье!» Шадрин снова: «Товарищ Сталин, я не могу выпить, ничего не ел». Сталин: «Твое здоровье и благодарю за хорошую работу». Выпил и снова обратился к Шадрину: «Не хочешь выпить?» Тот выпил. Дальше он ничего не помнил: и как привезли в кабинет, и как полтора дня проспал. Когда проснулся, вызвал секретаря отдела: «Сколько времени? — спросил его. — Почему не разбудил?» В ответ услышал: «Мне было приказано вас не будить».

Потом, в конце 1941 года, начали делать бомбоубежище для Сталина в Кремле. По окончании его строительства Сталин в запасной Ставке на «Кировской» больше не бывал. Здание на улице Кирова, где было первоначальное убежище Сталина, до сих пор стоит, его только несколько перестроили.

Торжественное заседание на «Маяковской»

О торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, которое состоялось 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская», написано довольно много. Я хотел бы остановиться только на ряде моментов, меня взволновавших и запомнившихся на всю жизнь.

Я узнал о заседании, которое должно было открыться в восемь часов вечера, лишь за три часа до его начала. Позднее мне стало известно, что накануне проводилась большая работа по его подготовке. 5 ноября станцию метро посетили Берия, Маленков и Микоян. В тот день она была закрыта для движения поездов и использования в качестве бомбоубежища.

Колоссальная работа была проведена по оборудованию станции. Этим занималось не только управление охраны НКВД, но и работники метрополитена. Станция превратилась в прекрасный зал. С той стороны, где сейчас медпункт, построили сцену. Ее украсили бархатом. Поставили бюст Ленина. В самом зале были расставлены стулья, пол устлали коврами. Внизу над эскалатором висело красное полотнище с надписью: «Да здравствует XXIV годовщина Октябрьской революции!»

6 ноября немецкая авиация осуществляла свой очередной налет на Москву. По этому поводу была объявлена воздушная тревога. Отбой ее дали без четверти семь. До открытия торжественного заседания оставалось считана время.

Тогда я пользовался большим доверием руководства мне было выделено место в третьем ряду, близко от президиума и установленной трибуны. Одновременно в секретариате НКВД я получил и именной пропуск на парад на Красной площади, который должен был состояться следующий день. Пропуск на парад был не заполнен, я сам вписал в него свою фамилию. Маленький же пропуск с приглашением на торжественное заседание, напечатанный мелким шрифтом в спецтипографии НКВД был безымянным и действительным только при предъявлении документа.

Станция метро «Маяковская» приобрела вид настоящего театра. Чтобы хорошо был слышен голос докладчика, кругом висели репродукторы. С одной стороны станции стоял поезд. Двери вагонов были открыты. В них развернули буфет.

Руководство страны прибыло на специальном поезде с противоположной стороны и вышло на перрон станции из вагона. Сталина встретили овацией.

Все были в военной форме, в гимнастерках, с ордена ми. Присутствующие понимали торжественность происходящего, понимали, что это заседание войдет в историю.

Его открыл председатель Исполкома Моссовета Пронин. Затем внимательно слушали доклад Сталина. После его выступления зал взорвался аплодисментами. Стали-несколько раз подавал сигнал их прекратить, но зал продолжал аплодировать. Сидевшие на задних рядах, чтобы лучше разглядеть Сталина и членов Политбюро, встали спинки стульев. Охрана попыталась было их сдержать, из этого ничего не

вышло. Советский военный и партийный актив невозможно было унять.

Когда Сталин вместе с Маленковым и Берией стал уходить из президиума, аплодисменты возобновились. Они были настолько сильными, что Сталин вынужден был вернуться к столу президиума. Овация долго не смолкала. Сталин качал головой и показывал на часы. По залу минут десять бушевали волны восторженного вдохновения. У присутствовавших утвердилась уверенность в близкой победе под Москвой несмотря на тяжелое положение на фронте.

Я нашел в Сталине заметные перемены. Мне было с чем сравнивать. С ним я встречался в 1940 году. Спокойствие и уверенность в себе остались неизменными, но мне показалось, что физически он несколько сдал.

После концерта, завершившего торжественное заседание, люди покидали вестибюль метро в приподнятом настроении. Я мысленно возвращался к словам Сталина, обращенным к нам, и думал, что еще можно было бы сделать, чтобы изменить положение на фронте в нашу пользу. Представлял себе участие ОМСБОНа в параде на Красной площади, полк бригады под командованием полковника С. Иванова должен был принять в нем участие. Сам парад держался в глубоком секрете. Бойцы и командир полка о нем не знали, хотя последние две недели перед ним занимались усиленной строевой подготовкой. Иванов получил приказ об участии в параде лишь днем 6 ноября 1941 года, когда был направлен в распоряжение Генерала К. Синилова — коменданта Москвы для совещания командиров частей — участников парада.

Я не заметил того, как прошел пешком от станции Метро «Маяковская» до Лубянки. Был морозный вечер. Но я совершенно не почувствовал холода.

На следующий день, 7 ноября 1941 года полк ОМСБОН, ведомый полковником Ивановым, четко печатая шаг, прошел по брусчатке Красной площади перед Мавзолеем. Наши воины представляли на параде бойцов и офицеров спецназа НКВД, сражавшегося под Москвой и в глубоком тылу противника.

Операции, проведенные боевыми группами партизан, порой приобретали стратегическое значение и сыграли важную роль в дезорганизации тыловых коммуникаций, когда в 1944 году развернулось наше наступление в Белоруссии. Эти операции известны как «Рельсовая война», или «Концерт». В канун нашего наступления в Белоруссии мы вывели из строя основные железнодорожные линии снабжения немецкой армии.

Глава 13. Нефтепромыслы Баку под прицелом НКВД в битве за Кавказ

Бакинские нефтепромыслы, ставшие составной частью Закавказского театра военных действий после вступления наших войск в Иран, всегда были в центре стратегических разработок советского военного командования и объектом деятельности как центрального аппарата нашей разведки, так и периферийных органов госбезопасности.

Известно, что еще перед завершением советско-финской войны англичане и французы разработали план их авиационных бомбардировок. Соответствующие документы четко говорили о цели этой операции — лишить СССР и Германию источников кавказской нефти. О планируемых ударах по нефтепромыслам Баку руководители страны знали из донесений разведок — военной и НКВД. Однако, к сожалению, наша разведка не сумела добыть точных данных о сроках бомбардировок Баку: назывались; и февраль, и начало марта 1940 года. Но прошел февраль, наступил март — ударов не было. Слухи о готовящихся налетах и диверсиях вызывали большое напряжение наверху, вследствие чего группировка наших войск в Закавказье была утроена.

Хотел бы остановиться подробнее на работе советской разведки по Кавказскому направлению. Большое внимание, которое стало уделяться ему, было связано, прежде всего, с успешной деятельностью двух наших крупных агентов, находившихся во враждебной нам среде кавказской эмиграции: Омери и 59-го — видного деятеля грузинской эмиграции Гигелия. С ним непосредственно работали наши резиденты в Париже в 1939–1941 и 1944–1946 годах (Л. Василевский и В. Гузовский).

Особое значение кавказским вопросам стали придавать накануне войны: были усилены наши резидентуры во Франции и Турции. Кавказское направление являлось настолько важным, что материалы о деятельности грузинской эмиграции регулярно докладывались лично Сталину как до начала, так и в течение всей войны.

Работой по кавказской линии занималась в Париже Вардо Максимилашвили, которая до окончания разведшколы в 1940 году (под руководством Е. Зарубиной) некоторое время работала секретарем Берии. В этом же направлении действовал и Г. Гукасов, взявший для командировки в Париж фамилию Кобахадзе (по аналогии с партийным псевдонимом Сталина — Коба), хотя и был армянином. Им помогал Дмитрий Пожидаев, наш молодой сотрудник. Он, кстати, совершил ряд ошибок в контактах с агентом Нормой (получившей позднее псевдоним Ада) — первой женой знаменитого члена «Кембриджской пятерки» Д. Маклейна — Кэтрин Гариссон (Кити Харисс). Пожидаев, видимо, неважно владел английским языком, из-за чего, вероятно, возникло в отношениях с ней недопонимание. Ее вынужден был принять на связь лично резидент Василевский. И когда МИД попросил откомандировать Пожидаева в его полное распоряжение, руководство разведки не стало возражать.

«Разработка» членов грузинского правительства в эмиграции меньшевиков

продолжалась и во время войны. Связи и контакты с агентами были исключительно важны для отслеживания грузинских меньшевиков, участвовавших в антисоветском движении. В Париж после окончания войны для переговоров с меньшевиками выехал доверенное лицо Берии и Сталина Петр Афанасьевич Шария — профессор, академик, который готовил предложения по возвращению грузинских эмигрантов. Это был философ, крупный ученый, позволявший себе даже спорить со Сталиным. Случалось, на даче их «растаскивали» во время дискуссий по вопросам философии. Профессору, бывало, под столом давили на ногу, чтобы успокоить и охладить его страсти.

Ранее Шария все время был помощником Берии по пропаганде. Когда же его назначили руководителем Секретариата НКВД (при переезде Берии в Москву), дела там пришли в полный беспорядок. Шарию пришлось передвинуть на научно-методическую работу: он возглавил особое бюро при наркомате, связанное с обработкой документации, анализом предложений по опыту разведывательной и контрразведывательной работы, хотя в этой области, вообще говоря, не очень разбирался. Потом читал лекции, а в годы войны оказался заместителем начальника разведки.

В 1951 году Шарил был арестован по мингрельском делу, поскольку вел переговоры с грузинскими меньшевиками (в основном с большой группой мингрелов в Париже). Зная, что один из лидеров меньшевиков грузин Гегечкори был родственником Берии, через него хотели выйти на Берию. Нужных показаний у Шарии не выбили.

Грузинские меньшевики в 1939–1940 годах пытались нелегально засылать своих эмиссаров в Грузию для контактов с Берией. Об этом мы были проинформированы агентурой заблаговременно. В связи с чем из Москвы Грузию направили начальника отделения секретно-политического отдела контрразведки В. Ильина, который в 1939 году не только вел Кавказское направление, но отвечал за «разработку» меньшевиков. Естественно, что именно ему поручили прием агента, прибывшего на нашу территорию нелегально. Берия затем допрашивал его в Москве, поскольку предполагалось использовать этого человека в дальнейшем в оперативной игре с противником. Вскоре его приговорили к двадцатилетнему заключению, и он полностью отбыл свой срок. В 1953 году его безуспешно пытались использовать в показаниях против Берии как «агента империалистических кругов и меньшевизма».

Наши агентурные позиции среди кавказской эмиграции были исключительно сильными не только во Франции, но и в Турции. Еще в начале 30-х годов П. Зубов и Л. Василевский успешно работали с уже упомянутым Гигелией. Удалось даже предотвратить планировавшееся грузинскими меньшевиками покушение на Сталина. Омери ценился тем, что был активным членом меньшевистской партии Грузии с 1918 года. В 1922 году за антисоветскую деятельность он был арестован ГПУ и более года содержался под стражей. По инициативе Берии его освободили и направили в эмиграцию. В сентябре 1939 года по поручению загранбюро меньшевиков и лично лидера грузинских меньшевиков Н. Жордани (члена РСДРП 1907–1912 гг., депутата 1-й Государственной думы) Омери вел переговоры с представителями французского, английского и польского военного командования.

Встречался со знаменитым Б. Савинковым, а также руководителем польской разведки полковником Новачеком.

59-й — Гигелия, ведя по нашему поручению политическую разведку против меньшевиков в Грузии, имея манифест Н. Жордани, выезжал на Ближний Восток, встречался в Бейруте с Главнокомандующим французскими силами генералом Вейганом. В Турции общался с представителями военного командования и французским военным атташе в Анкаре. Через 59-го мы узнали подробности плана интервенции англичан и французов против СССР в случае затягивания нашей войны с Финляндией в начале 1940 года и о выжидательной позиции Турции по этому вопросу.

В 1939–1940 годах руководство Турции клялось в дружбе Сталину вело с ним переговоры о нормализации отношений, а накануне войны тайно действовало против нас вместе с французами и немцами. Именно турки в декабре 1939 года сформировали так называемый Стамбульский совет конфедерации Кавказа. В него от грузинских меньшевиков вошли Омери и Александр Гозани, от азербайджанских мусаватистов — Хасром-бек Султанов и Мустафа Викилов, от горцев Северного Кавказа и чеченской диаспоры — Мамед Гирей, Джабагиев и др. Имелся и парижский штаб этого движения, который координировал деятельность всех националистических элементов против Советской власти в Закавказье, составивших позднее костяк созданного немцами мусульманского батальона.

В 1940 году Совет конфедерации Кавказа распался, так как его члены разъехались по разным странам: Чхенкели и Якубов, насколько я помню, остались в Париже, Менгеришвили выехал в Лондон, другие в Румынию и Турцию.

Несмотря на военный разгром Польши, против нас в 1940 году в Закавказье пыталась действовать и польская разведка. Советник посольства Польши в Турции Залесский передал нашему агенту Султанову, что из Лондона от польского правительства было получено письмо с просьбой, чтобы стамбульский филиал взял на себя функции Совета конфедерации Кавказа как координатора вооруженной борьбы против СССР.

Кавказская эмиграция при жизни Сталина всегда стремилась играть важную политическую роль. Она пыталась использовать своих родственников в Советской Грузии для выхода на лиц из окружения Сталина и Берии. Так, стремились подобрать ключи к В. Кавтарадзе — будущему заместителю наркома иностранных дел в годы войны, послу СССР в Румынии. Он был арестован в 30-е годы «за участие в заговоре меньшевиков», но затем освобожден Сталиным. Не исключалось его участие в оперативной игре. Все эти люди оказались в центре политических интриг в борьбе за власть в Грузии и в той чистке, которую затеял Сталин против мингрельцев в 1951 году. Но случайно же Гигелия был арестован именно в этом году, хотя вернулся из эмиграции в Грузию в 1946 году.

Знаменательно, что на совещании в Кремле, когда рассматривался в январе 1953 года вопрос о реорганизации разведки и создании Главного разведывательного управления МГБ СССР, Сталин вспомнил об Омери, внедренном в среду меньшевиков, и отметил, что правильная работа через эмиграцию позволяет вовремя

вскрывает внешнеполитические замыслы противника.

Проблема Бакинских нефтепромыслов беспокоила английские правящие круги в течение всей войны. Беспокоила с точки зрения восстановления влияния Англии на Кавказе и в Иране в районах крупных месторождений нефти. Казалось бы, план бомбардировок Баку в 1940 году, связанный с началом немецкого наступления на Западе и оккупацией Франции, должен был стать ненужным в 1941 году в связи с нападением Германии на СССР. Однако английская разведка все же пыталась реализовать положения этого плана, формально названные как лишение немцев источников советской нефти. Для достижения этой цели она стремилась добиться своего присутствия на Кавказе с самого начала Великой Отечественной войны.

Уже в августе 1941 года в Тбилиси прибыла английская военная миссия во главе с полковником Г. Веем. Она состояла из пяти офицеров связи и пяти технических сотрудников. Среди офицеров — капитан и командир эскадрильи Лоренс Локхард были русского происхождения семей выходцев из России. Их родственники участвовали в Первой мировой войне на Кавказе.

По Локхарду у нас была ориентировка, говорящая том, что он является сотрудником СОУ — Специально оперативного управления Британской разведки, созданного для осуществления активных мероприятий. Полковник Вей числился в штатах английской армии в Индии. О Локхарде мы тоже имели некоторые данные — он проходил по нашим «учетам»: был известным исследователем, занимающимся проблемами Персии, и еще в Первую мировую войну сотрудничал с английской разведкой затем служил в разведке штаба английских ВВС.

Миссия приехала в Тбилиси через Мосул в Ирак У нас это вызвало большую настороженность — мы связали приезд английских разведчиков туда не только с проблемой взаимодействия спецслужб накануне вступления нашей армии в Иран. Нас насторожило, что в миссию включены специалисты по нефти и эксперты по Советскому Союзу — фактически речь шла о подготовке специальной операции по минированию англичанами нефтепромыслов в Баку.

Главной задачей англичан было не подпустить немцев к нашей нефти. Интересы же Советского Союза в снабжении страны и армии нефтепродуктами имели для англичан второстепенное значение. Английская разведка настойчиво стремилась создать надежную базу для диверсионных операций в Закавказье. Поэтому с июля — августа 1941 года их разведчики значительно активизировали свои контакты с националистическими элементами. Они стремились попасть в районы Грозного, Майкопа, где была опасная оперативная обстановка в связи с оживлением бандитизма, усиленно изучали Закавказский театр военных действий.

Полученные из Англии материалы об этой миссии указывали на ее роль в сотрудничестве с нами при проведении совместной советско-английской операции по занятию Ирана и искоренению там немецкого влияния. Однако то обстоятельство, что англичане с новой энергией приступили к проработке старого плана по выводу из строя наших нефтепромыслов, вроде бы уже сданного в архив и пылящегося на полках с 1940 года, заранее обрекло их усилия на неудачу. Ведь мы были осведомлены еще за год до начала войны об основных направлениях

английских усилий, и это облегчило соответствующие меры противодействия по линии советской разведки и контрразведки.

Мы, занимавшиеся Кавказским направлением, помнили, как резко реагировал Сталин в 1940 году на данные нашей разведки о возможных бомбардировках Бакинских нефтепромыслов, хотя наша группировка в Закавказье в конце финской войны была усилена. События получили новый разворот. После анализа этой информации в Центре приняли решение значительно усилить аппарат НКГБ Грузии, Армении и Азербайджана, поручив ему «разрабатывать» английскую миссию, принимая необходимые меры на месте.

Сложность заключалась в том, что, с одной стороны, этим должен заниматься аппарат НКГБ Грузии, а с другой — военная контрразведка Закавказского округа. Но опыта в подобных мероприятиях у них было мало. Тогда из центрального аппарата контрразведки в Тбилиси командировали начальника отделения по работе против англичан и американцев Нормана Михайловича Бородина. Это был интереснейший человек, который работал нелегалом в США, американец по происхождению, родившийся за границей. У него был псевдоним «Гранит». Он являлся крупным нашим нелегалом-разведчиком (помощником Ахмерова), о котором в очерках внешней разведки написано крайне мало. Бородина по приезду вместе Ахмеровым в 1939 году из США (в отличие от Ахмерова, который остался в резерве 1-го управления, в связи с предстоящими крупными событиями, а также переоценкой тех материалов, которые у нас имелись по английскому и американскому посольствам) было решено использовать как организатора работы против английской американской разведок в Москве. Он показал себя как очень результативный работник: ему принадлежит личная заслуга в перевербовке ряда американских, английских журналистов и дипломатов.

По линии 2-го отдела НКВД в мероприятиях англичан и грузинских националистов в Закавказье участвовали С. Волокитин и Г. Рогатнев. Последний провел успешную операцию по внедрению агента «Шаховского» в грузинский профашистский националистический легион, эффективно действовавший в глубоком немецком тылу и в Италии вплоть до 1945 года.

Надо пояснить, что в работе англичан и американцев в СССР накануне войны можно выделить две линии. Одна связана с политической разведкой. В Англии этим занимался Форин офис, у американцев — Госдепартамент, а также дипломаты и журналисты. Мы об этом хорошо знали, поскольку нам в конце концов удалось подобрать ключи к шифропереписке американского и английского посольств. Мы были в курсе почти всех действий против нас.

Прямой разведывательной деятельностью занимало военный атташат Англии в СССР. Сотрудники его аппарата активно вели визуальную разведку советских военных объектов. Однако и у англичан, и у американцев была одинаковая слабость — любовь к русскому балету, вернее, к балеринам Большого театра. Поклонниками таланта стали молодой неженатый сотрудник американского посольства Л. Томпсон, военный атташе Д. Файмонвил, военно-морской атташе Д. Берил и др. Позднее, уже после войны, Л. Томпсон, приехав в СССР послом, будучи женатым человеком, регулярно приглашал к себе в посольство на ланч своих знакомых балерин

Большого театра. Надо сказать, что послы США и Англии в Москве до войны (Булит и Криппс) тоже являлись большими Поклонниками русского балета.

Норман Бородин был послан в Тбилиси начальником сводной оперативной группы для того, чтобы должным образом наладить порядок в обслуживании английской миссии, чтобы там не были трафаретно использованы наружное наблюдение, подставы агентуры, и главное для нас тогда — выявить практическую конспиративную деятельность англичан. Бородин решил эту задачу: связи англичан были установлены. Член миссии Локхард, который являлся специалистом по иранской и кавказской нефти и мог реально оценить наши топливные возможности, по нашему представлению, был отозван из СССР. Англичане не были заинтересованы в обострении отношений.

В годы войны на Кавказе ни одна диверсионная операция, задуманная при поддержке англичан, а затем немцами, не завершилась успехом. Хотя противник настойчиво искал наши наиболее уязвимые места.

Усилия советской разведки и контрразведки в Закавказье и Иране в значительной мере обеспечили устойчивое снабжение горючим частей Красной Армии и стабильную работу Бакинских нефтепромыслов.

Немцы также считали Кавказское направление наиболее уязвимым с точки зрения диверсионной работы против нас. Противник опирался на широкую агентуру из местного населения, проживающего на сопредельной территории. Поэтому немцами при составлении планов диверсионной работы всегда учитывалась объективная база проведения такого рода операций.

У немцев были сильные позиции в Иране и Турции. Кстати сказать, связь чеченских бандформирований в то время четко прослеживалась турецкими спецслужбами. Но Турция, в силу ряда причин, вела себя осторожно — для нее чеченская, кавказская карта была разменной монетой. Она находилась в хороших экономических отношениях с СССР и не хотела их портить. А Советско-германский пакт о ненападении означал для турок, что немцы не будут их поддерживать в спорах с Советским Союзом, так как они были заняты войной с Англией Францией.

Перспективы занятия Черноморских проливов англичанами, или французами, или нами в результате каких-либо договоренностей делали позицию Турции особенно уязвимой. И поэтому речь могла идти о диверсионных операциях против Советского Союза не со стороны Турции, а с Иранской территории. А турки предпочитали этот период не ввязываться в обострение отношений нами, хотя, конечно, подкармливали националистически эмигрантские организации, но сотрудничество с ними осуществлялось всегда на уровне спецслужб.

Немецкое командование в июле — августе 1941 года по линии абвера приступило к практической подготовке на падения на Бакинские нефтепромыслы. Противник, однако, преследовал еще одну цель — спровоцировать волнения среди мусульманского населения на Кавказе. В это деле немцы не могли не опираться на мусульманские националистические элементы, на сотрудничавших с ними деятелей грузинской и армянской эмиграции.

Озабоченное серьезной угрозой нарушения стабильной работы Бакинских

нефтепромыслов, а также стремясь улучшить наше стратегическое положение в Закавказье в связи с прорывом немцами нашего Южного фронта, советское руководство, как известно, договорилось с Англией о занятии Ирана войсками Красной Армии и британскими силами.

Советская разведка сыграла существенную роль в осуществлении этой операции. По линии нашей резидентуры из Турции были получены достоверные данные о нейтралитете турецких сил и о невмешательстве Турции англо-советские действия. Турецкое и иранское направления деятельности нашей разведки были укреплены опытными руководящими кадрами. На работу в Турцию и Иран направили таких людей, как Н. Эйтингон, начальника немецкого отдела разведки П. Журавлева, известных работников Л. Василевского, И. Агаянца и др. О них уже написано и сказано. Но следует упомянуть и других.

В Иран были направлены и молодые сотрудники разведки, пришедшие к нам в 1939 году из Ленинградского университета, — С. Тихвинский (будущий академик, видный историк) и М. Ушомирский. Ушомирский сыграл важную роль в совместных операциях советских и английских спецслужб в Иране и, в частности, в быстром и бескровном захвате контролировавшейся немецкой разведкой радиостанции иранской армии в Мешхеде. Поздней осенью 1941 года мы начали важную операцию в Иране по установлению контактов с курдскими племенами. Этому вопросу придавалось исключительно важное значение. Курдов стремились использовать против нас как диверсантов и англичане, и немцы. Мы остро нуждались в специалистах по арабским делам. В связи с этим в аппарат службы в мое прямое подчинение был направлен призванный из запаса опытный сотрудник Н. Белкин. Он имел большой опыт агентурной работы на Ближнем Востоке, в Германии и Испании. В 1937–1938 годах он был помощником нашего резидента в Испании, скрывшегося впоследствии на Западе Орлова-Никольского.

В 1938 году из-за подозрений в связях с Никольским его уволили из разведки, но как ценного опытного работника с возможным вариантом использования по линии негласного штата направили начальником бюро информации во Всесоюзный радиокомитет. Война востребовала его, и по личному приказанию Берии он в ноябре 1941 года был возвращен в органы.

Глава 14. Противоборство с немецкой разведкой. Радиоигры «Монастырь» и «Березино»

Зорге, «Красная капелла» в тылу гитлеровцев

Сильные и слабые стороны немецкой разведки и контрразведки в целом нам были известны. Ее ответственные сотрудники и агенты граф Нелидов (абвер), В. Леман (гестапо), В. Стенес (штурмовые отряды нацистской партии) были или захвачены, или привлечены к сотрудничеству нами еще накануне войны. Практическое использование материалов по работе фашистских спецслужб, к сожалению, было широко начато только сразу после нападения немцев.

Между тем Леман был сотрудником гестапо и снабжал нас исключительно важной информацией. Он передал нам в 1935–1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье. От Лемана мы также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немцами после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского. К тому же последний попал в наши руки в 1939 году и дал развернутые ориентировки по возможностям польской агентуры в Германии.

Ценную информацию мы получили от упоминавшегося мною ранее графа Нелидова, бывшего офицера царской и белой армии, крупного двойного агента абвера и английской разведки. По заданию Канариса граф Нелидов принимал участие в стратегических военных «играх» германского генштаба в 1936–1937 годах. Накануне вторжения немцев в Польшу (он был в Варшаве с разведывательной миссией) его арестовала польская контрразведка. Захватив Западную Украину в 1939 году, мы обнаружили его во Львовской тюрьме и этапировали в Москву.

Нелидова разрабатывали Василий Зарубин, Зоя Рыбкина и Павел Журавлев — начальник немецкого отдела внешней разведки НКВД в 1941–1942 годах. Нелидова планировали также использовать в противодействии агентам английской разведки в связи с начавшимися в июле или августе 1941 года контактами с англичанами о сотрудничестве по линии разведорганов. Тогда показаниям Нелидова об основной установке абвера в разведывательно-диверсионной работе на действия в условиях молниеносной войны Журавлев, Рыбкина и я не придали должного значения. Однако обстановка резко изменилась после наших поражений в первые дни и месяцы войны. Тут-то мы и возвратились к первым допросам Нелидова. Его показания сопоставили с материалами, полученными в 1937 году от Шпигельглаза о военно-стратегических «играх» в штабе вермахта, и ставка немцев на блицкриг стала очевидной для всех. Реакция Сталина, на наше сообщение была незамедлительной. Для развернутых допросов Нелидова и ознакомления со всеми оперативными документами 30-х годов в НКВД прибыли начальник Разведупра Красной Армии Голиков и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский. На них произвели большое впечатление его осведомленность, связи и характеристика настроений германского высшего командования.

Нелидов рассказал, что немцы могут нанести нам поражение только в том случае, если война будет продолжаться два или три месяца. Но если в течение этого времени они не овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом, Донбассом, Северным Кавказом и, конечно, Баку с его нефтью, немецкое вторжение обречено на провал.

Огромное количество танков и моторизованных соединений, необходимых для блицкрига, могли эффективно действовать лишь на территории с достаточно развитой сетью дорог, а для ведения затяжной войны у немцев не было резерва топлива, особенно для судов германского флота, и в частности подлодок.

В октябре и ноябре 1941 года мы получили надежную информацию из Берлина о том, что немецкая армия почти исчерпала запасы боеприпасов, нефти и бензина для продолжения активных наступательных операций. Все указывало на приближение неизбежной паузы в немецком наступлении. Эти данные передал Арвид Харнак (кодовое имя «Корсиканец»), антифашист, советник министерства экономики Германии. Член известной семьи писателей и философов, он был привлечен к сотрудничеству во время его визита в Советский Союз в 1932 году и с тех пор целое десятилетие он поставлял информацию советской разведке, пока его не разоблачили. В декабре 1942 года его судили и повесили. Его жена, американка Мильдред Фиш Харнак, с которой он познакомился во время учебы в университете штата Висконсин, была также арестована и казнена в 1943 году за антифашистскую деятельность.

В марте 1939 года, когда я стал заместителем начальника разведки НКВД, одной из моих главных задач было внедрение нелегалов в Западной Европе и создание агентурной сети, связанной с немцами, имевшими дипломатическое прикрытие. Особенно это касалось Германии, являвшейся центром внимания всей нашей работы. После репрессий 1937–1938 годов германскими делами в разведке стали заниматься новые люди, и наши контакты с агентами оказались временно прерванными. Было принято решение резко активизировать эти контакты. Бегство Александра Орлова в 1938 году бросило подозрение на руководящие кадры Иностранного отдела; арестовали Шпигельглаза, Малли, Серебрянского и других сотрудников, контролировавших наши агентурные сети в Западной Европе, что существенно затруднило получение разведывательной информации. Когда я возглавил этот участок, мне пришлось посылать за рубеж новых и зачастую неопытных людей.

В результате с ноября 1938-го по март 1939 года поступление разведданных из Западной Европы резко сократилось. Решение, принятое в 1938 году об открытии специальной разведывательной школы для подготовки кадров, означало, что первых специалистов мы получим не раньше чем через два года. Между тем потребность в этих кадрах становилась все более острой. Нам позарез нужны были новые люди. Обстановка с каждым днем накалялась: Гитлер готовился к захвату Польши. Перспективы развязывания войны в Европе вырисовывались все отчетливее. Сталин требовал от Берии подробностей о немецких боевых формированиях и стратегических планах Берлина.

Поскольку люди, которые раньше отвечали за агентурную сеть в Западной Европе (Орлов в Испании, Кривицкий в Голландии, Рейсе и Штейнберг в Швейцарии), либо стали перебежчиками, либо подверглись репрессиям, было крайне трудно убедить Берию и Меркулова пойти на риск и активизировать те структуры, которыми они в свое время руководили. К счастью, не все, кто занимался отбором и вербовкой агентов, были репрессированы. Некоторые, как, например,

Ланг, Парпаров, Фишер-Абель и Гиршфельд, временно числились в действующем резерве, пока наверху решалась их дальнейшая судьба. В Берлине и Париже по-прежнему находились наши люди. Возобновила свою деятельность Кембриджская группа, вопреки опасениям, что ее засветили перебежавшие на Запад Орлов, Кривицкий и оставшийся в Швейцарии Штейнберг. В конце концов удалось убедить Фитина, что нам следует все же идти на риск и восстановить свои старые агентурные связи, как бы это ни было опасно. Мы с ним доложили о своем решении Берии — и он поддержал нас. Непростое решение о восстановлении прерванных на полгода контактов с нашими агентами было все-таки принято, хотя мы опасались, что за это время некоторых уже, возможно, схватили и перевербовали. Но был конец апреля 1940 года, и призрак войны на горизонте виделся все яснее.

Я помню, что именно тогда в Центре была решена дальнейшая судьба Кима Филби. Когда из Лондона запросили санкцию на его переход в штаб-квартиру английской разведки, я лично дал согласие при условии, что он сам добровольно примет решение о «двойной игре» с учетом особого риска.

Переход Филби на оперативную работу в английскую разведку не только поставил его в сложное положение. Совсем по-новому встал вопрос о доверии ему как важнейшему источнику информации о намерениях противника.

В разведке существует особый порядок обязательной перепроверки всех сообщений источников, завербованных среди аппарата спецслужб противника. Филби, в частности, сообщая об имевшихся у английской разведки данных о беседах английского посла в Москве Криппса с заместителем наркома иностранных дел Вышинским и о телеграмме-ориентировке английского посольства в Министерство иностранных дел Великобритании 15 и 28 марта 1941 года, не полностью передал содержание этих документов.

В изложении телеграммы не давались данные о согласованных английских и американских шагах по поддержанию отношений с советским руководством. Между тем расширенная информация по этим вопросам поступала от Д. Маклина — сотрудника министерства иностранных дел Великобритании. Аналитик Разведуправления НКВД подполковник Е. Морджинская, впоследствии (в 1960—1970-х годах) видный философ, профессор Института философии Академии наук, в своем заключении заподозрила Филби в неискренности и участии в дезинформационной операции английской разведки. Филби ходил и работал под тенью этих подозрений долгие годы. Как мне рассказывали и в Центре, в Москве даже в 1960-х годах он первоначально прошел унижительную процедуру перепроверок лояльности.

В 1939–1940 годах мы восстановили связи и приступили к активной работе. Созданная военной разведкой и НКВД подпольная сеть, известная как «Красная капелла», действовала в течение почти всей Второй мировой войны. Агенты «Красной капеллы» передавали по радио кодированные сообщения в Центр.

Несколько слов о том, как все это осуществлялось на практике. Военная разведка имела свою собственную агентурную сеть в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии и действовала независимо от НКВД. В 1938–1939 годах, перед началом

войны, военные оказались достаточно дальновидными и послали во Францию и Бельгию двух сотрудников — Л. Треппера и М. Гуревича — вместе с радистами для работы в условиях военного времени. В этот период военные также имели свою нелегальную резидентуру в Швейцарии, руководимую бывшим работником венгерской секции Коминтерна Шандором Радо и Урсулой Кучинской (кодовое имя «Соня»), позднее, в 1941 году, ставшей связной между нами и немецким физиком Клаусом Фуксом, который работал в Англии.

В подготовке резидентур к оперативной деятельности в Западной Европе в условиях военных действий и перехода на нелегальное положение были допущены серьезные ошибки. Агентурная сеть Треппера, Гуревича и Радо слишком сильно была связана с источниками еврейской национальности, что делало их уязвимыми в условиях немецкой оккупации. Руководство Разведупра, так же, как и ИНО НКВД, пренебрегло надлежащей подготовкой радистов для поддержания связи в условиях войны.

В канун войны НКВД удалось восстановить работу мощной агентурной сети в Германии, руководили ею А. Кобулов, А. Коротков, М. Журавлев и В. Филиппов. У военной разведки в Германии также были важные агенты — Ильза Штебе в отделе печати министерства иностранных дел и Рудольф Шелиа, высокопоставленный немецкий дипломат.

В июне 1941 года, когда Германия напала на СССР, наша разведка не имела централизованного контроля над всеми агентурными сетями, посылавшими нам свои сообщения независимо друг от друга. Разведупр Красной Армии был лучше подготовлен, чтобы переключиться с курьеров и дипломатической почты на подпольные радиопередачи: агенты имели необходимое оборудование. Мы же только в апреле 1941 года направили в резидентуры Западной Европы указание о подготовке к работе в условиях близкой войны. Кобулова и Короткова, находившихся в Берлине, обязали ускорить обучение радистов и обеспечить их надежной аппаратурой, а также создать дублирующие радиоквартиры.

Шульце-Бойзен («Старшина»), А. Харнак («Корсиканец») и А. Кукхоф («Старик»), возможно плохо проинструктированные Кобуловым и Коротковым, нарушили элементарное правило конспирации: поддерживали линейную связь. Кроме того, у агентурной сети был всего один радист.

В октябре 1941 года, потеряв связь из-за некачественной аппаратуры и неквалифицированной работы радистов наших агентов в Берлине, Разведуправление военной разведки и НКВД совершили непростительную ошибку. Резидент в Брюсселе Гуревич («Кент») получил по радио шифротелеграмму, в соответствии с которой ему надлежало выехать в Берлин и осуществить личный контакт со «Старшиной». По возвращении в Брюссель «Кент» подтвердил по радиосвязи успешное выполнение задания и сообщил в Москву важнейшую информацию, полученную в Берлине, о трудностях, которые немцы испытывают в снабжении и пополнении резервами, о реалистической оценке немецким командованием провала блицкрига, о возможном наступлении противника весной — летом 1942 года с целью овладения нашими нефтепромыслами на Кавказе.

Столь ценные сведения, переданные в ноябре 1941 года, были доложены Верховному командованию, но, к сожалению, не сыграли в должной мере своей роли ввиду того, что 13 декабря 1941 года радист и шифровальщик «Кента» с кодами были захвачены немецкой контрразведкой, и гестапо не составило большого труда в 1942 году после соответствующей разработки арестовать руководителей «Красной капеллы» в Берлине и других городе Западной Европы.

5 августа 1942 года мы забросили двух наших агентов-парашютистов в Германию — Артура Хесслера и Альберта Барта. Но немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы, и их арестовали. Хесслер погиб в гестапо, а Барта немцы перевербовали, и он начал вести с нами радиоигру, которую, кстати, мы сразу же разгадали. Во время допроса Барт раскрыл нашего агента Вилли Лемана («Брайтенбах»). Лемана арестовали на, улице и тайно, без суда, казнили. Гестапо сообщило жене, что ее муж исчез, и его усиленно разыскивают. После войны А. Коротков нашел лишь его регистрационную карточку в архивах тюрьмы Плетцензее в Берлине — других его следов не осталось. Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с нами.

В захваченных в 1945 году архивах гестапо мы обнаружили сведения о «Красной капелле». И хотя имя Барта там фигурирует, Леман даже не упомянут. Возможно, это вызвано нежеланием бросить тень на гестапо, в рядах которого оказался советский агент. Я не исключаю, что гестапо боялось доложить об этом Гитлеру. Барт был взят в плен англичанами и передан нам в 1946 году. Его доставили в Москву, судили и расстреляли за измену. Говорят, что его сейчас реабилитировали посмертно.

Несколько слов о работе группы Зорге («Рамзай») в Токио. К информации, поступавшей по этой линии из кругов премьер-министра Коноэ, и высказываниям германского посла Отта в Москве относились с большим недоверием. И дело было не только в том, что Зорге привлекли к работе впоследствии репрессированные Берзин и Борович, руководившие Разведупром Красной Армии в 20—30-х годах. Еще до ареста Боровича, непосредственного куратора Зорге, последний получил от высшего руководства санкцию на сотрудничество с немецкой военной разведкой в Японии. Разрешение-то получил, но вместе с тем попал под подозрение, поскольку такого рода спецагентам традиционно не доверяют и регулярно перепроверяют во всех спецслужбах. В 1937 году исполняющий обязанности начальника Разведупра Гендин в своем сообщении Сталину, подчеркивая двойную игру ценного агента Зорге, добывающего информацию также для Отта, резидента немецкого абвера в Токио, делал вывод, что указанный агент не может пользоваться как источник информации полным доверием.

Трагедия Зорге так же, как «Красной капеллы», состояла в том, что его героическая работа и поступающие от них сведения не использовались нашим командованием. Исключительно важные данные о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к Германской агрессии против СССР в сентябре — октябре 1941 года так и осели в наших архивах. А дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву в октябре 1941 года лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям боевых резервных соединений. Если же

информация Зорге при этом и учитывалась, то не играла существенной роли в принимаемом решении.

Сообщения о том, что японцы не намерены воевать с нами, регулярно поступали с 1941 по 1945 год от наших проверенных агентов, занимавших должности советника японского посольства в Москве и начальника Службы жандармерии Квантунской армии, который передавал нам документальные данные о дислокации японских соединений в Маньчжурии. Кроме всего прочего, нам удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которой следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось.

Поведение Зорге на следствии после его ареста японскими властями вызвало серьезное раздражение в Москве. Он нарушил главную установку советской разведки: никогда не признавать шпионажа в какой-либо форме в пользу Советского Союза. Хотя практика обмена арестованными агентами и разведчиками в 30-х годах являлась очень ограниченной, тем не менее, изредка на нее шли. Поляки, например, освободили нашего нелегала Д. Федичкина в 1930 году, американцы — резидента НКВД в Нью-Йорке Г. Овакимяна в сентябре 1941 года. Руководство Разведупра ввиду признаний Зорге ни перед кем не ставило вопроса о его возможном обмене, хотя сотрудник военной разведки в Токио Д. Зайцев имел с ним свидание в тюрьме в 1943 году.

К августу 1942 года «Красная капелла» в Берлине, включавшая агентов военной разведки и НКВД, была уничтожена. Но в Германии и в Швейцарии уцелели ряд важных источников информации и агентов влияния. Некоторые агенты гамбургской группы, созданной Серебрянским и Эйтинггоном, не связанные с группой Харнака — Шульце-Бойзена и осевшие в концернах «Фарбен индустри» и «Тиссен» в гамбургском порту, уцелели и ушли в подполье. Избежала ареста агент «Юна», обосновавшаяся в ведомстве Риббентропа — германском МИДе. Не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные каналы связи с ними. Два наших агента — шведский предприниматель Стринберг («Густав») и популярный актер Карл Герхард («Шансонье») годились разве что на роль курьеров. Поездки Стринберга в Германию оказались мало результативными, а Герхарда вскоре выявили немцы, так как он не скрывал своих антигитлеровских настроений. Агентурная сеть во Франции и Швейцарии продолжала работать почти всю войну. В особенности она активизировалась после освобождения Франции.

Заделы «Красной капеллы» сыграли важную роль по линии военной разведки в получении данных об исследованиях в области ракетного оружия и создания атомной бомбы в Германии. Информация была точной. Мы в 1945 году ее успешно реализовали, захватив в Германии в нашей зоне немецких ракетчиков и физиков, работавших по «урановой» проблеме. Они были вывезены в СССР, так же, как и имевшиеся у немцев запасы урана, вывезенного в Германию из Бельгийского Конго.

Однако надо признать, так сказать, двойное значение информации военной разведки о немецком урановом проекте. Верно докладывалось, что речь идет о теоретических работах и экспериментах, а не о практическом создании нового оружия. По этой причине Кремль в целом правильно считал, что непосредственной

угрозы применения немцами против нас урановой бомбы не существовало. Это соображение, несомненно, повлияло на то, что советское руководство вплоть до лета 1945 года недооценивало необходимости широкого развертывания работ по созданию атомного оружия.

Сотни радиограмм в Москву от «Красной капеллы» из Швейцарии за период с июля 1941 до октября 1943 года содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий. Эта информация передавалась Рудольфом Рёсслером («Люци»), но он упорно отказывался назвать ее источник советскому резиденту-нелегалу Шандору Радо.

Рёсслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз. Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов. Зная это, мы решили, что «Люци» просто пытается сохранить в тайне свой источник — агента в немецком генштабе.

На самом деле Рёсслер передавал нам информацию, которую получал от англичан. Английская разведка знала о работе группы Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента «Джима» в «Красную капеллу» в Швейцарии. «Джим», участник гражданской войны в Испании, был подставлен Кучинской («Соне») в Швейцарии еще в 1939 году. По этой причине английская контрразведка не трогала «Соню» всю войну. «Джим» вернулся к англичанам только в 1946 году. «Соня» к этому времени успела выехать в Германию.

«Джим», один из главных радистов агентов, вообще сыграл роковую роль в судьбе руководителей и информаторов «Красной капеллы» в Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии, попавших в Советский Союз в 1945 году. Руководство Разведупра сделало ставку на него и по его показаниям угробило Радо, Треппера, Гуревича, Дюбельдорфа и других своих сотрудников в наших тюрьмах и лагерях после войны.

По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане полностью не передавали ту информацию, которую они «сливали» нам через сеть «Красной капеллы» в Швейцарии. Мы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины «Enigma», которую собрал в 1938 году для британской спецслужбы польский инженер, работавший ранее на немецком секретном предприятии, выпускавшем эти машины. Англичане держали в строжайшем секрете существование «Enigma», дававшей им возможность дешифровать немецкие радиограммы. Первые сведения о ней поступили к нам в 1943 году.

Сталин не доверял англичанам, и для этого были основания. Когда мы сравнивали разведданные от наших агентов из Швейцарии и из Лондона, то видели их разительное совпадение. Однако информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы «Люди» явно отредактированной. Ясно было, что информация «Люци» дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами.

Нашей лондонской резидентуре периодически поставлял расшифрованные радиogramмы Джон Кэрнкросс, работавший в британском шифровальном центре «Блечли-парк». Позже, беседуя с моим другом К. Кукиным — он был резидентом в Лондоне с 1943 по 1947 год и руководил Кембриджской группой, — мы признали, что вклад Кэрнкросса в наше общее дело и получаемые от него материалы представляли большую ценность для раскрытия немецких оперативных планов. Дешифрованные материалы, поступавшие от Кэрнкросса, имели не только военную ценность, но и позволили нам проследить проникновение английской разведки в нашу резидентуру Швейцарии (группу Радо).

Весной 1943 года, за несколько недель до начала Курской битвы, наша резидентура в Лондоне получила от Кембриджской группы информацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием операция «Цитадель». В этом сообщении указывалось число немецких дивизий, которые предполагалось использовать, и подчеркивалось, что операция «Цитадель» нацелена на Курск, а не на Великие Луки, то есть не к западу, а к юго-западу от Москвы — там мы ее не ожидали. Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от «Люци» из Женевы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно, что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление. Из этого мы сделали вывод, что они заинтересованы не столько в нашей победе, сколько в том, чтобы затянуть боевые действия, которые привели бы к истощению сил обеих сторон.

Другой пример «обратной» связи также интересен. С января 1943 года по согласованию с Генштабом мы через перевербованных НКВД в Вологде немецких агентов: направили дезинформацию немецкому командованию о якобы концентрации наших войск и техники на Карельском фронте. Был «подтвержден» подвоз на Карельский фронт до 70 эшелонов войск и техники.

Мы поддерживали постоянный контакт с Разведупром Красной Армии и получили наглядное свидетельство эффективности нашей дезинформации. Генштаб уведомил руководство НКВД об агентурных материалах, полученных им по радио из Женевы, в которых в феврале 1943 года отмечалось, что ОКБ (немецкое верховное командование) в конце января имеет данные о накоплении советских войск и техники в районе Мурманска и ожидает Наступление Красной Армии на Лапландию с целью окружить армию Дитля.

В начале 1943 года начальник военной разведки генерал Ильичев обратился с письмом к генералу Селивановскому, заместителю начальника военной контрразведки СМЕРШ, с сообщением, что германские спецслужбы проникли в «Красную капеллу». От агента в Брюсселе Гуревича («Кент») было получено зашифрованное предупреждение: он работает под немецким контролем. Было принято решение продолжить эти радиоигры с немцами. Осенью 1943 года в Женеве и Лозанне были арестованы радисты «Красной капеллы». Мы с Кукиным в 1947 году полагали, что радистов и агентов швейцарским властям сдали не немцы, а англичане. Последним стало не выгодным помогать нам передачей материалов

дешифровок. к тому же англичане, видимо, почувствовали утечку информации к нам из «Блечли парк».

Британская разведка до сих пор не признала факт передачи нашей агентурной сети в Швейцарии отредактированных расшифрованных сведений. В Москве, однако, всегда с подозрением относились к «Красной капелле». Ее героическая деятельность в Германии, Франции и Швейцарии не приносила в глазах начальства лавров ни разведке НКВД, ни Разведупру Красной Армии. Никто не относился к ее работе как приоритетной, потому что дешифрованные приказы немцев, передаваемые англичанами, не содержали бесспорных данных, базировавшихся на подлинных документах, а основывались на устной информации источников.

«Красная капелла» до сих пор рассматривается на Западе как главный источник разведывательной информации, поступавшей в Советский Союз в годы войны, на самом же деле эта информация носила для нас второстепенный характер. Тем не менее, надо признать, что ее агенты действовали с большим мужеством и высоким профессионализмом и многие из них погибли героической смертью. Руководителей «Красной капеллы» Треппера («Большой шеф»), Гуревича («Маленький шеф», или «Кент») и Радо («Дора») в Разведупре Красной Армии долгое время считали изменниками. Треппер и Радо пытались скрыться от советских властей; их розыск и отправку в Москву осуществили именно английские спецслужбы. В Москве их арестовали и посадили в тюрьмы лагеря.

Треппер и Радо провели в тюрьме по десять лет, прежде чем их освободили и реабилитировали в конце 50-годов. В своих мемуарах они представили своего помощника Гуревича как изменника, но ведь именно он сам вернулся в Советский Союз, захватил, перевербовал и доставил к нам в Москву в 1945 году главного следователя гестапо, занимавшегося делом «Красной капеллы». Когда в ноябре 1942 года Гуревич был взят в гестапо, ему удалось послать радиограмму, предупреждавшую, что отныне он находится под контролем немцев, а одна из полученных им от нас инструкций обязывала его продолжать радиоигру, что он и сделал.

Как только война окончилась, Гуревич сумел убедить офицера гестапо Хайнца Паннвица, который вел дело «Красной капеллы», вступить с нами в контакт. По словам Гуревича, для советской разведки он будет ценным приобретением, поскольку владеет информацией, позволяющей нам идентифицировать тех, кто нам симпатизировал, и тех, кто был нашим врагом. Это, говорил он, обеспечит Паннвицу амнистию и работу в советских органах безопасности. Находясь в шоке от поражения Германии, Паннвиц принял предложение Гуревича о тайной встрече с русским представителем. Он был задержан и вместе с Гуревичем немедленно доставлен в Москву.

Разоблачения Паннвица, однако, имели лишь ограниченный интерес в глазах руководства разведки. Широкая известность Паннвица на Западе исключала возможность использования его для наших активных операций. Поскольку он мог сообщить о тех осведомителях гестапо, которых мы вместе с британской разведкой все еще продолжали разыскивать, было решено не ликвидировать его, а держать и дальше в тюрьме. Треппер, Радо и Гуревич разделили его судьбу: они остались в

живых только потому, что их показания могли понадобиться в дальнейшем. После десяти лет пребывания в тюрьме Паннвица репатриировали в Германию.

С 1946 года Радо и Треппер заявляли, что провал «Красной капеллы» был вызван изменой Гуревича. После смерти Сталина в 1953 году, как мне говорили, ветераны Коминтерна ходатайствовали о реабилитации Радо и Треппера. Их дела были пересмотрены, и в 1955 году с них сняли обвинение в измене Родине, хотя Разведупр Генштаба и возражал, выдвигая против них и свои обвинения — нарушение правил конспирации и несанкционированное расходование денег. Гуревич был освобожден в 1955 году по амнистии для тех, кто обвинялся в соотрудничестве с немцами, но не реабилитирован.

Гуревич обращался лично к Хрущеву с просьбой разобраться в его деле, но КГБ и военная разведка твердо стояли на своем, намеренно делая его козлом отпущения за Провал «Красной капеллы». По специальной справке, подготовленной руководителями разведки КГБ Сахаровским и Коротковым, в 1958 году Гуревича вновь арестовали. Ордер на арест подписали Серов, ставший к тому времени главой КГБ, и генеральный прокурор Руденко. Гуревича приговорили к 25 годам тюремного заключения, но в соответствии с новым Уголовным кодексом этот срок был сокращен до 15 лет. Поскольку он уже отсидел почти десять лет, его выпустили через пять лет.

После отбытия полного срока заключения Гуревич обосновался в Ленинграде, где работал переводчиком. Каждый год он подавал на пересмотр своего дела, но КГБ и военная разведка упорствовали, по-прежнему возражая против его реабилитации или нового рассмотрения дела. В официальной истории советской военной разведки, подготовленной в 60—70-х годах, Гуревич представлен как изменник, чьи действия привели к провалу «Красной капеллы» во Франции и Германии. На Западе в книге Жюль Перро «Красная капелла» высказывается та же точка зрения.

В 1990 году военная прокуратура обращалась ко мне по делу Гуревича, продолжавшего настаивать на своей реабилитации. Прокуратура нашла документ исключительной важности — служебную записку Генштаба, направленную в адрес СМЕРШ с одобрением радиоигр Гуревича («Кента») с немцами. Когда дело Гуревича стало пересматриваться, выяснилось: единственная вина его заключалась в том, что он без одобрения Центра завел семью на Западе (во Франции — Бельгии). Однако руководство военной разведки продолжало упорно препятствовать восстановлению его прав. После того как в 1991 году Гуревича наконец реабилитировали, Разведупр Генштаба категорически отказал ему в выплате компенсации, назначении военной пенс и предоставлении статуса ветерана войны. Только после вмешательства органов юстиции Гуревич был восстановлен во всех правах как незаконно репрессированный.

Жена Гуревича умерла в Европе, а сын вместе с женой и детьми приезжал в Санкт-Петербург для встречи с отцом. История Гуревича прошла по страницам российской прессы, но никто не задался вопросом: чья злая воля разведорганах СССР все эти годы продолжала возлагать вину на этого человека.

Националистические формирования

В деятельности немецко-фашистских разведорганов видную роль играли эмигрантские организации и националистические формирования профашистского толка. Они участвовали в работе почти всех немецких разведывательных структур, являясь руководителями разведывательных школ, курсов, лагерей, преподавателями, инструкторами следователями, переводчиками, вербовщиками агентуры, резидентами. Многие белые эмигранты имели немецкие воинские звания, были официальными сотрудниками разведывательных и диверсионных команд противника.

Активное участие эмигрантов и националистов ощущалось в школах по подготовке агентов-пропагандистов в лагерях военнопленных. Эти люди представляли для нас серьезную угрозу. Например, в сборном лагере в Пола (г. Кельце) начальником был немец, но весь остальной персонал состоял из националистов. Заметную роль играли армянские националисты «Дашнакцутюн», армия генерала Дро и националисты из Средней Азии.

В связи с этим в декабре 1942 года мной была направлена специальная директива по организации зафронтной работы против эмигрантских и националистических формирований так называемых «добровольческих национальных частей». Разумеется, в проникновении и разложении этих союзников гитлеровцев мы опирались на тех эмигрантов-националистов, которые, даже будучи убежденными противниками советской власти, призывали соотечественников оказывать сопротивление оккупантам. О борьбе с националистами и эмигрантами написано немало. Хотел бы остановиться на борьбе с националистическими формированиями в частности с «Туркестанским легионом», который воевал под фашистскими знаменами, прикрываясь лозунгами борьбы «за священное дело освобождения мусульман». Эти мероприятия получили название плана оперативных мероприятий 4-го управления НКВД — НКГБ по агентурному делу «Басмачи». Дело вел непосредственно М. Маклярский, начальник отдела, начальник отделения К. Петрушенко и оперуполномоченный И. Гарбуз.

«Туркестанский легион» был серьезным противником. Он был сформирован в спецлагере близ Варшавы. В разное время немецкое командование направило на фронт до восьми батальонов из его состава. Организатором легиона был Вали Каюм-хан, который сформировал в его составе батальон СС общей численностью 300 человек. Каюм-хан, он же Хаитов Баймерза был председателем так называемого Туркестанского национального комитета, созданного диверсионным подразделением немецкой службы безопасности СД «Цеппелин». При этом Каюм-хан был сотрудником министерства восточных территорий Розенберга.

Нами было установлено, что противник формирует легион из военнопленных всех среднеазиатских национальностей. В декабре 1942 года на Юго-Западном фронте мы захватили в плен нескольких солдат «Туркестанского легиона». В ходе их допросов выяснилось, что часть солдат легиона была настроена просоветски, а вступили в него, чтобы сохранить жизнь, были готовы в удобный момент перейти на сторону Красной Армии. Кроме того, нами были получены заслуживающие доверия

данные, что в легионе действовали подпольные организации.

Для внедрения нашей агентуры в туркменские националистические формирования с целью их разложения нами был заброшен в 1943 году в тыл противника спец-агент «Ичиан», он же Бердыев Ага, туркмен, уроженец Ашхабада, беспартийный, с высшим образованием. «Ичиан» учился в России, окончил математический факультет Ярославского пединститута. Выбор на него пал не случайно. Он сотрудничал с нами с 1929 года, имел большой опыт разработки пантюркистской подпольной организации в Средней Азии «Тюркбирлиг». В июне 1943 года ему удалось внедриться в «Туркестанский легион», где он установил 57 агентов немецкой разведки, намечавшихся к заброске в Среднюю Азию со шпионскими диверсионными целями. В марте 1944 года «Ичиан» возвратился на базу опергруппы НКГБ, уведя на нашу сторону более 50 солдат «Туркестанского легиона».

Бердыев Ага был награжден орденом Отечественной войны, медалью «Партизану Отечественной войны». С сентября 1944 года вплоть до 1947 года он использовался как опознаватель немецкой агентуры, заброшенной в наши тылы, им были разоблачены восемь немецких агентов, обучавшихся с ним в немецкой разведшколе.

В 1947 году наша служба рассматривала вопрос о выводе Бердыева в одну из стран Ближнего Востока, но погиб в 1948 году во время землетрясения в Ашхабаде.

Успешная работа в тылу врага против «Туркестанского легиона» была в немалой степени обусловлена правильно подготовленным планом разработки «Басмачи» конечно, громадными личными способностями «Ичиана». Его легенда была неопровержимой. Хотя ему ставили активные задачи, он должен был своим поведением инициировать со стороны немецкой разведки ряд мероприятий, к которым мы хорошо были подготовлены. Речь идет о захвате нами в районе железнодорожной линии у Ацхабада и Ташкента двух немецких диверсионных групп «Жасмин» и «Мирт». Кроме того, нам повезло: мы перехватывали радиogramмы противника о допросах «Ичиана» немецкими разведорганами. Это позволило эффективно направлять его действия. «Ичиан» правильно сориентировался и после кратких контактов с руководством туркменской эмиграции сосредоточился на практической работе по разложению «Туркестанского легиона».

В течение всей войны мы прочно владели инициативой в нейтрализации антисоветских акций по линии националистических формирований и белой эмиграции. Немецкая разведка по этой причине не смогла в полной мере использовать против нас весь потенциал фашиствующих националистических элементов и непримиримо белой эмиграции. Впрочем, решить эту задачу немцам было трудно и еще по одной причине. Все эмигрантские организации не имели внутреннего единства.

Они разбились на фракции, смертельно враждовавшие друг с другом. Так, без какого-либо нашего участия приказу С. Бандеры в 1942–1943 годах были расстреляны члены Центрального провода (руководства) ОУН, поддерживающие его соперника, ветераны и авторитетные деятели, злейшие враги Советской Украины,

соратники героя ОУН Е. Коновальца: Барановский, Сциборский Грибивский, полковник Р. Сушко. Со всеми ними я встречался в 1935–1937 годах в Западной Европе. В смертельной борьбе за власть Бандера уничтожил опасных для себя конкурентов, потенциальных членов предполагаемого украинского правительства в эмиграции. Нам это было только на руку, мы умело использовали эти разногласия не только в ОУН, но и в рядах сотрудничавших с гитлеровцами энтеэсовцев, деятелей белого казачества.

Несколько слов и о неудаче 4-го управления по делу «Ворон» — разработке по захвату и ликвидации перебежчика и предателя генерала А. Власова. Хотя нам удалось использовать свою агентуру для разложения власовской армии? успешно использовать в этом деле переданного нам партизанами князя Гагарина, усилия по захвату Власова по нашей линии успехом не увенчались. Этот вопрос стоял очень серьезно. Власова необходимо было или захватить, или ликвидировать.

В самом конце войны наша оперативная группа «Север» радировала в Москву из Праги об обстановке во власовских частях и о том, что власовцы разоружают немцев. В ответ на это я дал указание семи нашим оперативным группам, находившимся в районе Праги, немедленно принять все меры по захвату Власова и его сообщников — Мальшкина и Жиленкова. Почти точно помню текст этой радиограммы: «Примите все меры к захвату их живьем, особенно Власова. Если это невозможно, ликвидируйте, повторяю, ликвидируйте. Получение указания подтвердить и ежедневно сообщать о ходе разработки». Власова, как известно, захватили военные контрразведчики.

Радиоигры с немецкой разведкой. Операции «Монастырь» и «Березино»

О радиоиграх с немецкой разведкой в годы войны написано достаточно много, правда, без особых подробностей. В войне в эфире советские органы безопасности одержали убедительную победу. Одно из свидетельств этого — ликвидация тех радиостанций и агентов, которых забрасывали немцы в наш тыл во время войны. Причем агентов-радистов в СССР забрасывала не только Германия, но и Финляндия, Польша, Румыния, Венгрия, Япония. Например, разведывательными органами Германии переправлено через фронт 945 агентурных радиостанций. Мы задержали 556. Финны — 54, задержано 28. Польша (Армия Крайова) оставила и перебросила в тыл Красной Армии 54 агентурные радиостанции, из которых задержано 29. Румыния — 4, задержано — 3. Венгрия — 15, держано 12. Япония — 3, все задержаны.

О всех перебросках радиоагентуры в советский тыл, отдел «Б» НКГБ СССР своевременно информировал руководство НКГБ, НКВД и СМЕРШ. А с 1943 года отдел «Б» составлял месячные сводки о переброске радиоагентуры. Сводки направлялись в контрразведывательное транспортное управления НКГБ СССР, а также в Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР.

Наши успехи были обусловлены не только достижениями в оперативно-агентурной работе, но и эффективными, умелыми действиями нашей радиоконтрразведывательной службы. Еще в предвоенный период значительно улучшилась работа по совершенствованию методов радионаблюдения. В феврале 1941 года задачи радиоконтрразведки были возложены на 4-й спецотдел НКГБ. По линии радиоконтрразведки получили сильное развитие следующие направления работы: контрольно-отслеживающие мероприятия; оперативно-розыскные действия; дешифровальная работа. В мае 1943 года меры по руководству радиоконтрразведкой были возложены на 3-е отделение отдела «Б» НКГБ СССР, которое возглавил заместитель начальника этого отдела, позднее ставший его начальником полковник госбезопасности В. М. Блиндерман. Его заместителем был подполковник Е. С. Анцелович.

Масштабная война в эфире была начата нами в 1942 году. После санкции в мае 1942 года Ставки Верховного Главнокомандования началось использование немецких радиостанций в целях дезинформации противника. Сначала мы подключили к этому делу свыше 70 радиостанций из более чем 200. Затем в силу ряда причин значительная часть радиостанций была выведена из игры.

Необходимо подчеркнуть, что в самый критический неблагоприятный для нас период боевых действий 1942 году по утвержденным Ставкой планам, а позднее указаниям начальника Генерального штаба А. Василевского в целях дезинформации противника проводилась си тематическое выявление ложных группировок Красной Армии и усиленных перебросок в ложных направлениях наших войсковых резервов и техники.

Противник заглотнул летом и осенью 1942 года канун нашего переломного

контрнаступления под Сталинградом ложные данные о группировках 250 стрелковых дивизий, трех танковых армий, шести танковых корпусов, трех армейских штабов и т. п. Этой дезинформации немцы верили. Дорожили своими источниками и перебросили только в 1942 году для связи с перевербованными нами радистами 15 агентов-связников с документами, деньгами и батареями для радиостанций.

В апреле 1943 года вопрос о дальнейшем использовании захваченных немецких радиостанций был рассмотрен Ставкой Верховного Главнокомандования. Этому Предшествовало специальное совещание руководителей разведки и контрразведки НКГБ и военной контрразведки СМЕРШ под председательством Л. Берии. К этому времени радиоигру с противником вели 17 станций — в Москве, Люберцах, Горьком, Вологде, Куйбышеве, Новосибирске, Свердловске, Уфе, Ярославле и других городах.

Наиболее крупными по значению радиоиграми были операции «Березино» и «Монастырь». Первоначально операция «Монастырь» разрабатывалась нашей группой И Секретно-политическим управлением НКВД, а затем с июля 1941 года в тесном взаимодействии с ГРУ. Целью операции «Монастырь» являлось наше проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. Для этого мы создали прогерманскую антисоветскую организацию, ищущую контакты с германским верховным командованием. Несмотря на основательные чистки 20-х и 30-х годов, многие представители русской аристократии остались в живых, а некоторые стали нашими важными осведомителями и агентами.

Анализируя материалы и состав агентуры, предоставленной в наше распоряжение контрразведкой НКВД, мы решили использовать в качестве приманки некоего Глебова, бывшего предводителя дворянского собрания Нижнего Новгорода. К тому времени Глебову было уже за семьдесят. Этот человек пользовался известностью в кругах бывшей аристократии: именно он приветствовал в Костроме в 1915 году царскую семью по случаю торжественного празднования 300-летия Дома Романовых. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны. Словом, из всех оставшихся в живых представителей русской знати Глебов показался нам наилучшей кандидатурой.

В июле 1941 года он, почти нищий, ютился в Новодевичьем монастыре.

Конечно, никаких, даже самых элементарных азов разведывательной работы он не знал. Наш план состоял в том, чтобы Глебов и второй человек, также знатного рода (это был наш агент), заручились доверием немцев. Наш агент — Александр Демьянов («Гейне») и его жена, тоже агент НКВД, посетили церковь Новодевичьего монастыря под предлогом получить благословение перед отправкой Александра на фронт в кавалерийскую часть. Большинство служителей монастыря были тайными осведомителями НКВД. Во время посещения церкви Демьянов познакомил с Глебовым. Между ними завязались сердечные отношения; Демьянов проявлял жадный интерес истории России, а у Глебова была ностальгия по прошлым временам. Глебов дорожил обществом своего нового друга, а тот стал приводить на встречи с ним других людей, симпатизировавших Глебову и жаждавших с ним

поближе познакомиться. Это были либо доверенные лица НКВД, либо оперативные сотрудники. Каждую из таких встреч организовывал Маклярский, лично руководивший агентом Демьяновым.

Александр Демьянов действительно принадлежал знатному роду: его прадед Головатый был первым атаманом кубанского казачества, а отец, офицер царской армии, пал смертью храбрых в 1915 году. Дядя Демьянова, младший брат его отца, был начальником контрразведки белогвардейцев на Северном Кавказе. Схваченный чекистами, он скончался от тифа по пути в Москву. Мать Александра, выпускница Бестужевских курсов, признанная красавица в Санкт-Петербурге, пользовалась широкой известностью в аристократических кругах бывшей столицы. Она получила и отвергла несколько приглашений эмигрировать во Францию. Ее лично знал генерал Улагай, один из лидеров белогвардейской эмиграции, активно сотрудничавший с немцами с 1941 по 1945 год. Детство самого Александра было омрачено картинами террора как белого, так и красного, которые ему пришлось наблюдать во время Гражданской войны, когда его дядя сражался под командованием Улагая.

После того как мать отказалась эмигрировать, они возвратились в Петроград, где Демьянов работал электриком: его исключили из Политехнического, куда он поступил; умолчав о своем прошлом (получить высшее техническое образование ему в то время было невозможно из-за непролетарского происхождения). В 1929 году ГПУ Ленинграда по доносу его друга Терновского арестовало Александра за незаконное хранение оружия и антисоветскую Пропаганду. На самом деле пистолет был подброшен. В результате проведенной акции Александр был принужден к негласному сотрудничеству с ГПУ. Благодаря происхождению его нацелили на разработку связей оставшихся в СССР дворян с зарубежной белой эмиграцией и пресечение терактов. Кстати, в 1927 году Александр был свидетелем взрыва Дома политпросвещения белыми террористами в Ленинграде. Александр стал работать на нас, используя семейные связи.

Вскоре его перевели в Москву, где он получил место инженера-электрика на Мосфильме. В ту пору культурная Жизнь столицы сосредоточилась вокруг киностудии. Приятная внешность и благородные манеры позволили Демьянову легко войти в компанию киноактеров, писателей, драматургов и поэтов. Свою комнату в коммунальной квартире в центре Москвы он делил с одним актером МХАТа. Нам удалось устроить для него довольно редкую по тем временам вещь — отныне в Манеже у него была своя лошадь! Естественно, что это обстоятельство расширило его контакты с дипломатами. Александр дружил с известным советским режиссером Михаилом Роммом и другими видными деятелями культуры. НКВД позволял элитной группе художественной интеллигенции и представителям бывшей аристократии вести светский образ жизни, ни в чем их не ограничивая, но часть этих людей была завербована, а за остальными велось тщательное наблюдение, с тем чтобы использовать в будущем в случае надобности.

Демьянова «вели» Ильин и Маклярский. Он не использовался как мелкий осведомитель, в его задачу входило расширять круг знакомств среди иностранных дипломатов и журналистов — завсегдаев ипподрома и театральных премьер.

Появление Демьянова в обществе актеров, писателей и режиссеров было столь естественным, что ему легко удавалось заводить нужные связи. Он никогда не скрывал своего происхождения, и это можно было без труда проверить в эмигрантских кругах Парижа, Берлина и Белграда. В конце концов Демьяновым стали всерьез интересоваться сотрудники немецкого посольства и абвер.

В канун войны Александр сообщил, что сотрудник-торгового представительства Германии в Москве как вскользь упомянул несколько фамилий людей, близких семье Демьяновых до революции. Проинструктированных соответствующим образом Ильиным Демьянов не проявил к словам немца никакого интереса: речь шла о явной попытке начать его вербовку, а в этих случаях не следовало показывать излишнюю заинтересованность. Позднее, как видно из воспоминаний Гелена, шефа разведки немецкого генштаба сухопутных войск, ему было присвоено имя «Макс».

Первый контакт с немецкой разведкой в Москве коренным образом изменил его судьбу: отныне в его агентурном деле появилась специальная пометка, поставленная Маклярским. Это означало, что в случае войны немцами Демьянов мог стать одной из главных фигур, которой заинтересуются немецкие спецслужбы. К началу войны агентурный стаж Александра насчитывал почти десять лет. Причем речь шла о серьезных контрразведывательных операциях, когда ему приходилось контактировать с людьми, не думавшими скрывать свои антисоветские убеждения. В самом начале войны Александр записался добровольцем в кавалерийскую часть, но ему была уготована другая судьба: он стал одним из наиболее ценных агентов, переданных в мое распоряжение для выполнения спецзаданий. В июле 1941 года Горлинский, начальник Секретно-политического управления НКВД, и я обратились к Берии за разрешением использовать Демьянова вместе с Глебовым для проведения в тылу противника операции «Монастырь». Для придания достоверности операции «Монастырь» в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей.

Как я уже упоминал, наш замысел сводился к тому чтобы создать активную прогерманскую подпольную организацию «Престол», которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получают соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории. Мы надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе. Агентурные дела «Престол» и «Монастырь» быстро разбухали, превращаясь в многотомные. Несмотря на то что эти операции были инициированы и одобрены Берией, Меркуловым, Богданом Кобуловым и другими, впоследствии репрессированными высокопоставленными сотрудниками органов госбезопасности, они остаются классическим примером работы высокого уровня профессионализма, вошли в учебники и преподаются в спецшколах, разумеется, без ссылок на действительные имена задействованных в этой операции агентов и оперативных работников.

Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц,

сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противоборство между НКВД и абвером.

После тщательной подготовки Демьянов («Гейне») перешел в декабре 1941 года линию фронта в качестве эмиссара антисоветской и пронемецкой организации «Престол». Немецкая фронтовая группа абвера отнеслась к перебежчику с явным недоверием. Больше всего немцев интересовало то, как ему удалось пройти на лыжах по заминированному полю. Александр сам не подозревал об опасности и чудом уцелел. Его долго допрашивали, требовали сообщить о дислокации войск на линии фронта, затем инсценировали расстрел, чтобы заставить под страхом смерти признаться в сотрудничестве с советской разведкой.

Ничего не добившись, Александра перевели в Смоленск. Там его допрашивали офицеры абвера из штаба «Валли». Недоверие стало постепенно рассеиваться. Демьянову поверили после того, как навели о нем справки в среде русской эмиграции, и убедились, что он не вовлекался до войны в разведывательные операции, проводившиеся ОГПУ — НКВД через русских эмигрантов. Немцам было известно, что русская эмиграция нашпигована агентами НКВД, действовавшими весьма эффективно: многие эмигранты охотно сотрудничали с нами из патриотических соображений и чувства вины перед Родиной. Это позволяло сводить на нет все попытки белой эмиграции проводить теракты и организовывать диверсии. Кроме того, выяснилось, что перед войной агенты абвера вступали с ним в контакт, разрабатывали его в качестве источника, и в берлинском досье он фигурировал под кодовым именем «Макс». Абвер сделал ставку на «Макса».

Александр прошел курс обучения в школе абвера. Единственной трудностью для него было скрывать, что он умеет работать на рации и знает шифровальное дело. Немцы были буквально в восторге, что завербовали столь способного агента. Это облегчало и нашу работу, так как он мог быть заброшен к нам в тыл без радиста.

Теперь немцы поставили перед Демьяновым («Максом») конкретные задачи: он должен был осесть в Москве и создать, используя свою организацию и связи, агентурную сеть с целью проникновения в штабы Красной Армии. В его задачи входила также организация диверсий на железных дорогах.

В феврале 1942 года немцы забросили «Макса» на парашюте на нашу территорию вместе с двумя помощниками. Время для этого они выбрали неудачное: в снежном буране все трое потеряли друг друга и добирались из-под Ярославля в Москву поодиночке. Александр связался нами и быстро освоился с обязанностями резидента немецкой разведки. Оба помощника вскоре были арестованы. Немцы начали посылать курьеров для связи с «Максом». Большинство этих курьеров мы сделали двойными агентами, а некоторых арестовали. Всего мы задержали более пятидесяти агентов абвера, посланных на связь.

Александр как разведчик имел полную поддержку семьи, что было для нас большой удачей. Детали его разведывательной деятельности были известны его жене и, тестю. Нарушая правила, мы пошли на это по простой и представлявшейся нам разумной причине. Заключалась она в следующем.

Его жена Татьяна Березанцова работала на Мосфильме ассистентом режиссера

и пользовалась большим авторитетом среди деятелей кино и театра. Тесть, профессор Березанцов, считался в московских академических кругах медицинским богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Ему, одному из немногих специалистов такого уровня, разрешили частную практику. Березанцова хорошо знали и в дипкорпусе, что было для нас очень важно. В то время ему было за пятьдесят. Высокообразованный, он прекрасно говорил на немецком (получил образование в Германии), французском и английском языках. Его квартира использовалась как явочная для подпольной организации «Престол», а позднее для контактов с немцами. НКВД понимал, что немцы легко могут проверить, кто проживает в этой квартире, и казалось естественным, что вся семья, корни которой уходили в прошлое царской России, может быть вовлечена в антисоветский заговор.

По моему предложению первая группа немецких агентов должна была оставаться на свободе в течение десяти дней, чтобы мы смогли проверить их явки и узнать, не имеют ли они связи еще с кем-то, кроме Александра («Макса»). Берия и Кобулов предупредили меня, что, если в Москве эта группа устроит диверсию или теракт, мне не вносить головы.

Жена Александра растворила спецтаблетки в чае и водке, угостила немецких агентов у себя на квартире, и, пока под действием снотворного они спали, наши эксперты успели обезвредить их ручные гранаты, боеприпасы и яды. Правда, часть боеприпасов имела дистанционное управление, но специалисты считали, что в общем эти агенты разоружены. Подобные операции на квартире Александра были весьма рискованным делом: «гости», как правило, отличались отменными физическими данными и несколько раз, несмотря на таблетки, неожиданно просыпались раньше времени.

Некоторым немецким курьерам, особенно выходцам из Прибалтики, мы позволяли возвратиться в штаб-квартиру абвера при условии, что они доложат об успешной деятельности немецкой агентурной сети в Москве.

В соответствии с разработанной нами легендой мы устроили Демьянова на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии. По мере того как мы разрабатывали фиктивные источники информации для немцев среди бывших офицеров царской армии, служивших у маршала Шапошникова, вся операция превращалась в важный канал дезинформации. Радиоигра с абвером становилась все интенсивнее. В середине 1942 года радиотехническое обеспечение игры было поручено Фишеру-Абелю.

Демьянову между тем удалось создать впечатление, что его группа произвела диверсию на железной дороге под Горьким. Чтобы подтвердить диверсионный акт и упрочить репутацию Александра, мы организовали несколько сообщений в прессе о вредительстве на железнодорожном транспорте.

В немецких архивах операция «Монастырь» известна как «Дело агента «Макса». В своих мемуарах «Служба» Гелен высоко оценивает роль агента «Макса» — главного источника стратегической военной информации о планах Советского Верховного Главнокомандования на протяжении наиболее трудных лет войны. Он даже упрекает командование вермахта за то, что оно проигнорировало

своевременные сообщения, переданные «Максом» по радио, передатчику из Москвы, о контрнаступлении советских войск. Надо отдать должное американским спецслужбам, они не поверили Гелену и в ряде публикаций прямо указали, что немецкая разведка попала на удочку НКВД. Гелен, однако, продолжал придерживаться своей точки зрения, согласно которой работа «Макса» являлась одной из наиболее впечатляющих примеров успешной деятельности абвера в годы войны.

Начальник разведки немецкой службы безопасности Вальтер Шелленберг в своих мемуарах утверждает, что ценная информация поступала от источника, близкого Рокоссовскому. В то время «Макс» служил в штабе Рокоссовского офицером связи, а маршал командовал войсками Белорусского фронта. По словам Шелленберга, офицер из окружения Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 30-х годах и сидел два года в тюрьме.

Престиж «Макса» в глазах руководства абвера был действительно высоким — он получил от немцев «Железный крест с мечами». Мы, в свою очередь, наградили его орденом Красной Звезды.

Жена Александра и ее отец за риск при выполнении важнейших заданий были награждены медалями «За боевые заслуги».

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из Советского Верховного Главнокомандования. Дезинформация, передаваемая «Гейне»-«Максом», готовилась в Оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, Штеменко, затем визировалась в Разведуправлении Генштаба и передавалась в НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942–1943 годах там, где их «предсказывал» для немцев «Гейне»-«Макс», но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года «Гейне»-«Макс» сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом погибли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск.

Дезинформация «Гейне»-«Макса», как следует из воспоминаний Гелена, способствовала также тому, что немцы неоднократно переносили сроки наступления на Курской дуге, а это было на руку Красной Армии.

Часть информации, которая шла в Берлин, возвращалась к нам от немцев. Вот как это было. В 1942–1943 годах непродолжительное время, до своего разоблачения, с нами сотрудничал полковник Шмит, один из руководителей шифровальной службы абвера. Он передал нашим людям во Франции разведывательные материалы, полученные абвером из Москвы. Мы проанализировали их, и выяснилось, что это была наша же дезинформация, переданная «Гейне»-«Максом».

Одну из шифровок мы получали трижды. Первый раз — из Франции через Шмита в феврале 1943 года. Второй раз в марте 1943 года от Энтони Бланта (Кембриджская группа), служившего в английской разведке: он сообщил нашему резиденту в Лондоне Горскому, что у немцев в Москве есть важный источник информации в военных кругах. Третий раз — англичане через миссию связи нашей разведки в Лондоне передали в апреле 1943 года это же сообщение, будто бы перехваченное английской разведкой в Германии. На самом деле англичане получили эту информацию с помощью дешифровальной машины «Enigma» и представили нам в сильно урезанном виде, что ими практиковалось и в дальнейшем. Немецкое верховное командование использовало передававшуюся «Гейне»-«Максом» информацию для ориентации офицеров своих боевых частей на Балканах. Британская разведка перехватывала эти сообщения, посылавшиеся из Берлина на Балканы, так что мы в конце концов наши же данные получали от Бланта, Кэрнкросса и Филби. Это доказывало, что наша дезинформация работает. В Швейцарии британская спецслужба, как уже упоминал, давала отредактированные тексты перехваченных, дешифрованных с помощью «Enigma», своему агенту поддерживавшему контакт с Рёсслером, который, в свою очередь, передавал эту информацию «Красной капелле», откуда она поступала и Центр. И так мы имели две версии, рожденные первоначально нашей дезинформацией переданной «Максом».

В феврале 1943 года мы получили из Лондона модифицированную версию сообщения Демьянова в Берлине вместе с указанием, что германская разведка имеет в военных кругах Москвы свой источник информации. Позднее через нашего резидента в Лондоне Чичаева британская спецслужба предупредила нас: есть основания полагать, что у немцев в Москве важный источник, через который просачивается военная информация. Мы поняли, что речь идет об Александре.

Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием «Гейне»-«Макса» была задумана как чисто контрразведывательная. Действительно, когда он вернулся в Москву в 1942 году в качестве резидента немецкой разведки, мы при его помощи захватили более 50 агентов противника. Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

Известно, что немцы очень гордились тем, что у них в Москве был свой агент «Макс». В 1945 году американские контрразведчики заполучили бывшего руководителя разведпункта абвера в Софии и Будапеште Клатта-Каудерса, который многое им рассказал о «Максе». Донесения от него Клатт получал с 1942 года по радио, причем прямо из Москвы. В них содержалась информация о важнейших решениях Ставки Верховного Главнокомандования, о суждениях маршала Бориса Шапошникова и других военачальников. Сведения эти ценили в отделе «Иностранных армий Востока» генштаба сухопутных сил Германии,

возглавлявшимся Рейнхардом Геленом. Многие высшие немецкие военачальники не принимали своих решений, пока не получали от службы Канариса донесений «Макса». В своих послевоенных воспоминаниях генерал Гелен отзывался о донесениях «Макса» как о большом достижении немецкой военной разведки. «Макс» был для нее чуть ли не единственным прямым источником сведений из Москвы.

Донесения «Макса» докладывались самому высшему военному и государственному руководству Германии. В личном архиве рейсфюрера СС Генриха Гиммлера есть дело, в котором содержатся «специальные донесения» за литером «А». В них излагаются оценки военного и политического положения Советского Союза, пришедшие из Москвы в январе и апреле 1943 года, в том числе «разговоры с маршалом Шапошниковым». Безусловно, это донесения «Макса».

Все эти и им подобные материалы в большом количестве обнаружил в начале 90-х годов немецкий историк Винфрид Майер в архивах абвера и рассекреченных документах американской контрразведки. Данные о «Максе» составили часть фундаментального и исключительно интересного труда В. Майера «Операция Семерка», вышедшего в 1993 году в Берлине в издательстве «Атенеус-программ». О «Максе» писали и другие немецкие исследователи, в частности, автор классических работ по истории службы Канариса Хейнц Хенек. Он отзывался о «Максе» в самых высоких тонах, считая его крупнейшим разведчиком Второй мировой войны.

Помимо операции «Монастырь» наша служба во время войны вела примерно 80 радиоигр дезинформационного характера с абвером и гестапо.

В 1942–1943 годах нам окончательно удалось захватить инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой. Обусловлено это было тем, что мы внедрились надежных агентов в абверовские школы диверсантов-разведчиков, забрасываемых в наши тылы под Смоленском, на Украине и в Белоруссии. Наша удачная операция по перехвату диверсантов зафиксирована в литерном деле «Школа». Перевербовав начальника паспортного бюро учебного центра в Катynie, мы получили установки более чем на 200 немецких агентов, заброшенных в наши тылы. Все они были либо обезврежены, либо их принудили к сотрудничеству. По этим материалам был поставлен большой многосерийный фильм по повести В. Ардаматского «Сатурн почти не виден».

В 1943 году «наследник» мифического националистического центра в Узбекистане, пользовавшийся полным доверием гестапо, по нашему заданию сорвал крупные диверсии фашистов в Средней Азии.

В проведении этой важной работы большую роль сыграли оперативные работники 4-го управления Маклярский и Гарбуз. Последний перебросил через линию фронта для разложения «Туркестанского легиона» немцев этого крупного агента из семьи репрессированных в 1937 году руководителей Узбекистана.

«Группа Шерхорна» на связь не вышла

В 1944 году операция «Монастырь» начала развиваться в новом направлении. Накануне летнего наступления Красной Армии в Белоруссии Сталин вызвал начальника Разведупра Кузнецова, начальника военной контрразведки СМЕРШ Абакумова, наркома госбезопасности Меркулова и меня. Настроение у меня было приподнятым наша работа шла успешно, и месяц назад нас с Эйтингоном наградили орденами Суворова за боевые операции немецком тылу. Как правило, эта высокая награда давалась только командирам фронтовых частей за выигранные сражения, и тот факт, что на сей раз ее вручили офицерам госбезопасности, говорил о многом. Вот почему на встречу я шел с чувством уверенности, да и Меркулов был в отличном расположении духа, как один из кураторов операции «Монастырь».

Однако Сталин принял нас весьма холодно. Он упрекнул за непонимание реальностей войны и спросил, как, на наш взгляд, можно использовать «Монастырь» и другие радиоигры для оказания помощи нашей армии в наступательных операциях, и предложил расширить рамки радио игр, отметив, что старые приемы не подходят к новой обстановке. Кузнецов предложил подбросить новую информацию через «Гейне»-«Макса» о якобы планировавшемся наступлении на Украине. Я не был готов к такому повороту разговора и абсолютно ничего не знал о планах Советского Верховного Главнокомандования. К тому же я помнил совет маршала Шапошникова никогда не вступать в дела, находящиеся за пределами твоей компетенции. Вот почему я молчал, когда Абакумов возобновил попытки подчинить операцию «Монастырь» СМЕРШ, заявляя, что его аппарат имеет с Генштабом более тесные связи, чем НКВД.

Сталин вызвал генерала Штеменко, начальника Оперативного управления Генштаба, и тот зачитал приказ, подготовленный еще до нашего разговора. В соответствии с приказом мы должны были ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков немецких войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления. Замысел Сталина заключался в том, чтобы обманым путем заставить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и «помочь» им сделать серьезную попытку прорвать окружение. Размах и смелость предполагавшейся операции произвели на нас большое впечатление. Я испытывал подъем и одновременно тревогу: новое задание выходило за рамки прежних радиоигр с целью дезинформации противника.

19 августа 1944 года генеральный штаб немецких сухопутных войск получил посланное абвером сообщение «Макса» о том, что соединение под командованием подполковника Шерхорна численностью в 2500 человек блокировано Красной Армией в районе реки Березины. Так началась операция «Березино» — продолжение операции «Монастырь».

Операцию «Березино» разработал начальник третьего отдела 4-го управления полковник Маклярский, я поддержал идею операции. Планировалась заманчивая радиоигра с немецким верховным командованием. О ее замысле во исполнение указания Ставки было доложено лично Сталину, Молотову, Берии. Санкция на

проведение операции была получена.

Для непосредственного руководства этой операцией в Белоруссию на место событий выехали мой заместитель Эйтингон, Маклярский, Фишер, Серебрянский и Мордвинов.

В действительности группы Шерхорна в тылу Красной Армии не существовало. Немецкое соединение под командованием этого офицера численностью в 1500 человек, защищавшее переправу на реке Березине, было нами разгромлено и взято в плен. Эйтингон, Маклярский, Фишер, Мордвинов, Гудимович, Т. Иванова, Гарбуз при активном участии «Гейне»-«Макса» перевербовали Шерхорна и его радистов. В Белоруссию были отправлены бойцы и офицеры бригады особого назначения, вместе с ними прибыли немецкие антифашисты-коминтерновцы. В игре также участвовали немецкие военнопленные, завербованные советской разведкой. Таким образом, было создано впечатление о наличии реальной немецкой группировки в тылу Красной Армии. Так, с 19 августа 1944 года по 5 мая 1945 года мы провели самую, пожалуй, успешную радиоигру с немецким верховным командованием. Однако оперативные работники, участвовавшие в операции «Березино», не были награждены ни тогда, ни в последующие годы, ни к 50-летию Победы, хотя представлялись к награждению.

Немецкая служба безопасности и генеральный штаб германских сухопутных войск всерьез замыслили нарушить тыловые коммуникации Красной Армии, используя соединение Шерхорна. С этой целью Шерхорну в ответ на его просьбы о помощи были посланы специалисты по диверсиям и техника. При этом нам удалось захватить направленную на связь с Шерхорном группу боевиков-эсэсовцев.

Шерхорн посылал в Берлин отчеты о диверсиях в тылу Красной Армии, написанные Эйтингоном, Маклярским и Мордвиновым. «Макс» получил приказ из Берлина проверить достоверность сообщений Шерхорна о действиях в тылу Красной Армии — он их полностью подтвердил. Гитлер произвел Шерхорна в полковники и наградил «Рыцарским крестом», а Гудериан отправил личное поздравление. Шерхорну приказали прорваться через линию фронта и продвигаться в Польшу, а затем в Восточную Пруссию. Шерхорн потребовал, чтобы ему для обеспечения этой операции парашютом были сброшены польские проводники, сотрудничавшие с немцами. Берлин согласился, и в результате мы захватили польских агентов немецкой разведки. Гитлер, со своей стороны, планировал послать начальника службы спецопераций и диверсий Скорцени и его группу, но от этого плана немцам пришлось отказаться из-за ухудшения в апреле 1945 года военной ситуации на советско-германском фронте.

5 мая 1945 года, незадолго до завершения войны, командование вермахта и абвер в своей последней телеграмме рекомендовало Шерхорну действовать по обстоятельствам. «Максу» было приказано законсервировать источники информации и порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами-окруженцами, которым грозило пленение, вернуться в Москву, затаиться и постараться сохранить свои связи. Шерхорна и его группу мы интернировали под Москвой, где они находились до тех пор, пока не были освобождены в начале 50-х годов.

Примечательно, что Гелен, возглавлявший после Канариса немецкую военную разведку, стремясь завоевать доверие американцев, предлагал «Макса» как надежного источника после войны. Однако разведка США отнеслась с недоверием к предложению Гелена.

Большая заслуга в проведении операций «Монастырь» и «Березино» принадлежит начальнику отделения Масся, который в 1945–1950 годах вместе с женой активно участвовал в разведывательной работе по атомной проблеме в США.

Особо также отличился В. Фишер — Р. Абель, под видом немецкого офицера лично встречавший на полевом аэродроме диверсантов Скорцени.

Нельзя не отметить большое содействие успешному проведению радиоигр «Монастырь» и «Березино» со стороны опытных и результативных работников военной контрразведки (СМЕРШ) Барышникова и Утехина.

У меня созрел план использовать Шерхорна для вербовки немецкого адмирала Редера, командующего военно-морскими силами, отстраненного Гитлером от исполнения своих обязанностей в 1943 году. Будучи в плену, Редер находился в Москве. Позднее, по его просьбе, в Москву приехала его жена. Казалось, он настроен на сотрудничество с нами — в обмен на обещание не предъявлять ему обвинения как военному преступнику на Нюрнбергском процессе, хотя британская сторона и настаивала на привлечении его к суду за операции немецких подводных лодок против Британского флота и безоружных торговых судов.

Я поселил его с женой у себя на даче, но вскоре убедился, что мой план воздействия на адмирала через Шерхорна нереален, поскольку они оказались несовместимы друг с другом. Более благотворно действовал на адмирала Серебрянский, который был на моей даче под домашним арестом как «военнопленный» (он играл роль немецкого бизнесмена). Серебрянскому удалось убедить адмирала, чтобы он возобновил в Германии свои знакомства и связи. Редеру, помнится, очень нравились прогулки вдоль Москвы-реки на трофейном лимузине «хорьх» — именно такой был у него в Германии.

В конце 1945 года мы отправили Редера в Германию. Британская сторона продолжала настаивать на предании его суду как военного преступника. Насколько я помню, мы достигли соглашения с англичанами и американцами по этому вопросу. Редер, несколько других высших офицеров немецких ВМС и еще группа офицеров были переданы союзникам в обмен на бывшего царского генерала Краснова, командовавшего в Гражданскую войну казачьим войском, а во Вторую мировую служившего в штабе вермахта, и советских офицеров, сражавшихся в армии Власова. Шерхорн был также возвращен в Германию, и мои связи с этими людьми прервались.

После войны мы сделали попытку вновь задействовать Александра Демьянова («Гейне»-«Макс»), на сей раз в Париже, но вскоре выяснилось, что там эмигрантские круги не проявили к нему никакого интереса, и он вместе с женой возвратился в Москву. Больше ни в каких разведывательных операциях ни он, ни его жена не участвовали. Демьянов работал впоследствии инженером-электриком в одном научно-исследовательском институте. Умер он в 1975 году от разрыва сердца,

катаясь на лодке по Москве-реке. Ему было шестьдесят четыре года.

Глава 15. В глубоком тылу

Возрастание масштабов вооруженного сопротивления врагу в его тылах вызвало необходимость крупных организационных мероприятий по развертыванию боевых операций по линии органов госбезопасности на оккупированной территории. Эта работа выполнялась под непосредственным руководством Ставки Верховного Главнокомандования (1941–1945 годы). Конкретно 4-е управление НКВД СССР, созданное Приказом № 001145 от 18 января 1942 года для «проведения специальной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной работы в тылу противника, а также организации и осуществления по выводу из строя и уничтожению промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, угрожаемой противником» и его четвертые отделы территориальных органов госбезопасности выполняли ответственные задания Ставки Верховного Главнокомандования (1941–1945 годы), Штаба обороны Москвы (октябрь–декабрь 1941 года), командующего Западным фронтом (1941–1943 годы), Штаба обороны Главного Кавказского хребта (1942–1943 годы), командующего Северо-Кавказским фронтом (1942–1943 годы), командующего Закавказским фронтом 1942–1943 годы), командующего Центральным фронтом (1943 год), командующего 1-м Белорусским фронтом (1943–1944 годы).

В годы войны наше подразделение стало главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов госбезопасности в тылу противника. Ему принадлежит важная роль в иницировании и развертывании массового партизанского движения в тылах фашистской армии. Во исполнение Постановления ЦК ВКП (б) и правительства «Об организации борьбы в тылу германских войск» и в первый период войны именно на базе четвертых отделов НКВД возникли первые партизанские отряды и истребительные группы. Особую роль наш аппарат сыграл в организации конспиративного обеспечения массового партизанского движения в Белоруссии, Прибалтике, на Украине. Вместе с тем, как следовало из Директивы НКВД СССР от 13 июля 1942 года, штабам партизанского движения не подлежали передаче разведывательно-диверсионные группы специального назначения, действовавшие в тылах противника, разведывательная агентура, курьеры и связники, резиденты в немецком тылу, а также переписка по партизанским формированиям (сводки, донесения, доклады, радиogramмы и т. д.).

Именно эту громадную боевую работу, базируясь на сплошных клеветнических измышлениях и фальсификациях, стремятся представить в искаженном виде ваксберги, бобрENEвы, рязанцевы, петровы и прочие очернители героической борьбы наших разведчиков с фашизмом.

В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью 15 тысяч человек. Двадцать три наших офицера получили высшую правительственную награду — им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями. Маршалы Жуков и Рокоссовский специально обращались в НКВД с просьбой о выделении им отрядов из состава 4-го управления НКВД для уничтожения вражеских коммуникаций и поддержки наступательных операций Красной Армии в Белоруссии, Польше и на

Кавказе. Подразделения 4-го управления и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника. Руководить всеми этими операциями поручено было мне и Эйтингону. В истории НКВД это, пожалуй, единственная глава, которой продолжают гордиться его преемники. На всех официальных мероприятиях, посвященных очередной годовщине битвы под Москвой и Сталинградом, а также освобождению Белоруссии, всегда упоминают имена партизан и подпольщиков, находившихся под нашим командованием. Кузнецов, Медведев, Прокопюк, Ваупшасов, Карасев, Марковский, Прудников, Шихов, Кудря, Лягин для наших людей — герои сопротивления фашизму на оккупированных территориях. С 1945 по 1992 год у нас издано приблизительно пять тысяч книг и статей о боевых операциях Особой группы 4-го управления в Великой Отечественной войне. В эти годы я находился на действительной службе, затем был арестован, заключен в тюрьму, наконец, освобожден и реабилитирован. И ни в одной из этих публикаций вы не найдете моего имени. Там, где на документах стояла моя подпись, появилось многоточие. Сначала меня не упоминали по соображениям секретности, а позднее мое имя изымалось, поскольку я являлся осужденным преступником и нежелательным свидетелем. Думаю, что нет необходимости останавливаться на известных подвигах бойцов и офицеров, сражавшихся вместе со мной в годы войны. В сборниках под моей редакцией, изданных в 1970–1992 годах, названо более трех тысяч имен героев, воевавших в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения. Мне хотелось лишь остановиться на важнейших операциях советской разведки, рассказать о героях тайной войны, о которых мало знают, но которые сыграли заметную роль в военно-политических событиях того времени. Принципиально важно сейчас преодолеть конъюнктурные подходы к оценке роли органов госбезопасности в организации партизанского движения. Фактически именно они на первом этапе до образования Центрального штаба партизанского движения сыграли в его становлении главную координирующую роль. Этот тезис вызывает резкие возражения историков КПСС и войны, которые намеренно или по незнанию игнорируют архивные документы органов госбезопасности. Не хочу называть имен, но имею весомые основания утверждать, что почти все видные партизаны и подпольщики действовали в тылу врага в качестве особо доверенных, лиц органов НКВД — НКГБ, особенно в 1941–1942 годах, опираясь на нашу проверенную агентуру.

Именно НКВД СССР (Берия) вошел с ходатайством в ГКО в мае 1942 года о присвоении впервые высшего звания Героя Советского Союза выдающимся командирам партизанских отрядов тогда мало кому известным С. А. Ковпаку, И. И. Копенкину (сотрудник НКВД), А. Н. Сабурову (сотрудник НКВД) и А. Ф. Федорову 18 мая 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР это звание было им присвоено. Кроме того, по тому же ходатайству НКВД были награждены орденами и медалями более 190 человек, которые сражались в партизанских отрядах под руководством этих командиров. В 1942 году характер борьбы на коммуникациях в тылу врага резко изменился.

Партизанское движение после провала «Блицкрига» приняло массовый

характер. НКВД было просто не под силу, руководить им. У нас вместе с Разведупром Красной Армии были свои важные задачи организация диверсионной войны в глубоком тылу, противодействие спецслужбам, немцев и проникновение в их боевые порядки. Массовое же движение могло быть возглавлено только той структурой, которая опиралась бы на все ветви власти в стране. Таким органом стал Центральный штаб партизанского движения во главе с Н. Пономаренко, который задействовал громадный потенциал партийного аппарата и актива, а также представителей военного командования и НКВД. После того как руководить партизанским движением стал Центральный и местные штабы партизанского движения, одной из основных форм работы НКВД— НКГБ явилось направление на базы действовавших в тылу противника партизанских отрядов специальных оперативных групп НКВД — НКГБ и отдельных оперативных работников. Делалось это, прежде всего, конечно, исходя из оперативной обстановки. Но при этом партизанским отрядам оказывалась действенная помощь в организации агентурно-разведывательной работы и агентурной подготовки боевых операций. Постепенно сравнительно небольшие по численности оперативно-боевые группы выросли в крупные партизанские соединения. В тыл противника с заранее определенными заданиями выводились оперативно-чекистские, диверсионно-разведывательные группы и отряды. Действуя на оккупированной территории, они значительно пополняли свои ряды за счет местного населения и военнопленных, бежавших из лагерей. Выполняя задания по разрушению коммуникаций и стратегических объектов врага, эти группы и отряды в чрезвычайно тяжелой обстановке прошли громадные расстояния и своей деятельностью охватили большую территорию, оккупированную немцами и их союзниками. Оперативная группа майора госбезопасности С. Волокитина эффективно действовала в тылу против так называемой испанской «Голубой дивизии». Были добыты важные данные о планах и задачах испанских фашистских легионеров Франко, посланных в подмогу Гитлеру на Восточный фронт. Мне запомнились смелые и рискованные, но оправданные рейды по тылам франкистов Симона Кримкер (будущий нелегал советской разведки «Мира» в Аргентине и в Чехословакии в 1947–1956 годах), Хусто Лопеса («Патрик»). Вместе с тем неудачными были наши операции против венгерских сателлитов Гитлера. Героически погибла от рук венгерских фашистов оперативная группа Р. Патаки. Так же, несмотря на героизм, не принесли ощутимых результатов наши усилия в Крыму. Оперативные группы А. Арапова, В. Калошина, хотя и добыли важную информацию, не смогли стать опорой для развития партизанского движения. Погибла и была частично перевербована немцами опергруппа Араджанова.

Еще в начале войны во время отхода частей Красной Армии было оставлено большое количество агентуры на территории, находящейся под угрозой немецкой оккупации. Например, НКГБ Украины в это время было оставлено в тылу противника почти 13 тысяч агентов. В первые два года войны через линию фронта во вражеский тыл были заброшены около четырех тысяч человек. Члены этих групп и отрядов, а также завербованная ими на месте агентура успешно осуществили многочисленные диверсионные акты и боевые операции на железнодорожном транспорте, на промышленных объектах, в административных центрах и на шоссейных коммуникациях врага. Массовые переброски нашей агентуры через

линию фронта, а также оставление ее в тылу противника на первом, тяжелом этапе Отечественной войны сыграли большую роль в развитии партизанского движения. Многие агенты в силу обстоятельств, не выполнив основного задания, ушли на нелегальное положение и стали в ряде случаев организаторами партизанских отрядов.

В начале 1942 года оперативной группой ныне Героя Советского Союза Ф. Озмителя был организован в Смоленской области партизанский отряд в количестве 90 человек под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Н. И. Талерко. Комиссаром отряда стал председатель Руднянского райисполкома Евдоким Мельников, который погиб в октябре 1942 года.

В сентябре 1943 года в районе г. Рудня Смоленской области был организован другой отряд — под руководством «Максимова» — Степанцова Алексея Мироновича, которому удалось устроиться на работу в полицию и сформировать партизанский отряд. В нем было 30 бывших служащих РОА и 67 местных полицейских. Партизаны завербовали агента гестапо в г. Рудня и начальника полицейского отряда Руднянской полиции. Отряд при отступлении немцев проводил активные боевые действия; уничтожил четыре автомашины с немцами, одну штабную автомашину, семь немецких офицеров, захватил важные секретные документы и оружие. После освобождения Руднянского района от немцев Степанцов с группой в количестве пяти человек был направлен в Смоленск. В феврале 1944 года вступил и партизанский отряд, действовавший на территории Белоруссии. 26 июля 1944 года Степанцов погиб в бою с карателями.

В марте 1942 года в тыл противника недалеко от Минска была направлена оперативная группа НКГБ СССР «Местные» под руководством подполковника госбезопасности, ныне Героя Советского Союза С. Ваупшасова, который был в Красной Армии с 1918 года. Во время войны в Испании в 1937 году являлся советником командира 14-го корпуса республиканских войск, выполнял специальные задания в тылу франкистских войск, организовал школу партизанских командиров. Во время Великой Отечественной войны с 1942 года возглавлял спецгруппу, действовавшую на временно оккупированной фашистами, территории Белоруссии. В последующие годы принимал активное участие в борьбе с националистическим подпольем.

Всего группой «Местные» в 1942 году в Минской области было организовано 14 партизанских отрядов, ставших впоследствии крупными партизанскими соединениями. Эти отряды насчитывали свыше 3200 человек.

До момента организации Центрального штаба партизанского движения опергруппа руководила деятельностью 16 партизанских отрядов Минской области, а затем связала их с Центральным и Белорусским штабами партизанского движения.

В мае и июне 1942 года Ваупшасов провел в тылу противника в Минской области два совещания командиров 23 партизанских отрядов, на которых были рассмотрены и разрешены следующие вопросы: задачи партизанского движения в Отечественной войне; об установлении координации действий между отрядами; выработана и принята обязательная партизанская присяга; разработана и введена

единая структура партизанских отрядов; дана установка о создании партийно-комсомольских организаций; решен вопрос об обязательном введении в отрядах особого отдела и разведки; даны и приняты на совещаниях названия партизанских отрядов.

Оперативная группа «Местные» провела большую агитационно-массовую работу среди населения временно оккупированных районов Минской области. В марте-сентябре 1942 года опергруппа была единственной из групп, имеющей ежедневную связь с Москвой. Принимая ежедневно сводки Совинформбюро, она размножала их, распространяла среди населения, разъясняя положение на фронтах, решения партии и правительства, рассказывала о жизни за линией фронта. Бойцы и командиры опергруппы пользовались всеобщим уважением среди местного населения и партизанских отрядов.

За период действия в тылу противника опергруппа выросла за счет местного населения из 24 москвичей до 480 человек.

Параллельно с опергруппой «Местные» в районах Минской области большую практическую работу по организации партизанского движения проводила опергруппа НКГБ СССР «Бывалые» под руководством капитана госбезопасности, ныне Героя Советского Союза Лопатина.

За время работы в тылу противника с 20 марта 1942 года по 10 июля 1944 года опергруппа «Бывалые» выросла за счет местного патриотически настроенного населения и военнопленных, выведенных из лагерей, в одну из крупных оперативных групп НКГБ СССР, действовавших на оккупированной территории Белоруссии. Среди местного населения Минской области опергруппа «Бывалые» была известна как «бригада дяди Коли». На 1 июля 1944 года в оперативной группе насчитывалось 1540 человек. Только за один год в результате активной работы по организации партизанского движения и боевой деятельности опергруппа выросла в численном составе до 915 человек, из которых были созданы четыре партизанских отряда.

Оперативной группой «Бывалые» проводилась большая политическая работа среди населения. Только за один год в Борисовском, Плещеницком, Логойском, Смолевичском и других районах Минской области проведено более 520 собраний, на которых присутствовало более 50 тысяч человек. Центральные газеты, доставленные из-за линии фронта, — «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и другие — связными опергруппы проносились в города Минск и Борисов, где раздавались населению. Кроме того, опергруппа напечатала и распространила среди населения Минской области более 100 тысяч газет, брошюр, сводок Совинформбюро и разного рода обращений к населению.

На оккупированной территории Витебской области марта 1942 года действовала оперативная группа НКГБ СССР «Неуловимый» под руководством подполковника госбезопасности, ныне Героя Советского Союза Прудникова. Опергруппа «Неуловимый» провела ряд операций по очищению района своей деятельности от немецких ставленников и пособников и этими мероприятиями завоевала у населения доверие и авторитет.

С мая по декабрь 1942 года опергруппой было организовано в Витебской области 14 партизанских отрядов, из них в Невельском районе — три, Полоцком — шесть, Россонском — один, Дриссенском — один и Освейском районе — три отряда.

На 1 января 1943 года опергруппа имела в своем составе свыше двух тысяч человек. Командованием опергруппы «Неуловимый» для всех организованных отрядов был подобран командный состав, с командирами проводились занятия по подрывному делу и диверсионной технике.

В апреле 1942 года в тыл противника с задачей проведения диверсионно-разведывательной работы и организации партизанского движения на оккупированной территории Гомельской области была направлена опергруппа «Вперед» под руководством майора Шемякина. В Кормянском, Печерском, Краснопольском, Пропойском и Красногорском районах Гомельской области в июне 1942 года опергруппа, установив связь с рядом существовавших там партизанских отрядов, для активизации их деятельности созвала совещание командиров и комиссаров отрядов. На нем был организационно оформлен штаб всех отрядов во главе с секретарем Гомельского обкома КП(б) Белоруссии и налажена работа по обучению личного состава отрядов подрывному делу и диверсионной технике. Этой опергруппой на базе мелких групп и разрозненных отрядов были созданы Гордеевский, Клинцовский и Мглинский партизанские отряды общим количеством до тысячи человек. Отряды вели работу под непосредственным руководством опергруппы и перед ней отчитывались о результатах своей боевой деятельности.

На временно оккупированной немцами территории Барановичской и Пинской областей Белоруссии в 1943 году действовала опергруппа НКГБ СССР «Соколы», руководимая подполковником госбезопасности, ныне Героем Советского Союза Орловским.

Наряду с выполнением специальных заданий опергруппа проводила работу по привлечению местного населения в партизанские отряды, оказывала всестороннюю помощь целому ряду существовавших отрядов и групп в районах Барановичской и Пинской областей.

Оперативная группа «Ходоки» под руководством подполковника госбезопасности, ныне Героя Советского Союза Мирковского, направленная за линию фронта в мае 1942 года в Брянские леса с задачей дальнейшего продвижения на Украину, в пути следования проводила большую работу по созданию партизанских отрядов.

Оперативной группой НКГБ СССР «Охотники», руководимой подполковником госбезопасности, ныне Героем Советского Союза Прокопюком, действовавшей на территории Словакии, в сентябре 1944 года в период оккупации немцами Словакии и разоружения Словацкой Армии было сформировано из солдат и офицеров словацкой армии партизанское соединение под командованием бывшего командира 2-го словацкого артиллерийского полка подполковника Вогеля, состоявшее из пяти отдельных отрядов.

С августа 1942 года в лесных массивах между городами Березно, Сарны,

Рокитное и Городище дислоцировалась оперативная группа НКГБ СССР «Победители» под руководством полковника госбезопасности, Героя Советского Союза Медведева. В этих районах Западной Украины опергруппа провела ряд мероприятий по организации активного сопротивления населения немецким оккупантам, активизации существовавших и созданию новых партизанских групп и отрядов.

В наиболее крупных селах Березновского, Людвипольского, Сарненского, Клесовского и Рокитновского районов Ровенской области опергруппой из своих бойцов были созданы специальные группы по 10–15 человек. Эти группы вылавливали предателей и немецких агентов, ежедневно сообщали жителям сводки Совинформбюро, размножали и раздавали издававшиеся опергруппой листовки и проводили большую массово-разъяснительную работу среди населения.

К каждой такой группе был прикреплен целый ряд более мелких соседних населенных пунктов, в которых также проводилась соответствующая работа. Осенью 1942 года опергруппа для заготовки продовольствия провела ряд операций по разгрому немецких хозяйств (фольварков). В них содержалось большое количество коров, свиней, лошадей и зерна, отобранных немцами у местного населения с помощью националистов и украинской полиции.

Большая часть всего изъятого из этих хозяйств (скота и зерна) распределялась среди сочувствовавшего партизанам местного населения, что способствовало поднятию авторитета опергруппы и подрывало авторитет украинских националистов. Несколько таких операций по разгрому складов зерна опергруппа провела с привлечением местных жителей с их транспортом.

В результате всех этих мероприятий вокруг опергруппы сколотился большой актив не только сочувствовавших, но и всемерно помогавший опергруппе в ее работе. Из этого актива по селам организовывались вооруженные партизанские группы. Свыше 100 человек, не служивших в рядах Красной Армии, в течение короткого времени влились в опергруппу и, будучи зачисленными в учебные подразделения, прошли обучение военному делу.

Людвипольский, Березновский, Сарненский, Рокитновский, а частично и Городницкий районы, за исключением райцентров, не признавали больше оккупационных властей и, считая единственными представителями власти представителей опергруппы, фактически превратились в партизанский край.

В Ровно опергруппой «Победители» была установлена связь с двумя подпольными партийно-партизанскими организациями, которые возглавлялись Терентием Новаком и Павлом Мирющенко.

Группа Мирющенко к середине 1943 года насчитывала 130, а группа Новака — 60 человек. При организации этих групп учитывалась необходимость строжайшей конспирации применительно к условиям их работы. Наряду с распространением издававшихся опергруппой листовок и сводок Совинформбюро Группы занимались вербовкой военнопленных для партизанских отрядов, снабжали их медикаментами, а также проводили террористическую, диверсионную и разведывательную работу.

Кроме этих партийно-партизанских групп, ячейки которых охватывали многие

немецкие учреждения и предприятия, опергруппа располагала целым рядом мелких групп, занимавшихся кроме разведки выполнением ряда специальных заданий.

Партизанскими группами опергруппы «Победители» в Ровно было организовано большое количество серьезных диверсионных актов, главными из которых — взрыв вокзала, во время которого погибли свыше 100 старших и высших офицеров германской армии, взрыв генеральской фронтовой столовой, где были убиты три генерала и большое количество старших офицеров немецкой армии, взрыв немецкой ортскомендатуры, взрыв в центре города немецкого поезда с офицерским составом и другие акты.

Говоря об особенностях партизанской и диверсионной войны в немецком тылу по линии НКВД — НКГБ, следует отметить, что мы постоянно корректировали тактику действий агентурно-боевых групп. В конце 1942 года мы по согласованию с Центральным штабом партизанского движения сконцентрировали базирование наших сил и средств вокруг рокадных дорог и коммуникаций. В 1943 году перешли к практике рейдовых операций в немецком тылу, блестяще выполненных соединениями С. Ковпака, А. Федорова, А. Сабурова, Н. Прокопюка (НКВД). В 1943–1944 годах диверсионные операции на немецких коммуникациях приняли особый размах. Наши действия нанесли громадный ущерб снабжению немецкой армии горючим, в ряде случаев срывали переброску войск.

Совершенно необоснованны рассуждения некоторых участников диверсионной войны о более успешных операциях на коммуникациях врага в Белоруссии, нежели на Украине. При всем моем негативном отношении к Хрущеву, возглавлявшему штаб партизанского движения, и его заместителям Т. Срокачу и Н. Сергиенко, неприглядно проявивших себя при оставлении Киева в 1941 году, должен сказать, что условия для партизанской и диверсионной войны на Украине и в Крыму были для нас более неблагоприятными, чем в Белоруссии. В степных областях и районах Украины организовать партизанские соединения и диверсии на железных дорогах было исключительно трудно. На западных лесистых территориях наши оперативные группы добились больших успехов. Но их действия осложнялись постоянными боестолкновениями с бандами украинских националистов ОУН, которые активно сотрудничали с гитлеровскими оккупантами. Конечно, ОУН после разгона гитлеровцами правительства «Независимой Украины» во Львове, которое возглавлял Я. Стецко, просуществовавшего с июля по сентябрь 1941 года, пыталась проводить собственную линию все ее действия всегда базировались на тесном сотрудничестве с гитлеровцами. Это не исключало, как сообщал НКВД Украины в Москву, в Центр, случаев нападения украинских националистов на немецкие тыловые подразделения.

Сейчас хотелось бы рассказать о некоторых конкретных важных фактах операций партизанского движения по линии НКВД, которые недостаточно известны. Огромную роль в антифашистском восстании в Словакии сыграла оперативная группа НКГБ под руководством Героя Советского Союза В. Карасева. В август 1944 года НКГБ СССР докладывал в ГКО, что в процессе оказания помощи Главному чехословацкому штабу партизанского движения в Словакии во главе с представителем компартии Чехословакии Р. Сланским тем самым, который стал руководителем компартии был казнен по сфальсифицированному обвинению 1952

году (реабилитирован в 1961 г.), командир опергруппы, майор госбезопасности Карасев лично конспиративно встретился с командованием Словацко Армии и договорился, что 1-я и 2-я словацкие дивизии, воевавшие на стороне немцев, в момент перехода границы Словакии Красной Армией присоединятся к ней для совместной борьбы «против немцев и венгров». Более того, Карасев договорился со словацким командованием, что все минные заграждения и танковые препятствия будут устранены в момент под хода Красной Армии к границам Словакии, а ее передовым частям могут быть приданы словацки офицеры связи. Это впечатляющее сообщение на фоне наших других успехов летом 1944 года вызвало одобрительную реакцию Сталина. Он поручил, как мне говорил нарком Меркулов подготовить специальный указ о награждении чекистов-партизан, успешно действовавших в тылу врага. Такой указ был издан 5 ноября 1944 года. Я не хотел бы, чтобы героизм и заслуги В. Карасева, Н. Прокопюка, С Ваупшасова, Е. Мирковского и других в Польше, Венгрии, Словакии, Белоруссии были бы неправильно истолкованы. НКГБ СССР не подменял советского военного и политического командования. В частности, В. Карасеву были немедленно даны следующие указания: в официальные переговоры с высшим командованием Словацкой Армии не вступать и никаких обещаний не давать. Вместе с тем укреплять отношения с командирами отдельных частей и соединений, изучать агентурную обстановку в стране, организовать законспирированные базы для ведения разведывательной работы и приема перебрасываемой нами агентуры. Диверсионную работу проводить исключительно против немцев, всячески втягивая в нее местное население. В целом масштабы подвига оперативной группы «Олимп» под командованием В. Карасева и его заместителя, будущего главного нелегального резидента КГБ в Латинской Америке в 1952–1960 годах, друга по охоте на крокодилов парагвайского президента-диктатора Стреснера полковника М. Филоненко громадны. С января 1943 года по февраль 1945 года группа прошла по тылам противника более 11 тысяч километров, провела 130 крупных боев с немецкими частями и карательными формированиями ОУН, так называемых «восточных легионов», в том числе с Калмыцким кавалерийским корпусом, разрушая коммуникационные линии, связывавшие стратегические резервы Германии с Восточным фронтом. Характерно, что за время пребывания в тылу противника на территории Польши, Словакии и Чехии наши оперативно-чекистские, диверсионно-разведывательные группы и специальные отряды среди местного населения приобрели большую популярность и авторитет. Этому способствовали активные боевые операции против оккупантов. Хорошее взаимоотношение спецгрупп и отрядов с местным населением способствовало массовому вовлечению местных жителей в борьбу с немецкими захватчиками. Особенно большой авторитет завоевали специальные группы среди чешского и словацкого населения Праги, Бероуна, Добржиша, Брно, Банска-Бистрица, Братиславы. Вот всего лишь один пример. После приземления и организации боевых действий против немцев в районе Добржиша оперативно-чекистской группы «Факел» среди местных чехов возникло широкое движение по оказанию всяческой помощи нашим десантникам-парашютистам в борьбе с оккупантами. Помощь эта выражалась в снабжении опергрупп продуктами, одеждой, вооружением. Местные жители также информировали о действиях немцев.

Легендарный Кузнецов

Николай Кузнецов — разведчик-боевик опергруппы 4 управления НКГБ СССР «Победители» в тылу немцев. Его индивидуальная подготовка оттачивалась еще во время битвы под Москвой. К тому времени, когда он влился в опергруппу «Победители», у него уже был большой опыт агентурной работы. Кузнецов в силу своих биографических данных и по своим способностям мог бы эффективно использован в разных ролях.

Почему Кузнецов стал именно нелегалом-боевиком успешно действовавшим в тылу противника? Он никогда не находился за границей и потому не мог быть подставлен противнику в качестве офицера немецкой армии на условиях длительного пребывания или прохождения службы в его разведорганах, поскольку сразу же любая проверка, если бы он зачислялся на постоянную должность в штаб немецких спецслужб или комендантских подразделений, предполагала его провал. Мы планировали использовать его и в московском подполье не как офицера вермахта, а как обрусевшего немца Шмидта.

Он больше подходил для того, чтобы эпизодически появляться в форме немецкого офицера в тыловых учреждениях вермахта, в местах дислокации временного оккупационного персонала, где немецким контрразведывательным органам нет необходимости проводить спецпроверку на временно прикомандированного офицера, если он не допущен к секретным работам и документам.

Кузнецов, несмотря на существенный пробел в своей оперативной биографии — он не использовался как агент нашей внешней разведки внутри страны и за границей, не имел реального представления о жизни на Западе, — произвел на меня сильное впечатление своей сосредоточенностью и целеустремленностью. Он обладал мгновенной реакцией на собеседника, буквально подчинял его себе. Все говорило о том, что он владеет каким-то секретом подхода к людям, умеет их расположить к себе, влюбить в себя. Тогда у меня и возникла мысль о том, что его целесообразнее подготавливать как спецагента-боевика. Такой человек мог своим внешним видом, уверенной манерой поведения проложить себе дорогу к видному представителю немецкой администрации, добиться личного приема. У меня сразу сложилось впечатление о громадном потенциале этой личности.

Способности и громадный потенциал Кузнецова в полной мере правильно оценил позднее Д. Медведев («Тимофей»), назначенный в начале 1942 года начальником отделения негласного штата нашей службы. Он остановил на нем выбор как на перспективном спецагенте-боевике для своей оперативной группы «Победители» в тылу врага.

В чем состояла особенность подготовки Кузнецова? Прежде всего его обучали технике выхода на влиятельных людей среди офицеров вермахта и оккупационной администрации. Мы нацеливали его на изучение мельчайших деталей в поведении человека — объекта его индивидуальной разработки. «Колониста» тренировали, например, как действовать в непредвиденных обстоятельствах, которые могут

возникнуть. Например, когда он разрабатывается противником или находится в поле зрения наружного наблюдения. Учили его действовать в районах, где введено чрезвычайное положение по контролю всех транспортных средств, то есть ему создавались реальные оперативные ситуации в тылу противника. С. Окунь, Л. Сташко, Н. Крупенников и Ф. Бакин приучали его навыкам самостоятельно принимать решение в сложной оперативной обстановке. Причем главным в его тренировке была многовариантность ухода и отрыва от противника. Анализировались ситуации потенциального провала, захват противником радиста его оперативной группы, правила работы нелегальной резидентуры и т. д. Такая подготовка себя полностью оправдала.

В 1942 году Кузнецов был заброшен в район Ровно. Появился он там в форме немецкого офицера интендантской службы. По легенде, разработанной нами, Кузнецов якобы находился в отпуске по ранению, и ему поручено организовать доставку продовольствия и теплой одежды для его дивизии, расположенной под Ленинградом. Он выдавал себя за немца, несколько лет прожившего в Прибалтике, где и был мобилизован. По его словам, в Германию он возвратился только в 1940 году в качестве репатрианта. Шла война, перемещение людей было весьма интенсивным, абверу или гестапо понадобилось бы много времени для проверки его личности. Документы для его работы в немецком тылу были изготовлены австрийцем Миллером и его учеником Громушкиным.

Кузнецов был отправлен в тыл врага настоящим специалистом, готовым к боевой работе в экстремальных ситуациях. Он лично ликвидировал нескольких губернаторов немецкой администрации в Галиции. Эти акты возмездия организаторам террора против советских людей были совершены им с беспримерной храбростью среди бела дня на улицах Ровно и Львова. Одетый в немецкую военную форму, он смело подходил к противнику, объявлял о вынесенном смертном приговоре и стрелял в упор. Каждая тщательно подготовленная акция такого рода, страховалась боевой группой поддержки. Однажды его принимал помощник Гитлера гауляйтер Эрих Кох, глава администрации Польши и Галиции. Кузнецов должен был убить его. Но когда Кох сказал Кузнецову, чтобы тот как можно скорее возвращался в свою часть, потому что возле Курска должно начаться в ближайшие десять дней крупное наступление, Кузнецов принял решение не убивать Коха, чтобы иметь возможность незамедлительно вернуться к Медведеву и передать срочную радиограмму в Москву.

По заданию Ставки информация Кузнецова о подготовке немцами стратегической наступательной операции была перепроверена и подтверждена посланными нами в оккупированный Орел разведчиками Алексахиным и Воробьевым.

Партизанскому соединению под командованием полковника Медведева удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат своих людей с целью подготовки и нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки». Группа боевиков

Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки».

Вокруг личности Кузнецова ходят разного рода слухи, ставящие под сомнение, что он мог так долго и успешно играть роль немецкого офицера. Приходилось слышать о том, что он был послан в Германию еще до начала войны. Активисты «Мемориала», организации, объединяющей узников ГУЛАГа, старались связать его имя с репрессиями против немцев, депортированных в Казахстан из Сибири и Поволжья. Кузнецов никакого отношения к этому не имел. Он был русским, родом из Сибири, хорошо знал немецкий язык и бегло говорил на нем, потому что жил среди проживающих там немцев. Его привлекло к работе местное НКВД и в 1939 году направило в Москву на учебу. Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, то есть советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе с интеллигенцией. Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах «Метрополь» и «Националь», а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупреждать нас о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы.

Я провел с Кузнецовым многие часы, готовя к будущим заданиям. Вспоминаю о нем как о человеке редкого таланта оставаться спокойным при выполнении боевых заданий, реалистичном и разумном в своих действиях. Но постепенно он начал очень верить в свою удачу и совершил роковую ошибку, пытаясь пересечь линию фронта для встречи с частями Красной Армии. Кузнецова и его людей схватили

бандеровцы, сотрудничавшие с немцами. Это произошло в 1944 году в одной из деревень возле Львова. Наше расследование показало, что Кузнецов подорвал себя ручной гранатой: в архивах гестапо мы обнаружили телеграмму, в которой бандеровцы сообщали гестапо о захвате группы офицеров Красной Армии, один из которых был одет в немецкую форму. Бандеровцы считали, что этот человек, убитый в перестрелке, был именно тем, кого все это время безуспешно искала немецкая спецслужба. Немцам были переданы некоторые поддельные документы, изготовленные нами на имя обер-лейтенанта Пауля Зиберта (псевдоним Кузнецова), и часть доклада Кузнецова Центру с сообщением поразительных подробностей уничтожения высокопоставленных немецких представителей на Украине. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Поскольку Кузнецов не был женат, награду принял его брат. В 1991 году Кузнецову исполнилось бы восемьдесят лет. Я выступал на вечере, посвященном его памяти, в клубе КГБ.

Надо отметить, что спецагентов типа Кузнецова у нас было мало. Мы имели, правда, существенный спецрезерв из числа австрийских и немецких эмигрантов-антифашистов, среди которых блестяще проявил себя Ф. Кляйнинг и был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако Кузнецов был человеком выдающимся, по своему уровню мышления и кругозору он значительно превосходил другие заметные фигуры в нашем агентурном аппарате. Это тем более удивительно, что высшего образования у него не было. Личная жизнь его не сложилась, но он прожил короткую, яркую, хотя и тяжелую, неровную жизнь. В наградном листе на присвоение посмертно звания Героя Советского Союза за моей подписью символично было указано, с одной стороны, отсутствие специального офицерского звания, с другой — указано и подчеркнуто его постоянное место работы и адрес — НКГБ СССР.

ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА НА РАЗВЕДЧИКА

ОПЕРГРУППЫ ЧЕТВЕРТОГО УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР

«ПОБЕДИТЕЛИ» Н. И. КУЗНЕЦОВА

16 октября 1944 г.

1. Фамилия, имя и отчество — Кузнецов Николай Иванович.
2. Звание — не имеет.
3. Должность — разведчик-боевик опергруппы 4-го Управления НКГБ СССР «Победители» в тылу немцев.

Представляется к званию Герой Советского Союза.

4. Год рождения — 1911.
5. Национальность — русский.
6. Партийность — б/п.
7. Участие в гражданской войне, в последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — в опергруппе НКГБ СССР в тылу

противника.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — героически погиб в борьбе с немецкими захватчиками.

9. С какого времени в Красной Армии

10. С какого времени в партизанском отряде — с августа 1942 г.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия и когда) — орденом Ленина (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 г.), медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени (приказ Украинского штаба партизанского движения от 29 июня 1944 г.)

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи — Москва, НКГБ СССР.

1. Краткое конкретное изложение личного военного подвига или заслуг

Кузнецов Николай Иванович за время пребывания в тылу противника с августа 1942 г. в составе оперативной группы 4-го Управления НКГБ СССР проявил себя беззаветно преданным патриотом Советской Родины. Принял участие в ряде операций против немецкой высшей администрации в оккупированных районах Украины:

2. 20 сентября 1943 г. в г. Ровно Кузнецов Н. И. выстрелом из пистолета убил руководителя главного отдела финансов рейхс комиссариата Украины, министерского советника доктора Ганса Геля и старшего инспектора Ровенского гебитскомиссариата Адольфа Венера.

2. 15 ноября 1943 г. в г. Ровно под руководством Кузнецова Н. И. и при его личном активном участии был похищен из своей квартиры, а затем убит командующий особыми войсками на Украине генерал фон Ильген.

3. 16 ноября 1943 г. Кузнецов Н. И. выстрелами из пистолета убил бывшего чрезвычайного комиссара по Мемельской области, помощника рейхскомиссара Украины по судебным делам, сенате президента Альфреда Функа.

5. При контроле автомашины, на которой Кузнецов Н. И. и сопровождавшие его лица выехали из Львова, Кузнецов Н. И. убил немецкого офицера майора Каптера.

6. Находясь в Галиции, Кузнецов Н. И. расстрелял подполковника авиации Петерса.

Пробиваясь в расположение частей Красной Армии, Кузнецов Н. И. со своей группой из 3 человек погиб в бою с бандой националистов (бандеровцев).

Кузнецов Николай Иванович за образцовое выполнение задания в борьбе с немецкими захватчиками в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм достоин представления к званию Героя Советского Союза.

Зам. начальника 4-го отдела

4-го Управления НКГБ СССР

II. Заключение вышестоящих начальников Ходатайствую о представлении т.

Кузнецова Н. И. к званию Героя Советского Союза.

Начальник Четвертого управления НКГБ СССР

ЦОА КГБ, ф. 4, оп. 2, д. 2092, л.л. 16–10 об. Подлинник

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. Кузнецову Н. И. было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Глава 16. «Калифорния в Крыму»

Еврейский вопрос во внутренней и внешней политике Кремля

В 1942–1945 годах так называемый еврейский вопрос в свете отношений с союзниками приобрел существенное значение во внешней и внутренней политике Советского государства.

В Кремле рассчитывали под видом оказания помощи еврейскому населению СССР получить значительные средства на восстановление народного хозяйства, пострадавшему от гитлеровского нашествия. Правительство стремилось использовать «палестинский вопрос» в качестве козырной карты в переговорах с англичанами, опасавшимися за свои позиции на Ближнем Востоке и препятствовавшими массовому переселению евреев в Палестину и образованию там еврейского государства.

В начале 20-х годов, когда советская власть лишь становилась на ноги, среди руководителей всех уровней было немало лиц с еврейскими фамилиями. Замечу, что в то время не существовало паспортов, так что официально никто не делил людей по национальному признаку.

В 1922–1923 годах в стране были ликвидированы многие еврейские и другие националистические организации и арестованы их руководители. Одной из наиболее активных групп подобного толка была, к примеру, «Поалей Цион» в Одессе. Члены этой подпольной организации, сумев нейтрализовать службу наружного наблюдения, заманили нескольких оперработников на заброшенное кладбище и жестоко их избили. Другая подпольная группа, «Хагана», зародилась в Житомире, но по иронии судьбы именно работавшим в этом городе сотрудникам ГПУ — евреям было поручено возглавить операцию против этой еврейской националистической группы. Среди разгромленных еврейских организаций был и Бунд, входивший в социалистический интернационал. Была распущена и Еврейская коммунистическая партия, ранее отколовшаяся от Бунда. Это соответствовало нашей политике ликвидации любых построенных по национальному принципу фракций коммунистических партий, как входивших, так и не входивших в ВКП(б). Именно тогда же распустили так называемую Украинскую коммунистическую партию. Коммунистическая партия Украины (большевиков) стала единственной правящей партией в республике и единственной, кроме ВКП(б) — КПСС, имевшей собственное Политбюро.

Руководители этих еврейских организаций были либо высланы, либо выехали за границу. Это им позволили сделать: до 1928 года в стране фактически не существовало препятствий для выезда за границу, и процедура была очень проста. У советских евреев больше не осталось своих националистических организаций, и постепенно произошло то, что можно назвать интенсивным процессом ассимиляции. Если говорить о еврейской интеллигенции, то она полностью утратила свое политическое значение. В 1933 году в связи с коллективизацией была введена паспортная система для строгого контроля проживания в городах и упрощения учета движения населения. Евреи были выделены в отдельную национальную группу, хотя

у них не было своего государственного образования.

Во всех крупных ведомствах евреи в то время занимали влиятельное положение. Мне припоминается, что в 1939 году мы получили устную директиву, обязывавшую нас — это происходило уже после массовых репрессий — следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств. Но директива эта оказалась куда более глубокой по своему замыслу, чем я предполагал. Впервые вступила в действие система квот. К счастью, большинство моих товарищей по оружию успели к этому времени достичь больших успехов, доказали свою преданность партии и не подпали под действие этой новой директивы.

Образование Еврейской автономной области с центром Биробиджан было предпринято Сталиным для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания там своего рода заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства. Граница в этих местах нередко нарушалась китайскими и белогвардейскими террористическими группами. Идея Сталина заключалась в том, чтобы поставить преграду на их пути в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам, и особенно к казачеству. Статус региона был дальновидно определен как автономная область, а не республика, что означало: здесь не будет ни своего законодательного органа, ни верховного суда, ни управленческих структур министерского уровня. Хотя область и имела автономию, она была всего лишь приграничной особой территорией, а не политическим центром.

Надо сказать, что в работе советской разведки по эмиграции в 30-е годы выделилось новое направление — борьба с троцкизмом. Здесь приходилось опираться прежде всего на коминтерновские резервы, особенно на первоначальном этапе. Мы не ставили задачу перед нашей эмигрантской агентурой по ликвидации Троцкого, а использовали ее преимущественно для организации наружного наблюдения за троцкистами. Нам важно было проникнуть в троцкистские эмигрантские организации, искавшие выходы на установление связей со своими единомышленниками в Советском Союзе. Для этого эффективно были использованы негласные агентурные ячейки аппарата компартий, отпочковавшиеся от Коминтерна. Классический пример — использование литовской группы братьев Дмитрия и Алексея Сеземанов, Ю. Айдулиса и др. Эта группа отделилась от литовского комсомола и была перенацелена на проникновение в штаб-квартиру троцкистской организации в Париже.

Нельзя не отметить, что троцкистские группы на Западе в большей части состояли из лиц еврейского происхождения. Поэтому у нас возникла необходимость в агентуре, которая имела бы связи с их родственниками, знакомыми и так далее. Пришлось использовать выходы на еврейские мелкобуржуазные и социал-демократические организации, в общение с которыми входили интересовавшие нас лица. Нами была использована, в частности, спецагентура из сионистских организаций в Палестине, завербованная Я. Серебрянским по указанию Дзержинского еще в конце 20-х годов.

Именно эти группы наиболее эффективно действовали по разложению

троцкистского движения и уничтожению его руководителей. Похищение троцкистского архива в Париже, ликвидация секретаря исполкома IV Интернационала были бы невозможны без участия этой агентуры.

То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в 30-е годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата.

Сейчас нередко можно услышать наивный вопрос: как удалось натравливать евреев на евреев? При этом подразумевается убийство Троцкого. По этому поводу могу сказать, что в работе разведки всегда ставка делалась на внутренний раскол и соперничество в среде противника, что было характерно для националистических организаций. Нельзя не учитывать и того, что сионистские организации и еврейские группы социал-демократического толка, примыкавшие к социалистическому Интернационалу, вели смертельную борьбу друг с другом. В годы войны доходило даже до того, что сионистские лидеры в неофициальных секретных беседах с советскими представителями, в частности с М. Литвиновым, К. Кукиным и сотрудником разведки В. Хангуловым, ясно давали понять, что они не рассматривают расстрел советскими властями лидеров Бунда — еврейской социал-демократической партии — Г. Альтера и В. Эрлиха, ныне реабилитированных, как проблему «преследования евреев» и ни в коей мере не участвуют в антисоветской пропаганде Бунда по этому вопросу.

Перед войной было обезглавлено руководство действовавших в подполье на территории Прибалтики, Западной Белоруссии и Бессарабии еврейских националистических организаций. Именно в это время были заведены агентурные дела против сионистских организаций «Бейтар», «Иргун — Цевей — Леуми». Получившие названия «Утописты», «Жаботинцы», «Кочевники», эти разработки позднее были использованы для проникновения в сионистские организации с целью их разложения.

После начала войны в верхах возникла идея использовать лидеров еврейского социалистического Бунда — Генрика Эрлиха и Виктора Альтера во внешнеполитических целях. Бывший заместитель начальника 2-го контрразведывательного управления генерал Райхман в 1970 году рассказывал мне, что эти бундовские лидеры были арестованы нами в Восточной Польше в сентябре — октябре 1939 года. Когда началась война с Германией, в сентябре 1941 года их выпустили. На встрече с Берией им предложили создать еврейский антигитлеровский комитет: первоначально планировалось, что председателем комитета будет Эрлих, его заместителем — Михоэлс, а ответственным секретарем — Альтер. От плана пришлось отказаться, поскольку Эрлих и Альтер слишком много знали о намерениях Сталина воспользоваться ими для выколачивания денег на Западе. В декабре 1941 года Альтер и Эрлих были вновь арестованы, хотя против

них не выдвинули никаких обвинений. 27 декабря 1941 года Эрлих обратился к председателю Президиума Верховного Совета СССР Калинину, протестуя против ареста и доказывая, что он является сторонником советского правительства и готов сотрудничать с НКВД.

Из этого письма было ясно, что именно НКВД стремился инициировать через Эрлиха создание Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Главная задача комитета, говорилось в письме, должна состоять в интенсивной пропаганде среди еврейских общин Соединенных Штатов и Англии положения евреев в Советском Союзе, с тем, чтобы получить максимальную помощь, необходимую СССР в борьбе против гитлеровской агрессии. Все предложения ЕАК получили полное одобрение руководства, и НКВД было поручено подобрать подходящее место для штаб-квартиры комитета. Во главе ЕАК стали: Михоэлс, главный режиссер и актер Еврейского государственного театра, Фефер, популярный в то время поэт, и Эпштейн, публицист и литературный критик.

Ответа на свое письмо Эрлих так и не получил. Архивы свидетельствуют, что в декабре Берия распорядился перевести Эрлиха и Альтера в камеры-одиночки. Эти заключенные были известны под номерами 41 и 42, допрашивать их или заполнять на них регистрационные карточки в куйбышевской тюрьме НКВД, где они содержались, было запрещено. Генерал Райхман позднее рассказывал мне, что существовал специальный приказ, в соответствии с которым даже персонал тюрьмы не имел права знать их подлинные имена. Эти указания исходили от Сталина, Молотова и Берии.

В 1942 году американский политический деятель Уин-делл Уилки и Вильям Грин, президент Американской федерации труда, направили запрос о судьбе Эрлиха и Альтера через советского посла в Америке Литвинова. С аналогичным запросом обратился к нам и польский посол в Москве Станислав Кот. Заместитель министра иностранных дел Вышинский в своем ответе Коту намекнул, что Эрлих и Альтер были помилованы ошибочно: и тот и другой, как установлено, тайно вступили в сговор с немцами. В конце 1942 года Уилки обратился к нам с новым запросом, но до февраля 1943 года не получал никакого ответа. Молотов между тем поручил Литвинову объявить, что 23 декабря 1941 года Эрлих и Альтер были расстреляны, поскольку в октябре и ноябре того же года систематически занимались, предательской деятельностью, предпринимали попытки распространять в Советском Союзе враждебную информацию, направленную на прекращение военных действий и подписание мирного договора с фашистской Германией.

Это была заведомая ложь. Эрлих покончил жизнь самоубийством — 14 мая 1942 года он повесился в камере. Альтер оставался в одиночном заключении до 17 февраля 1943 года и был тайно расстрелян по приказу Берии. Во время описываемых событий я ничего не знал об их судьбе. Все, что я пишу о них, происходило перед визитом Михоэлса в Соединенные Штаты.

Лишь в сентябре 1992 года из публикации в еженедельной газете МВД «Щит и меч» стала известна истинная судьба Эрлиха и Альтера. Их уничтожили, чтобы скрыть тайные неофициальные контакты советского руководства с влиятельными представителями зарубежных еврейских общин. Эрлиха и Альтера устранили еще и

потому, что Сталин боялся их политического влияния за пределами Советского Союза.

Еврейский антифашистский комитет

Сразу же после образования Еврейского антифашистского Комитета советская разведка решила использовать связи еврейской интеллигенции для выяснения возможностей получить дополнительную экономическую помощь в борьбе с фашистской Германией через сионистские круги. Еще с 1925 года по директиве Дзержинского мы активно разрабатывали и проникали в сионистские организации США, Западной Европы и Палестины. Особо разветвленную агентурную сеть в сионистском движении удалось создать в начале 30-х годов Серебрянскому. Теперь ЕАК мог быть прикрытием для восстановления агентурных позиций в сионистском движении, утраченных в 1938 году в связи с арестом почти всего оперативного состава группы Серебрянского.

Миссия Михоэлса по привлечению американского капитала

С этой целью Михоэлсу и Феферу, нашему проверенному агенту, было поручено прозондировать реакцию влиятельных зарубежных сионистских организаций на создание еврейской республики в Крыму. Эта задача специального разведывательного зондажа — установление под руководством нашей резидентуры в США контактов с американским сионистским движением в 1943–1944 годах — была успешно выполнена. Припоминаю также, что в этот период в советском руководстве действительно подумывали о возможности создания еврейской республики в Крыму на базе существовавших там до войны трех национальных еврейских районов. По предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику.

Сам Михоэлс находился в агентурной разработке НКВД с 1935 года. Причем одной из главных задач работы с ним было создание прикрытия для выхода на руководящие круги американской сионистской организации «Джой нт».

В письме, в частности, говорилось, что создание Еврейской советской республики в соответствии с большевистскими принципами и в духе ленинско-сталинской национальной политики раз и навсегда решит проблему законной государственности еврейского народа и дальнейшего развития его многовековой культуры. Эту проблему не удавалось решить никому в течение столетий. Ее можно, наконец, разрешить только в нашей великой социалистической стране.

Это письмо, зафиксированное в регистрационных журналах, хранящихся в партийном архиве, до сих пор не рассекречено полностью. Его не показывали, когда во время визита президента Ельцина в 1992 году в Вашингтон демонстрировали архивные материалы ЕАК.

15 февраля 1944 года проект письма был представлен Молотову. По его указанию Лозовский, заместитель Молотова, редактировал этот документ. Письмо было переадресовано Молотову и поставлена новая дата — 21 февраля. Тремя днями позже оно было зарегистрировано в секретариате правительства СССР под номером М-23314 и в тот же день направлено секретарю ЦК Маленкову, секретарю Московского городского комитета партии, начальнику Главного политического управления Вооруженных Сил Щербакову и председателю Госплана Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос.

Должен отметить, что Литвинов, будучи послом в США в годы войны, в переписке с Молотовым и НКВД решительно выступал против связей с сионистским движением, а также против нашего активного участия в решении палестинской проблемы. Точных мотивировок позиции Литвинова я не помню, но смысл ее сводился к тому, что наше возможное воздействие на сионистское движение будет крайне незначительно. Поэтому Литвинов полагал целесообразным поручать все контакты с сионистскими кругами исключительно сотрудникам советских спецслужб либо особо проверенной агентуре. В этих рекомендациях нет

ничего удивительного: возглавляя боевую подпольную организацию большевиков до революции, Литвинов имел очень большой опыт агентурно-оперативной работы, в том числе по привлечению к сотрудничеству с партией большевиков людей из враждебных ей кругов.

Наш оперативный работник Хейфец, весьма успешно проявивший себя в получении из США материалов по атомной бомбе, рассказывал мне, что письмо, о котором идет речь, в сущности являлось предложением об образовании еврейской республики в Крыму, куда могли бы приехать евреи со всего мира. Это, естественно, потребовало бы переселения жителей Крыма. В марте и апреле 1944 года крымские татары были депортированы: из Крыма выселили и перевезли в Узбекистан 150 тысяч человек. То, что письмо, с одной стороны, и приказ о депортации — с другой, практически датированы тем же числом (15 и 14 февраля соответственно), является совпадением. Приказ Сталина о высылке крымских татар, которых обвиняли в массовом сотрудничестве с немцами, был подписан раньше, но на исполнение к Берии попал за день до того, как поступило письмо из Еврейского антифашистского комитета.

Координация и исполнение сталинского плана по привлечению еврейского капитала были поручены Хейфецу и нашему резиденту в Вашингтоне Зарубину, которые организовали поездку Михоэлса в Америку в 1943 году.

Перед поездкой в Соединенные Штаты Михоэлса вызвал на Лубянку Берия и проинструктировал его, как завязать широкие контакты с американскими евреями. Наш план заключался в том, чтобы заручиться поддержкой американской общественности и получить кредиты, необходимые для развития металлургической и угольной промышленности. Михоэлс и Фефер блестяще справились со своей миссией.

Успех поездки Михоэлса в Америку сразу же сделал его подозрительным в глазах Сталина. Еще бы, ведь он, представитель еврейской культуры, стал подлинным героем, известным во всем мире, поэтому ему была уготована судьба Эрлиха и Альтера.

Существенной была роль Михоэлса и Фефера также и в разведывательной операции по выходу на близкие к Эйнштейну круги ученых-специалистов, занятых разработкой в то время никому не известного «сверхоружия». Эти люди встречались с близкими к семье Эйнштейна русскими эмигрантами супругами Коненковыми, и через них, правда, в устной форме к нам поступала важная информация о перспективах нового «сверхоружия», обсуждавшихся в Принстоне при участии Ферми и Оппенгеймера. Координацией всей этой работы по линии нашей разведки в США занимались, кроме Зарубиных, Хейфец и Пастельняк.

Поговаривали, что Михоэлсу может быть предложен пост председателя Верховного Совета в еврейской республике. Кроме Молотова, Лозовского и нескольких ответственных сотрудников Министерства иностранных дел, Михоэлс был единственным человеком, знавшим о существовании сталинского плана создания еврейского государства в Крыму. Таким путем Сталин рассчитывал получить от Запада 10 миллиардов долларов на восстановление разрушенной

войной экономики.

Я не знал о деталях письма Еврейского антифашистского комитета Сталину. Берия же был в курсе, что наша инициатива поддержана американской стороной, а точнее — еврейскими организациями США, поскольку лично принимал и Михоэлса, и Фефера после поездки в Америку. Обсуждение вопроса о создании еврейской республики в рамках Советского Союза я лично рассматривал как своего рода зондирование Запада с тем, чтобы выяснить, насколько далеко идут их планы предоставления нам экономической помощи после окончания войны. Однако решение вопроса о создании еврейской республики было отложено до окончания войны, и письмо лежало без движения в течение четырех лет, о его содержании ходили самые разные слухи. Затем, уже в 1948 году, Маленков воспользовался им для проведения кампании против членов ЕАК, а позднее и против старой гвардии в руководстве страной. Молотов, Микоян, Ворошилов, Вознесенский и, наконец, сам Берия, причастные к обсуждению создания еврейской республики на территории Крыма, сами, из-за того, что у них имелись родственники-евреи, оказались уязвимы в ходе этой кампании.

План по привлечению американского капитала был, как я уже упоминал, связан с идеей создания еврейской республики в Крыму, так называемой «крымской Калифорнии». Эта идея широко обсуждалась в кругах американских евреев, о чем рассказывал мне Хейфец. По его словам, проектом особенно интересовался президент американской торговой палаты Эрик Джонстон, которого в июне 1944 года вместе с американским послом Авереллом Гарриманом принял Сталин для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым. Джонстон нарисовал перед Сталиным весьма радужную картину, говоря, что для этой цели Советскому Союзу после войны будут предоставлены долгосрочные американские кредиты.

Мысль о создании еврейской социалистической республики в Крыму открыто обсуждалась в Москве не только среди еврейского населения, но и в высших эшелонах власти.

Известно, что Михоэлс как председатель Еврейского антифашистского комитета в своей деятельности в значительной степени полагался на Фефера. Случалось, что Фефера принимал на явочной квартире сам Берия для обсуждения вопроса о создании еврейской республики в Крыму.

До июня 1945 года этот проект, казалось, оставался в силе и должен был уже реализовываться. Во время подготовки Ялтинской конференции Гарриман спрашивал у меня и помощника Молотова Новикова, как идут дела с образованием еврейской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект. Вспоминаю, что видел сообщение о том, что Сталин сразу же после войны обсуждал с делегацией американских сенаторов план создания еврейской республики в Крыму и возрождения Гомельской области, места компактного проживания евреев в Белоруссии. Он просил их не ограничивать кредиты и техническую помощь этими двумя регионами, а предоставить ее без привязки к конкретным проектам.

Затем, в июне 1945 года после Ялты и победы над гитлеровской Германией, Президиум Верховного Совета СССР принял указ: Крым стал административной областью в составе РСФСР. Между тем перед войной Крым являлся автономной республикой со значительным представительством татарского населения во всех управленческих структурах. В ноябре 1945 года, когда Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена по указанию Сталина.

После войны Сталин предпочел вести другую линию: усилились попытки проникновения наших агентов в ряды сионистского движения. До 1948 года Великобритания имела от Лиги Наций мандат на управление территорией Палестины. Сталин и Молотов надеялись успокоить англичан, опасавшихся быть вышвырнутыми из Палестины после создания там еврейского государства. Проект еврейской автономии в Крыму должен был отвлечь внимание лидеров мирового еврейства от Палестины как единственного варианта для решения еврейской проблемы. Когда в конце 1945 года стало ясно, что Сталин не считает себя связанным с прежним неофициальным зондажем, англичане и американцы организовали Англо-американский комитет по Палестине без участия Советского Союза. Это противоречило ранее достигнутому соглашению о совместных консультациях военных союзников по палестинской проблеме.

И вот в апреле 1946 года заместители министра иностранных дел Деканозов и Вышинский направили служебную записку правительству, где подчеркивали, что интересы Советского Союза игнорируются: палестинский вопрос будет решаться без участия нашего государства. В этом документе они предлагали проводить политику благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине. С согласия Молотова Вышинский публикует под псевдонимом статью в журнале «Новое время», в которой говорит о необходимости создания демократического еврейского государства на подмандатной территории Палестины. Расчет заключался в том, чтобы усилить советскую позицию на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах, противившихся появлению нового государства, показав, что англичане не способны остановить евреев в их стремлении создать свое государство.

Одновременно с предпринимавшимися политическими шагами было получено указание в 1946 году забросить наших агентов в Палестину через Румынию. Они должны были создать там нелегальную агентурную сеть, которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан. Для этой цели я выделил трех офицеров: Гарбуза, Семенова (настоящее имя Таубман — он являлся помощником Григулевича по литовскому подполью и помогал ликвидировать в Париже в 1938 году Рудольфа Клемента) и Колесникова. У Гарбуза и Колесникова был опыт партизанской войны на Украине и в Белоруссии, где они участвовали в операциях против немецких оккупационных властей.

Семенов и Колесников обосновались в Хайфе и создали две агентурные сети, но участия в диверсиях против англичан не принимали. Колесников сумел организовать доставку из Румынии в Палестину стрелкового оружия и

противотанковых гранат, захваченных у немцев. Семенов, со своей стороны, попытался возобновить контакт с нашим агентом в организации «Штерн». Это была антибританская террористическая группа, куда Серебрянскому в 1937 году удалось заслать своего человека. Гарбуз оставался в Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль.

Мне с самого начала было ясно, что, помогая, казалось бы, евреям, на самом деле мы ставили своей задачей создание собственной агентурной сети внутри сионистской политической и военной структуры. Евреи стремились к независимости и были тесно связаны с Америкой. Но у нас не было уверенности, что мы сумеем влиять на них как в Восточной Европе. Однако мы считали крайне важным обозначить до известной степени там свое присутствие. Как рассказывал мне Хейфец, еще в 1943 году Литвинов в своем послании Молотову из Вашингтона подчеркивал, что Палестина и создание еврейского государства сделаются одним из главных вопросов послевоенной мировой политики.

Глава 17. Атомная бомба и советская разведка

Сегодня много пересудов о роли разведки и органов безопасности в создании советской атомной бомбы. Один из создателей нашей научно-технической разведки Л. Квасников в одном из своих интервью прямо отметил, что «инициативные материалы» НКВД в 1942 году обусловили начало широких работ отечественных ученых по созданию ядерного оружия. Как же обстояло дело в действительности?

В Советском Союзе в целом на том же уровне, а иногда и с опережением работ зарубежных физиков в 1930—1940-е годы был успешно выполнен ряд важных исследований по урановой проблеме. Известно, что в Академии наук действовала специальная комиссия по этому вопросу, хотя в начале 1941 года эта комиссия возлагала мало надежд на получение изолированного изотопа урана-235 или обогащенной им смеси в значительных количествах. Надо также отметить, что в Москве еще в конце 1940 года была проведена научная конференция, в которой приняли участие видные физики страны, отметившие важное военное значение решения урановой проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что миф о собственной инициативе разведки НКВД в получении из США, Англии, Германии упреждающей информации о развитии военно-технических исследований по проблеме уран-235 хотя имеет устойчивое хождение, не подтверждается документами. Дело в том, что по времени записка урановой комиссии в Президиум АН СССР о значении атомной проблемы и оперативное письмо руководства советской разведки резиденту НКВД в Нью-Йорке Г. Овакимяну об изучении проблемы урана в связи с публикациями в американской и китайской прессе совпадают. Оба документа, как мне помнится, появились в самом начале 1941 года.

Такое совпадение неслучайно. Ибо ориентировки о необходимости разведки тех или иных технических секретов за рубежом по линии органов безопасности и Разведупра Красной Армии в 40-е годы всегда оформлялись после того, как руководство или Академии наук, или ряда промышленных ведомств сообщало руководителям НКВД, дипломатической, внешнеторговой службы, Наркомата обороны о заинтересованности в получении дополнительной закрытой информации по какой-либо научно-технической проблеме по специальным каналам советской разведки.

Некоторые наши историки разведки, в частности О. Царев и В. Чиков, пишут, что в архивах разведки и НКВД отсутствуют первичные материалы о начальном этапе работы разведки по атомной бомбе. Возможно, они и правы, так как часть материалов была передана в 1946 году в распоряжение Специального комитета правительства по атомной проблеме, но важные первичные материалы под этим предлогом, к сожалению, порой искажаются. Между тем начальник советской разведки П. Фитин направил в январе 1941 года подготовленное Л. Квасниковым специальное письмо Г. Овакимяну не о том, чтобы прекратились публикации по проблеме урана в научных изданиях, а наоборот, что в открытой печати летом 1940 года помещены важные сведения об исследованиях по проблеме урана, проводимых на физическом отделении Колумбийского университета в Нью-Йорке. В письме

указывалось об интересе советских физиков к решению этой «очевидно реальной проблемы получения нового вещества, обладающего громадной энергией».

Г. Овакимян («Геннадий») подключил к изучению этого вопроса талантливого молодого сотрудника резидентуры С. Семенова («Твена»). Ему удалось получить важные сведения из Колумбийского университета. Весной 1941 года «Геннадий» сообщил в Центр о том, что работам по урану уделяется существенное внимание и что научная общественность США со ссылкой на информацию от немецких ученых-физиков, спасшихся в Америке, Англии и Швеции от фашизма, опасается, что Гитлер прилагает серьезные усилия по созданию «урановой бомбы».

Однако работы по атомному оружию тогда только начинались. Причем, начинались даже не как экспериментальные исследования, а как научное обобщение теоретических взглядов на эту проблему. Еще оставалось полтора года до знаменитого эксперимента Э. Ферми, создавшего и запустившего в действие первый в мире атомный реактор.

После нападения фашистской Германии на Советский-Союз руководители Академии наук неоднократно обращали внимание советского руководства на возможное создание противником оружия массового поражения нового поколения, основанного на принципах использования внутриатомной энергии. Наибольшую активность проявили тогда академики П. Капица и А. Иоффе. Именно Капица на антифашистском митинге ученых осенью 1941 года первым гениально предсказал, что в развернувшейся мировой войне атомная бомба даже небольшого размера, если она осуществима, с легкостью может уничтожить столичный город с несколькими миллионами населения.

Поэтому именно до сведения П. Капицы и А. Иоффе в начале 1942 года в строго конфиденциальном порядке руководство НКВД довело в самом общем виде поступившие из Англии материалы о работах по использованию атомной энергии за рубежом.

Нельзя не отметить, что руководство разведки НКВД осенью 1941 года не было в курсе того, что по линии военной разведки от немецкого физика, эмигрировавшего в Англию, К. Фукса через спецагента С. Кучинскую были также получены важные материалы о начале там работ по созданию атомной бомбы. Об этих материалах руководство военной разведки в специальном порядке проинформировало Академию наук СССР лишь весной 1942 года.

Стремясь преувеличить свою роль в инициировании научных исследований по атомному оружию внутри страны и в проведении разведывательной работы по атомной проблеме, ряд ветеранов и историков разведки в угоду конъюнктуре распространяют миф, что разведывательная работа по атомной проблеме развернулась силами рядовых молодых сотрудников и начальника отделения Л. Квасникова вопреки противодействию тогдашнего наркома внутренних дел, руководившего всей разведывательной работой в стране Л. Берии.

А. Яцков писал, будто бы Берия сказал Л. Квасникову, что «немцы под Москвой, и не подсовывайте мне дезинформацию». Сомневаюсь в реальности этого разговора, потому что в октябре 1941 года, когда поступили материалы из Лондона,

Берия находился в Москве, а аппарат внешней разведки в основном, и в частности отделение научно-технической разведки, были эвакуированы в Куйбышев. Очень сомнительно, что Квасников, который и это время находился в Куйбышеве, мог прийти с докладом к Берии.

Кроме того, несмотря на исключительно тяжелую военную обстановку, поступившее 4 октября 1941 года сообщение резидента НКВД в Англии об использовании атомной энергии в военных целях было исключительно оперативно рассмотрено и оценено работниками 4-го спецотдела оперативной техники НКВД. Его начальник В. Кравченко докладывал 10 октября 1941 года Берии, то есть спустя менее недели, о том, что:

«1. Материалы представляют безусловный интерес как свидетельство большой работы, проводимой в Англии в области использования атомной энергии урана для военных целей.

2. Наличие только имеющихся материалов не позволяет сделать заключение о том, насколько практически реальны и осуществимы различные способы использования атомной энергии, о которых сообщается в материалах».

Знаменательно, что именно отдел оперативной техники НКВД, признавая исключительное значение решения «урановой проблемы», 10 октября 1941 года сформулировал первые предложения о необходимости информирования руководства страны о перспективах использования атомной энергии для военных целей. Именно тогда впервые было внесено предложение «создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых, работающих в области расщепления атомного ядра, с целью выработки предложений о проведении в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей». Предусматривалось поручить заграничной агентуре внешней разведки НКВД собрать конкретные проверенные материалы о постройке опытного завода по производству урановых бомб. Предлагалось также ознакомить с этими материалами академиков Капицу и Скобельцына.

Капица, ознакомленный с этими данными, предложил связаться с рядом видных английских ученых, начавших заниматься этой проблемой. Один из этих специалистов, ученый, работавший с Нильсом Бором в Копенгагене в 30-е годы, потом сотрудник английской научно-технической разведки В. Манн в беседах с нашим работником в Лондоне осенью 1941 года подтвердил начало работ «урановой проблеме» в Англии.

От В. Манна (Малона), ставшего после войны представителем английской научно-технической разведки США, были получены впоследствии ценные данные о планах атомной войны против СССР в начале 1950 год.

Интересно, что Манн находился в неприязненных отношениях с главным представителем английской разведки в Вашингтоне К. Филби.

Другим источником первичной информации о начале работ по атомной бомбе в Англии был выходец из Риги, сотрудничавший с концерном «Империал кемикел индастриз» Р. Берман.

Только узкий круг специалистов отдаёт должное первоначальной большой иницилирующей роли Капицы в налаживании первых контактов с зарубежными учеными, начавшими работать по «урановой проблеме». Ведь англичане, не уверенные в своих возможностях, стремились через дипломатические и агентурные каналы в конце 1941 и начале 1942 года связаться с Капицей для возможного подключения наших авторитетнейших ученых к совместной работе над атомной бомбой, поскольку ошибочно считалось, что немцы опережают антигитлеровскую коалицию в работах по созданию этого нового вида оружия.

На основе подтверждения заинтересованности англичан в работах по атомному оружию по данным военной разведки и НКВД мы дополнительно ориентировали в начале 1942 года наши резидентуры в США и Англии по проблеме урана-235 и о задачах научно-технической разведки в этой области.

Справедливым будет отметить, что в то время главными задачами научно-технической разведки считалось добывание документальных данных о работах в сферах радиолокации, военной химии, бактериологического оружия, самолетостроения. Кстати, в США и Англии, хотя работы по «урановой проблеме» были засекречены, тоже полагали, что создание атомной бомбы — дело не ближайшего будущего. Поэтому пока к чисто теоретическим работам в данной области там были допущены ученые иностранного происхождения и политические эмигранты — беженцы из Германии.

Контрразведка США и Англии в 1941–1942 годах не препятствовала использованию этих людей «в чисто теоретических исследованиях», зная об их связях с Коминтерном. Вместе с тем блокировался допуск таких людей к работам, имевшим практическое значение для совершенствования военной техники. Контрразведывательный режим в США и Англии был гораздо более жестким на авиационных, артиллерийских предприятиях и в лабораториях по производству радиолокационных приборов. Это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в том, что уже на начальной стадии исследований по атомной бомбе в научных центрах США и Англии оказались люди, симпатизирующие нам, близкие к руководству компартий этих стран.

Например, Роберт Оппенгеймер с 1938 года поддерживал тесные отношения с нелегальным резидентом Коминтерна в Калифорнии И. Волковым («Дядей»). Он также регулярно платил, вплоть до начала 1942 года, членские взносы в Компартию США, состоя в ее негласном штате.

В Калифорнии с середины 30-х годов по инерции продолжала действовать Объединенная резидентура военной разведки и НКВД, опиравшаяся первоначально на кадры Коминтерна. С ними поддерживали активную связь нелегальный резидент военной разведки в США Томас Адам («Ахилл») и Григорий Хейфец («Харон») по линии НКВД. Оппенгеймер был близок к ним через своих друзей, в частности крупного ученого-химика Мартина Кеймана, и проходил в переписке под псевдонимом «Честер».

В декабре 1941 года Хейфец, как временно уполномоченный Исполкома Коминтерна, сообщил о начале работ по атомной бомбе, а также, что профессор

Оппенгеймер и другие активисты негласного аппарата компартии не могут продолжать активную партийную работу в связи с привлечением к научным исследованиям специального характера и что они в 1942 году будут связаны обязательствами по неразглашению результатов этих работ. Поэтому в Центре было принято решение выделить для связи с Оппенгеймером спецагента-нелегала Кетрин Харрисон (Гаррисон) — «Аду» в переписке, хорошо себя зарекомендовавшую в Западной Европе в работе с супругами Зарубиными. Именно они возглавили аппарат советской разведки в США в декабре 1941 года. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что «Ада» была хорошо известна членам нелегального аппарата и руководству Компартии США.

Помимо подтверждающих данных из Колумбийского университета о начале работ по атомной бомбе и об успехах германских физиков мы располагали также серьезными материалами о внимании к этому вопросу американского правительства. Об этом сообщил через нелегальные каналы спецкружка Компартии США Н. Сильвермастера другой видный американский физик Э. Кондон, ставший затем начальником бюро стандартов США. С ним неоднократно встречался наш групповод «Звук» — Я. Голос. Надо сказать, что этот человек вообще был осведомлен о масштабе всех работ по атомной бомбе. Он занимал довольно видное положение в американском обществе.

С ним произошла интереснейшая история. Американская контрразведка, видимо, активно разрабатывала его. Э. Кондон, Э. Ферми и другие видные американские ученые получили приглашения на 225-летний юбилей Академии наук СССР летом 1945 года (до взрыва атомных бомб над Японией). Мы активно готовились к их приему по своей линии. Был составлен совместный план мероприятий разведки и контрразведки. От внешней разведки за него отвечал С. Семенов, от контрразведывательного управления — Норман Бородин.

Но вот что интересно: Ферми в СССР не пустили, Кондона же в последний момент американские спецслужбы сняли с самолета, уже выходящего на взлетную полосу. Несмотря на его протесты, власти отменили его вылет в Советский Союз в составе официальной делегации. Я думаю, произошло это по той причине, что (был июль 1945 года) уже начинались разоблачения нашей агентуры — американская контрразведка шла по ее следам. Конечно, кроме всего, они не могли пройти мимо той ситуации, что один из руководящих работников правительственного аппарата, да еще в силу обстоятельств работающий в атомном центре Лос-Аламосе, в ядерной лаборатории Беркли в Калифорнии, где разрабатывалось атомное оружие, начальник бюро стандартов США, посещавший кружок компартии, хранитель важных секретов, мог вылететь в Советский Союз.

Эпизод с Кондоном имел интересное продолжение. В декабре 1945 года в Москву на совещание министров иностранных дел прибыла представительная американская делегация, в состав которой входил один из руководителей американского атомного проекта Д. Конант.

Американская сторона обратилась к нам с просьбой организовать встречу и переговоры с академиком П. Капицей, которого английские и американские спецслужбы считали научным руководителем советских работ по атомному оружию

и консультантом советской разведки.

Госсекретарь О. Бирнс, посол А. Гарриман и Д. Конант предложили советской стороне — Сталину и Молотову — сотрудничество в области атомной энергии, ознакомление нас с секретами атомной бомбы в обмен на отказ СССР от ее производства. Эти условия американцы выдвигали в том случае, если они будут вести научно-технические переговоры при участии П. Капицы и академика А. Иоффе.

Я не участвовал в переговорах, хотя «числился» помощником Молотова.

Контактов Капицы и Иоффе с американцами не было допущено, но 22 декабря, на обеде в честь американской делегации в Кремле, произошел знаковый разговор, известный мне как одному из очевидцев, участвовавших в оформлении в подробностях его записи. Молотов, комментируя замечания Бирнса и Конанта о возможном графике передачи СССР данных об американской атомной бомбе, пошутил: «Уж не хотите ли Вы извлечь нам для ознакомления привезенные в Москву чертежи атомной бомбы из жилетного кармана».

Сталин резко оборвал Молотова. Я даже поразился его грубости по отношению к своему соратнику в присутствии американцев. Навсегда запомнил его слова: «Атомная энергия и бомба — достояние всего человечества, это не предмет для шуток. Я поднимаю тост за великих американских физиков, совершивших это выдающееся открытие».

Хочу ответить тем, кто продолжает утверждать, якобы с моих слов, что Оппенгеймер и другие ученые были завербованными «агентами советской разведки». Ничего подобного! Они были нашими «источниками», связанными с проверенной агентурой, доверенными лицами и оперативными работниками.

Об Оппергеймере могу добавить следующее. Он как член Компартии США с 1937 по 1942 год уплатил взносы в сумме 1800 долларов. Проходил по негласному штату компартии. Состоял в партячейке, в которую входил Дэвид Хоккинз и китайский физик Ху Шенцъен, один из создателей китайского атомного оружия, в свое время высланный из США по подозрению в шпионаже. Оппенгеймер прекратил платить партвзносы в апреле 1942 года. Не подписывал обязательств по секретности до ноября 1942 года. Первоначально он контактировал с военной разведкой, связанной с Коминтерном в Калифорнии и получил псевдоним «Честер», поскольку проживал в Пасадене на Саут Честер авеню. Оппенгеймер находился в тесных отношениях Эдвардом Кондоном — одним из первых координаторов Манхэттенского проекта, который неоднократно встречался с Сильвермастером — членом агентурного аппарата НКВД. ФБР поставило вопрос о ненадежности Оппенгеймера в марте 1947 года. Кондон лично купил в феврале 1947 года 270 книг и публикаций по атомной энергии для отправки в СССР.

Американцы по линии ФБР использовали контакты Кондона для передачи нам в 1945–1946 годах дезинформации по атомной энергии через своего агента Дмитрия Виноградова, передававшего данные Шевченко, который как Андрей Иванович Раина возглавил в 1947 году НТР Комитета информации после увольнения Василевского. Личные врачи Оппенгеймера Бернанд и Ханна Петере были связаны с

нелегальным аппаратом Компартии Германии.

НКВД решительно возражало против того, что ближайшие друзья семьи Оппенгеймера Бенджамин и Зельма Миллер из Чикагского университета поддерживали связь с нелегалом ГРУ Артуром Адамсом.

Я еще раз утверждаю, что Оппенгеймер был источник, сознательно информировавший нас, но с 1943 года передоверивший все контакты своим друзьям по партячейке.

Прием Сталиным и Молотовым американской делегации окончательно убедил нас, что после наших контактов в ноябре 1945 года с Н. Бором американцы хотят использовать авторитет А. Эйнштейна и Р. Оппенгеймера для установления контактов с нашими физиками, чтобы определить наш уровень работ по атомной бомбе. Поэтому я вместе с руководителем Спецуправления правительства СССР по атомной бомбе Б. Ванниковым подписал тогда же заключение о нецелесообразности участия советских специалистов в совместной книге с американцами по проблеме урана.

Именно в грозном 1941 году наши талантливые оперативные работники Г. Овакимян, А. Горский, С. Семенов, Г. Хейфец заложили основы работы с прогрессивными кругами научной интеллигенции на Западе — сделать это было весьма непросто. Надо было обладать высокой культурой поведения, большим оперативным опытом, свободно владеть несколькими иностранными языками, беречь свои связи, не подставлять друзей, доверявших тебе важную информацию, под удар. Эти люди, как магнит, притягивали к себе выдающихся представителей научной мысли стран Запада. Например, один из близких Оппенгеймеру ученых Кейман был крупным специалистом в области химии, соавтором открытия углерода —14, разработал пионерный метод получения облепченного железа в циклотроне.

Кейман не как агент, а как член Американско-советского научного общества, Объединенного комитета помощи беженцам-антифашистам, Американской лиги борьбы с фашизмом, Общества помощи России в войне проинформировал Хейфеца об участии Нильса Бора в атомном проекте и запуске в эксплуатацию первых ядерных реакторов. Американская контрразведка, следя за коммунистами, зафиксировала его встречи с Хейфецем. Однако здесь прежде всего следует сказать о том, что именно Григорий Хейфец — один из ближайших друзей знаменитого писателя Леона Фейхтвангера, был человеком такого масштаба и эрудиции, который мог свободно разговаривать с крупными учеными. До работы по линии научно-технической разведки он в 1929–1930 годах работал в качестве ответственного редактора журнала «Изобретатель». Интересно, что в самом начале своей трудовой деятельности, после участия в Гражданской войне Г. Хейфец в 1921–1922 годах был секретарем жены Ленина Н. Крупской. Его дядя был одним из основателей Компартии США, когда работал в Коминтерне. Находясь на нелегальном положении в Германии, Хейфец окончил Политехнический институт в Йене и получил диплом инженера. Хейфец как еврей рисковал в Германии головой, но темный цвет его кожи позволил использовать фальшивые документы студента-беженца из Индии, обучающегося в Германии.

Хейфец вращался в различных кругах Сан-Франциско, пользовался большим уважением коммунистов и левых (они называли его «мистер Браун»). Опекаемый им светский салон госпожи Брамсон часто посещали нелегально состоявшие в Компартии США Роберт Оппенгеймер и его брат Фрэнк. Хейфец рассказывал мне, что дважды встречался с Оппенгеймером и его женой на коктейле. К тому времени до Хейфеца уже доходили слухи о начале работ над сверхбомбой, но Москва все еще сомневалась в важности и неотложности атомной проблемы.

Тогда же Хейфец сообщил, что Оппенгеймер упомянул о секретном письме Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту в 1939 году, в котором обращал его внимание на необходимость исследований для создания нового оружия в связи с угрозой фашизма.

Оппенгеймер был разочарован тем, что со стороны властей быстрой реакции на письмо Эйнштейна не последовало и что работы разворачиваются медленно.

Опытный профессионал, Хейфец прекрасно знал, как расположить к себе Оппенгеймера. Не могло быть и речи о том, чтобы предложить ему деньги, прибегнуть к угрозам или шантажу с использованием компрометирующих материалов. Благодаря личному обаянию он установил доверительные отношения с Оппенгеймером через его брата Фрэнка, обсуждая сложную ситуацию в связи с нападением японцев на Пёрл-Харбор и нависшую над миром угрозу фашизма.

Сегодня, к сожалению, ряд историков внешней разведки пренебрежительно относятся к памяти этого человека. Оперировать подтасованными, сфальсифицированными материалами о якобы его нерезультативной работе за границей. Это утверждение протащено в закрытый учебник по истории внешней разведки, с которым меня познакомили в 1991 году и который перебежчик из СВР О. Васильев переправил в США в 1994 году. Мои возражения по оценке работы Хейфеца игнорируются до сих пор. Против Хейфеца настроены, по-моему, по причине того, что он стал жертвой политических репрессий и чисток. К нему всегда были недружелюбно настроены люди в аппарате, которые уступали ему по знанию языка, общей эрудиции, сами не занимавшиеся непосредственной работой по вербовке агентуры и установлению доверительных связей.

Я не случайно привел пример Кеймана. Хейфец сохранил этого человека: американская контрразведка не смогла засудить его. Кейман продолжал работать в науке, правда, ему препятствовали в выездах за границу, но присудили в 1994 году престижнейшую в США научную премию имени Энрико Ферми.

Документы КГБ, представленные в ЦК КПСС по делу реабилитации на уволенного из внешней разведки в 1938 году, восстановленного в НКВД в 1941 году и осужденного в 1952 году по делу Еврейского антифашистского комитета и о «сионистском заговоре в МГБ» Г. Хейфеца, говорят о больших заслугах этого человека и вопиющей несправедливости к нему. За успешную и результативную работу за границей в 1944–1945 годах Г. Хейфец был награжден по представлению внешней разведки боевым орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Боевые ордена работникам разведки в США, Англии в годы войны давали редко.

1 декабря 1944 года начальник внешней разведки П. Фитин утвердил

следующую аттестацию Г. Хейфеца: «Имеет большой опыт разведывательной работы, особенно в нелегальных условиях. Имеет достаточно высокий общекультурный уровень. Успешно работал в кругах научно-технической и творческой интеллигенции за рубежом. Работает над повышением своей чекистской квалификации. В быту скромен, знает английский и немецкий языки, слабее владеет французским и итальянским».

В 1945 году подполковник госбезопасности Г. Хейфец стал заместителем начальника отделения внешней разведки. С мая 1946 года назначен начальником американского отделения отдела «С» МГБ СССР по работе с материалами по атомной бомбе.

6 марта 1947 года при переаттестации и чистке Центрального аппарата органов госбезопасности Управление кадров МГБ дало по Г. Хейфецу следующее заключение в партийные органы: «Учитывая, что Хейфец Г. М. по работе в органах характеризуется положительно и имеет большой опыт закордонной работы, полагали бы подполковника Хейфец Г. М. на работе в МГБ оставить». Однако 15 апреля 1947 года, когда начал формироваться новый орган внешней разведки — Комитет информации, — министр госбезопасности В. Абакумов наложил на этом документе исчерпывающую и краткую резолюцию: «Уволить».

Вместе с другими ветеранами разведки Г. Хейфец был уволен из кадров госбезопасности с передачей на общевоинский учет. В том же году — 17 июля — он был утвержден ЦК ВКП(б) заместителем Ответственного Секретаря и членом Президиума Еврейского антифашистского комитета.

Несмотря на реабилитацию в 1954 году, Хейфец не получал пенсии КГБ по выслуге лет. Лишь по представлению ЦК КПСС ему была назначена персональная пенсия как члену партии с 1919 года и ветерану разведки Коминтерна в Германии, Латвии, Турции, Китае с 1922 года. Хейфец перешел на работу в закордонную разведку ОГПУ с 1931 года.

Таким образом, следует признать, что решающий вклад в приобретение необходимых агентурных и доверительных связей для развертывания разведывательной работы атомной бомбе внесли кадровые разведчики и спец агенты НКВД и военной разведки старшего поколения. Именно от них приняли на связь ценнейших «источников» по «урановой проблеме» в США и Англии те, возглавил научно-техническую разведку КГБ в 1950-1960-е годы.

Конечно, не все было гладко на этом трудном этапе работы. Дело в том, что разведка НКВД, военная разведка и Коминтерн несогласованно взаимодействовали с нелегальным аппаратом американской компартии. И эта несогласованность привела к тому, что, скажем, нам в НКВД и в Разведупр Красной Армии информация поступала иногда одновременно и параллельно. Причем зачастую из одного и того же источника.

Достаточно сказать, что Луиза Бранстон — сотрудница резидентуры Григория Хейфеца, с которой он поддерживал личные отношения, передавала ему информацию, а затем в 1944 году по собственной инициативе переключилась через старые каналы уже распущенного к тому времени Коминтерна на контакты с

военной разведкой — Адамсом («Ахиллом»). В частности, она передала ему информацию о ядерных исследованиях из лабораторий в Беркли (Калифорния). Это, конечно, создавало непростые проблемы.

Наша разведывательная деятельность в США в то время была направлена на противодействие Германии и Японии. Хейфец, резидент в Сан-Франциско, пытался завербовать агентуру в США для последующего использования ее в Германии, но не добился существенных результатов, поскольку имел связи в основном в еврейских общинах американского Тихоокеанского побережья.

В задачи Хейфеца и Зарубина входила нейтрализация антисоветской деятельности белой эмиграции в США, представленной такими фигурами, как Керенский, бывший премьер Временного правительства, и Чернов, лидер партии эсеров, высланный из России по указу Ленина в 1922 году.

Дело в том, что мы начали получать помощь по лендлизу, и было крайне важно создать в глазах американцев самое благоприятное впечатление о нашей стране, тем более что правительство Рузвельта очень болезненно реагировало на критику его связей с Советским Союзом, раздававшуюся в Конгрессе и на страницах газет. Мы стремились выявить, в какой мере эта критика инспирирована белой эмиграцией.

Однако все это отошло на второй план, когда Хейфец и наш оперативный работник Семенов сообщили, что американские власти намерены привлечь выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, к разработкам особо секретной проблемы, и на эти цели правительство выделяет 20 процентов от общей суммы расходов на военно-технические исследования. Хейфец сообщил также, что связанный с нелегальной сетью Компартии США видный физик Оппенгеймер и его коллеги покидают Калифорнию и уезжают на новое место для проведения работ по созданию атомной бомбы.

До февраля 1942 года я занимал должность заместителя начальника зарубежной разведки и помню эти сообщения. Они содержали исключительно важную информацию, которая способствовала изменению нашего скептического отношения к атомной проблеме.

Решение американцев выделить крупные суммы на атомный проект в этот опасный для союзников период войны убедило нас, что он имеет жизненно важное значение и может быть фактически выполнен.

Первая встреча Хейфеца и Оппенгеймера произошла в декабре 1941 года в Сан-Франциско на собрании по сбору пожертвований в помощь беженцам и ветеранам гражданской войны в Испании. Хейфец посетил это собрание в качестве советского вице-консула. Еще в 30-е годы, будучи заместителем резидента в Италии, он заметил и начал первичную разработку Ферми и его молодого ученика Понтекорво, которые выделялись своими антифашистскими взглядами и могли стать источниками научно-технической информации.

Позднее в отношениях с Коминтерном возникла необходимость приведения в порядок всего агентурного аппарата. Следует признать, что в этом деле были допущены серьезные ошибки. Руководство НКВД поставило вопрос перед ЦК партии, перед Сталиным и Димитровым, чтобы активисты американской компартии

отошли от активной деятельности и непосредственных связей с учеными, работавшими по атомному проекту. Пришлось даже прекратить использовать в качестве источника информации племянника генерального секретаря Компартии США Браудера, которого Оппенгеймер взял по просьбе компартии на работу в Лос-Аламос. С этим были связаны большие неприятности. И нарком госбезопасности В. Меркулов, насколько я помню, писал по этому поводу объяснительную записку в ЦК ВКП(б).

В 1943 году всемирно известный физик Нильс Бор, бежавший из оккупированной немцами Дании в Швецию, попросил находившихся там видных ученых Елизавету Мейтнер и Альфвена проинформировать советских представителей и ученых, в частности Капицу, о том, что его посетил немецкий физик Гейзенберг и сообщил: в Германии обсуждается вопрос о создании атомного оружия. Гейзенберг предложил международному научному сообществу отказаться от создания этого оружия несмотря на нажим правительств. Не помню, Мейтнер или Альфвен встретились в Гетеборге с корреспондентом ТАСС и сотрудником нашей разведки Косым и сообщили ему, что Бор озабочен возможным созданием атомного оружия в гитлеровской Германии. Аналогичную информацию от Бора, еще до его бегства из Дании, получила английская разведка. Западные ученые высоко оценивали научный потенциал советских физиков, им были хорошо известны такие крупные ученые, как Иоффе, Капица, и они искренне считали, что, предоставив информацию Советскому Союзу об атомных секретах и объединив усилия, можно обогнать немцев в создании атомной бомбы.

Эти заметки о роли НКВД в создании атомного оружия в СССР базируются на моих личных воспоминаниях, отрывочных архивных документах. Будучи куратором работы по эмиграции в НКВД — МГБ с 1938 по 1953 год, я считаю своим долгом написать об этом.

Другие эпизоды основываются на том, к чему я был причастен, совмещая, как это следует из приказов по НКВД — МГБ, обязанности начальника группы «С» — отдела «С» НКВД — МГБ со 2 февраля 1944 года по 31 мая 1947 года и начальника службы «К» (контрразведывательного обеспечения атомной промышленности) с 10 ноября 1945 года по 30 марта 1947 года. Возглавляемые мной эти подразделения были самостоятельными службами и никогда не входили в состав Разведывательного управления НКВД — МГБ.

Слухи о «сверхоружии»

Еще в 1940 году советские ученые, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предприняли первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако они считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшем будущем. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика Хлопина, специалиста по радиохимии, тем не менее, рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Хотя правительство не выделило средств на атомные исследования, начальник отделения научно-технической разведки НКВД Квасников направил ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы.

Эта инициатива Квасникова связана с другими драматическими событиями, когда в Германии, США и Англии ученые-физики приступили к изучению возможностей создания ядерного оружия задолго до организации американским правительством спеццентра по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе.

Осенью 1939 года ведущие немецкие ученые-физики под руководством Э. Шумана (близкого родственника известного композитора) были объединены в «Урановое общество» при управлении армейских вооружений, куда, в частности, вошли Вернер Гейзенберг, Карл-Фридрих фон Вайцзекер, Пауль Гратек, Отто Ган, Вильгельм Грот и другие. Научным центром атомных исследований стал Берлинский физический институт Общества кайзера Вильгельма, а его ректором назначили профессора Гейзенберга. К участию в научных разработках были подключены физико-химические институты Гамбургского, Лейпцигского, Грейфсвальдского, Гейдельбергского и Ростокского университетов.

В течение двух лет группа Гейзенберга провела отправные теоретические исследования и эксперименты, необходимые для создания атомного реактора с использованием урана и тяжелой воды. Также было установлено, что взрывчатым веществом может служить изотоп урана-238 — уран-235, содержащийся в обычной урановой руде.

Намеченные исследования в Германии нуждались в достаточных запасах урана, получении тяжелой воды или чистого графита. Для лабораторных разработок хватало руды, поставляемой с месторождения в Яхимове из Чехословакии, но в дальнейшем урана требовалось значительно больше. Еще сложнее было положение с тяжелой водой. Однако вскоре проблемы разрешились. После оккупации Бельгии весной 1940 года на обогатительной фабрике концерна «Юнион миньер» немцы захватили около 1200 тонн уранового концентрата, что составило почти половину имеющегося мирового запаса урана (другая часть запаса в сентябре того же года была тайно переправлена из Конго в Нью-Йорк). С оккупацией Норвегии в руках у немецких руководителей атомного проекта оказался завод фирмы «Норск-гидро» в Рjukanе, в то время единственный в мире производитель и поставщик тяжелой воды (накануне оккупации 185 килограммов тяжелой воды были вывезены по

запросу Жолио-Кюри в Париж, она же попадает в США).

В декабре 1940 года под руководством Гейзенберга завершилась постройка первого опытного реактора, а фирма «Ауэргезельшафт» освоила производство металлического урана в Ораниенбурге. Одновременно в секретных лабораториях «Сименса» начался поиск путей промышленной очистки графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды, а также развернулось проектирование электроэнергетического обеспечения проекта.

Знаменательно, что почти в то же самое время решением Особого совещания НКВД в апреле 1940 года из СССР был выслан известный немецкий физик Ф. Хоутерманс. Он длительное время работал в физико-техническом институте в Харькове, в частности, с известнейшим физиком Ландау, занимался вопросами ядерной физики. Хоутерманс был арестован в декабре 1937 года «как подозрительный иностранец, прикидывавшийся беженцем-антифашистом». В защиту Хоутерманса выступили крупнейшие физики мира: Бор, Эйнштейн, Жолио-Кюри. Находясь в заключении, Хоутерманс дал согласие на сотрудничество с органами НКВД после своего возвращения в Германию. Это обстоятельство было чисто формальным. Хоутерманса, как сочувствовавшего коммунистам, немедленно арестовало гестапо. Тем ни менее, по ходатайству немецких физиков он вскоре был выпущен из тюрьмы и включился в научную работу в Германии.

Поворот в судьбе Хоутерманса привел, однако, к резкой активизации всех исследований по возможностям создания атомного оружия в США и Англии в 1941 году. Хоутерманс поручил своему доверенному лицу немецкому физiku Ф. Райхе, покинувшему Германию в 1941 году, проинформировать физиков о фактическом начале работ в фашистской Германии по созданию атомного оружия.

Резидент нашей разведки в Нью-Йорке Овакимян проинформировал нас в апреле 1941 года о встрече беженца из фашистской Германии с виднейшими физиками западного мира, находившимися в США, в ходе которой обсуждалось громадное потенциальное военное значение урановой проблемы. Однако накануне войны этим материалам не придавали существенного значения.

Большой успех в этом приоритетном направлении нашей разведывательной деятельности был достигнут после того, как мы направили в Вашингтон в качестве резидента Зарубина («Купер», «Максим») — под прикрытием должности секретаря посольства «Зубилина» — вместе с женой Лизой, ветераном разведки.

Сталин принял Зарубина 12 октября 1941 года накануне его отъезда в Вашингтон. Тогда немцы находились под Москвой. Сталин сказал Зарубину, что его главная задача в будущем году заключается в нашем политическом воздействии на США через агентуру влияния.

До этого времени разведывательная работа по сбору политической информации в Америке была минимальной, поскольку мы не имели конфликтных интересов с США в геополитической сфере. Но в начале войны Кремль был сильно озабочен поступившими из США данными, что американские правительственные круги рассматривают вопрос о возможности признания правительства Керенского как законной власти в России в случае поражения Советского Союза в войне с

Германией, и советское руководство осознало важность и необходимость получения информации о намерениях американского правительства, так как участие США в войне против Гитлера приобретало большое значение.

Зарубин должен был создать масштабную и эффективную систему агентурной разведки не только для отслеживания событий, но и воздействия на них. Однако поступившие в Центр за полтора года материалы разведки из Англии, США, Скандинавии и Германии по разработке атомного оружия кардинально изменили направление наших усилий.

Менее чем за месяц до отъезда Зарубина британский дипломат Маклин, наш проверенный агент из Кембриджской группы, работавший в то время под псевдонимом «Лист», сообщил документированные данные, что английское правительство уделяет серьезное внимание разработке бомбы невероятной разрушительной силы, основанной на действии атомной энергии.

С 1939 года я был куратором разведывательных операций, связанных с использованием знаменитой Кембриджской группы, в том числе разработок по Филби и Маклину. В июле 1939 года я принял решение о возобновлении связи с Маклином, Филби, Берджесом, Кэрнкроссом и Блантом, хотя они могли быть раскрыты Александром Орловым, бежавшим на Запад.

Когда Франция в июне 1940 года потерпела поражение, Маклин, работавший в английском посольстве во Франции, вернулся в Лондон в министерство иностранных дел. Там он действовал под оперативным руководством резидента Горского (один из его псевдонимов «Вадим»).

16 сентября 1941 года британский военный кабинет — так назывался кабинет министров во время войны — рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. Проект по урановой бомбе получил название «Трубный сплав». На эти работы крупному британскому концерну «Империал кемикал индастриз» были ассигнованы громадные средства. Маклин передал нам шестидесятистраничный доклад британского военного кабинета с обсуждением этого проекта.

Другой наш источник — агент из «Империал кемикал индастриз» — сообщил, что руководство концерна рассматривает вопрос об атомной бомбе только в теоретическом плане. Одновременно нам стало известно, что Комитет начальников штабов Великобритании также принял решение о строительстве завода по созданию атомной бомбы. Наш резидент в Лондоне Горский срочно попросил Центр провести экспертизу направленных нам материалов.

Первоначально ученые дали по этим материалам отрицательное заключение. Поскольку наши ученые рассматривали вопрос об атомном оружии только как теоретическую возможность, мы не были удивлены тем, что информация по урановой бомбе носила противоречивый характер.

Информация Хейфеца имела исключительно важный характер. Центр поручил Семенову (кодовое имя «Твен») проверить сообщения, полученные от Хейфеца. Семенов должен был выявить главных ученых-специалистов, привлеченных к работе над сверхсекретным проектом, и определить конкретную роль каждого.

Семенов пришел в органы госбезопасности в 1937 году. Он один из немногих имел высшее техническое образование, и его послали учиться в США, в Массачусетский технологический институт, чтобы в дальнейшем использовать по линии научно-технической разведки. Он эффективно действовал как оперативный сотрудник под прямым руководством Овакимяна, который работал под прикрытием советской внешнеторговой фирмы «Амторг» в Нью-Йорке. Именно Семенову и его помощнику Курнакову удалось установить прочные контакты с близкими к Оппенгеймеру физиками из Лос-Аламоса, работавшими в 20—30-х годах в Советском Союзе и имевшими связи в русской и антифашистской эмиграции в США. Так стал регулярно действовать главный канал поступления информации по атомной бомбе. Семенов привлек к сотрудничеству супругов Коэнов, выполнявших роль курьеров. Лона Коэн передала нам в 1945 году важнейшие научные материалы по конструкции атомной бомбы.

Семенов, используя свои связи в Массачусетском технологическом институте, определил, кто из видных ученых участвует в так называемом Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы, и независимо от Хейфеца сообщил весной 1942 года, что не только ученые, но и американское правительство проявляют серьезный интерес к этой проблеме. Семенов сообщал также, что в проекте участвует известный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по национальности.

Мы немедленно дали указание использовать агентуру среди русских эмигрантов для обеспечения подходов к Кистяковскому. Однако два наших важных агента в США — бывший генерал царской армии Яхонтов, женатый на сестре жены наркома госбезопасности СССР Меркулова, эмигрировавший в США после Гражданской войны, и Сергей Курнаков, ветеран операций ГПУ по эмиграции в США, не смогли привлечь Кистяковского.

На связи у Семенова некоторое время находились супруги Юлиус и Этель Розенберги, привлеченные к сотрудничеству с нашей разведкой Овакимяном еще в 30-х годах. Научно-техническая информация Розенбергов не имела существенного значения — они со своими родственниками были подстраховочным звеном, далеким от основных операций. Позднее арест и суд над ними привлек внимание всего мира.

Семенову принадлежит, пожалуй, основная роль в создании канала поступления разведывательной информации по атомной бомбе, через который в 1941–1945 годах мы получили, как пишет один из наших сотрудников Терлецкий в своих воспоминаниях, американские секретные отчеты, а также английские материалы с описанием основных экспериментов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, различных типов урановых котлов, диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и тому подобное.

В марте 1942 года Маклин предоставил нам документальные данные об интенсивной работе по атомной проблеме в Англии. В том же году советская военная разведка привлекла к сотрудничеству Фукса.

Письмо Флёрова, будущего академика

Важные события произошли и в нашей стране. В мае 1942 года Сталин получил письмо от молодого ученого-физика, специалиста по ядерным реакциям, будущего академика Флёрова, который обращал внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме, а это, по его мнению, свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах. Флёров предупреждал, что немцы могут первыми создать атомную бомбу.

По времени поступление этого письма совпало с информацией нашей резидентуры из оккупированного немцами Харькова. Нам сообщали, что бывший политэмигрант в СССР Ф. Хоутерманс прибыл в Харьков со специальной миссией, направленной военным командованием Германии с целью получения дополнительных данных в украинском физико-техническом институте об использовании в военных целях советских исследований по проблеме урана. Хоутерманс в период немецкой оккупации Харькова фактически стал одним из руководителей украинского физико-технического института. В сообщениях агентуры указывалось, что Хоутерманс прибыл в Харьков «в эсэсовской форме».

С санкции руководства я немедленно проинформировал Капицу о появлении Хоутерманса в Харькове и Киеве в составе немецкой военной миссии по демонтажу научного оборудования. Капица придавал этому сообщению важное значение, указав, что это подтверждает развитие работ в Германии по созданию урановой бомбы.

И мне (в то время я занимался организацией партизанского движения и сбором разведывательной информации по Германии и Японии) поручили выяснить все об атомных разработках в Германии.

Информация от агентуры, полученная в деловых и промышленных кругах Швеции, была противоречивой. В Германии и Скандинавии упорно циркулировали слухи о работах немцев над «сверхоружием», но никаких подробностей об этих работах мы не знали. Только после войны стало ясно, что под «сверхоружием» имелась в виду двухступенчатая ракета на основе модели «Фау-2», которая могла бы достигнуть побережья США.

Информация по атомной бомбе, поступившая из США и Англии, совпадала. Она подтвердилась, когда мы получили сообщение о возможности создания атомной бомбы со слов видного физика-ядерщика Елизаветы Мейтнер. Мейтнер была в поле зрения нашей разведки с тех пор, когда в 1938 году встал вопрос о возможности ее приезда в Советский Союз для работы. Потом ей пришлось бежать из фашистской Германии в Швецию, где Нильс Бор помог ей устроиться на работу в Физический институт Академии наук. Агентов-женщин, вышедших на Мейтнер, инструктировала по указанию Берии заместитель резидента НКВД в Стокгольме Зоя Рыбкина.

В марте 1942 года Берия направил Сталину всю информацию, поступившую из США, Англии, Скандинавии и оккупированного Харькова.

В письме он указывал, что в Америке и Англии ведутся научные работы по созданию атомного оружия.

В феврале 1943 года, когда британские спецслужбы провели диверсионную операцию в Веморке (Норвегия), где был завод тяжелой воды, необходимой для атомного реактора, Сталин поверил, что атомный проект приобретает реальное содержание. О подробностях диверсии на сообщили наши источники в Норвегии, Филби и Кембриджская группа из Лондона. Я не придавал особого значения этим сообщениям, потому что ущерб от нее показался мне незначительным, и был удивлен, когда Берия приказал мне взять на заметку эту операцию. Его, естественно, насторожило, что, несмотря на имевшуюся договоренность с англичанами о совместном использовании наших агентурных групп в Скандинавии, Западной Европе и Афганистане для проведения крупных операций по диверсиям и саботажу, англичане не просили нас о поддержке своего рейда в Веморке. Это говорило о том, что диверсионной операции в Норвегии англичане придавали особое значение.

До начала 1943 года у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось. Еще до нападения немцев Государственная комиссия по военно-промышленным исследованиям отклонила предложения молодых физиков-ядерщиков Института физико-технических исследований в Харькове и немецкого ученого эмигранта Ланге начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства. Предложение было направлено в отдел изобретений Наркомата обороны, но его сочли преждевременным и не поддержали.

В марте 1942 года Берия предложил Сталину создать при Государственном Комитете Обороны научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников для координации работ научных организаций по исследованию атомной энергии. Он также просил Сталина разрешить ознакомить наших видных ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал согласие и предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу.

По проблеме создания в ближайшем будущем атомной бомбы высказались, с одной стороны, академик Иоффе и его молодой ученик профессор Курчатов, которых ознакомили с материалами разведки, с другой — академик Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии).

Иоффе привлекли к исследованиям по атомной энергии по совету академика Вернадского. Он был известен западным ученым, поскольку в 20—30-х годах совершил ознакомительные поездки в лаборатории Западной Европы и США. В 1934 году, находясь в Бельгии, Иоффе отклонил предложение уехать на работу в США, хотя в то время противоречия в наших научных кругах между физиками резко обострились. Особенно остро конфликтовали московские и ленинградские ученые. Непримируемую позицию к школе Иоффе занимали, в частности, и некоторые влиятельные профессора Московского университета. Это продолжалось не один год. (Я помню, как московский профессор сказал мне: «Павел Анатольевич, зачем вы консультируетесь у этих деятелей из Ленинградского физико-технического института? Это же банда!») Иоффе оценил громадную важность информации об атомных исследованиях в Америке и поддержал необходимость начала работ по

созданию советской атомной бомбы. В дальнейшем Иоффе сыграл видную роль в улаживании конфликтов между учеными Московского университета и Академии наук, и он был одним из инициаторов создания вскоре после войны трех главных центров атомных исследований.

Капица считал, что проблема создания атомной бомбы бросает вызов современной физике и ее решение возможно только совместными усилиями наших ученых и ученых США и Англии, где проводятся фундаментальные исследования по атомной энергии.

Мне рассказывали, что в октябре 1942 года Сталин на даче в Кунцеве принял только Вернадского и Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами информацией и вместе проводить работы по атомной энергии. На это Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным.

После этой встречи, как мне позднее рассказывал Ванников, нарком боеприпасов, один из руководителей атомной программы, впервые руководство страны окончательно убедилось в реальной возможности создания атомного оружия, и Сталин так был заворожен мощным разрушительным потенциалом атомной бомбы, что в конце октября 1942 года предложил дать кодовое название плану нашего контрнаступления под Сталинградом операция «Уран». Во всех идеях и предложениях у него всегда присутствовал этот внутренний мотив, непонятный собеседникам.

На основе информации из Лондона от источника в концерне «Империал кемикал индастриз», который играл важную роль в английском проекте «Трубный сплав», Сталин приказал Первухину, наркому химической промышленности, оказать самую серьезную поддержку ученым в работе по созданию атомного оружия.

Капица и Курчатов: создание атомной бомбы возможно

Прошел год. Капица, проинформированный НКВД в 1942–1943 годах о миссии Хоутерманса в оккупированном Харькове и о начале работ в США и Германии над атомным оружием, несколько раз обращался к Сталину и Берии с предложениями пригласить Бора, чтобы тот возглавил нашу атомную программу. По согласованию с Молотовым он написал Бору письмо, в котором просил приехать его в Советский Союз, где ему гарантировались самые лучшие условия для работы. Когда Бор находился в Англии, его пригласили в советское посольство, где он встретился с резидентом НКВД Горским, действовавшим под прикрытием должности советника посольства, но в ходе беседы Бор избегал обсуждать вопросы атомных исследований.

В конце января 1943 года была получена информация от Семенова («Твен»), что в декабре 1942 года в Чикаго Ферми осуществил первую цепную ядерную реакцию. Наш источник, насколько я помню, молодой Понтекорво, сообщил о феноменальном успехе Ферми условной фразой: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». Однако эта информация носила самый общий характер, и спустя несколько месяцев Курчатов запросил дополнительные материалы о первой ядерной реакции.

В это же время Барковский передал из Лондона закрытые научные труды западных ученых по атомной энергии за 1940–1942 годы. Эти первые научные материалы подтвердили, что западные ученые достигли большого прогресса в создании атомной бомбы.

Таким образом, мы располагали не только устными сообщениями, но и протоколами обсуждения на заседаниях английского военного кабинета перспектив использования атомной энергии для создания сверхмощного оружия.

В 1943 году резидентом в Мехико был назначен Василевский. Он вполне подходил для этой работы: у него был опыт войны в Испании, где он командовал диверсионным партизанским отрядом; он успешно выполнил агентурные операции в 1939–1941 годах в Париже; он адаптировался к жизни на Западе, был всегда хорошо одет, подтянут, владел французским и испанским языками, обладал незаурядными способностями располагать к себе людей и привлекать к сотрудничеству под удобным предлогом. Василевскому удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной Эйтингоном и Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

В 1939–1941 годах во время пребывания в США Эйтингону было предоставлено чрезвычайное право вербовать и привлекать к сотрудничеству людей без санкции Центра, используя родственные связи. Василевскому эта агентура была известна, так как он был одним из активных участников операции в Мексике. Перед отъездом в Мексику он получил специальное разрешение на использование этих людей. Через эти законсервированные на некоторое время каналы Василевский наладил связь с Понтекорво в Канаде и некоторыми специалистами Чикагской лаборатории Ферми, минуя нашу резидентуру в Нью-Йорке. Понтекорво сообщил Василевскому, что Ферми положительно отнесся к идее поделиться информацией по

атомной энергии с учеными стран антигитлеровской коалиции.

11 февраля 1943 года Сталин подписал постановление правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Возглавил это дело Молотов. Тогда же было принято решение ввиду важности атомной проблемы сделать ее приоритетной в деятельности разведки НКВД. Берия первоначально выступал в качестве заместителя Молотова и отвечал за вопросы обеспечения военных и ученых разведывательной информацией. Я помню, как он приказал мне познакомить Иоффе, Курчатова, Кикоина и Алиханова с научными материалами, полученными агентурным путем, без разглашения источников информации.

Кикоин, прочитав доклад о первой ядерной цепной реакции, был необычайно возбужден и, хотя я не сказал ему, кто осуществил ее, немедленно отреагировал: «Это работа Ферми. Он единственный в мире ученый, способный сотворить такое чудо». Я вынужден был показать им некоторые материалы в оригинале на английском языке. Чтобы не раскрывать конкретных источников информации, я закрыл ладонью ту часть документа, где стояли подписи и перечислялись источники. Ученые взволнованно сказали: «Послушайте, Павел Анатольевич, вы слишком наивны. Мы знаем, кто в мире физики на что способен. Вы дайте нам ваши материалы, а мы скажем, кто их авторы». Иоффе тут же по другим материалам назвал автора — Фриша. Я немедленно доложил об этом Берии и получил разрешение раскрывать Иоффе, Курчатову, Кикоину и Алиханову источники информации.

В апреле 1943 года в Академии наук СССР была создана специальная лаборатория № 2 по атомной проблеме, руководителем которой назначили Курчатова. Ему едва исполнилось сорок лет. Это было смелое решение. Но мы знали, что американский атомный проект возглавил 44-летний Оппенгеймер, не имевший звания лауреата Нобелевской премии. Наши физики старшего поколения не могли поверить, что Бор и Ферми работают в подчинении у Оппенгеймера. Уже в декабре 1943 года по прямому указанию Сталина Курчатов был избран действительным членом Академии наук.

Группа «С»

Получив от НКВД доклад о первой цепной ядерной реакции, осуществленной Ферми, Курчатов обратился к Первухину с просьбой поручить разведывательным органам выяснить ряд важных вопросов о состоянии атомных исследований в США. В связи с этим была проведена реорганизация деятельности служб разведки Наркомата обороны и НКВД. В течение пяти лет, в 1940–1945 годах, научно-техническая разведка велась специальными подразделениями и отделениями Разведупра Красной Армии и 1-го управления НКВД — НКГБ, заместителем начальника которого я был до февраля 1942 года. В 1944 году было принято решение, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД. В связи с этим под моим началом была создана группа «С» (группа Судоплатова), которая позднее, в 1945 году, стала самостоятельным отделом «С». Помимо координации деятельности Разведупра и НКВД по сбору информации по атомной проблеме, на группу, а позднее отдел, были возложены функции реализации полученных данных внутри страны. Большую работу по обработке поступавшей научно-технической информации по атомной бомбе проводили сотрудники отдела «С» Зоя Зарубина, Земсков, Масся, Грознова, Покровский. Зарубина и Земсков, насколько я помню, под руководством Терлецкого перевели наиболее важные материалы по конструкции ядерных реакторов и самой атомной бомбы. К тому времени Зоя Зарубина имела большой опыт оперативной и переводческой работы, участвовала в мероприятиях Ялтинской и Потсдамской конференций союзников в 1945 году. Согласно решению правительства отдел «С» стал рабочим аппаратом бюро № 2 Спецкомитета правительства СССР по «проблеме № 1». Квалифицированные специалисты и ученые, работавшие в отделе, регулярно докладывали о получаемых разведывательных материалах на заседаниях комитета и научно-технического совета, который возглавлял нарком боеприпасов Ванников.

Курчатов и ученые его группы часто бывали у Берии, обсуждая вопросы организации работ в соответствии с получаемой от НКВД информацией. Фактически Курчатов и Иоффе поставили перед Сталиным вопрос о замене Молотова Берией в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме.

Обычно после посещения кабинета Берии на Лубянке Курчатов, Кикоин, Алиханов и Иоффе поднимались ко мне, где мы обедали в комнате отдыха, после чего они углублялись в работу над документами, полученными из-за границы.

Наши ученые, чтобы ускорить научные работы по атомной энергии, были очень заинтересованы в регулярном ознакомлении с ходом этих работ в США. В письме от 7 марта 1943 года заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Первухину Курчатов писал:

«Получение данного материала имеет громадное, неопределимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Курчатов подчеркивал, что «вся совокупность сведений... указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей».

В другом письме от 22 марта 1943 года Курчатов сообщал, что внимательно рассмотрел последние работы американцев по трансурановым элементам и установил новое направление в решении всей проблемы урана. «До сих пор, — пишет Курчатов, — работы по трансурановым элементам в нашей стране не проводились. В связи с этим обращаюсь к вам с просьбой дать указание разведывательным органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке».

Наши источники информации и агентура в Англии и США добыли 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. В своих записках в марте — апреле 1943 года Курчатов назвал семь наиболее важных научных центров. С точки зрения деятельности разведки, это означало оперативную разработку американских ученых в качестве источников важной информации.

В феврале 1944 года состоялось первое совещание руководителей военной разведки и НКВД по атомной проблеме в кабинете Берии на Лубянке. От военных присутствовали Ильичев и Мильштейн, от НКВД — Фитин и Овакимян. Я был официально представлен как руководитель группы «С», координировавший усилия в этой области. С этого времени разведка Наркомата обороны регулярно направляла нам всю поступающую информацию по атомной проблеме.

Должен признаться, я не был обрадован поручением Берии. Возглавляя работу группы «С» по координации добычи и реализации разведанных по атомной бомбе, я испытывал трудности, так как не имел технического образования, не говоря уже о знаниях в области физики. Одновременно я руководил действиями диверсионных партизанских отрядов в тылу немецких армий, и это было моей основной обязанностью.

Осенью 1944 года Берия, в качестве заместителя председателя правительства курировавший производство вооружений и боеприпасов, официально возглавил работу по созданию атомного оружия. Это было инициировано Курчатовым.

В 1944 году Хейфец вернулся в Москву и доложил мне и Берии свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Я пригласил ученых к себе домой на обед. Однако это был не только гостеприимный жест: по приказанию Берии я и мои заместители генералы Эйтингон и Сазыкин — как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели

себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доза всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученые по своему складу и напряженной умственной работе также не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предложил им по чайной ложке коньяку в чай. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего общего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой, и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берия, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о «шалостях» его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку — Курчатова, Алиханова, Кикоина — и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания Советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, — им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства.

По указанию Берии все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и высококвалифицированной медицинской помощью. В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по атомной проблеме, были переданы из управления кадров в секретариат Берии. Тогда же в секретариат Берии из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки «Эноммоз» по атомной бомбе, до сих пор хранящегося в архиве службы внешней разведки, было изъято около 200 страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берии никто не имел доступа к этим материалам. Помню конфликт с заместителем

Берии Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами. Я отказал ему, и мы крепко поссорились; он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берии.

Большие административные способности Берии в решении атомной проблемы признают и участники нашей атомной программы, например академик Харитон в своем интервью о создании атомной бомбы в журнале «Огонек» (1993 г.).

Когда мы получили данные о том, что американские власти уделяют особое внимание секретности своего атомного проекта, мы с Эйтингоном предложили использовать группы нелегалов в качестве курьеров и для работы с источниками информации: мы понимали, что американская контрразведка обратит внимание на связи Хейфеца с прокоммунистическими кругами, имеющими выход на специалистов Манхэттенского проекта. Получив соответствующую директиву Москвы, Зарубин приказал Хейфецу немедленно прекратить разведывательные операции с использованием активистов компартии.

Однако ряд активистов компартии продолжали действовать по собственной инициативе. В 1943 году, нарушив полученное от Зарубина указание, они, не зная о наших выходах на семью Оппенгеймера, обратились к нему с просьбой о предоставлении информации Советскому Союзу о работах в Лос-Аламосе. Оппенгеймер, опасавшийся раскрытия связей через жену и брата с нашими людьми, вынужден был поставить в известность американские спецслужбы об этой просьбе знакомого физика, связанного с компартией. Это привело к тому, что все связи с видными физиками, участвовавшими в работах по атомной бомбе, были переключены на канал нелегальной разведки и использование специальных курьеров, имевших безупречное прикрытие в глазах американской контрразведки.

Цель агентуры — круги, близкие к Оппенгеймеру, компартии, еврейской и русской эмиграции в США.

В 1943–1944 годах мы использовали различные каналы подходов к американским атомным секретам. Нашими главными целями были лаборатории Лос-Аламоса, заводы Ок-Риджа и лаборатории по ядерным исследованиям в Беркли. Мы также пытались проникнуть в промышленные фирмы, выполнявшие заказы, связанные с созданием атомного оружия.

В 1943 году известный актер, руководитель Московского еврейского театра Михоэлс, вместе с еврейским поэтом, нашим проверенным агентом, Фефером совершил длительную поездку в США как руководитель Еврейского антифашистского комитета. Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял Хейфец.

Берия принял Михоэлса и Фефера накануне отъезда и дал им указание провести в США широкую пропаганду большой значимости вклада еврейского народа в развитие науки и культуры Советского Союза и убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики.

Зарубин и Хейфец через доверенных лиц информировали Оппенгеймера и Эйнштейна о положении евреев в СССР. По их сообщению, Оппенгеймер и

Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание. В это же время до Oppenгеймера и Эйнштейна дошли слухи о плане Сталина создать еврейскую автономную республику в Крыму после победы в войне с фашизмом.

Oppenгеймер и Ферми не знали, что уже в то время они фигурировали в наших оперативных материалах как источники информации под кодовыми именами «Директор резервации», «Вексель», «Эрнст». Псевдоним «Вексель» использовался иногда и для источника обобщенных материалов, поступавших от ученых-физиков, участвовавших в американском атомном проекте. Насколько я помню, под общим псевдонимом «Стар» иногда фигурировали Oppenгеймер и Ферми. Еще раз повторяю: никто из них никогда не был нашим завербованным агентом разведки.

Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Oppenгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Oppenгеймера. После того, как Oppenгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка («Лука») постоянно влияла на Oppenгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура Семенова.

Лиза Зарубина, жена Василия Зарубина, резидента в США, была выдающейся личностью. Обаятельная и общительная, она легко устанавливала дружеские связи в самых широких кругах. Элегантная женщина классической красоты, натура утонченная, она как магнит притягивала к себе людей. Лиза была одним из самых высококвалифицированных вербовщиков агентуры. Она привлекла к работе беженцев из Польши и одного из помощников Сциларда. Она нашла выход на Сциларда через одного его родственника в Москве, работавшего в специальной лаборатории НКВД по авиационной технике. Лиза прекрасно владела английским, немецким, французским и румынским языками. Она выглядела типичной представительницей Центральной Европы, но могла неузнаваемо менять свою внешность и манеру поведения. Лиза состояла в родственных отношениях с Анной Паукер, видным деятелем румынской компартии. Старший брат Лизы руководил боевой организацией румынских коммунистов, и когда его судил военный трибунал, сумел дважды бежать из зала суда. В 1922 году он погиб в перестрелке.

Лиза стала сотрудником разведывательной службы еще в 1919 году. Одно время она работала в секретариате Дзержинского. Ее первым мужем был Блюмкин, застреливший в Москве в 1918 году немецкого посла графа Мирбаха. Блюмкин являлся ключевой фигурой в заговоре эсеров против Ленина в июле 1918 года. Когда мятеж эсеров провалился, Блюмкин явился с повинной, был прощен и продолжал работать в ЧК — ГПУ, выполняя задания Дзержинского и иногда Троцкого, с которым он также был знаком.

В 1929 году Блюмкин создал нелегальную резидентуру в Турции под видом торговой фирмы, используя финансовые средства, полученные от продажи хасидских древнееврейских рукописей, переданных ему из особых фондов

Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Эти деньги предназначались для создания боевой диверсионной организации против англичан в Турции и на Ближнем Востоке. Однако Блюмкин передал часть средств Троцкому, который после высылки из СССР жил в Турции. Кроме того, он привез в Москву письмо Троцкого, адресованное Радеку.

Лиза была потрясена этим. Она сообщила об этом руководству. Блюмкин был арестован, а позднее расстрелян.

Через несколько лет Лиза вышла замуж за Василия Зарубина, вернувшегося из Китая. Они были направлены на нелегальную работу в Европу по фальшивым документам — супружеская пара коммерсантов из Чехословакии. Семь лет Зарубины находились в различных странах Западной Европы, успешно провели ряд нужных разведывательных операций, в том числе по вербовке сотрудника гестапо Лемана («Брайтенбах») и жены помощника министра иностранных дел Германии («Юна»), с которой Лиза поддерживала связь до мая 1941 года.

В 1941 году Лизе Зарубиной было присвоено звание капитана госбезопасности. В США она часто ездила в Калифорнию, где Хейфец ввел ее в круг людей, близких к семье Оппенгеймера. Благодаря связям Хейфеца Лиза получила все установочные данные на членов семьи и родственников Оппенгеймера, отличавшихся левыми взглядами. Хейфец организовал встречу Лизы с женой Оппенгеймера Кэтрин, которая симпатизировала Советскому Союзу, коммунистическим идеалам. Насколько я помню, Кэтрин Оппенгеймер не фигурировала в оперативных документах как источник информации, но мы работали через женщину, близкую к Оппенгеймеру, и, как мне кажется, этой женщиной была его жена.

Ветераны ЦРУ, работавшие у нас весной 1992 года над архивом ЦК КПСС, натолкнулись на материалы Коминтерна о связях Оппенгеймера с членами законспирированной ячейки Компартии США. Они обнаружили также и запрос нашей разведки Димитрову, председателю Коминтерна, в июне 1943 года с просьбой предоставить данные для использования этих связей.

Лиза Зарубина и Хейфец через жену Оппенгеймера Кэтрин убедили Оппенгеймера воздержаться от открытого высказывания взглядов в поддержку коммунистов и левых кругов, чтобы не привлекать внимания американских спецслужб. Они также уговорили его поделиться информацией с учеными, бежавшими от преследований нацистов. Оппенгеймер согласился это сделать, а также допустить этих людей к научной работе в атомном проекте, если получит подтверждение их антифашистских взглядов.

Таким образом, Оппенгеймер, Ферми и Сцилард помогли нам внедрить надежные агентурные источники информации в Ок-Ридж, Лос-Аламос и чикагскую лабораторию. Насколько я помню, в США было четыре важных источника информации, которые передавали данные о работе лаборатории в наши резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они также поддерживали связи с нашей нелегальной резидентурой, использовавшей для прикрытия аптеку в Санта-Фе. Материалы, которые получал в Нью-Йорке Семенов, а позднее Яцков, поступали от Фукса и одного из наших глубоко законспирированных агентов через курьеров.

Одним из этих курьеров была Лона Коэн. Ее муж, Морис Коэн, был привлечен к сотрудничеству Семеновым. В 1939 году Морис женился на Лоне и также привлек ее к разведывательной работе. Сначала Лона отказывалась от сотрудничества, рассматривая его как измену, но Морис убедил ее, что они действуют во имя высшей справедливости и что такого рода сотрудничество вовсе не является предательством. Центр дал согласие на ее работу, имея в виду, что в нелегальных операциях супружеские пары действуют наиболее эффективно.

Когда Мориса в июле 1942 года призвали на военную службу, было решено в качестве курьера использовать его жену. Яцков («Джонни»), сотрудник советского консульства в Нью-Йорке, принял Лону Коэн на связь от Семенова. Для прикрытия своих поездок в штат Нью-Мексико Лона посещала туберкулезный санаторий под предлогом профилактики. Фиктивное свидетельство о ее заболевании подготовили наши нелегалы в Санта-Фе. В 1992 году Яцков вспоминал о ней как о красивой молодой женщине. Вскоре после того, как в августе 1945 года атомные бомбы были сброшены на японские города, Лона совершила рискованную поездку в небольшой городок Альбукерке. Там она встретила с агентами «Младом» и «Эрнстом». «Млад», он же молодой физик Т. Холл, отец которого работал меховщиком на фабрике родственников Эйтингтона в США, был привлечен к сотрудничеству крупным агентом НКВД в белой эмиграции С. Курнаковым (псевдонимы «Бек», «Кавалерист»). Там ей должны были передать исключительно важные документы для московского Центра. Получив документы, Лона приехала на вокзал к самому отходу поезда с небольшим чемоданом, сумкой и ридикюлем. В условиях введенного в этом городке специального режима служба безопасности проверяла документы и багаж у всех пассажиров. И здесь Лона проявила высокий уровень профессиональной подготовки. Она поставила чемодан перед проверяющими и нервно перебирала содержимое своей сумки в поисках затерявшегося билета. Она передала ридикюль, где под салфетками лежал сверток с чертежами и детальным описанием первой в мире атомной бомбы, кондуктору вагона, который и держал его, пока она искала билет. Лона села в поезд уверенная, что кондуктор обязательно вернет ей ридикюль. Так и произошло. Когда Яцков встретил ее в Нью-Йорке, она сказала ему, что все в порядке, но полиция почти держала эти материалы в своих руках. Этот эпизод впервые рассказан историком разведки Чиковым.

После ареста Юлиуса и Этель Розенбергов в 1950 году Коэнам удалось ускользнуть от американских властей. В Москве они прошли специальную подготовку как агенты-нелегалы. Получив от нашей службы новозеландские паспорта на имя Питера и Холен Крогер, Коэны осели в Лондоне. Они владели букинистическим магазином и в своем небольшом домике в предместье Лондона оказывали значительную помощь в радиосвязи резиденту КГБ Конону Молодому, действовавшему под именем Гордона Лонсдейла. Коэны были арестованы вместе с ним в 1961 году и приговорены английским судом к 20 годам тюремного заключения, шесть лет провели в тюрьме, потом их обменяли. После своего освобождения они жили в Москве. Лона умерла в 1992 году, Морис пережил ее на три года.

Среди виднейших ученых, которых мы активно разрабатывали, используя их родственные связи и антифашистские настроения, был Георгий Гамов — русский

физик, сбежавший в США в 1933 году из Брюсселя, где проходил международный съезд физиков. Возможность использования Гамова и подходов к нему через его родственников в СССР, которые фактически являлись нашими заложниками, нам подсказал академик Иоффе. Гамов имел широкие связи с американскими физиками и поддерживал дружеские отношения с Нильсом Бором. Мы поручили Лизе Зарубиной добиться его сотрудничества с нами. Лиза вышла на Гамова через его жену, тоже физика. Гамов преподавал в Джорджтаунском университете в Вашингтоне и, что особенно важно, руководил в Вашингтоне ежегодными семинарами по теоретической физике. Таким образом, он мог обсуждать с ведущими физиками мира последние, самые перспективные разработки.

Нам удалось воспользоваться широкими знакомствами, которыми располагал Гамов. Лиза Зарубина принудила жену Гамова к сотрудничеству в обмен на гарантии, что родственникам в Союзе будет оказана поддержка в трудные военные годы.

Мне помнится, что в некоторых случаях американские специалисты нарушали правила работы с секретными документами и показывали Гамову отчеты об опытах, консультировались у него. Нарушение режима работы с документами делалось по общему согласию ученых. Проверка ФБР в 1948 году установила исчезновение более 1500 страниц из отчетной документации по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе. Однако от Гамовых удалось получить в устной форме общие характеристики ученых, узнать их настроения, оценки реальной возможности создания атомной бомбы. Мне кажется, что между Бором, Ферми, Оппенгеймером и Сцилардом была неформальная договоренность делиться секретными разработками по атомному оружию с кругом ученых-антифашистов левых убеждений.

Другой источник информации в Теннесси, получавший сведения от Ферми и Понтекорво, был связан с нелегальной группой, также использовавшей как прикрытие аптеку в Санта-Фе, откуда материалы пересылались с курьером в Мексику. Насколько я помню, три человека — научные сотрудники и клерки — копировали наиболее важные документы, получая к ним доступ от Оппенгеймера, Ферми и Вейскопфа.

Аптека в Санта-Фе (штат Нью-Мексико) была для нелегальной резидентуры, созданной в США Эйтингон и Григулевичем в операции против Троцкого, запасной явкой в 1940 году. Как я уже писал, Эйтингон и Григулевич получили тогда от Берии широкие полномочия вербовать агентов без санкции Центра. К 1940 году у Григулевича за плечами был большой опыт разведывательной работы. В 30-х годах в Литве он принимал участие в ликвидации провокаторов охраны, проникших в литовский комсомол, затем участвовал в операциях против троцкистов за границей, воевал в Испании. Для действий в Латинской Америке у Григулевича было надежное прикрытие — сеть аптек в Аргентине, которой владел его отец.

В главе о Троцком я писал, что Эйтингон и Григулевич создали параллельную нелегальную сеть, которую можно было использовать в США и Мексике вне контактов с испанской эмиграцией в этих странах. Уезжая из Америки в 1941 году, Эйтингон и Григулевич оформили аптеку на одного из агентов их группы. Теперь эта сеть помогла выйти на интересующие нас источники информации по атомной

проблеме.

Негласная солидарность ведущих физиков мира

Оппенгеймер предложил директору проекта генералу Гровсу пригласить для работы в Америке виднейших ученых Европы. Среди них был Нильс Бор. Бор ни в коей мере не был нашим агентом, но он оказал нам неоценимые услуги. После разговора с Мейтнер в 1943 году в Швеции он активно выступил за то, чтобы поделиться атомными секретами с международным антифашистским сообществом ученых. В формировании позиции Бора и Мейтнер огромную роль сыграла известная финская писательница Вуолийоки, видный агент нашей разведки. Вуолийоки приговорили в Финляндии за шпионаж в пользу СССР к смертной казни, но ее освободили под давлением общественности (один ее зять был заместителем министра иностранных дел Швеции, другой — одним из руководителей Компартии Англии — Палм Датт), и она оказалась в Швеции.

Впоследствии нам удалось через Вуолийоки и Мейтнер найти подходы к Бору и устроить с ним встречу наших сотрудников Василевского и Терлецкого в ноябре 1945 года в Копенгагене.

В 1943 году, как пишет один из участников операции нашей разведки по атомной проблеме Феклисов, Оппенгеймер предложил включить Клауса Фукса в состав группы английских специалистов, прибывавшей в Лос-Аламос для участия в работе над атомной бомбой.

В 1933 году немецкий коммунист Фукс вынужден был искать убежище в Англии. Получив образование в Бристольском университете, он продолжал работать там как физик. В 1941 году Фукс сообщил о своем участии в атомных исследованиях видному деятелю коммунистического и рабочего движения Юргену Кучинскому. Кучинский проинформировал нашего посла в Англии Майского. Майский был в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне Горским и поэтому поручил военному атташе Кремеру войти в контакт с Фуксом. Фукс сначала встречался с Урсулой Кучински («Соня»), агентом военной разведки, одним из организаторов сети «Красная капелла».

Фукс перед отъездом в США был проинструктирован об условиях возобновления связи с ним. В США Фукс должен был в общении с американскими коллегами подчеркнуть, что он единственный человек в группе английских специалистов, которому грозил немецкий концлагерь. По этой причине Фукс пользовался абсолютным доверием Оппенгеймера и по его указанию получил доступ к материалам, к которым не имел формально никакого отношения. Оппенгеймеру приходилось вступать в острый конфликт с генералом Гровсом, который категорически возражал, чтобы до сведения английских ученых доводилась обобщенная информация по результатам исследований и экспериментов (нас информировал об этом Фукс).

Кстати, английские власти и разведка также поставили перед своими специалистами задачу по сбору всей информации по атомной бомбе, поскольку американцы не собирались делиться с ними атомными секретами.

Возможно, была еще одна причина, по которой Оппенгеймер пригласил Фукса в

Лос-Аламос, а позднее — в Центр научных исследований в Принстоне. Может быть, Оппенгеймер знал, что Фукс не останется после войны в Америке. Я помню, что в агентурных материалах зафиксированы его слова: информация должна передаваться теми, кто по личным обстоятельствам покинет Лос-Аламос и страну после окончания работы по атомной бомбе. Кроме того, Оппенгеймер имел основания предполагать, что Фукс связан с коммунистами, и это тоже могло сыграть свою роль.

Лиза Зарубина восстановила связь с двумя глубоко законспирированными агентами, польскими евреями, на западном побережье. Они были легализованы Эйтингоном в начале 30-х годов во время его краткой нелегальной командировки в США. Первоначально планировалось, что эти агенты осядут в Калифорнии с целью организации диверсий на транспортных судах, вывозящих в Японию стратегическое сырье (уголь, нефть, металл) в случае военного конфликта между СССР и Японией. Более десяти лет эти агенты не привлекались к активным действиям.

Один из них был зубной врач (кодовое имя «Шахматист»), получивший французский медицинский диплом в конце 20-х годов. Его обучение оплатил ГПУ. Жене зубного врача удалось установить дружеские отношения с семьей Оппенгеймера. Так была создана конспиративная связь с семейством Оппенгеймера и его ближайшим окружением, выпавшая из поля зрения американской контрразведки. Насколько я помню, ФБР не знало и о конспиративных контактах Зарубиной. Только в 1946 году в связи с другими разоблачениями ФБР твердо установило, что Зарубина была сотрудницей советской разведки, но она уже находилась в Москве.

Таким образом, Семенов и Лиза Зарубина создали систему надежных связей, а Квасников и Яцков под руководством Овакимяна обеспечили бесперебойную передачу информации по атомному оружию на заключительном этапе работ в Лос-Аламосе в 1945 году.

«Директор резервации» о Манхэттенском проекте

Надо отметить, что ознакомление наших ученых с научными трудами разработчиков американского атомного оружия — Оппенгеймера, Ферми, Сциларда — имело важное значение для широкого развертывания у нас работ по атомной бомбе. Хочу подчеркнуть, что эта информация поступала к нам конспиративным путем с их ведома. Насколько я помню, через «Роберта» и «Директора резервации», как именовался в нашей переписке Лос-Аламос, мы получили пять секретных обобщенных докладов о ходе работ по созданию атомной бомбы. Подобный материал был направлен не только нам, но и шведским ученым. По нашим разведанным, насколько я помню, шведское правительство располагало детальной информацией по атомной бомбе в 1945–1946 годах. Шведы отказались от создания собственного ядерного оружия из-за колоссальных затрат. Но тот факт, что они имели достаточно данных, чтобы принять решение по этому вопросу, позволяет сделать вывод: шведы получали, как и мы, информацию по атомной бомбе, в частности и от Бора, после того как он покинул Лос-Аламос.

Комитет Обороны СССР Постановлением ГКО за № 7357 установил сроки окончания строительства циклотронной лаборатории при Ленинградском физико-техническом институте — к 1 января 1946 года. Ответственность за выполнение задания возлагалась на двух академиков — А. Иоффе, директора Физтеха, и А. Алиханова, заведующего объектом. А через месяц, 21 февраля, Сталин подписывает Постановление ГКО № 7572 «О подготовке специалистов по физике атомного ядра» для лаборатории № 2 и смежных с ней учреждений.

Постановление содержало 16 пунктов с изложением подробных обязанностей по обустройству и финансированию учебно-материальной базы, выделению лабораторных помещений, обеспечению обслуживающим персоналом и постройке циклотрона для Московского университета. Увеличение численности обучаемых предусматривалось доукомплектованием старших курсов по специальности «Физика атомного ядра» путем перевода студентов-отличников из других вузов.

Плановые задания по подготовке специалистов в областях химии радиоактивных и редких элементов, компрессорных машин и молекулярной физики были определены для Ленинградского университета и Политехнического института, Московского института тонкой химической технологии. Кроме того, Центральное статистическое управление в месячный срок провело учет и регистрацию специалистов-физиков, работавших во всех отраслях народного хозяйства, научно-исследовательских и других учреждениях, после чего Курчатову предложили провести отбор нужных ему специалистов.

Мы знали, что военные эксперты и специалисты по взрывчатым веществам играют ведущую роль в развитии работ по атомной бомбе в Америке. В свою очередь, и мы приняли решение, учитывая американский опыт, назначить крупного специалиста по производству взрывчатых веществ, видного организатора военной промышленности Ванникова ответственным за инженерное и административное обеспечение нашего атомного проекта. Ванников сыграл в работах по атомной бомбе в СССР ту же роль, что и генерал Гровс в США.

Мы были не только проинформированы о технических разработках американской атомной программы, но знали и о внутренних чисто человеческих конфликтах и соперничестве между учеными и специалистами, работавшими в Лос-Аламосе, о напряженных отношениях ученых с генералом Гровсом — директором проекта. В особенности мы отметили информацию о серьезных разногласиях генерала Гровса и Сциларда. Гровс был в ярости от академического стиля научной работы Сциларда и его отказа подчиняться режиму секретности и военной дисциплине. Борьба с генералом стала своеобразным хобби Сциларда. Гровс не доверял ему и считал рискованным его участие в проекте. Он даже пытался отстранить его от работы, несмотря на громадный вклад Сциларда в осуществление первой в мире цепной ядерной реакции урана.

Оппенгеймер, по словам Хейфеца, был человеком широкого мышления, который предвидел как колоссальные возможности, так и опасности использования атомной энергии в мирных и военных целях. Мы знали, что он останется влиятельной фигурой в Америке после войны, и поэтому нам необходимо было тщательно скрыть контакты с ним и его ближайшим окружением. Мы понимали, что подход к Оппенгеймеру и другим видным ученым должен базироваться на установлении дружеских связей, а не на агентурном сотрудничестве, и нашей задачей было использовать то обстоятельство, что Оппенгеймер, Бор и Ферми были убежденными противниками насилия. Они считали, что ядерную войну можно предотвратить путем создания баланса сил в мире на основе равного доступа сторон к секретам атомной энергии, что, по их мнению, могло коренным образом повлиять на мировую политику и изменить ход истории.

В разведывательной работе разграничение между полезными связями, знакомствами и доверительными отношениями весьма условно. В служебных документах употребляется специальный термин — агентурная разведка, что означает получение материалов на основе работы-агентов и офицеров разведки, действующих под прикрытием какой-либо официальной должности. Однако ценнейшая информация зачастую поступает от источника, который не является агентом, взявшим на себя формальные обязательства по сотрудничеству с разведкой и получающим за это деньги. В оперативных документах этот источник информации все равно рассматривается в качестве агентурного, поскольку выход на него базируется на контактах и связях с агентами или доверенными лицами из близкой к нему среды.

Я был поражен, что мировоззрение многих виднейших западных физиков и наших ученых совпадает. Как я уже писал, Вернадский в 1943 году вполне искренне предлагал Сталину просить американское и английское правительства поделиться с нами информацией об атомных исследованиях и вместе с западными учеными работать над созданием атомной бомбы. Таких же взглядов придерживались Иоффе, Капица, Нильс Бор.

Бор после бесед с Оппенгеймером, очевидно, зная об утечке информации к советским и шведским ученым, встречался с президентом Рузвельтом и пытался убедить его в необходимости поделиться с русскими секретами Манхэттенского проекта, чтобы ускорить работы по созданию бомбы. Наши источники в Англии

сообщили, что Бор не только делал это предложение президенту Рузвельту, но, якобы по его поручению, вернулся в Англию и пытался убедить английское правительство в необходимости такого шага. Черчилль пришел в ужас от этого предложения и распорядился, чтобы были приняты меры для предотвращения контактов Бора с русскими.

Супруги Зарубины, несмотря на достигнутые результаты в работе, недолго прожили в Вашингтоне. И произошло это не по их вине и не из-за активности ФБР. Один из подчиненных Зарубина, сотрудник резидентуры НКВД в посольстве подполковник Миронов, направил письмо Сталину, в котором обвинял Зарубина в сотрудничестве с американскими спецслужбами. Миронов в письме указал — он следил за Зарубиным — даты и часы встреч Зарубина с агентами и источниками информации, назвав их контактами с представителями ФБР. Для проверки выдвинутых обвинений Зарубины были отозваны в Москву. Проверка заняла почти полгода. Было установлено, что все встречи санкционировались Центром и ценная информация, полученная Зарубиным, не бросала на него и тени подозрений в сотрудничестве с ФБР. Миронов был отозван из Вашингтона и арестован по обвинению в клевете. Однако, когда он предстал перед судом, выяснилось, что он болен шизофренией. Его уволили со службы и поместили в больницу.

В 1943 году в Центре было принято решение строить контакты с учеными-атомщиками с использованием нелегальных каналов. Непосредственное руководство действиями нелегалов было возложено на нашего резидента в Мексике Василевского. После отъезда Зарубиных Василевский руководил сетью агентов из Мехико, иногда посещая Вашингтон, но долго там не задерживался, чтобы не привлекать внимания американской контрразведки. Было решено свести к минимуму использование опорных пунктов резидентуры в Вашингтоне.

Я вспоминаю, что Василевский рассказывал мне, к в 1944 году он приехал в Вашингтон и, в частности, да жен был передать в Центр материалы, полученные Ферми, но, к своему ужасу, узнал, что шифровальщик отсутствует. На следующий день американская полиция доставила шифровальщика в посольство, подобрав в одном из баров, где он напился до бесчувствия. Василевский немедленно принял решение не использовать Посольство в Вашингтоне для передачи особо важных сообщений. В 1945 году за успешную работу в разработке-линии Ферми в США Василевский был назначен мой заместителем по отделу «С». Почти два года он возглавлял отдел научно-технической разведки в НКВД, а потом в Комитете информации — нашем центральном разведывательном ведомстве, существовавшем с 1947 по 1951 Василевский был уволен из органов безопасности в 1947 году — стал одной из первых жертв начавшейся антисемитской кампании. В апреле — июле 1953 года он вновь начал работать в аппарате, но его опять уволили — теперь уже по сокращению штатов как «подозрительного» человека. Умер Василевский в 1979 году.

Описание конструкции первой атомной бомбы стал известно нам в январе 1945 года. Наша резидентура США сообщила, что американцам потребуется минимум один год и максимум пять лет для создания существенного арсенала атомного оружия. В этом сообщении также говорилось, что взрыв первых двух бомб,

возможно, будет произведен через два-три месяца.

В это время наша разведка активизировалась, и мы получили значительную информацию о Манхэттенском проекте и о планах использования месторождений урановой руды в Бельгийском Конго, Чехословакии, Австралии и на острове Мадагаскар. Агентам военной разведки удалось проникнуть в канадскую фирму, создавшую специальную корпорацию по разработке урановой руды. Резидент военной разведки «Мольер», он же вице-консул в Нью-Йорке Михайлов, сообщал о работах лаборатории в Беркли, близ Сан-Франциско по анализу урановых руд. Примерно в это же время, сотрудничавший с нами начальник разведки чехословацкого правительства в Лондоне Моравец проинформировал нас, что английские и американские спецслужбы проявили большой интерес к разработке урановых месторождений в Судетских горах. Он получил доступ к материалам англо-чешских переговоров по вопросу эксплуатации месторождений урана в послевоенный период.

По мере приближения окончания войны в Советском Союзе начали предпринимать первые шаги по геологическому поиску урановой руды.

В феврале 1945 года нами была получена информация и захвачены немецкие документы о высококачественных запасах урана в районе Бухово — в Родопских горах. Мы обратились к Димитрову, в то время уже главе болгарского правительства, и болгарские власти оказали нам содействие в разработке месторождений урана.

Постановление ГКО № 7408 от 27 января 1945 года за подписью Сталина адресовалось только Молотову и Берии. Приведу его полностью.

«Совершенно секретно, особой важности»:

«1. Организовать в Болгарии поиски, разведку и добычу урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также геологическое изучение других известных или могущих быть открытыми месторождений урановых руд и минералов.

2. Поручить НКВД СССР (т. Молотову) провести переговоры с правительством Болгарии о создании смешанного Болгарско-Советского акционерного общества с преобладанием советского капитала для производства поисков, разведки и добычи урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также производства геологического изучения других известных или могущих быть открытыми в Болгарии месторождений урановых руд и минералов.

Переговоры с болгарскими властями и всю документацию по созданию и оформлению акционерного общества проводить, именуя месторождение радиевым».

Созданное советско-болгарское горное общество возглавил Щорс — сотрудник нашей разведки, горный инженер по образованию.

Урановая руда из Бухово была нами использована при пуске первого атомного реактора. В Судетских горах в Чехословакии урановая руда оказалась более низкого качества, но тоже использовалась нами. Мы скрывали эти работы от американцев и англичан. Для координации наших разведывательных и контрразведывательных мероприятий в Чехословакию был направлен опытный работник разведки, бывший

резидент в Италии Рогатнев.

Поставкам болгарского урана, ввиду более высокого его качества, уделялось исключительное внимание, Димитров лично следил за урановыми разработками. Мы направили в Болгарию более 300 горных инженеров, срочно отозвав их из армии; район Бухово охранялся внутренними войсками НКВД. Однако вскоре через агентуру нам стало известно, что американские спецслужбы готовят диверсионные акты с целью сорвать поставки урана в Советский Союз и одновременно выявить подлинный размах работ, чтобы определить сроки создания ядерного оружия в СССР. Американцы даже пытались организовать похищение Щорса. Мы приняли контрмеры: Эйтингон занялся перевербовкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг.

Из Бухово поступало примерно полторы тонны урановой руды в неделю. Наша разведка обеспечила работавших на урановых рудниках американскими инструкциями и методикой по технике добычи урана и его учету. В 1946 году в СССР были открыты и сразу же стали разрабатываться крупные месторождения урана более высокого качества. Однако интенсивные работы в Бухово продолжались: мы хотели создать у американцев впечатление, что болгарский уран нам крайне необходим. Подписанное Завенягиным, заместителем Берии, соглашение с правительством Болгарии о разработках и поставках урана, дезинформационные мероприятия, организованные Эйтингоном и группой офицеров, подтверждали важно для нас этих урановых разработок.

В марте 1945 года мы направили на имя Берии обобщенный доклад об успешном развитии работ в США созданию атомной бомбы. В этом докладе детально описывались американские центры, в частности лаборатория в Лос-Аламосе, заводы в Ок-Ридже, давалась подробная характеристика деятельности американской фирмы «Келекс», дочерней компании «Келлок» в Нью-Йорке, начались работы по атомной бомбе, проводимые крупнейшими фирмами США «Джоунс констракшн», «Дюпон», «Юнион карбайт», «Кемикл компани» и другими. В докладе указывалось, что американское правительство затратило два миллиарда долларов на разработку и производство атомного оружия и что в общей сложности в проекте заняты более 130 тысяч человек.

Кроме того, агентура сообщала о строго ограниченном круге лиц, которым было известно назначение проводимых работ; о допуске к таким данным правительственных чиновников только по личному разрешению президента США; о создании в рамках проекта собственной контрразведки, полиции и иных служб; об изъятии из библиотек США всех ранее открытых публикаций по исследованиям в области атомной энергии; о замене настоящих фамилий ученых и специалистов, имевших непосредственное отношение к работам в таких атомных центрах, как Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд, псевдонимами; о физической охране ответственных лиц, а также о других подобных мероприятиях.

В апреле 1945 года Курчатов получил от нас очень ценный материал по характеристикам ядерного взрывного устройства, методе активации атомной бомбы и электромагнитному методу разделения изотопов урана. Этот материал был

настолько важен, что уже на следующий день органы разведки получили его оценку.

Курчатов направил Сталину доклад, построенный на основе разведанных, о перспективах использования атомной энергии и необходимости проведения широких мероприятий по созданию атомной бомбы.

Через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе мы получили описание ее устройства из Вашингтона и Нью-Йорка. Первая телеграмма поступила в Центр 13 июня, вторая — 4 июля 1945 года. Кстати, пять лет спустя эти телеграммы, возможно, были расшифрованы американцами и послужили основанием для давления на Фукса, чтобы он признался в шпионаже. Я, однако, не могу полностью поверить в это, хотя подтверждаю, что источники, указанные в телеграммах, «Чарльз» и «Млад» — это Фукс и Понтекорво.

Мы доложили Берии, что два источника, не связанные друг с другом, сообщили о предстоящем испытании ядерного устройства.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки наши работы по созданию атомной бомбы приобрели широкий размах. Надо сказать, что разведывательная информация военной разведки (ГРУ) о ходе работ над атомной бомбой в Германии объективно способствовала затягиванию сроков производства атомного оружия в СССР. Мы знали, что немцы вели только экспериментальную работу, но не приступали к производству атомной бомбы.

Но эта информация сыграла важную роль в задержании НКВД немецких физиков и специалистов, оборудования и самое главное — запасов сырья, которые немцы в начале войны захватили в Бельгии. Полностью масштаб угрозы от атомной бомбы мы осознали только за два — три месяца до ее первого взрыва. Да и сами американцы до последнего времени не верили в успех.

В это время мы получили из США особенно ценные материалы.

Детальный доклад Фукса («Чарльз») был доставлен диппочтой после того, как он встретился 19 сентября со своим курьером Гарри Голдом. Доклад содержал 33 страницы текста с описанием конструкции атомной бомбы. Позднее, мы получили дополнительное сообщение по устройству атомной бомбы через каналы связи от Холла («Млад»), которое передала Лона Коэн. Не помню, чье описание бомбы было более подробным. Но сходство было поразительным. Мне кажется, что в материалах содержалось подробное изложение главы доклада правительству и Конгрессу США по устройству атомной бомбы, которая по соображениям секретности была опущена в официальной публикации, — докладе комиссии Смита, опубликованном 12 августа 1945 года. Мы знали, что Оппенгеймер и генерал Гровс редактировали этот доклад. Фукс сообщил, что Оппенгеймер отказался подписать доклад, опубликованный комиссией, поскольку, как он считал, в нем была дезинформация, направленная на то, чтобы задержать атомные исследования в других странах.

Среди материалов, которые мы получили в сентябре-октябре 1945 года, были некоторые разделы доклада, не попавшие в отчет комиссии Смита и фотографии помещений заводов в Ок-Ридже. Они были особенно ценными, поскольку мы также приступили к строительству предприятий и форсировали работы по созданию первого атомного реактора. Я припоминаю, что двенадцатистраничная справка-

доклад, составленная Семеновым, по устройству атомной бомбы была подписана Василевским и направлена Берии и Сталину. Этот документ фактически лег в основу программы всех работ на следующие три — четыре года.

Качество и объем полученной информации от источников в США и Англии был весьма важен для организации и развития нашей атомной программы. Подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов, спецификации по производству урановой и плутониевой бомбы сыграли важную роль в ускорении наших работ. Ценными были данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства; о сформулированном Фуком принципе имплозии — сфокусированном взрыве вовнутрь; данные о плутонии-240, детонаторном устройстве, времени и последовательности операций по производству и сборке бомбы и способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о строительстве заводов по очистке и разделению изотопов урана, что значительно сокращало время на переработку урановой руды, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

После атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки Политбюро и ГКО (Государственный Комитет Оборона) 20 августа 1945 года приняли решение о кардинальной реорганизации работы по атомной энергии — проблеме № 1. Для этого, был создан Спецкомитет правительства с чрезвычайными полномочиями. Берия как член Политбюро и заместитель председателя ГКО был назначен его председателем, Первухин — заместителем, генерал Махнёв — секретарем.

В комитет входили члены Политбюро — Маленков (секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам), Вознесенский (председатель Госплана); академики Курчатов и Капица; нарком боеприпасов Ванников, заместитель наркома внутренних дел Завенягин. Рабочим аппаратом комитета было специально созданное 1-е главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником управления был назначен Ванников, Завенягин стал его первым заместителем. При Спецкомитете был научно-технический совет, его председатель — Ванников, заместитель председателя — Иоффе. Отдел «С», который я возглавлял в НКВД — НКГБ, был рабочим аппаратом так называемого 2-го бюро комитета.

Сталин предложил, чтобы Иоффе и Капица стали членами Спецкомитета по проблеме № 1. Однако Иоффе отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст. Он сказал, что будет более полезен в научно-техническом совете. Именно Иоффе рекомендовал назначить профессора Курчатова на должность научного руководителя атомной программы.

Участвуя в заседаниях Спецкомитета, я впервые осознал, какое важное значение имели личные отношения членов правительства, их амбиции в принятии важных государственных решений. Наркомы, члены этого комитета, стремились во что бы то ни стало утвердить свое положение и позиции. Очень часто возникали жаркие споры и нелюбезные объяснения. Берия выступал в качестве арбитра и добивался безусловного неукоснительного выполнения всех директив руководства.

Я поддерживал дружеские отношения и с Иоффе, и с Капицей. По предложению Берии я подарил Капице охотничье ружье. Капица как-то посетовал, что у него сохранился в плохом состоянии лишь один экземпляр книги о русских инженерах, написанный его тестем — академиком Крыловым, крупнейшим инженером-кораблестроителем. Я прибег к услугам специальной правительственной типографии — книгу напечатали в двух экземплярах на отличной бумаге. Капица послал один экземпляр Сталину, надеясь попасть к нему на прием.

Мне пришлось наблюдать растущее соперничество между Капицей и Курчатовым на заседаниях Спецкомитета. Капица был выдающейся личностью, прекрасным тактиком и стратегом, крупнейшим организатором науки. Часто научные выступления он комментировал с большим чувством юмора. Я помню, что одно заседание Спецкомитета в 1945 году проходило в часы трансляции из Лондона футбольного матча между нашей командой и английской. Члены Политбюро и правительства были шокированы, когда Капица предложил прервать заседание и послушать матч. Возникла неловкая пауза, но Берия, ценивший юмор, к всеобщему изумлению, объявил перерыв. Напряжение спало. А затем настроение присутствующих поднялось, поскольку наша команда победила.

Капица, сыгравший важную роль в инициировании наших работ по атомной проблеме и установлении контактов с западными учеными, в частности Терлецким с Бором, естественно, претендовал на самостоятельное и руководящее положение в реализации атомного проекта.

Но вскоре отношения между Капицей, Берией и Вознесенским испортились. Капица предложил, чтобы Курчатов консультировался с ним по оценке результатов работ и выводов, прежде чем докладывать на заседаниях Спецкомитета. Первухин поддержал Капицу, но Берия и Вознесенский не согласились. Берия потребовал, чтобы Капица и Курчатов вносили в правительство альтернативные предложения. Более того, Берия предложил Капице на базе своего института продублировать ряд экспериментов Курчатова.

Капица был возмущен и утверждал, что такая переориентация его института будет означать фактическое свертывание работ по теоретической физике в Советском Союзе. Точно не помню, но, по-моему, месяц спустя в ноябре 1945 года, Капица обратился к Берии и Вознесенскому за объяснением, почему с ним не проконсультировались, когда принимали решение о создании новых учебных институтов по подготовке специалистов в области ядерной физики вне Академии наук — Инженерно-физического (МИФИ) и Физико-технического (МФТИ).

Капица написал Сталину, что Берия и Вознесенский не прислушиваются к мнению ученых, что только ученым можно доверить руководство атомным проектом. После неудачных попыток добиться от Сталина поддержки в этом конфликте Капица вскоре был выведен из состава Спецкомитета. Его оставили в покое, но лишили доступа к атомным разработкам.

Однако Капица в ряде публикаций в Англии и США в 1950—1960-х годах представал как «координатор работ и разведки по атомному оружию». В 1946 году он обратился к Эйнштейну с предложением приехать в СССР для работы в области

физики «в самой свободной для творчества стране».

Это вызвало целый переполох в спецслужбах США и американском посольстве в Москве. ФБР стало активно разрабатывать Эйнштейна, считая его связанным какими-то негласными договоренностями с Капицей, роль которого в советском атомном проекте в 1946 году американцам не была известна.

Спецкомитет по атомной проблеме обладал чрезвычайными полномочиями по мобилизации сил любых ресурсов и резервов для создания атомной бомбы. На практике это означало, что когда в Сибири стали строиться заводы по переработке урановой руды, пришлось сильно ограничить в электроснабжении ряд предприятий. Я вспоминаю яростные споры и нецензурную брань членов комитета Первухина и Вознесенского, когда обсуждался вопрос о том, за какими предприятиями сохранить в полном объеме потребление электроэнергии. Для меня было совершенно неожиданным, что Первухин, защищая предприятия курируемом им химической промышленности напал на Вознесенского, члена Политбюро, старшего по положению.

В первый послевоенный год разведывательные операции по атомной проблеме пользовались особым приоритетом. В декабре 1945 года Берия оставил пост наркома внутренних дел и переехал с Лубянки в Кремль, в кабинет заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседания Спецкомитета по атомной проблеме также стали проходить в Кремле, а не в НКВД. Как начальник 2-го бюро комитета, сотрудник аппарата правительства, я получил постоянный пропуск на вход в Кремль в любое время.

27 декабря 1945 года в адрес Берии мы направили для рассмотрения на спецкомитете правительства переведенные с английского языка материалы по конструкции атомной бомбы, образцы корпуса детонатора бомбы, полученные по линии агентуры органов безопасности и военной разведки.

Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берии. Это были жаркие дискуссии. Помимо острых споров о распределении электроэнергии, Первухин продолжал свои нападки на Вознесенского, требуя увеличения фондов цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива. Меня удивляли взаимные претензии членов правительства. Берия вмешивался в эти споры, призывая Первухина и Вознесенского к порядку. И я впервые увидел, что все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро.

Я сохранил вплоть до своего ареста хорошие отношения с Ванниковым и секретарем комитета генералом Махнёвым. Они были блестящими знатоками нашей промышленности, могли безошибочно указать, какому заводу можно поручить выполнение заказов по атомному проекту.

Я часто заходил в кабинет Махнёва. Его почему-то считают генералом НКВД, но это не так. Прекрасный организатор производства боеприпасов и работ по атомной бомбе, он никогда не служил в органах госбезопасности. Махнёва очень интересовала информация о работе американских промышленных предприятий и

фирм, участвовавших в атомной программе. Зачастую мы получали эту информацию из открытых источников, по линии ТАСС, и регулярно составляли обзоры экономических показателей и технологического потенциала, почерпнутые из научно-технических журналов об американских фирмах, занятых отдельными заказами правительства в связи с созданием атомной бомбы.

Только тогда я понял, какой большой интерес и внимание к экономическим вопросам и развитию промышленности проявлял Берия. Я узнал, что Берия как заместитель председателя ГКО в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения к боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса. В особенности его интересовали вопросы добычи и переработки нефти. В кабинете Берии стояли макеты нефтеперерабатывающих заводов. По его инициативе Ванников, Устинов, и Байбаков (им не было еще 40 лет) были выдвинуты на высокие посты наркомов производства боеприпасов, вооружения и нефтяной промышленности.

Участие в заседаниях под председательством Берии открыло новый, неизвестный мне мир. Я знал, что разведка имела важное значение во внешней политике, обеспечении безопасности страны, но не меньшее значение имело восстановление народного хозяйства и создание атомной бомбы. До сих пор я вспоминаю наших талантливых организаторов промышленности и директоров заводов, участвовавших в решении сложнейших организационных и технических вопросов. Выработка этих решений оказалась гораздо интересней, чем руководство агентурной сетью в мирное время. Хозяйственная деятельность позволяла людям проявлять таланты и способности в решении таких проблем, как преодоление нехватки ресурсов, срывы поставок оборудования и материалов. Организовать слаженную работу многих производственных отраслей промышленности для реализации атомной программы было делом не менее сложным, чем успешное проведение разведывательно-диверсионных операций в годы войны.

Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым и оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий о их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, и него была уникальная способность как внушать людям чувство страха, так и воодушевлять на работу. Естественно, для директоров промышленных предприятий его личность во многом отождествлялась с могуществом органов госбезопасности. Мне кажется, что вначале у людей превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия часто поощрял в интересах дела свободу действия крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. Мне кажется, что он взял эти качества у Сталина — жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена.

Нильс Бор пришел на помощь

Осенью 1945 года в нашей программе работ над атомной бомбой наступил критический момент. Надо было приступать к созданию первого советского атомного реактора. Однако ученые не были едины в оценке представленных разведкой материалов, так как информация была противоречивой. Американцы использовали два типа реакторов: графитный и работавший на тяжелой воде. Возник огромный риск в использовании добытых военной разведкой образцов урана-235. Следовало принять решение, по какому пути пойти при строительстве первого реактора. Как решить проблему? Была выдвинута фантастическая идея — направить в США группу ученых для тайной встречи с Оппенгеймером, однако положение Оппенгеймера в обществе резко изменилось. Наша попытка восстановить прерванные с ним прямые контакты через общих знакомых в Чикаго в 1945 году не увенчалась успехом. Выдвигалось и другое предложение — послать Капицу к Нильсу Бору. Капица хорошо был известен на Западе и пользовался большим авторитетом в научном мире. Несомненно, что его письмо к Бору в 1943 году способствовало установлению, при посредничестве разведки, неформального контакта с западными учеными, работавшими в области атомных исследований. Однако Капица вел себя независимо, и это не нравилось руководству, а неприязненное отношение к нему Берии и Вознесенского исключало возможность его поездки за границу.

Курчатов и Кикоин предложили, чтобы в Данию на встречу к Бору поехал в сопровождении офицеров разведки высококвалифицированный специалист, профессор Зельдович, работавший у Курчатова. Но Зельдович не подходил для этой роли, так как не был сотрудником разведки и мы не могли раскрыть ему в случае необходимости во время командировки агентурные связи за рубежом. Эти обстоятельства заставили нас положиться на тех ученых, которые работали в аппарате разведорганов. Выбор был невелик. В штате отдела «С» было два офицера — научные сотрудники, физики по образованию, владевшие в некоторой степени английским языком. После того, как они были приняты на работу в НКВД, оба посещали семинар Капицы и Ландау. Один из них, Рылов, будучи ученым, проявлял большую склонность к аналитическо-разведывательной работе. Другой, Терлецкий, только что защитивший кандидатскую диссертацию, впоследствии лауреат Государственной премии, не был связан своими научными интересами с группой Курчатова, Иоффе, Алиханова и Кикоина и мог дать собственную оценку научных материалов. В 1943 году он отклонил предложение Курчатова работать у него. Терлецкий и Рылов переводили и редактировали поступающие к нам материалы по атомным работам, докладывали на заседаниях научно-технического совета Спецкомитета.

Работая в разведке, Терлецкий продолжал оставаться творческим человеком. Наряду с оценкой и обработкой информации по американской атомной бомбе он зачастую предлагал на научно-техническом совете свои собственные выводы, это создавало проблемы, потому что мы должны были дважды в день представлять высшему руководству всю получаемую информацию, а Терлецкий иногда запаздывал с оценкой, и я выслушивал от руководства нелицеприятные замечания.

Однако мы решили остановить свой выбор на Терлецком — он мог бы произвести своей широкой эрудицией и осведомленностью нужное впечатление на Нильса Бора.

Берия утвердил мое предложение направить Терлецкого в Копенгаген. Не могло быть и речи, чтобы для выполнения столь важного задания отправить Терлецкого на встречу одного. Он не имел вообще никакого представления об оперативной работе, поэтому было принято решение, что полковник Василевский, непосредственно курировавший линию Ферми, должен выехать вместе с ним. Предполагалось, что Василевский начнет разговор с Бором, а Терлецкий перейдет к обсуждению технических вопросов. С ними также был переводчик, наш сотрудник, к сожалению, я не помню его фамилию. Василевский выехал в Данию под фамилией Гребецкий, Терлецкий — под своей собственной.

В своих мемуарах Терлецкий пишет, что накануне поездки в Копенгаген его принял Капица и посоветовал не задавать Бору много вопросов, «а просто представиться, передать письмо и подарки от него, рассказать о советских физиках, и Бор сам сообщит о многом, что нас интересует».

Предварительная договоренность о встрече с Бором была достигнута благодаря финской писательнице Вуолийоки, о которой я уже писал, и датскому писателю Мартину Андерсену Нексе. Нексе не был нашим агентом, но оказывал в 40-х годах большую помощь Рыбкиной в установлении полезных контактов и знакомств с влиятельными людьми в странах Скандинавии.

В июле 1993 года во время беседы с Терлецким мы вспоминали некоторые подробности этой истории. Накануне встречи Бор сообщил в советское посольство, что примет нашу делегацию. В начале встречи он нервничал, вспоминал Терлецкий, и у него слегка дрожали руки. Видимо, Бор понял, что впервые напрямую имеет дело с представителями советского правительства и настало время выполнить принятое им и другими физиками решение поделиться секретами атомной бомбы с международным сообществом ученых и советскими физиками.

После первой встречи с Василевским на приеме в нашем посольстве 6 ноября, 1945 года Бор предпочел вести разговор по научным вопросам только с Терлецким. Выбора не было, и пришлось санкционировать встречу Терлецкого и Бора наедине с участием переводчика. Вопросы для беседы с Бором были подготовлены заранее Курчатовым и Кикоиным.

Разумеется, писать о попытке якобы вербовки Бора со стороны Василевского могут лишь совершенно некомпетентные люди — Чиков, Геворкян и др. Речь шла, как видно из опубликованных документов, о перепроверке полученной ранее разведывательной информации со стороны виднейшего ученого, симпатизировавшего Советскому Союзу.

Терлецкий сказал Бору, что его тепло вспоминают в Московском университете, передал ему рекомендательное письмо и подарки от Капицы, привет от Иоффе и других советских ученых, поблагодарил за готовность проконсультировать советских специалистов по атомной программе.

Бор ответил на вопросы о методах получения в США урана, диффузионном и масс-спектрографическом, о комбинации этих методов, каким образом достигается

большая производительность при масс-спектрографическом методе. Он сообщил, что в США все котлы работают с графитовыми модераторами, так как производство тяжелой воды требует колоссального количества электроэнергии. Терлецкий получил ответы на целый ряд принципиально важных вопросов, в том числе о плутонии-240, о нем в официальном докладе Смита, полученном нами от Бора и из США, не было ни слова. Встреча, по мнению Курчатова, имела важное значение для верификации нашими специалистами имевшихся у разведки нескольких сотен отчетов и трудов Ферми, Сциларда, Бете, Оппенгеймера и других зарубежных ученых. Было рассмотрено, как вспоминает Квасников, 690 научных материалов. По мнению Джона Хассарда, известного английского специалиста по ядерной физике из London's Imperial College, Бор в устной форме дал существенную информацию русским о конструкции американской атомной бомбы. Джек Сарфатти, физик-теоретик, ученик одного из создателей атомной бомбы Х. Бете, также считает, что ответы Бора содержали важную стратегическую информацию по созданию ядерного оружия.

Знаменательно, что Бор формально поставил в известность английскую спецслужбу о встрече и беседе с советскими специалистами по атомной программе, передаче русским доклада комиссии Смита, но вместе с тем он умолчал о характере заданных ему вопросов. Таким образом, западные спецслужбы до ареста Фукса не имели представления о том, что принципиально важные вопросы создания атомного оружия нам уже известны.

Между прочим, Сцилард сразу же после атомных взрывов в Японии предсказал, что Советский Союз через два — три года создаст свое ядерное оружие. А Бор тогда же выступил за установление международного контроля за использованием атомной энергии.

После успешной поездки Терлецкого у меня сложились дружеские отношения с Курчатовым, Алихановым и Кикоиным. Мы с женой провели несколько выходных дней с ними и их женами в правительственном доме отдыха. В нашей квартире недалеко от Лубянки мы устроили несколько обедов для ученых.

В ряде публикаций по истории создания атомного оружия в нашей стране участие в решении этой проблемы наших органов госбезопасности, а также работа отдела «С» искажаются. Например, В. Барковский, ветеран нашей внешней разведки, участвовавший под руководством резидента Горского в агентурных операциях в Англии 1941–1945 годов, утверждает, что отдел «С» вообще никакой полезной работы не выполнял как внутри страны, так и за рубежом. Между тем, наш аппарат еще до испытания атомного оружия американцами в июне 1945 года вывез с семьями из Германии видных немецких ученых: Нобелевского лауреата. Г. Герца, профессоров Р. Допеля, М. Вольмера, Г. Позе, П. Тиссена — всего около 200 специалистов, включая 33 докторов наук и 77 инженеров.

С виднейшими немецкими физиками в течение нескольких лет работали такие асы советской разведки, как нелегал Парпаров, исключительно результативный разведчик в тылу немцев полковник Михеев.

Под Москвой, в Малоярославце—10 — сейчас Обнинск — под нашим

контролем был создан укомплектованный немецкими специалистами секретный центр по разработке, добыче и обогащению урановой руды и металлургии урана.

Наши оперативные работники доставили на север Челябинской области немецких физиков-ядерщиков, имевших международную известность: Г. Борна, Р. Ромпе, К. Циммера и других.

Важная работа выполнялась Нобелевским лауреатом Г. Герцем и его группой в Сухуми по технологии разделения изотопов урана-235 и урана-238.

Сотрудники отдела «С» помогли поисковой группе Ю. Харитона в Германии обнаружить и доставить в Советский Союз 100 тонн окиси урана прямо под носом американских оккупационных властей в Германии.

По предложению возглавлявшегося мной Второго бюро спецкомитета по атомной проблеме все вывезенные в Союз немецкие физики были разбиты на группы для работы по всем трем вариантам технологии обогащения урана, разработанным американцами: газодиффузионному, электромагнитному и центрифужному. Немецкий профессор Стейнбек стал руководителем исследований по центрифужной технологии разделения изотопов урана. Конечно, громаден был вклад в ту работу контролировавшего немцев академика Кикоина.

Важное значение для Курчатова имели организованные нами специальные консультации с вывезенными из Германии нашей разведкой Нобелевским лауреатом Николсом Рилем. Последний занимался в Германии получением тория, а в годы войны освоил технологию получения чистого металлического урана.

За заслуги в создании советского атомного оружия Н. Риль был удостоен высшей награды — звания Героя Социалистического Труда, которую ему вручил лично Берия.

Отдел «С» также осуществлял тесное взаимодействие с другими специальными разведывательными службами советского руководства, которые не входили в систему органов безопасности и военной разведки. Речь идет о специальной группе агентурной разведки при председателе совнаркома (Совета министров СССР) И. В. Сталине, существовавшей в 1945–1953 годах. Эти контакты отдела «С» формально зафиксированы в следующем пункте Постановления ГКО СССР № 9887 сс/оп от 20 августа 1945 года: «Поручить товарищу Берия принять меры к организации разведывательной работы, проводимой органами разведки НКГБ, Красной Армии и других ведомств».

В курсе этого взаимодействия отдела «С» со спецслужбой главы правительства был мой заместитель по отделу и одновременно начальник научно-технической разведки НКГБ полковник Василевский.

Что бы ни писали и ни говорили в телепередачах о Василевском, Хейфеце и Семенове их недоброжелатели Барковский и Чиков, они в то время были единственными офицерами советской разведки, которые сами смогли привлечь для работы на Советский Союз виднейших и авторитетных ученых и политиков стран Запада. Яцков, Феклисов, Квасников (последний не владел иностранными языками) лишь использовали проложенные ими направления работы. Они принадлежали к

немногочисленной когорте советских разведчиков не кабинетного типа, а тех, кто по своему уровню мог самостоятельно работать с агентурой из числа видных иностранцев и эмигрантов.

Вместе с Василевским я должен был подобрать физиков-ядерщиков для поездок в США, Англию и Канаду, чтобы привлечь западных специалистов из ядерных центров для работы в Советском Союзе.

В этот же период Василевский несколько раз выезжал в Швейцарию и Италию на встречу с Бруно Понтекорво. Для прикрытия этих поездок он использовал визиты советской делегации деятелей культуры во главе с известным кинорежиссером Григорием Александровым и кинозвездой Любовью Орловой. Оперативное обеспечение его встреч с Понтекорво осуществляли Горшков и Яцков, в разное время работавшие в Италии и США.

Василевский встречался также с Жолио-Кюри. Однако Берия и Сталин приняли решение не привлекать Жолио-Кюри к атомным разработкам в СССР, хотя он хотел приехать к нам. Оставаясь на Западе, Жолио-Кюри был более полезен, потому что влиял на формирование выгодной для нас пацифистской позиции видных ученых-атомщиков.

За успешные акции в Дании, Швейцарии и Италии Василевский был поощрен солидной по тем временам денежной премией в размере тысячи долларов и отдельной квартирой в центре Москвы, что тогда было большой редкостью.

Наши активные операции в Западной Европе совпали с началом «холодной войны». Мы отдавали себе отчет, что американская контрразведка подобралась довольно близко к нашим источникам информации и агентуре, обслуживающей их. Оперативная обстановка резко осложнилась. Когда был запущен наш первый реактор в 1946 году, Берия приказал прекратить все контакты с американскими источниками. На встрече со мной он предложил обдумать, как можно воспользоваться авторитетом Оппенгеймера, Ферми, Сциларда и других близких к ним ученых в антивоенном движении. Мы считали, что антивоенная кампания и борьба за ядерное разоружение может помешать американцам шантажировать нас атомной бомбой, и начали широкомасштабную политическую кампанию против ядерного превосходства США. Мы хотели связать американские правящие круги политическими ограничениями в использовании ядерного оружия — у нас атомной бомбы еще не было. Берия категорически приказал не допустить компрометации видных западных ученых связями с нашей разведкой: для нас было важно, чтобы западные ученые представляли самостоятельную, имеющую авторитет и влияние политическую силу, дружественную по отношению к Советскому Союзу.

Через Фукса идея о роли и политической ответственности ученых в ядерную эпоху была доведена до Ферми, Оппенгеймера и Сциларда, которые решительно выступили против создания водородной бомбы. В своих доводах они были совершенно искренни и не подозревали, что Фукс под нашим влиянием логически подвел их к этому решению. Действуя как антифашисты, они объективно превратились в политических союзников СССР.

Директива Берии основывалась на информации, полученной от Фукса в 1946

году, о серьезных разногласиях между американскими физиками по вопросам совершенствования атомного оружия и создания водородной бомбы. На совещании, состоявшемся в конце 1945 или в начале 1946 года, ученые вместе с Фуксом выступили против разработки «сверхбомбы» и столкнулись с резкими возражениями Теллера.

Клаус Фукс отклонил предложение Оппенгеймера продолжить работу с ним в Принстоне, возвратился в Англию и продолжал снабжать нас исключительно важной информацией. С осени 1947 года по май 1949-го Фукс передал нашему оперативному работнику Феклисову основные теоретические разработки по созданию водородной бомбы и планы начала работ, к реализации которых приступили в США и Англии в 1948 году.

Особенно ценной была полученная от Фукса информация о результатах испытаний плутониевой и урановой атомных бомб на атолле Эниветок. Фукс встречался с Феклисовым в Лондоне один раз в три — четыре месяца. Каждая встреча тщательно готовилась и продолжалась не более 40 минут. Феклисова сопровождали три оперативных работника, чтобы исключить возможность фиксации встречи службой наружного наблюдения британской контрразведки. Фукс и Феклисов так и не были зафиксированы английской контрразведкой. Фукс сам невольно способствовал своему провалу, сообщив службе безопасности, курировавшей английские атомные разработки, что его отец получил место преподавателя теологии в Лейпцигском университете в Восточной Германии. В это время американские спецслужбы разоблачили нашего агента, курьера Фукса, Голда, он опознал Фукса на фотографии, и американцы сообщили об этом английской контрразведке. В 1950 году Фукса арестовали. После напряженных допросов Фукс признал, что передавал секретные сведения Советскому Союзу. Его судили, и в обвинительном заключении по его делу упоминалась лишь одна встреча с советским агентом в 1947 году, и то целиком на основе его личного признания. О сотрудничестве Фукса с нашей разведкой и обстоятельствах его ареста рассказал Феклисов в упоминавшемся мной очерке «Героический подвиг Клауса Фукса» и в своей книге «За океаном и на острове».

Сведения о развитии атомных исследований в Англии и реальных запасах ядерного оружия в США, переданные Фуксом в 1948 году, совпали с исключительно важной информацией из Вашингтона, полученной от Маклина, который с 1944 года занимал должность секретаря английского посольства в США и контролировал всю канцелярию этого ведомства. Он сообщил, что потенциал ядерного вооружения США недостаточен для ведения войны с Советским Союзом.

В научных кругах США и СССР важную роль играли крупнейшие ученые с независимыми политическими убеждениями.

Так, например, Оппенгеймер напоминает мне в значительной мере наших ученых академического типа — Вернадского, Капицу, Сахарова. Они всегда стремились сохранить собственное лицо, стремились жить в мире, созданном их воображением, с иллюзией независимости. Но независимость ученого, вовлеченного в работы громадной государственной важности, всегда остается иллюзией.

А для Курчатова в научной работе главными всегда были интересы государства. Он был менее упрям и более зависим от властей, чем Капица и Иоффе. Берия, Первухин и Сталин сразу уловили, что он представляет новое поколение советской научной интеллигенции, менее связанное со старыми традициями русских ученых. Они правильно поняли, что он амбициозен и полон решимости подчинить всю научную работу интересам государства. Правительство стремилось любой ценой ускорить испытание первой атомной бомбы, и Курчатов пошел по пути копирования американского ядерного устройства.

Вместе с тем не прекращалась параллельная работа над созданием бомбы советской конструкции. Она была взорвана в 1951 году. В США аналогичную позицию занимал Теллер, стремившийся утвердить монополию США на ядерное оружие.

Будучи настоящими учеными, Курчатов и Оппенгеймер в то же время были административными руководителями важнейших проектов, имевших судьбоносное значение для мира. Конфликт личных убеждений, научных интересов и административных обязанностей в таком случае неизбежен. Мы не можем быть им судьями, работа этих людей над бомбой открыла новую эру в науке. Однако дело не только в открытии, суть проблемы в том, что впервые крупнейшие ученые мира действовали не только как носители научных идей, но и как государственные деятели.

Надо отметить, что первоначально ни Курчатов, ни Оппенгеймер не были окружены так называемой «научной бюрократией», чиновниками от науки, которые появились в значительных масштабах во второй половине 50-х годов.

В 40-х годах ни одно правительство в мире не могло достаточно эффективно полностью контролировать научно-технический прогресс. Парадокс заключался в том, что и американское, и советское правительства вынуждены были в интересах успешного решения атомной проблемы полагаться на совместную работу с учеными различных мировоззрений, возможно, даже враждебных властям, и приспосабливаться к их запросам, потребностям, экстравагантному поведению. Виднейшие ученые мира, разделяя антифашистские и пацифистские взгляды, полные иллюзий о возможной ведущей роли ученых в мировом правительстве после того, как будет открыта атомная энергия, были склонны делиться достижениями в этой области с учеными-единомышленниками дружественных стран.

Отстаивая свои идеалы, Бор, Оппенгеймер сыграли по существу ту же роль диссидентов-ученых капиталистического мира, что и академик Сахаров в 1960-х годах, открыто выступавший против создания сверхмощного, нового термоядерного оружия и как политический противник советского режима.

С началом «холодной войны» настроения ученых резко изменились. Именно поэтому американские физики отвергли в 1948 году попытку нашего нелегала Фишера (Абель) возобновить сотрудничество с ними. Они поняли, что это не сотрудничество, а шпионаж.

Первый взрыв на Семипалатинском полигоне

Разведывательные материалы по атомной бомбе сыграли неоценимую роль не только в военной политике, но и в дипломатической сфере. Когда Фукс сообщил нам неопубликованные в докладе комиссии Смита данные о конструкции атомной бомбы, он также предоставил нам исключительно ценные сведения о масштабах производства урана-235. Эта информация Фукса дала возможность рассчитать, сколько американцы производили урана и плутония ежемесячно, и помогла определить реальное количество атомных бомб, которыми они располагали.

Сведения, полученные от Фукса и Маклина, позволили сделать заключение, что американская сторона не была готова вести ядерную войну в конце 40-х и даже в начале 50-х годов. По значению эти сведения могут быть приравнены к информации Пеньковского о реальном советском ракетно-ядерном потенциале, которую в начале 60-х годов он передал американцам. Подобно Фуксу, Пеньковский сообщил, что Хрущев блефует и не готов к конфронтации с США, так же как и американцы не были готовы к полномасштабной атомной войне с СССР в конце 40-х годов.

Когда началась «холодная война», Сталин твердо проводил линию на конфронтацию с США. Он знал, что угроза американского ядерного нападения до конца 40-х годов была маловероятна. По нашим данным, только к 1955 году США и Англия должны были создать запасы ядерного оружия, достаточные для уничтожения Советского Союза.

Информация Фукса и Маклина сыграла большую роль в стратегическом решении советского руководства поддержать китайских коммунистов в гражданской войне в 1947–1948 годах. Мы располагали данными, что президент Трумэн рассматривает возможность применения атомного оружия, чтобы не допустить победы коммунистов в Китае. Тогда Сталин сознательно пошел на обострение обстановки в Германии, и в 1948 году возник Берлинский кризис. В западной печати появились сообщения, что президент Трумэн и премьер-министр Англии Этли готовы применить атомное оружие, чтобы не допустить перехода Западного Берлина под наш контроль. Однако мы знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять нам одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае. Американское руководство переоценило нашу угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов.

В 1951 году, когда мы разрабатывали план по военнодиверсионным операциям против американских баз, Молотов, комментируя наши предложения, отметил, что такие операции должны проводиться в соответствии не только с военными соображениями, но прежде всего с политическими решениями. Он сказал, что наша позиция и решительные действия по блокаде Берлина в значительной мере помогли китайским коммунистам. Для Сталина победа коммунистов в Китае означала громадную поддержку его линии в противоборстве с США. Я хорошо помню, что стратегия Сталина сводилась к созданию опорной оси СССР — Китай в противостоянии западному миру.

В августе 1949 года мы испытали свою первую атомную бомбу. Это событие подвело итог невероятным напряженным семилетним трудам. Сообщения об этом в нашей печати не появилось — мы опасались превентивного ядерного удара США. По крайней мере, так мне говорил помощник Берии по атомным вопросам генерал Сазыкин. Поэтому сообщение об этом в американской печати 25 сентября 1949 года вызвало шок у Сталина, руководства атомным проектом и в особенности у отвечавших за обеспечение секретности атомных разработок. Наша первая реакция — американской агентуре удалось получить данные о проведенном испытании. Если мы проникли в Манхэттенский проект, то нельзя исключать аналогичные действия американской разведки. Ко всеобщему облегчению примерно через неделю наши ученые сообщили, что научные приборы, установленные на самолетах, при регулярном заборе проб воздуха могут обнаружить следы атомного взрыва в атмосфере. Объяснение ученых позволило органам безопасности избежать обвинения в том, что американской разведке удалось внедрить своего агента в круги создателей отечественного атомного оружия.

Курчатов и Берия за выдающиеся заслуги в укреплении могущества нашей страны были отмечены высшими наградами, большими денежными премиями и специальными грамотами о пожизненном статусе почетных Граждан Советского Союза. Все участники советской атомной программы получили привилегии: бесплатный проезд на транспорте, государственные дачи, право поступления детей в высшие учебные заведения без вступительных экзаменов. Последняя привилегия сохранялась до 1991 года для детей сотрудников разведки — нелегалов, находящихся при исполнении служебных обязанностей за рубежом.

Указом Президиума Верховного Совета от 29 октября 1949 года была награждена орденами большая группа сотрудников разведки, принимавших участие в операциях по атомному оружию. Горский, Квасников и Феклисов получили ордена Ленина; Барковский, Семенов, Яцков — ордена Трудового Красного Знамени. В 1996 году Квасников (посмертно), Яцков (посмертно) получили звание Героев Российской Федерации. Феклисов и Барковский получили эту высшую награду при жизни.

Оценивая материалы по атомной проблеме, прошедшие через отдел «С», следует, по моему мнению, принять во внимание высказывания академиков Харитона и Александрова на собрании, посвященном 85-летию со дня рождения Курчатова. Они отметили его гениальность в конструировании атомной бомбы и в ответственнейшем решении начать строительство заводов по производству урана и плутония, в то время как мы располагали лишь мизерным количеством этих материалов, полученным лабораторным путем. Атомная бомба была создана в СССР за четыре года. Разведывательные материалы, безусловно, ускорили создание нашего атомного оружия.

Для меня Курчатов остается одним из крупнейших ученых, сыгравших ту же роль, что и Оппенгеймер, хотя, разумеется, он не является таким научным гигантом, какими были Нильс Бор и Энрико Ферми. Талант Курчатова, его организационные способности и настойчивость Берии сыграли важную роль в успешном решении атомной проблемы в Советском Союзе.

Когда Нильс Бор посетил в 1961 году МГУ и принял участие в студенческом празднике «День физика», КГБ посоветовал Терлецкому, профессору МГУ, лауреату Государственной премии по науке и технике, не попадаться ему на глаза. Однако Терлецкий пришел на встречу, но Бор, остановив свой взгляд на нем, сделал вид, что не узнал его. В те годы я сидел в тюрьме, а Василевский ходил с клеймом опасного человека, исключенного из партии «за предательскую антипартийную деятельность в Париже и Мексике». КГБ, однако, поступил разумно, не напомнив Бору о его встречах с нашими разведчиками в Дании. Лишь незадолго до смерти Бора его посетил в Копенгагене офицер нашей разведки Рылов, сотрудник Международного агентства по атомной энергии, в прошлом молодой научный сотрудник отдела «С», и Бор припомнил свою встречу с советскими специалистами в 1945 году.

Василевский рассчитал, что западные спецслужбы рано или поздно зафиксируют наши контакты с Понтекорво в Италии и Швейцарии, и уже тогда было принято решение о маршрутах его возможного бегства в СССР. В 1950 году, сразу же после ареста Фукса, Понтекорво бежал в СССР через Финляндию. Эта операция нашей разведки успешно блокировала все усилия ФБР и английской контрразведки раскрыть другие источники информации по атомной проблеме, помимо Фукса. По приезду в Союз Понтекорво начал научную работу в ядерном центре под Москвой, в Дубне. Он написал прекрасную автобиографическую книгу, в которой много интересного рассказал о Ферми, но о своих контактах с советской разведкой промолчал.

Хотя Василевский был в опале около семи лет — до 1961 года, он встречался с Понтекорво в 60—70-х годах, приглашал его на обед в ресторан Дома литераторов. В 1968 году, когда я был освобожден из тюрьмы, Василевский предложил и мне встретиться и пообедать с Понтекорво. Но поскольку ресторан находился в сфере постоянного внимания КГБ, а руководители разведки категорически были против встреч Василевского с Понтекорво, я отказался.

В 1970 году я стал членом Московского объединения литераторов и регулярно посещал писательский клуб. Там, в ресторане, я и Василевский встретились за обедом с Рамоном Меркадером. Я не люблю привлекать к себе внимание, поэтому попросил, чтобы Рамон не надевал звезду Героя Советского Союза. Но Меркадер и Василевский, наоборот, получали удовольствие, бросая вызов властям своими наградами. Василевский до последних дней своей жизни продолжал писать письма в ЦК КПСС, разоблачая тогдашнего руководителя разведки КГБ генерала Сахаровского, его провалы и ошибки в работе с агентурой.

Правда о деле Розенбергов

Супруги Розенберги были привлечены к сотрудничеству с нашей разведкой в 1938 году Овакимяном и Семеновым. По иронии судьбы Розенберги представлены в прессе американцами и нами как ключевые фигуры в атомном шпионаже в пользу СССР. В действительности же их роль была не столь значительна. Они действовали абсолютно вне связи с главными источниками информации по атомной бомбе, которые координировались специальным разведывательным аппаратом.

В 1943–1945 годах нью-йоркская резидентура возглавлялась Квасниковым и Пастельняком, а потом недолгое время Апресяном (псевдоним «Май»), под началом которых работали Семенов, Феклисов, Яцков. Кстати, Квасников в интервью американскому телевидению в 1990 году признал, что Розенберги, помогая нашей разведке в получении информации по авиации, химии и радиотехнике, никакого отношения к серьезным материалам по атомной бомбе не имели.

Летом 1945 года зять Розенберга, старший сержант американской армии Гринглас («Калибр»), который работал в мастерских Лос-Аламоса, накануне первого испытания атомной бомбы подготовил для нас небольшое сообщение о режиме функционирования контрольно-пропускных пунктов. Курьер не смог поехать к нему на встречу, поэтому Квасников с санкции Центра дал указание агенту Голду («Раймонд») после плановой встречи с Фуксом в Санта-Фе ехать в Альбукерке и взять сообщение у зятя Розенберга. Центр своей директивой нарушил основное правило разведки — ни в коем случае не допускать, чтобы агент или курьер одной разведгруппы получил контакт и выход на не связанную с ним другую разведывательную сеть. Информация Грингласа по атомной проблеме была незначительной и минимальной, по этой причине наша разведка не возобновляла контактов с ним после этой встречи с Голдом. Когда Голд был арестован в 1950 году, он указал на Грингласа, а последний на Розенбергов. Роковую роль в судьбе Розенбергов сыграло указание резидента разведки МГБ в Вашингтоне Панюшкина и начальника научно-технической разведки Раины оперсотруднику Каменеву возобновить связь с Голдом в 1948 году, когда он был уже в поле зрения ФБР. В это же время в научно-технической резидентуре в США работал и Барковский.

В первый раз я узнал об аресте Розенбергов из сообщения ТАСС и совершенно не был озабочен этим известием. Кое-кому это покажется странным, но необходимо отметить, что, отвечая за действия нескольких тысяч диверсантов и агентов в тылу немцев и за сотни источников агентурной информации в США, включая операции нелегалов, я не испытывал беспокойства за судьбу наших основных разведывательных операций. Работая в свое время начальником отдела «С», я, безусловно, знал главные источники информации и не могу припомнить, чтобы среди них, во всяком случае по разведывательным материалам по атомной бомбе, супруги Розенберги фигурировали как важные источники. Мне тогда пришло в голову, что Розенберги, возможно, были связаны с проведением наших разведопераций, но ни в коем случае не играли никакой самостоятельной роли. В целом их арест не представлялся мне событием, заслуживающим особого внимания.

Прошел год, и в конце лета следующего года я был искренне удивлен, когда

генерал-лейтенант Савченко, в то время заместитель начальника Разведуправления МГБ, пришел ко мне в кабинет и сообщил, что назначенный только что министр госбезопасности Игнатьев приказал доложить ему о всех материалах по провалам наших разведывательных операций в США и Англии в связи с делом Розенбергов. Он сказал также, что в ЦК партии создана специальная комиссия по рассмотрению возможных последствий в связи с арестами Голда, Грингласа и Розенбергов. Насколько я понял, речь шла о нарушениях правил оперативно-разведывательной работы сотрудниками органов госбезопасности.

Савченко я знал еще с 20-х годов, когда он возглавлял оперативный отдел штаба погранвойск на румынской границе. В 1946 году он стал министром госбезопасности на Украине, а позднее, в 1948 году, по протекции Хрущева перешел на работу в Комитет информации, затем стал заместителем начальника Разведуправления МГБ. В конце 40-х — начале 50-х он лично утверждал проведение основных разведопераций в США и Англии. Однако Савченко сказал мне, что он не может быть уверен в заключении своего аппарата по делу Розенбергов, поскольку их сотрудничество с нами началось еще до войны и продолжалось в период войны. К тому времени наши бывшие резиденты в США и Мексике — Горский и Василевский, известные в этих странах как Громов и Тарасов, были уже уволены из органов разведки. Аналогичной была судьба и супругов Зарубиных, которые знали обстоятельства оперативной работы нашей агентуры в США в середине 40-х годов. Хейфец к этому времени уже два года сидел в тюрьме как участник «сионистского заговора». Поэтому Савченко не мог обратиться к ним, чтобы они прокомментировали архивные оперативные материалы для доклада в ЦК. Наиболее важные свидетели Овакимян и Зарубин, возглавлявшие американское направление в разведке в годы войны, не скрывали своего неуважительного отношения к Савченко за его некомпетентность в делах разведки и открыто называли «сукиным сыном». Они отказались от бесед с ним, заявив, что дадут свои объяснения только в ЦК. Яцков, Соколов и Семенов, имевшие отношение к этим делам, в то время находились за границей, но Савченко не хотел полагаться на их объяснения или на выводы Квасникова, возглавлявшего научно-техническую разведку, как на заинтересованных лиц.

Савченко и я были вызваны в ЦК по единственному вопросу: кто был ответственен за злосчастную телеграмму, санкционировавшую фатальную встречу Голда с Грин-гласом в Альбукерке.

В ЦК партии была представлена справка по результатам работы комиссии, в подготовке которой участвовали Савченко и сотрудники американского направления разведки органов безопасности. Насколько я помню, в ней утверждалось, что провалы были следствием ошибок, якобы допущенных Семеновым в вербовке и инструктаже Голда. В справке также говорилось, что конспиративная встреча Грингласа с Голдом санкционировалась Центром. В справке было сказано, что Овакимян, начальник американского направления в 40-х годах, уволен из органов госбезопасности. О его громадных заслугах, конечно, не было и слова.

Я категорически возражал против этих выводов, поскольку Семенов и Овакимян в конкретных делах пока зали себя высококвалифицированными

оперативными работниками. Фактически именно они создали в конце 30-х годов весьма значительную сеть агентурных источников научно-технической информации в США. Однако в ЦК и Управлении кадров МГБ мои соображения отклонили, им приписали вину за провал, и они были уволены из органов разведки в значительной мере на волне антисемитизма, поскольку Семенов был еврей. Я помню, как мы собирали деньги, чтобы поддержать Семенова, пока он не устроился консультантом и переводчиком в Институт научно-технической информации Академии наук.

На следующий год эта скандальная история неожиданно получила продолжение. Я был снова вызван в ЦК к Киселеву, помощнику Маленкова. Совершенно неожиданно для себя я увидел у него Савченко. Киселев был категоричен и груб. Из его уст я услышал знакомые мне по 1938–1939 годам обвинения: ЦК разоблачил попытки отдельных сотрудников и ряда руководящих работников МГБ обмануть партию, преуменьшая роль Розенбергов в разведывательной работе. В анонимном письме сотрудника МГБ, поступившем в ЦК, сказал Киселев, отмечена значительная роль Розенбергов в добывании информации по атомной проблеме. В заключение Киселев подчеркнул, что Комитет партийного контроля рассмотрит эти сигналы о попытках ввести ЦК в заблуждение по существу дела Розенбергов.

Савченко и я в один голос категорически возражали Киселеву, объясняли, что наши разведывательные операции в США по атомной проблеме фактически были прекращены в 1946 году и мы вынуждены были полагаться на источники в Англии. Мы ссылались на полученные в 1946 году указания Берии сберечь источники информации для осуществления выгодной для нас политической кампании по пропаганде ядерного разоружения среди научной общественности и интеллигенции стран Запада.

Киселев обвинил нас в неискренности и в попытках принизить значение контактов нашей разведки с супругами Розенбергами. Я ответил ему, что полностью отвечаю за работу по проникновению нашей агентуры на атомные объекты США в 1944–1946 годах. При этом я подчеркнул, что, разумеется, ценность агентурного проникновения и подхода к интересующим нас объектам резко варьировалась в зависимости от служебного положения источников информации. Супруги Розенберга были лишь незначительным звеном нашей периферийной деятельности на американских атомных объектах. Материалы Розенбергов и их родственника Грингласа не могут быть отнесены к категории важной информации. Розенберги были наивной, но вместе с тем преданной нам, в силу своих коммунистических убеждений, супружеской парой, готовой во всем сотрудничать с нами, но их деятельность не имела принципиального значения в получении американских атомных секретов.

Киселев официальным тоном заявил, что доведет до сведения ЦК и лично Маленкова наши объяснения, и Комитет партийного контроля установит, кто конкретно несет вину за провал разведывательных операций в США.

Розенберги героически вели себя в ходе следствия и на судебном процессе. По этой причине наши руководящие инстанции прекратили поиски козлов отпущения.

Бросая ретроспективный взгляд на события, становится очевидным, что дело Розенбергов с самого начала приобрело ярко выраженную политическую окраску, которая затмила незначительность предоставленной их группой научно-технической информации в области атомного оружия. Они давали информацию по химии и радиолокации. Гораздо более важным для американских властей и для советского руководства оказались их коммунистическое мировоззрение и идеалы, столь необходимые Советскому Союзу в период обострения «холодной войны» и антикоммунистической истерии. В исключительно трудных условиях они проявили себя твердыми сторонниками и друзьями Советского Союза.

Быстрый арест Розенбергов сразу же после признаний Грингласа, по моему мнению, указывает на то, что ФБР действовало так же, как и НКВД, следуя политическим установкам и указаниям, вместо того, чтобы подойти к делу профессионально. ФБР пренебрегло выявлением всех лиц, связанных с Розенбергами. Это потребовало бы не только наружного наблюдения, но и агентурной разработки Розенбергов для того, чтобы выявить оперативного работника или нелегала — специального агента, на связи с которым они находились. Только так можно было определить степень их участия в операциях советской разведки. Проявленная ФБР поспешность помешала американской контрразведке выйти на Фишера (полковника Абея), советского нелегала, осевшего в США в 1948 году и арестованного только в 1957-м. Фотография с кодовым именем Элен Собелл, жены Мортон Собелла, члена группы Розенбергов, была обнаружена агентами ФБР только при аресте Фишера, в его бумажнике.

Когда мне зачитали отрывки из книги Ламфера и Шахтмана о работе ФБР в 50-х годах против советской агентуры, я был поражен, насколько ФБР и НКВД использовали одни и те же методы при расследовании дел о шпионаже с политической подоплекой. Фактически все дело Розенбергов было построено на основе признаний обвиняемых. Меня особенно поразили доводы защитника Розенбергов, что ФБР предварительно натаскивало и инструктировало Голда и Грингласа для их будущих показаний при судебном разбирательстве дела. Конечно, действия ФБР были вполне логичными, ибо оно не справилось со своей главной задачей: выявить действительную роль супругов Розенбергов в добывании и передаче секретной информации Советскому Союзу. Так называемые «зарисовки и схемы» Грингласа, фигурирующие в деле, ни в коей мере не могли быть основанием для того, чтобы делать выводы о характере разведывательной работы и предоставленной нам информации.

Розенберги стали жертвами «холодной войны». Американцы и мы стремились извлечь максимум политической выгоды из судебного процесса. Знаменательно, что в период разгула антисемитизма у нас в стране и разоблачений так называемого «сионистского заговора» наша пропаганда приписывала американским властям проведение антисемитской кампании и преследование евреев в связи с процессом Розенбергов.

Мне, однако, кажется, что в США процесс по делу Розенбергов вызвал рост антисемитских настроений. Мы использовали это: быстро перевели на русский язык пьесы и памфлеты американского писателя, в то время коммуниста, Говарда Фаста

об антисемитизме в США. Дело Розенбергов превратилось в один из мощных факторов нашей пропаганды и деятельности Всемирного Совета Мира, созданного при нашей активной поддержке в конце 40-х годов.

Насколько я помню, в США в 40-х годах успешно действовали независимо друг от друга четыре наши агентурные сети: в Сан-Франциско, где было консульство; в Вашингтоне, где было посольство; в Нью-Йорке — на базе торгового представительства «Амторг» и консульства; и, наконец, в Вашингтоне, которая возглавлялась нелегальным резидентом Ахмеровым. Он руководил деятельностью Голоса, одного из главных организаторов нашей разведывательной работы, тесно связанного в 30-х годах с компартией. В дополнение к этому активно действовала в Мексике самостоятельная агентурная группа под руководством Василевского.

Я помню, что побег в Канаде в 1945 году Гузенко — шифровальщика из аппарата военного атташе — имел далеко идущие последствия. Гузенко сообщил американским и канадским контрразведывательным службам данные, позволившие им выйти на нашу агентурную сеть, активно действовавшую в США в годы войны. Более того, он предоставил им список кодовых имен ученых-атомщиков Америки и Канады, которых наша разведка и Военное разведывательное управление активно разрабатывали. Эти ученые-атомщики не были нашими агентами, но были источниками важной информации по атомной бомбе.

Сведения, полученные от Гузенко, а также признания агента нашей военной разведки по фамилии Бентли, перевербованного ФБР, позволили американской контрразведке проникнуть в нашу агентурную сеть. Однако любая ориентировка, сообщенная Гузенко ФБР, требовала тщательной проверки, а это оборачивалось годами кропотливой работы. Когда американская контрразведка после длительной разработки вышла на наши источники информации, мы уже получили важнейшие для нас сведения по атомной бомбе и законсервировали связи с агентурой. ФБР утверждало, что Гузенко помог в дешифровке наших спецтелеграмм, и это позволило разоблачить наших агентов Голда, Нана и Фукса.

Я, однако, не считаю, что дешифровка телеграмм сыграла решающую роль в раскрытии наших разведывательных операций. Еще в декабре 1941 года агент Шульце-Бойзен («Старшина») из Берлина сообщил нам, что немцы захватили в Петсамо в Норвегии одну из наших шифровальных книг. Естественно, мы сменили свои кодовые книги. Я помню, что в 1944 году в рамках сотрудничества между Сталиным и Тито возник вопрос об обучении технике дешифровки направленных к нам югославских сотрудников госбезопасности. Тогда Овакимян, заместитель начальника Разведуправления НКВД и начальник американского направления, категорически возражал против обучения югославов. Я также помню, как он говорил: «Мы кардинально изменили свои шифровальные коды после провала наших подпольных групп в Германии. Зачем нам делиться опытом с посланцами Тито, у нас достаточно оснований подозревать их в двойной игре — в сотрудничестве с английской разведкой». Возражения Овакимяна были приняты.

Овакимян еще в 1944 году, когда Зарубин вернулся из США, высказывал опасения, что ФБР удалось внедрить своих агентов в наши агентурные группы. Когда Зарубин объяснялся по поводу выдвинутых против него несостоятельных

обвинений, мы все-таки из предосторожности вновь сменили коды шифропереписки. Поэтому я не думаю, что ФБР вышло на нашу агентурную сеть на основе дешифровки кодовой книги, захваченной в Петсамо.

ФБР так и не предало гласности и всячески уклонялось от обсуждения методов своей работы и используемых источников информации. Ламфер, бывший сотрудник американской контрразведки, в своей книге «Война ФБР — КГБ» рассказывает о сложном процессе восстановления нашей кодовой книги: она частично обгорела. Возможно, так оно и было. Я не могу полностью отрицать, что дешифровка не сыграла своей роли в выходе контрразведки США и Канады на наши источники агентурной информации. Тем не менее, считаю, что ФБР, стремясь скрыть свой собственный агентурный источник, специально настаивало на дешифровке нашей переписки.

Оно имело в своем распоряжении профессиональных шифровальщиков военной разведки — Гузенко и супругов Петровых, работавших в системе шифросвязи советских органов безопасности более 10 лет.

Американцам и англичанам удалось дешифровать переписку наших резидентур в Вашингтоне, Сан-Франциско, Нью-Йорке, Лондоне, Мехико, Стокгольме, Стамбуле, Софии, Канберре с Москвой.

Мы облегчили американской стороне эту работу, передав полный текст полученных по линии НКВД шифротелеграмм в адрес Коминтерна.

Ввиду постоянного наблюдения американскими спецслужбами с 1940 года за нашим радиоэфиром им удалось установить, как сообщила наша пресса, более 200 агентов советской разведки, участвовавших в добыче материалов по атомной бомбе и секретной документации американских правительственных органов, в том числе и спецслужб. Но ряд ключевых кодовых имен остается нераскрытым.

В мае 1995 года ФБР опровергло мою версию о получении нашей разведкой данных по атомной бомбе. ФБР отметило, что Ферми, Оппенгеймер, Сцилард и Бор, по их данным, не были шпионами. Но я это и не утверждал.

В сентябре 1992 года в военном госпитале КГБ я встретился с полковником в отставке, ветераном разведки Яцковым, у которого на связи в 1945–1946 годах был Голд. Мы припомнили всю эту историю, рассказанную в книге Ламфера, о перехваченной телеграмме из нашего нью-йоркского консульства в Москву, что якобы послужило основанием для выхода американской контрразведки на Фукса, в том числе — дешифрованную телеграмму нашего консульства в Центр о встрече Голда и Фукса в январе 1945 года в доме сестры Фукса Кристель. Как писал Феклисов в своей книге, в качестве улики против Фукса использовалась карта Санта-Фе в штате Нью-Мексико неподалеку от Лос-Аламоса, где было отмечено место встречи Голда и Фукса. Утверждалось, что на карте, обнаруженной при обыске на квартире Голда, были отпечатки пальцев Фукса.

Для меня, профессионала разведки, обстоятельства, не позволившие ФБР проникнуть в нашу агентурную сеть, вполне понятны. Персонал и технические кадры Манхэттенского проекта комплектовались американской администрацией в большой спешке — много было иностранцев, привлеченных для работы в проекте.

У ФБР просто не было времени на протяжении полутора лет организовать и привести в действие мощную контрразведывательную агентурную сеть среди научных работников проекта. Между тем абсолютно необходимой предпосылкой вскрытия глубоко законспирированных контактов ученых атомщиков с агентами и курьерами советской разведки было эффективное агентурное наблюдение и работа с персоналом атомного проекта. В СССР наша контрразведка обладала гораздо большими возможностями всесторонней проверки всего персонала, как научного, так и вспомогательного, привлеченного к атомным разработкам. Она опиралась на высокоразвитую систему оперативно-учетных материалов.

Мы должны иметь в виду и исторические обстоятельства. В начальный период войны главной задачей ФБР было предотвращение утечки информации по атомному оружию к немцам. Мое предположение сводится к тому, что первоначально в 1942–1943 годах ФБР активно разрабатывало выходы на «немецкие» связи и контакты ученых, приступивших к работе в лабораториях Лос-Аламоса. Просоветские симпатии учитывались и фиксировались, однако они приобрели существенное значение лишь на финишной стадии в начале 1945 года. Насколько мне известно, директива об усиленном выявлении связей с прокоммунистическими кругами начала проводиться в жизнь администрацией проекта лишь в конце 1944 года, после того как ФБР зафиксировало наш большой интерес к лаборатории по изучению радиации в Беркли.

Хотя нам удалось проникнуть в окружение Оппенгеймера, Ферми и Сциларда через Фукса, Понтекорво и других, мы никогда не прекращали своих усилий, чтобы получать материалы из лаборатории в Беркли, так как ее разработки были тесно связаны с исследованиями в Лос-Аламосе. ФБР зафиксировало наш интерес к этой лаборатории, но оно переоценило его и сосредоточилось на противодействии нашей работе. Между тем это направление играло подчиненную роль.

Чрезвычайно ценную информацию по атомной бомбе мы получали на последней стадии работ, накануне первого экспериментального взрыва и производства первых бомб. В период, когда американская контрразведка значительно усилила свою работу, мы прервали всякие контакты с внедренными в проект агентами, связанными с компартией и другими «левыми» организациями. В результате никто из сотрудничавших с нами людей не был задержан американской контрразведкой с поличным и непосредственно в момент передачи нам информации.

Под влиянием выхода в 1994 году первоначальным вариантом моих «Воспоминаний» в Америке развернулась широкая кампания с целью «реабилитации» имен видных американских ученых и Нильса Бора, якобы намеренно оклеветанных в этой книге. При этом основные усилия были сконцентрированы на том, чтобы доказать, что виднейшие научные умы Запада не были агентами советской разведки. Под давлением общественности американские спецслужбы приняли решение о рассекречивании в 1995 году материалов дешифровки телеграмм советской разведки, перехваченных в 1941–1945 годах. Публикация в США материалов этой операции под названием «Венона», безусловно, знаменательное событие. Однако многотомные выпуски «Веноны» подтверждают то, что написано в книге. «Директор резервации» Оппенгеймер не

предположительно, а точно назван в опубликованных американцами шифротелеграммах от 23 марта 1945 года и 2 декабря 1944 года в качестве источника информации. В неверно процитированной телеграмме российским историком, лауреатом Госпремии СССР В. Мальковым агенту-курьюру Гурону (он же «Эрнст»), как следует из текста телеграммы, предписывается не установить, а восстановить связь с источником «Вексель», то есть Оппенгеймером, в ходе предстоящей поездки в Чикаго. Другой вопрос, что эта поездка не состоялась.

В 1944–1945 годах американская контрразведка, используя сотрудника нашей резидентуры Андрея Раину, работавшего в советской закупочной комиссии по ленд-лизу, через своего подставного агента передала нам массу дезинформационных материалов по атомной бомбе. Эта «деза» в 1945–1949 годах была раскрыта нашими видными физиками, в том числе Курчатовым, Иоффе, Алихановым, Кикоиным, при содействии специалистов, работавших в нашей научно-технической разведке, — Рылова, Терлецкого и других.

Однако следует подчеркнуть и, если угодно, позитивное значение этой дезинформации, поскольку она лишней раз подтверждала истинный размах атомной гонки в США. Ведь «деза», содержащая искаженные расчетные данные, не затушевывала общего направления усилий американских физиков, работавших по Манхэттенскому проекту.

В заключение хочу сказать: советская разведка выступила инициатором развертывания широкомасштабных работ по созданию атомного оружия в СССР и оказала существенную помощь нашим ученым в этом деле. Однако атомное оружие было создано колоссальными усилиями наших ведущих ученых-атомщиков и работников промышленности.

Глава 18. Отношения с союзниками и Тихоокеанская война

В феврале 1992 года, когда я уже работал над рукописью первой книги, по просьбе военной прокуратуры мной был принят один из видных английских советологов — лорд Бэтл. Его интересовал ряд эпизодов тайной войны 40—50-х годов (связанных с помилованием Президентом Б. Ельциным перебежчика Н. Хохлова). При встрече он бросил мне упрек, что в годы войны советская разведка добилась впечатляющих успехов в разведывательной работе в основном против союзников, а не против фашистской Германии.

Но так ставить вопрос, я считаю, совершенно неверно в принципе. Работа советской разведки по изучению и выявлению подлинных намерений и планов союзников (в целях обеспечения наших коренных интересов в борьбе с фашистской Германией) проводилась по той причине, что подлинное их отношение к нам было двуличным. Усилия нашей агентуры в США были нацелены на то, чтобы разобраться в политике американского правительства, которое после наших военных неудач летом 1941 года намерено было одно время признать Керенского главой Временного правительства России в эмиграции якобы с целью продолжения войны с Гитлером на Восточном фронте. Как мы могли относиться к этим замыслам и планам? Пусть это была просто болтовня, идущая в стенах высокопоставленных представителей американской администрации. Но мы обязаны были на это реагировать и не могли не реагировать. Вполне естественно, что эти данные не являлись свидетельством американского дружелюбия к Советскому Союзу. И как бы Д. Волкогонов ни иронизировал по поводу внимания нашей резидентуры в США к деятелям русской эмиграции в начале войны, оно, безусловно, было оправданным. Мы старались противодействовать возможным американским планам по использованию антисоветской эмиграции.

В силу этих обстоятельств мы вплотную занялись и плодотворно поработали по разоблачению двурушнической тактики по отношению к Советскому Союзу американских и английских правящих кругов.

Как вело себя английское правительство летом 1941 года? У нас с ним в июле было подписано союзное соглашение о войне с Германией. Но 18 августа 1941 года в Государственный Комитет Обороны поступает информация на основе документа, добытого нашей закордонной резидентурой в Англии. Это указание МИДа Великобритании поверенному в делах Англии в Вашингтоне по вопросу об отношении к Советскому Союзу. Там написано: «Наши отношения к русским целиком строятся на основе того, чтобы заставить их показать нашим представителям в России свои военные заводы и другие объекты, в которых мы заинтересованы. Пока что русские у нас ничего не видели. Или почти ничего не видели. В ближайшее время им будут показаны заводы, выпускающие стандартную военную продукцию, однако на экспериментальные объекты они допущены не будут. Начальники штабов установили порядок, согласно которому русским можно давать только такую информацию — сообщения, которые, если даже и попадут в

руки немцев, ничего последним не дадут. Ясно, что имеются заводы и объекты, куда русские вообще допущены не будут. Надеемся, что американские власти не выйдут за эти границы, которые мы соблюдаем».

Или другой пример. 1 августа 1941 года наша разведка добыла указания МИДа Великобритании послу Англии в Японии о политике Англии на Дальнем Востоке в случае нападения Японии на Советский Союз. В нем подчеркивалось: «Наши соглашения с СССР специфически лимитированы совместными действиями только против гитлеровской Германии... Мы не имеем каких-либо договорных обязательств порвать отношения с Японией в случае, если она нападет на СССР. Отсрочка такого шага даст нам возможность продолжать на месте наблюдать за развитием японской политики. Мы будем прилагать все усилия к возможно более тесному координированию нашей политики с действиями США». Что это, как не сговор с американцами, ущемляющий наши интересы?

Хотел бы отметить большой успех нашей контрразведки и разведки в 1941 году в пресечении разведывательной работы наших союзников против нас.

Правильное использование подставленного американскому военному атташе генералу Файмонвилу агента НКВД «Электрика» позволило, по существу, контролировать работу американских военных представителей.

Наша разведка и контрразведка в изучении разведывательных мероприятий англо-американских союзников всегда опирались на данные взаимодействия с военной и военно-морской разведками Красной Армии и ВМФ. Без наших военных аналитиков мы, конечно, не могли бы определить смысл разведывательных операций военных атташатов Англии и США. В специальных записках разведывательных управлений наркоматов обороны и ВМФ давалась развернутая квалифицированная оценка смысла действий офицеров военной и военно-морской разведок Англии и США в Москве, Мурманске и Владивостоке.

Совместная операция Разведывательного управления НКВД и контрразведки по проникновению в резидентуру английского посольства в Москве также имела исключительно важное значение. Нам удалось решить эту задачу не сразу. Первоначально она закончилась неудачей. Мы хотели выйти на англичан через их агента в 20-е годы, графа Нелидова, арестованного поляками и захваченного нами в 1939 году. К возобновлению связи с ним в Москве англичане отнеслись с большим недоверием. В. Зарубин, который работал с ним, успеха не достиг, и Нелидов повесился после нескольких неудачных встреч с представителями английской разведки в гостинице «Метрополь».

Но руководящий работник нашей контрразведки, бывший нелегал в США («Гранит») — Норман Бородин достиг впечатляющего успеха, завербовав одного из видных английских разведчиков. В годы войны этот человек сыграл роль не менее важную, чем Ким Филби. Это был Ральф Паркер. В 1937–1939 годах он был резидентом английской разведки в Белграде под прикрытием должности консула. Уже тогда начались первые контакты с ним по линии нашей агентуры. 30 октября 1941 года Паркер появился в Москве как корреспондент английской газеты «Таймс» и ряда ведущих американских газет. Паркер был одним из наиболее ценных

сотрудников английской резидентуры, возглавлявшейся представителем «Интеллидженс сервис» генералом Хиллом.

Следует отметить, что фактически ряд корреспондентов американских и английских газет выполняли тогда функции так называемых подрезидентов разведки. В некоторых случаях они сами проводили вербовку агентов, правда, не отбирая у них соответствующих обязательств по сбору разведанных, а легендируя свои действия расписками советских граждан о сотрудничестве с американскими и английскими средствами массовой информации.

Норману Бородину успешно удалось осуществить операцию по перевербовке Ральфа Паркера. Знаменательна его судьба в дальнейшем: английская контрразведка почувствовала, что он участвует в двойной игре, и постепенно Паркер перестал пользоваться доверием «Интеллид-женс сервис». В 1947–1948 годах он был корреспондентом газеты «Ньюс кроникл», а в апреле 1949 года, почувствовав близкое разоблачение, сделал, насколько я помню, письменное заявление о своем желании остаться в СССР. В 50-е годы Паркер стал корреспондентом коммунистических и левых лейбористских газет и журналов в Москве.

Я не буду вдаваться в весь комплекс наших непростых отношений с союзниками в 1941 году. Хочу подчеркнуть, однако, что обстановка в Скандинавии и угроза развязывания войны на Тихом океане оказывали на них существенное влияние. В напряженные моменты лета и осени 1941 года информация советской разведки из этих регионов имела важное для советского командования значение.

9 сентября 1941 года резидентура НКВД в Стокгольме сообщила в Центр информацию о положении в Финляндии, о больших потерях финской армии, ограничивавших ее возможности содействия немцам в критический момент сражения за Ленинград. Что особенно важно, подчеркивалось наличие серьезной проамериканской ориентации в правящих кругах страны. Это было использовано нами. Американское правительство по нашей просьбе оказывало давление на финнов с тем, чтобы они остановились на рубежах старой границы и воздержались от продолжения наступления на Ленинград, чего от них требовал Гитлер.

Большую помощь в оценке обстановки в Скандинавии, в изучении переплетения англо-американских и немецких интересов в этом регионе нам оказала наш ценный агент «Гриша» — антифашистски настроенный французский дипломат и источник «Роз Мари» — популярная актриса, негласный член Компартии Швеции Зара Леандор. Ее часто принимали там в германском посольстве на высоком уровне.

В Стокгольме для советской разведки сложились непростые условия для работы. Назначенный туда резидентом незадолго до войны А. Граур не справился с выполнением сложных поручений. Осенью 1941 года наша резидентура была усилена опытными работниками: Б. Рыбкиным (Кин) и его помощницей З. Воскресенской (Ириной). Им удалось на полную мощь задействовать наших ценных агентов Терентия, Клару, оперработника под крышей ТАСС И. Стычкина (Абрам) и несколько сгладить конфликтные отношения сотрудников разведывательного аппарата с послом А. Коллонтай.

На этот счет в советской и постсоветской литературе бытует много мифов. В

частности, о том, что НКВД следило за Коллонтай в Швеции как за бывшим членом оппозиции, что у нее, якобы прикованной болезнью к постели, буквально из-под подушки сменивший Рыбкина резидент Роцин (Разин, Валерьян) выкрал ее личные архивные записи и отправил их в Москву.

В действительности же ситуация была иной. Коллонтай считалась своенравной женщиной. Но как человек известный в международном женском движении и в прошлом связанная с оппозицией, она держалась Сталиным за границей в качестве приманки для Запада, «обложенная» со всех сторон, в расчете на то, что на эту личность выйдут с какими-то предложениями, адресованными оппозиционным кругам в советском руководстве.

Этот замысел, о котором мне говорил Берия со слов Молотова (при этом, видимо, передавалось мнение Сталина), состоял в том, что Коллонтай следует держать как наш форпост, открытый к зондажам, и как нестандартную фигуру, перед которой будут ставить какие-либо деликатные вопросы. (В шифропереписке нашей резидентуры с Центром Коллонтай называлась «Хозяйкой».) У нас было достаточно оснований полагать, что на Западе существуют определенные круги, которые ищут такие связи. Но эта ставка на Коллонтай была ошибочной, хотя мифов вокруг ее роли, ее архива, переписки и того, что она скрывала свои симпатии к оппозиции, расплодилось предостаточно.

В тяжелые дни осени 1941 года, имея прочные позиции в МИДе Швеции, мы были прекрасно ориентированы в скандинавской политике и действовали не с завязанными глазами. Мы знали, что шведы и финны имеют свои интересы, и предполагали, что они хотят воспользоваться своими преимуществами в роли буфера в отношениях стран Запада с Советским Союзом и потому не были заинтересованы в нашем полном поражении. Они не хотели оставаться один на один ни с Германией, ни с Англией. Мы, естественно, доказывали шведам, что СССР является сторонником стратегического нейтралитета Скандинавии.

По этой причине мы отвергли американские предложения об уступке нам норвежской территории в качестве компенсации за победу в войне с немцами на Севере. Наш ответ мы предали гласности, хотя эти переговоры проходили в форме секретной переписки с союзниками: через свою агентуру влияния довели до сведения шведского и норвежского руководства занимаемую нами позицию. Советские контакты с представителями правящих кругов Скандинавии дополнялись постоянным и плодотворным сотрудничеством с левым антифашистским движением.

Следует также отметить, что руководство нашей резидентуры уже осенью 1941 года установило с влиятельным семейством Валленбергов секретный обмен мнениями о роли Скандинавии в этой войне.

Интересно, что именно тогда, в ноябре, теперь известный представитель этого семейства, Рауль Валенберг, еще не будучи на дипломатической службе, получил полномочия шведских властей для поездок на оккупированные немцами территории стран Европы и Советского Союза. Через семейство Валленбергов были начаты секретные переговоры о посредничестве в дележе награбленного нацистами

имущества в странах Западной и Восточной Европы. Обстоятельства дела Валленберга, что навряд ли оправданно, до сих пор покрыты завесой секретности. Хотя живы очевидцы его трагедии. Как рассказывал мне известный историк Л. Безымянский, в допросах Валленберга на Лубянке участвовал видный работник внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенант С. Кондрашов.

В этот же период в Швеции успешно и активно действовала наша военная и военно-морская разведка. По их линий были получены важные данные о движении немецкого флота, о стратегических перевозках, об обстановке на Северном театре военных действий.

Драматично для нас и для союзников складывалась ситуация на Дальнем Востоке. В этой связи не могу не остановиться подробно на известном мифе о том, что якобы советская военная разведка и внешняя разведка НКВД своей деятельностью в Японии и Китае обусловили решение Ставки о переброске войск с Дальнего Востока на советско-германский фронт под Москву в трудные дни октября 1941 года.

Эти утверждения впервые появились в литературе по истории разведки на Западе. Западные историки исходят из того, что будто бы на планы Японии по развязыванию войны против СССР повлияла информация перебежчика Г. Люшкова, бывшего полномочного представителя НКВД по Дальнему Востоку. От него, как они утверждают, японская армия получила развернутые материалы о группировке Красной Армии на Дальнем Востоке и использовала их против нас. Однако это всего-навсего версия. Лютиков не был в курсе замыслов Москвы и нашего военного командования. Конечно, он обладал большой информацией о реальной ситуации на Дальнем Востоке, о той неразберихе, которая творилась в войсках, о низком уровне их боеготовности, проявившемся в боях на озере Хасан.

Люшкову также в целом была известна дислокация войск Красной Армии на Дальнем Востоке, но не более того. Даже агентуры ИНО НКВД в глубинных, не приграничных районах Маньчжурии он не знал. Исходя из его данных и показаний, японцы сами выбрали район реки Халхин-Гол для действий против Монголии. Они знали, что наша военная группировка в Монголии незначительна и не может оказать им серьезного противодействия. Знали японцы и о том, что монгольские войска слабы. Но то, что было осуществлено командованием Красной Армии в сжатые сроки — создание ударной группировки, — повергло японцев в полный шок. Мы оказались на Халхин-Голе в крайне невыгодных условиях. Тем не менее, Жуков как крупный и талантливый полководец остановил и разгромил японцев во встречном рискованном сражении, первоначально бросив против японцев танки без сопровождения и поддержки пехоты. Он сделал это вопреки всем уставам и не от хорошей жизни. Другого выхода у него просто не было. Но быстрое развертывание нами ударной группировки было совершенно неожиданным для противника.

Дело не в том, что Зорге сообщил в Москву о показаниях Люшкова о тактике Красной Армии и мы соответствующим образом откорректировали свои действия. Дело в другом. Жуков как талантливый военачальник принял быстрое, эффективное и единственно правильное решение.

Информация же Люшкова содержала лишь многочисленные данные об арестах, интригах «наверху», он был в курсе расправ с оппозицией. Эта информация, бесспорно, имела важное политическое, но не военное значение. Японцы поделились с немцами этой информацией, но к нам она попала в отраженном виде через сообщения Зорге, которому показывал ее немецкий военный атташе. Все это сыграло двоякую роль. На первоначальном этапе она была правильно использована японским командованием в выборе места боевых действий на основе данных о низкой боеготовности Красной Армии. Затем в связи с развитием событий на Халхин-Голе, массовым применением нами танковых соединений, у японского командования возникли обоснованные сомнения в показаниях перебежчика.

Развитие событий не укладывалось в старые каноны. Японские генералы практически оказались не способны спланировать на реке Халхин-Гол крупную маневренную операцию с использованием механизированных соединений. Для японского политического руководства стало очевидным, что уровень готовности их армии к ведению масштабной войны с сильным противником не отвечал современным требованиям. Мы же из событий на Халхин-Голе сделали правильные выводы. Японцы увязли в длительной войне с Китаем. Их группировка в Маньчжурии не была готова и не имела запасов для ведения широких наступательных операций против Советского Союза. В этой связи хочу подчеркнуть, что принципиальное решение Сталина оставить на Дальнем Востоке лишь войска для прикрытия границы и активной обороны было принято еще до начала советско-германской войны. Переброски войск под Москву в октябре 1941 года были логичными, хотя и вынужденными, шагами советского командования.

Дело в том, что помимо донесений Зорге, к Сталину поступали другие не менее важные данные о противоречивом развитии обстановки на Дальнем Востоке. Мы твердо знали, что Япония имеет отличные от Германии собственные интересы в конфликте с США, Англией и Китаем. Без нейтралитета Советского Союза в этом противостоянии японцы не могли реализовать свои цели — установить господство в Азии.

16 июля 1941 года резидент НКВД в Китае А. Панюшкин доложил в Москву о реакции Чан Кайши, китайского правительства на фашистскую агрессию против СССР. Указывалось на то, что они рады этому нападению, этой войне, считая, что вслед за этим наступит черед выступления Японии против Советского Союза и она вынуждена будет прекратить активные боевые действия в Китае.

Нужно отметить, что в то же время в Китае находился Лочлен Кэри — помощник президента Рузвельта по Дальнему Востоку. Будучи членом негласного аппарата Компартии США, он, как источник «Паж», через доверенное лицо руководства американской компартии нашего групповода Я. Голоса передал советскому резиденту в Нью-Йорке «Луке» — Кларину (П. Пастельняк) исключительно важные данные об обстановке в Китае и перспективах нападения Японии на Советский Союз.

Именно Кэри оказывал сильнейшее влияние на формирование американской политики противодействия японской агрессии в Китае и на Дальнем Востоке. При этом он опирался на своего коллегу по негласному сотрудничеству с Компартией

США и с нами Г. Уайта (Кассира), который занимал высокую должность в министерстве финансов США и периодически готовил экономические обоснования американских мер относительно японской агрессии на Дальнем Востоке.

Интересно, что эта информация об итогах поездки Кэри в Чунцын (по линии НКВД из Нью-Йорка от Пастельняка и из Китая от Панюшкина) совпала с официальным уведомлением советского посла Уманского, которого вызвал заместитель Госсекретаря США С. Уэллес и проинформировал его о том, что не исключено выступление Японии против Советского Союза. Вместе с тем сразу же после встречи с ним Уманского советская разведка сообщила Сталину и Молотову, что, по сведениям из ближайшего окружения президента Рузвельта, «американцы не заинтересованы в том, чтобы втянуться в войну с Японией, что президент проявляет очень большую осторожность в введении эмбарго против Японии, ибо санкций могут ударить таким образом, что японцы вынуждены будут за нефтью двинуться в Юго-Восточную Азию, что спровоцирует войну».

Получение противоречивой информации из Шанхая, Чунцына и Вашингтона не могло не настораживать советское командование. Разобраться в драматических событиях было непросто.

Например, 11 июля 1941 года резидентура НКВД в Шанхае сообщала о действиях японских властей в Китае весьма интересные данные. Так, в Шанхае они предупредили, чтобы со стороны эмиграции не было никаких выступлений против СССР, а если таковые будут, то японские власти примут суровые меры. Немцы этим были очень недовольны. В сообщении указывалось, что среди японцев идут разговоры о том, что Япония уже начала переброску войск в Маньчжурию и Северный Китай. Тут приводились противоречивые данные. С одной стороны — о военных приготовлениях, а с другой стороны — о пресечении слухов о войне.

Руководство тогдашнего Китая — Чан Кайши и его окружение были крайне заинтересованы в провоцировании войны между Японией и Советским Союзом летом и осенью 1941 года. Сталин и Молотов были прекрасно осведомлены об этих шагах Чан Кайши по линии НКВД, поскольку наш агент Друг — В. Стенес, портрет которого находится в музее ФСБ, исполнявший одно время обязанности начальника его внешней разведки, регулярно информировал нас об этих его замыслах.

Должен отметить заслуги нашей дешифровальной службы в этот острый момент. Западный историк КГБ Кристофер Эндрю советскую шифровальную службу особо не жалует. Однако сейчас и мы, и зарубежные авторы признают, что НКВД достиг больших успехов в дешифровке материалов переписки японского МИДа, турецкой, итальянской и греческой дипломатических миссий в Москве. Серьезную роль в этом плане сыграло то, что мы читали дипломатическую переписку итальянского посольства в Токио с его МИДом в Риме. Ведь Италия в то время была союзником Японии по антикоминтерновскому пакту.

К этому добавлю, что через Кэри мы контролировали переписку Чан Кайши (псевдоним «Сегак») с президентом США в течение всей войны, что позволяло в целом сделать правильные выводы о развитии обстановки на Дальнем Востоке. До сих пор помню, какое сильное впечатление на меня произвел доклад Кэри

президенту Рузвельту об обстановке на Дальнем Востоке и в Китае, который был направлен мне для ознакомления, а позднее послан Сталину и Молотову вместе с оценкой документов и предложениями о конкретных мероприятиях в области разведывательной работы под дипломатическим прикрытием в Китае.

Почти одновременно в сентябре 1941 года харбинская и токийская резидентуры НКВД сообщили в Центр о том, что военное выступление Японии против СССР, ввиду обострения отношений с США и Англией, представляется маловероятным. Наш резидент в Японии Г. Долбин (Артем) передал, что, по данным источника токийской резидентуры — Экономиста, наиболее острый период, который был в начале германо-советской войны, уже прошел. При критических взаимоотношениях, которые Япония имеет с США, руководство империи будет держаться мира с СССР. Знаменательно, что эта информация (появившаяся во время успешных советско-японских экономических переговоров об условиях японских концессий на Сахалине) основывалась на заявлении министра торговли и промышленности Японии Сакондзи на официальном обеде по случаю приезда в Токио директора общества по японским концессиям на Сахалине.

Р. Зорге в одном из своих последних донесений в Центр в середине сентября 1941 года также подтвердил фактический отказ японского командования от развязывания войны с Советским Союзом в ближайшей перспективе. Его сообщение выглядело особенно впечатляющим, поскольку он ссылаясь в качестве источника на Инвеста (Х. Отзаки, видного журналиста, советника премьер-министра Японии).

В это же время харбинская резидентура также сообщила в Центр о том, что по сведениям, полученным от сотрудников японской военной миссии, Япония до весны 1942 года наступательных действий против СССР не предпримет. Вместе с тем при этом отмечалось, что, по мнению японских военных кругов, к весне 1942 года немцы будут иметь решающий успех, и тогда Япония начнет военные операции, чтобы установить новый порядок по всей Сибири. В связи с этим эмигрантским кругам было поручено составить схему государственного устройства Сибири с выделением границ национальных автономных республик — Бурят-Монгольской, Алтайской, Якутской и т. д.

Эти сообщения следует рассматривать в контексте обстоятельств противостояния между Японией, США и Англией на Дальнем Востоке и в Китае.

Японцы как бы подтверждали конкретными шагами свои намерения решительно выступить против «англо-американского империализма» в Азии, которые они секретно изложили Сталину и Молотову в Москве в апреле 1941 года. В конце июля того же года японские войска приступили к оккупации стратегически важных пунктов и Индокитае. Американское правительство объявило о введении эмбарго на поставки нефтепродуктов в Японию и запретило японским кораблям пользоваться Панамским каналом.

На эти действия японское телеграфное агентство «До-мей» сообщило 8 августа, «что вопреки различным слухам, в советско-японских взаимоотношениях не произошло изменений со времени подписания пакта о нейтралитете». Это заявление было прямо адресовано советскому правительству. 23 августа министр иностранных

дел Японии Тойода подтвердил это нашему послу Сметанину, несмотря на официальную ноту японских властей о том, что перевозки военных материалов из США во Владивосток создают затруднительное положение для Японии. В свою очередь ТАСС опровергло сообщение японских газет об активных советско-китайских консультациях по отражению действий японской армии в Центральном Китае.

За кадром, однако, остались секретные консультации между послом СССР в Японии К. Сметаниным и японским министром иностранных дел. Как по линии советского посольства, так и по линии нашей резидентуры в Кремль было сообщено, что руководство Японии настаивало на подтверждении советской стороной обязательств по соблюдению нейтралитета и недопущению предоставления Советским Союзом своей территории для военных баз другим странам, которые могут быть использованы при обострении обстановки в Азии против интересов Японии. Особо подчеркну, что Молотов дал указание нашему послу в Токио в августе, когда японо-американские отношения обострились и когда наше сотрудничество с англо-американскими союзниками в войне против Гитлера стало очевидным, решительно подтвердить от имени советского руководства, что «СССР остается верным своим обязательствам в отношении Пакта о нейтралитете и не войдет в соглашение с третьей стороной, направленное против Японии».

Иносказательно это означало, что в секретных консультациях с Токио Москва давала японской стороне полную свободу действий в Индокитае.

Поэтому в критический период битвы под Москвой, 15 октября, в Харбине были успешно закончены переговоры между Монголией и японским сателлитом Манч-жоу-Го по уточнению границ и подписаны соответствующие документы. Тогда же Япония хотя и начала переговоры с США о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке и Азии, вместе с тем активно продолжала оккупационные мероприятия в Индокитае.

Противоречивость информации, поступающей с Дальнего Востока, требовала особого внимания. Возглавляемая мной Особая группа в сентябре — октябре 1941 года продолжала прорабатывать возможные мероприятия в связи с угрозой начала военных действий на Дальнем Востоке. И в Кремле, и в НКВД, несмотря на секретные консультации с Токио, не тешили себя иллюзиями об агрессивности японцев, «направленной в первую очередь против западного империализма». К счастью, к этому времени был освобожден из тюрьмы по инициативе Эйтингона начальник восточного отделения ИНО М. Яриков.

Оклеветавший его и Шпигельглаза в 1939 году В. Пудин одновременно поставил под сомнение источники ИНО — ОГПУ — НКВД в Маньчжурии, Японии и Корее. Яриков спустя неделю после освобождения в конце сентября вместе со мной был вызван на ковер к Берии, прямо сказавшему, что «наши головы полетят первыми, если материалы, добытые старой агентурой из эмиграции в Харбине, Шанхае и Токио о планах Квантунской армии, обернутся дезинформацией». Для угроз у Берии были все основания. На восемь из двенадцати резидентур НКВД и военной разведки в Китае и Японии Пудиным в 1939 году было подготовлено заключение, что их сотрудники являются «двойниками» немецкой, английской,

американской, японской и китайской спецслужб.

Яриков достойно ответил наркому, что за свои источники, какими они были до января 1939 года, то есть до его ареста, он ручается, предложив конкретно проверить их в разведывательно-рекогносцировочных акциях на границе с Маньчжурией. Что и было сделано под руководством начальника Приморского НКВД М. Гвишиани.

Тем не менее, полностью исключать возможность удара нам в спину со стороны японцев на Дальнем Востоке мы не могли, хотя было очевидным, что японская армия не проводила в октябре — ноябре мероприятий по созданию ударных группировок для наступательных операций против советских войск в Приморье.

Показательным в этом плане было то, что в укрепрайонах в непосредственной близости от советских границ не были развернуты главные силы японских сухопутных войск и авиации. Однако обстановка на границе в целом оставалась напряженной. Провокационные разведывательные происки японских войск на всей нашей границе с Маньчжурией сильно нервировали как командование советских войск на Дальнем Востоке, так и Ставку.

Следует внести ясность в очень важное обстоятельство. Я уже говорил, что мы ни в коем случае не ставили перед нашими доверенными лицами и агентурой в президентской администрации США, Госдепартаменте и министерстве финансов задачи по обострению японо-американских отношений и провоцированию войны между Токио и Вашингтоном. Наша линия в работе с этими людьми соответствовала линии Коминтерна — использовать имевшиеся возможности влияния на американское руководство для того, чтобы его «давление» на Японию затруднило и исключило бы военную акцию японского империализма против СССР в условиях германо-советской войны.

Фактически американское правительство заняло по отношению к Японии жесткую позицию сдерживания расширения ее агрессии в Юго-Восточной Азии. При этом оно защищало прежде всего свои интересы в известной ноте, переданной госсекретарем США Хэллом японским представителям в Вашингтоне 26 ноября 1941 года.

Сейчас утверждают, что поскольку член негласного штата Компартии США, кружка Сильвермастера, Г. Уайт подготовил эту неприемлемую для японцев ноту, последние получили повод для внезапного нападения на Америку. В действительности же нота Госдепартамента США лишь фиксировала начало открытого противостояния. Еще до ее вручения американское правительство объявило о намерении направить свои войска и флот за пределы Филиппин, в голландские владения — Индонезию с целью обеспечения обороны находящихся там значительных запасов сырья и стратегически важных полезных ископаемых. Индонезия же, как известно, была одной из главных целей агрессии Японии.

Американские правящие круги и без рекомендаций Кэри и Уайта прекрасно отдавали себе отчет, что экономические меры воздействия, наложение секвестра на японские фонды, денонсирование торговых договоров в июле — августе не остановили японскую оккупацию стратегически важных пунктов в Южном

Индокитае. Всем было ясно, что японский флот и армия подготовились к решительному броску с целью захвата американских, английских и голландских владений на Тихом океане.

Вместе с тем сокрушительный удар японцев именно по Перл-Харбору, главным силам ВМФ США на Тихом океане оказался полной неожиданностью для союзников и советского командования. Хотя приближение войны на Тихоокеанском театре военных действий, можно сказать, витало в воздухе. Знаменательно, что и американская, и наша дешифровальная службы перехватили и расшифровали почти одновременно 27 ноября 1941 года телеграмму японского МИД от 24 ноября 1941 года посольству Японии в Берлине, в которой, по существу, сообщалось о скором начале военных действий. Перехват этой телеграммы был доложен Берии из Куйбышева, по-моему, немедленно.

Интересно другое. Кремль был проинформирован о будущем начале военных действий не только по каналам разведки. Наиболее серьезные данные поступили по дипломатическим каналам. Будучи на приеме у Берии в конце ноября или начале декабря, я с удивлением воспринял его реплику, докладывая о согласованном с Гвишиани плане развертывания агентурно-диверсионного аппарата на Дальнем Востоке. «Отложите эти дела, — сказал он, — сражаться с японцами нам, по-видимому, в ближайшие полгода не придется. Артем сообщает и Молотов подтвердил мне, что нам с японцами удалось договориться о сохранении нейтралитета по дипломатическим каналам».

И действительно, из документов, теперь доступных, следует, что 22 ноября 1941 года, когда японская эскадра закончила сосредоточение в исходной точке, министр иностранных дел Японии Того вызвал советского посла К. Сметанина и потребовал подтвердить заверения советского правительства от 13 августа о том, что оно, соблюдая Пакт о нейтралитете, не войдет в соглашение с третьей стороной, направленное против Японии. Сметанин трижды положительно ответил Того по этому вопросу.

28 ноября Сметанин, получив инструкции из Москвы, еще раз подтвердил позицию советского правительства о нейтралитете. В это время японская эскадра уже три дня скрытно двигалась к Пёрл-Харбору. Но что особенно знаменательно, примерная дата моего доклада у Берии совпадает со специальным визитом по указанию Москвы нашего посла Сметанина в японский МИД — 1 декабря 1941 года. В Кремле полностью отдавали себе отчет, что против США готовится военная акция Японии, и поручили Сметанину еще раз заявить, что «СССР не думает нарушать Пакт о нейтралитете при условии, что и Япония также будет соблюдать обязательства Пакта о нейтралитете с Советским Союзом».

Нападение Японии на США и Англию 7 декабря 1941 года, последовавшее за этим 11 декабря объявление Германией войны США коренным образом изменили всю мировую обстановку и перспективы войны против германского и японского фашизма.

Хочу особо подчеркнуть, что Тихоокеанская война, развязанная Японией, не была спровоцирована Советским Союзом или нашей разведкой. При ближайшем

рассмотрении наивными и упрощенными являются утверждения, что рекомендации наших агентов и доверенных людей в США или группы Зорге в Японии подтолкнули правящие круги этих стран к военному противостоянию.

Определяющую роль в развязывании войны в этом регионе сыграли кардинальные интересы государств в утверждении своего геополитического и экономического влияния в мире. Вместе с тем Сталин оплатил нашим союзникам, занимавшим тогда, в критический момент войны Советского Союза с Гитлером, в основном благожелательно-наблюдательную позицию по отношению к СССР, чрезвычайно эффективным секретным разведывательно-дипломатическим маневром. Ему удалось превратить зародившуюся антигитлеровскую коалицию в реальную военно-политическую и экономическую силу борьбы с фашистской агрессией.

На новый, более высокий уровень были подняты наши дипломатические отношения с США. Показательно, что назначенный нашим послом в США 10 ноября 1941 года бывший нарком иностранных дел М. Литвинов был 14 ноября одновременно назначен заместителем народного комиссара иностранных дел. В этой связи не могу не сказать, что М. Литвинов прибыл в Вашингтон в день начала войны на Тихом океане одновременно с назначенным туда главным резидентом НКВД по американскому континенту В. Зарубиным.

Советская дипломатия и разведка сыграли знаковую роль в этой акции руководства нашего государства. Угрозу войны на два фронта против Советского Союза, не дававшую нам покоя в 30—40-е годы, после прихода Гитлера к власти и японской оккупации Маньчжурии удалось предотвратить. Этим также была заложена важная предпосылка в грядущей победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Говоря об отношениях СССР и Англии, надо сказать о том, что во время войны значительно расширились дипломатические, военные, экономические и культурные связи между обеими странами. Произошло увеличение штата английского посольства в Москве, появились военные миссии — армейская, морская и воздушная. В СССР зачастили различные делегации. В это же время в Москву прибыли дипломатические представители многих стран, ранее оккупированных немцами, — Польши, Чехословакии, Греции, Югославии, Норвегии, Голландии, Бельгии, эмигрантские правительства которых в тот период нашли убежище в Англии.

Английские разведывательные органы не замедлили воспользоваться новыми возможностями и заметно активизировали свою шпионскую деятельность против Советского Союза. Через многочисленные легальные каналы англичане стали забрасывать своих кадровых разведчиков и агентуру в СССР. Они включали их в состав различных дипломатических и военных представительств и миссий. Всего за время Отечественной войны в СССР побывали не менее 200 английских разведчиков.

НКГБ СССР в период войны выявил английские резидентуры «Интеллидженс сервис», разведки министерства экономической войны, военной разведки, военно-

морской разведки, военно-воздушной разведки, политической разведки МИДа, разведки министерства информации. Каждая из этих резидентур имела свои специфические задачи, но все они действовали в тесном контакте между собой. Их деятельность координировалась и направлялась старым опытным разведчиком — послом Великобритании в СССР Арчибальдом Кэрром.

Например, резидентуру «Интеллидженс сервис» возглавлял один из ответственных работников английского посольства, который под этим прикрытием вел исключительно разведывательную работу. Он почти не занимался дипломатическими делами посольства. Для разведывательной работы использовал сотрудников английского посольства, а также сотрудников миссии и посольств других государств. Он активно привлекал к сотрудничеству работников дипломатических учреждений тех стран, которые были оккупированы фашистской Германией, а их правительства находились в Лондоне. Шел сбор разведывательных данных об экономическом состоянии нашей страны, о ее материальных ресурсах и продовольственном положении, политико-моральном состоянии населения, о Красной Армии и флоте, их вооружении, дислокации и т. д.

В состав резидентуры военной разведки входили кадровые английские разведчики, занимающие различные посты в армейской секции английской военной миссии. Большинство работников этой резидентуры главным образом собирали разведывательные данные о Красной Армии, а также об экономическом и политическом положении СССР.

В резидентуре разведки Королевского военно-воздушного флота работали офицеры из состава воздушной секции английской военной миссии в Москве. Резидентура военно-морской разведки состояла из офицеров разведки, прибывших в СССР под видом сотрудников морской секции английской военной миссии. Она имела три ячейки: московскую, архангельскую и мурманскую, причем московская контролировала деятельность остальных.

В задачу резидентуры политической разведки министерства иностранных дел входил сбор сведений политико-дипломатического характера как среди сотрудников иностранных представительств, так и среди советских граждан.

Резидентура министерства информации была создана, в частности, английскими разведчиками Джоном Лоуренсом и Джоржем Ривеем, легально прибывшими в СССР в качестве сотрудников редколлегии издающегося в Москве журнала «Британский союзник». Наряду с выпуском журнала, устройством выставок они собирали сведения об СССР. Работа в журнале давала возможность завязывать знакомства с советскими людьми, получать информацию по различным вопросам, касающимся положения и жизни в СССР. Разведчики интересовались состоянием экономики и финансов нашей страны, материальным обеспечением и настроениями населения, в особенности советской интеллигенции, направлением пропаганды как внутри нашей страны, так и за ее пределами. Они также пытались добыть материалы о культурно-экономической жизни союзных республик и пограничных областей, интересовались национальным вопросом в СССР.

Надо отдать должное англичанам. Хотя у них и не работал Джеймс Бонд, тем не

менее, резидентурами разведывательных органов, как правило, были опытные кадровые разведчики, которые окончили в Англии специальные разведывательные школы. Значительная часть установленных нами разведчиков окончила так называемую лондонскую «школу славяноведения».

Программа «школы славяноведения», в которую набирались исключительно молодые офицеры, нацеленные на работу против СССР, состояла из таких дисциплин, как русский язык, история, география и этнология СССР, сельское хозяйство СССР, советская разведка, отношение СССР к западным славянам, партизанские методы ведения войны, русские революционные партии, Иран в свете советско-иранских договоров, военная промышленность СССР, госбезопасность, Белое море и Сибирское побережье, армия СССР и т. п.

Чтобы представить, кто занимался разведывательной деятельностью в СССР, достаточно назвать некоторых англичан. Вот, скажем, бригадный генерал Хилл родился в семье крупного купца, торговавшего с царской Россией, в детстве жил в Москве, в 1914 году был членом английской военной миссии в России, в 1918 году находился в Москве на нелегальном положении и являлся участником заговора Локкарта. Этот заговор известен тем, что он был организован в Петрограде в 1918 году дипломатическими представителями в Советской России англичанином Робертом Локкартом, французом Жозефом Нулансом и американцем Дэвидом Фрэнсисом в контакте с русскими контрреволюционерами в целях свержения Советской власти. С 1921 по 1926 года Хилл вел разведывательную работу против СССР из Константинополя и Софии. Хорошо изучил Советский Союз, в частности УССР, Крым и Грузию. В совершенстве владел русским языком.

А, к примеру, помощник коммерческого атташе английского посольства Виктор Булмер, позднее коммерческий атташе, до Октябрьской революции жил в России, имел шерстяную фабрику в Ленинграде, которая была конфискована. В 1918 году бежал в Финляндию, а затем переехал в Англию. В 1930–1931 годах работал в Лондонском отделении Центросоюза. Женат был на русской. В совершенстве владел русским языком.

Майор английской разведывательной службы Виктор Свои работал под прикрытием должности бухгалтера редакции журнала «Британский союзник». Родился он в Одессе, по матери русский, его отец был директором английских заводов сельскохозяйственных орудий в Одессе и Елизаветграде, после Октябрьской революции бежал в Турцию, в совершенстве владел русским языком.

Практически все английские разведчики были хорошо подготовленными специалистами, они в совершенстве знали свое дело, обладали навыками конспирации, ухода от слежки, досконально знали русский язык. Они собирали сведения о количестве и вооружении Красной Армии, воинских соединениях, укреплениях, аэродромах, состоянии и дислокации военно-морских баз, портов, боевых кораблей флотов, о ледокольном флоте, морском, речном и железнодорожном транспорте, о промышленных предприятиях оборонного значения, состоянии сельского хозяйства, о политических настроениях различных слоев населения Советского Союза и др.

Союзные отношения Англии с Советским Союзом вынуждали английскую разведку действовать на территории СССР весьма осторожно. Вследствие этого английские разведчики, как правило, практиковали личное наблюдение, а советских граждан использовали главным образом втемную. Большое количество сотрудников английского посольства и миссий в Москве, Архангельске, Мурманске, а также многочисленные приезды различных делегаций и представителей позволяли английской разведке собирать интересующие ее сведения путем наблюдательной разведки. Этим они занимались под видом загородных прогулок, используя для прикрытия советских девушек. Во время таких прогулок они обычно посещали интересующие их районы, иногда проникали в запретные зоны, фотографируя промышленные или оборонные объекты. Поездки по железным дорогам якобы по служебным делам также использовались для разведки. Кроме того, англичане систематически и тщательно изучали центральную и местную периодическую прессу, а также радиопередачи. Наряду с наблюдательной разведкой английские разведчики стремились завязать широкие связи с советскими гражданами и иногда их использовали. Для этого некоторые сотрудники английской военной миссии, владеющие русским языком, ходили по ресторанам и пивным, заводили там знакомства с советскими офицерами, спаивали их за свой счет и из разговоров с ними пытались черпать нужные сведения.

Под видом установления культурных связей англичане завязывали знакомства с профессорами, врачами, артистами, писателями, которых приглашали к себе на обеды. Обычно на таких приемах присутствовали опытные разведчики, владеющие русским языком, и в завуалированной форме опрашивали гостей по различным интересующим их вопросам хозяйственной и политической жизни страны.

Наряду с использованием советских людей втемную англичане занимались и вербовкой советских граждан, привлекая для разведывательной работы антисоветски настроенных или морально разложившихся лиц, прибегая в отдельных случаях к шантажу и подкупу. Особенно большое внимание англичане уделяли моральному разложению советских девушек. Они прибегали к инсценированию любовных отношений, заваливали их продуктами, одеждой, обувью, обещали жениться, перевести в английское подданство и увезти в Англию, спаивали их и обрабатывали в антисоветском духе.

О методах, применяемых английской разведкой при вербовке агентуры, была составлена специальная инструкция. Ею руководствовалась английская военноморская миссия в Мурманске. Как было установлено, большинство советских граждан, привлеченных англичанами к разведывательной деятельности, обрабатывалось согласно этой инструкции, в которой расписывалось, как вести себя с разными возрастными группами, как имитировать любовные отношения, близкую дружбу, как передавать мнимые секреты известным людям и получать от них действительные секреты и т. д.

Англичане вербовали свою агентуру главным образом из людей, враждебно настроенных к Советской власти.

Помимо шпионажа английская разведка в СССР во время войны вела активную работу по распространению антисоветских провокационных слухов, например о

предстоящем изменении политического и экономического строя в СССР, о передаче англичанам в концессию некоторых отраслей промышленности и отдельных районов на севере Советского Союза и т. п. Наряду с инспирированием антисоветских слухов англичане пропагандировали свой образ жизни, рассказывали о «благополучии» населения своей страны. Такая пропаганда велась пресс-секцией английского посольства через журнал «Британский союзник» и привозимую в СССР специально подобранную литературу.

Корреспонденты английских газет, журналов и телеграфных агентств также проводили разведывательную работу. Занимаемое ими положение давало им возможность устанавливать связи в разных слоях общества и позволяло бывать в местах, недоступных для сотрудников посольства, например в прифронтовой и фронтовой полосе. Вращаясь в среде советских журналистов, писателей, артистов и музыкантов и располагая денежными средствами, которыми их снабжали английские разведывательные органы, они нередко собирали нужную информацию.

В тех случаях, когда в ходе разработки английского разведчика выяснялось, что он является для нас активным и опасным, ставилась задача скомпрометировать его и выдворить его из СССР или добиться его отзыва правительством своей страны.

В 1943 году в Москву в качестве помощника военного атташе канадского посольства прибыл полковник Окулич, русский по национальности. Было установлено, что он кадровый английский разведчик, активно ведет враждебную деятельность против СССР, передал английской разведке клеветнический доклад о положении в Советском Союзе. В результате посол, желая избавиться от Окулича, сам добился его отзыва из Советского Союза. Позднее мы получили сведения о том, что Окулич в Канаде работает в русском отделе разведки военного министерства, что подтвердило наши выводы о его принадлежности к английским разведорганам.

Располагая этими и другими подобными сведениями, НКГБ СССР было принято решение, что борьба с английской разведкой является одной из главных задач органов государственной безопасности. Таким образом двучленным отношениям ставился заслон.

Глава 19. Тегеранская, Потсдамская, Ялтинская конференции и НКВД

И военная, и политическая разведка сыграли большую роль в подготовке и проведении нашей страной Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, совещаний и встреч министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции в 1943–1945 годах. Приказом НКВД СССР от 8 января 1945 года накануне Ялтинской конференции на меня было возложено быстрейшее разрешение вопросов работы центральных аппаратов НКВД— НКГБ СССР в проведении необходимых мероприятий по конференции в Москве. Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране и Ялте предшествовали неофициальные беседы, в которых участвовали Фитин и я — с одной стороны и глава американской военной миссии в Москве генерал Дин, контр-адмирал Олсен, посол США Гарриман, советник английского посольства Робертс — с другой. Мы оговаривали возможные подходы к решению спорных вопросов: обмен разведывательной информацией, взаимная выдача провалившейся агентуры и захваченных немецких военных специалистов, деликатные проблемы возможного послевоенного урегулирования в странах Восточной Европы. Гарриман, в частности, не возражал против идеи создания коалиционного правительства в послевоенной Польше, предложенной Сталиным и Молотовым.

Эти последние встречи с представителями американской и английской разведки как бы подвели итоги сотрудничества спецслужб союзников в годы войны. Наиболее результативным оно оказалось в Афганистане, где резиденту нашей разведки Алахвердову удалось парализовать действия немецкой агентуры в приграничных районах. Совместно с англичанами была разгромлена агентурнодиверсионная сеть немецкой и японской разведки в Индии и Бирме. Высоко оценивая нашу поддержку действий английской разведки в Индии и Бирме, англичане, в свою очередь, выдали нам многих прогерманских агентов в Афганистане и Средней Азии, завербованных немцами для действий в нашем тылу.

Дальше общих рассуждений о совместных диверсионных операциях против немцев в Западной Европе с английскими и американскими спецслужбами дело не пошло. Однако мы наладили деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшими при штабе маршала Тито в Югославии. Подполковник Квашнин установил хорошие личные отношения с сыном Черчилля Рэндольфом и оказал большую помощь английским офицерам в выходе из немецкого окружения. Полученная от Квашнина информация имела важное значение в оценке намерений английских правящих кругов и в их послевоенной политике в Югославии.

Американские деловые круги проявляли интерес к возможным формам решения еврейского вопроса, предлагая финансовую помощь в восстановлении районов Гомеля в черте так называемой «еврейской оседлости» и Крыма, где предполагалось создать еврейскую республику. В неофициальных беседах с Гарриманом, проходивших в ресторане «Арагви» и записывавшихся на магнитофон, в качестве моего переводчика выступал наш агент влияния князь Януш Радзивилл,

компаньон семьи Гарриманов по финансовым операциям в Польше и странах Восточной Европы. Он вновь был арестован НКВД в Польше в январе 1945 года.

Накануне Ялтинской конференции под председательством вначале Голикова, а затем Берии, состоялось самое длительное за всю войну совещание руководителей разведки Наркомата обороны, Военно-Морского Флота и НКВД — НКГБ, Главный вопрос — оценка потенциальных возможностей германских вооруженных сил к дальнейшему сопротивлению союзникам — был рассмотрен в течение двух дней. Наши прогнозы о том, что война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и боеприпасов, оказались правильными. Последний, третий день работы совещания был посвящен сопоставлению имевшихся материалов о политических целях и намерениях американцев и англичан на Ялтинской конференции. Все мы согласились с тем, что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии нашей делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе.

Мы исходили из достоверной информации о том, что американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности быстрее вступления Советского Союза в войну с Японией. Прогноз НКВД и военной разведки о низкой способности японцев противостоять мощным ударам наших подвижных соединений в обход укрепленных районов, построенных японцами вдоль советской границы, подтвердился в августе 1945 года. Однако мы не предвидели, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии.

Накануне Потсдамской конференции наши оценки были еще более оптимистичны. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность для нас в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. Мы исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем мы сходились на том, что наше военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на тесный союз и сотрудничество с нами.

Наши военно-политические рекомендации по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной нами зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию, прогрессивную группу в немецком руководстве.

Практическим результатом решений нашего совещания в свете секретных протоколов, подписанных на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 года Молотовым, Холлом, Иденом, было также поручение заместителю начальника 1-го (разведывательного) управления НКГБ Короткову договориться с представителями разведслужб США и Англии о выдаче нам командного состава власовской армии, в частности Жиленкова, в обмен на передачу англичанам и американцам интересовавших их немецких генералов и адмиралов: речь шла и о находившемся у

нас в Москве в плену гросс-адмирале Редере.

Глава 20. В роли нежелательного свидетеля

После смерти Сталина наступили новые времена. Они коснулись судеб многих людей. Не прошли они и мимо меня.

5 августа 1953 года меня вызвали в кабинет к заместителю министра внутренних дел Круглову и приказали принести агентурное дело Стаменова, болгарского посла в Москве в 1941–1944 годах, агента НКВД, которого я курировал. Без всякого объяснения Круглов сказал, что нас ждут в «инстанции», — это означало, что мы едем в Кремль. Мы проехали через Спасские ворота и повернули направо к знакомому мне зданию Совета Министров. Там мы прошли тем же самым коридором, как в феврале 1953 года, когда я последний раз видел Сталина. Приняли нас весьма своеобразно. Мы с Кругловым сразу поняли: должно произойти что-то необычное. Вместо того чтобы пригласить министра и его подчиненного в кабинет, начальник секретариата Маленкова попросил Круглова остаться в приемной (такого не случалось при Сталине), а мне предложил пройти в бывший кабинет Сталина.

Это не было случайностью. Руководители страны отдавали себе отчет в том, что Круглов и Серов, возглавлявшие МВД, не были в курсе ряда важных деталей и обстоятельств в работе органов безопасности 1945–1953 годов, ибо МВД, возглавляемое ими, лишь взаимодействовало с МГБ при Абакумове и Игнатеве. Вполне возможно, что члены Президиума ЦК еще не решили для себя вопрос, стоит ли их посвящать в ряд особых акций внутри страны и за рубежом, в которых были лично замешаны, помимо Берии, Хрущев, Молотов, Маленков и Булганин — нынешние обвинители Берии.

В бывшем кабинете Сталина за столом заседаний Президиума ЦК сидели Хрущев, Молотов, Маленков, Булганин, Микоян и Ворошилов. Хотя считалось, что в качестве Председателя Совета Министров Маленков был главой коллективного руководства, приветствовал меня и предложил сесть не он, а Хрущев. По сложившейся практике на встречах такого рода было принято официальное обращение по фамилии с добавлением слова «товарищ». Однако Хрущев обратился ко мне иначе:

— Добрый день, товарищ генерал. Вы выглядите прямо как на картинке (я был в военной форме). Садитесь.

Потом он продолжал уже в обычной официальной манере партийного руководителя:

— Товарищ Судоплатов, вы знаете, что мы арестовали Берию за предательскую деятельность. Вы работали с ним многие годы. Берия пишет, что хочет с нами объясниться. Но мы не хотим с ним разговаривать. Мы пригласили вас, чтобы выяснить некоторые его предательские действия. Думаем, что вы будете откровенны в своих ответах перед партией.

Помолчав, я ответил:

— Мой партийный долг — представить руководству партии и правительства истинные факты. — Объяснив, что меня поразило разоблачение Берии как врага

народа, я добавил: — К сожалению, я узнал о его заговоре против правительства лишь из официального сообщения.

В разговор вступил Маленков и потребовал, чтобы я объяснил свое участие в тайных попытках Берии в первые месяцы войны установить контакт с Гитлером, чтобы начать мирные переговоры на основе территориальных уступок.

Стаменов был нашим давним агентом, ответил я. В начале войны, 25 июля, Берия вызвал меня к себе и приказал встретиться со Стаменовым. Мне надлежало использовать его для распространения дезинформации среди дипломатического корпуса в Москве. Дезинформация сводилась к тому, что мирное урегулирование с немцами на основе территориальных уступок вполне возможно. Я уточнил при этом, что Берия хотел встретиться со Стаменовым сам, но ему запретил Молотов. По своей инициативе Стаменов, чтобы произвести впечатление на болгарского царя, должен был передать эти слухи, сославшись на «надежный источник в верхах». На этот счет не было никакого письменного приказа. Я рассказал также, что с разрешения Молотова договорился об устройстве жены Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук СССР. Наша служба перехвата, имевшая доступ ко всем шифровкам Стаменова и дипломатической почте посольства, не обнаружила в сообщениях в Софию нашу дезинформацию — слух так и не вышел за пределы болгарского посольства. Операцию было решено свернуть.

Маленков прервал меня, предложив пройти в приемную и написать объяснительную записку по данному вопросу. Между тем в кабинет вызвали Круглова, а когда секретарь Маленкова доложил, что я уже написал объяснительную записку, меня снова пригласили в кабинет.

Позднее я узнал, что в показаниях Берии по этому эпизоду говорилось, что он получил от правительства приказ создать при помощи Стаменова условия, которые дали бы нам возможность маневра, чтобы выиграть время для собирания сил. Для этого решено было подбросить через Стаменова дезинформацию и помешать дальнейшему продвижению германских войск.

Хрущев огласил собравшимся мое объяснение, занявшее одну страничку. Молотов продолжал хранить молчание, и Хрущев снова взял инициативу в свои руки и предложил рассказать о моей работе при Абакумове и Берии в послевоенный период. И здесь, мне кажется, я допустил роковую ошибку.

После того как я обрисовал запланированные операции против военных баз НАТО, Хрущев попросил доложить о секретных ликвидациих. Я начал с акций против Коновальца и Троцкого, а затем перешел к специальным операциям в Минске и Берлине в годы войны. Я назвал четыре послевоенные акции: с Оггином, Саметом, Ромжой и Шумским — и в каждом случае указал, кто давал приказ о ликвидации, и что все эти действия предпринимались с одобрения не только Сталина, но также Молотова, Хрущева и Булганина. Хрущев тут же поправил меня и, обратившись к Президиуму, заявил, что в большинстве случаев инициатива исходила от Сталина и наших зарубежных товарищей. Наступившее неловкое молчание длилось целую минуту. Неожиданно я получил поддержку: Булганин сказал, что эти операции предпринимались против заклятых врагов социализма.

Хрущев закончил беседу, обратившись ко мне:

— Партия ничего против вас не имеет. Мы вам верим. Продолжайте работать. Скоро мы попросим вас подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза.

После этого он дал понять, что вопросов больше нет, и Круглов жестом показал, чтобы я ждал его в приемной. Я оставался там часа полтора, мое беспокойство постепенно росло. Я не поверил ни одному слову из того, что сказал мне Хрущев в заключение. Тяжелое впечатление произвели на меня враждебность Маленкова и молчание Молотова. Агентурное дело Стаменова, начатое в 1934 году, когда он был третьим секретарем болгарского посольства в Риме, мне так и не вернули. Я видел, как Молотов и Булганин внимательно его просматривали, когда я отвечал на вопросы. Оно потом осталось в Президиуме ЦК.

Я был сильно встревожен. Вероятность того, что Круглов выйдет из кабинета с приказом на мой арест, казалась вполне реальной. Наконец он появился и сделал знак следовать за ним. Уже в машине он сказал, чтобы я немедленно представил ему собственноручно написанный рапорт обо всех известных мне случаях ликвидации — как внутри страны, так и за рубежом, — в том числе и об отмене приказов. Речь шла об операциях, приказы о проведении которых или отмене исходили от Берии, Абакумова и Игнатьева.

У себя в кабинете я составил перечень всех известных мне специальных акций и ознакомил с ними полковника Студникова, секретаря партбюро 9-го отдела. В рапорте я перечислил только те операции, которые были мне лично известны и в которых я тем или иным образом был задействован. Затем попросил Студникова отнести документ в секретариат Круглова, так как хотел быть уверен, что у меня есть свидетель. А по министерству уже гуляли слухи, что моя служба несет ответственность за тайные массовые убийства, совершенные по приказу Берии.

После того как секретарь Круглова подтвердил, что Студников передал мой рапорт в запечатанном конверте, я отправился на дачу и рассказал жене о случившемся. Хотя мы старались сохранять оптимизм, она оказалась права, полагая, что, скорее всего, новое руководство рассматривает меня как активного соучастника всех дел Берии.

Через два — три дня я узнал от своего младшего брата Константина, что мое имя начало всплывать в протоколах допросов Берии, Кобулова и Майрановского. По вертушке мне позвонил генеральный прокурор Руденко и потребовал явиться к нему, чтобы, как он выразился, «прояснить некоторые известные вам существенные факты». Прежде чем отправиться к Генеральному прокурору на Пушкинскую улицу, я сказал себе: стреляться я не собираюсь и буду бороться до конца — я никогда не был ни сообщником Берии, ни даже человеком, входившим в его ближайшее окружение.

В Прокуратуре СССР я столкнулся в приемной с генералом армии, Героем Советского Союза Масленниковым, который вышел из кабинета Руденко. Мы кивнули друг другу, и я успел заметить, что лицо его было мрачным. В качестве

первого заместителя министра внутренних дел он командовал войсками МВД; звание Героя Советского Союза он получил как командующий фронтом во время войны. Я всегда относился к нему с большим уважением.

Обдумывая предложение насчет отпуска, я все больше склонялся к тому, что они, возможно, хотят арестовать меня без шума, вне Москвы и сохранить арест в тайне. Позднее я узнал потрясшую меня новость — Масленников застрелился в своем кабинете. После допросов о якобы имевшихся у Берии планах ввести в Москву войска МВД, находившиеся под его командованием, и арестовать все правительство. Такого плана в действительности не существовало, и Масленников решил: лучше покончить с собой, чем подвергнуться аресту. Так он защитил честь генерала армии.

В кабинете Руденко находился полковник юстиции Цареградский: за время беседы он не произнес ни единого слова и лишь аккуратно записывал вопросы Руденко и мои ответы. Руденко заявил, что получил указание от Центрального Комитета партии оформить мои объяснения, приобщив их затем к делу Берии, и сделал упор на то, что в моих объяснениях истории со Стаменовым содержатся ссылки на Сталина и Молотова. Их следует исключить, сказал он, и заменить ссылками на Берию, отдававшего вам все распоряжения и приказы, которые он получал в «инстанции». Я не возражал: ведь для каждого, кто был знаком с порядками тех времен, такая постановка вопроса считалась нормальной. Так, в своих докладных записках министру я никогда не писал, что предлагаю ту или иную акцию по распоряжению товарища Хрущева или Маленкова. Вместо имен и должностей говорили и писали «инстанция», которая и признавала целесообразным провести ту или иную операцию.

С самого начала мне не понравился тон и сами вопросы, которые задавал Руденко. Они были примерно такого рода:

— Когда вы получили преступный приказ Берии начать зондаж возможности тайного мирного соглашения с Гитлером?

Я тут же запротестовал, отметив, что такие выражения, как «преступный приказ», не использовались товарищами Маленковым и Хрущевым, когда они задавали вопросы и выслушивали мои объяснения. О преступных деяниях Берии я узнал лишь из официального сообщения правительства. Сам же я, как старший оперативный работник, не мог себе представить, что человек, назначенный правительством руководить органами безопасности, является преступником, ныне разоблаченным.

Моими запротоколированными ответами Руденко остался весьма недоволен. Хотя он и сохранил вежливость в обращении, но упрекнул меня за то, что я слишком официален и употребляю бюрократические выражения в разоблачении такого заклятого врага партии и правительства, как Берия. На Лубянку я возвращался, естественно, в самом мрачном настроении: вновь прокручивая в памяти беседу в прокуратуре, я пытался представить себе, что за этим последует. Я понимал, что будущее ничего хорошего мне не сулит, и был абсолютно прав.

Вскоре я узнал о переменах весьма зловещего характера. Первый заместитель

министра внутренних дел Серов объявил мне: 9-й отдел отныне больше не самостоятельное подразделение, а входит в состав Главного разведуправления, которое после ареста Берии возглавил Панюшкин. Это был самоуверенный, но лишенный всякой инициативы бюрократ, так и не приобретший никакого опыта в разведывательных операциях, несмотря на то, что был и послом, и резидентом в Китае, а затем в Вашингтоне в начале 50-х годов. Это явно шло вразрез с заверениями Хрущева о том, что я буду продолжать свою работу по-прежнему. Панюшкин и Серов старались выведать у меня как можно больше об оперативных планах моей службы. Хотя они и подтвердили, что я остаюсь заместителем начальника разведуправления, мне, к моему удивлению, предложили взять отпуск — отдохнуть, к примеру, в министерском санатории. Я согласился, но сказал, что скоро начинается учебный год, я мог бы взять отпуск после того, как дети пойдут в школу.

Ситуация была крайне напряженной. Жена позаботилась о том, чтобы дома у меня не было доступа к оружию, — она боялась, что я покончу жизнь самоубийством, чтобы избежать ареста и спасти семью от высылки в Сибирь. В эти дни нас навестил Райхман, уволенный Серовым через неделю после партактива по делу Берии. По словам Райхмана, у которого были связи в правительственных кругах, его заверили, что чистка будет ограничена лишь теми, кто уже арестован вместе с Берией, и он надеялся, что его и Эйтингона заставят только уйти в отставку. Мы оба хотели думать, что так и будет. Ведь мы никогда не принадлежали к числу лиц, близких к Берии, а те, кто действительно к ним относился, такие, как Круглов и Серов, по-прежнему находились у власти. Предположение Райхмана оказалось ошибочным.

Эйтингон, Елизавета и Василий Зарубины, Серебрянский, Афанасьев, Василевский и Семенов были отстранены от работы. Эйтингона и Серебрянского позже арестовали, а других уволили, хотя самому старшему из них было чуть больше пятидесяти. Семенов, известный своими героическими действиями в добывании атомных секретов для нашей страны, был изгнан из органов без пенсии. Через пол года после моего ареста из разведки уволили Зою Рыбкину. Ее послали служить в системе ГУЛАГ на Севере. В отставку она вышла в 1955 году, получив пенсию МВД, а не КГБ.

Эффект Камо

Прошло несколько дней. 21 августа 1953 года меня арестовали. Это была пятница. Я находился у себя в кабинете, когда позвонил дежурный офицер секретариата министерства и осведомился, не собираюсь ли я вызвать Эйтингона, моего заместителя, для оформления его пенсионного дела ввиду отсутствия в кадрах документов по зарубежным командировкам. Дежурный офицер, подполковник, то есть младше меня по званию, интересовался делом, которое не входило в его служебную компетенцию. Я понял: это плохое предзнаменование... Через какое-то время позвонил Эйтингон и сказал, что его вызвали в отдел кадров министерства, а у него разыгралась язва, поэтому он не может поехать. Я ответил, что не знаю, зачем его вызывали. Прошел час — в дверях кабинета появился майор Бычков, мой секретарь. Доставлен пакет, сказал он, с секретной личной директивой министра. В это время у меня на докладе был Студников, один из моих заместителей и секретарь парторганизации. Я приказал ему выйти из кабинета, и Бычков ввел трех офицеров.

Одного из них я знал — это был подполковник Гордеев, начальник службы, отвечавшей за аресты, задержания и обыски в особо важных случаях. Гордеев лично проводил аресты Вознесенского, члена Политбюро, Кузнецова, секретаря ЦК партии, Шахурина, министра авиационной промышленности, и других высших должностных лиц. Я сразу спросил, есть ли у них ордер на мой арест. Гордеев предъявил его и сказал, что приказ подписан Кругловым, а ордер — Серовым. Тогда я предложил не проходить через приемную, чтобы у сотрудников не вызвать панику, а выйти в другую дверь. Это было грубым нарушением закона, но они согласились. По всем правилам я должен был подписать акт о проведении обыска у себя в кабинете и оставаться на месте, пока он не будет закончен.

Мы спустились вниз с седьмого этажа во внутреннюю тюрьму, находившуюся в подвале Лубянки. Без соблюдения формальностей я заполнил регистрационную карточку и был заперт в тюремной камере как заключенный под номером восемь.

Я так волновался, что не запомнил того, что происходило вокруг меня. Помню только — у меня страшно разболелась голова, но, к счастью, в кармане обнаружил таблетки. Тут я сообразил, к своему удивлению, что меня даже не подвергли личному обыску, только проверили, нет ли при мне оружия. Наступило время обеда, я с трудом заставил себя съесть ложку супа, чтобы проглотить таблетку, и начал обдумывать свое положение. В этот момент открылась дверь, и двое надзирателей поспешно вывели меня в административный блок тюрьмы, где и обыскали. У меня отобрали все, включая таблетки от головной боли. Сняли с руки швейцарские часы-хронометр, купленные мной пятнадцать лет назад в Бельгии, и положили в нагрудный карман моего пиджака. Меня провели к закрытой тюремной машине, и в последний момент один из надзирателей выхватил из кармана мои часы. Это мелкое воровство потрясло меня: я не мог себе представить, что надзиратели особо секретной внутренней тюрьмы могут вести себя как карманники. Вот о чем я думал в тот момент, хотя мне становилось все яснее, что я обречен. Потом я вдруг подумал, что, может быть, смогу использовать кражу часов в свою пользу.

Меня доставили в Бутырскую тюрьму, где снова повторился обыск, затем

поместили в одиночную камеру, ничем не отличающуюся от камеры финской тюрьмы, где мне пришлось в молодые годы сидеть несколько месяцев. Первый допрос состоялся в тот же день, поздно вечером. Допрашивали меня Руденко и полковник юстиции Цареградский. Руденко грубым тоном объявил мне, что я арестован как активный участник заговора Берии, целью которого был захват власти, что я доверенное лицо и сообщник Берии в тайных сделках с иностранными державами против интересов Советского государства, что я организовал ряд террористических актов против личных врагов Берии и планировал теракты против руководителей Советского государства.

Выслушав эти чудовищные обвинения, я стал резко протестовать против незаконных в отношении меня как арестованного действий: я не присутствовал при обыске в своем кабинете, мне не дали опись изъятых при обыске вещей, и в завершение при доставке под конвоем в Бутырскую тюрьму у меня были похищены надзирателем швейцарские ручные часы-хронометр.

Руденко и Цареградский остолбенело уставились на меня, не веря собственным ушам. Наконец Руденко пришел в себя и сказал, что прикажет во всем разобраться. Пока оба были в замешательстве, я решил пойти дальше и выразить протест, что меня вопреки закону допрашивают в ночное время. Но Руденко был уже начеку и оборвал меня:

— Мы не будем придерживаться правил, допрашивая заклятых врагов Советской власти. Можно подумать, что у вас в НКВД соблюдались формальности. С вами, Берией и со всей вашей бандой будем поступать так же.

Копию протокола моего первого допроса от 21 августа 1953 года Руденко направил Маленкову. Я узнал об этом сорок лет спустя, когда советник президента Ельцина генерал-полковник Дмитрий Волкогонов показал этот документ моему сыну. Протокол, надо отдать должное Руденко, не содержал фальсификаций и сфабрикованных признаний. В нем зафиксировано, что я не признал предъявленные мне обвинения, что о «предательской» деятельности Берии мне стало известно из официального сообщения, и ни о каком заговоре в Министерстве внутренних дел я не знал. Правда, о моих протестах в протоколе не упоминалось.

На следующее утро в камере появился дежурный офицер с описью отобраанных у меня при обыске вещей, среди них были часы-хронометр. Я подписал документ.

На втором допросе, который, кстати, проходил днем, Руденко вежливо попросил меня рассказать биографию. Отвечая на его вопросы, я подчеркнул, что не имел никаких связей с Берией до назначения его в 1938 году в Центральный аппарат НКВД.

Внезапно Руденко предложил мне дать свидетельские показания против Берии: рассказать о его плане тайного сговора с Гитлером по заключению сепаратного мира при посредничестве болгарского посла Стаменова, о привлечении «английского шпиона» Майского для установления тайных контактов с Черчиллем и, наконец, о готовившихся терактах по уничтожению советского руководства с помощью ядов. Руденко добавил, что Берия также отменил приказ правительства о похищении главарей грузинской эмиграции в Париже, поскольку среди них был дядя его жены.

Помочь нам разоблачить злодейские планы Берии — ваш партийный долг, сказал он.

Во-первых, я не знал об этих чудовищных планах, ответил я, а во-вторых, Стаменов был нашим агентом, через него по приказу правительства запускалась дезинформация, рассчитанная на дипломатические круги и в конечном счете на немцев, о возможном мирном договоре с Гитлером на основе территориальных уступок, чтобы выиграть время, остановить наступление немецких войск. Что касается Майского, то последний раз я беседовал с ним в 1946 году, когда Берия уже не руководил органами госбезопасности, а занимался только разведкой по атомному оружию, и я не имел с ним с тех пор никаких связей. Предъявленная мне на допросе докладная британского сектора, в которой анализировались контакты Майского, подписанная Федотовым, одним из руководителей Комитета информации в то время, представляла собой обычный служебный документ и рассылалась всем руководителям разведслужб. Я также отрицал участие в террористических штанах против врагов Берии: в течение тридцатилетней службы в органах безопасности я делал все, зачастую рискуя жизнью, чтобы защитить правительство, государство и советских людей от наших общих врагов.

Руденко грубо прервал меня и предъявил еще одно обвинение: я не выполнил приказ Сталина и Маленкова о ликвидации таких злейших врагов Советского государства, как Керенский и Тито. Он сказал:

— Не питайте иллюзий, что если вы и Эйтингон много лет назад провели операции по ликвидации Троцкого и Коновальца, то это вас спасет. Партия и правительство предлагают вам сотрудничать с нами в разоблачении преступных действий Берии, и от того, как вы поможете нам, зависит ваша судьба. Если вы откажетесь сотрудничать с нами, то мы уничтожим не только вас, но и всю вашу семью. Сейчас вы являетесь заключенным номер восемь в составе группы из пятидесяти человек, арестованных по делу Берии.

За годы репрессий и показательных процессов я, конечно, знал, какими методами добывались признаний и лжесвидетельств. Ванников, заместитель Берии в спецкомитете по атомной проблеме, арестованный в 1941 году по приказу Сталина, рассказывал мне, что его избивали, лишали сна, пока он не дал ложное показание, что занимался саботажем.

Из следственных дел наших разведчиков, арестованных в 1937–1938 годах (их досье я просматривал в 1941 году, когда предложил Берии освободить из тюрем сотрудников с опытом работы и борьбы с противником за рубежом), я понял одно: хотя твоя судьба и predetermined, единственный способ сохранить человеческое достоинство и свое имя чистым — отрицать приписываемые тебе преступления, пока хватит сил. Вместе с тем я понимал, что, спасая себя и свою семью, я не должен проявлять скептицизм по поводу существования заговора Берии. Именно поэтому я заявил, что готов сообщить о всех известных мне фактах. Одновременно я продолжал настаивать, что ничего не знал о заговоре Берии и ликвидациих неудобных ему людей. Я сказал, что приказ о планировавшемся похищении главарей грузинской эмиграции в Париже и отмена его исходили от правительства, что и было подтверждено после ареста Берии на заседании Президиума ЦК КПСС 5 августа 1953 года министром Кругловым в моем присутствии.

Это была моя последняя встреча с Руденко. Через день допросы возобновились, но вел их теперь Цареградский, предъявивший мне официальное обвинение в заговоре с участием Стаменова с целью заключения тайного сепаратного мира с Гитлером; в создании особой группы при наркоме внутренних дел для совершения по приказам Берии тайных убийств враждебно настроенных к нему лиц и руководителей партии и правительства в сговоре с «сионистом» Майрановским, бывшим начальником «Лаборатории-Х», для совершения этих убийств с применением специальных ядов, которые нельзя обнаружить. По его словам, я использовал Майрановского, которого арестовали до меня, как якобы своего родственника и доверенное лицо для убийства врагов Берии на явочных конспиративных квартирах и дачах НКВД — МГБ.

К этим обвинениям он добавил еще участие в заговоре с целью захвата власти в стране и сокрытие от правительства информации о предательских действиях югославской «клики Тито» в 1947 и 1948 годах.

При этом использовались выбитые в Лефортовской тюрьме у подследственного заместителя министра госбезопасности Питовранова показания о моем потворствовании «изменническим действиям югославского руководства». В частности, речь шла о плане Берии использовать для побега на Запад бомбардировщик с военно-воздушной базы вблизи Мурманска. Я отверг эти домыслы и заявил: военно-воздушные силы мне не подчинялись, и поэтому я не мог помочь в осуществлении подобного плана. Упоминание о базе ВВС под Мурманском ясно показывало, как исказили операцию по успешной проверке системы ПВО НАТО. Полет нашего бомбардировщика дальнего действия над военными объектами в Норвегии позволил определить уязвимость американцев и англичан. Когда, почти 40 лет спустя, я встретился с полковником Зиминим, нашим офицером, поддерживавшим контакты с Генштабом, он рассказал мне, что тот полет едва не привел к его аресту. Известно, что Берия, как первый заместитель главы правительства, санкционировал этот полет, но не доложил Маленкову. Вот этот-то факт и был приведен как доказательство, что Берия хотел использовать военно-воздушную базу под Мурманском в случае провала его заговора.

Генерал-полковник Штеменко, заместитель начальника Генштаба, как инициатор этих «предательских планов», которому не было тогда еще и пятидесяти, вынужден был уйти в отставку. Хрущев и Маленков его пощадили — не хотели, чтобы перед судом по делу Берии предстали высшие военные чины. В действующую армию Штеменко вернул Брежнев почти 15 лет спустя для разработки планов военного вторжения в Чехословакию. Штеменко выполнил задание блестяще и получил за это звание генерала армии и Звезду Героя Советского Союза.

Цареградский предъявил мне обвинение в том, что я «самым трусливым и предательским» образом сорвал операцию по ликвидации Тито. Все протесты и требования дать мне возможность опровергнуть эти обвинения, конечно, игнорировались.

Цареградский инкриминировал мне связь с расстрелянными «врагами народа» — Шпигельглазом, Малли и другими разведчиками. Он старался представить меня их сообщником, заявляя, что Берия знал о существовании уличающих меня связей с

ними, но предпочел умолчать о них, чтобы надежнее завербовать меня в свою организацию заговорщиков. Обманывая партию и правительство, я получал якобы из рук Берии незаслуженно высокие награды за свою работу. При этом, сказал он, Берия скрыл от ЦК и правительства, что на меня есть множество компрометирующих материалов в Следственной части НКВД — МГБ, и добился моего назначения одним из руководителей советской разведки.

В годы войны я, по словам Цареградского, выполняя указания Берии, тайно заминировал правительственные дачи и загородные резиденции, а затем скрыл минирование этих объектов от Управления охраны Кремля, чтобы ликвидировать руководителей партии и правительства в подходящий для заговорщиков момент. Позднее я узнал, что в прокуратуру был вызван мой заместитель полковник Орлов, с которым мы работали вместе в годы войны — он являлся начальником штаба Особой группы войск при НКВД и командовал бригадой особого назначения. Ему приказали обследовать совместно с группой сотрудников правительственные резиденции в районе Минского шоссе в поисках заложенных по моему приказу мин. Поиски продолжались полтора месяца, никаких мин не обнаружили.

В действительности дело обстояло следующим образом. В октябре 1941 года мне было поручено руководить минированием дорог и объектов в Москве и Подмосковье, чтобы блокировать немецкое наступление под Москвой. Но после того как немцев отбили, мины были сняты, причем делалось все это под строгим контролем по детально разработанному плану. Очевидно, Хрущев и Маленков поверили этой байке о минировании их дач, состряпанной в прокуратуре или добытой ценой вынужденных признаний. Специальные группы саперов также пытались обнаружить «спрятанные» Берией в спецтайниках сокровища: их искали возле его дачи, на явочных квартирах и дачах НКВД в Подмосковье, но ничего не нашли.

На допросах меня не били, но лишали сна. Следовательские бригады из молодых офицеров, сменявшие друг друга, до пяти утра без конца повторяли один и тот же вопрос: признаете ли вы свое участие в предательских планах и действиях Берии?

Примерно через полтора месяца мне стало ясно, что признание вовсе не важно для Цареградского. Меня просто подведут под формальное завершение дела и расстреляют как неразоружившегося врага партии и правительства, упорно отрицающего свою вину. Однако я понял, что некоторые арестованные, например Богдан Кобулов, пытаются тянуть время. Цареградский показал мне выдержки из протокола его допроса: Кобулов не давал показаний о шпионаже, операциях с иностранными агентами, вместо этого он говорил, что аппарат Судоплатова «был засорен» подозрительными личностями. Опытный следователь, Кобулов старался создать впечатление, будто он сотрудничает с прокуратурой и может быть полезен ей в будущем. Для меня подобный вариант был неприемлем. Я понимал, что вхожу в список лиц и чинов МВД, подлежащих уничтожению. Обвинения против меня основывались на фактах, которые правительство страны рассматривало не в их истинном свете, а как повод, чтобы избавиться от меня — нежелательного свидетеля.

Пока шли допросы, я сидел в одиночной камере. Мне не устраивали очных ставок со свидетелями или так называемыми сообщниками, но у меня было чувство, что совсем рядом находятся другие ключевые фигуры по этому делу. Например, я узнал походку Меркулова, когда его вели на допрос по коридору мимо моей камеры. Я знал, что Меркулов был близок к Берии на Кавказе и позже в Москве, но в течение последних восьми лет не работал с ним, поскольку был снят с поста министра госбезопасности еще в 1946 году. Я понял, что Руденко получил указание оформить ликвидацию людей, которые входили в окружение Берии даже в прошлом. Я знал также, что Меркулов перенес инфаркт сразу после смерти Сталина и был серьезно болен. Если Берия планировал свой заговор, невозможно себе представить, чтобы Меркулов мог играть в нем сколько-нибудь серьезную роль.

На этом этапе следствия я решил действовать в духе советов, которые давал мой предшественник и наставник Шпигельглаз своим нелегалам, пойманным с поличным и не имевшим возможности отрицать свою вину; постепенно надо перестать отвечать на вопросы, постепенно перестать есть, без объявления голодовки каждый день выбрасывать часть еды в парашу. Гарантировано, что через две — три недели вы впадете в протрацию, затем полный отказ от пищи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем появится тюремный врач и поставит диагноз — истощение; потом госпитализация — и насильное кормление.

Я знал, что Шлигельглаза «сломали» в Лефортовской тюрьме. Он выдержал эту игру только два месяца. Для меня примером был Камо (Тер-Петросян), возглавлявший подпольную боевую группу, которая по приказу Ленина захватила деньги в Тбилисском банке в 1907 году и переправила их в Европу. Там Камо был схвачен немецкой полицией, когда его люди пытались обменять похищенные деньги. Царское правительство потребовало его выдачи, но Камо оказал пассивное сопротивление: притворился, что впал в ступор, в оцепенение, наблюдающееся при некоторых психозах, когда наступает резкое угнетение, выражающееся в полной неподвижности, молчаливости.

Лучшие немецкие психиатры указали на ухудшение его умственного состояния. Это спасло Камо. После четырех лет пребывания в немецкой тюремной психиатрической лечебнице он был выдан России для продолжения медицинского лечения в тюремном лазарете, из которого ему удалось бежать. После революции Камо работал в ЧК с Берией на Кавказе и погиб в Тбилиси в 1922 году: он ехал на велосипеде по крутой улице и буквально скатился под колеса автомобиля.

Как рассказывал Камо молодым чекистам, наиболее ответственный момент наступает тогда, когда делают спинномозговую пункцию, чтобы проверить болевую реакцию пациента и вывести его из ступора. Если удастся выдержать страшную боль, любая комиссия психиатров подтвердит, что вы не можете подвергаться допросам или предстать перед судом.

К концу осени я начал терять силы. Цареградский старался обмануть меня, говорил, что для меня не все потеряно: прошлые заслуги могут быть приняты во внимание. Но я не отвечал на вопросы, которые он мне задавал. Действительно, охватившее меня отчаяние было столь сильным, что однажды я швырнул алюминиевую миску тюремной баланды в лицо надзирателю. Вскоре в камере

появилась женщина-врач, я не отвечал ни на один вопрос, и она предложила перевести меня в больничный блок стационарного обследования.

В больничный блок меня доставили на носилках и оставили лежать в коридоре перед кабинетом врача. Неожиданно появилась группа заключенных уголовников, человека три или четыре, использовавшихся в качестве санитаров. Они начали орать, что надо покончить с этим легавым, и кинулись избивать меня. Я был слишком слаб, чтобы оказать сопротивление, и лишь увертывался, пытаюсь ослабить силу ударов. Избиение длилось несколько минут, но у меня сложилось твердое убеждение, что за этой сценой наблюдали из своих кабинетов врачи. Вернувшаяся охрана прогнала моих мучителей. Я понял: уголовникам было дано указание не бить меня по голове.

В палате меня стали насильно кормить. Об этом времени сохранились самые смутные воспоминания, потому что я находился фактически в полубессознательном состоянии. Через несколько дней пребывания в больнице мне сделали пункцию — боль на самом деле была ужасной, но я все же выдержал и не закричал.

Из записей, которые вела жена, следует, что я оставался в психиатрическом отделении больницы в Бутырках больше года. И все это время меня принудительно кормили. Я смог выжить только благодаря тайной поддержке жены. Через два — три месяца я начал чувствовать эту поддержку: каждую неделю в тюрьму доставлялась передача, и санитары выкладывали передо мной ее содержимое, чтобы пробудить аппетит, — свежие фрукты, рыбу, помидоры, огурцы, жареную курицу... Я видел, что еда, которую мне приносили, не походила на ту, что дают иногда особо важным заключенным, чтобы заставить их заговорить, и знал, глядя на фаршированную рыбу: ее могла приготовить только теща. Сердце наполнялось радостью: в семье все в порядке, можно не беспокоиться, а Цареградский говорил, что мои близкие высланы и отrekliсь от меня как от врага народа.

Спустя несколько месяцев медсестра, постоянно дежурившая в моей палате, сказала поразившие меня слова:

— Павел Анатольевич, я вижу, вы не едите помидоры. — И, посмотрев мне в глаза, добавила: — Я сделаю вам томатный сок. Он вас подкрепит. Люди говорят, чтобы выжить, это просто необходимо.

Так завязались между нами особые дружеские отношения. Во время своих дежурств она присаживалась ко мне на больничную койку и молча читала книгу. Однажды я обратил внимание на газету, в которую была завернута книга, и увидел сообщение о расстреле Абакумова. Это навело меня на мысль, что расстрелян, следовательно, и Берия, и все ответственные сотрудники, арестованные по его делу. Там же было несколько имен сотрудников МТБ гораздо ниже меня по званию. Что ж, решил я, пощады ждать не приходится. Значит, игру надо продолжать. Противясь принудительной кормежке — иногда это случалось при дружественно относившейся ко мне сестре, но чаще при других, — я нередко в борьбе с надзирателем, насильно кормившим меня, терял сознание от слабости. Но благодаря медсестре я знал теперь кое-что о том, что происходило на воле. Книги, которые она читала, оказывались обернутыми в газету с важной для меня информацией. Я понял: ход с газетой

придуман женой, которая смогла привлечь сестру на свою сторону. Каждую неделю жена появлялась в Бутырках — о ее визитах говорили передачи и небольшие денежные суммы, перечислявшиеся на мой счет.

Мне повезло, что я не попал в первую волну осужденных по делу Берии. Жены Берии, Гоглидзе, Кобулова, Мешика, Мамулова и других были арестованы и сосланы.

Вскоре после моего ареста Вера Спектор, наша соседка по дому (с ее мужем Марком Спектором в 20-х годах жена работала в Одесском ГПУ), встретила мою жену и жестом показала, что хочет с ней поговорить без свидетелей на черной лестнице. При встрече она сказала:

— Марк передает привет и просит, чтобы я обязательно сказала тебе: правительство отменило указ, по которому Министерство внутренних дел или любое другое ведомство имело право подвергать административной высылке членов семей врагов народа без соответствующего решения суда.

Хотя над женой всячески измывались и требовали, чтобы она освободила квартиру, она упорствовала и заявляла, что подчинится только решению суда.

Чрезвычайно важной оказалась ее встреча с самим Спектором, полковником госбезопасности в отставке. Это был весьма проницательный человек. Во время войны он возглавлял службу контрразведки ВМС на Северном флоте, а потом в течение года был заместителем начальника секретариата НКГБ — МГБ. Он перенес инфаркт и вышел в отставку в 1946 году, затем работал заместителем председателя Московской городской коллегии адвокатов.

Они встретились как бы случайно — в поликлинике МВД, а не у нас дома. Ко мне Спектор всегда относился с большой симпатией и прекрасно понимал, насколько абсурдны выдвинутые против меня обвинения. Когда до него дошли слухи о моем состоянии и о том, что я нахожусь фактически при смерти, он разработал план, как жене тайно установить со мной контакт. Марк устроил ей встречу с Волхонским, с которым мы с женой в свое время работали в Харькове в ГПУ Украины. Волхонский был заместителем начальника Главного управления мест заключения, и Бутырки также находились в его ведении. Узнав о моем критическом состоянии, Волхонский предложил следующий вариант: жена в заранее намеченный день, когда он будет вести прием родственников заключенных, явится к нему в кабинет в Бутырской тюрьме под предлогом, что не верит утверждениям, будто ее муж жив, и хочет знать, почему — в нарушение всех тюремных правил — администрация Бутырок требует для него еженедельных передач с деликатесными продуктами. Она действительно приносила по настоянию врачей буквально все, кроме спиртных напитков.

Волхонский настоятельно просил, чтобы она явилась в строго определенное время, дабы у него была возможность вызвать к себе недавно назначенную медсестру, которая постоянно дежурит в моей камере-палате. Это и была та самая удивившая меня медсестра, — молодая, лет двадцати пяти, добрая женщина.

— А дальше зависит от тебя, работай с ней и перевербуй ее на свою сторону, — напутствовал Волхонский.

В обязанности Марии Кузиной, вольнонаемной сотрудницы медчасти тюрьмы, входило докладывать начальству обо всех подозрительных контактах заключенных. Решили, что жена расскажет Марии об оклеветанном большевике, герое войны, и постарается добиться ее расположения. Со своей стороны, Волхонский предупредил жену, что может уделить на этот разговор не больше трех-четырёх минут.

Не прошло и месяца, как план удалось осуществить. В назначенное время Волхонский вызвал к себе дежурившую Марию и в присутствии жены одного из заключенных, как он выразился, попросил сообщить о состоянии его здоровья. Жена стала умолять сестру помочь мне и сделать все возможное для моего лечения. Она говорила, что речь идет о человеке, не раз рисковавшем своей жизнью в годы войны, когда он вел подпольную работу против немцев. Она обратилась с просьбой и к Кузиной, и к Волхонскому спасти мне жизнь, чтобы я смог предстать перед судом, который справедливо решит мою участь. Конечно, вся беседа записывалась на пленку и попала затем в мое тюремное дело, но внимание прокуратуры она не должна была привлечь.

После того как Волхонский подтвердил, что Марию глубоко взволновала моя судьба, жена раздобыла ее телефон и сумела установить с ней доверительные отношения. Она как могла старалась отблагодарить эту добросердечную женщину, помогая ей материально. Мы поддерживали с ней дружеские отношения и после моего освобождения.

В тюрьме я никогда не разговаривал с Марией — она только нежно сжимала мою руку, показывая, что в газетной обертке на очередной книге я найду нужную для себя информацию.

Так продолжалось около полугода, но вот неожиданно меня положили на носилки и в специальной медицинской машине под охраной отвезли на железнодорожный вокзал. Стояла зима 1955 года. С момента моего ареста миновало около полутора лет.

Двое вооруженных конвоиров в штатском пронесли меня в купированный вагон. Но куда отправлялся поезд? Этого я не знал. Однако, хотя была ночь, мне удалось прочесть табличку на вагоне: «Москва — Ленинград».

В купе разместились я и Мария. Сразу после отхода поезда конвоиры заперли дверь и удалились, сказав, что придут через полчаса. Я лежал на нижней полке, а Мария — на верхней. Не говоря ни слова, она протянула мне книгу, обернутую в «Правду» с той же статьей о расстреле группы Абакумова. В статье говорилось также об освобождении Маленкова от должности главы правительства, вместо него назначили Булганина. Эта информация была особенно важна для меня.

Настроение у меня поднялось. Теперь, когда сняли Маленкова, появилась слабая надежда, что я смогу каким-нибудь образом обратить эту ситуацию в свою пользу. Поскольку я был уверен, что купе прослушивается, то никак не комментировал статью и не пытался даже заговорить с Марией, которая снова, по обыкновению, тихонько сжала мне руку. Вскоре вернулась охрана в подпитии, а я, измученный напряжением и неопределенностью своего положения, уснул как убитый.

На Московском вокзале в Ленинграде нас встретила карета «Скорой помощи», и меня повезли в печально известные «Кресты» — тюрьму, которая в царское время использовалась для предварительного заключения. Одно крыло тюрьмы было превращено в психиатрическую больницу. Формальности здесь соблюдались довольно строго. Меня осматривал главный психиатр подполковник медицинской службы Петров, который впоследствии следил за «медицинским лечением» диссидента-правозащитника Владимира Буковского. И в мое время тюрьма была заполнена не только обычными уголовниками, но и политическими заключенными, некоторые из них находились здесь более 15 лет.

Петров, казалось, был вполне удовлетворен обследованием и поместил меня в палату вместе с генералом Сумбатовым, начальником хозяйственного управления госбезопасности, и Саркисовым, начальником охраны Берии. Я понимал, что палата прослушивается. Оба моих соседа показались мне психически больными людьми. Саркисов, бывший когда-то рабочим текстильной фабрики в Тбилиси, все время жаловался, что ложные обвинения в измене, предъявляемые ему, срывают срочное выполнение пятилетнего плана в текстильной промышленности. Он просил врачей помочь ему разоблачить прокурора Руденко, который мешает внедрению изобретенного им станка и увеличению производства текстиля, тем самым не дает ему получить звание Героя Социалистического Труда.

Сумбатов сидел на постели, плакал и кричал. Из бессвязных отдельных слов можно было понять, что сокровища Берии зарыты на даче Совета Министров в Жуковке под Москвой, а не вывезены контрабандой за границу. Вскоре его крики сделались еще громче. Сначала я думал, это реакция на уколы, но когда он умер, мы узнали, что у него был рак и его мучили невыносимые боли.

В «Крестах» я стал инвалидом. Там мне второй раз сделали спинномозговую пункцию и серьезно повредили позвоночник. Я потерял сознание, и лишь внутривенное питание вернуло меня к жизни. Особо тяжело я переносил электрошоковую терапию, она вызывала сильнейшие приступы головной боли.

Пробыл я в «Крестах» неделю, когда в Ленинград приехала жена. Это спасло меня, так как ей удалось призвать на помощь многих наших друзей, бывших сотрудников ленинградского МГБ. Больше всех помог дядя жены Кримкер, обаятельный человек необыкновенных способностей. Сменив в жизни не одну профессию, он в каждой добивался поразительных результатов. Начал он свою деятельность грузчиком в Одесском порту, затем стал нелегалом ГПУ сначала в Румынии, потом в Аргентине, где жили его родственники, а с середины 50-х годов перешел на крупную хозяйственную работу в Ленинграде, затем одно время был коммерческим директором Ленфильма. Его изобретательный ум придумал специальную диету для жидкого кормления и обеспечил мне регулярные передачи в палату, а чтобы снабжать меня информацией, жена и Кримкер придумали иносказательную форму для получения мной информации. Прием был прежний: книга в руках медсестры была обернута в письма, якобы адресованные ей родственником.

Так жена дала знать, что «старик» (Сталин) был разоблачен на общем собрании «колхозников» (XX съезд партии), «бухгалтеры» (те, кто был арестован вместе со

мною) плохо себя чувствуют, условия на «ферме» те же самые, но у нее достаточно денег и связей, чтобы продолжать все и дальше. Меня сбила с толку фраза: «никто не знает, когда Лев Семенович излечится от туберкулеза». Оказалось, что речь в письме шла о реальном человеке: Льве Семеновиче Рапопорте — дирижере театра Акимова. Он сдавал комнату детям моей медсестры, приехавшим учиться в Ленинград из деревни. Сделано это было из предосторожности, на тот случай, если бы письмо перехватили. Тогда можно было бы без труда доказать, что человек существует на самом деле. Я же думал, что Лев Семенович — мое зашифрованное имя и что власти рассматривают меня как действительно больного и, значит, надо оставаться в больнице и продолжать тянуть время.

Регулярные уколы аминазина делали меня подавленным, и мое настроение часто менялось. Свиданий с женой не было до конца 1957 года. Прокуратура, стремясь закрыть мое дело, разрешила свидания. В декабре мы виделись с женой семь раз. На каждом свидании присутствовали следователь Цареградский и двое врачей. Я не произносил ни слова, но на втором свидании не смог сдержать слез. Жена сказала, что с детьми все в порядке и в семье все здоровы. От Эмми я также узнал, что Райхман амнистирован, Эйтингон получил 12 лет, что никто не верит в мою вину, а ее по-прежнему поддерживают старые друзья и что мне следует начать есть. Я не отвечал ей. Я считал, что нам разрешили свидания, чтобы вывести меня из состояния ступора и доказать, что симулирую психическое заболевание, чтобы избежать расстрела.

Оглядываясь назад, однако, я не исключаю, что под влиянием мучительных процедур лечения я действительно мог находиться в состоянии реактивного психоза. Тем не менее, эксперты и лечащие врачи выразили определенные сомнения в оценке моего состояния. В одном из секретных заключений по моему делу записано, что «арестованный Судоплатов, находясь в условиях тюремной спецбольницы, по существу инкриминируемых деяний соблюдал должную конспирацию, в отдельных случаях переходил на поведение нормального типа». К делу подшито также агентурное донесение, что «з/к ел. Судоплатов вступил в речевой контакт, обнаружив сохранность интеллекта, цельность личности, способность суждений с использованием общественно-политической ориентации, особенно конспирации службы».

В секретном тюремном деле также записано, что «Судоплатов в отношении своей ситуации был активен, с врачом выяснял свои перспективы; исходя из болезненного перенесенного состояния и после трехдневного нормального поведения вновь впадал в состояние оцепенения (ступор), с отказом от пищи...»

Через месяц, однако, я начал есть твердую пищу, хотя передние зубы были сломаны из-за длительного принудительного кормления. Я начал поправляться и отвечать на простые вопросы. Условия моего содержания сразу улучшились — я стал получать солдатский рацион вместо тюремного. Вдобавок у меня были еще передачи из дома. В апреле 1958 года подполковник Петров объявил, что, исходя из моего состояния здоровья, можно возобновить следствие. В тюремном «воронке» меня привезли на вокзал и поместили в вагон, в котором перевозят заключенных. В Москве я вновь очутился в знакомой уже мне Бутырской тюрьме.

Я сразу почувствовал, как резко изменилась политическая ситуация в стране. Уже через два — три дня меня навестили несколько надзирателей и начальник тюремного корпуса — бывшие офицеры и солдаты Бригады особого назначения, находившейся под моим началом в годы войны. Они приходили поприветствовать и подбодрить меня, открыто ругали Хрущева за то, что он отменил доплату за воинские звания в МВД и тем самым поставил их в положение людей второго сорта по сравнению с военнослужащими Советской Армии и КГБ. Их также возмущало, что Хрущев отложил на 20 лет выплату по облигациям государственных займов, на которые все мы обязаны были подписываться на сумму от 10 до 20 процентов заработной платы. Я не знал, что им ответить, но благодарил за моральную поддержку и за возможность самому побриться — впервые за пять лет.

Глава 21. Оклеветанный и реабилитированный

Как расправлялись с нежелательными для властей свидетелями

Вскоре начались допросы. На этот раз уже не Цареградский вел мое дело (позже мне говорили, что его уволили из прокуратуры по подозрению во взяточничестве). Его сменил специальный помощник Руденко Преображенский, работавший в паре со старшим следователем Андреевым. Преображенскому было за 50, он ходил на костылях, что отразилось на его характере — сквалыжном и замкнутом. Он, кстати, вошел в историю борьбы властей с интеллигенцией, подготовив для Руденко записку в ЦК, что Борис Пастернак якобы вел себя на допросах трусливо. Угрюмость Преображенского составляла разительный контраст с манерой поведения Андреева. Андреев был моложе, всегда аккуратно одет, ироничен и часто позволял себе шуточки по поводу выдвинутых против меня обвинений. Он протоколировал допрос, не искажая моих ответов, и я почувствовал, что он начал симпатизировать мне, после того как выяснил, что к убийству Михоэлса я не имел никакого отношения, как и к экспериментам на людях, приговоренных к смерти, проводившимся сотрудниками токсикологической лаборатории. Суть моего дела, по словам Андреева, была ясна, но большого тюремного срока мне все равно не избежать, учитывая отношение высшего руководства к людям, работавшим с Берией. Он предположил, что мне дадут 15 лет.

Преображенский тем временем подготовил фальсифицированные протоколы допросов, но я отказался их подписать и вычеркнул все ложные обвинения, которые он мне инкриминировал. Затем Преображенский пытался шантажировать меня, заявив, что добавит новое обвинение — симуляцию сумасшествия, на что я спокойно ответил:

— Пожалуйста, но вам придется аннулировать два заключения медицинской комиссии, подтверждающие, что я находился в состоянии ступора и совершенно не годился для допросов.

В свою очередь, я обвинил Цареградского и Руденко в том, что они довели меня, лишая сна более трех месяцев и заключив в камеру без окон, до того состояния, из которого нельзя выйти без длительного лечения.

Преображенский все время пытался выбить из меня признания, но я не поддавался. В конце концов он объявил: «Следствие по вашему делу закончено». И вот в первый — и единственный! — раз мне дали все четыре тома моего следственного дела. Обвинительное заключение занимало две странички. Читая его, я убедился, что Андреев сдержал свое слово — из-за отсутствия каких-либо доказательств обвинение в том, что я пытался в сговоре с Берией участвовать в захвате власти, было снято. Обвинения в том, что я сорвал операцию покушения на жизнь маршала Тито и в 1947–1948 годах скрыл имевшиеся у меня данные о готовившемся им заговоре против нашей страны, также были сняты. В моем деле больше не фигурировали фантастические планы бегства Берии на Запад со специальной военно-воздушной базы под Мурманском при содействии генерала Штеменко. Не было и упоминания о Майрановском как о моем родственнике. Тем не

менее, обвинительное заключение представляло меня закоренелым злодеем, с 1938 года находившимся в сговоре с врагами народа и выступавшим против партии и правительства. Для доказательства использовались обвинения против сотрудников разведки, которые в начале войны были освобождены из тюрем по моему настоянию, и мои связи с «врагами народа» — Шпигельглазом, Серебрянским, Малли и другими, хотя все они, кроме Серебрянского, были к тому времени уже реабилитированы посмертно. С точки зрения закона обвинения эти потеряли юридическую силу, но никого данное обстоятельство не волновало.

Из первоначально выдвинутых обвинений осталось три:

первое — тайный сговор с Берией для достижения сепаратного мира с гитлеровской Германией в 1941 году и свержения советского правительства;

второе — как человек Берии и начальник Особой группы, созданной до войны, я осуществлял тайные убийства враждебно настроенных к Берии людей с помощью яда, выдавая их смерть за несчастные случаи;

третье — с 1942 по 1946 год я наблюдал за работой «Лаборатории-Х» — спецкамеры, где проверялось действие ядов на приговоренных к смерти заключенных.

В обвинении не было названо ни одного конкретного случая умерщвления людей. Зато упоминался мой заместитель Эйтингон, арестованный в октябре 1951 года, «ошибочно и преступно» выпущенный Берией на свободу после смерти Сталина в марте 1953 года и вновь осужденный по тому же обвинению — измена Родине — в 1957 году.

Обвинительное заключение заканчивалось предложением о слушании моего дела в закрытом порядке Военной коллегией Верховного суда без участия прокурора и защиты.

Я вспомнил, как жена во время свидания в «Крестах» говорила о Райхмане и упомянула, что практика закрытых судов без участия защиты, введенная после убийства Кирова, запрещена законом с 1956 года. Райхман сумел избежать тайного судилища и был поэтому амнистирован. Передо мной стояла непростая задача: как сказать Преображенскому, что мне известно о законе, запрещающем рассматривать дела без защитника? Ведь я был в коматозном состоянии.

Тогда я обратился к Преображенскому с письменным ходатайством мотивировать, почему вносится предложение слушать дело без участия защитника. Он ответил, что в обвинительном заключении нет необходимости вдаваться в столь мелкие подробности, и объявил мне под расписку решение об отказе в предоставлении адвоката. Я потребовал Уголовно-процессуальный кодекс, чтобы можно было реализовать конституционное право на защиту, но и это ходатайство было отвергнуто Преображенским также под расписку. Для меня было очень важно зафиксировать в письменной форме сознательное нарушение закона. Андреев, относившийся ко мне сочувственно, сказал, что было бы наивно с моей стороны рассчитывать, что к моему делу будет допущен адвокат.

После этого я обратился к заместителю начальника тюрьмы, моему бывшему

подчиненному в годы войны, с ходатайством предоставить мне Уголовно-процессуальный кодекс. Надзиратель сообщил, что мое ходатайство отклонено, но заместитель начальника тюрьмы готов принять меня и выслушать мои жалобы, касавшиеся условий содержания в тюрьме. Когда меня привели в его кабинет, который, конечно, прослушивался, мы ничем не выдали, что знаем друг друга. Он подтвердил, что мое ходатайство отклонено, но сказал, что я могу ознакомиться с инструкцией об условиях содержания подсудимых в тюрьме, прежде чем писать официальную жалобу. Я уловил в его фразе особенный смысл. На столе рядом с инструкцией лежало приложение, в котором было как раз то, что меня интересовало, — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1956 года об отмене особого порядка закрытого судебного разбирательства по делам о государственной измене без участия защиты.

Мое официальное заявление о предоставлении адвоката проигнорировали скорее всего по распоряжению «инстанций», то есть самого Хрущева, который к этому времени стал главой и партии, и правительства. Я решил подождать некоторое время и повторить свое требование о защитнике уже в ходе самого судебного разбирательства.

Чем дольше тянулась волокита, тем мне все понятнее становилось, почему вокруг меня сгустились такие черные непроницаемые тучи. Все, конечно же, упиралось в Хрущева. Видимо, моя фигура была для него вроде персоны нон грата. И этому были ясные и четкие объяснения. Я оказался одним из немногочисленных, а, возможно, и единственным свидетелем ряда его поступков, которые, предав их гласности, основательно перечеркивали образ чистого и святого коммуниста.

Помнится, в Черновцы, вскоре после того, как наши войска вошли в Западную Украину, была направлена группа капитана Адамовича. В ней был только что вновь привлеченный к работе после увольнения в 1938 году за связь с невозвращенцем Орловым Вильям Фишер, который известен теперь как Рудольф Абель. Черновцы находятся возле границы — между Буковиной (Галиция), с одной стороны, и польской территорией, в то время оккупированной немцами, — с другой. Группе предстояло наладить контакты с агентами, завербованными нами из числа этнических немцев, поляков и украинцев. Они должны были обосноваться в этих местах как беженцы от коммунистического режима, ищущие защиты на территориях, контролируемых немцами. Капитан Адамович выехал из Москвы в Черновцы, взяв с собой фотографии наших агентов в Польше и Германии, — их он должен был показать четырем агентам, которым надлежало узнать этих людей на предварительно назначенных рандеву в Варшаве, Данциге (Гданьск), Берлине и Кракове. На фотографиях были запечатлены наши сотрудники, действовавшие под прикрытием дипломатических служб, торговых представительств или журналистской деятельности в этих городах. В задачу Фишера (Абеля) входило обучить четырех агентов основам радиосвязи.

Однако после того, как Адамович был принят Серовым, возможно, в Черновцах, и договорился о материально-технической базе, необходимой для обучения агентов, он неожиданно исчез. Не найдя его, Серов изругал Фишера и доложил об исчезновении Адамовича Хрущеву. Фишер же, хотя и был сотрудником

группы, не догадывался о бюрократических интригах и полагал, что если он доложил о двухдневном отсутствии Адамовича начальнику местного НКВД, то ему незачем докладывать также и мне в Москву. Можете себе представить мое состояние, когда я был вызван в кабинет к Берии, который приказал доложить о том, как проходит операция Адамовича. Он был в ярости, когда я не смог сообщить ничего нового, кроме информации недельной давности.

Зазвонил телефон. Это был Хрущев. Он начал возмущенно попрекать Берию тем, что к нему на Украину засылают некомпетентных людей и изменников, вмешивающихся в работу украинского НКВД. По его словам, местные кадры в состоянии провести сами всю необходимую работу.

— Этот ваш Адамович — негодяй! — прокричал он в трубку. — Он, по нашим данным, сбежал к немцам.

Линия правительственной связи давала возможность и мне слышать его сердитые слова. Берии явно не хотелось в моем присутствии отвечать в той же грубой манере, и он по возможности мягко сказал:

— Никита Сергеевич, тут у меня майор Судоплатов, заместитель начальника нашей разведки. За операцию Адамовича отвечает лично он. На любые ваши вопросы вы сможете получить ответ у него.

Взяв трубку, я начал объяснять, что Адамович компетентный работник, хорошо знает Польшу. Но Хрущев не стал слушать моих объяснений и оборвал меня. Он был убежден, что Адамович у немцев и его следует немедленно найти или выкрасть. Далее он заявил, что сломает мою карьеру, если я буду продолжать упорствовать, покрывая таких бандитов и негодяев, как Адамович. В сердцах он швырнул трубку, не дожидаясь моего ответа.

Реакция Берии была сдержанно официальной.

— Через два дня, — отчеканил он, — Адамович должен быть найден — живой или мертвый. Если он жив, его следует тут же доставить в Москву. В случае невыполнения указания члена Политбюро вы будете нести всю ответственность за последствия с учетом ваших прошлых связей с врагами народа в бывшем руководстве разведорганов.

Я вышел из кабинета с тяжелым чувством. Через десять минут мой телефон начал трезвонить не переставая. Контрразведка, погранвойска, начальники райотделов украинского и белорусского НКВД — все требовали фотографии Адамовича. По личному указанию Берии начался всесоюзный розыск. Прошло два дня, но на след Адамовича напасть так и не удалось. Я понимал, что мне грозят крупные неприятности. В последний момент, однако, я решил позвонить проживавшей в Москве жене Адамовича. По сведениям, которыми я располагал, в ее поведении за последние дни не было замечено ничего подозрительного. Как бы между прочим я осведомился, когда она в последний раз разговаривала со своим мужем. К моему удивлению, она поблагодарила меня за этот звонок и сказала, что ее муж два последних дня находится дома — у него сотрясение мозга и врачи из поликлиники НКВД запретили ему вставать с постели в течение по крайней мере нескольких дней, я тут же позвонил генералу Новикову, начальнику медслужбы

НКВД, и он подтвердил, что все так и есть на самом деле.

Надо ли описывать испытанное мной облегчение? Докладывая Берии как обычно в конце дня, я сообщил, что Адамович находится в Москве.

— Под арестом? — спросил Берия.

— Нет, — ответил я и начал объяснять ситуацию.

Мы были в кабинете одни. Он грубо оборвал меня, употребляя слова, которых я никак не ожидал от члена Политбюро. Разъяренный, он описывал круги по своему огромному кабинету, выкрикивая ругательства в адрес меня и Адамовича, называя нас болванами, безответственными молокососами, компрометирующими НКВД в глазах партийного руководства.

— Почему вы молчите? — уставился он на меня, неожиданно прервав свою тираду.

Я ответил, что у меня страшная головная боль.

— Тогда немедленно, сейчас же, — бросил Берия, — отправляйтесь домой.

Прежде чем уйти, я заполнил ордер на арест Адамовича и зашел к Меркулову, который должен был его подписать. Однако когда я объяснил ему, в чем дело, он рассмеялся мне в лицо и порвал бумагу на моих глазах. В этот момент головная боль стала совсем невыносимой, и офицер медслужбы отвез меня домой. На следующее утро позвонил секретарь Берии, он был предельно краток и деловит — нарком приказал оставаться дома три дня и лечиться, добавив, что хозяин посылает мне лимоны, полученные из Грузии. Расследование показало: Адамович, напившись в ресторане на вокзале в Черновцах, в туалетной комнате ввязался в драку и получил сильный удар по голове, вызвавший сотрясение мозга. В этом состоянии он сумел сесть на московский поезд, забыв проинформировать Фишера (Абея) о своем отъезде. В ходе драки фотографии, которые ему нужно было показать четырем нашим агентам, оказались потерянными. Позднее их, правда, обнаружили на вокзале сотрудники украинского НКВД, полагавшие, что драку специально затеяли агенты абвера, пытаясь похитить Адамовича. Дело кончилось тем, что Адамовича уволили из НКВД и назначили сперва заместителем министра иностранных дел Узбекистана, а затем и министром, Я видел его еще один раз на театральной премьере в Москве в начале 50-х, но мы не поздоровались друг с другом.

К несчастью, мой конфликт с Серовым и Хрущевым на этом не закончился. Серов был замешан в любовной истории с известной польской оперной певицей Бандровска-Турска. В Москве он объявил о том, что лично завербовал ее. Все были в восторге — ведь певица пользовалась европейской славой и часто перед войной гастролировала в Москве и в других европейских столицах. Эйфория, однако, скоро прошла: с согласия Серова она выехала в Румынию, где наотрез отказалась встретиться в Бухаресте с нашим резидентом — советником полпредства. И Хрущев, и Берия получили тогда письмо от сотрудников украинского НКВД, обвинявших Серова в том, что он заводит шашни под видом выполнения своих оперативных обязанностей.

Серова срочно вызвали в Москву. Мне довелось быть в кабинете Берии в тот

момент, когда он предложил Серову объяснить свои действия и ответить на обвинения в его адрес. Серов сказал, что на роман с Бандровска-Турска он получил разрешение от самого Хрущева, и это было вызвано оперативными требованиями. Берия разрешил ему позвонить из своего кабинета Хрущеву, но как только тот услышал, откуда Серов звонит, он тут же начал ругаться:

— Ты, сукин сын, — кричал он в трубку, — захотел втянуть меня в свои любовные делишки, чтобы отмазаться? Передай трубку товарищу Берии!

Мне было слышно, как Хрущев обратился к Берии со словами:

— Лаврентий Павлович! Делайте все, что хотите, с этим желторотым птенцом, только что выпорхнувшим из военной академии. У него нет никакого опыта в серьезных делах. Если сочтете возможным, оставьте его на прежней работе. Нет — наказывайте, как положено. Только не впутывайте меня в это дело и в ваши игры с украинскими эмигрантами.

Берия начал ругать Серова почем зря, грозясь уволить из органов с позором, называя мелким бабником, всячески оскорбляя и унижая. Честно говоря, мне было крайне неловко находиться в кабинете во время этой гневной тирады. Затем Берия неожиданно предложил Серову обсудить со мной, как можно выпутаться из этой неприятной истории. Мы пришли к выводу, что Серову не следует предпринимать попыток связаться с Бандровска-Турска — ни по оперативным, ни по каким-либо иным поводам. Ее отъезд в Румынию являлся весьма прискорбным фактом, поскольку выступления певицы во Львове или в Москве могли бы произвести благоприятное впечатление на общественное мнение в Польше и Западной Европе. В конце 1939-го и начале 1940 года важно было продемонстрировать, что ситуация в Галиции нормальная и обстановка вполне здоровая. В этом плане бегство певицы в Румынию являлось ударом по репутации Хрущева, не перестававшего утверждать, что Москве нечего беспокоиться, поскольку советизация Западной Украины проходит удовлетворительно, о чем свидетельствует, дескать, и та поддержка, которую оказывают этому процессу видные деятели украинской и польской культуры.

Престиж Хрущева пострадал и в результате других инцидентов. Например, в 1939 году из Испании вернулся один из командиров наших партизанских формирований, капитан Прокопюк. Опытный оперативник, он вполне подходил для назначения на пост начальника отделения украинского НКВД, в задачу которого входила подготовка сотрудников к ведению партизанских операций на случай войны с Польшей или Германией. Услышав о нашем предложении, Хрущев тут же позвонил Берии с решительными возражениями. Берия вызвал к себе своего зама по кадрам Круглова и меня, так как именно я подписал представление на Прокопюка. Возражения Хрущева вызваны были, как выяснилось, тем, что в 1938 году брат Прокопюка, член коллегии наркомата просвещения Украины, был расстрелян как «польский шпион». Хрущев слышал, как Берия отчитывал Круглова и меня за то, что мы посылаем в Киев человека пусть в профессиональном плане и компетентного, но не приемлемого для местного партийного руководства.

Здесь мне хотелось бы сказать о том, кого Хрущев считал «приемлемым». Это

Успенский, которого Хрущев ранее взял с собой на Украину в качестве главы НКВД. В Москве он возглавлял управление НКВД по городу и области и работал непосредственно под началом Хрущева. На Украине Успенский в 1938 году проводил репрессии, в результате которых из членов старого состава ЦК КПУ — более 100 человек — лишь троих не арестовали.

Успенский, как только прибыл в Киев, вызвал к себе сотрудников аппарата и заявил, что не допустит либерализма, мягкотелости и длинных рассуждений, как в синагоге. Кто не хочет работать с ним, может подавать заявление. Кстати, некоторые из друзей жены так и сделали, воспользовавшись этим предложением. В присутствии большой аудитории Успенский подписал их заявления о переводе в резерв или назначение с понижением в должности — за пределами Украины. Успенский несет ответственность за массовые пытки и репрессии, а что касается Хрущева, то он был одним из немногих членов Политбюро, кто лично участвовал вместе с Успенским в допросах арестованных.

Во время репрессий 1938 года, когда Ежов потерял доверие Сталина и началась охота за «чекистами-изменниками», Успенский пытался бежать за границу. Он захватил с собой несколько чистых паспортов и скрылся, инсценировав самоубийство, но тело «утопленника» не обнаружили. Хрущев запаниковал и обратился к Сталину и Берии с просьбой объявить розыск Успенского. Поиски велись весьма интенсивно, и вскоре мы поняли, что жена Успенского знает: он не утонул, а где-то скрывается. Она своим поведением не то чтобы прямо выдала его, но нам это стало ясно. В конце концов он сам сдался в Сибири после того, как заметил в Омске группу наружного наблюдения.

С тех пор, как только речь заходила об использовании кого-либо из офицеров украинского НКВД, наше руководство тут же ссылалось на дело Успенского, напоминая слова, сказанные в этой связи Хрущевым:

— Никому из чекистов, кто с ним работал, доверять нельзя.

Между тем во время допроса Успенский показал, что они с Хрущевым были близки, дружили домами, и всячески старался всех убедить, что был всего лишь послушным солдатом партии. Поведение Успенского сыграло роковую роль в судьбе его жены — ее арестовали через три дня после того, как он сдался властям. Приговоренная к расстрелу за помощь мужу в организации побега, она подала прошение о помиловании, и тут, как рассказывал мне Круглов, вмешался Хрущев: он рекомендовал Президиуму Верховного Совета отклонить ее просьбу о помиловании.

Эта история произвела на меня сильное впечатление. Круглов, хорошо знакомый с практикой работы Центрального Комитета (до НКВД он работал в аппарате ЦК), подтвердил, что члены Политбюро могли лично вмешиваться в решение судеб людей, особенно членов семей врагов народа. Я впервые узнал, что вмешательство в этих случаях направлено не на спасение жизни невинных людей, а является способом избавления от нежелательных свидетелей. В архивах в списке жен видных деятелей партии, Красной Армии и НКВД, приговоренных к расстрелу, я нашел также имя жены Успенского. Ее смертный приговор, как и приговоры другим женам репрессированных руководителей, сначала утверждался высшими

партийными инстанциями.

Последняя моя встреча со следователем, ведущим мое дело, кончилась для меня неожиданным поворотом. Преображенский вдруг потребовал, чтобы я написал об участии Молотова в зондаже Стаменова. Меня это крайне озадачило, и я понял, что Молотов сейчас, должно быть, не в фаворе. Я ничего не знал об «антипартийной группе», отстраненной от руководства в 1957 году, куда входили Молотов, Маленков и Каганович. Моя записка явно произвела на Преображенского впечатление, особенно сообщение, что Молотов устроил на работу жену Стаменова в Институт биохимии Академии наук СССР к академику Баху. Я также вспомнил, что с Молотовым консультировались насчет подарков, которые Стаменов вручал у себя на родине царской семье. Реакция следователя укрепила мою надежду, что, несмотря на закрытое заседание, меня оставят в живых как свидетеля против Молотова.

Тридцать три — таково было число моих заявлений, направленных Хрущеву, Руденко, секретарю Президиума Верховного Совета СССР Горкину, Серову, ставшему председателем КГБ, и другим с требованием предоставить мне защитника и протестом по поводу грубых фальсификаций, содержащихся в выдвинутых против меня обвинениях. Ни на одно из них я не получил ответа.

Обычно, когда следствие на высшем уровне по особо важным делам завершалось, дело незамедлительно передавалось в Верховный суд. В течение недели или в крайнем случае месяца я должен был получить уведомление о том, когда состоится слушание дела. Но прошло три месяца — и ни слова. Только в начале сентября 1958 года меня официально уведомили, что мое дело будет рассматриваться Военной коллегией 12 сентября без участия прокурора и защиты. Я был переведен во внутреннюю тюрьму Лубянки, а затем в Лефортово. Через много лет я узнал, что генерал-майор Борисоглебский, председатель Военной коллегии, трижды отсылал мое дело в прокуратуру для проведения дополнительного расследования. И трижды дело возвращали с отказом.

Сейчас мне кажется, что моя судьба была предрешена заранее, но никто не хотел брать на себя ответственность за нарушение закона в период широковещательных заверений о соблюдении законности, наступивший после смерти Сталина и разоблачений Хрущевым его преступлений на XX съезде партии. Позднее мне стало известно, что мои обращения к Серову и Хрущеву, в которых я ссылаясь на наши встречи в Кремле и на оперативное сотрудничество в годы войны и после ее окончания, вызвали быструю реакцию. Мой бывший подчиненный полковник Алексахин был сразу направлен в прокуратуру для изъятия всех оперативных материалов из моего дела, касавшихся участия Хрущева в тайных операциях против украинских националистов. Прокуратура заверила его, что ни в одном из четырех томов моего уголовного дела нет ссылок на Хрущева.

Полковник Алексахин был опытным офицером разведки, и, когда ему показали обвинительное заключение против меня, он прямо сказал военному прокурору, что обвинения неконкретны и сфальсифицированы. Младшие офицеры-следователи согласились с ним, но сказали, что приказы не обсуждаются, а выполняются — они поступают сверху.

Алексахин взял в прокуратуре три запечатанных конверта с непросмотренными оперативными материалами, изъятыми из моего служебного сейфа при обыске в 1953 году. Конверты он отдал в секретариат Серова и больше их никогда не видел. Я не могу вспомнить всего, что находилось у меня в сейфе, но знаю наверняка, что там были записи о санкциях тогдашнего высшего руководства — Сталина, Молотова, Маленкова, Хрущева и Булганина — на ликвидацию неугодных правительству лиц и, кроме того, записи по агентурным делам нашей разведки о проникновении через сионистские круги в правительственные сферы и среду ученых, занимавшихся исследованиями по атомной энергии.

Позднее, в 1988 году, когда Алексахин с двумя ветеранами разведки ходатайствовали о пересмотре моего дела, они сослались на этот эпизод. Им посоветовали молчать и не компрометировать партию еще больше, вытаскивая на свет Божий столь неблагоприятные дела.

В здание Верховного суда на улице Воровского меня привезли в тюремной машине. На мне не было наручников, и конвоирам КГБ, которые меня сопровождали, приказали ждать в приемной заместителя председателя Военной коллегии, то есть за пределами зала судебных заседаний. Им не разрешили войти в зал вопреки общепринятой процедуре. Я был в гражданском. Комната, куда я вошел, совсем не напоминала зал для слушания судебных дел. Это был хорошо обставленный кабинет с письменным столом в углу и длинным столом, предназначенным для совещаний, во главе которого сидел генерал-майор Костромин, представившийся заместителем председателя Военной коллегии. Другими судьями были полковник юстиции Романов и вице-адмирал Симонов. В комнате присутствовали также два секретаря — один из них, майор Афанасьев, позднее был секретарем на процессе Пеньковского.

Я сидел в торце длинного стола, а на другом конце располагались судьи — все трое. Заседание открыл Костромин, объявив имена и фамилии судей и осведомившись, не будет ли у меня возражений и отводов по составу суда. Я ответил, что возражений и отводов не имею, но заявляю протест по поводу самого закрытого заседания и грубого нарушения моих конституционных прав на предоставление мне защиты. Я сказал, что закон запрещает закрытые заседания без участия защитника по уголовным делам, где в соответствии с Уголовным кодексом речь может идти о применении высшей меры наказания — смертной казни, а из-за серьезной болезни, которую перенес, я не могу квалифицированно осуществлять свою собственную защиту в судебном заседании.

Костромин остолбенел от этого заявления. Судьи встревоженно посмотрели на председателя, особенно обеспокоенным казался адмирал. Костромин объявил, что суд удаляется на совещание для рассмотрения моего ходатайства, и возмущенно заметил, что у меня нет никакого права оспаривать процессуальную форму слушания дела. Тут же он попросил секретаря проводить меня в приемную.

Судьи совещались примерно час, и за это время мне неожиданно удалось увидеть тех, кто должен был выступить против меня в качестве свидетелей. Первым из них в приемной появился академик Муромцев, заведовавший ранее бактериологической лабораторией НКВД — МГБ, где испытывали

бактериологические средства на приговоренных к смерти вплоть до 1950 года. Я едва знал его и никогда с ним не работал, если не считать того, что посылал ему разведывательные материалы, полученные из Израиля по последним разработкам в области бактериологического оружия. Другим свидетелем был Майрановский: бледный и испуганный, он появился в приемной в сопровождении конвоя. На нем был поношенный костюм — сразу было видно, что его доставили прямо из тюрьмы. Мне стало ясно, что работа токсикологической «Лаборатории-Х» будет одним из главных пунктов обвинения в моем деле.

Увидев меня, Майрановский разрыдался. Он явно не ожидал застать меня в приемной, без конвоя, сидящим в кресле в хорошем костюме и при галстуке. Секретарь тут же приказал конвою вывести Майрановского и побежал докладывать Костромину. Он быстро вернулся и провел меня обратно в кабинет, где судьи уже ждали, чтобы продолжить заседание. Костромин объявил, что мое ходатайство о предоставлении защитника и заявление о незаконности слушания дела в закрытом заседании без участия адвоката отклонено лично председателем Верховного суда СССР. Это распоряжение только что получено по телефону правительственной связи. В том случае, если я буду упорствовать и откажусь отвечать на вопросы суда, слушание дела будет продолжено без меня и приговор будет вынесен заочно. Верховный суд, заметил он, по согласованию с Президиумом Верховного Совета как высшая судебная инстанция имеет право устанавливать любые процедуры для слушания дел, представляющих особую важность для интересов государства. Он задал мне вопрос, признаю ли я себя виновным. Я категорически отверг все предъявленные мне обвинения. Затем он объявил, что двое свидетелей, бывшие сотрудники органов госбезопасности Галигузов и Пудин, не могут присутствовать на заседании суда по состоянию здоровья. Двое других, академик Муромцев и осужденный Майрановский, находятся в соседней комнате и готовы дать свидетельские показания.

Далее Костромин заявил: суд не убедили показания Берии во время предварительного следствия по его делу, что вы не являлись его доверенным лицом, а лишь выполняли приказы, которые он передавал от имени правительства. Более того, сказал Костромин, суд считает, что Берия пытался скрыть факт государственной измены, и показания, имеющиеся в вашем следственном деле, не имеют значения для суда.

Эпизод со Стаменовым был лишь упомянут. Костромин подчеркнул факт несомненной государственной измены, добавив, что новые данные, свидетельствующие, что Берия обсуждал вопрос о контактах со Стаменовым и с другими членами правительства, будут доложены Верховному суду и, возможно, будет принято частное определение в адрес правительственных инстанций. Я решительно отрицал, что мной делались попытки установить тайные контакты в обход правительства, поскольку Молотов не только знал об этих контактах, но и санкционировал их, а санкционированный правительством зондаж в разведывательных целях нельзя классифицировать как факт государственной измены. Однако мое заявление суд проигнорировал. Более того, сказал я, лично товарищ Хрущев пять лет тому назад, 5 августа 1953 года, заверил меня, что не находит в моих действиях никакого преступного нарушения закона или вины в

эпизоде со Стаменовым.

Побледнев, председатель запретил мне упоминать имя Хрущева. Секретари тут же перестали вести протокол. Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо, и, не сдержавшись, выкрикнул:

— Вы судите человека, приговоренного к смерти фашистской ОУН, человека, который рисковал своей жизнью ради советского народа! Вы судите меня так же, как ваши предшественники, которые подводили под расстрел героев советской разведки.

Я начал перечислять имена своих погибших друзей и коллег — Артузова, Шпигельглаза, Малли, Серебрянского, Сосновского, Горажанина и других. Костромин был ошеломлен; вице-адмирал Симонов сидел бледный как мел.

После небольшой паузы Костромин взял себя в руки и проговорил:

— Никто заранее к смертной казни вас не приговаривал. Мы хотим установить истину.

Затем вызвали свидетеля Муромцева и в его присутствии зачитали показания, которые он давал пять лет назад. К удивлению и неудовольствию судей, Муромцев заявил, что не может подтвердить свои прежние показания. По его словам, он не помнит никаких фактов моей причастности к работе секретной бактериологической исследовательской лаборатории.

Затем вызвали Майрановского. Он показал, что консультировал меня в четырех случаях. С разрешения председателя я спросил его: был ли он подчинен мне по работе, были ли упомянутые им четыре случая экспериментами над людьми или боевыми операциями и, наконец, от кого он получал приказы по применению ядов? К моему удивлению, адмирал поддержал меня. И весь хорошо продуманный сценарий суда рассыпался. Майрановский дал показания, что никогда не был подчинен мне по работе, и начал плакать. Сквозь слезы он признал, что эксперименты, о которых идет речь, на самом деле были боевыми операциями, а приказы об уничтожении людей отдавали Хрущев и Молотов. Он рассказал, как встречался с Молотовым в здании Комитета информации, а затем, вызвав гнев председателя суда, упомянул о встрече с Хрущевым в железнодорожном вагоне в Киеве. Тут Костромин прервал его, сказав, что суду и так ясны его показания. После этого он нажал на кнопку, и появившийся конвой увел Майрановского. Я не видел его после этого три года — до того дня, когда мы повстречались на прогулке во внутреннем дворе Владимирской тюрьмы.

Судьи были явно растеряны. Они получили подтверждение, что так называемые террористические акты на самом деле являлись боевыми операциями, проводившимися против злейших противников советской власти по прямому приказу правительства, а не по моей инициативе. Я также указал, что не являлся старшим должностным лицом при выполнении данных операций, поскольку в каждом случае присутствовали специальные представители правительства — первый заместитель министра госбезопасности СССР Огольцов и министр госбезопасности Украины Савченко, а местные органы госбезопасности подчинялись непосредственно им. Я предложил вызвать их в качестве свидетелей и потребовал ответить мне, почему они не привлекались к ответственности за

руководство этими акциями.

Я также сослался на то, что именно в решении правительства в июле 1946 года был установлен особый порядок ликвидации наиболее опасных врагов государства внутри страны и за рубежом по линии органов госбезопасности и Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии.

И снова судьи почувствовали себя не в своей тарелке. Я знал, что в протоколах моих допросов все упоминания о работе в период «холодной войны» 1946–1953 годов были крайне туманными и неконкретными. Мысль, проходившая красной нитью через все обвинения, сводилась к следующему: Майрановский при моей помощи убивал людей, враждебно настроенных к Берии. Я совершенно явственно чувствовал, что судьи не готовы признать реальный факт, что все эти ликвидации санкционировались руководителями, стоявшими в табели о рангах выше Берии, а он к эпизодам, рассказанным на суде, вообще не имел отношения.

Костромин быстро и деловито подвел итог судебного заседания. По его словам, меня судят не за эти операции против врагов советской власти. Суд полагает, что я руководил на своей даче другими тайными операциями, направленными против врагов Берии. Я тут же попросил привести хотя бы один конкретный факт террористического акта с моим участием против правительства или врагов Берии. Костромин жестко возразил: дело Берии закрыто, и точно установлено, что такого рода акции совершались неоднократно, а поскольку я работал под его началом, то также являюсь виновным. Однако суд в данный момент еще не располагает на сей счет соответствующими доказательствами. С этими словами он закрыл слушание дела, дав мне возможность выступить с последним словом. Я был краток и заявил о своей невиновности и о том, что расправа надо мной происходит в интересах украинских фашистов, империалистических спецслужб и троцкистов за рубежом. И наконец я потребовал реализовать мое законное право ознакомиться с протоколом судебного заседания, внести в него свои замечания. В этом мне было тут же отказано.

Костромин объявил перерыв. Меня вывели в приемную, где предложили чай с бутербродами. Адмирал подошел ко мне, пожал руку и сказал, что я держался, как и положено мужчине. Он успокоил: все будет хорошо. Через некоторое время меня ввели обратно в кабинет Костромина для зачтения приговора. Судьи встали, и председательствующий зачитал написанный от руки приговор, который в точности повторял обвинительное заключение прокуратуры с одним добавлением: «Суд не считает целесообразным применение ко мне высшей меры наказания — смертной казни и основывает свой приговор на материалах, имеющихся в деле, но не рассмотренных в судебном заседании».

Меня приговорили к 15 годам тюремного заключения. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Стояла ранняя осень 1958 года. Со времени своего ареста в 1953 году я уже провел в тюрьме пять лет.

Силы оставили меня. Я не мог выйти из состояния шока, почувствовал, что вот-вот упаду в обморок, и вынужден был присесть. Вскоре я уже был во внутренней тюрьме Лубянки. У меня началась страшная головная боль, и надзиратель даже дал

мне таблетку. Я все еще не пришел в себя, когда меня неожиданно отвели в кабинет Серова — бывшие владения Бериин. Мрачно взглянув на меня, Серов предложил сесть.

— Слушайте внимательно, — начал он. — У вас будет ещё много времени обдумать свое положение. Вас отправят во Владимирскую тюрьму. И если там вы вспомните о каких-нибудь подозрительных действиях или преступных приказах Молотова и Маленкова, связанных с теми или иными делами внутри страны или за рубежом, сообщите мне, но не упоминайте Никиту Сергеевича. И если, — заключил он, — вы вспомните то, о чем я вам сказал, вы останетесь живы и мы вас амнистируем.

Несмотря на страшную головную боль, я кивнул, выражая согласие. Больше я никогда его не видел.

Владимирский централ

Меня сразу же перевели в Лефортовскую тюрьму и через два дня разрешили свидание с женой и младшим братом Константином. Наконец-то я дал волю слезам, а они как могли утешали меня. Известие, что я буду находиться во Владимирской тюрьме, вызвало скрытую радость: в этом городе жила младшая сестра жены, ее муж Александр Комельков был ответственным сотрудником аппарата МВД Владимирской области, заместителем начальника ГАИ. Они жили в том же доме, где и все тюремное начальство, включая старших надзирателей. Со всеми своими соседями Комельков и его жена были в отличных отношениях. Вскоре на летние каникулы во Владимир приехал мой младший сын Анатолий. Там он подружился с Юрием, мальчиком своего возраста, сыном начальника Владимирской тюрьмы полковника Козика. С ними в компании была Ольга, дочка заместителя Козика, жившего по соседству.

Жене повезло, что ее не арестовали, когда я находился под следствием, как жен других должностных лиц, проходивших по делу Берии. Она предусмотрительно прервала знакомства с бывшими сослуживцами. Что касается наших друзей, не связанных с органами, то они очень поддерживали нас, особенно Марианна Ярославская. Ее отец Емельян Ярославский был секретарем ЦК партии с 1920-х по 1940-е годы. Неформально Ярославский считался идеологом партии. Я познакомился с ним и его обаятельной женой — старой революционеркой в 1943 году, когда получил дачу рядом с его домом. Знакомство с Ярославскими сыграло большую роль в моей жизни и помогло семье выстоять. Через Марианну жена завела друзей среди скульпторов, художников, писателей. После смерти Ярославского я оказывал внимание его семье и вдове Клавдии Ивановне Кирсановой. Она, в свою очередь, познакомила меня с секретарем ЦК партии Кузнецовым, поддерживавшим меня в конфликте с Абакумовым. Анна Цуканова, переведенная Суловым после падения Маленкова из ЦК на должность заместителя министра культуры РСФСР по кадрам, оказывала нам очень большую моральную поддержку и помощь. Именно Анна посоветовала жене делать вид, что она не знает, в чем обвиняют ее мужа. Поэтому ее ходатайства о справедливом рассмотрении моего дела, которые она направляла Хрущеву и Маленкову, всегда начинались с уверений в том, что ей неизвестно существо обвинений против меня. Она сняла копии с моих писем из-за рубежа, в которых я писал ей, что, несмотря на опасности, меня окружающие, я готов пожертвовать своей жизнью для дела партии и народа. Она посылала эти письма Хрущеву и Маленкову для доказательства того, что под арестом держат человека, всецело преданного идеалам партии. Жена собрала от тринадцати моих бывших коллег, из которых пять были Героями Советского Союза, отзывы обо мне, заверенные их партийными комитетами, и отправила их в прокуратуру и Военную коллегия Верховного суда с просьбой, чтобы этих людей вызвали в качестве свидетелей по моему делу. Когда я узнал об этом, я понял нерешительность судей и то, почему мой следователь Андреев был настроен сочувственно по отношению ко мне и вопреки правилам уклонился от подписания обвинительного заключения по моему делу.

Два обстоятельства, связанные с делом Берии, определенным образом

замедлили поиски компромата на членов семей арестованных. И хотя невестка Берии, внучка Максима Горького, который в то время был в большом почете, развелась с мужем, после того как его вместе с матерью арестовали, а затем сослали, для властей эта родственная связь была крайне неудобна. Второе обстоятельство было связано с делом Суханова, начальника секретариата Маленкова в Президиуме ЦК и Совете Министров, который принимал самое активное участие в аресте Берии. Высшее руководство было буквально потрясено сообщением о том, что Суханов украл из сейфов Берии и его сотрудников золотые часы — а их было восемь, — облигации и крупную сумму денег, включая часть премии Берии за руководство работами по созданию атомной бомбы.

В 1956–1958 годах в высших кругах столицы ходили слухи о таинственных кражах, связанных с арестом Берии, и о том, куда ведут следы этих преступлений. Сейфы Берии и сотрудников его аппарата были, естественно, сразу после арестов вскрыты. По закону полагалось составить подробную опись изъятого. Однако военный прокурор Успенский и Суханов, которым помогал Пузанов (заведующий отделом ЦК партии и будущий посол СССР в Болгарии), не составили никакой описи.

Жена одного из арестованных сотрудников аппарата Берии, Ордынцева, заключенная в тюрьму, а затем освобожденная, но выгнанная с работы и лишенная средств к существованию, имела список номеров облигаций, принадлежавших ее мужу и хранившихся в сейфе у него на работе. Суханов потребовал включить в приговор суда по делу Ордынцева пункт о конфискации имущества. Но поскольку тот не являлся сотрудником госбезопасности, не имел воинского звания и не обвинялся в государственной измене (ему инкриминировали лишь недоносительство о преступных замыслах Берии), суд не включил в приговор пункт о конфискации. Тогда жена Ордынцева начала добиваться через суд возвращения облигаций. Вначале ее просьбы не получали никакого отклика, но затем Хрущев распорядился, чтобы Серов разыскал эти облигации. В это время какая-то женщина предъявила в сберегательной кассе к оплате одну из пропавших облигаций, на которую выпал выигрыш. Ее задержали. Она оказалась машинисткой, работавшей у Суханова.

Суханов вынужден был сознаться в краже ценностей из сейфов Берии и его подчиненных, за что был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Об этом скандале, хотя никаких официальных сообщений не было, говорила вся Москва. Он подорвал доверие к следователям, которые занимались делом Берии, и даже интерес к разоблачениям всякого рода грязных интриг, которые ему приписывались, начал падать.

Положение моей жены в это время заметно улучшилось. Она научилась шить и скоро как портниха стала пользоваться популярностью среди новых друзей из мира искусства, что приносило ей дополнительный заработок. Она по-прежнему была в состоянии содержать детей и свою мать. МВД попыталось было отобрать у нас квартиру в центре Москвы, но не смогло сделать это на законных основаниях, поскольку жена была участником войны и получала военную пенсию. Анна Цуканова поддерживала жену в ее тяжбе с ХОЗУ МВД. Их тактика была простой: я

еще не осужден, нахожусь в тюремной больнице и поэтому не могу быть выписан. Тогда ХОЗУ пошло на резкое повышение квартплаты, но, к счастью, жена имела возможность оплатить счета без особых трудностей.

В 1956–1957 годах ей стало ясно, что чистка в органах госбезопасности, жертвами которой стали Берия и я, закончилась. Свидетелей, которые слишком много знали, расстреляли, включая фальсификаторов уголовных дел.

Райхман благодаря вмешательству его жены, имевшей связи в кремлевских верхах, был обвинен только в превышении власти и вскоре амнистирован. Освободили из тюрьмы и Майского. Жена узнала, что Хрущев приказал исключить из партии и лишить воинских званий около ста генералов и полковников КГБ — МВД в отставке из числа тех, кто в 30-х годах, занимая руководящие должности, принимал активное участие в репрессиях или же слишком много знал о внутрипартийных интригах. В отличие от прошлых лет все эти люди, лишившись больших пенсий и партийных билетов, тем не менее, остались живы — их не расстреляли, не посадили в тюрьму. Среди них были двое отличившихся в делах атомной разведки: генерал-майор Овакимян, координировавший в 1941–1945 годах работу НКВД в Соединенных Штатах по сбору информации об атомной бомбе, и мой заместитель Василевский, единственным обвинением против которого была его якобы чересчур близкая связь с Берией.

Настроения в Москве явно менялись, и об этом, в частности, говорил тот факт, что Василевскому удалось восстановиться в партии. Он использовал свои прошлые связи с Бруно Понтекорво, который в это время находился в Москве и стал академиком. Понтекорво лично просил Хрущева за своего друга. Василевский и Горский, проявившие себя по линии «атомной» разведки, занялись переводом приключенческих романов с английского и французского. Некоторые бывшие офицеры госбезопасности — при поддержке Ильина, ставшего после реабилитации в 1954 году оргсекретарем московского отделения Союза писателей СССР, — стали писателями и журналистами. Хотя реабилитация давала право на восстановление в прежней должности, практически это оказалось невозможным. Но все же людям позволили начать новую жизнь и получить более высокую пенсию.

К счастью, мое пребывание во Владимирской тюрьме совпало с кратким периодом либерализации пенитенциарной системы, осуществлявшейся при Хрущеве. Так, мне было разрешено получать до четырех продуктовых передач ежемесячно. И хотя на первых порах я нередко терял сознание и чувствовал сильные головокружения из-за страшных головных болей, силы мало-помалу начали ко мне возвращаться. Правда, держали меня в одиночной камере, но все же полностью я не был изолирован — имел доступ к газетам, мог слушать радио, пользоваться тюремной библиотекой.

Владимирская тюрьма была примечательной со многих точек зрения. Построенная при Николае II в начале нынешнего столетия, она использовалась как место заключения наиболее опасных с точки зрения государства преступников, которых властям всегда нужно было иметь под рукой. В сущности, ту же роль Владимирская тюрьма выполняла и при советской власти, и заключенных оттуда нередко возили в столицу для дополнительных допросов. По иронии судьбы меня

поместили во втором корпусе тюрьмы, который до этого я дважды посещал для бесед с пленными немецкими генералами, отбывавшими здесь свой срок. В то время мне показали оставшуюся незанятой тюремную камеру, в которой сидел будущий герой революции и Гражданской войны, один из организаторов Красной Армии Михаил Фрунзе.

В мое время тюрьма состояла из трех главных корпусов, в которых содержалось примерно 800 заключенных. После 1960 года тюрьму расширили, и теперь в трех перестроенных корпусах могли находиться до тысячи человек. Режим в тюрьме отличался строгостью. Всех поднимали в шесть утра. Еду разносили по камерам: скудную пищу передавали через маленькое окошко, прорезанное в тяжелой металлической двери камеры. Голод был нашим постоянным спутником, достаточно было поглядеть в тусклые глаза заключенных, чтобы убедиться в этом. На первых порах постель поднималась к стене и запиралась на замок, так что днем полежать было нельзя. Можно было сидеть на стуле, привинченном к цементному полу камеры. В день нам разрешалась прогулка от получаса до сорока пяти минут в так называемом боксе — внутреннем дворике с высокими стенами, напоминавшем скорее комнату площадью примерно метров двадцать, только без потолка. Присутствие охраны было обязательным. Для дневного отдыха полагался всего один час после обеда, когда надзиратель отпирал кровать. Туалета в камере не было — его заменяла параша. Каждый раз, когда заключенному надо было пойти в уборную, он должен был обращаться к надзирателю. (Говорят, что сейчас в камерах Владимирской тюрьмы появились туалеты.) И хотя спать разрешалось с десяти часов вечера, свет горел всю ночь.

После нескольких дней заключения я стал замечать сочувственное к себе отношение со стороны администрации тюрьмы. Меня перевели из одиночной камеры в тюремную больницу, где давали стакан молока в день и, что было куда важнее для меня, разрешали лежать в кровати днем столько времени, сколько я хотел.

Довольно скоро я обнаружил, что в тюрьме было немало людей, хорошо мне известных. Например, Мунтерс, вскоре освобожденный бывший министр иностранных дел Латвии. В 1940 году, после переворота в Латвии, я отвез его в Воронеж, где он стал работать преподавателем в местном университете. Или Шульгин, за которым разведка НКВД охотилась за границей лет двадцать. После взятия Белграда нашими войсками в 1945 году бывший заместитель председателя Государственной Думы был арестован, вывезен в Советский Союз и предан суду за антисоветскую деятельность во время Гражданской войны и в последующие годы.

Через три или четыре камеры от меня находился некто Васильев: на самом деле это был сын Сталина, Василий, который и здесь, в тюрьме, умудрялся устраивать скандалы. Как-то раз, когда к нему на свидание приехала жена, дочка маршала Тимошенко, он набросился на нее с кулаками, требуя, чтобы она немедленно обратилась к Хрущеву и Ворошилову с просьбой о его освобождении.

Был во Владимирской тюрьме и Майрановский, сидевший тут с 1953 года, — я уже говорил, что ему дали 10 лет. Его едва можно было узнать: казалось, от прежнего Майрановского сохранилась одна лишь оболочка. Чтобы выжить и

спасти от тюремных побоев, он, сломленный и тщетно надеявшийся на освобождение, согласился давать показания против Берии, Меркулова и Абакумова, свидетельствующие об их участии в тайных убийствах. Правда, никаких имен жертв он не мог назвать. Всех троих — Берию, Меркулова и Абакумова — расстреляли, а Майрановский продолжал отбывать срок, иногда его допрашивали сотрудники Пятого спецотдела КГБ и прокуратуры в качестве свидетеля по интересующим их делам.

Когда на судебном заседании слушалось мое дело, он показал, что никогда не получал от меня приказов ни на проведение экспериментов с ядами над живыми людьми, ни на их уничтожение и вообще не был у меня в подчинении. Я благодарен ему за это, как и за ту в высшей степени опасную работу, которую этот человек проводил в годы войны. Разоружение террористов было крайне опасным делом. Это были парашютисты, пришедшие на явочную квартиру, не вызывавшую у них никаких подозрений. В то время как усыпленные Майрановским с помощью лекарств агенты абвера «отключались», он успевал заменить вшитые в воротник ампулы с ядом, чтобы потом, когда этих агентов арестуют, они не могли бы покончить жизнь самоубийством.

Иногда мы с ним встречались на прогулке в тюремном дворе, и, если была возможность перекинуться парой слов, я советовал ему искать поддержку среди ученых-медиков, которых он лично знал и которые высоко ценили его. Майрановского освободили в декабре 1961 года, о его реабилитации ходатайствовал Блохин, президент Академии медицинских наук.

Через два дня, после того как Майрановский побывал в приемной Хрущева в здании ЦК партии и подал ходатайство о реабилитации, где упоминался эпизод их встречи в вагоне специального поезда в конце 1947 года в Киеве, КГБ его вновь арестовало. По своей наивности он не понимал, что нельзя обращаться к Хрущеву за помощью и напоминать об их встрече, связанной с ликвидацией архиепископа Ромжи в Ужгороде. Ему следовало иметь в виду, что находящийся у власти Хрущев хотел бы вычеркнуть из памяти все связанное с такого рода делами. К несчастью, Майрановский, постоянно напоминавший о себе, стал нежелательным свидетелем. Он был немедленно лишен профессорского звания и всех ученых степеней и сослан в Махачкалу. В этом городе он стал работать начальником химической лаборатории.

Время от времени Майрановский навещал академика Блохина в Москве, надеясь восстановить свою научную карьеру. В декабре 1964 года, накануне очередной встречи для обсуждения результатов проводившихся им экспериментов со злокачественными опухолями, Майрановский таинственным образом скончался. Диагноз по иронии судьбы был тем же самым, что и у Валленберга и Оггинса: сердечная недостаточность.

Во Владимирской тюрьме возник необычный «клуб» бывших высокопоставленных сотрудников НКВД — МВД. Среди них был Эйтингон, прибывший во Владимир в марте 1957 года с двенадцатилетним сроком, Мамулов, начальник секретариата Берии и заместитель министра внутренних дел, отвечавший за золотодобычу. Хотя Мамулов и был армянином, он в свое время являлся секретарем по кадрам ЦК Компартии Грузии. Его сокамерник, также секретарь ЦК

Компартии Грузии, академик Шария, одно время работал заместителем начальника зарубежной разведки НКВД. После того как Шария был выпущен из тюрьмы, куда его посадили как мингрельского националиста, академик получил новое назначение — помощником в аппарат Берии в Совете Министров, где он отвечал за внешнеполитические вопросы, и он попал в сеть, что была расставлена для Берии, — такова уж была его несчастная судьба.

Полковник Людвигов, начальник секретариата Берии в Министерстве внутренних дел, был арестован потому, что слишком много знал о нем и его любовных похождениях. Людвигов был женат на племяннице Микояна, что и помогло ему выйти из тюрьмы уже через 10 дней после падения Хрущева в 1964 году. Он был помилован по специальному указу Микояна, который за три месяца до этого был назначен Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Микоян также амнистировал своего дальнего родственника Саркисова, начальника охраны Берии, поставившего Берии женщин.

Сидели во Владимирской тюрьме Дарья Гусяк и Мария Дидык, нелегальные курьеры бандеровского подполья, захваченные в 1950 году. Они разносили еду заключенным, но сталкиваясь со мной, очевидно, не признавали во мне высокопоставленного сотрудника МГБ, допрашивавшего их во Львовской тюрьме.

Сидел с нами Владимир Брик, племянник Осипа Брика, близкого друга Владимира Маяковского, арестованный КГБ при попытке бежать в Соединенные Штаты, Находился там и Максим Штейнберг, резидент-нелегал НКВД в Швейцарии в 1930-х годах. Отказавшись вернуться из-за грозившей ему опасности быть расстрелянным, он после смерти Сталина попался на удочку ложных обещаний амнистии и приехал в Москву вместе с женой Эльзой. Штейнберг получил 15, а она — 10 лет за государственную измену.

Как насмешка в приговоре Военной коллегии Верховного суда по его делу фигурировала формулировка: суд не считает необходимым применить к нему за измену Родине высшую меру наказания — смертную казнь в связи с тем, что государству не нанесен его действиями реальный ущерб и он возвратил денежные средства, выделенные ему для оперативных целей в 1937 году.

Через три месяца после моего прибытия во Владимирскую тюрьму на свидание со мной жена привезла детей, мудро решив не показывать им отца, пока он был не в лучшей физической форме. У меня задрожали руки, и я едва владел собой, когда она вошла. Начальник тюрьмы полковник Козик разрешил два дополнительных свидания с женой, кроме положенного одного в месяц. Перед своей отставкой в 1959 году он устроил мне свидание у себя в кабинете с Александром, мужем свояченицы, который ввел меня в курс того, что происходило в МВД и КГБ. Информация о том, кто находится у власти, а кого отправили в отставку, инициативы нового председателя КГБ Шелепина по расширению операций советской разведки за рубежом дали мне надежду, что я мог бы быть полезен новому руководству благодаря своему большому опыту и поэтому меня могут амнистировать и реабилитировать, как это произошло с генералами и офицерами, выпущенными Сталиным и Берией в 1939 и 1941 годах.

Несмотря на мое ходатайство оставаться в одиночной камере, через год мне посадили сначала Брика, затем Штейнберга, а позже бургомистра Смоленска при немцах Меньшагина. Наши отношения были вежливыми, но отчужденными. Хотя все они были интересные люди, но их прежняя жизнь и поверхностное знание нашей действительности меня раздражали, поэтому мы не могли сблизиться.

После полугода пребывания во Владимирской тюрьме я начал бомбардировать Верховный суд и прокуратуру прошениями о пересмотре моего дела. От жены я знал, что она дважды обращалась к Хрущеву и в Верховный суд с просьбой допустить адвоката при рассмотрении моего дела. Но в этой просьбе ей было отказано. Она показала мне копии своих ходатайств, и я послал в Москву протест, заявляя, что мой приговор не имеет юридической силы, поскольку мне было отказано в праве на защиту, а также в ознакомлении с протоколом судебного заседания, который я так и не подписывал. Это означало, что я нахожусь в тюрьме незаконно. Я получил всего один ответ, подписанный Смирновым, заместителем председателя Верховного суда, где говорилось, что оснований для пересмотра дела нет. На следующие 40 прошений ответа я не получил. Мои сокамерники, особенно Эйтингон, смеялись над юридической аргументацией моих ходатайств. «Законы и борьба за власть, — сказал мне Эйтингон, — несовместимы».

Борьба за реабилитацию

В 1960 году меня неожиданно вызвали в кабинет начальника тюрьмы. В дверях я столкнулся с Эйтингоном. В кабинете вместо начальника я увидел высокого, статного, представительного, модно одетого мужчину за пятьдесят, представившегося следователем по особо важным делам Комитета партийного контроля Германом Климовым. Это был отец известного кинорежиссера Элема Климова. Он сказал, что Центральный Комитет партии поручил ему изучить мое следственное и рабочее дело из Особого архива КГБ СССР. ЦК, заявил Климов, интересуют данные об участии Молотова в тайных разведывательных операциях Берии за рубежом, а также, что особенно важно, имена людей, похищение и убийство которых было организовано Берией внутри страны.

Климов предъявил мне справку для Комитета партийного контроля, подписанную заместителем Руденко Сапиным. Справка содержала перечень тайных убийств и похищений, совершенных по приказу Берии. Так, прокуратура, расследуя дело Берии, установила, что он в 1940–1941 годах отдал приказ о ликвидации бывшего советского посла в Китае Луганца и его жены, а также Симонич-Кулик, жены расстрелянного в 1950 году по приказу Сталина маршала артиллерии Кулика.

Прокуратура располагает, говорилось в справке, заслуживающими доверия сведениями о других тайных убийствах по приказу Берии как внутри страны, так и за ее пределами, однако имена жертв установить не удалось, потому что Эйтингон и я скрыли все следы. В справке также указывалось, что в течение длительного времени состояние здоровья мое и Эйтингона не позволяло прокуратуре провести полное расследование этих дел. Климов от имени ЦК партии потребовал рассказать правду об операциях, в которых я принимал участие, так как в прокуратуре не было письменных документов, подтверждавших устные обвинения меня в организации убийства Михоэлса, — это, видимо, смущало Климова. Он был весьма удивлен, когда я сказал, что совершенно непричастен к убийству Михоэлса, и доказал это. Ему надо было прояснить темные страницы нашей недавней истории до начала работы очередного партийного съезда, который должен был состояться в 1961 году, но мне показалось, что он проявлял и чисто человеческий интерес и сочувственно относился к моему делу.

Мы беседовали больше двух часов, перелистывая страницу за страницей мое следственное дело. Я не отрицал своего участия в специальных акциях, но отметил, что они рассматривались правительством как совершенно секретные боевые операции против известных врагов Советского государства и осуществлялись по приказу руководителей, и ныне находящихся у власти. Поэтому прокуроры отказались письменно зафиксировать обстоятельства каждого дела. Климов настойчиво пытался выяснить все детали — на него сильное впечатление произвело мое заявление, что в Министерстве госбезопасности существовала система отчетности по работе каждого сотрудника, имевшего отношение к токсикологической лаборатории.

Климов признал, что я не мог отдавать приказы Майрановскому или получать от него яды. Положение о лаборатории, утвержденное правительством и

руководителями НКВД — МГБ Берией, Меркуловым, Абакумовым и Игнатьевым, запрещало подобные действия. Этот документ, сказал Климов, автоматически доказывает мою невиновность. Если бы он был в деле, мне и Эйтингону нельзя было бы предъявить такое обвинение, но он находился в недрах архивов ЦК КПСС, КГБ и в особом надзорном делопроизводстве прокуратуры. Отчеты о ликвидации «особо опасных врагов государства» в 1946–1953 годах составлялись Огольцовым как старшим должностным лицом, выезжавшим на место их проведения, и министром госбезопасности Украины Савченко. Они хранились в специальном запечатанном пакете. После каждой операции печать вскрывали, добавляли новый отчет, написанный от руки, и вновь запечатывали пакет. На пакете стоял штамп: «Без разрешения министра не вскрывать. Огольцов».

Пока мы пили чай с бутербродами, Климов внимательно слушал меня и делал пометки в блокноте.

Климов провел во Владимирской тюрьме несколько дней. По его распоряжению мне в камеру дали пишущую машинку, чтобы я напечатал ответы на все его вопросы. Они охватывали историю разведывательных операций, подробности указаний, которые давали Берия, Абакумов, Игнатьев, Круглов, Маленков и Молотов, а также мое участие в деле проведения подпольных и диверсионных акций против немцев и сбора информации по атомной бомбе. Наконец, по предложению Климова я напечатал еще одно заявление об освобождении и реабилитации. Учитывая его совет, я не упоминал имени Хрущева, однако указал, что все приказы, отдававшиеся мне, исходили от ЦК партии. Климов уверил меня, что мое освобождение неизбежно, как и восстановление в партии. Такие же обещания он дал и Эйтингону.

Позже я узнал, что интерес к моему делу был двоякий. С одной стороны, власти таким образом хотели глубже заглянуть в подоплеку сталинских преступлений и окружавших его имя тайн. С другой — освобождение Рамона Меркадера из мексиканской тюрьмы и его приезд в Москву подстегнули Долорес Ибаррури и руководителей французской и австрийской коммунистических партий добиваться освобождения из тюрьмы Эйтингона и меня.

Поездка Климова во Владимир во многом улучшила положение жены. Недавно назначенный председатель КГБ Шелепин направил в Комитет партийного контроля справку, положительно характеризующую мою и Эйтингона деятельность; в ней отмечалось, что Комитет госбезопасности «не располагает никакими компрометирующими материалами против Судоплатова и Эйтингона, свидетельствующими о том, что они были причастны к преступлениям, совершенным группой Берии». Этот документ резко контрастировал с подготовленной в 1954 году Серовым, Панюшкиным, Сахаровским и Коротковым справкой о том, что рабочих дел Судоплатова, Эйтингона и Серебрянского в архивах обнаружить не удалось, поэтому установить полезность работы для Советского государства службы диверсии и разведки под руководством Судоплатова в 1947–1953 годах не представляется возможным.

На эту справку до сих пор ссылаются мои недоброжелатели из числа историков советской внешней разведки, в частности использовавший ряд подтасованных

архивных материалов В. Чиков.

Такого рода оценка сразу дала понять опытным людям, что наша реабилитация не за горами.

По времени это совпало с попытками КГБ вступить в контакт с одной еврейской семьей в Соединенных Штатах. Это была та самая семья, которой жена помогла уехать в Америку из Западной Украины, где они оказались после захвата немцами Варшавы в 1939 году. В 1960-м один из их родственников приехал в Москву в качестве туриста и пытался разыскать жену в «Известиях», поскольку в свое время она говорила им, что работает там. Узнав об этом, КГБ связался с ней, надеясь привлечь этого человека для работы на советскую разведку в Америке. Жену попросили прийти на Лубянку, где с ней несколько раз обсуждали возможность использования нашей квартиры для встреч с приехавшим американским туристом. Из попытки завербовать его, правда, ничего не вышло, но квартиру начали использовать как явочную. Теперь, казалось, угроза потерять квартиру в центре над нами больше не висела.

Идеологическое управление и генерал-майор из разведки КГБ Агаянц заинтересовались опытом работы моей жены с творческой интеллигенцией в 30-х годах.

Бывшие слушатели школы НКВД, которых она обучала основам привлечения агентуры, и подполковник Рябов проконсультировались с ней, как использовать популярность, связи и знакомства Евгения Евтушенко в оперативных целях и во внешнеполитической пропаганде. Жена предложила установить с ним дружеские конфиденциальные контакты, ни в коем случае не вербовать его в качестве осведомителя, а направить в сопровождении Рябова на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Финляндию. После поездки Евтушенко стал активным сторонником «новых коммунистических идей», которые проводил в жизнь Хрущев.

Агаянц также связывался с женой с целью выяснить ряд интересовавших разведку эпизодов в связи с кратковременным приездом в начале 1960-х годов в СССР М. Будберг-Бенкендорф, которая передала архивы Горького из-за границы советским властям в 1930-х годах. Встреча Эммы и Агаянца по этому вопросу произошла в кабинете оргсекретаря московской писательской организации, в то время уже генерал-майора КГБ в отставке Ильина.

Жена при участии Ильина «восполнила пробел» и указала на кодовые архивные материалы по сотрудничеству Будберг с ГПУ — НКВД. Ей повезло, что она отошла от этой линии работы в начале 1936 года, еще до смерти Горького. Однако жена конкретно указала на роль Будберг-Бенкендорф как агента-двойника английской разведки и НКВД. Та, в частности, сыграла существенную роль через небезызвестного организатора заговора против Ленина в 1918 году Локкарта в зондажном обеспечении приезда в Москву в 1930-х годах влиятельного деятеля консервативной партии Англии, будущего премьер-министра А. Идена. Здесь следует заметить, что Горький, будучи тяжелобольным человеком, умер своей смертью.

Жена также помогла сыну одного из наших друзей — Борису Жутовскому,

талантливому художнику-графику, который открыто критиковал политику Хрущева в области культуры. Она организовала встречу художника с сотрудниками КГБ, чтобы оградить его от преследований. Он объяснил им, что его высказывания были неправильно истолкованы, и написал покаянную записку в партийные органы и в Союз художников, что поддерживает курс коммунистической партии. Его записка попала в Идеологический отдел ЦК партии, где решили, что Жутовский должен и дальше получать поддержку опекавших его молодых офицеров с Лубянки.

Однако «флирт» жены с КГБ вскоре закончился. Прокурор Руденко всячески препятствовал моей реабилитации. Дом на улице Мархлевского, где мы жили в большой квартире, передали в ведение Министерства иностранных дел, и там разместились польская торговая миссия. При помощи Анны Цукановой жена получила неплохую, но гораздо меньшую квартиру в районе ВДНХ, в то время на окраине Москвы. Наш переезд, однако, не помешал Меркадеру и другим деятелям зарубежных компартий поддерживать и навещать жену. К этому времени дети окончили среднюю школу и благодаря Зое Зарубиной, декану Института иностранных языков, и ректору Варваре Пивоваровой их приняли туда на учебу.

В 1961 году жена и мои сыновья окончательно расстались с иллюзиями, что власти в конце концов признают судебную ошибку, допущенную в моем деле. После того как Климов принял жену в ЦК и заявил ей, что мы оба, Эйтингон и я, невинные жертвы в деле Берии и он добивается пересмотра наших приговоров на самом высшем уровне, они поняли: моя судьба находится в руках Хрущева. Дело застопорилось не в бюрократических лабиринтах — решение держать меня в тюрьме было принято на самом верху.

Хотя Климов говорил больше намеками, а не прямо, однако все же подчеркнул, что необходимо продолжать ходатайства о реабилитации. Он сказал жене:

— Вам надо сослаться на материалы, хранящиеся в ЦК КПСС и КГБ. Вы должны настаивать на проведении изучения материалов одновременно как в основном уголовном деле, так и в «наблюдательном» производстве, потому что как раз там-то и находятся все ваши прошения, свидетельства и документы, разоблачающие фальсификацию. — Он пояснил свою мысль: — Ну вот, например, в обвинительном заключении сказано: Судоплатов создал перед войной Особую группу при наркоме внутренних дел с целью исполнения специальных поручений Берии. Одновременно он с 1942 по 1946 год возглавлял Управление по разведке и диверсиям, или 4-е управление. Но в «наблюдательном» деле имеются выдержки из соответствующих документов, показывающие, что на самом деле Особая группа и Управление по разведке и диверсиям были не двумя разными подразделениями, а одним. Понятно, что этот факт вступает в явное противоречие с утверждениями в обвинительном заключении, — подытожил он.

Во время нашего очередного свидания жена рассказала мне о встрече с Климовым. В тот момент Эйтингон как раз стал моим сокамерником, и мы проводили вместе долгие часы, размышляя над тем, как ускорить прохождение наших ходатайств. Но время шло, и жена, мыслившая реалистически, начала подталкивать меня к тому, чтобы я начал готовиться после освобождения из тюрьмы к новой работе — переводчика. Зоя Зарубина передала мне и Эйтингону целую кипу

книг на французском, немецком, польском и украинском языках. Это были романы и книги по истории. Словом, скучать нам с ним не приходилось. Мы целыми днями занимались переводами. Особую моральную поддержку в этот период нам оказал заместитель начальника тюрьмы Хачикян. Мы сохранили привязанность к нему до его смерти. Именно он переправил на волю копии наших заявлений в ЦК о реабилитации, которые ветераны разведки и партизанского движения использовали в своих обращениях к XXIII съезду партии для нашей защиты.

В 1961 году условия пребывания в тюрьме резко ухудшились: вместо четырех продуктовых передач в месяц разрешили только одну, а затем — одну в полгода. Эти ограничения явились результатом растущей в стране преступности, вызванной прежде всего ухудшением экономического положения. В сентябре 1961 года, накануне XXII съезда партии, раскрывшего новые подробности сталинских преступлений, во Владимирской тюрьме тайно судили и расстреляли 10 человек — организаторов и участников голодного бунта в небольшом городе Муроме.

Свидания с родными сократили с одного в месяц до одного в полгода, но, тем не менее, каждый день я получал прошедшие цензуру письма от жены. В тюремной администрации тоже произошли изменения — вместо прежних дружески настроенных людей появились новые, совсем незнакомые нам. В 1962 году я перенес обширный инфаркт. Вскоре из-за ремонта в тюрьме нас, высокопоставленных сотрудников НКВД, поместили в одну камеру. Споры и конфликты возникали разве только за игрой в шахматы, но я никогда не принимал в них участия. Однако порой трудно было сдерживать эмоции — не выдерживали нервы. Однажды Людвигов сказал, что не может себе представить Берию таким злодеем. На это Эйтингон саркастически заметил: «Да уж... Вы же возносили его и называли своих детей Лаврентиями». Остальные криво улыбнулись.

Обычно Эйтингон и я, не вмешиваясь, слушали их откровения о внутренних дрязгах в Политбюро при Сталине, Берию, Маленкове и Хрущеве. Мы тактично не напоминали им, что под давлением следователей все они признали себя виновными в «неразоблачении Берию как врага народа».

Стремясь привлечь внимание к нашим ходатайствам о реабилитации, мы с Эйтингоном написали Хрущеву письмо, в котором содержались оперативные предложения по противодействию только что организованному президентом Кеннеди диверсионным соединениям особого назначения — «зеленым беретам». Наше письмо получило одобрительную оценку Шелепина, секретаря ЦК КПСС, курировавшего вопросы госбезопасности и деятельность разведки. С письмом ознакомился генерал Фадейкин, мой преемник на посту начальника службы диверсионных операций за границей в 1-м главном управлении КГБ. Он прислал майора Васильева во Владимир обсудить с нами организационные детали, и тот привез нам в подарок два килограмма сахара. Вот так наша инициатива привела к рождению в КГБ спецназа. Был создан учебно-диверсионный центр, подчиненный 1-му главному управлению. Позднее его сотрудники в составе группы «Альфа» штурмовали в 1979 году дворец Амина в Кабуле.

Вдохновленные успехом нашего письма и моральной поддержкой КГБ, мы с Эйтингоном послали новое предложение Хрущеву о возобновлении контактов с

лидером курдов Барзани, чтобы использовать его против иракского диктатора генерала Касема, который начал выходить из-под советского влияния. После этого нас посетил полковник Шевченко, начальник Владимирского областного управления КГБ, и сообщил, что руководство использует наше предложение. На этот раз в виде награды мы получили право на одну продовольственную передачу не через шесть месяцев, а через три.

Шевченко разрешил нам, и это было очень важно, впервые встретиться с адвокатом Евгением Зориным, старым знакомым моей жены, с которым она работала в Одесском ГПУ в 20-х годах.

Зорин был первым адвокатом, который увидел приговоры, вынесенные Военной коллегией мне и Эйтингону. На них стоял гриф «совершенно секретно». По мнению Зорина, мое дело было безнадежным, если только его не пересмотрят на высшем уровне. Но Зорин видел некоторую возможность изменить приговор Эйтингону, потому что тот находился в тюрьме в течение полутора лет при Сталине. Кстати, Райхман пробыл в тюрьме половину срока, так как полтора года были ему засчитаны. Зорин полагал, что в случае с Эйтингонем допущена техническая ошибка по незачету этих полутора лет, — и подал ходатайство непосредственно в Военную коллегию. Он надеялся, что, поскольку председательствовавший тогда на заседании Костромин уже умер, никто не будет поставлен в неловкое положение, признав, что в свое время была допущена ошибка. Апелляция Зорина была отклонена, но тут весьма успешно вмешалась Зоя Зарубина и добилась у председателя Военной коллегии генерал-лейтенанта Борисоглебского положительного решения по делу Эйтингона.

В декабре 1963 года Военная коллегия Верховного суда определила, что срок лишения свободы Эйтингона должен включать полтора года, проведенные им в тюрьме еще до смерти Сталина. Таким образом, общий срок его заключения сократился. Незадолго до того Эйтингон чуть не умер от опухоли в кишечнике. Используя свои связи, Зоя и сестра Эйтингона, известный кардиолог, добились разрешения, чтобы в тюремную больницу пустили ведущего хирурга-онколога Минца. Он-то и спас Эйтингона, сделав ему блестящую операцию.

Перед операцией Эйтингон написал Хрущеву — это было его прощальное письмо партии. К тому времени Меркадер получил Золотую Звезду Героя Советского Союза за ликвидацию Троцкого. (Спустя 30 лет, просматривая по моей подсказке архивы, генерал Волкогонов обнаружил это письмо Эйтингона.)

«С этим письмом я обращаюсь к Вам после того, как я уже более 10 лет провел в тюремном заключении, и весьма возможно, что это последнее письмо, с которым я обращаюсь в ЦК КПСС. Дело в том, что пребывание в тюрьме окончательно подорвало мое здоровье, и в ближайшие дни мне предстоит тяжелая операция в связи с тем, что у меня обнаружена опухоль в области кишечника. Хотя врачи пытаются подбодрить меня, но для меня совершенно ясно, что даже если опухоль окажется не злокачественной, то, принимая во внимание долготнее пребывание в тюрьме, ослабевший в связи с этим организм, его слабую сопротивляемость и большой возраст — мне 64 года, вряд ли исход операции будет для меня благополучным. В связи с этим вполне естественно мое желание обратиться в ЦК

партии, той партии, в которую я вступил в дни моей молодости в 1919 году, которая меня воспитала, за идеи которой я боролся всю свою жизнь, которой я был и остаюсь преданным до последнего своего вздоха. И если последние 10 лет меня оторвали от партии и на меня обрушилось самое большое горе, которое может быть у коммуниста, в том нет моей вины. За что меня осудили? Я ни в чем перед партией и Советской властью не виноват. Всю свою сознательную жизнь, по указанию партии, я провел в самой активной борьбе с врагами нашей партии и Советского государства. В начале 1920 г. Гомельским Губкомом РКП(б) я был направлен для работы в Особый отдел Губ. ЧК. С этих пор по день ареста я работал в органах госбезопасности. Работой моей в органах партия была довольна. Это можно заключить из того, что вскоре после моего направления в ЧК Губком РКП(б) меня выдвинул и назначил членом коллегии и заместителем председателя Гомельского губ. ЧК. Через год — полтора, по указанию ЦК РКП(б), я был переброшен на ту же должность в Башкирскую ЧК в связи с тяжелой обстановкой, которая тогда сложилась в Башкирии. И работой моей в Башкирии были довольны в Москве. После того, как обстановка в Башкирии нормализовалась, меня перевели в Центральный аппарат, в котором я работал до моего ареста. По личному указанию Ф. Э. Дзержинского я был направлен на учебу в Военную академию (ныне Академия имени Фрунзе). После окончания факультета академии, в 1925 г., я был направлен на работу в разведку. И с тех пор до начала Отечественной войны находился за пределами страны на работе в качестве нелегального резидента в Китае, Греции, Франции, Иране, США. В 1938–1939 гг. руководил легальной резидентурой НКВД в Испании. Этой работой ЦК был доволен. После ликвидации Троцкого в особом порядке мне было официально объявлено от имени инстанции, что проведенной мною работой довольны, что меня никогда не забудут, равно как и людей, участвовавших в этом деле. Меня наградили тогда орденом Ленина, а «Андрея» — орденом Красного Знамени... Но это только часть работы, которая делалась по указанию партии, в борьбе с врагами революции....

Следствие по моему делу ввело в заблуждение ЦК, личных заданий б. наркома никогда и ни в одном случае не выполнял. Что касается работы, то она проходила с участием сотен и тысяч людей. О ней докладывали и с ней знакомили таких тогда людей, как Маленков, Щербаков, Попов, а также в ЦК ВЛКСМ Михайлов и Шелепин, которые направляли на работу людей, обеспечивали техникой. Работой нашей ЦК был доволен. Я и «Андрей» были награждены орденом Суворова...

И вот от одного липового дела к другому, от одной тюрьмы в другую, в течение более 10 лет я влачу свое бесцельное существование, потерял последние силы и здоровье. И совершенно непонятно, кому нужно было и во имя чего довести меня до такого состояния. А ведь я мог бы еще работать добрый десяток лет и принести пользу партии и стране, если не в органах госбезопасности, то на другом участке коммунистического строительства. Ведь у меня накоплен огромный опыт борьбы со всяческими врагами партии...

Кому это нужно, что мы сидим и мучаемся в тюрьме? Партии? ЦК? Я уверен, что нет. Больше того, я уверен, что все послания, с которыми мы обращались к Вам, никогда до Вас не доходили. Вы, который так страстно выступали и боролись с извращениями в карательной политике и который является противником всяких

конъюнктурных дел, если бы знали, никогда не допустили, чтобы невинные люди были доведены до такого состояния. Я уверен, что если бы Вы об этом узнали, Вы бы давно положили конец нашим мучениям...

Обещание ЦК всегда остается обещанием ЦК... Я считаю себя вправе обратиться к Вам по этому вопросу, напомнить Вам о нем и попросить его реализовать, выволить из тюрьмы невинно осужденного «Андрея», а также тов. Артура, находящегося в заключении на Тайване.

Выражая возмущение поведением пекинских руководителей, вношу три конкретных предложения по дестабилизации обстановки в Синьцзяне, Маньчжурии, Кантоне, с использованием бывшей агентуры спецслужбы разведки ЦК ВКП(б), которые, возможно, будут полезны...

Прошу извинить за то, что я Вас побеспокоил. Разрешите пожелать Вам всего наилучшего. Да здравствует наша ленинская партия! Да здравствует коммунизм! Прощайте!..»

В тюрьме меня навесил полковник Иващенко, заместитель начальника следственного отдела КГБ, который приехал ввиду предполагавшейся амнистии одного из заключенных, талантливого математика Пименова. Иващенко, которого я знал по прежней работе, рассказал, что хотя шансов на пересмотр наших дел нынешним руководством и нет, но можно определенно утверждать: как только кончится срок заключения по судебному решению, нас выпустят. Сталинской практике держать важных свидетелей в тюрьме всю жизнь или уничтожать, казалось, пришел конец.

Первым подтверждением этого стало освобождение академика Шария — его срок кончился 26 июня 1963 года. Он был арестован в тот же день, что и Берия. Мы договорились, что он, если его выпустят, свяжется с семьей Эйтингона или моей и произнесет фразу: «Я собираюсь начать новую жизнь».

В нетерпении мы ждали от него сигнала. Несмотря на все уверения, мы все же сомневались, что его выпустят и позволят вернуться домой, в Тбилиси. Через две недели от жены поступило подтверждение — профессор Шарил нанес ей короткий визит. Она помнила его еще по школе НКВД, тогда это был представительный, уверенный в себе профессор философии. Теперь она увидела глубокого старика. Однако Шарил оставался до конца своих дней в здравом уме и твердой памяти и занимался философией в Грузинской Академии наук. Умер он в 1983 году.

В 1964-м освободили Эйтингона, и он начал работать старшим редактором в Издательстве иностранной литературы. После отставки Хрущева был освобожден Людвигов. Он устроился на работу в инспекцию Центрального статистического управления. Жена надеялась, что и меня тоже досрочно освободят, но ее просьба была немедленно отклонена.

Ко мне в камеру перевели Мамулова. До того как нас арестовали, мы жили в одном доме и наши дети вместе играли, так что нам было о чем поговорить. Между тем Эйтингон снова становился нежелательным свидетелем — на сей раз для Брежнева, не хотевшего напоминаний о старых делах. Ему явно не понравилось, когда во время празднования 20-й годовщины Победы над Германией он получил

петицию за подписью 24-х ветеранов НКВД— КГБ, в том числе Рудольфа Абеля (пять из них были Героями Советского Союза), с просьбой пересмотреть мое дело и дело Эйтингона. Новые люди, окружавшие Брежнева, полагались на справку Генерального прокурора Руденко по моему делу. В ней утверждалось, что, являясь начальником Особой группы НКВД, учрежденной Берией и состоявшей из наиболее верных ему людей, я организовывал террористические акции против его личных врагов. Все подписавшие петицию выразили протест, заявили, что и они были сотрудниками Особой группы, но никоим образом не принадлежали к числу доверенных лиц Берии. Они требовали, чтобы для подтверждения обвинительного заключения и приговора были приведены конкретные примеры преступлений и террористических актов. Беседа ветеранов в ЦК закончилась безрезультатно, но накануне XXIII съезда партии они подали новое заявление и прямо обвинили прокурора Руденко в фальсификации судебного дела, моего и Эйтингона. К ним присоединились бывшие коминтерновцы и зарубежные коммунисты, находившиеся в годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах.

Давление на «инстанции» все нарастало. Бывший министр обороны Болгарии, служивший, под началом Эйтингона в Китае в 20-х годах, от нашего имени обратился к Суслову, но тот пришел в неопишемую ярость.

— Эти дела решены Центральным Комитетом раз и навсегда. Это целиком наше внутреннее дело, — заявил ему Суслов, отвечавший в Политбюро за внешнюю политику, а также за кадры госбезопасности и разведки.

В Президиуме Верховного Совета СССР был подготовлен проект Указа о моем досрочном освобождении после того, как я перенес уже второй инфаркт и ослеп на левый глаз, но 19 декабря 1966 года Подгорный, Председатель Президиума Верховного Совета, отклонил это представление. Я оставался в тюрьме еще полтора года.

Лишь в 1992 году мне передали копии архивных материалов по этой странице в моей жизни. Даже меня, умудренного жизненным опытом и, как говорится, видавшего виды, поразили следующие слова из справки по моему делу: «Комиссия КГБ, КПК при ЦК КПСС, Прокуратуры, ознакомившись и изучив материалы по Судоплатову П. А., ввиду исключительного характера дела, своего мнения по нему не высказывает, вносит вопрос на рассмотрение руководства Президиума ЦК КПСС и Верховного Совета СССР».

Мой младший сын Анатолий, аспирант кафедры политической экономики, как член партии ходил в ЦК КПСС и Верховный Совет хлопотать о моем деле. Вначале мелкие чиновники отказывались принимать его всерьез, но он показал им извещение Президиума Верховного Совета СССР, подписанное начальником секретариата Подгорного, и потребовал, чтобы его принял кто-нибудь из ответственных сотрудников.

Анатолий был тверд, но разумен в своих требованиях. Он ссылаясь на мое дело в Комитете партийного контроля и мнение теперь уже начальника секретариата этого комитета Климова, который подтвердил ему мою невиновность и разрешил на него ссылаться. Работники ЦК партии направили сына в Президиум Верховного

Совета, где его принял заведующий приемной Скляр. Анатолий объяснил этому седовласому, спокойному человеку, обладавшему большим опытом партийной работы, суть моего дела. Анатолию было всего 23 года, и он только что получил партийный билет.

— Как член партии, — обратился он к Склярову, — я прошу вас ясно и искренне ответить: как может высшее руководство игнорировать доказательства невиновности человека, посвятившего всю свою жизнь партии и государству. Как может Президиум игнорировать просьбу Героев Советского Союза о реабилитации моего отца?

Больше всего смутил Склярова вопрос Анатолия, почему Верховный Совет в своем отказе сослался на прошение его матери, которая его не подавала, вместо того чтобы правильно указать, что это было ходатайство прокуратуры, КГБ и Верховного суда.

Скляр внимательно посмотрел на Анатолия и сказал:

— Я знаю, что твой отец честный человек. Я помню его по комсомольской работе в Харькове. Но решение по его делу принято «наверху». Оно окончательное. Никто не будет его пересматривать. Что касается тебя, то ты слишком много знаешь о делах, о которых тебе лучше бы вообще ничего не знать. Заверяю тебя, никто не будет вмешиваться в твою научную карьеру, если ты будешь вести себя разумно. Твой отец выйдет из тюрьмы через полтора года, по окончании срока. Подумай, как ты можешь помочь своей семье. Желаю тебе в этом успеха.

Анатолий подавил подступавший к горлу ком и глубоко вздохнул. Он понял, что ему нужно будет скрывать свои чувства, как и всей его семье, по отношению к Брежневу и его окружению. Жена, выйдя из больницы, была очень озабочена, как бы поход Анатолия по «инстанциям» не вызвал серьезных неприятностей. Поэтому она стала обучать сына элементарным приемам конспирации. Он узнал, как определить, установлена ли за ним слежка, прослушивается ли телефон, как выявить осведомителей в своем окружении, какие возможные подходы могут быть использованы для его агентурной разработки. Это оказалось для него весьма полезным, чтобы не вступать в опасные политические дискуссии и держаться в стороне от кругов, критически настроенных по отношению к режиму. Жена предупредила Анатолия, чтобы он никогда не встречался с иностранцами без свидетелей, и только в качестве официального лица.

21 августа 1968 года, в день вторжения войск Варшавского Договора в Чехословакию, я вышел на свободу. В Москву меня привез свояк. Мне выдали мои швейцарские часы-хронометр (они все еще ходили) и на 80 тысяч рублей облигаций государственного займа. В 1975 году я получил по ним деньги, сумма была солидной — 8 тысяч рублей.

Когда я вернулся из тюрьмы, наша квартира заполнилась родственниками. Мне все казалось сном. Свобода — это такая радость, но я с трудом мог спать — привык, чтобы всю ночь горел свет. Ходил по квартире и держал руки за спиной, как требовалось во время прогулок в тюремном дворе. Перейти улицу... Это уже была целая проблема, ведь после 15 лет пребывания в тесной камере открывавшееся

пространство казалось огромным и опасным.

Вскоре пришли проведать меня и старые друзья — Зоя Рыбкина, Раиса Соболев, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, Эйтингон. Пришли выразить свое уважение даже люди, с которыми я не был особенно близок: Ильин, Василевский, Семенов и Фитин. Они сразу предложили мне работу переводчика с немецкого, польского и украинского. Я подписал два договора с издательством «Детская литература» на перевод повестей с немецкого и украинского, Ильин, как оргсекретарь московского отделения Союза писателей, и Ирина Гуро помогли мне вступить в секцию переводчиков при Литфонде. После публикации моих переводов и трех книг я получил право на пенсию как литератор — 130 рублей в месяц. Это была самая высокая гражданская пенсия.

После месяца свободы я перенес еще один инфаркт, но поправился, проведя два месяца в Институте кардиологии. Жена возражала против новых обращений о реабилитации, считая, что не стоит привлекать к себе внимание. Она боялась, что беседы с прокурорами и партийными чиновниками могут привести к новому, фатальному инфаркту. Свои прошения я печатал тайком, когда она ходила за покупками, и направлял их Андропову, главе КГБ, и в Комитет партийного контроля. Мне позвонили из КГБ и весьма любезно посоветовали, где найти документы, чтобы ускорить рассмотрение моего дела, но само это дело было не в их компетенции. КГБ, со своей стороны, гарантировал, что меня не выселят из Москвы, несмотря на то, что формально я оставался опасным преступником и имел ограничение на прописку. Если бы не его помощь, я оказался бы автоматически под наблюдением милиции, меня могли выселить из Москвы. У пришедшего с проверкой участкового округлились глаза, когда я предъявил новый паспорт, выданный Главным управлением милиции МВД СССР.

В 70-х годах я много занимался литературной работой. Гонорары за переводы и книги (я писал под псевдонимом Анатолий Андреев в содружестве с Ириной Гуро) служили подспорьем к пенсии и позволяли жить вполне сносно. Всего я перевел, написал и отредактировал 14 книг. Среди них было четыре сборника воспоминаний партизан, воевавших в годы войны под моим командованием. Время от времени я встречал своих друзей в фотостудии Гесельберга на Кузнецком мосту, недалеко от центрального здания Лубянки. Его студия была хорошо известна своими замечательными работами. Гесельберг был гостеприимным хозяином: в задней комнате его ателье нередко собирались Эйтингон, Райхман, Фитин, Абель, Молодой и другие еще служившие сотрудники, чтобы поговорить и пропустить по рюмочке. Жена резко возражала против моих походов в студию Гесельберга.

Поддерживавший меня Абель жаловался, что его используют в качестве музейного экспоната и не дают настоящей работы. То же самое говорил и Конон Молодой, известный как Гордон Лонсдейл, которого мне не приходилось встречать раньше. Эйтингон и Райхман смотрели на меня с неодобрением, когда я отмалчивался, слушая их критические выпады против Брежнева и руководства КГБ, или незаметно выскальзывал из комнаты.

Конечно, те времена сильно отличались от сталинских, но мне было трудно поверить, что полковники КГБ, все еще находившиеся на службе, могли запросто

встречаться для дружеского застолья и открыто поносить брежневское руководство, нравы в КГБ.

Абель рассказал мне историю своего ареста, когда он попытался забрать 30 тысяч долларов, спрятанных на явочной квартире в Бруклине, так как ему надо было отчитаться за них перед Центром. Мы оба решили, что было неразумно возвращаться за деньгами: после того как его арестовало ФБР, оплата адвокатов во время процесса стоила куда больше. Но он боялся, что если не вернет деньги, то его заподозрят в том, что он их присвоил.

Лонсдейл (кодовое имя «Бен») был не меньше Абеля возмущен тем, что Центр связал его с агентом, работавшим в странах восточного блока под дипломатическим прикрытием. Это являлось нарушением элементарных правил конспирации, запрещавших нелегалу-резиденту вступать в прямой контакт с лицами, которые в силу длительного пребывания в странах Варшавского Договора автоматически находились в сфере постоянного наблюдения контрразведки своей страны. Впрочем, наши встречи и жалобы на несправедливости судьбы кончились в 1980 году, когда студия Гесельберга была снесена и на этом месте появилось новое здание КГБ.

Литературная работа приобретала для меня все большее значение, она позволила мне адаптироваться в обществе. Роман о Косиоре «Горизонты», написанный вместе с Ириной Гуро и отредактированный женой, получил хороший отзыв в «Правде». Книга выдержала несколько изданий и принесла нам приличный доход. Более важными я считал свои публикации о годах войны. В «Правде» и других центральных газетах они также получили хорошую оценку. В одной рецензии подчеркивалось, что Особая группа НКВД сыграла огромную роль в организации партизанского движения во время войны.

В 1976 году я возобновил свои ходатайства о реабилитации. Я писал, что если «Правда» как орган ЦК признала героические действия Особой группы, то она не может быть бериевской террористической организацией, как это представлено в моем уголовном деле.

Друзья и знакомые — Гесельберг, Фитин, Студников, Зарубин и Василевский ушли из жизни. В 1976 году мы с Эйтингоном обратились к Меркадеру и Долорес Ибаррури с просьбой поддержать наше ходатайство о реабилитации перед Андроповым и Комитетом партийного контроля, указав на моральную ответственность партии за допущенную по отношению к нам несправедливость. Андропов и Пельше, который возглавлял тогда Комитет партийного контроля, дали в 1977 году заключение по нашим делам, где отметили, что доказательств нашей причастности к преступлениям Берии нет. К этому времени, через 15 лет после смерти в тюрьме во время допроса, Серебрянского реабилитировали. Для этого достаточно было постановления военного прокурора. Наши дела с заключением Пельше и Андропова и справкой Климова, заместителя главного военного прокурора Батурина и начальника следственного отдела КГБ Волкова должны были докладывать на Политбюро. Однако Суслов решительно воспротивился этому, а в Комитете партийного контроля и КГБ никто не захотел из-за нас конфликтовать с ним и Руденко.

По распоряжению Пельше, ради утешения, что ли, Эйтингон и я получили право пользоваться кремлевской поликлиникой и больницей, а также госпиталем КГБ.

В августе 1977 года по поручению Пельше нас принял его первый заместитель Густов. Он сказал, что рад приветствовать героических офицеров разведки, но, к сожалению, в настоящее время наши дела не могут быть решены положительно. Нам придется подождать, придет время и для их пересмотра.

В 1978 году на Кубе скончался Рамон Меркадер, работавший там по приглашению Фиделя Кастро советником в министерстве внутренних дел. Его тело было тайно переправлено в Москву. В тот момент я с женой находился в санатории. Эйтингона тоже не уведомили о похоронах, которые КГБ трусливо старался провести без нашего участия и лишней огласки. Однако вдова Меркадера Рокелия Мендоса подняла шум, позвонила Эйтингону, и он проводил Меркадера в последний путь.

В 1981 году, как раз после очередного съезда партии, к которому мы тоже обращались с письмом, но не получили ответа, Эйтингон скончался в кремлевской клинике от язвы желудка. Все 80-е годы, особенно перед смертью Брежнева, я продолжал бомбардировать ЦК своими заявлениями. Последние свидетели, которые к тому времени еще были живы, поддерживали мои усилия добиться реабилитации в 1984, 1985 и 1988 годах, обращаясь к Черненко, а затем к Горбачеву и Александру Яковлеву, ссылаясь на заключение Андропова и Пельше о моей невиновности. Эти прошения редактировал Складов, все еще остававшийся заведующим приемной Верховного Совета СССР: опытный функционер, он знал, как представить материал, чтобы получить одобрение наверху. Генеральные секретари партии приходили и уходили, а Складов по-прежнему оставался на своем месте.

Дело политической конъюнктуры

В 1984 году, как сказал мне Климов, было готово положительное решение, но Черненко умер, а ответа от Горбачева или Соломенцева, председателя Комитета партийного контроля, который затем стал председателем Специальной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, все не было. Отец моей невестки, заместитель министра угольной промышленности, был в дружеских отношениях с Соломенцевым, и я попросил его добиться благоприятного решения. Соломенцев доложил о моем деле Горбачеву, но тот отказал.

Иоган Штайнер, заместитель генерального секретаря австрийской коммунистической партии и бывший нелегал Особой группы НКВД, потребовал в 1988 году, чтобы его имя, как и имена других видных коммунистов, было очищено от клеветнических обвинений, содержащихся в деле Судоплатова. Его вежливо выслушали, но ничего не сделали. В 1988 году меня пригласили в прокуратуру, где сказали, что мое дело пересматриваться не будет, и вручили официальный ответ, подписанный Генеральным прокурором Рекунковым. В этом документе была допущена серьезная ошибка; в нем говорилось, что я осужден как пособник и Бери, и Абакумова, хотя в моем обвинительном заключении упоминания об Абакумове вообще не было.

В 1986 году жене исполнился 81 год, и ее здоровье резко ухудшилось. Поначалу казалось, что она просто ослабла по сравнению с тем, какой была всегда, но скоро мы узнали, что у нее болезнь Паркинсона. Как ветеран, она имела право на лечение в госпитале КГБ. Первый заместитель председателя КГБ Бобков помог мне получить разрешение находиться в больничной палате вместе с женой. Два последних месяца я оставался с ней рядом, с болью замечая, как жизнь медленно покидает ее. Она умерла в сентябре 1988 года, и ее прах покоится в стене кладбища Донского монастыря. Рядом покоится прах Григулевича, Эйтингона и Абея. Ирина Гуро — Раиса Соболев тоже умерла. Зоя Рыбкина после смерти моей жены прожила три года.

Из узкого круга друзей нас осталось только трое, переживших славные, но трагические времена, вошедшие в историю нашей страны, — Зоя Зарубина, Анна Цуканова и я. Как ветераны разведки Зоя и я получаем 9 мая приглашения на торжества по случаю Дня Победы вместе со своими детьми и внуками в клубе КГБ и на стадионе «Динамо». Анна и я стареем, и все труднее становится встречаться, и мы общаемся в основном по телефону. Зоя по-прежнему занята общественной деятельностью и выступает с лекциями. Побывала в Австралии, недавно была приглашена в Потсдам и Ялту в связи с 50-летием проведения там конференций руководителей антигитлеровской коалиции.

После смерти жены здоровье мое ухудшилось, и тогда сын Анатолий обратился к Крючкову, в то время первому заместителю председателя КГБ, с просьбой о моей госпитализации. Такое разрешение было дано. После госпиталя в течение двух месяцев я проходил курс лечения в санатории ЦК партии. Высшее руководство в середине 80-х годов занимало по отношению ко мне двойственную позицию. С одной стороны, считая, что мое дело, видимо, сфабриковано, меня приглашали в

институт имени Ю. Андропова с лекциями по истории разведки. Я рассказывал, как мы использовали пацифистские взгляды Оппенгеймера, Ферми и симпатии к Советскому Союзу Сциларда и Бора для получения информации по атомной бомбе. Кстати, присутствовавший тогда Яцков не оспаривал мои слова. Я принимал участие в конференции КГБ по изучению истории разведывательных операций в Германии, проводившейся в Ясенева, штаб-квартире внешней разведки. В 1986 году, в канун встречи Горбачева с президентом Рейганом в Рейкьявике, я направил в КГБ памятную записку, в которой изложил наш опыт обслуживания Ялтинской конференции.

Все это так. Но, с другой стороны, я все еще не был реабилитирован.

Гласность набирала силу, и сын решил нанять адвоката, который бы занялся моим делом. Это шокировало Комитет партийного контроля и прокуратуру. Адвокат составил письмо, обвиняя прокуратуру в обмане, и сослался на фактическую ошибку в ответе прокуратуры. Он потребовал разрешения ознакомиться со всеми материалами дела, но ему было отказано.

Для нового секретаря ЦК КПСС Фалина, отвечавшего за вопросы внешней политики, я подготовил справку по истории германо-советских отношений в предвоенный период. Другая моя записка касалась проведения национальной политики, включая украинскую и еврейскую проблемы. Он поблагодарил за эти материалы, но не оказал сколько-нибудь существенной поддержки мне в реабилитационных делах.

Горбачева между тем интересовало, как готовились и передавались приказы по уничтожению людей и способы их ликвидации. Меня посетил в связи с этим генерал майор Шадрин, отвечавший в КГБ за выполнение специальных поручений, но я отклонил его просьбу описать, как выполнялись подобные задания. Я объяснил, что полные отчеты об этом хранятся в архивах ЦК партии, и указал, что лично я подготовил два написанных от руки отчета об операциях в Мехико и Роттердаме, за которые отвечал. Другие отчеты писались от руки высшими должностными лицами, непосредственно занимавшимися этими операциями, — Огольцовым, Савченко, Цанавой и Абакумовым, или Молотовым и Вышинским, когда они возглавляли Комитет информации. Для Шадрина было новостью, что военная разведка в 1930–1950 годах также ликвидировала агентов-двойников и перебежчиков, этим занималась специальная группа. Я посоветовал ему проконсультироваться по этим вопросам с КПК. Полагаю, он проинформировал о нашей встрече свое руководство.

По иронии судьбы, в то время как я подавал ходатайства о реабилитации, Горбачев получил своеобразное послание, подписанное тремя генералами, принимавшими участие в аресте Берии. Они потребовали от Горбачева в апреле 1985 года присвоения звания Героя Советского Союза, которое было им в свое время обещано за проведение секретной и рискованной операции. 19 апреля 1985 года секретарь ЦК КПСС Капитонов направил это письмо Горбачеву. Таким образом, когда председатель Комитета партийного контроля Соломенцев готовил дело о моей реабилитации, генералы требовали себе наград. Горбачев отклонил оба ходатайства — и мое, и генеральское. Генералам напомнили: 28 января 1954 года они уже получили за эту операцию по ордену Красного Знамени, и Центральный Комитет не

счел целесообразным возвращаться вновь к этому вопросу.

В 1990 году я узнал от высокопоставленного сотрудника КГБ: Горбачев недоволен тем, что процесс демократизации выходит из-под контроля. Осенью этого года КГБ и вооруженные силы получили приказ подготовить план о введении военного положения. В это же время вдвое увеличили жалование всем военнослужащим.

Существенную моральную поддержку я получил от генерал-майоров КГБ Кеворкова и Губернаторова. Они воспользовались назначением бывшего начальника идеологического управления КГБ генерала Абрамова заместителем Генерального прокурора СССР, чтобы у него в кабинете изучить мое дело. По их словам, четыре тома дела содержали слухи, а никак не конкретные свидетельства против меня. Что было еще важнее, они обнаружили записку Политбюро с проектом решения: принять предложение Комитета партийного контроля и КГБ о реабилитации Судоплатова и Эйтингона по вновь открывшимся обстоятельствам и ввиду отсутствия доказательств их причастности к преступлениям Берии и его группы, а также принимая во внимание вклад в победу над фашизмом и в решение атомной проблемы.

Это придало мне уверенности. Мое новое заявление о реабилитации было поддержано не только КГБ, но и высокопоставленными лицами в аппарате ЦК партии. Гласность дала мне возможность использовать прессу. Я написал письмо в комиссию Александра Яковлева по реабилитации жертв политических репрессий, в котором заявил, что сообщу прессе: правда о реальном механизме репрессий скрывается до сих пор. В другом письме — Крючкову — я просил передать в прокуратуру копии документов о моей разведработе и назвал номера приказов (их мне подсказали мои друзья в КГБ) о задачах подразделений, которыми я руководил. Это могло установить, что мое дело сфальсифицировано.

КГБ отреагировал незамедлительно. Заместитель начальника Управления кадров уведомил меня, что все документы, перечисленные в моем письме, заверены в КГБ и направлены в прокуратуру с рекомендацией проанализировать и рассматривать как новые материалы в моем деле. Меня пригласили в Военную прокуратуру, где сообщили, что мое дело будет пересмотрено. Они также перепроверили дело Абакумова и его группы. Новое расследование заняло год.

И тут начали происходить странные вещи. Дело Берии было изъято из прокуратуры и передано в секретариат Горбачева. Затем некоторые документы исчезли. Вскоре после этого в газете «Московские новости» появилась статья с нападками на меня, в которой приводились цитаты из обвинительного заключения по делу Берии и утверждалось, что по моим указаниям на конспиративных квартирах в Москве и других городах организовывали тайные убийства людей с помощью ядов. Меня обвиняли как соучастника Берии, не упоминая о моей работе в разведке. Газета просила читателей присылать любую информацию, связанную с Судоплатовым, так как в деле Берии нет фактов и конкретных имен его жертв. Реакции читателей не последовало. В редакционном примечании к статье Егор Яковлев, редактор «Московских новостей», писал, что необходим закон о контроле за оперативной работой спецслужб и в особенности токсикологических

лабораторий, занимающихся ядами, как в ЦРУ, так и в КГБ.

Эти примечания были сделаны в ответ на заявление генерала Калугина о том, что подобная лаборатория все еще существует в КГБ, а ЦРУ испытывает токсичные препараты на американских гражданах.

В октябре 1990 года «Московские новости» поместили статью, в которой говорилось, что Майрановский был жертвой сталинских репрессий и, скорее всего, сам оклеветал себя во время допросов. По словам автора статьи, он имел высокую репутацию среди московских ученых. Статья также содержала суровую критику того, как велось дело Берии — «в лучших сталинских традициях», без конкретных доказательств. Таким образом, хотя и косвенно, ставились под сомнение и обвинения, выдвинутые в связи с делом Берии, против меня и Эйтингона.

Я понял, что вопрос о моей реабилитации будет тянуться до бесконечности, поскольку никто из находившихся у власти не хотел обнародования правды, которая скомпрометировала бы либеральную политику Хрущева. А реформаторы пытались использовать хрущевскую «оттепель» как модель перестройки. Уничтожение таких политических противников, как Троцкий и украинские националисты, по решению высших руководителей страны больше не обсуждалось в печати. Горбачев отмалчивался, он не мог себе позволить разоблачить Хрущева как пособника Сталина и организатора тайных политических убийств. Ведь тогда была бы запятнана историческая память XX съезде партии, на котором Хрущев выступил с разоблачением сталинских преступлений. Члены ЦК партии и многие делегаты съезда знали о его и своем собственном участии в сталинских преступлениях. Поэтому, если бы мое дело всплыло на поверхность, было бы разоблачено все партийное руководство при Хрущеве, использовавшее Берию и людей, которые работали под его началом, как козлов отпущения. Горбачевское руководство несло бы тогда ответственность за сокрытие вины своих наставников, которые привели их к власти.

Берия и его враги в руководстве страны исповедовали одну мораль. Я полностью согласен с писателем-публицистом Кириллом Столяровым, писавшим, что единственная разница между Берией и его соперниками только в количестве пролитой ими крови. Но, несмотря на свои преступления, Берия, Сталин, Молотов сумели преобразовать отсталую аграрную страну в мощную супердержаву, имеющую ракетно-ядерное оружие. Совершая такие же чудовищные преступления, Хрущев, Булганин и Маленков, однако, в гораздо меньшей степени способствовали созданию мощного потенциала СССР как великой державы. В отличие от Сталина они значительно ослабили государство в результате своей борьбы за власть. Горбачев и его помощники, в не меньшей степени руководствуясь собственными амбициями, привели великую державу к полному развалу. Горбачев и Александр Яковлев вели себя как типичные партийные вожди, прикрываясь демократическими лозунгами для укрепления своей власти. Как государственные деятели они оказались несостоятельны и питали иллюзии, будто могут перехитрить соперников (Ельцина, Лигачева, Рыжкова и других) и тем самым сохранить безраздельную власть в своих руках. Их достижения в области внутренней и внешней политики равны нулю. В 1989 году Горбачев в силу личной неприязни отстранил Эриха

Хонеккера от власти в Восточной Германии, чтобы «укрепить социализм», но так же, как в 1953 году, это привело к потрясениям, только в этот раз ГДР перестала существовать. Он и Шеварднадзе оказались неспособными добиться путем переговоров экономической компенсации со стороны Запада в обмен на вывод наших войск из Восточной Европы и сокращение стратегических вооружений.

Вообще, важная государственная работа в вопросах внутренней и внешней политики подменялась философскими рассуждениями «о целостности мира и развертывании демократии». Когда же обнаружилась невозможность отстоять интересы страны на международной арене в Восточной Европе, Горбачев, Шеварднадзе и Яковлев вдруг заговорили о том, что надо уважать свободный выбор народов Польши, Венгрии и Чехословакии, разочаровавшихся в выбранных методах строительства социализма.

В июне 1989 года на дачу Зои Рыбкиной в Переделкине, где я тогда находился, мне позвонил генерал-полковник Дмитрий Волкогонов, который писал биографии Сталина и Троцкого. Меня предупредил генерал Кеворков, что с этим человеком следует быть осторожным в своих откровениях, но я все же решил пойти на эту встречу, так как Волкогонов имел доступ к архивам и мог представить прошлое с его жестокостями и триумфами в истинном свете. Осторожно (ведь он занимал официальное положение и был в подчинении у ЦК и военного начальства), совершая, естественно, ошибки, Волкогонов, однако, открыл новую главу в изучении нашей истории. Он обещал поддержать мою просьбу о реабилитации. Во время нашей встречи 4 ноября 1989 года я предложил ему внести поправку в историю со Стаменовым, только что напечатанную в журнале «Октябрь». Волкогонов утверждал, что Сталин лично встречался со Стаменовым, а я знал — это неправда. Зондажем и распространением дезинформационных слухов среди дипломатов занимался я сам, чтобы выяснить степень готовности немцев пойти на мирное урегулирование отношений с нами в 1941 году. Но вот книга Волкогонова «Сталин: триумф и трагедия» вышла в свет, а этот эпизод остался без изменений. Волкогонов придерживался версии, что Сталин и Молотов планировали сепаратный мирный договор с немцами, подобный Брест-Литовскому, и в качестве источника информации ссылается на дискуссии в Политбюро.

Политбюро могло, конечно, обсуждать эту разведывательную информацию. Как я уже писал, моей задачей было запустить дезинформацию относительно возможного мира с Гитлером, используя Стаменова в качестве источника.

Я указал Волкогонову на материалы по делу Троцкого, хранившиеся в архивах КГБ и ЦК партии, — без меня он бы никогда не смог их найти. Даже имея доступ к сверхсекретным архивным папкам, найти тот или иной документ так же трудно, как иголку в стоге сена. К примеру, он не мог знать, что личный архив Троцкого, выкраденный в Париже в 1937 году, находился не там, где ему положено быть, а в Международном отделе ЦК партии и весьма активно использовался.

После неудавшейся попытки переворота в августе 1991 года происходило практически неконтролируемое расхищение секретных архивов компартии с целью использования и продажи их для фильмов, научно-исследовательских разработок и документальной литературы. Хотя Волкогонов отмечает в предисловии к своей

книге о Троцком оказанную мной помощь, упоминание моего имени и цитирование выдержек из наших с Эйтингоном обращений в ЦК КПСС о реабилитации со мной не согласовывались. Вот почему там впервые раскрыты мое настоящее и кодовое имя в связи с операцией против фашистской ОУН. Кстати, на основе этой и других такого же рода публикаций украинская прокуратура в 1992 году возбудил а. против меня уголовное дело. Лишь в 1994 году меня оставили в покое после того, как было установлено, что фашистская террористическая ОУН Коновальца — Бандеры официально провозгласила состояние войны с Советской Россией и СССР, продолжавшееся с 1919 по 1991 год.

Упомянув меня и Эйтингона в книге о Троцком и сообщая о нашей роли в партизанской войне против фашистской Германии и в решении атомной проблемы, Волкогонов, при всех своих минусах и ошибках, пытается объективно оценить нашу работу. Многие годы мое имя было неизвестно — его нельзя найти ни в описаниях героических дел в войне с Гитлером, ни в истории нашей разведки. Именно Волкогонов заронил мысль рассказать историю моей жизни и моего поколения. Историю, которая даст мне возможность сейчас попытаться расставить все по своим местам.

Гибель Советского государства, вопиющие публикации, перечеркивающие героическую историю моей Родины, стали мощным дополнительным побудительным мотивом взяться за перо и рассказать о трагических и героических событиях. Эти личные воспоминания должны заставить исследователей по-новому взглянуть на ряд эпизодов нашей и мировой истории, прекратить подтасовку фактов и архивных документов о наших внешнеполитических акциях.

Военная прокуратура по-новому подошла к моему делу и делу Эйтингона. Материалы доказывали, что мы не фабриковали фальшивых дел против «врагов народа». Официальные обвинения, что мы являлись пособниками Берии в совершении государственной измены, планировании и осуществлении террористических актов против правительства и личных врагов Берии, были опровергнуты документально.

После августовских событий 1991 года и распада СССР, незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил наши дела и заявил: если бы я не реабилитировал вас, архивные материалы показали бы, что я еще один соучастник сокрытия правды о тайных пружинах борьбы за власть в Кремле в 30—50-х годах. Он подвел черту в нашем деле и подписал постановление о реабилитации Эйтингона и меня.

После крушения КПСС моя реабилитация больше не являлась делом политической конъюнктуры, а стала всего лишь рядовым эпизодом в период распада Советского Союза. Военная юстиция не должна была больше испрашивать указаний высших руководителей страны, как ей вести мое дело. К власти пришло новое поколение. И хотя оно выросло при прежнем режиме, нынешние руководители не были замешаны в зверствах Сталина и Хрущева, бывших авторитарных правителей страны. Имя Хрущева, активно использовавшееся в начале перестройки, потеряло свою привлекательность.

Советский Союз, которому я был предан всей душой и за который был готов отдать жизнь, ради которого старался не замечать творившихся жестокостей, оправдывая их стремлением превратить страну из отсталой в передовую, во благо которого провел долгие месяцы вдали от Родины, дома, жены и детей — даже 15 лет тюремного заключения не убили моей преданности, — этот Советский Союз прекратил свое существование.

В сложной обстановке после распада СССР, порожденной отсутствием политической культуры, ненависть по отношению ко мне сохраняют только те, кто предпочел бы, чтобы люди, знающие действительные обстоятельства трагедии и героики прошлого, молча ушли из жизни. Они открыто стремятся присвоить себе монопольное право на трактовку событий нашего прошлого. Хотя большинство из них скомпрометировали себя тем, что в 1960–1990 годах сознательно преподносили обществу грубо сфальсифицированные объяснения мотивов и механизма сталинских репрессий и крупных событий в нашей внутренней и внешней политике.

Окончание войны до сих пор живет в моей памяти как грандиозное событие, разом смывшее все мои сомнения относительно мудрости руководства страны. Героические и трагические события минувшего, людские потери и даже массовые репрессии — все это казалось оправданным перед лицом Великой Победы над Гитлером.

Помню большой прием в Георгиевском зале Кремля, где я удостоился чести сидеть за одним столом с заместителем начальника Генштаба генералом Штеменко, начальником Разведывательного управления НКВД Фитиным, начальником Разведуправления Генштаба генералом Ильичевым, начальником армейской разведки генерал-полковником Кузнецовым. Помню, как Сталин подошел к нашему столу, приветствуя начальника штаба ВМФ адмирала Ивана Исакова, который потерял ногу во время немецкой бомбежки в 1942 году на Кавказе, и произнес тост в его честь. Исаков не мог выйти перед такой аудиторией на костылях, и нас всех до глубины души растрогал сталинский жест. Мы чувствовали себя его детьми и наследниками. Подчеркнутое внимание Сталина к молодым генералам и адмиралам показывало, что будущее страны он связывал с нашим поколением.